

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1946

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

1 (15)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1946 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
А. В. МИШУЛИН

АРХЕОЛОГИЯ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Археология в последние десятилетия начинает играть все более важную роль в системе исторических дисциплин, несмотря на то, что она прива лежит к числу наиболее молодых из них. Археология выросла в науку, без которой нельзя приступить к серьезному изучению прошлого народов, истории зарождения их государств. Археология перестает заниматься одним только кладоискательством и становится постепенно в ранг наук, занимающихся историческим исследованием. Длинен был путь археологии от простого собирательства до серьезной исторической дисциплины, и еще не завершен он и в наши дни.

Термин «археология» существовал уже в древности, но означал просто древнюю историю, как «Римская археология» Дионисия Галикарнасского, «Иудейская археология» Иосифа Флавия. Археология не могла развиваться в науку в условиях античности, так как кругозор древних ученых был ограничен примитивными представлениями о развитии природы и общества. Даже яркая картина истории природы и общества, которую набросал Лукреций в книге 5-й «*De rerum natura*», свидетельствует лишь о почти пророческой прозорливости этого гениального поэта и философа, но толчка к исследованию отдаленного прошлого она не дала.

Христианство, включившее красочную, но наивную библейскую мифологию в свое учение как обязательный предмет веры, надолго преградило путь развитию тех зачатков археологического исследования, какие были в античности. Представление, что мир существует всего несколько тысяч лет, делало лишними всякие археологические изыскания.

Особенно это сказалось на изучении первобытной истории человечества. Часто находимые первобытные орудия объявляли «громовыми стрелами» и им приписывали всякие чудодейственные свойства; а когда в 1715 г. был найден в Лондоне изготовленный, несомненно, человеческими руками кремневый топор вместе с костями ископаемых животных, его объявили орудием человека, жившего «до потопа». На констатировании факта, имевшего место «до потопа», дальнейшее исследование прекратилось. В 1723 г. Жюрье представил французской Академии исследование «О происхождении и применении громовых стрел», а год спустя Лафито опубликовал работу, доказывавшую сходство между «громовыми стрелами» и орудиями живущих еще на земле примитивных народов. Однако никто не решался делать отсюда вывод о глубокой древности человеческого рода. Монтескье, высказавший было подобное предположение в своих «*Lettres persanes*», во втором издании вычеркнул эту вольнодумную мысль, и даже основатель палеонтологии Кювье отрицал принадлежность ископаемых остатков человека к эпохе «до Адама». Только в 1847 г., с появлением труда Буше де-Перта «О кельтских допотопных древностях», зародилась археология первобытного общества.

Археологическое изучение исторически известных стран и государств не встречало таких препятствий, но и в этой области переход от изучения случайных находок к систематическим разысканиям датируется лишь началом XIX века. В 1811—1812 гг. были организованы впервые международные археологические экспедиции на остров Эгину и в Фигалию. С тех пор археология как наука развивается во все нарастающем темпе. Историческая наука получила в свое распоряжение огромное количество вещественных и эпиграфических памятников, необычайно расширивших круг источников, которыми располагали историки древности. Подлинный переворот совершила археология в изучении истории Древнего Востока, известной раньше лишь по скудным данным Библии и Геродота. Археология не только необычайно обогатила и по-новому раскрыла историю Египта и Двуречья, но открыла миру неведомые раньше общества и страны — общество хеттов, народы митанни, государство Урарту, царство Мари, крито-микенскую культуру, связывающую Восток с античным миром, древнейшие очаги культуры в Индии и Китае. Так археология постепенно вступала на путь научного исследования и своего формирования в качестве научной дисциплины.

В победном шествии археологии немалую роль сыграла русская археологическая наука. «Россия, — писал покойный академик С. А. Жебелев, — принимая во внимание крупные размеры ее территории, разнообразный этнический состав населения, многообразную смену культурных течений и влияний исторического существования, представляет самую благоприятную почву для археологического исследования как по богатству сохранившихся вещественных памятников, так и по разнообразию, а в некоторых случаях и исключительному научному значению»¹.

Собирание археологических материалов началось в России еще в XVIII веке. В Кунсткамере Петра I и особенно в учрежденном при Екатерине Эрмитаже стали создаваться археологические коллекции. В начале XIX века возникают археологические музеи в Николаеве (1806), Феодосии (1811), Одессе (1825), Керчи (1826). В середине XIX века археология в России вышла из стадии собирательства. Стали производиться систематические раскопки и изучение добытого материала. Археология превратилась из любительства в науку, и потребовалось ее организационное оформление. 2 февраля 1859 г. была создана Археологическая комиссия — организационный и научный центр археологической науки в России. Энергичную деятельность проявили и археологические общества, особенно Московское, основанное в 1864 г.

О размерах и значении археологических работ в России могут дать представление данные о публикациях археологических материалов и исследований. В 1849—1853 гг. в роскошном издании вышли шесть томов «Древностей Российского государства». В 1854 г. изданы на русском и французском языках «Древности Восточного Кавказа», вошедшие в фонд мировой науки наряду с лучшими образцами археологических исследований. Археологическая комиссия выпустила 46 томов «Отчетов» за 1859—1915 гг., 22 роскошных атласа к «Отчетам» за 1859—1888 гг., 37 томов «Материалов по археологии России» в 1866—1918 гг. и 66 томов «Известий Археологической комиссии». Кроме того, обширные публикации предпринимались на местах: «Записки Одесского общества истории и древности», «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» и многие другие. По отдельным разделам археологии России также были выпущены солидные монографии и обширные публикации памятников. В 1866 и 1873 гг. изданы «Древности геродотовой Ски-

¹ С. А. Жебелев, Введение в археологию, ч. I, стр. 98, Л., 1923.

фии» в двух томах, в 1889—1890 гг. — трехтомный труд «Русские древности в памятниках искусства».

В сферу археологического изучения был включен Кавказ. До 1916 г. вышло 14 выпусков монументального издания «Материалы по археологии Кавказа». Изучение древнейших культур Кавказа и Закавказья и их связей с восточными культурами Малой Азии и Двуречья выдвинуло крупнейших русских ученых — М. В. Никольского, Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, И. А. Орбели.

Развитие археологии выразилось не только в росте добываемого и изучаемого археологического материала, но и в росте самой археологии как науки. Из науки о «древностях» она превращается в подлинную историческую дисциплину. Теперь уже трудно установить грань между археологией и историей. Интерпретация археологических памятников становится подлинно историческим исследованием, а добываемый археологами материал, особенно эпиграфический и литературный, занимает все больше места в изучении истории древности. Мало того, археология выработала свои приемы и методы, при помощи которых она изучает и познает древнюю историю исчезнувших народов, воспроизводит не только их быт и технику, но и их общественные отношения и идеологию.

Самой передовой оказывается советская археология. Вооруженная марксистско-ленинской методологией, советская археология, добывая и изучая вещественные памятники далекой древности, стремится на их основе раскрыть «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а, следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений»¹. Археология становится, таким образом, важным фактором исторического познания.

Это значение советской археологии и ее достижения получили должную оценку и в западноевропейской науке. Так, виднейший английский археолог Гордон Чайльд пишет: «Археология станет более научной и вместе с тем более историчной, когда она сумеет исследовать не только то, откуда возникли данные общества или культуры, но и то, каким образом общество, отчасти уже охарактеризованное вещественными памятниками, развилось там, где мы его находим, т. е. что оно собою в действительности представляло. Наши советские коллеги в последнее время показали, как можно изучать доисторическое общество в действии и развитии»².

Достижения советской археологии, обобщение итогов ее развития, разработка нового плана дальнейших исследований поставили в порядок дня созыв Всесоюзного археологического совещания.

Происходившее 24 февраля — 1 марта 1945 г. в Москве Всесоюзное археологическое совещание подвело итоги достижениям советской археологии (доклад академика Б. Д. Грекова). Самый состав участников совещания свидетельствует о широком размахе археологических исследований в СССР. На совещание прибыло 156 делегатов (не считая гостей), из них 10 академиков, 5 членов-корреспондентов, 1 заслуженный деятель науки, 27 докторов, 56 кандидатов наук. Делегаты представили Академию Наук СССР, Академию Наук союзных республик и академические институты (76 делегатов), народные комиссариаты просвещения (3), университеты и высшие педагогические учебные заведения (16), научно-исследовательские институты, не входящие в систему Академии Наук СССР (4), центральные, краевые и областные музеи (44).

¹ Маркс. Капитал, т. I, стр. 301, прим. 89, изд. 8 (1936).

² V. Gordon Child. The Future of Archaeology, «Man», Jan. — Febr., 1944.

За советский период археологические учреждения проделали огромную работу. Большое теоретическое значение имеет открытие палеолитических стоянок, следов бытования древнейшего человека на территории СССР и зарождения здесь очагов древнейшей человеческой культуры. Открытия на Мальте, Бурети (близ Иркутска), в пещере Тешик-таш (в Узбекистане) опровергли старую и настойчиво пропагандировавшуюся фашистами теорию, будто первые очаги культуры возникли где угодно, только не на территории СССР. Изучение палеолитических стоянок Костенко-Боршевских, Гагарина и других внесло много нового в представление о формах хозяйства верхнего палеолита, об образе жизни, технике и искусстве этой эпохи, что обогатило советскую историческую науку.

Эпоха неолита по-настоящему стала изучаться в России только в советский период. Систематические исследования ряда областей (Северный район, Карело-Финская ССР, Урал, Прибайкалье и др.) позволили выделить разнообразные неолитические культуры и установить их хронологию.

Широкое развитие получило в советский период исследование раннего металла на территории СССР. Блестящие памятники культуры бронзы открыты на Кавказе и в Закавказье. Работы академика Джанашия и Б. А. Куфтина открыли новые страницы ранней истории Грузии; Б. Б. Пиотровский по-новому освещает начальную историю Урарту.

Изучение скифско-сарматских древностей сильно продвинуло наши представления о дославянском периоде нашей родины. Большую роль сыграло исследование сибирских памятников, современных скифско-сарматским памятникам юга СССР и обнаруживающих с ними типовое родство. Изучение скифоидных и сарматоидных культур Сибири должно будет расширить наши представления об этапах закономерного развития культур дославянского периода нашей родины и установить происхождение и начальные стадии древнеславянской цивилизации на территории СССР.

Проблема происхождения восточных славян занимала подобающее место в исследованиях советских археологов. Систематические раскопки и правильная интерпретация добытых материалов позволяют установить преемственность в эволюции культур скифов и славян. Трипольская культура, по-новому исследованная советскими археологами, позволяет видеть в глубине веков возникновение мощных культур Поднепровья и Подунавья, ставших позднее исходными пунктами в происхождении культуры скифов и восточного славянства.

Всесоюзное археологическое совещание отметило, что советская археология включает в число своих достижений работы республиканских археологических учреждений. Археологи союзных республик, особенно Грузии и Армении, обогатили историческую науку СССР рядом вновь открытых памятников большого значения.

Изучение циклопических сооружений и курганов Азербайджана обогатило науку ценными материалами. Систематическое исследование Ольвии и памятников Триполья (Институт археологии Академии Наук УССР) сильно продвинуло изучение древнейших культур, в том числе античной, на большой территории Приднепровья и Причерноморья. Раскопки в среднеазиатских республиках привели к открытию там новых культур (кельтеминарская, тазабагьябская) и интереснейших памятников древнего Хорезма, позволяющих осветить древнюю историю Узбекистана, Казахстана, Киргизии и установить связи древнего населения Средней Азии с государствами Переднеазиатского Востока.

Археологическая работа не прекращалась и в период Великой Отечественной войны (Фархадская и Ленская экспедиции 1943—1944 гг., выдающиеся раскопки в Армении и Грузии). По заданию Чрезвычайной государ-

ственной комиссии Институтот истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственным историческим музеем проведены значительные работы по обследованию разрушенных памятников. Развиваясь и обогащаясь благодаря овладению марксистско-ленинским методом исследования, советская археология обогатила историческую науку исключительным по интересу материалом и подняла ряд вопросов, решение которых должно значительно подвинуть вперед историческую науку в целом, и в первую очередь — изучение истоков русской государственности и древней истории народов СССР.

Благодаря работам крупнейшего советского ученого академика Н. Я. Марра советские археологи, отвергнув узость и односторонность индоевропейской теории развития языка, сумели вплотную подойти к проблемам этногенеза, увидеть в ином аспекте археологические памятники, глубже проникнуть в их исторический смысл, найти в них материал, рисующий восточное славянство задолго до возникновения русской государственности. Если старая археология видела археологические памятники племен «Повести временных лет» лишь для XI—XIII веков, то теперь оказывается возможным проследить их до VIII и даже V веков.

Таким образом, перед советской археологией выдвигается важная и насущная задача — продолжить и углубить исследование памятников, освещающих малоизученный период становления русского государства. Исследование истории возникновения русской государственности, окончательное преодоление всяких отзвуков норманистской теории — одна из важнейших проблем истории нашей родины. Начатые в этом направлении работы наших историков, в первую очередь акад. Б. Д. Грекова, могут быть успешно завершены только в тесном содружестве с археологической наукой.

Наряду с несомненными достижениями в деле археологических исследований имеется, однако, ряд существенных недостатков.

Крупный недостаток — отсутствие единого перспективного плана археологических изысканий и раскопок в СССР.

Другим недостатком является то, что не ведутся в должном масштабе работы на крупных объектах, имеющих большое историческое значение (скифские курганы Причерноморья и Кубани, древнеславянские поселения, холм Анау в Туркмении, гора Митридат в Керчи и др.).

Вследствие недостаточной координации действий археологических учреждений не организуются общесоюзные археологические экспедиции на такие раскопки, которые не под силу отдельным республикам. Самая выдача открытых листов на раскопки ограничена пределами республики.

В работе археологов не изжит кустарщина, силы растрачиваются иной раз на мало эффективные работы, раскопки ведутся не систематически, наскоком, рейдом. Камеральная обработка добытых памятников поставлена слабо. Совершенно недостаточна охрана памятников и незаконченных раскопок. Наконец, нет научных публикаций новых открытий и обнаруженных в прежние годы ценнейших материалов.

Сознание назревшей необходимости устранить эти недостатки побудило археологов собраться на Всесоюзное совещание в 1945 г. Совещание приняло ряд решений, направленных к преодолению недостатков, в частности — решение об учреждении единого научно-археологического центра. Создание такого центра не снимает необходимости изыскания организационных форм общения археологов для обмена опытом, координации работ, теоретического освещения и обобщения достигнутых результатов. Одной из форм такого общения могло бы быть создание археологических обществ.

Разрушения, причиненные фашистскими взрыварами нашим археологическим памятникам, требуют мобилизации сил и внимания советских археологов для быстрейшего восстановления ущерба и дальнейшего обогащения наших археологических фондов.

Успешное решение стоящих перед советской археологией задач в значительной степени будет зависеть от того, как скоро Президиум Академии Наук СССР добьется реализации решений Всесоюзного археологического совещания, направленных к улучшению постановки и организации археологических исследований в СССР. Археология стала важной самостоятельной исторической дисциплиной, и ее дальнейший рост и организационное укрепление — необходимое условие развития советской исторической науки.

Историческая речь товарища Сталина на собрании избирателей Сталинского района г. Москвы 9 февраля 1946 г. поставила перед советской наукой чрезвычайной важности задачу. Товарищ Сталин сказал: «Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Эти вдохновляющие слова великого вождя глубоко всколыхнули наших ученых, они вдохновляют их и мобилизуют их энергию на разрешение трудной, но почетной задачи — превзойти в ближайшее время достижения зарубежной науки. Для этого в нашей стране имеются все необходимые условия: прежде всего — великая теория марксизма-ленинизма, идейное руководство коммунистической партии, неустанная забота о росте советской науки и творческие идеи и указания гениального корифея марксистско-ленинской науки — товарища Сталина.

Советские историки и археологи должны поднять историческую науку на уровень, достойный Сталинской эпохи, обогатить ее идейно-техническое содержание, оправдать оказанное им великим Сталиным высокое доверие.

ЭСХИЛ И ГРЕКО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

Проф. Н. Ф. Дератани

Войну греков против Персии можно квалифицировать как освободительную войну античного рабовладельческого общества. Греки защищали свободу и независимость своей родины от попыток ее порабощения. Характер этой войны, как войны *освободительной*, подчеркивается и в греческой историографии. «Перед сражением при Марафоне Мильтиад сказал в своей речи полемарху Каллимаху, между прочим, следующее: «Теперь в твою власть, Каллимах, или подвести Афины под ярмо рабства, или сделать их *свободными*... Если ты присоединишься к моему мнению, то отечество твое будет *свободно*, и государство станет первым в Элладе» (Герод. VI, 109). «Когда знатные спартанцы явились к персидскому правителю Гидарну, и тот убеждал их вступить в дружбу с персидским царем, те ответили: «Совет, который ты даешь нам, односторонен: ты советуешь нам то, что испытал сам, а не то, чего ты не испытал; быть рабом ты умеешь, а *свободы* ты еще не испытал, — сладка ли она, или нет; ведь если бы ты ее испытал, ты советовал бы нам сражаться за нее не только копьями, но и секирами». (VII, 135). «Ибо медь смешается с медью, а Арес окрасит кровью море. Тогда дальновидящий Кронид и благая Победа даруют Элладе день *свободы*» (изречение оракула, Герод. VIII, 77). «Только мы одни из беотийцев тогда вместе с вами напали на мидян во имя *свободы* (слова платейцев лакедемонянам, Фул. III, 54, 3). «Так проницательностью одного человека Греция стала *свободной* и Азия подчинилась Европе». (Корн. Неп., Феми-стокл, 5, 3). «Аристид побуждал эллинов бороться за свободу» (Плут. Аристид, 8; см. еще Герод. V, 2, 49; VII, 157; IX, 60; Диод. XI, 3, 1; 3,5; 4,4; II,5; 33).

Ораторы, идеализируя прошлое, ставили в образец современникам патриотизм их предков и особенно прославляли афинян за их борьбу во имя *свободы*; например, Демосфен (Филиппика III, 36) говорит: «Что же за причина настоящего положения? Ведь не без основания и не без справедливой причины тогда эллины рвались к *свободе*, а теперь расположены к рабству. Было тогда, было, афиняне, нечто такое в образе мыслей большинства, чего теперь нет, что и одержало верх над богатством персов и вело к *свободе* Элладу, которая не уступала никому ни в морском, ни в сухопутном сражении» (см. еще Исокp., Панег. 95).

Расчеты персов на измену и несогласия среди греков (Герод. VII, 101) не оправдались. Если в условиях греческого партикуляризма не могло состояться полное объединение греков, то все же огромное значение имел союз Афин и Спарты, обеспечивший победу. На дельфийском треножнике сохранился список 31 государства, которые общими силами испровергли варваров (см. Герод. VIII, 82; Фул. 1, 132).

Большое мужество, героизм, патриотизм проявили греки в борьбе за независимость родины. Перс Демарет у Геродота так предостерегает Ксеркса: «Бедность искони присуща Элладе, а к ней прибавилась доблесть, созданная мудростью и сильным законом; с помощью этой доблести Эллада защищает себя и от бедности и от порабощения» (Герод. VII, 102; см. еще VII, 10, 53).

Среди греков больше других отличились афиняне, которые особенно заботились о спасении Эллады (Герод. VIII, 3; Фукидид. I, 74). Это неоднократно отмечает Геродот, например: «Если бы афиняне, испугавшись угрожающей опасности, покинули свою страну, или даже если бы и не покинули, а остались бы в своей земле и передались бы Ксерксу, на море никто и не попытался бы выступить против царя... Теперь же, если кто называет афинян спасителями Эллады, не погрешит против истины... Приняв решение, что Эллада должна оставаться *свободной*, они побуждали к борьбе всех остальных эллинов» (Герод. VII, 139). Великая освободительная война, потрясшая Элладу, не могла не отразиться и в искусстве. Как известно, живописец Полигнот изобразил битву при Марафоне. Поэты, современники войны (Симонид и др.), прославляли в эпиграммах доблестных воинов, павших в борьбе за свободу родины. Пиндар превозносит Афины в их борьбе с персами. Позже Херил Самосский пишет поэму *Персиды* или *Персия*. Тимофей Милетский в своем номе «Персы», описывая в ярких образах Саламинскую битву, поражение персов и несчастье Ксеркса, прославляет победу Эллады¹. Наконец, события войны делаются сюжетами трагедии, которая в своем начале, будучи крепко связана с родовой мифологической героикой и разрабатывая мифологические сюжеты, все же не могла не откликнуться на грандиозные события своей современности. Фриних ставит в афинском театре трагедию «Взятие Милета» и «Финикиянки»; несколько позже Эсхил — трагедию «Персы»².

В настоящей статье я не имею в виду дать новый полный анализ трагедии Эсхила, как исторического источника и драматического произведения — это делалось неоднократно³. Я остановлюсь лишь на некоторых, не вполне выясненных вопросах: как оценивает Эсхил конфликт греков и персов и что считает он причиной поражения персов; каково было воздействие трагедии на афинских зрителей. На эти вопросы до сих пор нет четкого ответа, потому что в работах об Эсхиле большей частью констатируются факты, но не дается им надлежащего *объяснения*, а оно возможно лишь на основе изучения *всего* творчества Эсхила и вскрытия его идеологической позиции в политической обстановке его времени.

Давно было замечено критиками, что вину за разгром персов Эсхил почти всецело перелагает на одного Ксеркса. Исполненный гордости и высокомерия, он погубил свой народ, бросив его на грабительскую войну против греков, и за это подвергся каре богов. Ксеркс, по Эсхилу, самый худший из всех персидских царей; особенно невыгодно он отличается от своего предшественника, мудрого Дария, а сами персы в лице их старей-

¹ См. работу С. Шестакова. «О «Персах» Тимофея». Ученые записки Казанского университета, 1904, кн. 12.

² Позже Эсхила (в V—IV веках до н. э.) драматург Мосхион поставил свою трагедию «Фемистокл».

³ См. С. Шестаков. Религиозно-нравственные воззрения Эсхила. Ученые записки Казанского университета, 1890; Е. Рагров, Эсхил как религиозный мыслитель. Киев, 1908; Patin, Etudes sur les tragiques grecs, P., 1894; U. Wilamowitz — Möllendorff, Die Perser des Aischylos; «Hermes», B. 32, 1897; H. W. Smyth. Aeschylean tragedy. California, 1924 (о трагедии «Персы», стр. 64—91); Porzig, Die attische Tragödie des Aischylos. Leipzig, 1926; G. Thomson, Aeschylus and Athen. L. 1940 (есть библиография); Чурич Милош. Этика и политика в Эсхиловой трагедии. Белград, 1937.

шин вызывают в трагедии, по мнению критиков, не только уважение, но и сочувствие. Отсюда некоторые даже заключают, что Эсхил хотел прекратить непримиримую наступательную войну с неприятелем, что показом трагедии персов он имел целью примирить свою победоносную родину с побежденным противником. Если Фриних, идеолог политики Фемистокла, стремился своими трагедиями разжечь ненависть к врагу, то Эсхил, политический противник Фемистокла, имел в виду содействовать окончанию войны с персами, которая теперь была выгодна лишь «демократическим» сторонникам продолжения войны с Персией¹.

Действительно, трагедия не вызывает ненависти к врагу. Основной целью Эсхила было прославить победу греков. Как драматург-трагик, он мог достичь этого только трагедией; но ему трудно было показать трагедию греков-победителей, вызвать в зрителях чувство сострадания и страха, а затем привести трагедию к победному концу. Поэтому, идя по следам Фриниха, Эсхил изобразил победу греков на фоне несчастья и поражения персов. Такая трагедия, как и «Финикиянки» Фриниха, вероятно, не вызывала у афинских зрителей, чувствовавших себя победителями, настоящего страха за судьбу героя и сострадание к нему: едва ли зрители оплакивали судьбу Ксеркса². Конечно, если не во всей трагедии³, то, по крайней мере, в последней сцене Ксеркс мог вызвать скорее не жалость, а презрение, даже соединенное с насмешкой,— например, когда он говорил: «Ослабили у меня колени при виде этих пожилых граждан» (ст. 913 и сл.).

Вполне можно согласиться с Поленцом, что в нашей трагедии Эсхил стремился вызвать у зрителей не чувство страха и сострадания, а лишь жажду победы⁴.

Все же, если трагедия не разжигает ненависти к врагам, можно ли отсюда заключить, что Эсхил этим желал примирить зрителя с персами? Ведь и плач финикийских женщин по их погибшим мужьям в трагедии Фриниха «Финикиянки» мог вызвать у некоторых зрителей жалость к ним; тогда можно было бы сделать вывод также о желании Фриниха примирить зрителя с врагом. Да и сами персы не представлены в трагедии совершенно неповинными в войне с греками; отчасти и они разделяют вину Ксеркса. Так, Дарий говорит, что все персы получили возмездие за свое высокомерие и за безбожные замыслы⁵ (ст. 808), за то, что они, придя в эллинскую землю, не стыдились рушить статуи и сжигать храмы богов (809 и сл.), а эти действия, с точки зрения религиозных зрителей Эсхила, считались тяжким преступлением.

Самый поход на Грецию был внушен Ксерксу злыми советниками из персов (753—758). Об этом подробнее рассказывает Геродот (VII, 9, 11). Далее, если даже Эсхил считал персидский народ мало виновным в затеянной Ксерксом войне, то мог ли Эсхил толкать афинян на примирение с главным виновником войны Ксерксом, который в то время еще был жив? (ср. Фук. I, 137).

¹ См., например, Введение к трагедии «Персы» в издании Academia, М.-Л., 1937, стр. 10—11.

² Ср. Ratin. Указ. соч., стр. 239.

³ Как это неправильно утверждали многие критики; см., например, издание Schiller в переработке Conradt, 1888, введение, стр. 20, или издание Wecklein — Zornarische, Лейпциг, 1891, введение, стр. 68.

⁴ М. Pohlenz. Die griechische Tragödie, Lpz., 1930, стр. 52.

⁵ Высокомерие, по Эсхилу, — порождение нечестия (Эвмен. 534); см. Кагаров, ук. соч., стр. 32; Чурич Милош, ук. соч., стр. 155; Porzig, ук. соч., стр. 172.

Правда, Эсхил называет Грецию и Персию «родными сестрами» (185 и сл., καὶ γυνήτα γένους ταύτου); в не дошедшей до нас трагедии «Финей», первой в нашей персидской трилогии, афиняне спасают страдающего Финей, внук которого, Персей, был родоначальником персов. Однако все это не говорит о желании примирения с персами. Последняя трагедия была поставлена не для того, чтобы примирить Восток с Западом, и не для этого в трагедии «Персы» Греция и Персия названы «родными сестрами», а для того, чтобы показать, что не следовало персам начинать войну с греками, спасшими их отдаленного предка и находящимися с ними в родстве; но теперь Греция, одна из двух сестер, никогда покорно не впряжется в колесницу Ксеркса (см. сон Атоссы). Поэтому Дарий и ссылается в трагедии на те предостерегающие пророчества (ст. 739, 801), на которые не обратил внимания Ксеркс.

Но самое важное — исторический момент постановки «Персов» в связи с политической позицией Эсхила не мог вызвать поэта на примирение с врагом. В 472 г. до н. э., в год постановки «Персов», шло образование Делосского морского союза. Основной этап войны с Персией был победоносно закончен, однако персы все же готовили новый морской поход против Греции. Как известно, хорегом при постановке «Персов» был молодой Перикл, который в это время еще не примкнул к «демократической» партии (см. Плут., Перикл, 7). Если же Перикл был хорегом Эсхила, то это значит, что он сочувствовал политической позиции драматурга, противника городской «демократической» партии. А прекратить войну с Персией и все средства направить на борьбу со Спартой теперь стремился как раз представитель «демократической» партии Фемистокл; недаром в 471 г. он был обвинен в измене¹. Наоборот, Кимон, к сторонникам которого принадлежал и Эсхил, стремился к дружбе со Спартой и к полному разгрому Персии.

Таким образом, не примирение, а окончательную победу над врагом имел в виду Эсхил, ставя трагедию «Персы», и едва ли можно согласиться даже со Steinweg, который считает, что как ни возбуждал Эсхил зрителей к победе над персами, все же в трагедии он «жалуется вместе с пораженным врагом на чудовищные потери в силе и человеческих жизнях» и что он и в то время предпочитал мир².

Однако бесспорно главным виновником войны и поражения персов выведен Ксеркс:

Увы, Ксеркс повел нас,
Увы, Ксеркс погубил нас,
Это Ксеркс безрассудно повлек всех на морских баржах —

жалуется хор старейшин (550—554). Те же старцы в эклоге нападают на Ксеркса с упреками и пристают к нему с вопросами, где тот и другой персидский вождь (954 и сл.).

Почему же Ксеркс рисуется в трагедии каким-то отщепенцем от своего народа, приведшим народ к гибели? Такая концепция вызвана тем, что Эсхил считал основной причиной поражения персов и победы греков глубокую разницу в их политическом режиме: у персов — деспотия; они

¹ Впрочем, существует гипотеза, по которой действия Фемистокла были признаны изменническими в освещении более поздних аристократических памфлетов, а эти последние были единственным источником сведений о Фемистокле: см. С. Я. Лурье, Плутарх, Избранные биографии. Соцэкгиз, 1941, предисловие, стр. 23 и 362, примеч. 102. Фукидид, описывая изгнание Фемистокла и пребывание его у персидского царя, дает ему блестящую характеристику: Фемистокл умел ориентироваться в окружающей обстановке и, заглядывая в будущее, находить выход из любого положения (1, 138).

² C. Steinweg, Aischylos. Halle, 1924, стр. 179.

рабы царя, их господина; у греков — свобода, «они не зовутся ни рабами, ни подданными какого-нибудь человека», — заявляет корифей Атоссе, а той непонятно (как будто она не знает греков, ср. Герод. III, 134), как же тогда греки, не имея ни одного правителя, выдерживают натиск врагов (ст. 240 и сл.). Таким образом, *Эсхил первый в художественной форме осмыслил конфликт греков и персов социально*, первый представил греко-персидскую войну как освободительную. «Поклялись жители священного Тмола надеть ярмо рабства на Элладу» (49 и сл.); в сновидении Атоссы одна из сестер покорно подчиняется вожжам, а другая (Греция) ломает дышло колесницы, несется без узды и рвет ярмо (ст. 193—196).

Такое понимание сущности этой войны объясняется тем, что проблема свободы и насилия, проблема власти, проблема отношения вождя и народа все время интересовала Эсхила в связи с политической обстановкой его эпохи. Эта проблема возникла еще на стадии общества, отраженного в гомеровских поэмах.

Тогда не было государства, не было «особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию»¹. В первобытной демократии, замечает Энгельс, «не существовало еще отделенной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена»². Но Энгельс, как известно, отмечает и то, что у Гомера мы видим и «начало разрушения»³ древней родовой организации гомеровской эпохи. Среди вождей развивается жажда обогащения, замечается «восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатства»⁴. В эпизоде с Терситом уже отражается начало отчужденности вождей от массы; реалистически показано начало угнетения, возникновение тиранических черт у вождей. Таким образом, уже у Гомера возникает проблема власти, отношения вождя и массы, проблема индивидуализма и гражданских порывов.

В эпоху VII—VI веков до н. э., в период греческой тирании, проблема вождя и массы, как известно, еще больше заостряется. Многие греческие тираны, опиравшиеся в борьбе против родовой аристократии на плутократические элементы городской и сельской демократии и, таким образом, связанные с властью денег, превращаются со временем из представителей народа в вождей с деспотическими наклонностями, отрывающихся от массы. На этой почве, вероятно, в среде беднейших слоев демоса, а также в среде оппозиционной аристократии создается одиозный образ «тирана» (в нашем смысле), деспота, в противоположность народному вождю, который тоже назывался *тиранос* в общем смысле.

Рядом реформ разрушаются остатки общинно-родовых связей. Но и с образованием рабовладельческого государства «моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали»⁵.

И Эсхил — поборник прогресса и развития производительных сил Афинского государства — вместе с тем борется против отрицательных следствий неизбежного исторического развития афинского полиса, против начавшегося угнетения, социального неравенства. Как и Гесиод, Эсхил борется против дерзости, гордости (*ὑβρις*) и противопоставляет ей спра-

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 365.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 84.

³ Там же, стр. 86.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 97. Сохранение родовых традиций Энгельс видит, в частности, в том, что полиция как оружие государства в Афинах набиралась из рабов. «В этом сказывался еще образ мыслей старого родового быта», — замечает Энгельс.

ведливость (Δίκη). Только в обстановке более обостренной, по сравнению с временем Гесиода, политической борьбы эти понятия приобретают у Эсхила более широкое значение, являясь выражением его борьбы против угнетения, насилия.

Основным отличием популярного вождя от «тирана» в узком, одиозном смысле, является, по Эсхилу, то, что если вождь опирается на народ и любим народом, то тиран обращает всех в рабов, которые его боятся. Этим тирания была особенно ненавистна Эсхилу, который был поборником гуманного отношения к рабам. Такое отношение тоже было отчасти наследием родовой эпохи (например, оно было в гомеровском обществе) и шло вразрез с исторической тенденцией развития рабства. Тем не менее с таким взглядом на класс рабов Эсхил становился в ряды передовых умов своей эпохи. У Эсхила видно признание в рабе человека, осознание тяжести рабства. Рабство страшно, — таков общий мотив трагедий Эсхила (ср., например, «Семеро против Фив», 108, 332, 450). И не столько домашние рабы, сколько военнопленные вызывают сочувствие Эсхила, особенно в поздних трагедиях. Кассандра — само воплощение трагизма рабства. Агамемнон просит принять ее ласково, так как «добровольно ведь никто не надевает на себя рабское ярмо» (Агам. 950—953). Электра говорит троянским пленницам: «Не скрывайте ничего из-за страха; ведь судьба одинаково поджидает и свободного и того, кто подчиняется власти господина (Хоэф. 103 и сл.). Здесь в зародыше — демократическая идея равенства рабов и свободных. Эсхил предвосхищает последующую передовую философскую мысль, представителем которой был Эврипид.

При таком чутком отношении к рабству становится еще более понятным, почему Эсхил социально осмысливает конфликт греков с персами, почему особенно выставляет свободу своей родины, в противоположность персидской тирании и порабощению, считая именно свободу основной причиной победы Эллады¹. Отсюда понятно, почему Эсхила интересует образ тирана; не случайно, что в той или иной форме, полно или частично, этот образ встречается во всех дошедших до нас трагедиях Эсхила, отражая начало развития насилия, античеловечности, эгоизма, отрыва от общества — всего того, против чего боролся Эсхил.

Уже в трагедии «Умоляющие» египетский посланец — «варвар» — действует тиранически; он обладает «дерзостью тирана» (стр. 845: *δερзостиφ ἔδ᾽ ὕβρει*). В трагедии «Семеро против Фив» нападающие на город вожди — все, кроме одного прорицателя Амфиарая, наделяются тираническим качеством — «дерзостью» (ст. 406), сверхчеловеческой надменностью (ст. 400, 419). В «Прометее прикованном» Зевс, сам не выступающий действующим лицом, выведен типичным тираном; он узурпатор власти, отличается произволом, жестокостью, не доверяет другим; его власть должна быть кратко-

¹ Социально заостренная гуманность Эсхила направлена не только против эксплуатации рабов. У Эсхила чувствуется сознание социального неравенства и среди свободных; видна большая симпатия к беднякам-труженикам. Не случайно хор океанцев в «Прометее» (ст. 890—907) именно бедняков, не эксплуатирующих чужой труд, «живущих трудами рук своих» предостерегает от неравного брака, от несчастной судьбы Ио: «Им лучше не стремиться к браку ни с теми, кто гордится богатством, ни с теми, кто величается своим родом» (стр. 891—893). Но Эсхил не против богатства вообще, а против богатства, приобретенного насилием, с нарушением «справедливости» (Агам., стр. 374—384): «Нет спасения человеку, пресытившемуся богатством и попирающему великий алтарь «справедливости». Однако в той же поздней «Орестее», очевидно, под влиянием усилившейся борьбы с «радикальной» городской партией, Эсхилу кажется, что честным путем богатство приобретает редкое, что мир царит лишь в хижинах. По крайней мере, в «Агамемноне» хор говорит: «Справедливость сияет в дымных лачугах; она чтит честную жизнь, но она бежит от золотых чертогов, она не благоговеет перед богатством» (стр. 774—781),

временна¹. В «Орестее» Клитемнестра — тиран, не считающийся с народным мнением (Агам., 1382)², подозревающий заговор черни (Агам., 855); такой же тиран Эгисф — трус, грозящий народу голодом, тюрьмой, колодками и цепями, считающий крики толпы лаем (Агам., 1626—1636).

Тираном выведен и Ксеркс. У Геродота Ксеркс вовсе не такой одиозный, с греческой демократической точки зрения, «тиран», как у Эсхила. Драматург желал вскрыть причину поражения персов, поэтому Ксеркс в трагедии отличается дерзостью, высокомерием (*ὑπερχόλῳ φράσει*, 820; ср. 372, 782), трусостью, корыстолюбием. Это — оторвавшийся от народа корыстолюбивый авантюрист, эгоист, поставивший грабительские цели войны (ср. ст. 826) — порабощение греков, и за все это навлекший на себя кару и зависть богов. Последняя сцена трагедии особенно наглядна: она показывает наказание тирана и вред тирании³.

В драматургическом плане изображение Ксеркса тираном, в разладе с народом, содействует у Эсхила обострению трагического конфликта, подобно тому как представление Зевса тираном заостряет конфликт в трагедии «Прометей прикованный».

Устами персидских старейшин Эсхил в сущности высказывает желание, чтобы все народы Азии сбросили с себя иго тирании; хор горюет о том, что после поражения при Саламине пало могущество персов, что больше никто не будет подчиняться власти владык (ст. 586 и сл.), не будут падать ниц (588), водворится свобода слова (592 и сл.).

Но Эсхил для более резкого оттенения черт «тирана» показывает, как его антитезу, и положительные, с его точки зрения, образы гуманных вождей, любимых народом. Таков вождь аргосцев, представитель первобытной демократии, мифический Пеласг, большой патриот, боящийся погубить свой город — родовой басилевс, решающий всё вместе с народом и предпринимая не грабительскую войну, а войну в защиту угнетаемых. Таков Этеокл, тоже патриот, «не отличающийся дерзостью тирана и заботящийся о пользе всего народа» («Семеро», ст. 75), Агамемнон, контрастирующий с тиранами Клитемнестрой и Эгисфом, и, наконец, самый сильный из таких образов — образ гуманиста Прометея. Этим объясняется, почему и в трагедии «Персы», в противоположность тираническому Ксерксу, дается положительный образ персидского царя в лице Дария.

Влагая оценку Дария в уста персов, Эсхил этим затушевывает то, что Дарий по существу такой же персидский деспот, как и его сын Ксеркс; недаром тень Дария учитывает возможность восстания в народе (ст. 715). Но, как отмечалось неоднократно, Эсхил идеализирует Дария. Правда, исторический Дарий был более мудрым царем, чем Ксеркс, но Эсхил умалчивает о том, что Дарий предпринимал такие же грабительские походы, как и Ксеркс, — сначала на Скифию, потом на ту же Грецию. Эсхилевский Дарий не отличается тиранической заносчивостью своего сына (ст. 782); хор прославляет счастливое время его правления; это был богоравный государь (711: *ὡς θεός*, 858: *ισόθεος*), любимый народом; он берег свой народ, возвращая из походов людей невредимыми (ст. 861 и сл.). И как разительный контраст этим реминисценциям — появление в последней сцене поверженного в прах Ксеркса.

Конечно, Эсхил не мог не внести и религиозный момент в объяснение поражения персов⁴. Еще вначале хор говорит о коварном обмане богов,

¹ См. мою статью: «Образ тирана в трагедии Эсхила «Прометей прикованный». Доклады Академии Наук СССР, 1929.

² Она вовсе не может «вызывать симпатий автора», как думает Ю. С п а с с к и й в статье «Герои и народ в греческой трагедии» («Театр», № 1, 1939).

³ Pohlenz. Указ. соч., стр. 47.

⁴ Smyth с явным преувеличением называет трагедию «Персы» «религиозной поэмой»; указ. соч., стр. 67, 86 и др.

от которого не спастись человеку (ст. 93). Вестник считает виновником всего бога-мстителя (*ἀλάστωρ*) или какое-то другое злое божество (см. 353 и сл.). Ксеркс, поверив ложному сообщению перед Саламинской битвой, не понял «зависти богов» (ст. 362). По словам Дария, какой-то великий демон помутил ум Ксеркса (ст. 724). На Ксерксе сбылось старое прорицание: он пошел против самого Посейдона, связав мостом Геллеспонт¹. Персы потерпели наказание от богов за то, что они грабили и сжигали храмы греческих богов (ст. 809 и сл.), а Ксеркса Зевс наказал за его высокомерие. Особенно в последней сцене Эсхил показывает непрочность человеческого счастья — как мораль для афинских зрителей. Однако, вместе с тем Эсхил, как впоследствии и Геродот, видит причину победы греков в их мужестве (ст. 394), мощи и силе (ст. 237). На вопрос Атоссы, не лук ли со стрелами постоянное оружие греков, хор отвечает: «Ни в коем случае; со щитами и длинными копьями идут они прямо на врага» (ст. 239 и сл.).

Такое противоречие воли божества и воли человека проявляется и в других драмах Эсхила; например, Этеокл, хотя и обращается к богам города («Семеро против Фив», 69 и сл.), все же высказывается так: пусть Зевс охраняет город, но нужно и мужество для защиты родной земли от порабощения (210 и сл.); ведь боги покидают город, если он будет взят (217 и сл.); Этеокл не хочет «влиять хвостом» перед гибельным роком (ст. 704).

Источник силы греков и их патриотизма, по представлению Эсхила, в том, что они не рабы, что они борются не из-за страха перед царем, а это как раз не могут понять персы (см. выше указанный вопрос Атоссы, ст. 240 и сл. и Герод. VII, 103, рассуждение Ксеркса). Источник силы греков также и в том, что они борются за свою родную землю, а эта земля сама помогает им в этой борьбе: «сама земля является им союзницей», — говорит тень Дария (стр. 792): если враги чересчур многочисленны, она убивает их голодом (ст. 794). Вот это мужество, храбрость, сплоченность греков Эсхил и старается превознести и усилить в своей трагедии напряжением всех средств художественного воздействия. Если верить древним свидетельствам, что свою трагедию Эсхил ставил и в Сицилии при дворе Гиерона², то такая тенденция становится еще более понятной.

На самом деле, в войне с персами далеко не все греки были едины; были разногласия (Герод., VI, 109), столкновения (Герод., VI, 85—93; VIII, 74—75), некоторые сдались персам «без принуждения» (Герод., VII, 132); были такие, которые воздерживались, ожидая, на чьей стороне будет победа, и готовы были войти в соглашение с персами (Герод., VII, 168); другие грозили сдать персам, в случае если им не будет оказана помощь (Герод., VII, 172); некоторые проявляли даже трусость (Герод., VII, 132); Эсхил же показывает единый порыв и этим в своей трагедии старается воздействовать на большее единение своих сограждан.

Прежде всего, Эсхил явно стремится поразить мощью и числом персидского войска: «Вожди многочисленного войска, стрелки из лука и конники, вызывающие ужас своим видом, страшные в битве, твердые в своих решениях» (ст. 26—28); страшные, безмерные числом (ст. 40); их ведет Ксеркс, владыка многолюдной Азии; боевые колесницы с двумя и тремя дышлами — «зрелище страшное на вид» (ст. 43); из всей Азии пошли «под мощные знамена царя» (ст. 58) все племена, способные носить меч; непреодолимо и мужественно войско персов (ст. 91); нет такого сильного человека, который мог бы сдержать поток героев (ст. 86); божество и судьба «поручили персам брать вражеские крепости, разбивать отряды конницы и разрушать города» (ст. 104—106). Персы «безбоязненно взирают на священную гладь

¹ Кагаров. Указ. соч., стр. 35; Чурич Милош. Ук. соч., стр. 186, 189; Porzig. Указ. соч., стр. 169 и сл.

² См. Wilamowitz в «Hermes», 1897, стр. 394.

пенящегося при сильном ветре моря» (ст. 109—111). Ксеркс даже преодолел Геллеспонт, перейдя через него по мосту из связанных судов. И вдруг страшное известие — флот персов разбит при Саламине.

Рассмотрим некоторые моменты Саламинской битвы. И в ее описании видна тенденция уменьшать число греческих кораблей и увеличить флот Ксеркса; благодаря этому победа Греции делалась более значительной. «Будь уверена, — говорит вестник Атосе, — что числом кораблей победил бы варвар; ведь у греков общее число кораблей доходило до трехсот, причисляя сюда и отдельные десять кораблей, а у Ксеркса, я знаю, была тысяча, да особо быстроходных двести семь» (ст. 337—343). Геродот для греческого флота дает число 378, кроме пятидесятивесельных судов (VIII, 48), Фукидид — 400 (I, 74). Историки спорят относительно точности этих цифр; во всяком случае, Эсхил как поэт, да еще влагающий эти цифры в уста вестника, который определял число на взгляд, мог быть неточен.

Переходим к самой Саламинской битве. Давно было замечено, что, говоря об известной военной хитрости Фемистокла и посылке вестника к персидскому царю (ст. 355—363), Эсхил не упомянул имени Фемистокла, но зато, будучи сторонником «умеренного» Аристиды, он устами вестника рассказывает о незначительном эпизоде — взятии пехотой Аристиды маленького острова Пситталеи, захваченного персами (ст. 447—464).

Действительно, по своей идеологической позиции Эсхил приближался к «сельской партии» мелких производителей, которые начинали страдать от развивавшегося рабовладения, силы денег, ростовщичества¹. Отсюда борьба Эсхила с «радикальной» демократической городской партией. Он понимал, что с ее победой связывалась власть денег, эгоизма, отрыв личности от общества, распад единства полиса. Поэтому-то он не сочувствовал политике Фемистокла.

Однако, если Эсхил в рассказе вестника не упомянул имени Фемистокла, то в описании битвы на острове Пситталеи он не назвал и Аристиду, который организовал высадку на этот остров (Герод. VIII, 76). На этот счет очень правильно было замечено², что имена вождей греческого войска не названы Эсхилом потому, что этим разбивалось бы впечатление единства греческого народа, которым-де руководило единое стремление к победе. В противоположность грекам, персы, как безвольная масса, подчиняются вождям; судьбой последних только и интересуется хор; их имена, очень неблагоприятные для поэтического стиля драмы, три раза перечисляются в трагедии.

В оценке качества той и другой армии Эсхил опять исходит из *противоположения греческой свободы и персидского рабства*. Отличие греческой армии от персидской еще в том, что армия персов повинуетя приказу лишь под страхом сурового наказания: навархи должны были отвечать головой, если хоть один греческий корабль прорвется через проходы у

¹ Эсхил не занимал чисто аристократической позиции, как думают многие (как, например, Stei n w e g, ук. соч., стр. 771 и сл.). Иное дело — его современник Пиндар, у которого замечается несколько подозрительное отношение к трудящимся людям, «постоянно старающимся отогнать голод от своего желудка», — к пастухам землепашцам, птицеводам и к тем, «которых кормит море» (рыболовам); для Пиндара выше те, которые добились славы в играх и на войне и доброй молвы своих сограждан (см. I. Истм. оду, ст. 65—75). Эсхил же с сочувствием относится к трудящимся. Как уже было указано, хор онеанид обращается к людям, «живущим трудами рук своих», и призывает их не жениться на богатых и знатных, имея в виду участь несчастной Ио (Прометей прикованный, ст. 887—893). Если Эсхил к концу своего творчества защищал ареопаг, то по существу не как оплот аристократии, а потому, что это учреждение «не причастно наживе» (ст. 704) и является оплотом стыда и справедливости.

² Еще у Patin, Etudes sur les tragiques grecs, Eschyle, P. 1858, стр. 243. См. еще у Wecklein — Ζωφάρδης, Введение, 65.

острова Аякса (367—371). Напротив, греков объединяет и воодушевляет патриотизм, защита родины.

Рассказывая о военной хитрости Фемистокла, Эсхил устами вестника передает слова «одного эллина из войска афинян», которого Геродот (VIII, 57) и Плутарх (Фемистокл, 12) называют Сикинном. При этом Эсхил пропускает известное из Геродота (VIII, 75) сообщение о том, что Фемистокл якобы сочувствует персидскому царю и больше желает победы персам, чем греческому оружию; умалчивает также о том, будто среди греков нет согласия и что они не будут сопротивляться персам. У Эсхила неизвестный грек говорит персам лишь о предполагаемом бегстве греков. Эсхил боится одного намека на распад единства эллинов и на возможность их отпадения на сторону персов; даже говоря о своем противнике Фемистокле, Эсхил все время занимал примирительную позицию среди борющихся партий, стоял за единство своего полиса и всего греческого народа.

В «Эвменидах» под влиянием обострения борьбы партий раздается призыв богини Афины к эринниям «не возбуждать среди граждан войны»; Афина не признает боя «домашних птиц»; пусть будет внешняя война, «в которой будет проявляться сильная жажда славы» (ст. 865). Это должна быть освободительная война против порабощения и в защиту угнетенных. Отсюда уже у раннего Эсхила появляется образ Пеласага, пошедшего войной на защиту дочерей Даная; отсюда, далее, у него патриотический порыв и призыв к сплочению в греко-персидской войне; отсюда, наконец, величие Прометея, борца против рабства.

В ходе Саламинской битвы, по Геродоту (VIII, 84), греки проявили сначала нерешительность. Первыми напали персы; греки хотели уже грести назад к берегу, но в это время афинянин Амейний из Паллены первый двинулся на врагов; тогда остальные корабли поспешили на помощь Амейнию, и завязался бой. Геродот приводит и рассказ о том, что внезапно появился женский призыв, который пристыдил греков словами: «Безумцы! До каких же пор вы будете грести назад?»

В изображении Эсхила, по прошествии ночи греки стояли на месте и не думали о бегстве (ст. 384 и сл.); не персы, а греки нападают первые; раздалась воинственные клики, которые эхо повторяло в скалах; персы испугались, потому что этот пэан эллины пели не к бегству, а направляясь в бой «с мужественной отвагой» (ст. 392—394). И вдруг раздалась патриотическая песнь, знаменующая единство греческого народа:

«Вперед, сыны эллинов! Освобождайте родину, освобождайте детей своих, жен, святилища богов отцовских, гробницы предков.

Бой теперь — за всё» (ст. 402—404).

Корнелий Непот в биографии Фемистокла (4,5) говорит, что Ксеркс был побежден скорее благодаря плану Фемистокла, чем оружием Греции. Фукидид (I, 69, 5) устами коринфян утверждает, что варвар потерпел поражение благодаря собственным ошибкам, а Геродот (VIII, 86) даже сообщает, что и персы в этом сражении показали мужество; из страха перед Ксерксом каждый хотел отличиться, думая, что на него глядит сам царь.

Эсхил не подчеркивает мужества персов, хотя в устах вестника-перса это было бы особенно уместно. По Эсхилу, персы лишь в начале битвы стояли твердо (ст. 412 и сл.). «Когда же многочисленные суда собрались в узком месте, подать никакой помощи друг другу не могли и медными носами стали бить своих же, эллинские корабли умело окружали и поражали их» (ст. 413—418).

Далее следует поэтическое преувеличение: «Нельзя было больше видеть море, так как оно было полно обломками разбитых судов и трупами»

(см. 419 сл.). «Всякий корабль спасался в беспорядочном бегстве» (ст. 422).

Однако, по Геродоту (VIII, 89), те греки, у которых погибли корабли и которые сами не погибли в рукопашной схватке, спасались лишь потому, что умели плавать и переплывали на Саламин, а многие из персов погибли в море, не умея плавать.

Итак, отдавая дань религиозным мотивам, Эсхил выдвигает единство, мужество, патриотизм греков. Вот что было, по Эсхилу, главной причиной поражения персов. На вопрос Атоссы: «Что же, город Афины разрушить нельзя?» — мы слышим такой ответ вестника: «Да, их мужество является для них прочной оградой» (ст. 348 сл.). В эксоде хор заявляет: «Ионийский народ не бежит от копья», а Ксеркс подтверждает: «Да, он мужественен!» (ст. 1025 сл.).

И поставленная через пять лет трагедия «Семеро против Фив» дышит таким же патриотизмом и военной героикой, — это трагедия, «полная Ареса» (*Ἄρεος μέγεθος*), как назвал ее устами самого Эсхила Аристофан («Лягушки», 1021). В этой трагедии, под видом защиты Фив в мифологической гражданской войне, Эсхил воскрешал перед зрителями войну с теми же персами и оборону Афин, а главный герой Этеокл из мифического соперника своего брата Полиника перерастал в мужественного защитника родины против нашествия варваров.

Примечательно то, что нападающих на город вождей (всех, кроме Амфиарая) Эсхил наделяет теми же тираническими чертами, которыми обладают персы, и особенно Ксеркс: они не чтут богов (539 сл.), они обладают гордостью (387, 391, 410), дерзостью (406), сверхчеловеческой надменностью (425, 436). Этеокл и другие мужественные защитники родного города тоже борются особенно против рабства, в которое готовы обратить их враги (75, 471); фиванские женщины боятся именно рабства (112).

Таким образом, отнюдь не примиренческий, а благородный воинственный дух пронизывает творчество Эсхила и после постановки трагедии «Персы». Недаром Аристофан говорил, что Эсхил образами своих трагедий «поднимал сограждан до своих героев» («Лягушки», 1041). У того же Аристофана Эсхил хвалится тем, что, поставив трагедию «Персы», он внушил сильное стремление постоянно побеждать противников («Лягушки», 1026), а «кто посмотрел трагедию «Семеро против Фив», тот воспламенялся ненавистью к врагу» (там же, 1022). Грандиозный образ Прометея сложился отчасти из того же героизма и мужества, вызванных освободительной войной. Время постановки всех этих трагедий не было похоже на эпоху написания «Историй» Геродота, когда греко-персидская война была далеко позади и воинственный пыл против Персии ослабел.

Греко-персидская война заставила греческих граждан больше ценить свою свободу; она закалила Эсхила как патриота, который своим театром поднимал патриотизм у своих сограждан, звал их к единению против общего врага, за свободу против порабощения. Эта борьба за свободу поднимала дух греков, наиболее полно проявляла их патриотизм и дала им блестящую победу в борьбе с Персией, несшей с собой деспотизм и порабощение.

ИЗВЕСТИЯ ИОАННА ЭФЕССКОГО И СИРИЙСКИХ ХРОНИК О СЛАВЯНАХ VI—VII ВЕКОВ

Проф. А. Дьяконов

К числу весьма ценных сведений о славянах следует отнести сообщение Иоанна Эфесского (506—585). Сириец по происхождению, из области города Амиды в Месопотамии, Иоанн провел юность в монофизитских монастырях Месопотамии, но с 540 г. имел свое основное местожительство в Константинополе, в предместье столицы — Сиках, хотя между 542 и 563 гг. подолгу отлучался из столицы в провинцию Азию в качестве миссионера и с 549 г. — монофизитского епископа города Эфеса¹. Этим объясняются перерывы в известиях Иоанна о славянах, так как он любил рассказывать только то, что видел собственными глазами.

Иоанн был близок ко двору Юстиниана и Юстина II, и хотя он с 571 г. подвергался гонению как монофизит и подолгу сидел в тюрьме, но до конца жизни оставался хорошо осведомленным в политике Юстиниана и его преемников до Маврикия, на пятом году царствования которого он умер².

Иоанн Эфесский был последним представителем униональной партии среди монофизитов, безуспешно боровшейся против развивавшегося на Востоке сепаратизма, и в качестве «ромейского» патриота близко принимал к сердцу интересы империи не только на Востоке, но и на Западе³. Таким образом, он был достаточно осведомлен о славянах, которые неоднократно появлялись в предместьях столицы, и интересовался ими больше, чем Псевдо-Захария. Иоанн написал обширную «церковную историю» в трех частях — от начала империи до 585 г. н. э. В нее были включены также сочинения, написанные им ранее: например, воспоминания о чуме 541—542 гг., написанные в 543 г.⁴

Для нашей темы представляют интерес вторая часть «Истории» (439—570), законченная автором в 571 г., и третья часть (571—585), законченная в 585 г.⁵ Хотя Иоанн и называл свою историю «церковной», но он уделяет много внимания и гражданской истории, а в третьей части последняя, шестая, книга целиком посвящена гражданской истории. К сожалению, вторая часть в подлинном виде почти полностью утрачена; не сохранились также многие главы третьей части, в том числе последние главы интересной для нас шестой книги; о содержании их мы знаем только по сохранившемуся общему оглавлению этой книги, составленному не самим автором,

¹ А. Дьяконов. Иоанн Эфесский, стр. 33 и сл., 39, 60, 67, 78.

² Там же, стр. 164.

³ Там же, стр. 65, 147, 343.

⁴ Там же, стр. 168.

⁵ Там же, стр. 172, 202, и сл., 304 и сл.

а переписчиком, не совсем точно переписавшим принадлежащие самому автору заглавия отдельных глав¹. Утраченные вторая часть и отдельные главы третьей части восстанавливаются главным образом на основании двух позднейших компиляций: так называемой «Хроники Псевдо-Дионисия», составленной в 775 г. анонимным монахом Зуккинского монастыря близ Амиды², и хроники Михаила Сирийца, якобитского патриарха конца XII века (1166—1199)³. Для контроля не вполне исправного текста последней имеют некоторое значение «Сирийская хроника» Григория Бар-Эбрая (1226—1286), который компилировал Михаила⁴, и два перевода этой хроники — арабский и армянский⁵.

Ни Псевдо-Дионисий, ни Михаил Сириец, пользовавшиеся непосредственно Иоанном, далеко не могут заменить утраченного подлинника; первый дает выписки, не всегда точные, из источника, но лишь отрывочные и случайные; второй старается использовать содержание источника полнее, но дает лишь сокращенный пересказ. Оба компилятора хронисты и располагают материал по годам, а Иоанн Эфесский писал прагматическую историю и не считался с хронологической последовательностью. Кроме того, при составлении третьей части, написанной во время гонений, автор, по его собственному разъяснению, часто не имел под руками ранее написанных глав, а потому повторялся, рассказывая об одном и том же несколько раз⁶. Отсюда у компиляторов иногда получались недоразумения: они датировали известия Иоанна неправильно, а иногда одно и то же событие принимали за два разновременных факта. Это необходимо иметь в виду при объяснении ниже приводимых известий Иоанна о славянах.

Из второй части «Истории» Иоанна Эфесского оба компилятора сохранили известие о нашествии гуннов и славян на столицу в 540 г. Я привожу известие Псевдо-Дионисия в контексте с предшествующими и последующими известиями, что необходимо для определения хронологии, а затем сокращенный пересказ того же известия у Михаила Сирийца. Что известие Псевдо-Дионисия представляет буквальную, хотя и не вполне точную выписку из Иоанна Эфесского, это видно из того, что рассказ ведется в первом лице — от имени очевидца. Текст у Псевдо-Дионисия (как, без сомнения, и у Иоанна) включается в длинный, разделенный на пять глав, рассказ о чуме 541—543 гг., о которой Иоанн еще в 543 г. написал особое сочинение, и представляет конец второй главы рассказа о чуме⁷.

«За три года до чумы и даже за четыре года и до текущего года была в смятении вся западная страна. Усилились и участились войны в городе Рима и в Равенне, которая находится в его области, а также в Карфагене, что в стране Африке. А потом [пришли] еще враги этого царства — бесчисленные сильные народы. Некоторые из них с божьей помощью были по-

¹ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 304.

² *Chronicon anonymum, Pseudo-Dionysianum vulgo dictum*, t. II, ed. J. B. Chabot et E. W. Brooks. Paris, 1933, CSCO, ser. III, t. II, 2.

³ *Michelle Syrien. Chronique*, éd. et trad. par J. B. Chabot. t. I—III (trad.) IV (texte). Paris, 1899—1906.

⁴ *Gregorii Barhebraei Chronicon Syriacum*, ed. Bedfan. L., 1890.

⁵ *Chronique de Michelle Grand*, trad. sur la version arménienne, par V. Langlois. Venise, 1868. О хрониках Псевдо-Дионисия и Михаила Сирийца как компиляциях из «Истории» Иоанна Эфесского, см. А. Дьяконов, Цит. соч., стр. 206 и сл., 276 и сл., 302; 175. Арабский перевод цитируется по вариантам в издании сирийского текста J. B. Chabot.

⁶ *Joannis Ephesini Hist. ecclesiae*, p. III, ed. E. W. Brook, P., 1935, II, 50. См. Дьяконов. Цит. соч., стр. 315 и сл.

⁷ *Chronicon Pseudo-Dionysiacum*, ed. Chabot — Brooks, II, p. 89—91. В приводимом тексте, как и во всех последующих, в прямых скобках заключены слова, которых нет в тексте, но которые предполагаются смыслом или необходимы для пояснения текста.

корены этим царством, а именно — Рим и Африка, и земли их и царства их, причем и цари их были уведены и доставлены в этот город. Все время до конца их жизни мы видели их порабощенными, как и других различных вождей, вместе с пленниками из их стран).

«А те варварские народы¹, которые, как написано (Иерем. 6,22), восстали от концов земли, усилились, разорили, опустошили, сожгли и разграбили [страну] и дошли до самой стены города, когда мы находились в нем. Они захватили даже некоторые предместья (προάστεια) его и некоторых жителей его. Не один только год [они приходили], но три года один за другим. По причине многочисленности их никто не мог устоять перед ними. Они поэтому с таким презрением относились к этому царству, что послали [сказать] через послов: приготовьте нам дворец ваш — вот мы идем туда. Так что страх напал на царя и на вельмож. Ворота дворца тотчас были заперты и укреплены железными цепями, как если бы находившийся за ними город весь сдавался без боя и старались укрепить только дворец. Ничего подобного не было ни видано, ни слышано с основания города. Со страха приказали вырубить все деревья вокруг всего города на 100 локтей. Так как это был царский город и потому всё в нем до сих пор строго охранялось в неприкосновенности, между внутренней стеной и наружной стеной с западной стороны, — ведь только там была каменная стена, а с других сторон море—[жители] вырастили большие и мощные деревья — кедр, кипарис, орехи и фиго, а также виноградники и фруктовые сады вот уж 100 лет тому назад. Так они и оставались с того времени все срубленными и поваленными, потому что не находилось людей, чтобы сдвинуть их с места по причине их толщины. Это уничтожение деревьев навело страх на всех; все волновались и говорили: если бы не чувствовали, что разразилась беда, не пошли бы на это».

«Таковы были новые осложнения и затруднения [для государства], и это было бесспорно козни дьявола. Тогда же поднялся и восточный ветер, т. е. царство Персидское. Оно также усилилось и приготовилось к войне при помощи сильных народов всего Востока. Поднялись все цари земли восточной и направились на эту землю ромеев. Они прошли, разорили и покорили [страну] до великого города Антиохии и осадили его. Так как город возвел укрепления, чтобы оказать сопротивление врагу, то враг победил его, завоевал, разорил, сжег, пленил и разрушил до основания. Он унес даже мраморные плиты [πλάκας], которые были вделаны в стены и в дома, и весь город увел в плен».

У Михаила Сирийца (IX, 33) это известие передается так: «Пришли войска гуннов и склавов (esqlabe) и осадили царский город. Они прорвали внешнюю стену, разграбили и сожгли все предместья, пленили всех, кого нашли там, и ушли. И опять пришли во второй и третий раз. [Потом, когда ромеи собрались с силами против них, они истребили их всех мечом в битве; немногие из них бежали и не появлялись снова в этом месте. Так ромеи избавились от них.]» У Бар-Эбраи (стр. 81) известие Михаила повторяется почти буквально. Пересказ Михаила ценен потому, что он сохранил имена народов — «гуннов и славян», которые Псевдо-Дионисий выпустил.

Когда произошло это нашествие? Заключенный в квадратные скобки конец известия Михаила, отсутствующий у Псевдо-Дионисия, без всякого сомнения, относится к нашествию гуннов и славян под предводительством гуннского хана Забергана в начале 559 г., так как оно было отбито Велизарием при помощи городских димов и фракийских крестьян², и после

¹ По Михаилу Сирийцу, «войска гуннов и славян», см. ниже.

² A g a t h. V, 12—15; T h e o p h a n, стр. 223—234, Io. M a l a l a s, Chronogr., ed. Bonn., стр. 490.

того славянские нашествия действительно надолго прекратились. Заимствовано ли это дополнение Михаилом из другой, утраченной теперь главы второй части Иоанна Эфесского, который в 571 г. мог сказать, что «славяне больше не появлялись», или из другого источника, — неизвестно. Вполне вероятно, что у Иоанна не было известия о нашествии Забергана, так как в 559 г. Иоанн, вероятно, находился в Азии. Но начало известия Михаила, вполне совпадающее по содержанию с известием Псевдо-Дионисия (Иоанна), очевидно, должно относиться к более раннему времени, хотя оно и помещается Михаилом в главе, посвященной концу царствования Юстиниана, содержащей, однако, вместе с тем обзор некоторых событий за весь период этого царствования¹.

Иоанн Эфесский, как видно из Псевдо-Дионисия, рассказывал о варварском нашествии в своих воспоминаниях о чуме, в которые были им включены воспоминания и о других грозных явлениях, предшествовавших и сопутствовавших этой грозной «каре божьей». Чума, начавшаяся в 541 г., особенно свирепствовала в 542 г., и воспоминания Иоанна, написанные под непосредственным впечатлением ее ужасов, закончены были, вероятно, в 543 г.² Как видно из контекста, Иоанн рассказывал о нашествии варваров между событиями 540 г.: с одной стороны — готская война, закончившаяся пленением Витигеса в 540 г. (Procop., Goth., III, 1), с другой стороны — взятие Антиохии персами, несомненно то же самое с взятием этого города Хозроем в 540 г., так как во всех подробностях, включительно до «мраморных плит», рассказ Иоанна здесь совпадает с рассказом Прокопия (Pers., II, 8—9). Из этого видно, что нашествие гуннов и славян, о котором здесь идет речь, произошло в 540 г. и повторялось в 541 и 542 гг. — три года подряд. Отсюда следует далее, что оно то же самое с тем нашествием гуннов, о котором рассказывает Прокопий (Pers., II, 4) как о событии, одновременном с захватом Витигеса и предшествовавшим взятию Антиохии Хозроем. Далее Прокопий сообщает об одном из повторных нападений варваров, когда они проникли до Херсонеса Фракийского и оттуда переправились через Геллеспонт в Абидос и провинцию Азию. Гуннское нашествие, о котором говорит Прокопий, историки относят то к 540,³ то к 539 г.⁴ Последняя дата, однако, исключается, так как до 540 г. Иоанна Эфесского не было в Константинополе⁵.

Прокопий говорит о «гуннском войске» (*στράτευμα Γουνηνόν*), но это не значит, что войско состояло из одних гуннов. И сам Прокопий и другие современные авторы говорят, что гунны в то время действовали обычно не одни. По словам Прокопия (Goth., II, 14), после 532 г. «гунны, анты и славяне часто переходили через реку Дунай и приносили ромеям неисчислимый вред». Малала под 529 г. говорит, что «гунны с великим множеством разных варваров» напали на армию Мунда⁶. В известии о нашествии Забергана в 559 г. Агафий называет нападавших на столицу варваров «гуннами-котригурами», Виктор Таннунский — булгарами, а Малала (и за ним Феофан) — «гуннами и славянами»⁷. Притом надо заметить, что все три автора жили в то время в столице.

¹ Agath., V, 11, ed. Bonn., 1828, стр. 229; Victor Tann., Chron., MGH, Chron. min., II, 201; ср. praefatio, 179; Malal., стр. 490; Theoph., стр. 233.

² Mich. Syr., IX, 33, стр. 323.

³ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 168, 62.

⁴ J. B. Bury. Hist. of the late Rom. Emp., I, 1899, стр. 423; Müllenhof, Deutsche Altertumskunde, II, Berl., 1887, стр. 385 и др.

⁵ Lebeau — S. Martin, Hist. du Bas Empire, VIII, Paris, 1827, стр. 474 и сл.

⁶ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 50.

⁷ Malal. Chronogr., 1831, стр. 451.

Очевидно, византийские авторы не считали нужным особенно разбираться в племенном составе смешанных варварских полчищ, нападавших на империю. Чтобы объяснить это явление, надо припомнить картину передвижения племен в V—VI веках в восточной половине Европы. В то время как гуннские племена, открывшие в конце IV века движение «восточных», т. е. азиатских, варваров в Европу, продвигались по линии северной границы империи (Черноморское побережье — Дунай), оттесняя на запад или подчиняя жившие здесь ранее племена — готов, скифов, тавров и др. — и оседая вместе с ними по всему пути от Волги до верхнего Дуная, с северо-запада наперерез им двигались к границам империи «западные», т. е. европейские народы, в подавляющей массе анты и славяне, западнее их — гепиды, лангобарды и др. Встреча этих двух волн привела к тому, что на северной границе Византии оказались живущими вперемежку племена и восточного и западного происхождения. На короткое время большая часть этих племен была объединена в гуннской державе Атиллы, но после 451 г. они постепенно снова распались на отдельные племена и союзы.

После окончательного ухода в Италию (487) остготов, которые до известной степени еще защищали северную границу империи, соседями империи оказались следующие основные племенные группы: на дунайской границе, кроме гепидов и лангобардов, гунны-котригуры, называемые также булгарами, и славяне, а по черноморской границе — анты, занимавшие в начале VI века огромное пространство от Дона до Днестра вперемежку с тавро-скифскими племенами, а потом, при Юстиниане, продвинувшиеся до нижнего течения Дуная (Рго с., Goth., III, 14), затем часть гуннов-котригуров, частично оставшаяся в Причерноморье, гунны — утигуры, уногундуры и другие племена, жившие между Азовским и Каспийским морями¹. Вторжения этих варваров с дунайской границы внутрь империи начинаются почти одновременно около начала VI века: нападения гуннов-котригуров, которые под названием булгар впервые выступают как союзники императора Зенона против готов², известны с 449 г.³, нападения славян (гетов) — с 517 г.⁴, антов — с 518 г. (Рго с., Goth., III, 40). С того времени нападения гуннов и славян повторялись почти ежегодно по 559 г., пока новая волна восточных варваров в лице аваров, прокатившаяся через славянские и гуннские области, временно не приостановила это движение; но через некоторое время оно возобновилось с еще большей силой при несколько измененном составе варварских полчищ: славяно-гуннский период сменился славяно-аварским.

Гуннские и славянские племена для военных предприятий, естественно, объединялись в союзы, причем в этих союзах могли участвовать и одни славянские племена. Прокопий отмечает неоднократно выступления одних славян (Goth., III, 13, 14, 29, 38 и др.). В смешанных союзах вождями могли быть и гунны и славяне. Так, известно, что племенной союз антов и гундуров имел одно время антских вождей⁵. В данном случае речь идет, очевидно, о союзе гуннов-котригуров и славян, — именно славян, а не антов, потому что анты, хотя и были сами славянами, но в то время находились во враждебных отношениях со всей остальной массой славян и вели переговоры о союзе с империей (Goth. III, 14), которая всегда использовала в своих целях межплеменную вражду и старалась натравить антов

¹ A g a t h., IV, 5.4; см. J. M a r q u a r t, Die Chronologie der altturkischen Inschriften, Leipz. 1898, стр. 78—80.

² J o. A n t i o c h., FHG (Müller), IV, стр. 619.

³ M a r c e l l. C o m. MGH, Chron. min. II, стр. 94.

⁴ I b i d., стр. 100.

⁵ M a r q u a r t, l. c., стр. 78, 80.

на славян, утигуров на котригуров и т. д. Особенность нападения 540 г. заключалась в том, что это было, повидимому, первое (если не считать восстания Виталиана) нападение славян на самую столицу.

Иоанн Эфесский, по его собственным словам, был лично свидетелем варварского нашествия; и действительно, его рассказ, сохранившийся Псевдо-Дионисием, несмотря на краткость, дышит свежестью впечатления очевидца. Тогда (540) он только что прибыл с Востока в столицу и жил «в поместье патриция Проба», племянника императора Анастасия¹, которое находилось, без сомнения, в одном из «предместий» столицы, как и поместья других знатных лиц, — и следовательно, подвергалось непосредственной опасности со стороны варваров. Естественно его явное недовольство правительством, которое защищало только дворец. Его близость ко двору начинается только с 542 г., а тогда он находился еще под сильным впечатлением только что пережитых на Востоке гонений на монофизитов² и считал нашествие варваров, как и чуму, карой божьей за эти гонения.

Варвары, очевидно, прошли «длинную стену» Анастасия и стояли уже под стеной Феодосия. К этой стене, построенной около 412 г., в 447 г. префектом Константином была пристроена с внешней стороны на некотором расстоянии другая, более низкая стена с башнями³. Это «предстенное укрепление Феодосиевой стены» (*προτείχισμα Θεοδοσίου τείχος*) очевидно, и разумеется у Иоанна под «наружной стеной», а не «длинная стена» Анастасия, находившаяся гораздо дальше стены Феодосия, хотя она также называлась «внешней стеной»⁴. Между 447 г. и тем годом, когда Иоанн записал это известие, прошло около 100 лет; значит, непосредственно после постройки наружной стены между нею и внутренней стеной, на узком пространстве в 100 локтей глубиной, были посажены деревья. Теперь они были срублены, потому что была опасность прорыва варварами наружной стены, может быть, в каком-нибудь месте уже и осуществленного («разразилась беда»); в таком случае деревья могли служить прикрытием для наступления варваров на внутреннюю стену.

Если поместье Проба и уцелело, Иоанну все же приходилось, несомненно, укрываться в самом городе, и он мог лично наблюдать, как приходили послы варваров и как укреплялись ворота дворца. Защита стены была, очевидно, вполне пассивной, и варвары спокойно ушли с добычей и пленными, для того чтобы вернуться без страха на второй и на третий год и получить такую же добычу.

Никто из компиляторов Иоанна не сохранил известий о нападениях на Византию славян в 551 г. (Рго с., Goth., III, 40) и славян и гуннов в 559 г. (Agáth. V, 12—15). Возможно, что этих известий и не было у Иоанна, так как в 50-х годах он был, вероятно, в Азии, но с 563 г. Иоанн почти все время до самой смерти (585) оставался в столице и, за исключением периода 571—579 гг., который он почти целиком провел в заключении⁵, мог наблюдать дальнейшее развитие варварского движения с Дунайской границы к Константинополю. И действительно, относительно этого периода Иоанн в третьей части «Истории» дает весьма существенные дополнения к показаниям византийских историографов второй половины VI века (продолжателей Прокопия и Агафия): Менандра, от которого сохранились, однако, только фрагменты⁶, и Феофилакта Симокатта, который не

¹ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 60.

² Там же, стр. 27—31, 60.

³ CIL, III, 734.

⁴ Оба места приводятся ниже. Терминология там несколько иная, как и в только что приведенном месте Mich. Syr. IX, 32.

⁵ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 82, 84, 98, 110.

⁶ Menandri Protectoris Fragmenta, FHG (Müller), IV, P., 1851, стр. 200—269.

был лично свидетелем событий 563—585 гг.¹ В это время выступления славян частично связаны были с выступлениями аваров.

Ниже приводятся известия Иоанна Эфесского не только о славянах, но и об аvaraх. Это необходимо, во-первых, потому, что в составе аварского войска всегда были западные, или паннонские, славяне, жившие за Савой и Тиссой и входившие вместе с котригурами в державу аварского кагана; во-вторых, потому, что из показаний Иоанна Эфесского достаточно определенно выясняется отношение между аvarами и главными массами славянства, жившими на восток от Тиссы, которое в исторической науке обычно освещается неправильно в смысле преувеличения исторической роли аваров и намеренной или ненамеренной недооценки исторической роли славянства. Некоторые византийские авторы, особенно позднейшие, дают повод к этому, представляя иногда славян вообще подчиненными аварскому кагану, очевидно, потому, что византийское правительство вело постоянные переговоры с каганом, иногда с антами, но никогда со славянами, жившими по Дунаю, на восток от Тиссы (мы будем называть их условно «дунайскими» славянами, а их западных соседей за Тиссой и Савой — «паннонскими» славянами). Но это объясняется тем, что аvarы после занятия Паннонии, а вначале также и анты преследовали почти исключительно цели грабежа и не стремились к захвату территории империи, тогда как дунайские славяне стремились именно к захвату основных территорий Восточной империи, и, следовательно, противоречия между ними и империей были непримиримы.

Авары, кочевники закаспийских степей, около половины VI века были покорены турками, создавшими мощное государство в Согдиане. Тогда часть аваров в количестве 20 тыс., как показывали сами турки, бежали от завоевателей (Men., fr. 18, 43) и в 558 г. появились в стране аланов, на западе от Каспия. Отсюда они отправили посольство к Юстиниану (ib., fr. 4), который рад был использовать их против котригуров и славян, как раз в то время предпринявших поход на столицу под предводительством Забергана (начало 559 г.). Результатом было движение аваров через Черноморское побережье к нижнему Дунаю — в «Скифию». По дороге они опустошили земли сабиров, утигуров, котригуров и антов; особенно пострадали анты, так как авары временно осели на занятых антами недавно — при Юстиниане — землях в самых низовьях Дуная (ib., fr. 5—6, 9).

В качестве новых охранителей границы авары получали ежегодные подачки от императора. В 562 г. они просили у Юстиниана разрешение выбрать себе землю для поселения внутри империи. Юстиниан предложил им вторую, или нижнюю, землю для поселения внутри империи. Но Паннония была занята гепидами и герулами, с которыми одни авары не могли справиться. В то же время командовавший войсками на дунайской границе Юстин (будущий император) принял спешные меры к укреплению границы на нижнем Дунае (ibid., fr. 9). Тогда авары предпринимают дальнейшее путешествие через дунайские земли на запад, тем более что византийское правительство, укрепив границу, перестало им платить (в 565 г. при Юстине II). Скоро авары оказываются в Тюрингии, ведут войну с франками, которая заканчивается союзом с ними, потом в союзе с лангобардами разрушают царство гепидов в Паннонии (567), после чего лангобарды вместе с покоренными гепидами уходят в Италию (568), а авары захватывают Паннонию, за исключением города Сирмия (Срема) на левом берегу Савы, который во время войны успевают занять византийцы².

¹ Theophylacti Simocattae Historiae, ed. Bonn., 1834 (CSHB).

² Men., fr. 14, 23, 25, 26; Greg. Tur., Hist. Franc. IV, 23, 29; Müllenhof, I. c. II, стр. 101—103.

С той поры Паннония стала отправным пунктом для дальнейших нашествий аваров на империю. Теперь авары были не одни: они стояли во главе могущественного союза племен, населявших Паннонию и соседние области (Далмацию, Норик, Рецию и др.). Аваров было всего 20 тыс. Между тем в походе 578 г. против дунайских славян участвовало 60 тыс. одних только всадников (*ibid.*, fr. 48). Здесь были гунны-котригуры, увлеченные аварами во время их движения на запад (*ibid.*, fr. 27), но еще больше здесь было западных славян, которые жили в Паннонии и соседних областях до нашествия аваров и остались здесь после ухода гепидов. Наличие здесь славянских племен до аваров ясно из показаний Прокопия (*Goth.* III, 29, 40 и др.), и в дальнейших походах аваров на империю, несомненно, участвовали жившие за Савой славяне¹.

Надо заметить, что власть аварского кагана и в этом союзе не слишком много значила. В 573 г., во время заключения мира с аварами, император Юстин II хотел непременно взять в качестве заложников детей кагана, но полководец Тиберий (будущий император), который воевал с аварами и лучше знал положение дел, настаивал, чтобы заложниками были взяты дети «скифских начальников», т. е. союзников кагана, потому что «если бы каган и захотел нарушить мир, отцы заложников на это не согласились бы» (*Men.*, fr. 33). Что касается дунайских славян, то они ни в каком отношении не были подчинены аварскому кагану, как и завязтые его враги — анты.

Неизвестно, каким путем авары прошли в Тюрингию через задунайские земли, но, очевидно, они как-то обошли землю, занятую славянами. До аварского нашествия 578 г., по признанию самого кагана, «эта земля не была разорена никаким другим народом» (*ib.*, fr. 48), и попытка кагана подчинить себе один из славянских союзов встретила решительный отпор со стороны славян (*ib.*, fr. 48). Все это необходимо иметь в виду при объяснении нижеследующих известий Иоанна Эфесского о славянах в третьей части его «Истории».

Полностью сохранились известия Иоанна о славянах при Тиберии (574—582). Известия о славянах при Маврикии до года окончания Иоанном его «Истории» (585) сохранились только в кратких пересказах Михаила Сирийца, которые легко могут быть выделены благодаря сохранившимся оглавлениям утраченных глав шестой книги. Интересующие нас главы Иоанн писал под непосредственным впечатлением событий постепенно — между 581 и 585 гг. Естественные пробелы в рассказе падают на 571—579 гг., когда Иоанн сидел в тюрьме.

В третьей книге, в 25 главе, написанной в конце 581 или в начале 582 г.² еще при жизни Тиберия, Иоанн дает общую характеристику внешнего положения империи за время, когда Тиберий был цезарем, т. е. при жизни Юстина II (574—578), и затем императором до времени написания главы (578—581). Характеристика проникнута симпатией автора к Тиберию, сравнительной веротерпимости которого он был обязан освобождением из тюрьмы³.

Глава 25: о тяготах многих войн, которые обступили царя Тиберия, когда он был цезарем.

«С того времени, как милостивый Тиберий воссел [на престол] в качестве цезаря при жизни Юстина царя, — потому что сам Юстин впал в испытание разных болезней, — этого цезаря со всех сторон обступили войны: прежде всего, война против персов, а одновременно с ней война против всех других варварских народов, которые восстали на сильное

¹ Например, *Theophyl. Sim.* VI, 4 и др.

² А. Дьяконов, Цит. соч., стр. 321.

³ Там же, стр. 109—111. Переведенный далее текст *I o. E p h.* III, 25, по изд. Brook, CSCO, III, стр. 152.

царство ромеев и грозили ему со всех сторон. Равно и после смерти Юстина враги сильно на него налегли и особенно проклятые народы склавинов (*esqlabine—σκληρῆνοι*) и тех волосатых людей, которые называются аварами (*abarīs*), главным образом, когда он стал императором, когда ему и на короткое время не было покоя от вестников и слухов, которые во множестве приходили к нему из всех мест. Так что многие вельможи и некоторые из маленьких людей страдали за него, говоря: в тяжких испытаниях и в злые дни досталось ему царство, так как дни и ночи он подвержен заботе о том, чтобы собирать отовсюду войска и посылать их во все стороны на многочисленные войны».

Конкретно эта картина развертывается в приводимых ниже главах шестой книги. Положение было такое. Авары, получившие от Юстина II отказ в ежегодных подарках, когда они были еще слабы, теперь, после образования сильного аварского союза в Паннонии (576), выступают с новыми требованиями: они требуют передачи Сирмия, который раньше принадлежал к завоеванному ими государству гепидов, и ежегодной выплаты сумм, которые раньше получали от империи покоренные теперь аварами котригуры и утигуры. Непрерывные посольства с этими требованиями в 568—574 гг. сопровождалось нападениями на Сирмию и Далмацию (Men., fr. 26—29 и сл.). Посланный в 573 г. для решительных переговоров полководец Тиберий (будущий император) не имел успеха, и начавшаяся затем война привела к решительному поражению Тиберия¹. В конце 574 г. (7 декабря) психически больной Юстин II передал управление государством Тиберию в звании цезаря², и первым делом нового цезаря было заключение позорного мира, по которому империя обязалась платить кагану ежегодно 80 тыс. номисм³. Аваров, которые сами не имели завоевательных планов в отношении империи, можно было купить золотом.

Гораздо опаснее для империи были задунайские славяне. Когда после ухода аваров из Скифии (565) аварский кризис, задержавший на время движение этих славян, разрешился, они стали нападать на империю с новой силой. В 578 г. (в четвертом году цезарства Тиберия) славяне в числе 100 тыс., перейдя Дунай, опустошили Фракию и другие балканские провинции, в том числе и Элладу⁴. Не располагая собственными силами, Тиберий направил против дунайских славян аварского кагана, который и сам стремился поживиться за счет огромных богатств, в разное время захваченных славянами в империи. Кроме того, славяне одного союза во главе с вождем Давритой, или Даврентием, решительно отказали кагану в подчинении и даже убили посланных с этим предложением его послов. Аварское войско было перевезено на византийских судах через Саву, проведено по территории империи на восток до какого-то пункта на Дунае (может быть, Доростола) и здесь вновь было переправлено на северный берег Дуная. Селения славян были сожжены и ограблены, но сами славяне были неуловимы в своих лесах (Men., fr. 48), и поход кагана не имел для них существенных последствий. Но для империи это был опасный прецедент. Авары и их союзники не переставали угрожать империи. Они снова требовали Сирмия, который для империи был главным оплотом против паннонских соседей. Переговоры были безуспешны. В течение трех лет (579—582) происходила война из-за Сирмия (*ib.*, fr. 68). В 581 г. каган построил мост на Саве, между Сингидоном и Сирмием, чтобы окружить Сирмию со всех сторон и обеспечить себе удобную переправу в римские провинции. Затем

¹ Men., fr. 34—35; Evagr., Hist. eccl. V, 11; Theophan. стр. 247.

² J. o. Eph., III, 5.

³ Men., fr. 63; Theoph. Sim. 1, 3, стр. 38—39.

⁴ Men., fr. 47, 48. Это нашествие не тождественно с нашествием 581 г., о котором говорит J. o. Eph. VI, 25; см. ниже.

был построен еще другой мост в верховьях Савы для переправы в Далмацию (ib., fr. 63—64, ст. 66). В постройке мостов, как и позднее, несомненно, участвовали паннонские славяне, так как славяне считались специалистами по речному и морскому делу ¹.

Оправдывая постройку моста, каган ссылается на то, что в интересах империи он намерен совершить новый поход на дунайских славян, и даже просил Тиберию заготовить суда для переправы его войск через Дунай, как в 578 г. (ib., fr. 63). Истинные намерения кагана были ясны для ромеев, но все попытки помешать постройке моста остались безуспешными. Посланный Тиберием две армии (через Иллирик и Далмацию) были бессильны спасти Сирмий (ib., fr. 64). Выдержав двухлетнюю (580—582) осаду, город должен был сдаться вследствие голода. По приказанию Тиберия полководец Феогнид передал город аварам и согласился на уплату золотом за прошедшие три года войны (ib., fr. 66). Таким представляется положение на северной границе империи у Менандра.

Иоанн Эфесский не упоминает о событиях 573—579 гг., в том числе и о вторжении славян 578 г., так как в эти годы он был в тюрьме. Зато он сообщает о другом нападении славян на империю и на самую столицу (581), о котором у Менандра известия не сохранились. Во всем остальном детальный рассказ Иоанна, содержащийся в шестой книге (главы 24—25 и 30—33), представляет параллель к рассказу Менандра, но с некоторыми существенными подробностями. Эти главы написаны автором в 584 г. ²

«Глава 24: о гнусном народе, который называется аварами.

Этот народ волосатых ³ людей, которые называются аварами, пришел и объявился на земле ромеев во дни Юстиниана царя. Приняв послов их, он щедро одарил их золотом и серебром, одеждами и поясами (ζωνάρια), золотыми чепраками и другими [вещами], которые он дал им и послал через них их начальникам, так что они дивились и снова посылали других, и он опять давал и этим и щедро их одарял. Так они посылали много раз по [различным] причинам. И не только послов посылали, но и скопища (ζωγία) составляли и приходили, а он их всех одарял и нагружал [добычей], и они уходили. Ибо он думал, что при помощи их сможет покорить всех своих врагов. Так что поднялся против него ропот со стороны всего сената и всего города, что вот он разоряет царство и раздает его варварам. Когда он ушел из мира и воцарился Юстин, сын сестры его, случилось, что пришло одно такое скопище, чтобы по обычаю нагрузиться дарами и уйти. Немного дней спустя они пришли к Юстину и сказали ему: дай нам, как давал умерший царь, и отпусти нас идти к своему царю. Но царь Юстин, бывший одним из тех, которые скорбели и роптали по поводу того, сколько они берут и уносят из царства, сказал им: больше вы ничего не получите и уйдете [ни с чем]. А когда они начали угрожать, он разгневался на них и сказал им: вы, дохлые собаки, угрожаете царству ромеев? Знайте, что я обстригу у всех вас волосы, а потом сниму и головы. По его приказанию они были схвачены и отправлены на корабли, и он удалил их из города; их перевезли [через Босфор] и заключили в Халкидоне. Их было около 300 человек. Там было поставлено войско со скрибонами и схоляриями, которые сторожили их в течение шести месяцев. Наконец он освободил их и отослал; он пригрозил им, сказав: если я увижу еще кого-нибудь из вас здесь и вообще в моем государстве (πολίτεια), тот не останется живым. Тогда они убоялись его, успокоились и больше не показывались к нему.

¹ Theoph. Sim. IV, 4; Mauricii Strateg, «Исторический архив» II, 1930, стр. 35.

² А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 323.

³ Ср. Mich. Syr. (Jo. Eph.) X. 21, стр. 379, «заплетающих волосы»; см. ниже.

Наконец они послали к нему послов [с предложением] дружбы и покорности и [обещали], что сделают все, что он им прикажет. Итак, все они оставались его друзьями. Так как они были народ сильный и особенно умножились и усилились от многих северных народов, которых они подчинили и завоевали, то они напали напоследок на том берегу великой реки, называемой Дунаем (Dunabis) на другой сильный, народ гепидов (gipidas — Γηπαίδες), завоевали их и наследовали их землю; они осели и распространились на этой хорошей земле. Наконец, под видом друзей, они с коварством послали послов к царю Юстину, которые просили его [от имени своего царя] послать к нему инженеров (μηχανικούς) и строителей, чтобы они построили ему дом-дворец (πάλαττον) и бани (βαλανεῖα), почему он их и послал¹. А когда они пришли, построили ему дворец и бани и, покончив [работу], требовали отпуска и возвращения [домой], тогда он открыл свою хитрость и обнаружил коварство сердца своего. Он арестовал их и извлек меч свой на них, говоря: если вы со своим искусством не постройте мост на Дунае (Dunabis), чтобы нам перейти, куда захотим, никто из вас не будет жив, и я сейчас сниму ваши головы. Когда он так принуждал их, они сказали ему: кто может или кто смог когда-либо построить мост на реке, которая похожа на море? Кроме того, если бы мы могли его построить, это было бы против государства (πολιτεία) ромеев, и тот царь убил бы нас; пусть мы умрем или будем жить, но этого мы не можем сделать. Он тотчас отрубил головы двоим из них, так что другие, убоявшись смерти, обещали: если вы привезете нам много больших и крепких деревьев, мы сделаем мост и не умрем. Тогда вышло много народа и срубили много крепких и больших деревьев. Так, вынужденные [угрозой] смерти от меча, они применили свое искусство и построили весьма прочный мост. Когда царь Юстин процарствовал 13 лет, он ушел из мира, и победитель Тиберий, пробыв с ним вместе четыре года цезарем, явился после него автократом. Немало беспокоило его и все государство это дело, которое было в третьем году его царствования после смерти Юстина, и он всеми мерами старался, чтобы мост сломали, но сейчас не мог [этого сделать], и они владели им и оставались там, причем требовали у царя: или он отдаст им город Сирмий на этом [т. е. аварском] берегу, чтобы им поселиться в нем, или они будут воевать с ним и опустошат все его государство (πολιτεία). Но он решительно не согласился отдать им его. И вот они, собравшись, выжидали подходящего времени, чтобы начать войну². Они построили, говорят, и другой мост, чего никогда не бывало, и это сделали они, подготавливая зло».

¹ Mich. Syr. X, 18, стр. 371a: «Царь был рад приобрести их дружбу и послал им, кого они просили».

² У Михаила Сирийца (в гл. X, 18, стр. 371a—372a), кратко пересказывающего здесь данную главу «Истории» Иоанна, имеется такая неожиданная вставка, вероятно, заимствованная из VI, 45 той же «Истории», где Иоанн снова повторял рассказ об аварах, как это видно из сохранившегося оглавления шестой книги (см. ниже): «Когда воцарился Тиберий и узнал, что мост был на Дунае, он решил его разрушить, но сейчас не мог, так как был занят войною с персами, которая велась (персами) против ромеев 20 лет. Тогда усилилось на них давление со стороны аваров, которые поднялись и пришли с окраин Востока. А еще — народы западнее склавинов и других, называемых лангобардами, так как они были в подчинении у кагана (kagan), царя аваров. И они построили еще другой мост на Дунае (Dunabis)». Так как приведенный текст, за исключением первой и последней фраз, повторяется почти буквально еще в Mich. Syr., X, 21 (см. ниже), то надо предполагать, что одно из этих мест заимствовано не непосредственно из VI, 45 третьей части «Истории» Иоанна Эфесского, а из другого источника, может быть, из Иакова Эфесского, который имел своим первоисточником того же Иоанна Эфесского. Первая фраза приведенного текста — явное недоразумение компилятора: мост был построен не при Юстине, а в третьем году Тиберия, как ясно говорит Иоанн Эфесский.

Этот рассказ по содержанию соответствует известиям Менандра в сохранившихся фрагментах его «Истории» (14, 23—29, 31—35, 63—64), но имеет существенные особенности и дополнения в отношении тех фактов, которые автор наблюдал непосредственно. Иоанн был близок ко двору Юстиниана и Юстина II (до 571 г.), был в курсе политики Тиберия, и его сведения заслуживают полного доверия. Говоря об Юстиниане и Юстине II, автор выходит из хронологических границ третьей части своей «Истории»¹, и весьма возможно, что он повторяет то, что было уже сказано во второй части. Оценка политики Юстиниана в отношении варваров совпадает с точкой зрения Прокопия в его «Тайной истории» (XIX, 13—16, VIII, 5—6) и решительно расходится с точкой зрения Менандра, который полагает, что Юстиниан своей политикой «преодолеет бы аваров», если бы ему не помешала смерть (fr. 4).

Красочный рассказ о приеме аварских послов Юстином II внушает больше доверия, чем отзывающийся риторическим вымыслом рассказ Менандра². Может быть, Иоанн был лично свидетелем этого приема. Отсутствующий у Менандра рассказ об аресте аварского «скопища» своими конкретными подробностями вполне доказывает свою достоверность. Иоанн умалчивает о движении аваров из Скифии в страну франков, о котором, очевидно, не имел достоверных сведений, а равно о событиях 571—579 гг., когда он был лишен свободы. Зато он сообщает важное сведение, что авары усилились только благодаря подчинению «северных народов», под которыми обычно разумеются в первую очередь славянские племена.

В приведенном выше дополнении Михаила Сирийца, заимствованном, вероятно, из шестой книги «Истории» Иоанна, прямо говорится о славянах и лангобардах. Но лангобарды могли участвовать в аварском союзе разве лишь в незначительном количестве, потому что главная масса их в 568 г. ушла в Италию. Что касается славян, подчиненных кагану, то здесь разумеются, без сомнения, паннонские славяне, так как они вместе с аварами представляются живущими за Савой и во всяком случае наступающими на Сирмию не с востока.

Правда, в данном случае рассказ Иоанна имеет одну ошибку. Авары построили мост не через Дунай, а через Саву. Это видно не только из показания Менандра (fr. 63), но и из самого существа дела. Паннония, область гепидов, захваченная аварами, была отделена от римской территории Савой, а не Дунаем. Для того чтобы пройти в страну дунайских славян, авары в 578 г. должны были сначала перейти Саву, а потом, пройдя по римской территории, переправляться на северный берег Дуная (ib., fr. 49—50). Такой же путь предполагался каганом в 580 или в 581 г. (ib., fr. 63). Возможно, что мы имеем здесь ошибку переписчика-сирийца, который просто не понял названия Сава (Σάος). Но возможно, что ошибка принадлежит самому автору. Смещение Сава с Дунаем было естественно для того времени, когда северную границу империи составляла почти прямая линия Сава — Дунай. Тенденция к такому смещению, повидимому, есть у Менандра³.

О посылке византийских инженеров к кагану рассказывает только Иоанн Эфесский. Инженеры были посланы Юстином II, но мост они построили только в 581 г., следовательно они пробыли у аваров не менее

¹ Третья часть начиналась с 571 г. (6-й год Юстина II) J o. E p h. I, 3.

² Прием описан также у панегириста Юстина II Кориппа (De laud. Justini, lib. III), по которому он имел место в седьмой день после воцарения Юстина.

³ Каган, по его словам (fr. 28), в 568 г. грозил императору «перейти Истр» (т. е. Дунай), а потом и Герб (Марицу) «чтобы занять сразу все фракийские города», — следовательно, перейти с левого берега Дуная на правый. А в 578 г., для того чтобы попасть в находившиеся на левом берегу Дуная славянские земли, ему надо было переходить опять-таки Дунай уже с правого берега на левый (fr. 48). Ср. также fr. 27 и 63.

семи лет. В постройке мостов, несомненно, участвовали паннонские славяне, как об этом и сказано в приведенном дополнении у Михаила Сирийца. Степные кочевники-авары не были знакомы с судоходством и речным делом. В 592 г. в аналогичных условиях, когда кагану потребовалось перейти Саву, славяне изготовляли ему суда, а потом соорудили мост из судов через эту реку (Theoph. Sim. VI, 1, 4). Вероятно, о таком же мосте идет речь и в данном случае, только византийские инженеры должны были применить более высокую технику. Стратег VI—VII веков Маврикий свидетельствует, что славяне и анты «опытны в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей»¹. В данном случае имеются в виду только паннонские славяне, так как в том же году, когда паннонские славяне строили мост и осаждали Сирмий, дунайские славяне совершали вторжение во Фракию, о котором наш автор рассказывает в следующей, 25 главе шестой книги, написанной также в 584 г.

«Глава 25: о народе склавинов (*esqlavinu*) и об опустошении, которое они произвели во Фракии в третьем году царствования кроткого царя Тиберия.

«В третьем году после смерти царя Юстина и воцарения победителя Тиберия² совершил нападение проклятый народ склавины (*esqlavine*). Они стремительно прошли всю Элладу, страны Фессалоники³ и всей Фракии и покорили многие города и крепости (*qastros — castra*). Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле. Они осели на ней господами, как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе, по причине того, что царь занят персидской войной и все свои войска послал на Восток, — по причине этого они растеклись по земле, осели на ней и расширились на ней теперь, пока допускает⁴ их бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных так что у самой внешней стены они захватили и все царские табуны⁵, много тысяч [голов], и другую разную [добычу]. Вот и до сего дня, т. е. до 895 г.⁶, они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев — люди, которые не смели [раньше] показываться из дремучих лесов и [мест] защищенных деревьями⁷ и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев (*loxhidia*), т. е. дротиков»⁸.

В этой весьма ценной для истории славян главе, к сожалению, особенно сильно сказываются свойственные вообще Иоанну беспорядочность изложения, «общие места» и тавтология. В самом стиле чувствуются исключительное волнение и беспокойство автора перед этими страшными варварами, которое, конечно, должно было охватить все население империи, и в частности столицы. Мы дали перевод, по возможности, буквальный.

Нашествие славян, о котором говорит Иоанн, обычно отождествляется с нашествием 578 г.⁹, о котором рассказывает Менандр (fr. 47—48). Но по-

¹ «Исторический архив», II, стр. 35.

² Буквально: «в третьем году после смерти царя Юстина и царствования» и т. д.

³ Точно: «Фессалоники», plur.

⁴ Так, думаю, надо понимать слово «game»: Brooks (versio 249) переводит: «пока их выбросит бог», что также приемлемо. J. M. Schönfelder (Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus, München, 1862) переводит: «пока их выбросил вон бог». Об этом правильно было сказано: «не бог выбросил их, а немецкий переводчик» (A. v. Gutschmid, Kl. Schr., V, стр. 433).

⁵ Буквально: «так что даже до внешней стены и табуны царя все... захватили».

⁶ 895 г. селевкидов равняется 583—584 г. н. э.

⁷ Mich. S. y. r., 18 (стр. 372a) читает вместо *vachsike* («и защищенные») — *dchazine* («мошных»). Вероятно, в первоначальном тексте было: «из дремучих лесов с мощными (или частыми) деревьями».

⁸ Mich. S. y. r. (ib.) добавляет: «и стали они господами в стране ромеев на долгое время».

⁹ А. В. Васильев, Славяне в Греции. ВВ, V, 1898, стр. 409—410. Ю. Кулаковск и й, История Византии, т. I, Киев, 1915, стр. 395; С. П. Шестаков, Лекции по истории Византии, т. I, Кавань, 1915, стр. 387 и др.

следнее датируется у Менаандра «четвертым годом царствования Тиберия цезаря» (гг. 4—7), т. е. четвертым годом цезарства Тиберия, которое началось с 7 декабря 577 г. В данном случае речь идет о «третьем годе царствования Тиберия» «после смерти Юстина», т. е. о третьем годе его автократии, которая началась 26 ноября 580¹ г. В 584 г., когда была написана данная глава, шел и, может быть, уже кончался четвертый год от начала нашествия: значит, нашествие началось не позднее весны 581 г. Хронология вполне ясная: речь идет о нашествии, о котором у Менаандра известия не сохранились, как и у других византийских историков и хронистов, несмотря на всю важность события. Повидимому, дело надо объяснять тем, что это событие лежало на грани исторической традиции между Менаандром и Симокатом, которые были первоисточниками и для позднейших авторов: первый, заканчивая свою историю 581 г., просто не успел о нем рассказать, а второй, начиная с 582 г., считал его уже выходящим за хронологические рамки своей «Истории». При этом оба были слишком увлечены рассказом об аварской войне. Историческая достоверность славянского нашествия 581—584 гг. не может подлежать сомнению, так как Иоанн был его свидетелем длительное время.

Какие славянские племена участвовали в этом нашествии? Это были не западные, паннонские, славяне, потому что на линии Савы стояли тогда две византийские армии, и не анты, потому что наш автор знает антов под их собственным именем.² Значит, это были дунайские славяне, жившие между Тиссой и антами (т. е. Скифией). В 90-х годах VI века ромейские армии переходили через Дунай в области славян, особенно беспокоивших империю, у Доростола и Секуриски (в Нижней Мезии), у Верхних Нов и Виминакия (в Верхней Мезии)³. Этими пунктами можно определить приблизительно те области, из которых пришли славяне в 581 г. Провинции, через которые славяне «стремительно прошли», перечисляются у Иоанна в обратном порядке: они должны были, конечно, пройти сначала Фракию, потом — Македонию («страны Фессалоники») и, наконец, Элладу, вероятно, включительно до Пелопоннеса, причем они делились на группы, оседая по частям в захваченных провинциях. Иоанна, естественно, больше всего занимает та группа, которая осела во Фракии, недалеко от столицы; о других группах он не говорит ничего, кроме общих фраз. Фракийская группа доходила до «внешней стены», под которой здесь надо подразумевать «длинную стену» Анастасия между Дерком и Селимврией, так как на этот раз славяне не обнаружили намерения напасть на самую столицу.

Нашествие 581 г., в котором участвовали одни славяне, существенно отличалось от нашествий 540—542 гг., в которых они участвовали вместе с гуннами. Там целью нашествий был грабеж: варварские полчища приходили и уходили с добычей, хотя возможно, что уже тогда часть славян оставалась в империи. Теперь картина другая. Иоанн и здесь говорит о грабежах и опустошениях, об уходе пленных, но, с другой стороны, славяне «оседают на земле», становятся «господами земли», живут на ней четыре года и не собираются уходить. Это видимое противоречие надо объяснить так: славянское движение 581 г. было движением племенных групп, искавших мест для поселения, но в нем участвовали также — и, вероятно, стояли во главе его — дружины, которые, захватив добычу и пленных, уходили обратно к тем частям племен, которые оставались за Дунаем. Племенные группы оставались в качестве земледельцев и скотоводов на занятой земле.

¹ J. o. E p h. III, p. III, 5—6; C l i n t o n, Fasti Romani, I, стр. 894.

² J. o. E p h., ib., VI, 48; M i c h. S y r., X, 21, стр. 379a.

³ T h e o p h y l. S i m. VI, 8—9; VII, 3—6; VII, 7; VIII, 1.

В отличие от степных кочевников, гуннов и аваров, славяне были склонны к оседлости и земледелию. Занятие земли на Балканах было возможно потому, что балканские провинции сильно обезлюдели в результате продолжавшихся уже два столетия варварских нашествий. Славяне, которые хотели поселиться на новых местах, заинтересованы были в мирных отношениях с местным крестьянским населением. В 584 г. авары и западные славяне говорили крестьянам Мезии: «выходите, сейте и жните, мы возьмем с вас только половину подати»¹. Нет оснований думать, что иначе относились к крестьянам дунайские славяне. Может быть, часть крестьян захватывалась в плен. Зато крупные виллы и латифундии, занимавшие, вероятно, большую часть территории (особенно в Элладе), без сомнения, сильно пострадали: они-то и подвергались «грабежам и опустошениям», о которых говорит наш автор. Но именно потому крупные помещики должны были из страха перед варварами бросать землю и уводить своих рабов в другие, более безопасные поместья. В результате, под самой «длинной стеной» вместо сенаторских вилл появляются своего рода сальтусы, на которых пасутся, между прочим, конские табуны императора, «много тысяч голов». Таким образом, для новых поселенцев земли было достаточно. Правительство не только было бессильно против них, но и не имело особых оснований сгонять их с земли, так как оно рассчитывало получать с них обычную «синтелию», которую нельзя было получать с пустого места. Беда была только в том, что даже эти мирные поселенцы умели защищаться, а иногда и нападать с оружием в руках.

В дальнейшем источники часто говорят о восстаниях славян внутри империи. Это был постоянный революционный элемент, который действовал заодно с периодически восставшими рабами и колонами империи. Кроме того, к новым поселенцам периодически возвращались для грабежа городов и оставшихся латифундий, а также монастырей и церковей вооруженные дружины соплеменников из-за Дуная. Таким образом, внутренние восстания здесь сливались с внешними вторжениями. Поэтому правительство относилось к новым поселенцам то спокойно, то высылало против них войска. Данные источников, относящиеся к 80 и 90-м годам VI века, показывают, что правительственные войска борются против вооруженных дружин, стараясь оттеснить их за Дунай, но иногда они нападают и на мирное славянское население Фракии и Мезии, а иногда сами мирные славяне нападают на войска правительства.

¹ Mich. Syr. (J o. E p h.) X, 21, стр. 379a.

ФИНИКИЙСКИЕ ОБЩИННО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ ПО ТЕКСТУ РАС-ШАМРА

Академик Н. М. Никольский

Как известно, раскопки французского археолога К. Шеффера в Рас-Шамра и Минет-эль-Бейда, недалеко от Латтакие, начатые в 1929 г. и перед войной еще не законченные, подарили исторической науке ряд финикийских текстов, восходящих ко второму тысячелетию до н. э. По своему значению эти открытия могут быть сравниваемы с первыми открытиями ассииро-вавилонских текстов и памятников, сделанными в 40 и 50-х годах XIX века. Только теперь древняя Финикия впервые заговорила с нами сама своими разнообразными текстами, развалинами древнего финикийского города Угарита — крупнейшего культурного центра, с царским дворцом, храмами, библиотекой, архивами, школой жрецов, домами родовой аристократии, с фамильными усыпальницами и некрополем.

Финикийские тексты, найденные в Рас-Шамра, — самого разнообразного содержания. Основное место занимают религиозные тексты. Над расшифрованием клинообразного алфавита Рас-Шамра и языка текстов и над изданием и первоначальной обработкой важнейших текстов трудились такие крупные семитологи, как Виролло, Дюссо, Дорм, Тюр-Данжен, Доссен, Бауэр, Монгомери и другие ученые Европы и Америки¹.

Уже первое знакомство с текстами Рас-Шамра показало, что в свете их данных оказываются неправильными и подлежат пересмотру некоторые общепринятые точки зрения по ряду основных вопросов о характере общественно-политического строя Финикии и финикийской культуры, особенно религии.

В Финикии, как и на всем древнем Востоке, религия была неразрывно связана со всеми сторонами быта и культуры — с хозяйством, общественным укладом, политическим строем, литературой и начатками науки. Поэтому изучение религиозных памятников Рас-Шамра и реконструкция содержания и истории финикийской религии должны попутно осветить также и ряд вопросов общей и культурной истории Финикии.

Еще до начала войны я наметил для себя определенную задачу в этом направлении, выделив один из текстов, который, как мне кажется, представляется в этом отношении особенно важным. Исследованию этого текста и использованию его материала для реконструкции общинно-земледельческих культов и попутно для освещения всей религиозной и обще-

¹ Ежегодные отчеты Шеффера о результатах раскопок публиковались с 1930 г. вплоть до 1940 г. в журн. «Syria» — Schaeffer, Les fouilles de Minet-el-Beida et de Ras-Shamra; в том же журнале ежегодно публиковались тексты главным образом Виролло, а также и другими семитологами.

ственной истории Финикии посвящена моя обширная монография «Этюды по истории финикийских общинно-земледельческих культов», над которой я работал два года слишком в немецкой оккупации и в партизанской зоне Белоруссии.

В истории Финикии III—I тысячелетий до н. э. на первый план выступают города — центры финикийских царств Гебала, Тира, Сидона, Угарита и др. Области этих царств были сравнительно небольшие; но, как показывают тексты Рас-Шамра, области некоторых городов во II тысячелетии до н. э., как и позднее, расширялись на Восток за пределы Ливанского хребта, заходя даже за реку Оронт, и вклинивались в Сирийскую пустыню. Население этих дальних областей было крестьянским, однако о его хозяйстве и быте у нас никаких прямых сведений не было. Но теперь некоторые религиозные тексты Рас-Шамра, подкрепляемые документальными данными из царского архива Угарита, дают возможность приподнять завесу, скрывавшую от нас религиозные верования и обряды, связанные с крестьянским земледельческим бытом, и выяснить ту социальную базу, на которой они образовались. Основным текстом такого рода и является текст, опубликованный в 1933 г. с переводом и комментарием Виролло под названием «Рождение богов благостных и прекрасных»¹. По начальным буквам имен двух из этих благостных богов тексту было дано условное обозначение SS.

Виролло бесспорно имеет огромные заслуги как издатель, первый комментатор и переводчик религиозных текстов, открытых в Рас-Шамра. Однако при черновом издании и истолковании текста SS, особенно трудного для понимания, Виролло не мог преодолеть всех затруднений. Текст небольшой — всего 76 строк; он сохранился лучше других более крупных текстов; но даже во вполне сохранившихся частях он представляет для понимания и толкования весьма значительные трудности, подчеркиваемые Виролло во вступительных замечаниях к переводу текста. Виролло считает свой перевод только опытом (essai) перевода. Он поэтому оставляет без перевода ряд важных терминов, собственных имен и отдельных слов. Он отказывается также от какой-либо определенной характеристики текста SS и выражает лишь надежду, что его недоумения сгладятся, когда язык текста и идеи, им выраженные, «будут нам лучше известны»².

Затруднения со стороны языка не помешали, впрочем, Дюссо, Бауэру, Бартону, Гастеру и Вильямсу³ правильно определить общий характер текста SS как текста ритуального. Но эти семитологи разошлись в вопросе о назначении ритуала текста SS, а также в вопросе о месте и времени происхождения текста.

Дюссо считает, что текст был составлен в оазисах между Средиземным и Красным морями, может быть, еще в IV тысячелетии до н. э., а Бартон считает текст возникшим в Иерусалиме в эпоху Авраама и Мельхиседека.

Причина всех этих разногласий коренится в различном толковании некоторых терминов и собственных имен, встречающихся в тексте SS. Правильное толкование этих спорных речений должно дать основу для

¹ Virolle aud. La naissance des dieux gracieux et beaux «Syria», 1933, II, p. 12.

² Syria. 1933, II, p. 128—129.

³ Bauer. Die Gottheiten von Ras-Shamra, ZAW, 1935, I, S. 54; Barton. A Liturgy for the celebrating of the Spring festival at Ierusalem in the age of Abraham and Melchizedec (B «Journ. of Biblical Literature», 1934, p. 61—78); Gaster. An ancient Semitic Mystery play (в «Studi e Materiali di Storia della religioni», 1934, p. 156—184); его же статья в журн. «Antiquity», XIII, 1939; Williams, The Ras-Shamra inscriptions and their significance for the History of the Hebraic Religion, «University Chicago Press», 1935.

правильного разрешения вопросов о специфике ритуала текста SS и о времени и месте его происхождения.

Исходя из частей текста SS, толкование коих является бесспорным, мы можем суммировать содержание текста в следующих кратких чертах. Текст начинается призывом к «благостным и прекрасным богам» дать людям хлеб и вино; за это царь ¹ дает обет построить благостным богам город и святилище в пустыне. Призыв к богам и обет царя вызываются бедственным положением страны: сейчас царствует бог Мот с скипетром бесплодия. Для отвращения этого бедствия совершается ряд обрядов, которые можно сгруппировать в три цикла.

В первом цикле описываются обряды, постулирующие прекращение засухи и явление благостных богов. Описание этих обрядов дается в краткой форме, местами отрывочно; в нем много неясных терминов и малоопределенных мест; оно особенно трудно для толкования, и перевод его у Виролло изобилует пропусками и местами сводится к набору бессвязных слов. Первый цикл заканчивается описанием явления благостных богов и воцарения бога Шалема на «поле богов» около святилища, где совершается священнодействие.

Второй цикл обрядов излагается в более связной и подробной форме и гораздо легче для толкования, чем первый. Он состоит из двух частей. В первой части описываются магические обряды, которые постулируют свержение владычества Мота и вызывают так называемый «ранний дождь»; во второй части описывается обряд *īerōs ūāmos* — обряд священного соития, в результате которого происходит зачатие и рождение благостных богов. Этот обряд описан особенно подробно. Рождаются восемь благостных богов, из которых выделяются три бога, названные по имени — Шахар и Шалем, боги-близнецы (от имени их и взято условное обозначение текста литерами SS), — и бог Шиб'они.

Текст третьего цикла дошел со значительными пробелами, особенно в конце. В нем описываются обряды, связанные с построением и освящением будущего обетного храма, строителем которого Дюссо и Виролло считают указанного выше бога Шиб'они. В этом цикле дано и название будущего города — *Ašdd*, название пустыни *Qdš* — Кадеш. Дюссо и Виролло отождествляют название *Ašdd* с филистимским Ашдодом (Азотом) и именно на этом основании считают текст возникшим на юге Палестины.

Уже из этого краткого резюме содержания текста SS обнаруживается неправильность точки зрения Дюссо, который считает текст связанным с построением нового города-станции в пустыне, на караванном пути. Никаких намеков на торговлю, на торговые караваны и на торговые пути в тексте нет; да и город Ашдод был не промежуточным пунктом караванного пути между Средиземным и Красным морями, а одним из его конечных пунктов. Идейное и обрядовое содержание текста совершенно ясно: это ритуал магического, жертвенного и драматического священнодействия, совершаемого с целью обеспечения будущего урожая хлеба и вина, здоровья и благополучия людей и скота. Дюссо прав лишь в том отношении, что некоторые составные элементы церемоний текста SS весьма древни и связаны в известных отношениях с традициями Негеба — палестинского Юга. Но уже с первого взгляда видно, что рядом с элементами, восходящими к первобытному кочевому быту, в тексте имеются также элементы, связанные с оседлым земледельческим бытом, и элементы, сходные с церемониями официальной обрядности. Отсюда вытекает, что ритуал текста был скомпанован в историческую эпоху жрецами, которые использовали

¹ В тексте стоит *bn srm*; Виролло толкует *bn* как множественное число — *бне* и переводит «сыны царя». Об этом см. ниже, примечание I к переводу, стр. 42.

для его составления, с одной стороны, древние традиционные общинные обряды, связанные с народной религией, а с другой стороны — новые обряды, связанные с официальной религией.

Такая общая характеристика текста SS целиком подтверждается и раскрывается во всех подробностях, когда мы выясним подлинное значение и смысл тех имен, терминов и выражений, толкование которых затруднило Дюссо и Виролло и привело к разногласию между ними. Толкование этих спорных речений имеет решающее значение, потому на нем я должен остановиться подробнее. Дело идет о толковании имен благостных богов Шахара и Шалема, терминов 'rbm и šnm, которыми обозначены объекты «царства» Шалема, речений špm и qdš, которыми обозначается пустыня, где должен быть построен обетный город; кроме того, надо установить правильное чтение названия этого города и выяснить вопрос о его местоположении. Разрешение всех этих вопросов даст нам твердую основу для окончательного выяснения подлинной цели и характера текста и для установления места и времени его происхождения.

Чтение имен Шахар и Шалем надо считать бесспорным. Но Бауэр, Дюссо и Виролло сопоставляют имя šhr с еврейским šaḥar «утренняя заря», отсюда «утренняя звезда», а šlm с еврейским и финикийским šalom — «мир», или «тот, кто приносит мир», причем Дюссо добавляет еще значение «вечерний мир или покой», отсюда «вечерняя звезда». Однако эти ученые не разъясняют, какое отношение к земледельческому ритуалу текста SS могут иметь божества утренней и вечерней звезды. Правда, Шахар (утренняя заря) встречается как податель дождя также в Библии (Гом. 6,3). Но и это представление нуждается в объяснении: в основе его лежит, надо полагать, более древнее осмысление имени Шахар.

Проще всего разрешается вопрос об основном характере Шалема, которого астрализует только Дюссо. Имя этого бога связывается с еврейским, финикийским и арамейским šlm-šalom и аккадийским šalamu, šalmu и т. п., имеющими значение «состояние целости, здоровья, благоденствия, мир» и отсюда — «счастье, спасение от бед». Существование финикийского культа бога Шалема засвидетельствовано также в других ритуальных текстах Рас-Шамра и в теофорных финикийских и вавилонских именах; следы культа Шалема сохранились также в арамейских текстах и в израильско-иудейской традиции. Бог Шалем текста SS обеспечивает спасение людей от бедствий и их благоденствие в силу того, что ему, как говорится в строке 7, принадлежит царство над 'rbm и šnm.

Эти термины весьма затруднили и Дюссо и Виролло. Виролло истолковал их в смысле названий народов — арабов и доселе неизвестных «шененитов». Несостоятельность этого толкования видна уже из того, что оно завело Виролло в тупик при переводе других строк текста SS, где встречаются эти термины. Он переводит строку 12: «помести лунные серпы на стелу, и ты ответишь арабам»; стр. 17: «ты опояшешь Газира, самого благостного из богов и людей; тогда арабы сойдут вниз»; стр. 25—27: «кто это? тощие коровы, виноградные гроздья, мирная жертва арабов и шененитов, шествующих по пути к жертве благодарения?» Сам Виролло вынужден признать, что все эти места остаются совершенно непонятными. Другие семитологи — Гинсберг, а за ним Дюссо — попытались истолковать 'rbm и šnm в строке 7 в качестве глагольных причастий, 'rbm — «входящие», šnm — «выходящие», и перевели эту строку так: «мир царя входящим и выходящим», поясняя, что дело идет о караванах, проходящих через будущий обетный город. Однако остается неясным, как надо понимать речения 'rbm и šnm в трех других местах текста SS.

Чтобы правильно понять значение терминов 'rbm и šnm, мы должны исходить из предпосылок, вытекающих из выясненного выше основного

характера текста SS. Его цель — обеспечение плодородия земли и урожая посредством прекращения засухи. Отсюда самым естественным будет предположение, что бог Шалем, имеющий воцариться после свержения царства Мота, должен иметь связь с растительным миром, быть «парем» именно в этом мире. Тогда легко раскрывается значение 'rbm. Это — 'arabim от еврейского 'araba — «дерево, растущее у воды», «ива» или «тополь», *populus euphraticus*. Дерево 'araba имеет ближайшее отношение к магическому ритуалу израильско-иудейского праздника суккот, который совершался в сентябре, перед началом сезона ранних дождей, и сопровождался, между прочим, обрядом вызывания ветра, приносящего тучи с ранним дождем. Обряд заключался в махании лулабом, — пучком ветвей от определенных деревьев, в том числе ветвей 'arabim (Лев., 23, 40, ср. Sukka III, 8). В тексте SS также имеются обряды вызывания раннего дождя, потому связь Шалема с 'arabim вполне допустима и понятна. Идя по той же линии, мы легко выясняем также и значение термина šnm. В состав лулаба входили также ветви пальм, в том числе пальм šnīm, каменных пальм (Sukka III, 1). Как известно, s и š часто чередуются, поэтому вполне допустимо отождествление šnm текста SS с šnīm трактата Sukka. Тогда šnm надо читать šnīm и переводить строку 7 так: «Шалему царство над ивами и каменными пальмами». Это толкование подтверждается также и тем обстоятельством, что на его основе мы получаем возможность дать вполне понятный и правильный перевод трех других мест текста SS, где встречаются речения 'rbm и šnm.

После этого становится ясным, каково было первоначальное значение божества Шахара. Боги Шалем и Шахар по тексту SS — близнецы, родятся одновременно от одной матери; как таковые они должны иметь и однородные функции. Отсюда имя šhr надо сопоставлять с еврейским saḥar — «прибыток», «богатство», которые для земледельца заключаются в урожае, обилии хлеба, и с аккадским saḥar, обозначающим какой-то сорт пшеницы. Следовательно, Шахар должен характеризоваться как бог — податель урожая злаков, довольства и сытости, бог, также обеспечивающий благоденствие земледельца.

В итоге наше толкование имен богов Шахара и Шалема и терминов 'rbm и šnm окончательно подрывает толкование ритуала текста SS, предложенное Дюссо, и создает твердую почву для правильного разрешения вопросов о местоположении будущего обетного храма, о его названии и о характере главного бога этого храма.

Пустыня, в которой должен был находиться обетный храм, в конце текста SS названа qdš — Кадеш, а в начале текста — неясным названием šrm. Дюссо отождествляет ее с пустыней вокруг Кадеш-Барнеа в Негебе, а обозначение mḏbr šrm в начале текста SS толкует в смысле mḏbr jam suphīm — «пустыня у моря тростника», т. е. «пустыня у Красного моря». Это толкование выражения šrm очень натянуто, ибо, во-первых, в тексте слово jam — «море» отсутствует, во-вторых, Кадеш-Барнеа находится от Красного моря на расстоянии свыше 150 км, потому обозначение пустыни у Кадеша пустыней у Красного моря вряд ли допустимо. Наконец, совершенно невероятно, чтобы такой специфический земледельческий ритуал, каким является текст SS, мог возникнуть в Негебе, где земледельческое хозяйство занимало и занимает второстепенное место, а на первом плане стоит скотоводство. Поэтому надо искать местоположение пустыни šrm и будущего обетного города-святилища не на скотоводческом Юге, а на земледельческом Севере. Там, по соседству с Угаритом, на западном краю Сирийской пустыни, имеются оазисы, вполне пригодные для земледельческой культуры, и там, на реке Оронте, был в древности известный город Кадеш у озера того же имени. Сейчас же за Оронтом, восточнее

линии Хамат—Кадеш, начинается Сирийская пустыня, часть которой, прилегавшая к Кадешу, вполне естественно могла называться пустыней Кадеш. Эта пустыня могла раньше носить и название пустыни špm, ибо, согласно данным кн. Числ 34, 8—11, в районе Кадеша на Оронте в древности находился город šarham—Шафам. Отсюда напрашивается заключение, что место происхождения текста надо искать не на юге, а на Севере, притом вернее всего в самом Угарите. В связи с этим намечается также путь к разрешению вопроса о времени составления текста SS. Совершенно бесспорно, что северный Кадеш получил свое название от южного Кадеша, был назван так его основателями, пришедшими из Негеба. Также и Шафам, несомненно, получил свое название от южного одноименного пункта Sebam, находившегося в южном Заиорданье, — в горной области на восток от Мертвого моря, в которой были в древности кочевья эдомитов, близко родственных предкам финикийян. Основание северных Кадеша и Шафама-Себама могло иметь место не ранее III тысячелетия до н. э.; поэтому дата Дюссо, относящего текст к IV тысячелетию, отпадает. Более точная дата текста SS будет указана ниже, на основании детального анализа текста SS.

Идя по той же историко-географической линии, мы можем разрешить также вопрос, какой город разумеется под названием Ašdd. Его надо искать в той же области, в которой мы нашли пустыню Кадеш-Шафам. В упомянутом выше отрывке кн. Числ 34, 8—11 имеется один пункт, который может быть отождествлен с городом Ašdd. Это Sadad, сохранивший свое название до настоящего времени. Название Ašdd отличается от названия Sadad наличием в нем префикса *a*- и звуком *š* вместо *s*. Последнее различие несущественно, в виду частого чередования *s* и *š*—*š*; наличие префикса *a*- также не может служить препятствием к отождествлению этих названий, ибо префикс *a*- встречается в словообразованиях от корней, начинающихся с *š* и *s*, как, например, имя Ašqelon, образованное от корня šql.

Эти наблюдения и заключения по историко-географической линии подтверждаются и окончательно оправдываются разысканиями по религиозно-исторической линии. Первым и основным вопросом по этой линии является вопрос о главном божестве обетного святилища в тексте SS, названном там именем Ngr Mdr^c — Нагар-Мидра, как читают Виролло и Дюссо, и именуемом ngs — «повелителем» или «главою» благостных богов. Разрешение этого весьма трудного вопроса оказалось связанным с рядом проблем истории финикийской религии, касающихся характеристики Адониса, Эшмуна, Мота и некоторых других божеств, известных из финикийских надписей и из теогонии Филона Библиского. Я не могу излагать здесь подробности моего длинного и весьма извилистого исследования по этим вопросам и изложу только мои конечные выводы с их краткой аргументацией.

Исходный пункт моего исследования о главном божестве обетного храма в тексте SS заключается в том, что святилище в обетном городе Ašedad-Sadad было названо по имени того бога, которому оно было посвящено. Этим богом мог быть только Садид, упоминаемый в теогонии Филона Библиского. Несомненно, что Садида надо отождествлять с упоминаемым в филоновской теогонии богом Агротом, или Агруэром — земледельческим богом, ибо греческое имя Агрот является буквальный переводом финикийского имени Садид, если производить это последнее имя от «поле»; имена Садид и Агрот одинаково могут быть переведены древнерусским термином «полевик», которым назывался полевой дух. Но Агрот, по Филону, был «величайшим» богом Гебала (Библа). Таким богом, по финикийской традиции, был Адонис, супруг Ваалат («госпожи») Гебала — Ашгарты. Общеизвестно, что имя Адонис было эпитетом, оттеснившим и заменившим собственное имя «величайшего» бога Гебала; поэтому мне представляется

несомненным, что собственным именем Адониса было имя Садид — «полевик», бог полей и злаков. С другой стороны, имя Садид сопоставляется и сближается с именем бога Шаддая, почитавшегося у сынов Израиля и у эдомитян. Таким образом получается цепь Садид-Адонис-Шаддай; Садид-Шаддай был также богом обетного храма в тексте SS. Если мы теперь анализируем значение имени Нагар-Мидра в тексте SS, то круг замкнется: мы придем к Адонису. *Ngr* означает «отрок», «юноша»; слово *mdr*¹ надо расшифровывать в форме *mizzera*¹ — «из семени», «из посева». Тогда имя главного бога обетного храма в тексте будет означать «отрок, юноша, выходящий из посева», т. е. бог, соответствующий юноше Адонису, выходящему на землю вместе с первыми ростками посевов, как в «садах» Адониса и в изображении отрока Адониса на кипрских сосудах. Этот вывод согласуется также и с титулом Нагар-Мидра, как «повелителя благодетельных богов», ибо Адонис был главным представителем финикийских земледельческих божеств.

Результаты моих изысканий о значении спорных имен и терминов текста и о характере благодетельных божеств Шалема и Шахара дают твердую основу для реконструкции дефектных и изглаженных мест текста SS, для нового перевода текста и для окончательного разрешения вопросов о его названии и его составителях, о месте и времени его происхождения.

Ритуал текста SS относится к земледельческой обрядности; его цель заключается в том, чтобы при помощи различных магических и жертвенных обрядов вызвать явление богов, от которых зависит успешность пахоты, сева и прорастания злаков, как предпосылок будущего урожая. Подобные обряды существовали и существуют во всех других земледельческих религиях. В русской и белорусской народной религии такие обряды называются «закликаньями» или «гуканьями» (у белоруссов); этим термином иногда определяется не один узкий обряд, а целый обрядовый цикл.

Такое выражение мы находим в первых словах текста SS: *eqra elm n'mm wusmm*. Виролло и вслед за ним другие переводят: «я призываю богов благодетельных и прекрасных». Но вместо «призываю» точнее будет переводить «закликаю»; тогда тексту может быть дано название «Закликанье богов благодетельных и прекрасных». Соответственно с этим прежнее условное обозначение текста может быть заменено обозначением *Eqrny* — по начальным буквам первых слов.

Переходя теперь к переводу и окончательному толкованию текста *Eqrny*, — я должен отметить, что здесь приходится преодолевать большие трудности. В тексте *Eqrny* имеется 51 испорченное или изглаженное место. Эти места надо было реконструировать. В сохранившихся частях текста немало слов встречается впервые, и их значение надо было установить. Перевод Виролло мог служить только исходным пунктом. Из 51 дефектного места в переводе Виролло надежно восстановлены только 27, из остальных дефектных мест мне удалось восстановить 23, так что осталось темным только одно испорченное место. При реконструкции дефектных мест, а также при толковании впервые встречающихся слов я пользовался лексикой и терминологией древнееврейской и позднееврейской (мишнаитской), иудео-арамейской и арамейской, ассирийско-вавилонской, а в некоторых случаях и арабской. Пользование позднееврейским языком Мишны и Талмудов обосновывается тем обстоятельством, что в Мишне и Талмудах сохранилось много древнееврейских слов, не встречающихся в Библии, но бытовавших в языке и особенно в народной речи, а также много специальных традиционных терминов¹.

¹ Этот факт был признан еще такими авторитетными средневековыми еврейскими учеными, как Раши и Кимхи; он признается и современными семитологами, но, к сожалению, из признания его не делается надлежащих практических выводов.

В переводе все реконструируемые места заключены в квадратные скобки; реконструкции, принадлежащие мне, набраны *разрядкой*. В круглых скобках *курсивом* даны объяснительные глоссы, необходимые для связи или для понимания данного места. Текст я расчленила на три цикла обрядов (А, В и С), предписываемых и описываемых ритуалом, и предпосылаю каждому циклу краткие объяснительные замечания.

Ц и к л А

Цикл А, состоящий из первых 29 строк текста, разделяется на три группы обрядов. Первая группа — вступительная; она содержит наименование текста и возглас жреца, руководящего совершением священнодействия: жрец провозглашает от имени царя обещание — построить благостным богам город и святилище — и выражает надежду, что боги услышат моления и дадут хлеб и вино и что Шалем воцарится над ивами и каменными пальмами. Во второй и третьей группе цикла А описываются обряды, совершаемые у святилища на поле богов—богини Аперат, «матери богов», и Рахума, вероятно, перед изображением бога Мота, сидящего на троне. Во второй группе фигурируют очистительные обряды, магические обряды, вызывающие ветер, который должен принести тучи с ранним дождем, и обряды, постулирующие успешную распахку и засев полей, а также здоровье скота и людей. Все обряды второй группы заимствованы из традиционной общинно-земледельческой обрядности. В третьей группе цикла А сначала идут магическо-драматические обряды, постулирующие явление (а не рождение) благостных богов: «запевание» их имен, обет им царя, закликанье их перед их «обиталищами»; цикл заканчивается драматической процессией, изображающей явление богов, низвержение Мота и воцарение Шалема. Ритуал обрядов третьей группы составлен жрецами в дополнение к традиционным ритуалам второй группы; но в основу обрядности третьей группы также положены древние традиционные представления и обряды.

I. (1) Закликанье богов благостных (2) и прекрасных. Сын цар[ей]¹ (3) даст им город для вы [сокого жилища их] (4) в пустыне Шафам, стелу [о б е т н у ю]² (5) для главы (*повелителя*) их. — И у[с л ы ш а т] б о г и б л а г о с т н ы е! (6) Будете вкушать хлеба [в д о]воль и пить пенящееся вино (7). [О Шалем, ты воцаришься!] О Шалем, царство твое над ивами и каменными пальмами!

II. (8) Мот-царь восседает (*на троне*), в (*одной*) руке жезл бездетности, в (*другой*) руке (9) жезл вдовства. — Подрезчики подрезают виноградную лозу (10), вяз[чики] подвязывают виноградную лозу; очищают от камней поля (11), как (*очистили*) лозу. — (12) Отнеси (*положенные*) меры зерна для каждодневной пищи к святилищу³ и заклинай ивы! (13) И вспахивай

¹ Виролло читает bn srm—bne sarim, т.е. «сыны царей», и говорит, что «с натяжкой» можно считать эти слова определением к elm n'nm wysmm — («боги благостные и прекрасные, сыны богов», т.е. верховных богов), но допускает также и чтение bpn sarim «сын царей» (Naissance, p. 137). Конечно, правильно именно это последнее чтение, так как сказуемое ytnm стоит в единственном числе; выражение «сын царей» совершенно ясно и означает «царь».

² Слова текста yd и следующее дефектное слово затруднили Виролло. От второго слова сохранился только последний полустертый знак, который Виролло под знаком вопроса отождествляет с k, но который может быть также отождествлен и с g. Последнее отождествление выводит из затруднения, ибо тогда второе слово может быть восстановлено в форме ndr-neder «обет». Слово yd=jod «рука», которое в библейской традиции иногда употребляется и для обозначения обетных или благодарственных стэл финикийского образца с изображением руки (I Сам., 15, 12; II Сам., 18, 18; Ис. 56, 5; ср. ряд финикийских стэл в Corpus inscriptionum semiticarum, v. 1).

³ Основное значение для перевода строки 12 имеют слова yghm. и 'd, которые Виролло оставляет без перевода, но в комментарии (p. 139) указывает, что yghm обозна-

поле богов, поле Ашерат и Рахума. — (14) На огонь отнеси жертвы от стада. Ва[ри коз] ленка в молоке и откормленного голубка¹ в масле (15) и на водоём отнеси их, да[ры не о т р а з и м ы е д л я у м и л о с т и в л е] н и я². — (16) Приди к ним (*жестрвам*), о Рахум, обрати лицо твое [к полю богов!] (17) Огради, о Гозер благост[ный, стада, поля (18) и л] людей. — Ивы да навеют ве[тер]!³

III. (19) Обиталища восьми богов по[с т а в ь т е , п р и н е с и т е в м е с т и л и щ е] (20) семи Памт!⁴ (21) Запевайте имена (*богов благостных*)! (22) Сын царей (*даёт обет*)⁵. — (23) Заклик⁶ богов благостных.

чаёт, вероятно, какие-то предметы в форме лунных серпов, а ^d обозначает какое-то священное строение. Последняя догадка в основном верна (см. об этом ниже в тексте); но попытка истолкования *urhm* неправильна. По связи со строкой 13 надо сопоставлять *urhm* с ассиро-вавилонским *jarabhu*, *jaruḥu*, имеющими значение «мера зерна» «порция зерна в день на человека». Дело идет здесь, несомненно, о принесении к святилищу определенного, положенного по ритуалу или обычаю количества зерна для засева «поля богов» после его священной вспашки.

¹ Слово *anhh* встречается впервые; Виролло (р. 140) ограничивает только замечанием, что оно должно означать какое-то животное козлиной породы; но это неверно, ибо тогда будут две жертвы одной и той же породы. Вопрос может быть разрешен, если считать *anhh* не за одно, а за два слова с пропущенным разделительным знаком; это вполне допустимо, так как писец, повидимому, случайно пропустил последние слова строки 14 и вынужден был вставить их на полях таблички мелкими знаками, без разделительных знаков. Тогда мы получим два слова *an* и *nh*; из них первое должно означать животное, а второе—его признак. Слово *an* можно было бы сопоставить с арабским *ana* «дикий осел», но это явно не подходит. Другим и весьма подходящим сопоставлением будет сопоставление с еврейским *jona* — «голубь», «голубка», которое по своему происхождению является причастием от глагола 'ana — «плакать», «стонать», с нарашением префикса *a-* «стонущий», «стонущая» (ср. *St a d e. Lehrbuch der hebräischen Grammatik*, S. 165, § 614; *Gesenius — Buhl, Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über d. A. Testament*, 15 Aufl., S.292); *an* будет соответствовать той же форме в ее первоначальном виде — 'ane, 'ana, (ср. *St a d e, loc. cit.*) Это толкование подкрепляется тем обстоятельством, что в состав магического-призывного жертвоприношения по кн. Бытия, 15, и по синкретическим магическим ритуалам эллинистической эпохи входит жертва или кровь козы и голубка. Слово *nh* надо сопоставлять с ассиро-вавилонским *naḥu* — «быть жирным, тучным»; отсюда *nh* — «откормленный».

² От последних слов строки 15 сохранились более или менее знаки *dg...nnt*; Виролло отказывается от их восстановления. Исходя из предположения, что эти слова должны характеризовать значение описываемого жертвоприношения, я предлагаю сопоставить *dg...* с ассиро-вавилонским *da atu* — «подарок ради подкупа», отсюда — «обязывающий подарок»; последние знаки *...nnt* могут быть реконструированы в виде *hnnt* от *hanan* — «умилостивлять».

³ От последнего слова строки 18 уцелели только два первых знака *ur*; Виролло добавляет к ним *d* и переводит: «арабы сойдут вниз». Но дело идет об ивах, поэтому знаки *ur* надо считать начальными знаками глагола от корня *ruḥ* в гифильной форме *imperf. jussiv.* — *urhu* «да навеют ветер».

⁴ Имя *Pamt* должно обозначать какие-то божества, связанные с плодородием. Возможно сопоставление с вавилонским *pantu*, посредством которого в одном из эль-амарнских писем (*K nudt zon, Die El-Amarna Tafeln*, № 232, 10) истолковывается финикийское *batnu* — «чрево, матка». Тогда «семь Памт» будут богинями зачатия и рождения; изображения их надо сопоставлять с женскими фигурками известного финикийского домина-ковчег, найденного на Кипре (ср. *Gressmann, Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament*, II Aufl., B.II, S. 152, Abb. 523).

⁵ Лакоичность строк 21 и 22, состоящих каждая только из двух слов, показывает, что здесь дело идет о двух церемониях, хорошо известных и понятных без дальнейших пояснений. Толкование *eqru* в строке 21 от *qana* — «ревновать» не подходит, так как оно не дает с обрядовой точки зрения никакого смысла. Его надо производить от обрядового термина *qin*, в еврейском — «петь по умершем», «причитывать», но в сирийском имеющего общее значение «петь»; получается перевод «запевайте имена» — конечно, благостных богов. Лакоичное *bn šrm* «сын царей» в строке 22 подразумевает обрядовое выступление царя; оно может заключаться только в провозглашении им формулы своего обета.

⁶ Здесь вместо *eqra*, как в строке 1, стоит *eqran*. Толкование его Виролло в качестве глагольной формы вряд ли удачно. Вернее всего и здесь существительное, по словообразованию аналогичное *hamma* и *hamman*, имеющее специализированное зна-

[Рассекание моря. Сын моря (24) мстит за себя на поле Ашерат (*Алейон низвергает Мота*). — [Рахум и] (25) Шапаш (*богиня солнца*) из сияния врат своих [сернои] (26) и виноградными гроздьями, Шалем с ивами и каменными пальма[ми] (27) идут к приятной жертве заклания¹. — (28) Поле богов, поле Ашерат и Рахума (29) — [Шалем] пре[бывание].

Цикл В

Цикл В состоит также из трех групп обрядовых церемоний, которые по своему назначению в известной степени дублируют церемонии цикла А, но отличаются от последних по происхождению и конкретному содержанию обрядности. Почти все обряды цикла В составлены жрецами заново; в состав некоторых обрядов включены традиционные элементы, но в значительно переработанном виде. Преобладают драматические обряды, носящие магический характер и приспособленные к богословским жреческим спекуляциям. В центре обрядности цикла В поставлен Эл, верховный бог финикийского официального пантеона; он играет основную роль. В первой группе обрядов цикла В описывается сложная церемония низвержения Мота силою руки Эла и действием магической жертвы; в эту церемонию включен обряд вызывания раннего дождя, ниспосылаемого Элом. Во второй и третьей группах описывается обрядность священного соития (*isrōs yāmos*). В обрядах второй группы на зов Эла выступают в оргиастическом хороводе женщины, распаляемые страстью и возвещающие Моту низвержение его владычества; в третьей группе описывается самый *isrōs yāmos*. Священное соитие совершается семь раз, и каждый раз его участницы посредством имитации родов изображают рождение того или другого бога. Традиционные общинные обряды лежат в основе обряда вызывания дождя, магической жертвы, постулирующей уничтожение Мота, и обрядности священного соития.

1. (30) [Эл да присту] пит к берегу моря и да шествует к берегу морской пучины. (31) [Да возьмет Эл] к устам два сосуда возношения каждодневного питания², два сосуда каждодневного питания, (*стоя-*

чение по сравнению с eqra: eqra обозначает весь обрядовый комплекс заклания, а eqrap — церемонию произнесения заклательной формулы и может быть переведено «заклик». Ср. аналогичные оттенки значений в *zeker* и *zikkaron*.

¹ Заключительная часть текста цикла А, начиная с последнего утраченного слова строки 24 и до конца строки 27, сохранилась хорошо, так как в ней имеется, кроме указанного дефектного слова в конце строки 24, еще только один пропуск в конце строки 25. Однако для Виролло текст оказался непонятным; для восстановления текста надо иметь в виду характер обрядности, описываемый в строках 23—27. Это — отряд теофании благостных богов на их закливание; в тексте поименно упомянуты «сын моря», а также Шапаш и Шалем. Шапаш названа в строке 25, но глагол, обозначающий ее появление, — *helm* в строке 27 — стоит в множ. числе; следовательно, кроме Шапаш, должны быть названы еще боги. Это прежде всего *šlm* — Шалем в строке 26. Кроме того, надо считать, что изглаженное слово в конце строки 24 также было именем бога, вернее всего — Рахума, который в строке 16 особо призывается притти к жертвам и к полю богов. Речение *muprt* надо сопоставлять с акк. *prđ* — «сиять», «освещать» (ср. *pīpīrdū* — «яркий день») и переводить «сияние». Следующее *dlthm*, которое Виролло, невзирая на местоименный суффикс *hm*, считает прилагательным и переводит «тощие», является общеизвестным существительным «двери», «врата» — Рахум и Шапаш являются «из сияния врат своих». «Виноградные гроздья» (*ghnbn*) должна нести Шапаш; слово, изглаженное перед *ghnbn*, должно обозначать дар, несомый Рахумом, несомненно — зерно (вероятно, *gr*—*geṣa*); далее идет Шалем с ивами и каменными пальмами.

² Загадочное слово *mšt'ltm*, корень которого состоит как будто из шести согласных звуков, затруднило Виролло, который высказал лишь предположение, что оно означает какие-то сосуды вогнутой формы (р. 144) и имеет форму двойственного числа. Последнее верно. Верно также, что дело идет о каких-то сосудах ритуального назначения. Чтобы расшифровать значение *mšt'ltm*, мы должны учесть, что корень, состоящий из шести согласных, — невиданное явление в семитских языках, и что здесь вероятнее:

щие) на краю водоема. — (32) Его (Эла) вещая жрица должна вещать. Его вещая жрица поднимается (на место вещания), его вещая жрица вызывает «Ад, Ад!» (33) и его вещая жрица вызывает «Ум, Ум!» («Ад» — отец, «Ум» — мать, прозвища Мота¹). Сокрушительна рука Эла, как море, (35) и рука Эла, как потоп². — Эл берет два сосуда возношения каждодневного питья, (36) два сосуда каждодневного питья, (стоящие) на краю водоема, берет, ставит их в своем доме. (37) Эл склоняет долу его (Мота) скипетр, Эл обессиливает дрожью его руку. — Возносят (38) воды раннего дождя к небу. Ранний дождь на небесах³ — Птицу (вероятно коршуна, тотема Мота) (жрец) ощипывает, (39) кладет на уголья.

II. Эл — женщины. Как наполнит он их страстью, так женщины вызывают: (40) «Мот, Мот! Мы склоняем долу твой скипетр, мы обессиливаем дрожью твою руку!» (41) Вещая жрица, сжигай птицу (коршуна) на огне и сахур-шерсть на угольях⁴. (42) «Женщины! Жена Эла и юная супруга его!» И они, (43) женщины, вызывают. «Ад, Ад! Мы склоняем долу твой скипетр, (44) мы обессиливаем дрожью твою руку!» «Вещая жрица, сжигай птицу (коршуна) на огне (45) и сахур-шерсть на угольях!» — «Обители! Обитель Эла и обитель юной супруги его!»⁵ И они, женщины, вызывают: «Мот, Мот! Мы склоняем долу твой скипетр, мы обессиливаем дрожью твою руку!» Вещая жрица, (48) сжигай птицу (коршуна) на огне и сахур-шерсть на угольях

III. «Женщины! Жена Эла и юная супруга его!» Они (совершители ієрѡ; ʾāmor) склоняются к их губам, возвышают голос: (50) «Вот их губы сладки, как кисть винограда, (51) в поделуе и в зачатии, в объятиях и страстном трепете!» «Согни же колени⁶ и роди Шахара и Шалема!»

всего перед нами небрежность писца, начертавшего слитно два слова, не поставив между ними разделительного знака. Тогда мы получим два слова mst 'ltm. Первое легко сопоставляется с еврейским miše — «ежедневное питье», а второе надо производить от общеизвестного 'ola, которое употребляется не только для обозначения всесождения, но также иногда и для обозначения других жертв, соединяемых с возлияниями. Таким образом, мы получаем перевод, приведенный в тексте.

¹ Наименование Мота эпитетами «отец» и «мать» несомненно связано с жреческой богословской спекуляцией, проводимой у Филона Библиского. Мот — это ил, из которого «произошли все семена и рождение всего», т. е. соединение мужского и женского начала.

² Слово mdb, не расшифрованное у Виролло, надо сопоставлять с глаголом zub, исходя из постоянного чередования d и z в текстах Рас-Шамра; zub имеет значение «течь», «разливаться», и mdb будет означать «потоп».

³ «Возносят» (yšu), очевидно, жрецы; они поднимают к небу сосуды mšt 'ltm и льют из них воду на землю при возгласе «ранний дождь на небесах».

⁴ Сожжение птицы должно было постулировать гибель Мота; поэтому сжигаемая птица должна была быть его символом, его священной птицей. Такой, вероятнее всего, мог быть коршун или ястреб, nešer, весьма распространенный в пустынных окрестностях Мертвого моря. Nešer был священной птицей у арабов — тотемом бога Nasr, а также и у евреев и соединялся у них с культом Иагве. Вместе с птицей сжигаются некие šhrrt; значение этого слова Виролло правильно сближает с арабским saharat — «пустынная равнина», от корня, обозначающего «быть желтым, беловатым, беловато-красноватым», специально о цвете пустыни; есть еврейское šaḥor — белый. Исходя из этого, надо понимать šhrrt в значении «нечто беловатое, желтоватое, цвета пустыни». Конкретно таким предметом может быть только специальный сирийский сорт шерсти, ходкий товар финикийских купцов, беловатого цвета, называвшийся šemer šaḥar (ср. вавилонское šaḥur). Нити шерсти сахур по своему цвету пустыни символизировали последнюю, и, таким образом, сожжение их постулировало уничтожение засухи и бесплодия.

⁵ Обращение к «обителям» богов в древневосточных религиях есть образная форма обращения к самим богам, восходящая к первобытному фетишизму, когда, например, камень считался божеством, а в анимистическую эпоху — жилищем духа.

⁶ Слово tqtnšn Виролло оставляет без перевода. Его надо сближать с аккад. qamaš = qamašu — «преклонять, сгибать колени», в данном случае оно применено рядом с выражением tldn — «и роди» — и по совершенно понятной связи. Согласно общесемитскому обычаю, не исчезнувшему еще и в настоящее время, родильница садилась на корточки на два кирпича или камня и рожала в таком положении, поддержи-

Общий клич¹ к Элу да возносится: «Моя жена (53), о Эл, родила!» «Кого она родила?» «Шахар и Шалем родились у меня!» (54) Вознесите кувшин (возлияния) Шапаш владычице, и звездам (вознесите) чашу — (55) Они склоняются к их губам, возвышают голос: «Вот их губы сладки (56) в поцелуе и в зачатии, в объятиях и в страстном трепете!» Повторяй [и] (57) считай до пяти в священнодей [с т в и и. Ж е р т в а з а к л а н и я] от царя всему собранию богов². (58) «Согни же колени и роди». [Р о ж д е н и е³ б о г о в] благостных. Рассекание моря. (59) Сын моря да отомстит за себя на поле Шет. Общий клич к Элу да возносится: (60) «Жена моя, о Эл, родила!» «Кого она родила?» [«Р о д и л а»] богов моих благостных!» (61) Рассекание моря. Сын моря мстит за себя на поле Шет. — Губы (62) у Земли, губы у Неба, и для услаждения уст их птица небесная (63) и рыба морская. И ходящий кругом [жрец] [в о о д у ш е в л я е т и х в и н о г р а д н о й в е т в ю]⁴ и ставит жертвы направо (64) и налево от уст их. «И роди Шибо'ни, жена Этраха!»⁵

Ц и к л С

Цикл С, весьма краткий, может быть назван церемониально-обрядовым циклом лишь условно, так как он состоит лишь из одной церемонии: из обращения к строителю обетного города, которое произносится жрецом, но несомненно от имени бога, и по существу является оракулом, якобы полученным от главы благостных богов в ответ на обет царя. Строителем города, конечно, является царь, а не бог, рождающийся от жены Этраха, как предполагают Виролло и Дессо. В оракуле предписывается ритуал церемоний при освящении святилища в обетном городе; в основе этого ритуала лежат традиционные общинные обряды.

(65) Да будет построен Аседад. Воздвигните святилище в пустыне Кадеш. (66) Там ты (царь) будешь пребывать среди камней и деревьев

ваемая повитухой (ср. Dillmann, Exodus und Leviticus, III, Aufl., S. 16—17; Meissner, Babylonien und Assyrien, B. I, S. 390).

¹ Слово *rgm* Виролло правильно сопоставляет с аккадийским *rgmu*, но переводит неправильно *message* — «весть, извещение» (р. 135). Слово надо сопоставлять такие с еврейским *rgma* в псалме 62, 28 и с аккадийским глаголом *ragamu* — «кричать, звать», откуда *rgm* надо понимать в значении «крик», «зов», «клич», первоначально — провозглашение формулы хором на родовом, племенном или общинном собрании.

² Вторая половина строки 57 дошла в испорченном виде: *lsb... sr pbrklat*; этот текст Виролло считает непонятным (р. 148). Однако реконструкция и истолкование его не представляют больших затруднений. Дефектное слово *lsb...* легко реконструируется в виде *lsbt* — *le sbt*, от *saba*, известного термина, который в числе своих значений имеет значение «нести службу в святилище, храме», отсюда «священнодействовать». Следующие слова должны иметь отношение к жертвоприношению, которым, по аналогии с обрядом первого акта священного соития, должен заключаться и второй акт. Первое сохранившееся после пропуска слово *sr*, конечно, обозначает царя; слово *pbr* соответствует аккадийскому *puhru* — «собрание богов»: *klat* надо производить от корня *kala*, от которого есть производные — еврейское *kol* и аккадийское *kallatu* в значении «совокупность», «всеобщность». Отсюда следует, что жертва приносится царем «всему собранию богов», и что слово, изглаженное между *lsb(t)* и *r*, должно обозначать жертву, вернее всего *dbh* или *zbh* — жертва заклания.

³ В строке 58 за словом *tdn* (роди) идет слово, от которого сохранились три полустертых знака; из них два последних, несомненно, соответствуют *l* и *d*, а первый, очень неясный, может быть восстановлен в качестве знака *m*. Отсюда изглаженное слово можно восстановить в форме *mltd* = *moledeth* — «процесс рождения», «рождение».

⁴ По отношению к строке 63 Виролло дает лишь лишенные внутренней связи обрывки перевода. Он не понял значения слова *ndd* и переводит его «беглец», в то время как глагол *naḏad* имеет иное значение «двигаться вперед и назад», «ходить кругом». По остаткам знаков двух следующих испорченных слов можно реконструировать первое слово в виде *hlzq* — евр. *ḥazaq*, в *pi'el* — «подкреплять», «воодушевлять», а второе слово — в виде *zlzr* — *zalzar* — «виноградная ветвь» (*r* и *l* часто чередуются).

⁵ Этрах-Трах — бог луны, богиня-супруга лунного бога — называется в текстах Рас-Шафра Никаль, и согласно ритуальному тексту Nikal-Košaroth была богиней жатвы. Отсюда Шиб'они надо считать божеством урожая; см. ниже в тексте статьи.

(священных). Семь времен (месяцев)¹ (67) пройдут; на восьмом соверши торжественное шествие вокруг святилища благодетельных богов². Ты пойдешь (68) в открытую равнину, ты повернешь к краям пустыни и их повелителю их (благодетельных богов) Нагар (69) Мидра³. И при[з о в и] их вместе с Нагар-Мидра: «О Нагар, (70) Нагар, (вот) вра[та], и открой их, и пройди к святилищу их (благодетельных богов), (71) и вступи туда⁴. Вот [есть первый х]леб и дай (его нам), (72) и мы будем есть⁵. Вот есть [п е н я щ е е с я в и н о , и] дай (его нам), и мы будем пить». (73) И ответит им (собравшимся для священнодействия) Нагар-Мидра: [Вот есть хлеб и] есть вино». — Кто вошел в оби[та ли щ е б о г о в б л а г о д е т е л ь н ы х], тому от жертвенного служения⁶ лог (0.5 литра) вина его [и первый хлеб его]. (76) и сосуд его наполни вином [и дай первый хлеб его].

*

Конечно, этот мой перевод нельзя считать окончательным: по отношению к отдельным трудным и плохо сохранившимся местам возможны споры и другие толкования и реконструкции. Но я имею основания утверждать, что мой перевод в общем правильно передает содержание текста Eqrnu и выясняет окончательно вопрос о его характере и происхождении.

В тексте Eqrnu мы имеем ритуал не регулярного, а чрезвычайного священнодействия, совершаемого осенью, перед сезоном ранних дождей. Текст Eqrnu можно было бы назвать обетным текстом, ибо он начинается

¹ Слово šnt и Виролло и Дюссо считают множественным числом от šana — «год» и переводят «семь лет». Но семилетний срок постройки обетного города — святилища совершенно не вяжется ни с обстоятельствами царского обета, ни с характером подобных поселений в пустыне. Поэтому надо искать другого толкования. Слово šnt легко сопоставляется с аккадийским šanitu — «повторение», «время» в смысле повторяющегося периода, или отрезка времени определенной длительности. Такое символическое выражение особенно подходит к стилю оракулов и в данном случае должно обозначать месяц: от начала посева до конца жатвы в Сирии проходит около семи месяцев.

² Правильное толкование дал Дюссо (за исключением слова šnt); это толкование и принято в переводе.

³ Надо предполагать, что здесь разумеется выход царя навстречу процессии, идущей из Угарита в новое святилище с обетной столой, на которой изображена Нагар-Мидра.

⁴ Слово hl затруднило и Виролло и Дюссо, так как они ошибочно приняли раздельный знак, поставленный после hl, за знак, обозначающий g; получилось слово hlg, ни в одном семитском языке не встречавшееся. Но слово hl вполне понятно: hl, hala «туда».

⁵ Строки 71—76 дошли со значительными пробелами, но притом так, что первая половина каждой из этих строк сохранилась, а вторая половина целиком или частью изглажена. Судя по сохранившемуся тексту, в этих строках повторяются одни и те же формулы, поэтому текст можно легко восстановить: местами — точно, местами — с большой долей вероятности. Кроме сохранившихся частей этих строк, опорным пунктом для реконструкции служит полустертое слово в середине строки 71 ...hm, которое, несомненно, надо восстанавливать в виде lhm — «хлеб»; кроме того, по общему смыслу содержания строк 71—76 там в числе изглаженных слов должен был фигурировать специфический термин halla — первый хлеб из муки нового урожая (кн. Числ. 15, 20).

⁶ Слово mghrt в строке 75 Виролло не сумел разгадать, а слово lhn перевел неправильно «pour elles». Загадочное mghrt допускает расшифровку, если m мы будем считать предлогом min = mi, а ghrt — богослужебным термином. В тексте идет речь о доле нового хлеба и вина, получаемой каждым участником священнодействия: исходя отсюда, можно предположить, что gpt является вариантом еврейского 'abed — «дело», «служба», синонима 'aboda, имеющего в числе других значений специальное значение «совершение религиозных актов», в том числе и жертвенных. С фонетической стороны это отождествление вполне допустимо, так как при позднейшем смягчении начального придыхательного звука y в s и эмфатического gh в простой y часто отвердевают последующие p и t в b и d. Таким образом, mghrt надо переводить «от жертвенного служения». Что касается до lhn, то здесь hn нельзя толковать в смысле местного именного суффикса женского рода во множественном числе, так как это не дает смысла. Есть другое слово — han = hon — «тот», «тот самый», сохранившийся в арамейском и позднееврейском языках; эта комбинация вполне соответствует смыслу текста.

провозглашением обета, который берет на себя царь. В середине текста указан момент, когда обет произносится царем перед богами, и кончается текст оракулом о принятии богами обета, о порядке осуществления обета и о будущей милости богов после исполнения обета.

Чрезвычайные обстоятельства, заставившие царя и жрецов Угарита мобилизовать целый арсенал средств религиозно-магического характера, в тексте изображаются как владычество бога бесплодия Мота. В качестве первоочередных средств для устранения этих бедствий предписываются магические манипуляции вызывания ветра, приносящего дождевые тучи с моря и магические обряды вызывания дождя. Дело, очевидно, идет о засухе в период пахоты и сева, причиненной отсутствием «ранних дождей»: если этих дождей нет, то засохшую за лето почву Палестины и Сирии нельзя вспахать и засеять. (см. напр. *Ios. Fl. Arch.* VIII, 13, 2).

Время происхождения текста *Eqrēnu* с полной точностью определить нельзя, но имеются достаточные основания утверждать, что этот текст надо считать древнее всех текстов Рас-Шамра. За это говорит прежде всего присвоение обетному городу имени Аседада, южного древнего города-святилища; этот факт был возможен только тогда, когда еще не порвалась связь Севера с Югом, т. е. до XVI века до н. э., когда вторжения в Палестину и Сирию племен хабиру нарушили эту связь. Таким образом устанавливается *terminus ad quem*; *terminus a quo* установить труднее, но можно полагать, что текст *Eqrēnu* мог быть составлен еще в XVIII веке до н. э. Отчасти основание для такой датировки текста *Eqrēnu* дается его архаическим языком, выделяющим его из других текстов Рас-Шамра.

Наличие в ритуале *Eqrēnu* ряда традиционных магических и жертвенных обрядов, восходящих к первобытной религии, и некоторых характерных терминов, связанных с родо-племенным строем и позднейшим общинным бытом, является неопровержимым свидетельством того факта, что земледельческое население царства Угарита жило общинным бытом, что общинная религия занимала в стране весьма важное место, и что жречество должно было с этим считаться и постоянно считалось. Ритуал чрезвычайного священнодействия, закрепленный в *Eqrēnu*, более чем наполовину состоит из обрядов, или заимствованных без изменений из примитивной земледельческой религии, или несколько видоизмененных и приспособленных к обрядности официального культа.

Само священнодействие, вызванное общенародным бедствием, носило, несомненно, всенародный характер, и для участия в нем, как надо полагать, было создано все население ближайших к Угариту общин и были приглашены представители от более дальних общин. Применительно к этим обстоятельствам и был выработан ритуал *Eqrēnu*, скомпонованный, с одной стороны, из регулярных традиционных обрядов, ежегодно совершавшихся в общинах перед началом пахоты и посева, а с другой стороны — из новых обрядов, специально составленных жрецами для этого священнодействия в стиле официальной мифологии и обрядности. В числе обрядов этой последней категории на первом месте стоит царский обет построения благостным богам храма и святилища; он выдвинут в цикл А, состоящий из традиционных обрядов. При этом общая композиция ритуала *Eqrēnu* такова, что особенно торжественными и особенно внушительными церемониями в нем являются именно новые обряды цикла В, а также оракул цикла С, в котором от имени богов обещается народу обилие хлеба и вина после выполнения царского обета.

Отсюда напрашивается заключение, что, составляя по такому плану ритуал *Eqrēnu*, жречество стремилось одновременно достичь двух целей. Во-первых, оно старалось всеми средствами обеспечить достижение непосредственной задачи, — уничтожения засухи и обеспечения посева и уро-

жая; во-вторых, оно стремилось попутно показать народной массе особую силу и действенность официальной религии и официального культа. Жречество как будто хотело сказать народу: вот одна твоя вера тебя не выручает; а вот наша, царская вера тебе обязательно поможет, спасет тебя от голода и смерти.

Переходя к вопросу о реконструкции общинно-земледельческого пантеона и общинно-земледельческой обрядности на основании данных текста Eqrēnu, я считал необходимым прежде всего выяснить социальную основу финикийской земледельческой религии. Данные текста Eqrēnu дают полное основание считать эту базу общинной; однако историк не может удовлетвориться таким косвенным свидетельством, но должен искать прямых свидетельств, неопровержимо устанавливающих существование общинного быта в Финикии.

Относительно быта скотоводческого населения не может быть никаких споров: еще и теперь скотоводческое население Сирии живет в большинстве родо-племенным бытом, а в древности этот быт, конечно, господствовал. Относительно быта земледельческого населения финикийских областей до открытый в Рас-Шамра не было никаких прямых документальных данных, но было лишь одно косвенное свидетельство, на которое, к сожалению, не обращалось никакого внимания.

Именно, в жертвенных тарифах, дошедших до нас из Карфагена и Массилии (Марселя) и восходящих, несомненно, к тарифу финикийского Тира, мы встречаем указание на жертву šewa'āth, аналогичную еврейской жертве thoda или zebaḥ šlamim — коллективной общинной жертве, всегда сопровождавшейся общинным пиром (кн. Левит, 7, 12). В строках 16—17 марсельского тарифа мы находим также и перечисление тех коллективов, в которых жертва šewa'āth совершается kol mizraḥ:kol šaraḥ, kol marzeah 'elim we kol 'adamim — «всякое племя, всякий род, всякая братчина [каких-либо] богов и всякая [иная] группа людей»¹. Это толкование, установленное еще в 1914 г., показывает, что здесь перечисляются те же самые основные категории общин, которые существовали в Двуречье и в еврейских царствах, именно «племя», «род» (šaraḥ — еврейское mišraḥ) и «сельская община», — как надо толковать выражение kol marzeah 'elim — «братчина богов». Такое толкование выражения marzeah 'elim является единственно возможным, ибо единственным традиционным коллективом, связанным общим культом официальных божеств, на древнем Востоке, кроме родо-племенной и родовой общины, была только сельская община². Открытые в Рас-Шамра документы дают нам теперь и прямое свидетельство о существовании в царстве Угарита общинного быта.

В числе хозяйственно-административных документов царского архива Угарита имеются документы, содержащие распоряжения относительно уплаты налогов и выставления воинских контингентов по 90 «городам» царства Угарита, причем оклады налогов распределяются не между отдельными плательщиками, а между их группами или коллективами. Сюда надо добавить, что, конечно, в таком небольшом царстве, как Угарит, не могло

¹ Текст тарифов см. Lidzbarski, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, B. I, S. 428, 429, 430; B. II, Taf. 11, 12¹, 13¹. Первые попытки толкования термина šewa'āth и других терминов см. Corpus inscriptionum semiticarum, vol. I, p. 228, 234—235; толкование šewa'āth у Дюссо — см. Dussaud, Les origines cananéennes du sacrifice israélite, p. 147 — 149, 99 и в переводе p. 320—323.

² Толкование общинных терминов см. Gressmann, Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament, II Aufl. B. I, S. 449; о marzeah важно отметить, что в targumim этот термин применяется для обозначения жертвенных общинных пиров у сынов Моаба и в Самарии (кн. Числ. 25, 2, и Амос 6, 7; ср. Levy, Chaldäisches Wörterbuch über die Targumim, III Aufl., B. II, S. 68, и замечания у Volz, Das Buch Jeremias, S. 177).

быть 90 настоящих городов; таких было, вероятно, только два — Угарит и Сермин, а остальные «города» были поселками, центрами сельских и родоплеменных общин, подобно 'arim в Израиле, которые, как повсюду на древнем Востоке, были также податными и военнообязанными единицами.

Эти соображения подтверждаются также двумя деловыми документами. В одном из них перечисляется состав экипажей трех больших морских судов, числом от 80 до 90 человек, причем команды перечисляются не поименно, а по родовому или общинному признаку: столько-то *redim*, *senirim*, *qeble'im*, *tebeqim*, *me'gebim* в таких-то командах матросов и «стражей», т. е. воинов. В другом документе сообщается о выдаче большого количества (около 400 литров) растительного масла восьми лицам, под общим названием *šelemim*, т. е. членов общины *šelem* или *šalem*; эти восемь лиц получили масло «для пропитания», но, судя по указанному количеству масла, не лично для себя, а как представители общины, очевидно, в счет продовольствия для членов общины, привлеченных к работе на дом царя¹. Эти документальные данные удостоверяют существование общинного быта в царстве Угарита; но отсюда вытекает, что такой же быт существовал также и в царствах Тира, Сидона, Гебала и в других более мелких финикийских царствах.

В тексте *Eqrēnu* фигурируют божества двух категорий: во-первых, группа восьми «благостных и прекрасных богов» и, во-вторых, пара двух верховных божеств официального финикийского пантеона: Эл и «матерь богов» Ашэрат.

Группа «благостных и прекрасных богов» объединена по иному признаку, чем группа официальных древневосточных божеств. Группы этих последних являются сколками с правящих групп городов и царств: в Сирии и Палестине во главе стоит Ваал, т. е. главный городской или государственный бог; ему подчинены и нередко состоят с ним в одной патриархальной семье или одном роде другие крупные и мелкие боги, наделенные разнообразными специальными функциями, подобно сновникам, подчиненным главе города или царства. Группу восьми «благостных богов» текста *Eqrēnu* объединяет связь с земледельческим производством и крестьянским бытом; от них зависит благосостояние, здоровье и жизнь людей и скота, притом таким образом, что если выпадает помощь или участие хотя бы одного божества группы, то уже этого достаточно для того, чтобы рушилось благополучие всей данной общины. Другими словами, это своего рода божественная община, имеющая своего главу — *ngš*, старшину, как лучше всего в данном случае переводить этот термин.

Аналогичные группы с аналогичными наименованиями мы встречаем во многих других крестьянских религиях. В частности, в русской и белорусской народной религии сохранились следы древнеславянского представления о двух категориях божеств — о «белых» и «черных» богах. «Белые» боги соответствуют «благостным и прекрасным богам». Некоторые из них выступают в образе «дядю», «вельмі гожих»; один из таких богов, Белун, считался подателем плодородия и богатства; эти «вельмі гожи» «дядю» восходят к богам-предкам, которые «хлеба-соли засылають». Кроме Белуна, в их ряду выделяются также домовый — «доброжил», «доброхот», «кормилец», «жировик», затем «полевик», или «жытны дзед», который «усім добра памагае», и «лесовик»-«доброхот», покровитель стад и охотников. В сказках о явлениях этих «доброхот» в образе позднейших христианских святых — Миколы и Юрия — постоянно подчеркивается, что они «вельмі пригожи». Их ряд замыкает Вясна Красна, которая является «на

¹ Cp. Virolleaud, *Etats nominatifs et pièces comptables provenant de R. S., «Syria», 1937, II, документы № IV и V.*

сошечке, на бороночке, с великою милостию» и в христианскую эпоху была отождествлена с богородицей.

Группа благодетельных богов текста Eqrēnu состоит из восьми божеств — Шахара, Шиб'они, Шалема, Гозера, Шапаш, Рахума, «сына моря» и их главы Нагар-Мидра. В наименованиях некоторых из них перед нами выступает один из самых характерных признаков божеств общинно-крестьянских пантеонов, заключающийся в том, что не все они имеют собственные имена и некоторые называются еще эпитетами, соответствующими их функциям. Такими являются прежде всего Шахар и Шиб'они. Оба эти божества еще не включены в официальный пантеон и оба по существу еще не имеют собственных имен. Как было указано выше, Шахар — это «достаток», «богатство», «хлеб», аналогичный древнегреческому крестьянскому Плутосу и белорусскому «Богачу» и «Раю».

Имя Шиб'они надо связывать не с названием южноиудейского города Беер-Шеба, как предлагает Дюссо, а с глаголом šaba', который в Qal имеет значение «быть сытым», а в Pi'eI — значение «насыщать»; отсюда это имя будет означать «насытитель». Это толкование вполне согласуется с мифом о рождении Шиб'они от жены лунного бога Этраха — богини жатвы Никаль (строка 64 Eqrēnu и примечание к тексту). Шиб'они аналогичен белорусскому Спарышу, которого крестьяне просят «прыспорыць і ўдомі, і ў полі, і ў гумне, і ў двары, і ў клеці, і ў пячы — ў клеці-карабом і ў пячы пірагом, і на сталі пірагамі». С аналогичными функциями выступают бог Шалем, также названный по его функции, — податель здоровья, благоденствия и счастья, для крестьянина прежде всего также бог урожая и сытости. Родоплеменные корни этих божеств особенно ясно выступают по отношению к Шиб'они и Шалему, ибо в угаритских текстах мы встречаем родоплеменные или общинные наименования šbnu — «шибонит», и упоминавшееся уже šlmy — «шелемит», или «шеломит».

Шахар не был включен в официальный угаритский пантеон; Шиб'они также не упоминается в списках тех божеств царства Угарита, которым воздавался официальный культ, но в тексте Eqrēnu мы встречаем следы официального богословского варианта мифа об этом боге. Он — сын Неба и Земли, персонификаций, подчеркиваемых замечанием, что у Неба и Земли есть уста и губы. В основе этого мифа, несомненно, лежит общераспространенный древний народный миф, по которому матерью хлеба является «мать Земля».

Но представление о Небе, как супруге Земли и отце Насытителя — Шиб'они, нельзя считать чисто народным. По народным представлениям, Землю оплодотворяет дождь, который в талмудической традиции (bab. Taanith, 6b) называется нередко ba'al — в значении «супруг земли», особенно в тех случаях, когда речь идет о дожде, как оросителе земли. Это представление и связанная с ним терминология должны считаться традиционными и родственными с теми представлениями, которые лежат в основе финикийского мифа о боге Мемруме, т. е. «Водяном в выси», небесном Водяном, подателе дождя. Отсюда протягивается нить к первооснове всех подобных представлений. Они восходят к дородовой эпохе, когда феномены «вода — дождь — небо» отождествлялись и назывались одним и тем же именем. Следы этого древнейшего представления сохранились в общесемитском наименовании неба от корня šam, имевшем первоначальное значение «небесная вода»¹. Составитель текста модифицировал древний рас-

¹ Cp. J e n s e n, Kosmologie der Babylonier, S. 416—417, в примечаниях; H a l é v y, Un dernier mot sur Kakkab mesri, в «Z. Ass.», 1887, II, S. 435, n. I; G e s e n i u s — B u h l, Hebr. Wrtb., 15 Aufl., S. 835. Cp. славянское «небо», латинское nebula, греческое «νεφέλη», немецкое Nebel, а также немецкое Himmel и древнерусское «хмара».

плывчатый миф и отождествил «Небо» с богом Ba'al-šamem — Ваалом неба, под которым Филон разумеет солнечного бога.

Что касается до Шалема, то этот древний бог в историческую эпоху был включен в официальный пантеон и у финикиян, и у хананеев, и у сынов Израиля, и у арамеев. В частности, необходимо отметить, что Шалем был богом доизраильского Урушалима, называвшегося также просто Шалемом; он был принят в иудейский пантеон и только в конце царской эпохи был отождествлен с Иагве¹. В тексте Шалем выступает со специфической функцией бога благодетельных ветров, приносящих желанный для земледельцев дождь; Шалем осуществляет эту функцию при посредстве ив и каменных пальм, которые по его повелению «производят» такой ветер. Подобные представления о происхождении ветра от деревьев встречаются и у других народов и являются весьма архаическими; им соответствуют столь же архаические обрядовые церемонии, при помощи которых, по ритуалу Eqrēnu, вызывается ветер².

Вторым народным благодетельным богом, принятым в официальный пантеон, является Гозер. В тексте Eqrēnu он прямо назван благодетельным — n'm — и призывается явиться и оградить от зла поля, стада и людей. Вопрос о характеристике и истории этого бога представляет большие трудности. В одном из текстов Рас-Шамра, Danel, посвященном мифологии и обрядности периода жатвы и сбора плодов, имя Гозер фигурирует в качестве второго имени бога Данела, героя этого текста.

Значение имени Danel обычно определяют от корня din — «судить». Но в данном случае эта этимология неправильна. В тексте Danel (строки 20—24) функции «судьи своего племени» связываются не с Данелом, а с Гозером, а Данел связывается главным образом с земледельческими функциями: он отец Акхата, бога зерна и хлеба, и Пагат, богини винограда, он — «кормилец» богов. Поэтому надо искать другой этимологии для имени Danel. Ключ к толкованию этого имени дает имя богини, — жены Данела Mšt Dnty. Вторая половина ее имени образована от того же корня, как и имя Данел; по тексту Danel Mšt Dnty является матерью бога зерна и хлеба Акхата. В связи с этим наиболее правильным будет сопоставление имени с древнеаккадским словом danninu — «земля», редким священным речением³. Тогда Mšt Dnty будет Землей, матерью хлеба — Акхата, а первую половину ее имени надо толковать в смысле гифильного причастия от šata, «пить», в форме Mašte — «дающая пить»; «поилица», «сырая земля». Дифференцируя Данела и Гозера по этой линии, мы приходим к заключению, что Данел и Маште-Данати были по преимуществу хтоническими божествами, а Гозер — по преимуществу родо-племенным богом, покровителем и помощником — 'ózer — своего племени и в быту, и в хозяйстве, — как в земледельческом производстве, так и в скотоводстве, — благодетельным богом во всех отношениях, подобным русскому и белорусскому «полевому хозяину», — Миколу, мужицкому заступнику, который во всем «добра дапамагае» крестьянину. Для завершения характеристики

¹ В одной надписи из Сидона упоминается бог Šalman (ср. Lidzbarski, Handbuch, I, S. 377, 76; Hoffmann, Aramäische Inschriften aus Nerab, Z. Ass., 1897, Januar, S. 246. Об имени Шалем, как названии Иерусалима, ср. кн. Бытия, 14, 18; псалом 76, 3; I o. s., Arch. I, 10, 2).

² Ср., например, обрядовую белорусскую песню, в которой «злучэнне», т. е. соединение молодых, уподобляется соединению явора с березой: как от соединения явора и березы произойдут «ветры буйные», так от соединения молодых произойдут «госці любейшыя» (Шейн, Материалы, т. I, ч. 2, стр. 301, № 10).

³ Ср. Jensen, Kosmologie der Babylonier, 161, 265. Имя danninu происходит от первоначальной двузвучной формы dn, образовано посредством повторения второго согласного, ср. Städe, Lehrbuch der hebr. Grammatik, S. 230; Gesenius, Hebr. Grammatik, S. 172.

Гозера следует добавить, что сходным именем 'Ezer назывался в Иудее бог древнего священного камня 'eben ha'ezer и один иудейский род из Вифлеема и что это имя фигурирует также в ряде теофорных имен ¹.

Третьим народным благостным богом, принятым в официальный пантеон, является бог Рахум; его имя имеет значение «милостивый», «благодетельный», «благостный». Рахум текста Eqrny — полевой бог; в ритуале Eqrny он призывается на поле богов при вспашке этого поля; на закличание он является, вероятно, с зерном.

Родоплеменная генеалогия Рахума выясняется легко. Его имя сопоставляется с современными названиями местности Wadi Raḥama и Gebel Raḥama на юге Палестины; эта местность в древности называлась Негебом Иерахмезла, по имени кочевавшего там племени эдомитского происхождения Иерахмезл, и граничила с Негебом Керети ², т.е. областью керетитов, предков финикийян по тексту Рас-Шамра.

Далее в ряду «благостных богов» следует богиня солнца Шаш. Относительно ее вопрос ясен, ибо солнце является любимым и неизменным божеством всех земледельческих народов.

Остаются два последних elm ntm текста Eqrny, названных в нем не собственными именами, а эпитетами. Это Нагар-Мидра, «юноша из посева», которого, как было уже показано выше, надо отождествлять с Садидом-Шаддаем-Адонисом, и «сын моря». К характеристике Нагар-Мидра, «повелителя» или «старшины» благостных богов, надо добавить, что составители текста Eqrny, называя повелителя благостных богов эпитетом, а не собственным именем, отдали дань народной мифологии, ибо эпитет Нагар-Мидра принадлежит, несомненно, этой последней.

Под «сыном моря», как единогласно и правильно толкуют все комментаторы, в тексте Eqrny разумеется Алейон. Алейону посчастливилось, не в пример другим божествам текстов Рас-Шамра: о нем много писали и приписали к бесспорному заключению, что это — бог-тучегонитель, бог, «несущийся на облаках», бог дождя и грома, как он постоянно именуется в эпосе об Алейон-Ваале, ниспосылающий на землю благодатную влагу, — антипод бога засухи Мота. Эта характеристика основывается на совершенно ясных и ярких по красочности выражениях эпоса АВ. Но она неполна и не объясняет, почему Алейон в тексте Eqrny назван «сыном моря».

Несомненно, что в основе мифа об Алейоне, как боге дождя, лежит персонификация самого дождя. Финикийская народная персонификация дождя должна была связываться с морем, ибо в Сирию дождевые тучи приходят с моря, как бы поднимаясь из моря по линии горизонта. Отсюда, несомненно, и возникло представление, что дождь — «сын моря» или что дождь — само море; это представление сохранилось в одном из эпизодов эпоса АВ, в котором Алейон называется «живущим в море» и прямо «морем». В крестьянской обрядности вызывался, конечно, не бог дождя, а сам дождь; в официальной обрядности должен был вызываться к пробуждению или возвращению бог дождя Алейон; составители текста Eqrny соединили обе эти линии, назвав Алейона «сыном моря», дождем, выходящим на закличание из моря, или рождающимся из моря после *ērōz yāmos*, но в обоих случаях «мстящим за себя на поле Ашерат», т.е. побеждающим каким-то способом Мота.

¹ Камень — I Сам. 4, 1—11; 5, 1; 7, 12. Иудейский род — 'Ezer — I Хрон. 4, 4; имена дружинников Давида с-'ezer — I Хрон. 12, 3, 6, 9; 11, 28; 27, 22; II Сам. 23, 27. Предложенное Виролло и Бауэром толкование имени Гозер как второго имени Мота или его двойника по проверке оказывается необоснованным.

² Gesenius — Buhl, Wrtb., S. 316; I Сам. 27, 10; 30, 14.

Для завершения характеристики Алейона, как подателя благодатных небесных вод, надо, во-первых, добавить, что он считался также богом-подателем обильной росы, заменяющей в Сирии и Палестине дождь в течение сухих летних месяцев; эта функция Алейона красочно изображается в тексте о воительнице Анат. Во-вторых, надо остановиться на фигурах двух дочерей Алейона, упоминаемых в эпосе АВ и поставивших Виролло в большое затруднение. В одном отрывке эпоса АВ Алейон, сходя в подземные недра после победы Мота, берет с собой свои тучи, свой дождь, свою водочерпалку и своих дочерей Pdry и Tly; по другому отрывку эпоса АВ (Anat I) Алейон, восходя на гору Сафон после своей победы над Мотом, также берет с собой этих дочерей — они его неизменные спутницы. Виролло остановился перед фигурами Pdry и Tly в недоумении и в еще большем недоумении перед именами их матерей. Между тем имена Pdry и Tly разгадываются очень просто. Tly — это Taly — «роса», подателем которой считался Алейон; мать Тали называется именем gb, которое Виролло толкует в значении «изобилие», соответственно с еврейским gôb. Но это толкование переворачивает отношения, ибо изобилие зависит от росы, а не роса от изобилия. Имя матери Тали надо сопоставлять с аккадийским gubbu — «поток», «наводнение», «водяная пучина», отсюда мать Тали — это «Водяница», олицетворение водяной небесной пучины. Имя Pdry, от толкования которого Виролло отказывается, надо сопоставлять с еврейским peder — «жир», «тук», — особенно тук земли, и с аккадийским ratiru — сорт жира; тогда имя Pdry можно передать по-русски «жируха», т.е. подательница тука земли и жира — сытости — людям, аналогично русскому и немецкому домовому — «жировику». Мать Пидри названа ag; Виролло приравнивает это имя к еврейскому 'og — свет, но это не дает смысла. Идя по линии земледельческого мифа, мы легко отыскиваем правильное сопоставление также и для ag — с еврейским глаголом 'aga, «собирать плоды, пожинать», тогда получается толкование «Жируха, дочь Жатвы».

Совершенно ясно, что эти четыре персонажа — Тали, Руббу, Пидри, Ара — первоначально, в народной религии, не имели никакой связи с Алейоном и были поставлены с ним в связь только в жреческой теогонии; это подтверждается также и тем обстоятельством, что в честь Пидри, Тали и Арси (Aršu) — Земли в Угарите существовали святилища, как самостоятельным божествам, еще до построения храма Алейону¹.

Если вопросы характеристики «благодатных богов» текста Eqrnu оказались во многих отношениях сложными и не всегда ясными, то вопросы характеристики обрядности текста Eqrnu в общем ясны и легко поддаются разрешению.

Составные элементы обрядности текста Eqrnu, имеющие общинный характер, выделяются по терминологии и специфическим деталям, сходным с соответствующими элементами древнеарабской и израильско-иудейской общинной обрядности; но в некоторых случаях приходится обращаться также к сравнительному материалу из общинно-земледельческой обрядности других народов, древних и современных.

В первую очередь необходимо выяснить вопрос о характере того святилища, в котором и около которого совершаются обряды текста Eqrnu. Святилище это, как и обетное святилище, названо термином 'd. Несомненно, термин 'd надо сопоставлять с еврейским mo'ed в сочетании 'ohel mo'ed и производить его не от корня 'ûd — «свидетельствовать», а от корня ja'ad, который в Niph. имеет значение «встречаться», «сходиться», «являть-

¹ Упоминание Pdry и Tly как самостоятельных богинь с именами их матерей имеется в эпосе АВ, см. Vigolle a u d. Un nouveau Chant du poème d'AB, «Syria» 1932, II, p. 114, vol. I, 17—19; там же о святилищах имени Arsy. Комментарий Виролло, p. 115—116.

ся перед кем-либо в определенном месте». От этого корня происходит слово 'eda — «собрание», «место собрания», «община»; слово mo'ed имеет специализированное значение «встреча», «собрание» в заранее условленном месте и в заранее условленный срок и применяется как *terminus technicus* для обозначения места священных собраний, например *har mo'ed* — «гора собрания богов», *'ohel mo'ed* — шатер кочевой эпохи для религиозных собраний; в царскую эпоху термин *mo'ed* употребляется для обозначения местных святилищ (ис. 74, 8 — враги сожгли *kol mo'ade 'elba'areš*), которые в подавляющем числе были общинными святилищами. Отсюда следует, что термин 'd текста *Eqrēnu* надо толковать в качестве варианта терминов 'eda и mo'ed в значении «место религиозного собрания» «святилище» — общинное святилище, аналогичное *'ohel mo'ed* родо-племенной эпохи и высотам царской эпохи.

Из данных текста *Eqrēnu*, которые касаются местоположения и организации святилища, выясняется, что оно относилось к разряду высот. Оно было расположено на морском берегу, т. е. на берегу залива Минет-эль-Бейда (Белого залива), имеющем холмистый характер, следовательно на «высоте». Аксессуары святилища типичны для обычных аксессуаров высот, как они известны из раскопок в Гезере, Мегиддо и Петре: в святилище имеются жертвенник и водоем, названный архаическим термином 'agn = 'aggan, круглой традиционной формы, сохранившейся в Финикии и для водоемов царских храмов¹. Однако в этом святилище имелись также аксессуары, типичные для царских храмов, а культ совершался жреческим персоналом при участии царя. Поэтому надо полагать, что святилище было основано той родо-племенной общиной, которая поселилась сначала на берегу Белого залива, а потом основала город Угарит в 11½ км от моря; после этого общинное святилище стало царским, но сохранило свои прежние черты, типичные для общинных святилищ.

Одной из таких весьма характерных черт является расположение святилища у «поля богов». Сельские общинные святилища и у семитов, и у древних греков, и у некоторых современных земледельческих народов (например у мари) нередко располагаются на полях или на краю полей, на которых совершаются коллективные общинные обряды, сопровождающие все основные операции земледельческого года. Обряды такого рода совершаются также и по ритуалу цикла А текста *Eqrēnu*. В нем прежде всего говорится об очищении от камней и сухостоя виноградников и полей. В традиционном крестьянском быту всех времен и народов эта процедура является не просто техническим мелиоративным мероприятием, но также религиозно-магическим актом изгнания злых духов. Как показывает трактат Мишны Шебиит, именно такой характер имела церемония очищения полей и виноградников в израильско-иудейском крестьянском быту. В русском и белорусском крестьянском быту, а также в быту немецкого крестьянства, сохранились ясные остатки аналогичных очистительных церемоний, совершавшихся коллективно — всей общиной².

Следующее предписание ритуала *Eqrēnu*: «вспахивай поле Рахума, поле богов», подразумевает также не просто начало пахоты, а широко распро-

¹ Сосуд *aggan* упоминается в Исх. 24,6 — как принадлежность общинного святилища кочевой эпохи; в Исх. 22, 24 — как термин, вошедший в пословицу; в других семитских языках — *G e s e n i u s — B u h l*, *Hebr. Wörterbuch*, s. v. Круглые каменные водоемы на высотах, ср. *V i n c e n t*, *Canaan d'après l'exploration récente*, p. 116. О кипрских сосудах см. *P i e t s c h m a n n*, *Geschichte der Phönizier*, 224, рисунки на стр. 222 и 223.

² Ср. Ш е й н, *Материалы*, т. I, ч. I, стр. 168; К р а ч к о в с к и й, *Быт западно-русского селянина*, стр. 117—118; *Cato, de agricultura*, 14; Ш т е р н б е р г, *Первобытная религия*, стр. 371; *N i l s o n*, *Die volkstümlichen Feste*, 48; *J a h n*, *Die deutschen Opferbräuche*, 89, 91, 121.

страненный обряд священной вспашки и священного посева. Во всех обрядах этого типа призывается для совершения вспашки соответствующий бог (в тексте Eqrēnu бог Рахум), и жрец или член общины, производящий священную пахоту и посев, изображает призванного бога. В связи с этим вскрывается смысл предписания текста Eqrēnu о принесении к святилищу «положенных мер зерна»: мы должны толковать эту церемонию в смысле принесения для священного посева определенного количества зерна, собранного со всей общины, как, например, это практиковалось у русских крестьян.

С обрядом священной вспашки ритуал Eqrēnu соединяет обряд заклинания ив о ветре, приносящем тучи с ранним дождем. Обряд не описывается, но, несомненно, он заключался в коллективном махании ивовыми ветвями, с возгласением «общим кличем» формулы «ивы да навевают-ветер» подобно израильско-иудейской процессии с лулабом на празднике суккот.

В третьей группе обрядов цикла А общинные обряды выступают уже не в чистом, а в усложненном и видоизмененном виде. Цель обрядов третьей группы — вызвать явление благостных богов посредством их заклинания и принесения им призывной «неотразимой жертвы». К заклинанию текст Eqrēnu добавляет «запевание имен» благостных богов, по образцу призывных запеваний богов в официальном финикийском культе; образец такого запевания, обращенного к богу Элу, имеется в числе текстов Рас-Шамра¹. Кроме того, благостные боги привлекаются также посредством обряда поставления для них «обиталищ» («обиталища восьми богов поставьте»). Эти «обиталища» можно представить себе только в форме массеб, типичных для высот священных каменных столбов, считавшихся «домами», т. е. жилищами богов².

За церемонией призывания благостных богов идет церемония их явления. Подобного рода церемонии теофаний засвидетельствованы в обрядности многих земледельческих народов; они совершаются либо в форме хороводов, поющих песни с описанием теофании, либо в форме драматических обрядов, изображающих теофанию, как, например, обряд теофании Диониса в греческой религии или обряд теофании весны и «святых» в белорусской религии.

Обрядность теофании в тексте Eqrēnu скомпонована жрецами из церемоний, отчасти традиционных, отчасти составленных заново. Она начинается магическим «рассеканием моря», открывающим путь «сыну моря» Алейону, который, явившись, «мстит за себя на поле Ашерат». Надо полагать, что акт «мщения» совершался специально выделенным участником священнодействия и заключался, вероятно, в том, что изображающее «сына моря» лицо повергало на землю стэлу с изображением Мота на троне, поставленную заранее на поле Ашерат.

Вслед за «сыном моря» являются в общей процессии три бога: Рахум — с зерном, Шапаш — с виноградными гроздьями и Шалем — с ивами и каменными пальмами». В основе этой церемонии может лежать традицион-

¹ Текст опубликован P. D h o r m e, Deux tablettes de Ras Shamra, 1932, «Syria», 1933, III, p. 229 suiv. Перевод Дорма в общем правильный, но некоторые речения можно передать более точно; в частности, слово knl, которое Дорм переводит «правда», лучше было бы производить от глагола kana, который в Pi'el имеет значение «называть, давать имя», в форме существительного и переводить «призывание имени».

² Термин beth'el — «дом бога», в применении к массебе ср. Быт., 28, 17—19; в Аравии священные камни (ansab) считались жилищами джинов и богов. Термин beth'el = bajt-ilu приобрел чрезвычайно широкое распространение, перейдя в греческий и латинский языки (βαίτουλος — baetylus), ср. B a u d i s s i n, Kyrios als Gottesname, III, 300; К а г а р о в, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, стр. 19—21, 25—32. Случаи воздвижения на высотах новых массеб, в дополнение к старым, засвидетельствованы раскопками, ср. V i n c e n t, ст. Canaan, p. 115—111.

ный ритуал; но в ней имеется одна характерная подробность, заставляющая думать, что традиционный ритуал получил в данном случае новое оформление. Именно, в тексте говорится, что Рахум и Шапаш выходят «из сияния врат своих». Такое явление бога солнца нередко изображается на вавилонских печатях, и — что всего интереснее — в числе найденных в Рас-Шамра угаритских печатей имеются две печати с такими же изображениями, которые по своим деталям являются самыми подходящими иллюстрациями к описанию явления Шапаш и Рахума в тексте Eqrēnu. Поэтому надо считать, что теофания Шапаш и Рахума была представлена в форме несения стэлы, на которой было изображено явление этих божеств, по образцу аналогичных изображений на печатях. Надо полагать, что явление Шалема «с ивами и каменными пальмами» также было представлено в форме несения стелы с изображением Шалема, сидящего на троне среди этих деревьев, подобно египетским изображениям Озириса, стоящего со знаками своего божественного и царского достоинства между двумя виноградными лозами¹.

Далее, весьма возможно, что вслед за стэлой Шалема, которая была последней в процессии теофании, шла вторично традиционная процессия всех участников священнодействия с ветвями ив и каменных пальм, которыми они размахивали, как в обряде с лулабом на еврейском празднике суккот. При этом участники процессии, вероятно, возглашали «общим кличем» обращение к Шалему по формуле, приведенной в начале текста Eqrēnu: «Шалему царство над ивами и каменными пальмами». Церемония теофании заканчивалась установлением стэлы с изображением Шалема на поле Ашерат, вместо поверженной стэлы с изображением Мота, под «общий клич»: «Поле богов, поле Ашерат и Рахума, Шалему пребывания».

Таким образом, ритуал цикла А текста Eqrēnu почти сплошь состоит из традиционных обрядов. Наоборот, обрядность цикла В составлена жрецами заново, и лишь в двух церемониях были при этом использованы традиционные обряды, переработанные и соединенные с новотворчеством жрецов.

Один традиционный обряд был использован при составлении весьма сложной и не во всем ясной церемонии, постулирующей уничтожение владычества Мота и появление раннего дождя посредством активных действий Эла. В этой церемонии ритуал официального обряда ежедневного жертвенного возлияния воды был соединен с магическим традиционным ритуалом возлияния воды для вызывания дождя. Последний обряд принадлежит к категории обрядов подражательной магии, широко распространен на всем земном шаре и засвидетельствован в израильско-иудейской и финикийской религии.

С обрядом возлияния воды в ритуале Eqrēnu соединены магические обряды сокрушения Мота. В их числе фигурирует один традиционный обряд, постулирующий уничтожение Мота посредством сожжения его символов — его тотема, которым, по всей вероятности, был коршун, и нитей сахар — шерсти песочного цвета пустыни, символа засухи и бесплодия.

Другая церемония цикла В, связанная с традиционной обрядностью, — это церемония *ērōz yāmoz*. Церемония эта принадлежит к категории обрядов, связанных с храмовой проституцией, и скомпонована жрецами специально для чрезвычайного священнодействия Eqrēnu. Но оба ее главных акта — акт священного соития и магический акт имитации родов —

¹ Печати из Угарита — «Syria», 1935, II, табл. XXXV — последняя печать во втором ряду; 1932, I, табл. XI — предпоследняя печать внизу; образцы подобных же изображений имеются на 14 вавилонских печатях (даны в изд. Weber, *Altorientalische Siegelbilder*). Изображение Озириса — М а т ъ е, Мифы древнего Египта, стр. 54, рис. 32.

ведут свое происхождение от традиционных общинных обрядов, засвидетельствованных у самых различных народов ¹.

Наконец, в обрядности, предписываемой циклом С, мы находим три традиционных элемента. Освящение нового святилища производится посредством процессии обхода кругом него — архаического обряда, восходящего к седой арабской древности ². Церемония вселения Нагар-Мидра и благостных богов в новое святилище описывается в выражениях, почти буквально совпадающих с описанием церемонии вселения в новое святилище бога Иагве в оракуле Мих. 2, 13, поэтому обряд этот надо считать восходящим к той древней кочевой эпохе, когда сыны Израиля и непосредственные предки финикиян еще не отпочковались от общего родо-племенного корня. То же самое надо сказать и относительно предписания о коллективным жертвенном пире, сопровождающем церемонию вселения Нагар-Мидра и благостных богов в новое святилище; это предписание соответствует описанию такого же пира при Давиде, сопровождавшего «вселение» Иагве в новый священный шатер на Сионе (II Сам. 6, 18—20), с той только разницей, что в тексте Eqrēnu традиционные черты сохранились в более чистом виде, чем в обряде, совершенном Давидом.

Таковы общинно-земледельческие божества и обряды, выступающие в тексте Eqrēnu. Конечно, ими не исчерпывается вся совокупность персонажей божеств и обрядов общинно-земледельческой религии, так как в тексте Eqrēnu отражены только главнейшие элементы мифологии и обрядности предпесовного периода и лишь некоторые элементы, связанные с периодом лета и жатвы. Однако и этого материала вполне достаточно для характеристики земледельческого пантеона и обрядности в общинах царства Угарита. Общинно-земледельческий народный пантеон выступает здесь перед нами со своими типичными чертами. Его божества в большинстве расплывчаты, нечетко дифференцированы по функциям, многие имеют двойников под другими именами, некоторые наряду с земледельческими функциями наделены также функциями другого порядка. Это в большинстве своем еще прежние духи разных категорий, еще не ставшие осязательными фигурами богов, с индивидуальными чертами и с собственными именами — духи явлений природы, духи-предки, а иногда еще более древние олицетворения и тотемы. Поэтому, как это ни странно, эти финикийские божества XX—XIX веков до н. э. находят для себя самые близкие параллели в крестьянских пантеонах Европы XIX—XX веков н. э.

Второй характерной чертой персонажей финикийского пантеона является их все еще живая связь с родо-племенным бытом, не только местным, современным тексту Eqrēnu, но также и с родо-племенным бытом общих предков финикиян-эдомитян и сынов Израиля и Иуды.

Наконец, третья, специфически важная и особенно характерная черта финикийского земледельческого пантеона заключается в том, что в числе выявленных и охарактеризованных нами народных божеств мы не встречаем ни одного домашнего или дворового божества, подобного тем, которые выступают на первый план в крестьянской религии славянских и германских народов и фигурируют в вавилонской и древнеримской религии. Эта черта может быть объяснена только одним обстоятельством — крепостью общинного быта и общинного хозяйства.

Бросается в глаза близость обрядности текста Eqrēnu с обрядностью

¹ Ср. Богаевский, Земледельческая религия Афин, стр. 188—189; Фразер, Золотая ветвь, I, стр. 169; Aristophanes, Pax. 1316—1350; Никольский, Мифология і абрадавасць валацобных песень, стр. 249, 231—232, 261—262; свадебный белорусский обряд имитации родов — Шейн, Материалы I, ч. 2, стр. 316—317.

² Ср. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums, 106—110, 122—123.

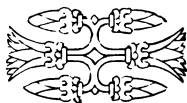
израильско-иудейской народной религии. Если сопоставить с этой близостью совпадения в составе пантеона, учесть наличие израильско-иудейских Шалема, Рахума, Шаддая, Эльона и ряд других интереснейших фактов, то мы должны прийти к выводу, что финикийскую и израильско-иудейскую, а также, вероятно, и сирийско-арамейскую религию нельзя обособлять одну от другой, но надо рассматривать как три ветви одной исторической сирийско-палестинской религии, выросшей из одного доисторического родо-племенного корня.

В итоге надо считать окончательно разрешенным общий вопрос — вопрос о существовании в Финикии общинного быта и общинной религии, занимавшей в народном быту центральное место. Данные текста Egreny и других цитированных нами текстов Рас-Шамра являются в этом отношении самым красноречивым и неопровержимым свидетельством, имеющим силу не только для царства Угарита, но и для других финикийских царств, ибо природные и хозяйственные условия их были одинаковы и везде земледелие было основным занятием сельского населения, как об этом лучше всего свидетельствует существование в Гебале, Тире и Сидоне официальных культов растительных богов, перешедших в официальную религию, конечно, из народной религии.

Установление факта существования в Финикии общинного строя и общинной религии освещает новым светом всю древнейшую общественно-политическую и религиозную историю финикийских царств и окончательно дискредитирует попытки «причесать» à la gresque финикийский общественно-политический строй.

В процессе моего исследования мне пришлось коснуться и частично рассмотреть ряд смежных проблем. Из них я хотел бы назвать здесь проблему финикийской мифологии и обрядности периода жатвы и уборки плодов, особенно в связи с текстом в 'Anat II, совершенно не понятым у Виролло, затем — проблему эпоса об Алейон-Ваале как с литературно-исторической, так и с мифологической стороны, а также ряд вопросов из истории израильско-иудейской религии и связанных с этим вопросов критики Библии. Мне хотелось бы продолжить и закончить работу по этим проблемам и тем завершить мои многолетние занятия в области истории Израиля и Иуды и теперешние мои занятия по истории Финикии. Удастся ли мне это сделать, я не знаю; если не удастся, то я хотел бы, чтобы эти мои пожелания стали завещанием для молодых советских ориенталистов. Я хотел бы также обратить их внимание на те важные проблемы, которые возникают теперь, в связи с открытиями в Рас-Шамра, в области общей истории Финикии, Палестины, Сирии и всего древнего Востока и которые поставлены мною в заключительной главе моего большого исследования. Эта глава в настоящее время напечатана ¹ как призыв к советским ориенталистам обратить внимание на эту новую целину на поле исторической науки.

¹ Исторический журнал, 1944, № 7.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

*(Предварительные итоги работ Хорезмской археологической экспедиции
Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
1940 г.)*

С. П. Толстов

I

Работы 1940 г. — четвертого полевого сезона работ экспедиции — значительно расширили хронологические рамки ее тематики. Центр тяжести работ лежал, с одной стороны, в изучении памятников первобытного Хорезма, с другой — памятников средневековых. Помимо этого, в порядке разведок и обследований, задачами экспедиции являлось: а) по возможности заполнить хронологические пробелы в цепи открытых ранее памятников, чтобы иметь возможность добиться максимально связной характеристики процесса развития материальной культуры Хорезма; б) продолжить исследования древней ирригационной сети правобережного Хорезма и выяснить ее историческую динамику; в) расширить изучаемую территорию за пределы в основном обследованного Верхнего Хорезма, продвинувшись через Султан-Уиздагские горы в Нижний Хорезм — в область дельты Аму-дарьи.

В организации экспедиции 1940 г. участвовали, помимо Института истории материальной культуры, исторический факультет Московского государственного университета, сектор археологии Института истории, языка и литературы Узбекского филиала Академии Наук, Центральный краеведческий музей Кара-Калпакской АССР, Всесоюзная академия архитектуры (в лице Архитектурного музея) и Московский архитектурный институт, выделившие в состав экспедиции своих сотрудников и студентов.

Экспедиция работала в следующем составе: начальник экспедиции С. П. Толстов (Институт истории материальной культуры), помощник начальника экспедиции старший научный сотрудник Я. Г. Гулямов (Узбекский филиал Академии Наук), архитекторы В. А. Лавров (Институт истории материальной культуры) и В. И. Пилявский (Академия архитектуры), художник Н. П. Толстов (Институт истории материальной культуры), фотограф В. И. Котовский (Институт истории материальной культуры) коллектор М. Г. Мамлеев (Центральный краеведческий музей Кара-Калпакской АССР), студенты-практиканты Московского государственного университета И. В. Пташникова, Н. Н. Вактурская,

Т. В. Равдина, студенты-практиканты Архитектурного института Э. Виксон, М. А. Орлов и В. Пентман.

Экспедиция работала с 31 июля по 4 ноября 1940 г.

II

Наиболее ранним из объектов экспедиции была открытая в 1939 г.¹ стоянка позднего неолита (кельтеминарская культура) Джанбас-кала № 4, подвергнутая в отчетном году стационарным раскопкам.

Как показали раскопки, стоянка Джанбас-кала № 4 представляет одно большое общинное жилище с четко очерченными границами, за пределами которых количество находок резко сокращается. Жилище имело по плану форму, приближающуюся к овалу с осями 24 и 17 м, в основе которого лежал вытянутый с северо-северо-востока на юго-юго-запад многограннык. Общая площадь жилища около 320 кв. метров. Жилище было наземным и имело деревянный каркас в виде системы столбов и балок, перекрытой сверху камышевой кровлей. В центре жилища был расположен большой центральный очаг, круглый в плане, 1.2 метра в диаметре, резко отличающийся по типу от многочисленных бытовых очагов, расположенных в несколько рядов по периферии жилища.

Основными чертами центрального очага являются: 1) отсутствие в нем и вокруг него бытовых находок и кухонных остатков, которыми изобилуют обычные очаги; 2) совершенно иной характер золы: в то время как в бытовых очагах мы имеем преимущественно черную и серую золу и угли, здесь мы имеем плотный, чистый белый пепел, свидетельствующий о полном сгорании топлива; 3) под центральным очагом лежит полуметровый слой пепла, который в результате длительного прокаливания получил яркочерную окраску. Аналогичный красный песок подстилает и обычные бытовые очаги, но там его слой не превышает 0.5—2 сантиметра.

Все это в целом заставило нас прийти к заключению, что здесь имеется очаг не бытового, а культового назначения, при этом очаг, в котором в течение длительного времени поддерживался неугасимый огонь. По всем данным, мы имеем здесь дело с неугасимым очагом, являвшимся религиозным центром обитавшей в большом доме родовой общины.

Так как дата кельтеминарской культуры в целом и стоянки Джанбас-кала № 4, в частности, не может быть позже конца IV или, самое позднее, начала III тысячелетия до н. э., мы должны констатировать, что в центральном очаге большого дома нашей стоянки мы имеем наиболее древний памятник культа огня в Средней Азии, да, пожалуй, и вообще на Востоке. Этот факт приобретает особый интерес в связи с той ролью, которую культ огня играет впоследствии в маизмизме — господствующей религии домусульманской Средней Азии и Ирана.

Как мы уже отметили, по периферии жилища располагались в несколько рядов бытовые кострища. В раскопанной части жилища, составляющей 144 кв. метра, таких кострищ вскрыто 56, из чего следует, что вместе с развешенной и оставшейся пока нераскопанной частью дома число бытовых кострищ должно измеряться цифрой не менее сотни. Однако здесь должно быть учтено, что очаги — неодновременны (это вытекает из того, что некоторые из них перекрывают друг друга) и большинство их существовало недолго; надо полагать, что места очагов менялись сравнительно часто. Из анализа расположения кострищ и находок можно заключить, что, по-видимому, они первоначально были расположены в два ряда: один — близ внешней стены дома а второй — в 4—5 метрах от первого, по направлению

¹ См. ВДИ, 1941, № 1, стр. 156 и сл.

к середине дома. Вместе с тем наблюдается некоторая закономерность распределения кострищ по секторам дома, образуемым радиальными линиями столбов.

Характер планировки дома позволяет сделать некоторые заключения о характере родовой организации кельтеминарцев.

Обилие бытовых кострищ, остающееся несомненным и при учете их разновременности, и самый факт неустойчивости, подвижности очагов, заставляют видеть в кельтеминарской общине форму более архаическую, чем та, с которой связаны устойчивые, конструктивно оформленные очаги больших домов трипольской¹ и ананьинской² культур, которые, как и большие дома Бискупинского селища³, должны быть отнесены к последнему этапу материнского рода, — к эпохе его полного расцвета, сочетающегося с первыми признаками его разложения.

Для кельтеминарской культуры, вероятнее всего, был характерен дислокальный брак, во всяком случае — еще очень слабая устойчивость парной семьи. Жилище кельтеминарцев, более архаическое, чем длинные дома ирокезов, скорее может быть сближено с общинными хижинами манданов, бакайри и особенно с общинными хижинами андаманцев, с которыми кельтеминарцев сближает не только круглый план, но и наличие центрального неугасимого общинного огня и планировка бытовых очагов вокруг него. Все это заставляет прийти к выводу, что в кельтеминарскую эпоху еще не сложилась сколько-нибудь устойчивая парная семья.

Количество обитателей дома должно было быть очень значительно. Манданские дома — около 11 метров в диаметре (около 96 кв. метров) — вмещают 30—40 человек. Андаманские жилища — около 14 метров в диаметре (около 154 кв. метров) — вмещали до 100 человек.

В манданском доме на одного человека падает, таким образом, от 2.4 до 3.2 кв. метра, в андаманском — около 1.5 кв. метра. Исходя из этих цифр, количество обитателей большого джанбас-калинского дома (около 320 кв. метров) может быть определено от 90 до 185 человек. Думаю, что мы вряд ли намного ошибемся, если примем цифру около 100—125 человек⁴.

Добытый при раскопках материал позволяет уже теперь предложить опыт реконструкции кельтеминарского жилища (рис. 1), привлекая к данным, непосредственно почерпнутым из раскопок, данные конструктивно наиболее близких жилищ первобытных народов, известных по этнографическим материалам.

Добытый в стоянке материал в основном дополняет и расширяет сведения, полученные работами 1939 г., позволяя сделать ряд новых историко-культурных заключений.

Надо отметить наличие большого количества фрагментов керамики, соединяющих штампованный орнамент с раскраской поверхности красной

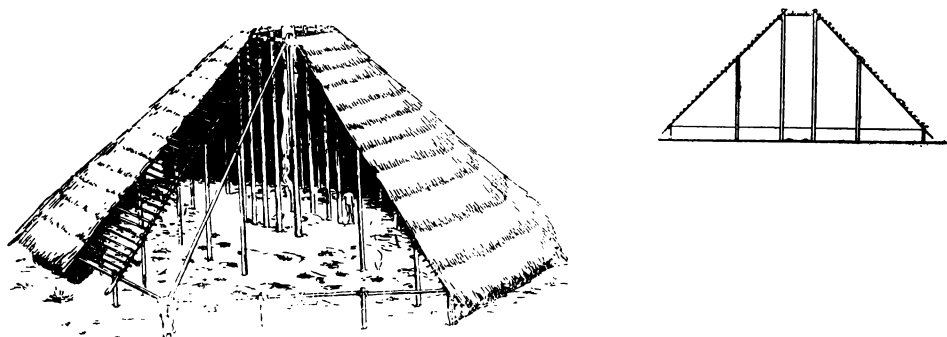
¹ Т. С. П а с с е к, Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет. ВДИ, 1938, 1—2, стр. 265—266.

² А. В. Б р у е в а, Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, 2, стр. 200 и сл., рис. на стр. 201.

³ М. В. В о е в о д с к и й, Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше. ВДИ, 1938, 2—3, стр. 224 и сл.

⁴ Весьма любопытную параллель кельтеминарскому дому представляет открытый в 1942 г., во время раскопок на острове Мэн (в Ballyseigan близ Castlen town), огромный общинный дом кельтского населения острова, датируемый временем между 400 и 700 гг. н. э. Дом, достигавший 90 футов (около 26 метров) в диаметре, имел круглый план, уплощенно-коническую крышу, опирающуюся на многочисленные, расположенные концентрическими кругами, столбы, центральное дымовое отверстие над главным очагом. См. «The Illustrated London News», № 5585, vol. 201, Jul. 4, 1942.

Этот памятник, относящийся к совсем иному и гораздо более позднему времени, чем кельтеминарская культура, свидетельствует о длительном переживании на северо-западе Европы традиций, связанных с этим типом жилища.

Схематический план раскопа

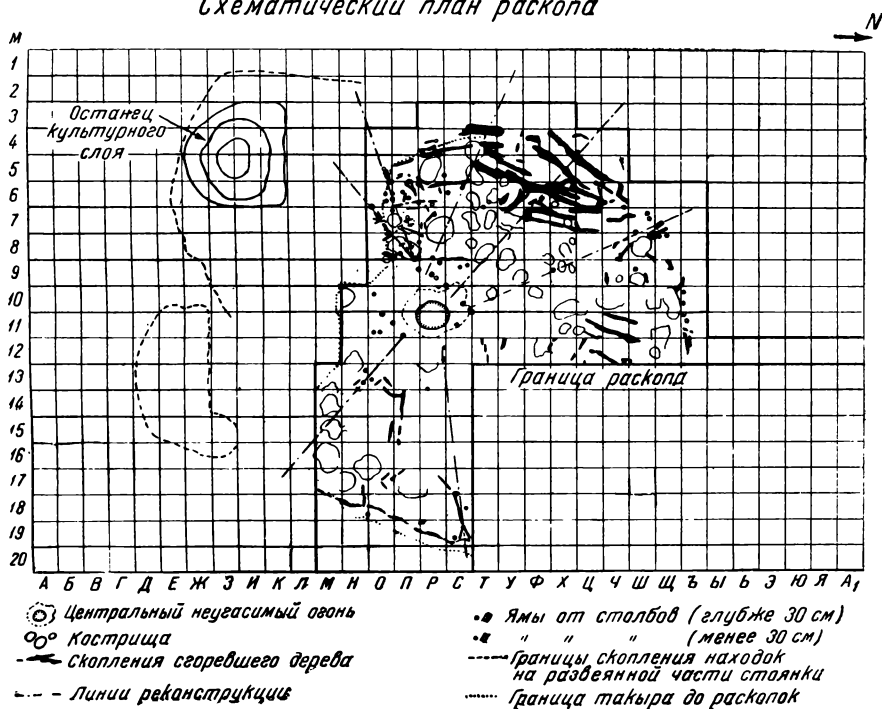

Рис. 1. Стоянка Джанбас-кала № 4. Схематический план и реконструкция

краской, подтверждающих наши заключения¹ о скрещении в кельтеминарской культуре доминирующей культурной струи, связанной с сибирским и уральским неолитом и позднейшей «степной бронзой», — с сильными влияниями культур крашеной керамики типа раннего Анау.

Анализ конструкции, в частности наличие центрального очага и системы столбов вокруг него, поддерживающих среднюю часть кровли, заставляет полагать в качестве родоначальной формы овального кельтеминарского дома круглый дом с характерной системой конструкции крыши с центральным отверстием, причем, как и керамика кельтеминара, этот

¹ См. наши статьи в газетах «Известия» от 10 октября 1940 г. и «Советская Каракалпакия» от 21 октября 1940 г.

тип подвергается влиянию прямоугольного дома, связанного с культурой анаусского круга.

Добытые сосуды крайне разнообразны по форме и орнаменту. Наряду с многочисленными орнаментированными сосудами типов, описанных нами в 1939 г., добыты фрагменты сосудов, отдельные зоны которых покрыты криволинейным орнаментом из тонких, заходящих друг за друга сегментов круга, образованных оттисками оерповидного штампа.

Особый интерес представляют впервые открытые в 1940 г. «ладьевидные сосуды» (рис. 2) — тонкостенные, глубокие чаши, по форме напоминающие половину разрезанного вдоль яйца (один более острый и другой более тупой конец, сдвинутость наиболее глубокой части в сторону тупого конца). Один из таких сосудов, некогда выкрашенный в красный цвет, был по краю покрыт широкой полосой штрихового орнамента, разделенного вертикальными линиями узора на прямоугольные орнаментальные поля.

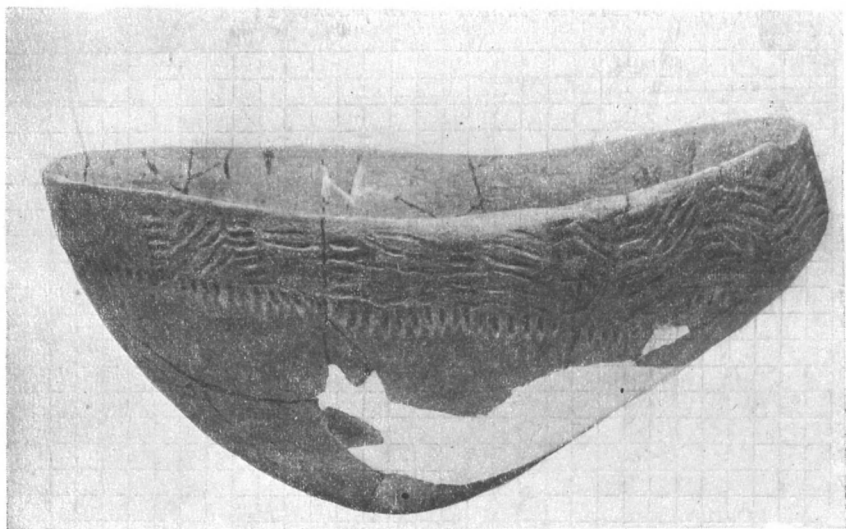

Рис. 2. Ладьевидный сосуд из Джанбас-кала № 4

Наряду с ладьевидными сосудами встречаются более мелкие овальные, несколько угловатых очертаний, чаши, слабо или совсем не орнаментированные. Одна из таких чаш имеет на узком конце два конических выступа — своего рода рукоятку, несколько напоминающую парные конические выступы некоторых антропоморфных сосудов из Тепе-Гиссар, Трои и средневропейского неолита, где они символизируют женские груди.

Особенно обильны фрагменты крупных сосудов, сплошь покрытых зигзагообразным («елочным») орнаментом, встречающим параллели в афанасьевской культуре¹, в зауральских культурах шигирского типа в широком смысле слова и особенно близкую параллель — в керамике Восточного Туркестана, собранной экспедицией А. Стейна вместе с микролитонидным, очень близким по типу к кельтеминарскому, кремневым инвентарем с разветвленных стоянок в зоне размыва маломощных такыров, в песках на окраинах бассейна Яркенд-дарьи, километрах в 45 от реки, и в устье Курух-дарьи².

¹ С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. М. Э., 2, Л., 1927, стр. 72, табл. III, рис. 1, стр. 76, табл. IV, рис. 3 и др.

² Stein, Innermost Asia, I, стр. 85, 196, 205, 206, III, табл. XXII, XXIII.

В целом мы сейчас можем более точно, чем раньше, определить круг историко-культурных связей кельтеминарской культуры. Она выступает перед нами как одна из поздненеолитических культур с микролитовидной традицией, зона распространения которой охватывает территорию от Приаралья до Синьцзяна и которая исторически связана с культурами неолита и ранней бронзы (III—II тысячелетий до н. э.) Сибири и Приуралья, сложившимися, видимо, под влиянием среднеазиатских неолитических культур кельтеминарского типа. Находка в стоянке Джанбас-кала № 4 украшений из раковин рода *Dentalium* видов, распространенных только в бассейне Индийского океана (Красное море, Персидский и Аравийский заливы) позволяет говорить вместе с тем о древних южных связях кельтеминарской культуры. Весьма вероятно, что устанавливаемая таким образом система культурных связей эпохи неолита между племенами Сибири и Приуралья и побережий Индийского океана через Среднюю Азию объясняет и датирует многократно отмеченные исследователями (начиная с Caldwell'a и до O. Schrader'a, Uxbond'a, Nevesy и др.) лингвистические параллели между угорскими языками и языками доиндоевропейской Индии (Мунда и дравидийскими).

Исключительно обильный кремневый материал (наряду с белым и коричневым кремнем прекрасного качества обильно представлены орудия из яшмовидных пород) обогатился большим количеством микролитовидных лезвий, скребков, резцов, скобелей, проколов, одношпанных наконечников стрел из пластин с односторонней обработкой, кремневых наконечников с двусторонней плоской ретушью — типа, характерного для сибирского и уральского неолита. Найдены также более крупные и грубые ножевидные пластины с ретушью и шлифованные плоские сланцевые ножи.

Костяные орудия представлены большим количеством длинных, цилиндрико-конических, иногда со слабым перехватом по шейке, наконечников стрел и двумя крупными костяными орудиями, требующими реставрации (повидимому, основы для орудий с вкладышами). Добыто большое количество плоских песчаниковых плиток с зашлифованной поверхностью, находимых вокруг очагов, много красной и желтой краски. Украшения представлены обильными бусами и подвесками из раковин, цветных камней, птичьих костей.

Большой интерес представляют выясненные детали залегания культурного слоя. Жилище было расположено на песчаной дюне, на растоптанной вершине бархана, причем его сохранившийся рельеф показывает, что бархан был повернут своей крутой, вогнутой стороной к северу. После того как дом сторел и был заброшен, он (еще во время существования других жилищ стоянки) был занесен песком, образовавшим несколько маленьких песчаных всхолмлений, также повернутых вогнутой стороной к северу. Рельеф этих всхолмлений сохранился под покрывающей его тонкой такырной коркой, образовавшейся в результате затопления стоянки озерными водами.

Вся совокупность этих данных заставляет предполагать, что направление ветров в IV—III тысячелетиях до н. э. было прямо противоположно современному, что, бесспорно, представляет значительный интерес для палеоклиматологии Средней Азии. Вопрос о причинах этого явления требует дополнительного исследования.

III

Сильно обогатились наши сведения о позднейших этапах истории первобытного населения Хорезма. С северо-востока от Ангка-кала Н. П. Толстовым была открыта развешанная стоянка бронзовая эпохи («тазабагыя»

ская культура»), давшая прекрасные образцы богато орнаментированной плоскодонной керамики (рис. 3). Теперь удастся установить преобладание кельтеминарской, тазабагьябской и амирабадской культур благодаря тому, что керамика второй из них, сохраняя многие особенности кельтеминарской орнаментики (наряду с господствующими новыми элементами, сближающими ее со срубной и андроновской культурами¹), по характерной форме днища, выступающего в стороны по сравнению с нижней частью стенки², связывается с амирабадской культурой.

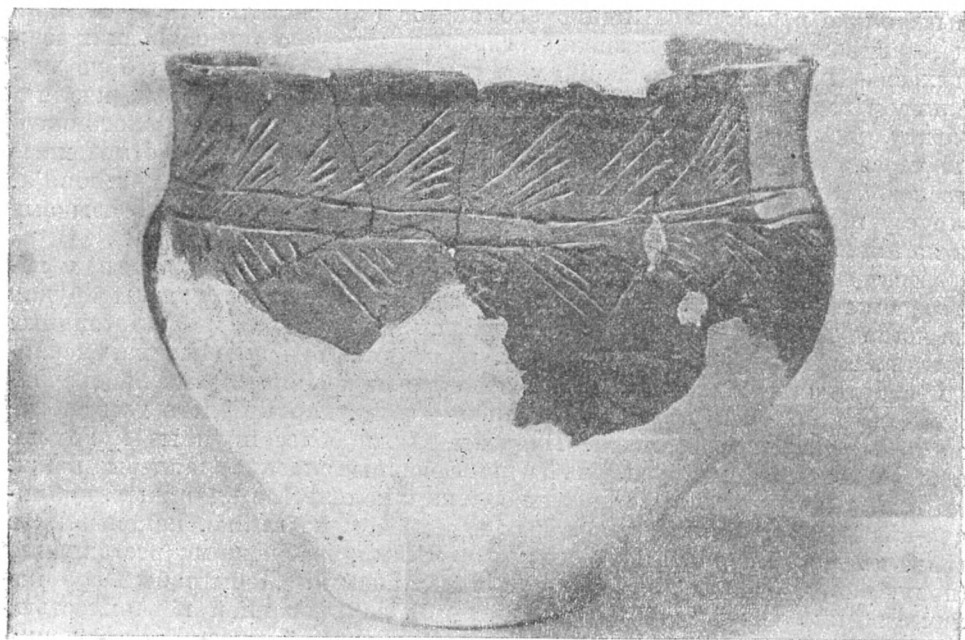

Рис. 3. Сосуд из стоянки близ Анка-кала (тазабагьябская культура)

Особенно обильны находки стоянок этой последней культуры. Нами открыто большое количество новых стоянок в зоне разрушения такыров, к северо-востоку от Наринджана, и в «уях» между развалинами Кюш-Парсан и Якке-Парсан. Вдоль южного берега окаймляющей с севера Джанбаскалинскую возвышенность низины, на несколько километров к востоку от стоянки Джанбас-кала № 4, идет почти сплошная полоса этих стоянок. Наконец, аналогичные материалы были найдены в зоне большого канала к югу от Базар-кала.

Особенно интересно открытое Я. Г. Гулямовым поселение Джанбас-кала № 7, где хорошо видна планировка жилища этой эпохи (рис. 4).

В это время, относимое нами к VIII—VII векам до н. э., господствовали уже прямоугольные глиняные постройки, однако сохранявшие еще целиком характер общинных жилищ. «Большой дом» в Джанбас-кала № 7, вытянутый с запада на восток, параллельно склону возвышенности, окаймляющей с юга упомянутую низину, расположен, как и дом в Джанбас-кала № 4, на песчаной дюне. Он имеет в длину 77 метров при ширине около 20 метров. Стены достигают мощности в 1.5—2 метра. Дом разделен

¹ См. нашу статью в ВДИ, 1939, № 3.

² Ср. аналогичные формы в срубной культуре ESA, II, стр. 86, рис. 58—3, стр. 123, рис. 70—1, стр. 163; рис. 96—2.

идущей вдоль него внутренней стеной на два параллельных коридоробразных помещения, шириной одно — около 10, другое — около 5 метров.

Такой тип большого дома генетически увязывается с открытым нами в 1939 г. на Чермен-ябе наиболее древним типом античных городищ — «городищами» с жилыми стенами (Калалыгыр № 1 и Кюзелигыр), которые мы считаем возможным датировать ахеменидским временем или, может быть, VI—III веками до н. э.¹

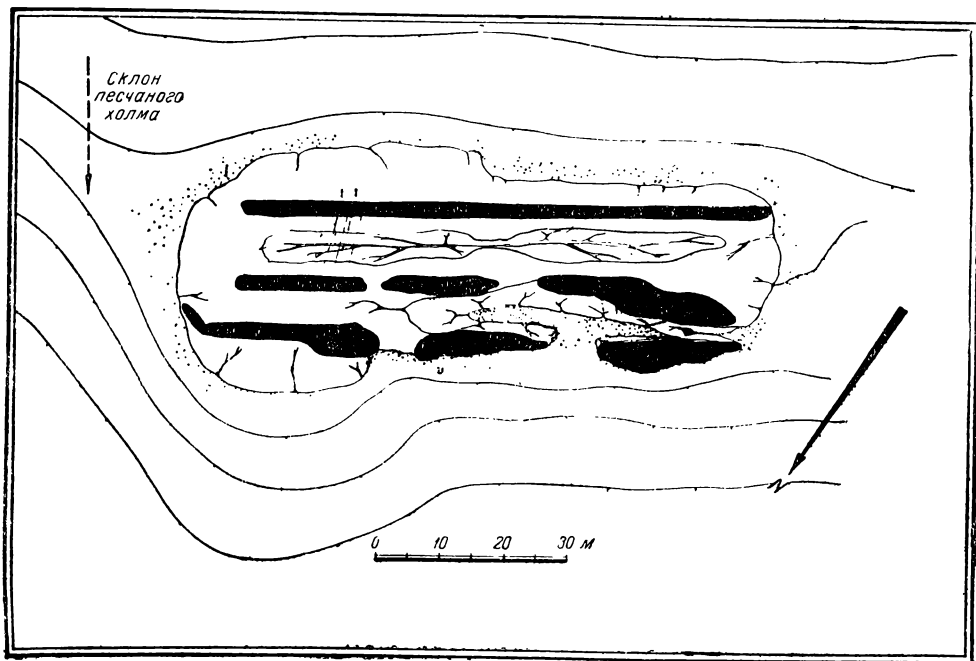

Рис. 4. План развалин «Длинного дома» амирабадской культуры (стоянка Джанбас-кала № 7)

IV

Античные городища не являлись предметом нашей специальной работы в 1940 г. и затрагивались нами лишь попутно.

Отмечу лишь несколько существенных фактов. Во-первых, удалось установить, что необходимо пересмотреть датировку крепости Большой Гульдурсун, которую А. И. Тереножкин, в результате обследования 1937 г., не совсем точно датировал средневековым². На деле крепость в своей основе — античная, кангюйско-кушанская. Мощные стены сложены из античного кирпича; в них сохранились следы античного типа бойниц и многочисленные заложённые арки, некогда, видимо, служившие входами в уничтоженные при позднейшей перестройке часто расположенные башни.

Городом Большой Гульдурсун был именно в кангюйско-кушанское время. Многочисленные бугры построек на дворе городища все содержат красную античную керамику. Не мало найдено и характерных кангюйско-

¹ См. нашу статью в ВДИ, 1941, № 1, стр. 178.

² Ср. «Сов. Археология», 1940, VI; «Изв. УзФАН», 1940, № 7, стр. 58—59.

кушанских статуэток. Напротив, фрагменты средневековой керамики насчитываются единицами.

В Средние века, видимо в XII—XIII веках, огромная античная крепость, бывшая в полуразрушенном состоянии, была модернизирована. От

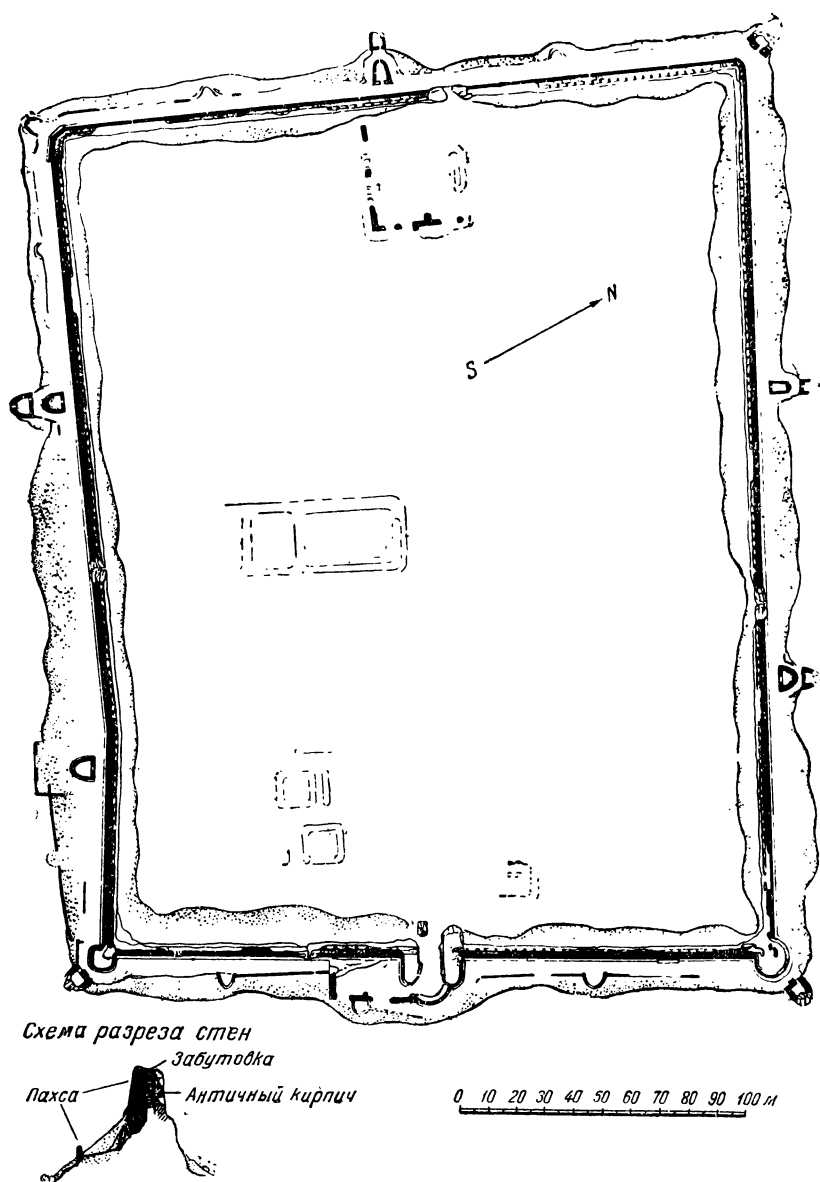

Рис. 5. План городища Большой Гульдурсун

двойных стен была оставлена лишь внешняя, более мощная и поэтому лучше сохранившаяся часть. Бойницы ее были заложены. Мощный глинобитный цоколь стены, который некогда служил основой для межстенного хода и внутренней стены, был также сохранен. Снаружи древние стены были покрыты новым глинобитным панцырем, и на место старых башен, большей частью срубленных, а иногда частично использованных в каче-

стве базы для новых, были возведены новые, более редко расположенные, но зато двойные: против каждой башни стены была вторая, выносная башня, сообщавшаяся с основной подъемным мостом (рис. 5 и 6). Отсутствие на городище следов сколько-нибудь интенсивной жизни в Средние века заставляет утверждать, что во времена хорезмшахов оно имело лишь стратегическое значение.

Следующим периодом, по которому экспедиции удалось добыть много нового материала, является период, названный нами кушано-афригидским и охватывающий время от III до V века н. э. включительно, период, лежащий между эпохой расцвета кушанской культуры (Аяз-кала) до эпохи расцвета культуры афригидской (Беркут-кала).

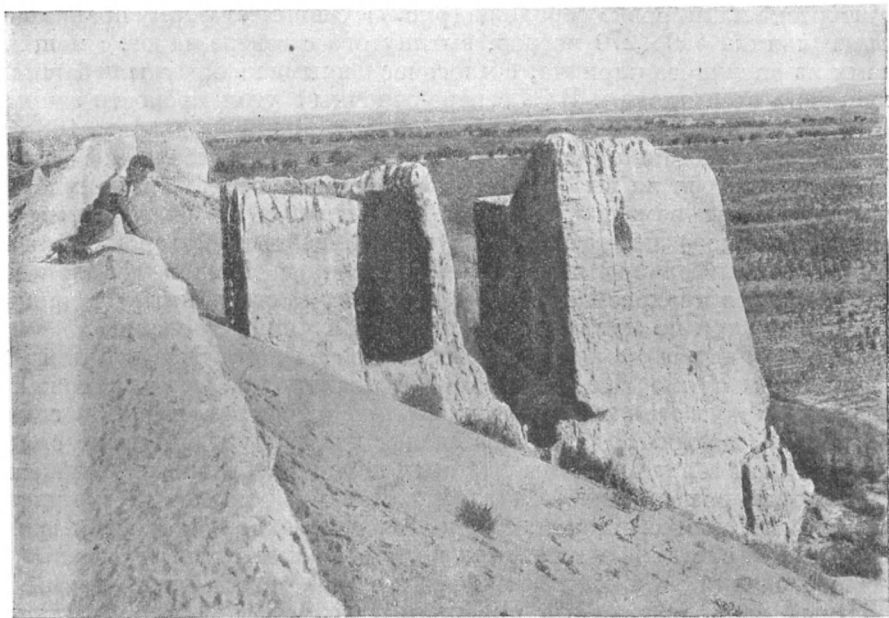

Рис. 6. Одна из башен городища Большой Гульдурсун

К этому периоду относится ряд открытых ранее, но теперь заново обследованных и по-новому освещенных городищ (Топрак-кала, впервые обследованная нами в 1938 г., Кош-Парсан № 1 и № 2, посещенные А. И. Тереножкиным в 1937 г.) и ряд памятников, посещенных впервые (Малая Кават-кала — к западу от Наринджана, Якке-Парсан — к северо-западу от Уй-каза, Эрес-кала — на низовьях канала Кельтеминар).

Памятники эти довольно разнообразны. Эрес-кала, Топрак-кала (к которым из ранее описанных надо прибавить Кырк-кыз-кала) — это города, возникшие в античное время, но продолжавшие жить полной жизнью и в раннеафригидский период, вплоть до V—VI века, когда они приходят в упадок. Оба Кош-Парсан, Якке-Парсан и Малая Кават-кала — это раннеафригидские замки, построенные, видимо, не раньше конца III и начала IV веков.

Особенно интересна Топрак-кала. Городище дало исключительно обильные монетные находки с подавляющим преобладанием раннеафригидских монет (гр. Аз)¹. Наряду с ними попадает довольно много кушанских

¹ См. нашу статью в ВДИ, 1938, № 4.

монет. Позднеафригидские монеты, весьма многочисленные на окружающих такырах, на городище встречаются единицами.

Стратиграфический шурф, заложенный на городище, показал, что этот памятник, поверхность которого сильно разрушена пухлым солончаком, дает культурный слой мощностью в 4 метра, в котором выделяется 10 горизонтов, разделенных между собой хорошо прослеживаемыми глиняными полами, не считая более мелких прослоек. Нижние горизонты дают характерную кушанскую керамику, поверхностные сборы и верхние горизонты — керамику раннеафригидскую, не позднее V — начала VI века. Таким образом, вся свита культурных слоев Топрак-кала охватывает период около пяти веков. Это лишний раз предостерегает нас от увлечения определять древность памятника по толщине слоя.

Интересна планировка городища (рис. 7). Оно имеет форму правильного прямоугольника 450×270 метров, вытянутого с севера на юг, с мощными стенами из античного кирпича, с многочисленными квадратными башнями. Сохранность стен плохая. Весь северо-западный угол крепости занимает огромный замок правителя города (рис. 8), состоящий из двора в 168×180 метров со сложной планировкой и величественного трехбашенного донжона, сохранившегося на высоту более 20 метров и содержащего многочисленные сводчатые помещения. К юго-восточному углу замка примыкают остатки обширного комплекса сооружений, центром которого являлось огромное прямоугольное помещение, обнесённое мощной двойной кирпичной стеной с проходом внутрь, к которому с юга примыкает длинный коридор, ведущий по направлению к главной улице городища.

Наличие большого количества выходящей на поверхность белой золы в центральном прямоугольнике и общая планировка, очень похожая на планировку храма огня в Шапуре, позволяет предполагать в этом здании городской храм огня. Центральное здание храма было окружено сплошной застройкой в виде системы длинных коридорообразных сооружений, следы которых сохранились. Снаружи замковый и храмовый комплексы были обнесены мощной стеной, с башнями посередине восточной и южной стен и с целой системой внутренних дворов, расположенных к северу от храмового здания. К входу в южный коридор храма извне примыкает квадратный двор, обнесённый портиком с колоннами.

Угол между замком и храмовым комплексом и восточной стеной образует лишенную следов построек площадку, по нашему предположению — базарную площадь. Остальная часть городища — жилая часть города, разделена на две части улицей, идущей по средней линии от расположенных в южной стене ворот к храму и замку правителя. По обе стороны этой улицы расположены разделенные симметричными переулками 8—10 кварталов, из которых каждый представляет собой сплошной жилой массив без всяких признаков деления на дома — огромный комплекс смежных комнат, число которых в одном массиве доходит до 200. Почти каждый массив близ центра имеет более возвышенную часть, нередко в виде сплошь вымощенной кирпичом площадки. По нашему мнению, это остатки поднимавшихся над каждым массивом центральных башен — прототип афригидских кёшков.

В целом картина позднеантичного хорезмийского города раскрывается с большой полнотой (рис. 9), целиком подтверждая выдвинутую нами в свое время, на основании письменных источников, гипотезу о том, что позднеантичный среднеазиатский город представлял собой совокупность большесемейных домовых общин, связанных с достаточно архаическим типом общественно-бытового уклада¹.

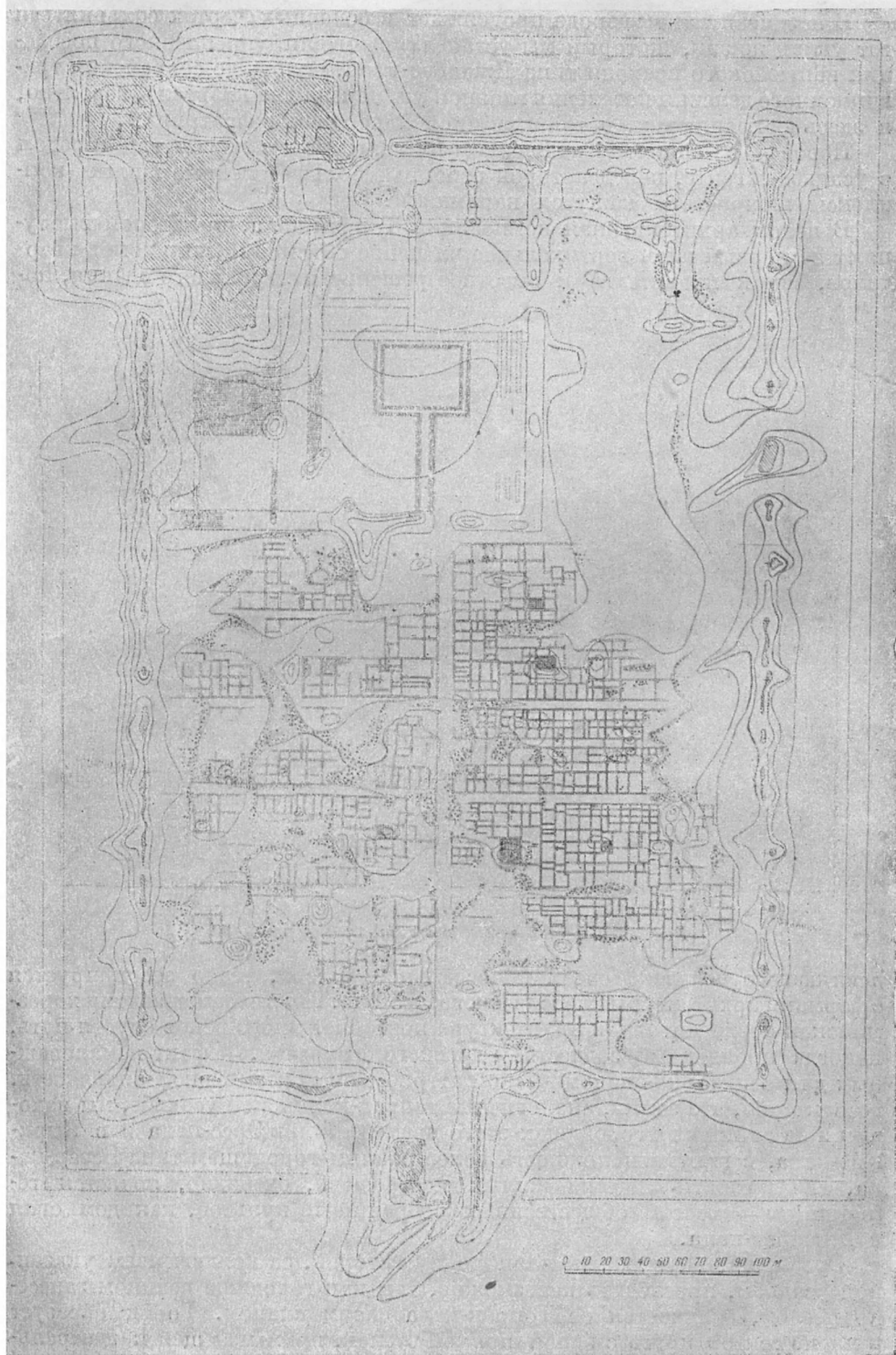

Рис. 7. План Топрак-кала

В позднеантичном городе продолжает в основных чертах сохраняться тот уклад жизни, который мы устанавливаем для укрепленного поселения кангуйского времени типа Джанбас-кала, вплоть до сохранения традиционного деления поселения главной улицей на два квартала, вероятно, и здесь сохраняющих в той или иной мере связь с фратриями.

Новое — в мощном трехбашенном замке, господствующем над городом в усадьбе-гиганте, перед которой огромные большесемейные жилые комплексы шахристана кажутся карликами.

В целом архитектурная композиция Топрак-кала, в которой выступают на первый план вертикальное членение объемов (башни домов-кварталов, замок правителя) и высотное решение центрального здания, по-

Рис. 8. Вид на замок правителя Топрак-кала

давящего человека своей колоссальной массой, тесно ассоциируется с формами архитектуры классического Востока. Так в своем развитии хорезмийская позднеантичная архитектура повторяет много веков спустя путь, некогда пройденный зодчеством древнего Двуречья, — факт немаловажный для социально-экономической атрибуции хорезмийской античности. Характерно, что замки, аналогичные топрак-калинской усадьбе, мы находим и на остальных городищах этого времени — и в Эрес-кала и в Кырк-кыз-кала, в противоположность более ранним городищам типа Базар-кала, где цитадель лишена жилых построек и, очевидно, является *refugium* — местом общественных собраний и культов, как дом огня в Джанбас-кала.

Эрес-кала, внутреннюю планировку которой, за исключением указанной усадьбы, проследить невозможно, так как городище целиком занесено песком, отличается от Топрак-кала своим планом. Город образует в плане сектор круга с одной прямой стеной, примыкающей к центральной усадьбе, и другой — дугообразной, с многочисленными башнями.

Таким образом, Хорезм III—V веков встает перед нами в облике своих археологических памятников как типическое древневосточное общество

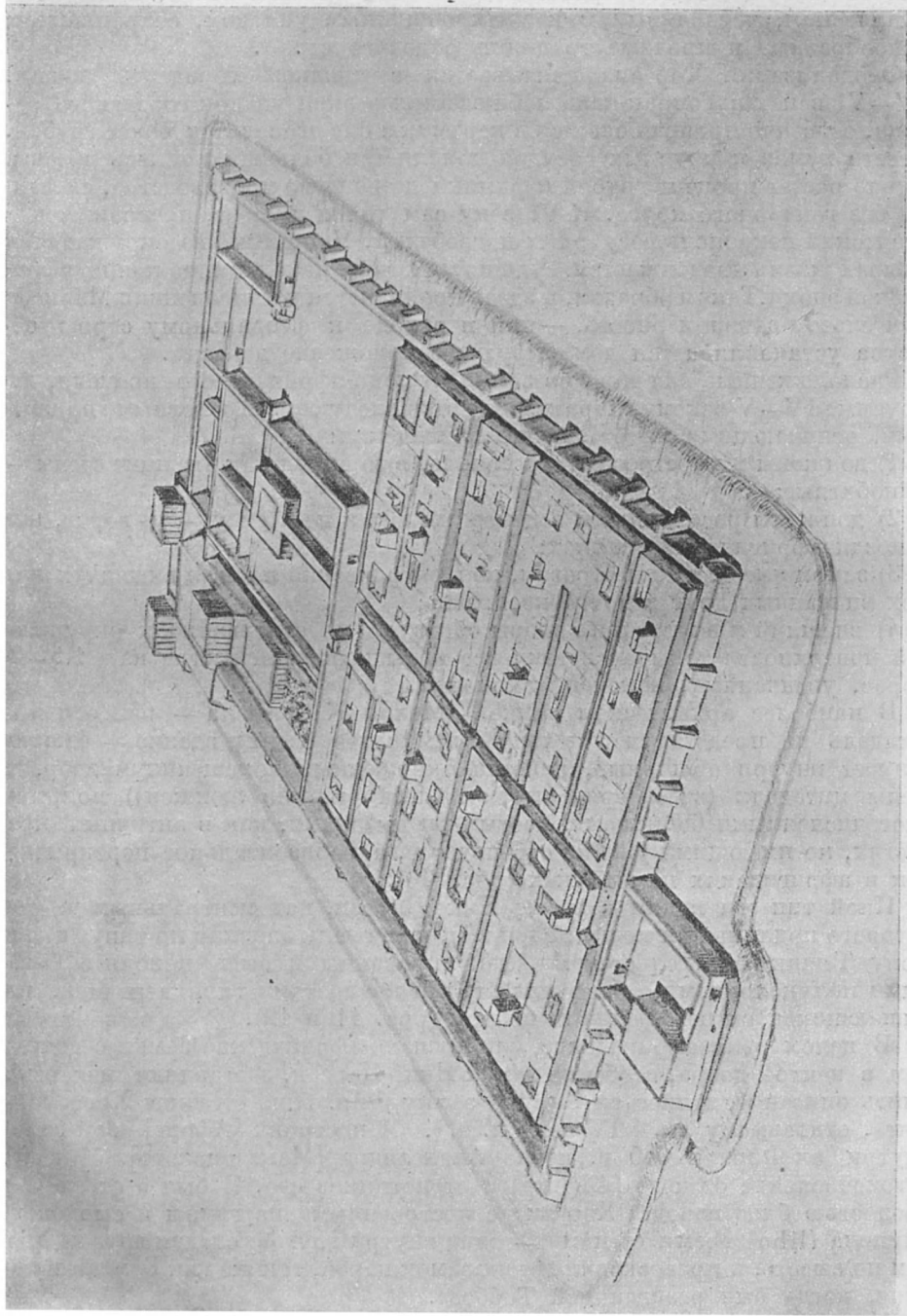

Рис. 9. Реконструкция Топрак-кала (худ. Н. П. Толстов)

с его противоречивым сочетанием сложившегося государства, возглавленного могущественной рабовладельческой аристократией, и глубоко архаическим, устойчивым и косным общинным укладом, сохраняющим разнообразие и прочие традиции родового строя.

Феодализация Хорезма связывается с упадком городской жизни. В V—VI веках в Топрак-кала наблюдается резкий упадок городского ремесла, особенно проявляющийся в керамике: она становится более грубой. В тесте хумов и крупных сосудов появляется большая примесь дресвы. Сильно растет процент грубой керамики домашнего производства, сделанной без гончарного круга. К VI веку сам город пустеет, превращаясь в гигантский некрополь оссуарных погребений. Напротив, на окружающих такырах жизнь продолжается, судя по монетным находкам, до конца афригидской эпохи. Таким образом, и здесь проявляется установленная Марксом и Энгельсом закономерность, — при переходе к феодальному строю общества устанавливается доминирующее положение деревни.

Расположенные вне городов замки кушано-афригидского времени, датируемые IV—V веками, характеризуются следующими основными признаками, отличающими их от позднеафригидских:

- 1) донжоны их построены из кирпича, в то время как внешние стены — глинобитные;
- 2) донжоны расположены в центре двора, а не в углу — у ворот, как в позднеафригидских замках;
- 3) замок имеет, таким образом, концентрический план, в виде двух или трех вписанных друг в друга квадратов;
- 4) внешний и внутренний дворы образуют по отношению к окружающей поверхности такыра систему все повышающихся (метра на 1.5—2) террас, увенчанных, наконец, донжоном.

В наиболее архаическом замке — Малой Кават-кала — центральная цитадель не представляет цельное, замкнутое сверху здание — башню, а имеет внутри обширный, некогда окруженный помещениями двор, а стены цитадели (здесь вряд ли уместен сам термин «донжон») покрыты многочисленными бойницами, частыми и высокими, как в античных крепостях, но имеющими уже не стрельчатое, а горизонтальное перекрытие, как в афригидских памятниках (рис. 10).

Иной тип мы видим в замке Якке-Парсан, над центральным двором которого поднимается мощный донжон, уже очень близкий по типу к донжону Тешик-кала, со стенами, декорированными выше цоколя эффектными полуколоннами, обнесённый тремя квадратами глиняных стен, повышающихся от периферии к центру (рис. 11 и 12).

В целом раннеафригидские или кушано-афригидские замки с донжоном в центре двора, особенно замок Якке-Парсан, заставляют нас вспомнить описание, данное ал-Бируни замку Фир, близ столицы Хорезма — Кята, относимому им к IV веку н. э.¹ «И построил [Африг] свой замок внутри ал-Фира в 660 г. после Александра [Македонского]. И ведут летоисчисление от него (Африга) и от потомков его. И был этот ал-Фир крепостью близ города Хорезма с построенными из глины и сырцового кирпича (libn) тремя стенами — одна внутри другой, следуя друг за другом по высоте, и превосходил все их замок царей, так же как Гумдан в Йемене, когда был резиденцией Тоббов».

Монетные находки на Топрак-кала исключительно обильны и интересны. Отметим ряд кушанских монет: кушанские монеты с надчеканкой

¹ Chronologie orientalischer Völker von Alberuni, Herausg. v. Ed. Sachau, Leipzig, 1923, стр. 35.

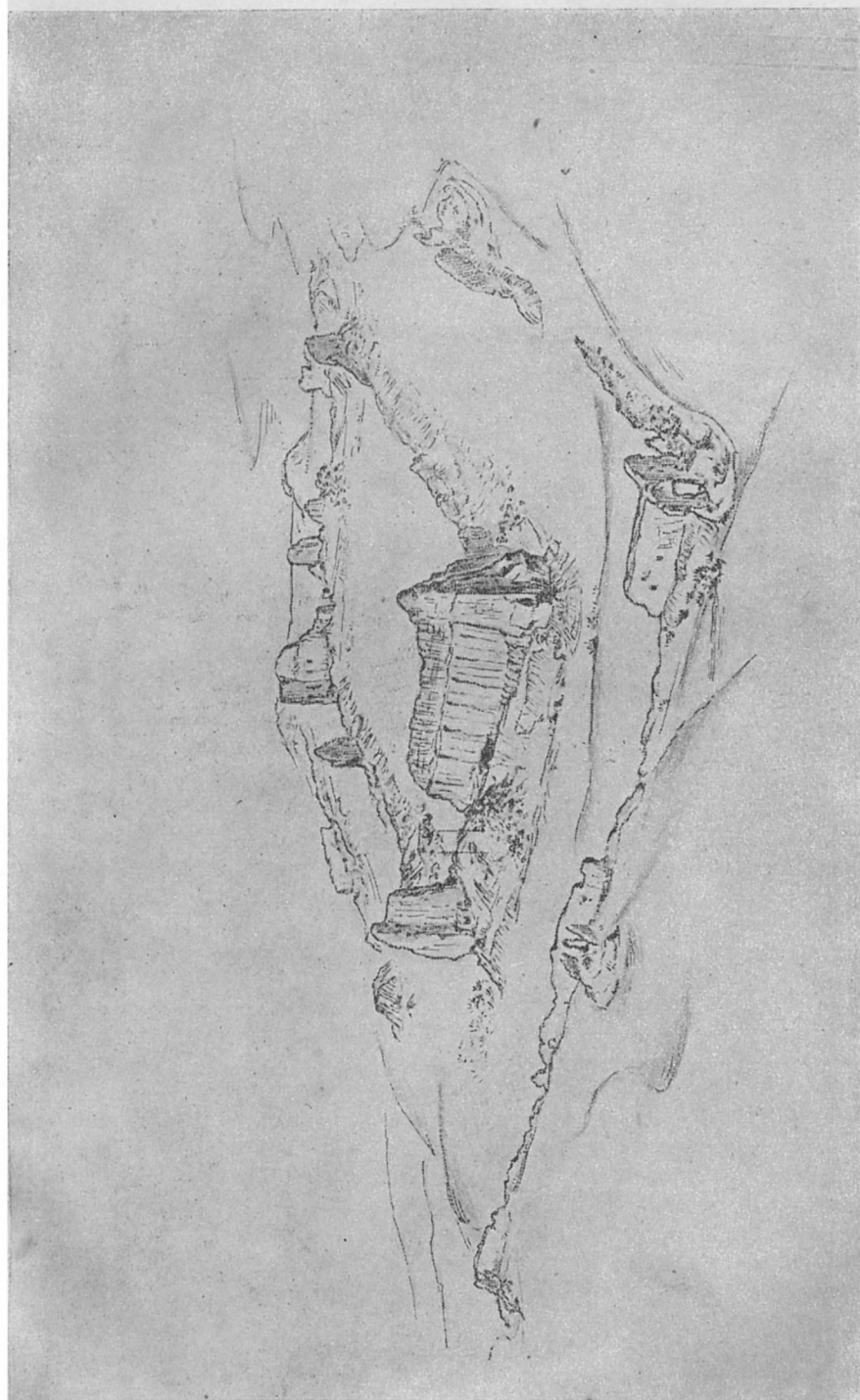

Рис. 10. Малая Кашт-кала (общий вид)

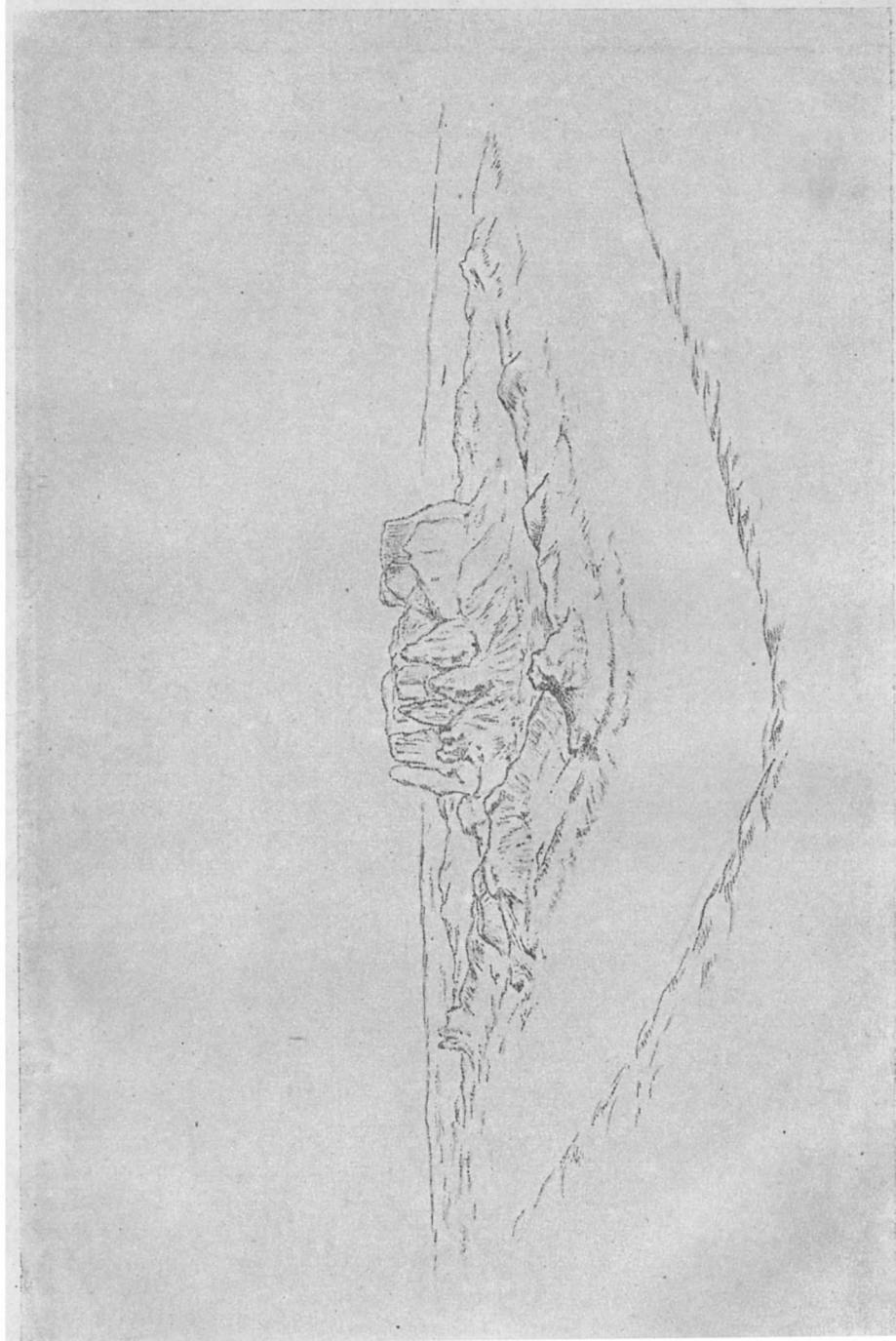

Рис. 11. Якке-Парсан (общий вид)

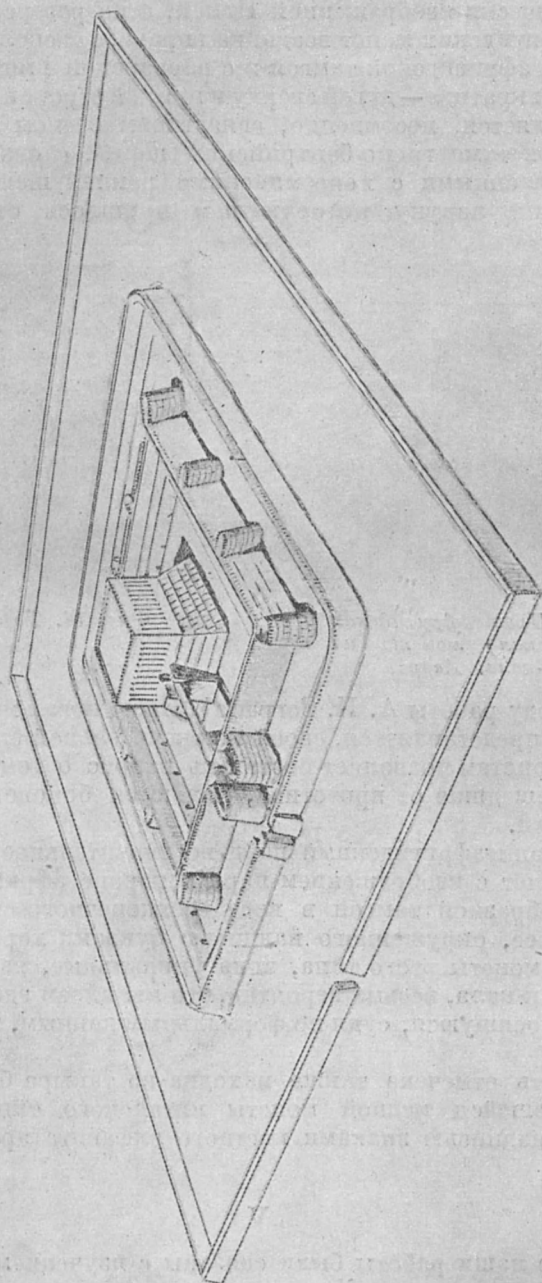

Рис. 12. Ягхе-Парсан (реконструкция худ. Н. П. Толстова)

хорезмийской тамгой в виде латинского S; многочисленные, преимущественно ранние (гр. Αα), афригидские монеты. Из них особо должна быть отмечена одна серебряная монета (тетрадрахма) — явно наиболее ранняя из нашей серии и вряд ли более поздняя, чем конец I века до н. э., несущая на аверсе (рис. 13) изображение бородатого царя вправо, в сложной короне, венчаемого схематически изображенной Никой, а на реверсе (рис. 14) — типичного для афригидских монет всадника вправо, с расположенной слева — сзади всадника, афригидской тамгой и с варварской имитацией греческой легенды монет Эвкратида — дугой сверху и прямой строкой под ногами коня. Эта монета является, несомненно, связующим звеном между монетами афригидов и монетами греко-бактрийских царей, с одной стороны, и с несомненно связанными с хорезмийскими раннекушанскими монетами «Герая», заполняя лауну, которую нам пришлось отмечать в нашей

Рис. 13. Протоафригидская (Сиявушидская) монета из Топрак-кала. Аверс

Рис. 14. То же. Реверс

заметке по поводу работы А. Н. Зограф¹. Наша новая монета из Топрак-кала, как нам представляется, своей исключительной близостью к греко-бактрийским монетам позволяет поставить вопрос о том, что «монеты Герая», более отошедшие от прототипа, являются боковой ветвью хорезмийской чеканки.

Наряду с раннеафригидскими найдено значительное количество мелких медных монет с изображением царя в короне афригидского типа на аверсе и своеобразной тамгой в виде трехконечного свастикообразного знака на реверсе, окруженного надписью буквами хорезмийского алфавита. Так как монеты этого типа, пока уникальные, найдены до сих пор только в Топрак-кала, весьма вероятно, что мы имеем здесь чеканку местного князя, относящуюся, судя по формальным данным, ко времени около V века н. э.

Должна быть отмечена также находка на такыре близ Топрак-кала плохо сохранившейся медной монеты китайского типа (с квадратным отверстием) и надписью знаками местного алфавита арамейского происхождения.

V

Дальнейшие наши работы были связаны с изучением памятников мусульманского средневековья Хорезма, охватывающих время с X по XIV век. Следует отметить выявление еще одной переходной исторической ступени — афригидо-саманидской культуры IX — начала XI века, пред-

¹ ВДИ, 1939, № 2.

ставленной замками Буран-кала № 2 (IX век), Наиб-кала № 1 и Буран-кала № 1 (X—XI век).

Первый замок еще близок к обычным афригидским, хотя и дает, наряду с позднеафригидской, черную и в незначительном количестве поливленную керамику саманидского типа. Расположенный близ него замок Буран-кала № 1 дает уже средневековую планировку, но как керамические данные, так и тип декорировки заставляют рассматривать эту культуру как предшествовавшую оформлению классической хорезмшахской культуры.

К этому же периоду надо отнести замок Наиб-кала (рис. 15) в низовьях канала Амирабад. Он отличается от замков времен расцвета средневеко-

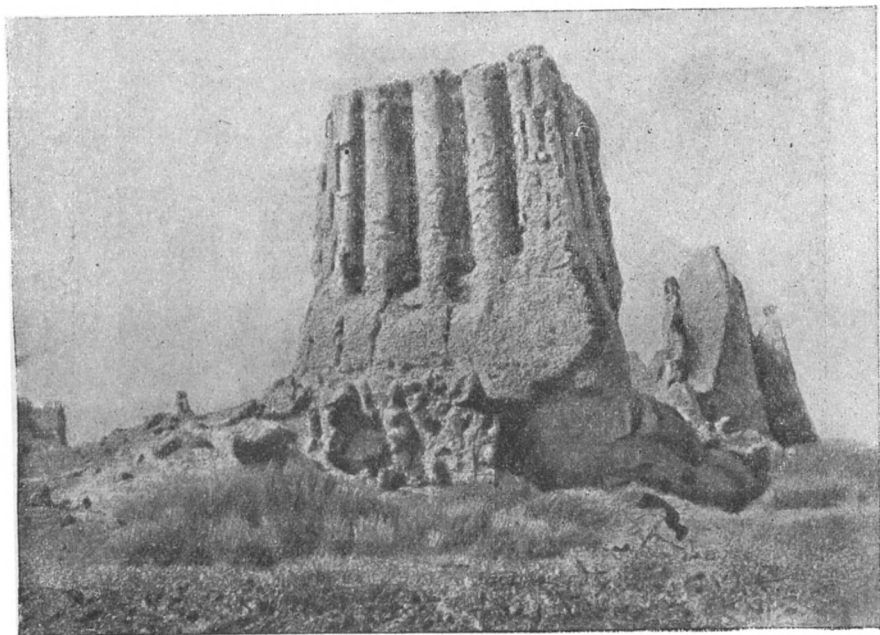

Рис. 15. Угловая башня Наиб-кала

вой хорезмийской культуры своими квадратными угловыми башнями с усеченно-пирамидальной цокольной частью и с гофрировкой полуколоннами, еще близкой к афригидскому типу, в верхней части.

Объектом длительных работ из средневековых памятников явился мертвый оазис Кават-кала (рис. 16). Снятие плана оазиса и массовое обследование его замков и усадеб с большой полнотой выявили картину феодального сельского поселения Хорезма. Тип расселения оказался резко отличным от предшествующего афригидского. Прежде всего, территория заселена значительно гуще. В то время как в Беркут-калинском оазисе около сотни укрепленных усадеб приходится на площадь около 35 кв. километров, здесь это же количество падает на 8 кв. километров. В наиболее густо заселенных частях оазиса усадьбы теснятся одна к другой, образуя почти сплошное поселение. Во-вторых, налицо резкая дифференциация типа усадеб.

На площади оазиса имеется всего пять феодальных замков (считая и громадный замок Кават-кала), к которым тяготеют свыше 90 неукрепленных крестьянских усадеб (рис. 17 и 18), отдельные группы которых, рас-

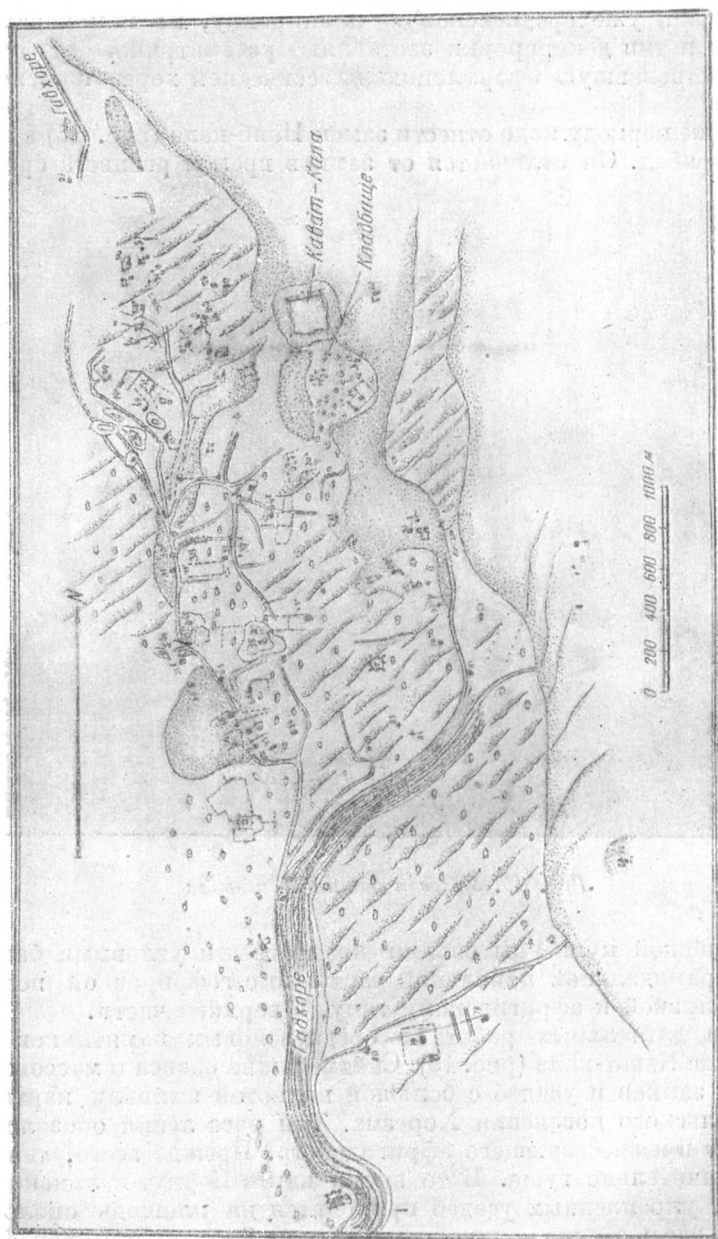

Рис. 16. План мертвого озера Иерусалим

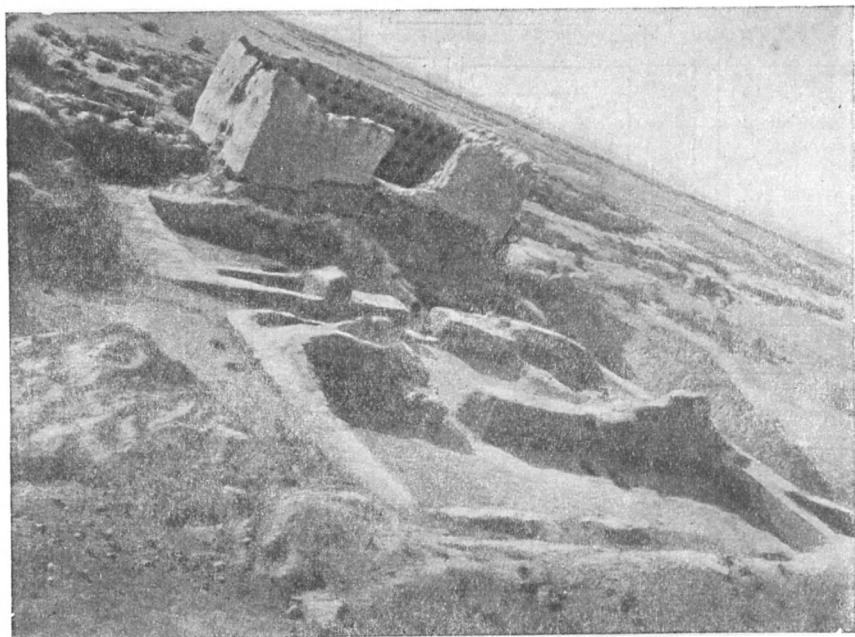

Рис. 18. Общий вид раскопок крестьянской усадьбы близ Кават-кала

образные памятники, имеющие вид очень длинных коридорообразных построек, достигающих длины от 6—8 до 25—30 метров при стандартной ширине около 3 метров. Каптар-ханы Кават-кала сильно варьируют в плане в зависимости от своего места в системе усадьбы. Наряду с преобладающим прямоугольным типом есть каптар-ханы в виде двух сторон прямого или тупого угла, замыкающие один из углов усадьбы, каптар-ханы в виде буквы «Т» и еще более своеобразные (рис. 21, 22, 23).

Стены каптар-ханы — высокие и мощные, всегда несущие внутри следы междуэтажного перекрытия (балочные гнезда в боковых стенах и желоба для концов жердей настила — в торцовых). Внутренняя поверхность стен сплошь покрыта небольшими нишками (25×25 сантиметров при глубине около 15 сантиметров), оформленными обычно в форме стрельчатых арок, расположенных правильными рядами (рис. 24). Постройки этого типа, встречавшиеся ранее единицами в различных частях Средней Азии и Восточного Туркестана, были истолкованы некоторыми исследователями, в соответствии со смыслом народного названия этих сооружений (каптар-хана значит буквально — «дом голубей»), как станции голубиной почты. Действительно, внешне они несколько напоминают античные колумбарии и современные восточные, например афганские, голубятни. Однако работы Хорезмийской экспедиции позволяют пересмотреть эту точку зрения и окончательно решить вопрос об этих загадочных постройках.

Против старой гипотезы говорит ряд аргументов, любого из которых, взятого в отдельности, достаточно для того, чтобы ее отвергнуть:

1) нахождение таких «голубятен» во всех без исключения крестьянских усадьбах и феодалных замках Кават-кала;

2) обследование нишек десятков каптар-хан, показавшее, что всюду они сохранили первоначальную фактуру внутренней поверхности, отражающую технологию их изготовления (налеп, вырезывание), что исклю-

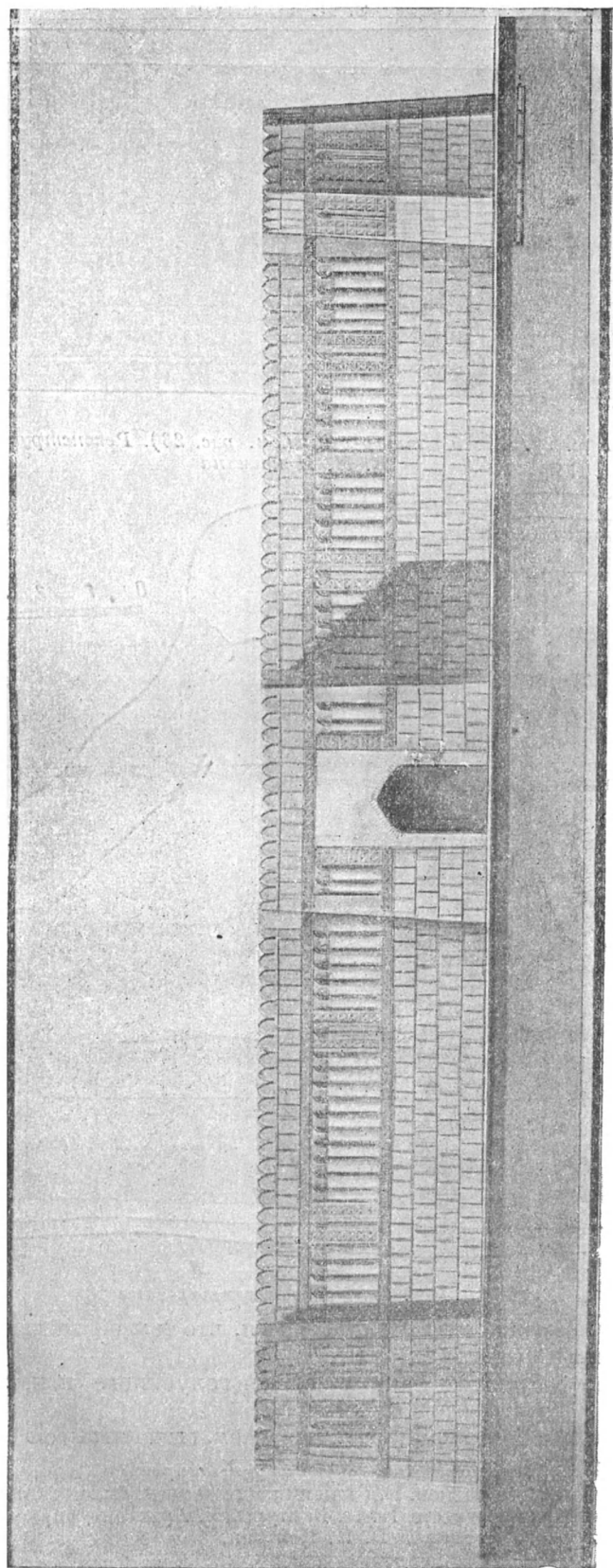

Рис. 19. Фасад здания I Кават-кала, Реконструкция В. А. Лаврова

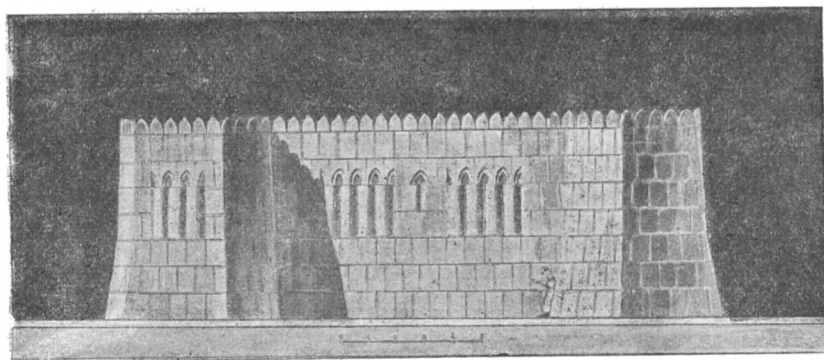

Рис. 20. Фасад каптар-ханы (см. рис. 23). Реконструкция В. И. Пентмана

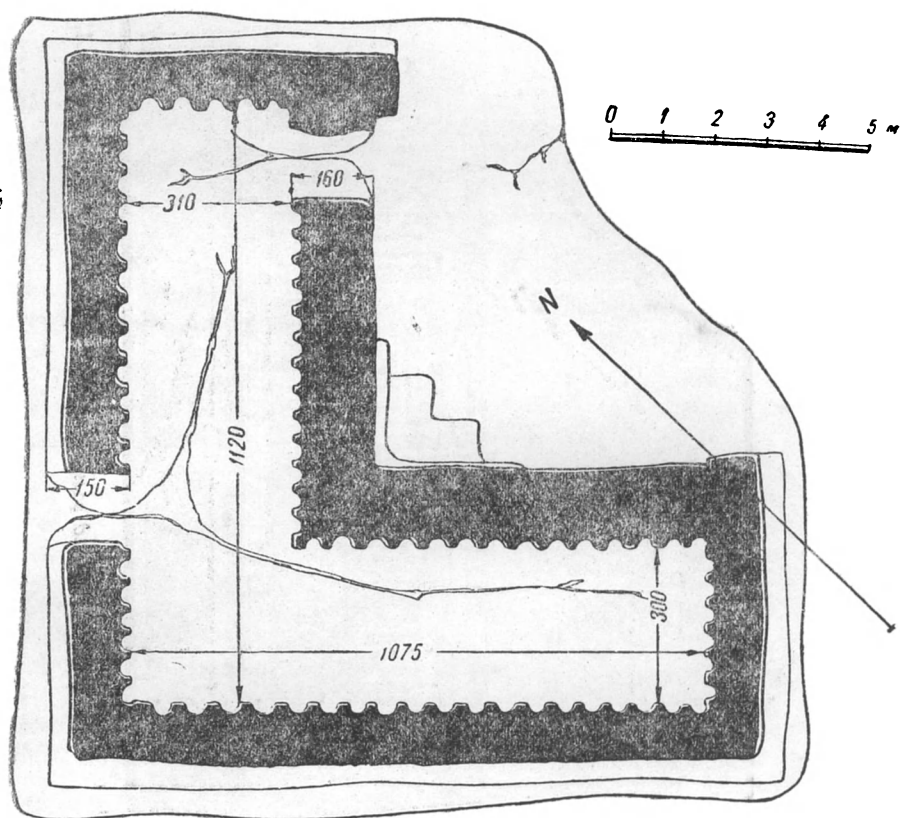

Рис. 21. Угловая каптар-хана

чает самую возможность предположения, что там обитали какие-либо **живые существа**;

3) полное отсутствие всяких следов голубиного помета в раскопках и шурфах;

4) наконец, и содержание этих построек, выяснившееся благодаря проведенным нами раскопкам одной из них¹.

¹ Ответственной за раскоп, под нашим наблюдением, была студентка Московского государственного университета Н. Н. Вактурская. Архитектурную фиксацию вел студент Архитектурного института В. И. Пентман.

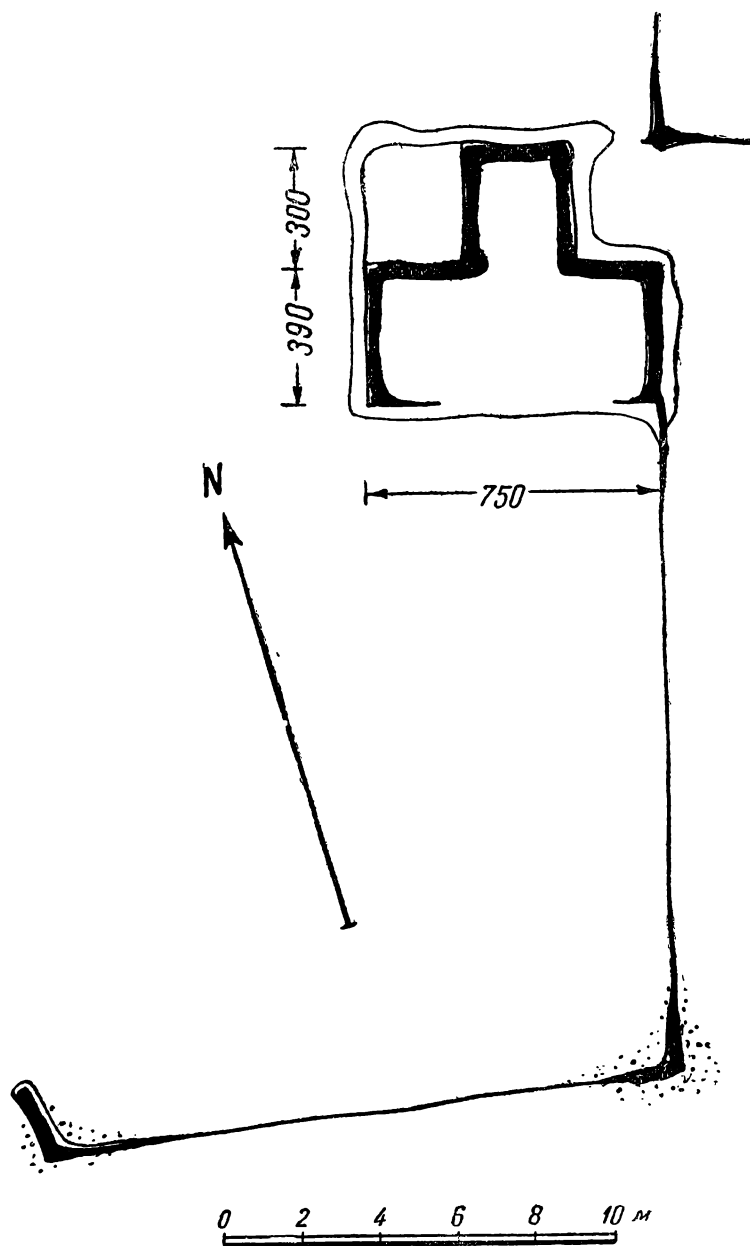

Рис. 22. Т-образная каптар-хана

Раскопки усадьбы № 1 (нами была нарочито избрана одна из самых маленьких усадеб—рис. 17, 18) показали, что каптар-хана не является отдельной постройкой, а входит как одна из комнат в комплекс пятикомнатного дома, замыкающего южную стену небольшого двора усадьбы, площадью около 300 кв. метров. Входы в каптар-хану были, с одной стороны, со двора, с другой — из смежной комнаты. Внутри каптар-ханы была обнаружена замыкающая южную и западную стену глинобитная суфа (лежанка), в яме под южной стеной каптар-ханы — врытый в наклонном положении

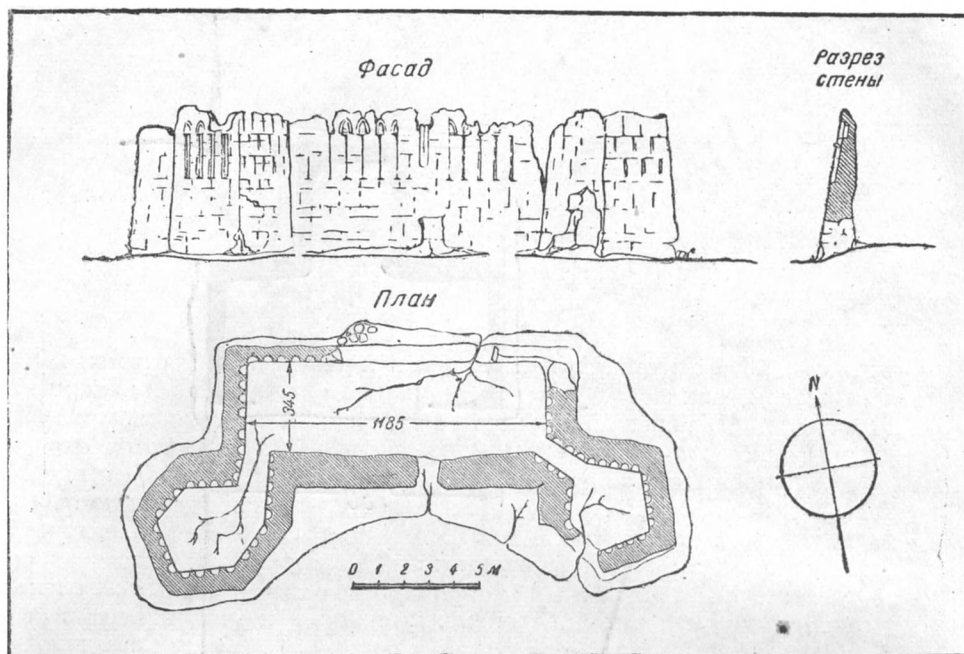

Рис. 23. Каптар-хана, имитирующая стену замка

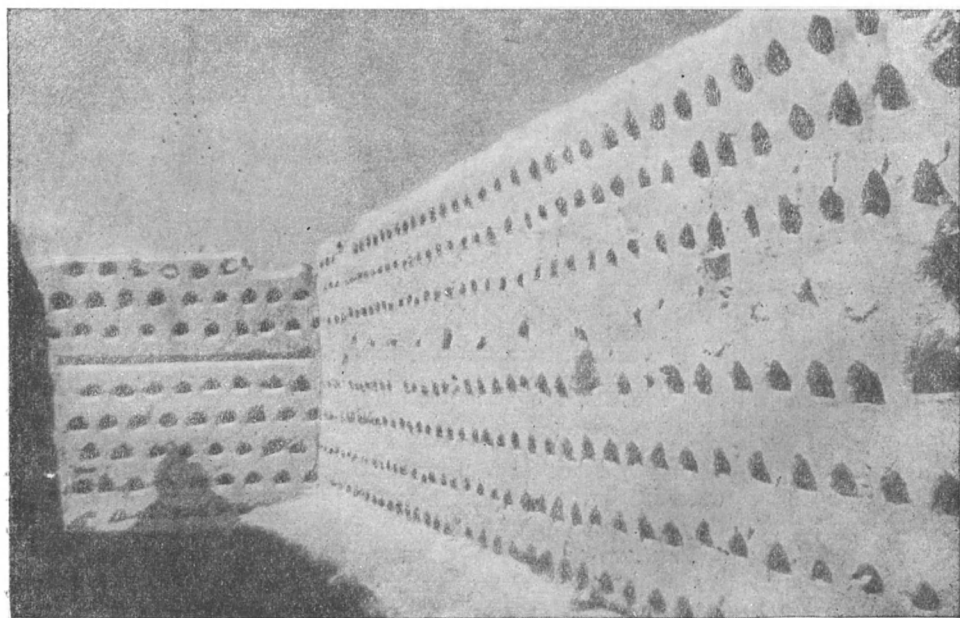

Рис. 24. Внутренний вид стены каптар-ханы

хум. На полу каптар-ханы в изобилии оказались фрагменты разнообразной хозяйственной и бытовой керамики, в том числе фрагменты люстровой «рейской» посуды и остатки от трапез — косточки персика и абрикоса и многочисленные разбитые кости животных. Все это позволяет заключить, что каптар-хана соединяла в себе функции жилого помещения парадного характера (нечто вроде михман-ханы — «гостиной» современного узбекского дома) с функциями хозяйственного хранилища.

Что касается нишек, я склонен видеть здесь гипертрофированное декоративное развитие обычных нишек любого средневекового и современного среднеазиатского дома, служащих в качестве полок для хранения разнообразного бытового инвентаря — посуды, одежды, постелей, книг и т. д.

Рис. 25. Фрагменты ганчевой резьбы из Кават-кала

Мода эпохи хорезмшахов подчинила утилитарные функции чисто декоративным, сделав нишки почти бесполезными, но зато эффектно и своеобразно оформляющими стены полутемных помещений каптар-ханы. Можно предположить, что в этих нишках стояла мелкая стеклянная и металлическая посуда и изящная, не уступающая фарфору, люстровая керамика, что значительно усиливало эффект архитектурной декорировки.

Наша гипотеза целиком увязывается со всем характером развития хорезмийского стиля XII—XIII веков. На смену суровому конструктивизму афригидской эпохи приходит утонченный, изысканный и пышный декоративизм эпохи хорезмшахов. Это сказывается в посуде, с ее полихромной росписью и поливой, с ее люстром. Неполивная посуда покрывается богатейшим лепным и резным орнаментом, превращающим некоторые хумы чуть ли не в архитектурные памятники, — так богата горельефная орнаментация, спускающаяся в виде причудливых сталактитов с венчика на плечи сосуда (рис. 25).

Военный функционализм укреплений замков сменяется чисто декоративным использованием ранее функционально важных деталей — башен,

предвратных сооружений. Сами крепостные стены становятся лишь полем для изысканной орнаментации. Особенно характерны в этом отношении некоторые каптар-ханы богатых усадеб (рис. 23).

Подводя итоги, можно сказать, что, видимо, в каптар-ханах имеется пережиток афригидских донжонов, полностью утративших к этому времени военную функцию и сохранивших лишь функцию амбара и парадного помещения.

Возвращаясь к социально-экономической стороне хорезмийского быта, отметим, что семья хорезмийского времени сохраняет свойственный афригидскому времени тип, оставаясь *«большой семьей»*. Нет никаких оснований говорить об уменьшении ее размеров, как это делает А. И. Тереножкин, ошибочно принявший каптар-хану за «дом», в то время как это лишь составная часть домов¹. Что же касается домов, то они, как правило, значительно больше и дифференцированнее малых «замков» афригидских времен. Впрочем, как мы знаем, большая семья (еще в 1930 г. нередко до 60 человек) и большесемейная усадьба — кургакча (крепостца) дожили в Центральном Хорезме вплоть до недавнего прошлого.

Огромные социально-экономические сдвиги, происшедшие в Хорезме за протекшие со времен афригидов столетия, изменив самый способ производства, разделив свободных «дехкан» патриархально-рабовладельческого Хорезма на эксплуататоров-феодалов и эксплуатируемых-крестьян, мимо затронули эту неподвижную, консервативную, идущую из далеких исторических глубин, сторону хорезмийского быта. И на всем протяжении истории феодального Хорезма именно большесемейная домовая община остается реликтом первобытно-общинного строя, который неразрывно связан с продолжающим жить и каждый день заново порождаемым самой этой общиной рабством и накладывает свой отпечаток на всю дальнейшую историю Хорезма вплоть до начала XX века.

VI

Продолжавшееся исследование мертвой ирригационной системы земель древнего орошения Кара-Калпакской АССР также дало значительные результаты. Теперь удастся уже с большей определенностью, чем раньше, набросать основные контуры исторической карты древней ирригации правобережного Хорезма.

Прослежены на большей части своего течения три основных магистральных канала и еще два, — видимо, второстепенных, — обследованных еще недостаточно. Самый восточный из первых трех шел от Эрес-кала, мимо Адамли-кала, Карга-Тышкан-кала, Ангка-кала, Базар-кала и далее, почти прямо на север, по направлению к Кургашин-кала. Километрах в десяти к востоку от него шел, параллельно ему, другой большой канал, орошавший своей хвостовой частью окрестности Джанбас-кала. Пока трудно сказать, являлся ли он самостоятельной магистралью, или ответвлением Базар-калинского канала. Как Джанбас-калинский, так и Базар-калинский арыки полностью функционировали только в античное время. В афригидскую эпоху последним населенным пунктом по Базар-калинскому арыку был Карга-Тышкан-кала. В Средние века вода доходила почти туда же, куда по арыку Кельтеминар она доходит и теперь, до Эрес-кала, около которой сохранился небольшой замок Эрес-кала № 2, относящийся к хорезмшахскому времени.

Второй большой канал проходил к западу от Гульдурсуна и орошал в античное время, вплоть до кушано-афригидского периода, полосу Кум-

¹ См. «Изв. УзФАН», 1940, № 7, стр. 73.

Баскан — Тешик-кала — Беркут-кала — Уй-кала до развалин Кырк-кыз. В позднеафригидское время эта полоса несколько сократилась, но все же шла к северу, значительно дальше Уй-кала. В Средние века этот канал вовсе перестал функционировать.

К западу от этого канала, мимо того же Гульдурсуна, проходит русло старого арыка больших размеров, уходящее на северо-запад. Далее оно выступает из-под песков к юго-востоку от развалин Джилдык-кала и хорошо прослеживается дальше вплоть до самого конца. Это — очень крупный канал, русло которого неоднократно менялось, так что многочисленные параллельные валы — остатки разновременных русел — занимают местами в ширину до 300 метров. Это мощное ложе проходит мимо Джилдык-кала по направлению к Кават-кала, перед которой он разветвляется на большое количество мелких арыков, орошавших обширный мертвый оазис этого городища. Одно из этих русел, миновав с запада Кават-кала, уходит в направлении на Кош-Парсан и Аяз-кала; другое, более мощное, идет еще западнее и дает две ветви — на Топрак-кала и на Кызыл-кала, оканчиваясь в низине к северу от нее.

От южных окрестностей Джилдык-кала до южных окрестностей Топрак-кала примыкающие к каналу земли сплошь покрыты керамикой и другими находками, относящимися к хорезмшахскому времени, и описанными выше многочисленными замками и усадьбами. Аязкалинский и кызылкалинские ответвления были заброшены в конце античной эпохи. Хвостовая часть основного русла, орошавшая окрестности Топрак-кала, функционировала до конца афригидской эпохи.

Повидимому, от этого же канала между Гульдурсуном и Джилдык-кала ответвлялся и пятый из отмеченных больших каналов, орошавший, видимо, окрестности Наринджана и далее шедший через Якке-Парсан к крепости Малый Кырк-кыз. Хвостовая часть этого канала прекратила функционирование, видимо, не позднее кушанского времени. В раннеафригидскую эпоху вода доходила до окрестностей Якке-Парсан, в Средние века — лишь до Наринджана.

В настоящее время мы можем уже не предположительно, как в 1939 г., а с полной уверенностью решить вопрос о местонахождении крупнейшей оросительной магистрали правобережного Хорезма в раннесредневековое время — канала Гавхорэ. В. В. Бартольд склонен был, исходя из свидетельства арабских авторов, помещать его голову близ Дуль-дуль-Атлаганской теснины и считать, что он проходил в 12 фарсах (около 70 километров) к востоку от Кята (Шаббас).

Теперь ясно, что такое толкование невозможно ни географически, ни исторически. Бартольд вообще преувеличивал протяженность хорезмийских каналов, далеко сдвигая их головы на юг, особенно в отношении каналов левого берега. Как в отношении их, так и в отношении Гавхорэ это невозможно сделать хотя бы потому, что это исключает рельеф местности. Но и помимо того, известно, что выше Тюя-Муяна культура правого берега ограничивалась лишь узкой прибрежной полосой и большинство поселений было лишь военными постами и караван-сараями¹.

Под тесниной Абушка арабских источников надо, несомненно, понимать не Дуль-дуль-Атлаган, а Тюя-Муян, а расстояние в 70 километров от головы Гавхорэ до Кята считать не по параллели Кята, по которой, конечно, не могли считать ни арабы, ни их информаторы — хорезмийцы, а по берегу Аму-дарьи. Тогда эта точка окажется где-то в зоне Тюя-Муяна, следовательно, не столь уже namного выше головы теперешней главной магистрали правого берега — канала Пахта-Арна (Шураханский канал).

¹ См. нашу статью и статью С. А. Ершова, ВДИ, 1944, № 1.

Что касается местоположения русла Гавхорэ, между которым и Аму-дарьей лежал рустак Кята, то это может быть только большой Кават-калинский канал, лежащий и теперь в песках, недалеко от восточной границы культурных земель Шаббасского района, и являвшийся крайним на восток большим каналом, действовавшим в мусульманское время. В арыке Гирье, или Карих, ответвлявшемся от Гавхорэ в 5 фарсах (30 километрах) от его истоков и орошавшем «часть рустак», я в 1939 г. склонен был видеть большой Беркут-калинский канал, считая, что под «частью рустак» разумеются окрестности Гульдурсуна, довольно густо заселенные в X—XII веках¹. Однако теперь, когда нами установлено, что мимо Гульдурсуна проходило два канала, — не только Беркут-калинский, но и Гавхорэ, — я считаю более вероятным искать Карих либо в последнем из описанных выше каналов, — в том пока еще прослеженном лишь в нижней своей части крупном ответвлении Гавхорэ, которое орсало рустак города Наринджана, — либо, что, пожалуй, наиболее вероятно, — в нынешнем Кельтеминаре, орошенные земли которого еще в XII веке доходили, как мы видели, до Эрес-кала.

В итоге мы можем констатировать, что топографическое прослеживание древних каналов правого берега Аму-дарьи целиком подтвердило сделанные нами еще в 1938 г.² предварительные заключения о том, что причиной упадка ирригации Хорезма в Средние века является общий процесс упадка производительных сил в эпоху перехода от рабовладельческого к феодальному строю³.

Заключительная часть работ 1940 г. была посвящена маршруту Турткуль-Нукус, охватившему следующие памятники: 1) мавзолей и календар-хана Султан-Баба (рис. 26 и 27) на южном склоне Султан-Уиздагских гор в средней части; 2) развалины средневековой крепости Джанпык-кала; 3) развалины античной крепости Гяур-кала (Султан-Уиздагская, в отличие от Череменьябской и Миздахканской); 4) несколько средневековых сигнальных башен в горах Султан-Уиздаг; 5) раннеафригидское укрепление Чильпык; 6) скалистая возвышенность Кара-тюбе близ Чильпыка с наскальными изображениями; 7) группа аналогичных возвышенностей Беш-тюбе.

Заслуживает особого внимания великолепное городище XI—XIV веков Джанпык-кала, расположенное на крайней западной оконечности

¹ ВДИ, 1941, № 1, стр. 173.

² ВДИ, 1939, стр. 3.

³ Вряд ли можно считать серьезной попытку С. Д. Волина (ВДИ, 1941, № 1, стр. 195) полемизировать с этим нашим заключением на основании изданной им выписки В. В. Бартольда из неопубликованного труда ал-Бируни, где хорезмийский ученый излагает свою теорию изменений русла Аму-дарьи; он почти не отдает себе отчета в необходимости критики используемых источников и принимает все, написанное ал-Бируни по этому вопросу, за чистую монету. На деле первое из изменений русла Аму-дарьи, о котором пишет Бируни, произошло еще в четвертичное и скорее раннее, чем позднее время (ср. И. М. Герасимов и К. К. Марков, Четвертичная геология, М., 1939, стр. 271—272; И. М. Герасимов и К. К. Марков, Ледниковый период на территории СССР. Труды Ин-та географии АН СССР, М.-Л., 1939, стр. 339 и сл. 343 и др.). Конечно, в тексте Бируни мы имеем не предание, а позднейшее, может быть, народное, а весьма вероятно — кабинетное, принадлежащее самому ал-Бируни, объяснение существования древних русел в Южных Каракумах. Что касается второго «поворота Аму-дарьи в сторону Фараба» (Отрара), то такого просто не было и не могло быть (достаточно одного взгляда на гипсометрическую карту Средней Азии, чтобы убедиться в этом); и вероятно всего, эта теория Бируни навеяна не «землями древнего орошения» Кара-Калпакской АССР, значительная часть которых была заселена еще в очень близкое ал-Бируни афригидское время, а древним руслом Яны-дарьи с его многочисленными развалинами, судя по имеющимся у нас скудным данным, относящимся к античному времени. Это русло действительно идет «в сторону Фараба», но является староречьем не Аму-дарьи, а Сыр-дарьи и к анализируемому нами конкретно-историческому вопросу прямого отношения не имеет.

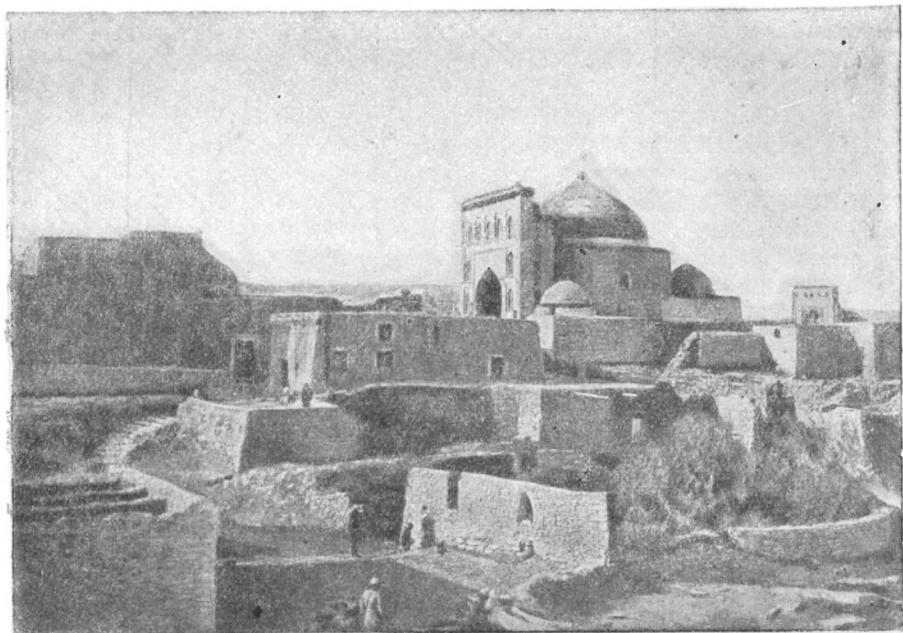

Рис. 26. Общий вид на Султан-баба

Султан-Уиз-дагского хребта, в нескольких километрах от Аму-дарьи (рис. 28). Это — самая живописная из хорезмийских крепостей. Окружающий ее ландшафт резко выделяет ее из всего комплекса обследованных памятников. Голый хребет из зеленого султан-уиздагского амфиболита, рваные берега скалистых ущелий, ведущих к крепости, гребни и обрывы черных и темнозеленых скал сочетаются с окружающей крепость с юга и запада желто-красной осенней листвой большого лесного массива Бадай-Тугая, тянущегося до сверкающей на горизонте ленты Аму-дарьи. Особенно эффектна Джанпык-кала с юго-востока вечером, когда дорога, долго идущая лесом, неожиданно выходит к горам и в рамке деревьев и скал, на черно-зеленой вершине гор, на фоне заката открывается причудливый силуэт стен и башен крепости, создавая впечатление почти сказочного ландшафта.

Не менее эффектны и развалины крупного здания внутри крепости, стены которого, декорированные изящными горельефными полуколоннами, связанными сверху стрельчатыми перспективными арочками, поднимаются над зеленой поверхностью скалы на 14 метров (рис. 29).

По северную сторону гор, вплоть до древнего укрепления Чильпык, памятников более ранних, чем позднесредневековые мазары, обнаружить не удалось.

Упомянутое укрепление (рис. 30), по керамическим и архитектурным данным относящееся к раннеафригидскому времени, резко выделяется из круга синхроничных памятников, несколько напоминая, может быть, только Аяз-кала № 3. Это — круглая, в плане небольшая (около 60 метров в диаметре) пахсовая крепость, увенчивающая вершину конического холма высотой около 35 метров (рис. 31). Никаких следов жилых помещений в крепости нет. Вся ее внутренность представляет сплошную глиняную площадку, бьющую на забутовке из обломков черного песчаника почти в уровень с внешней стеной. В центре площадки выступает вершина песча-

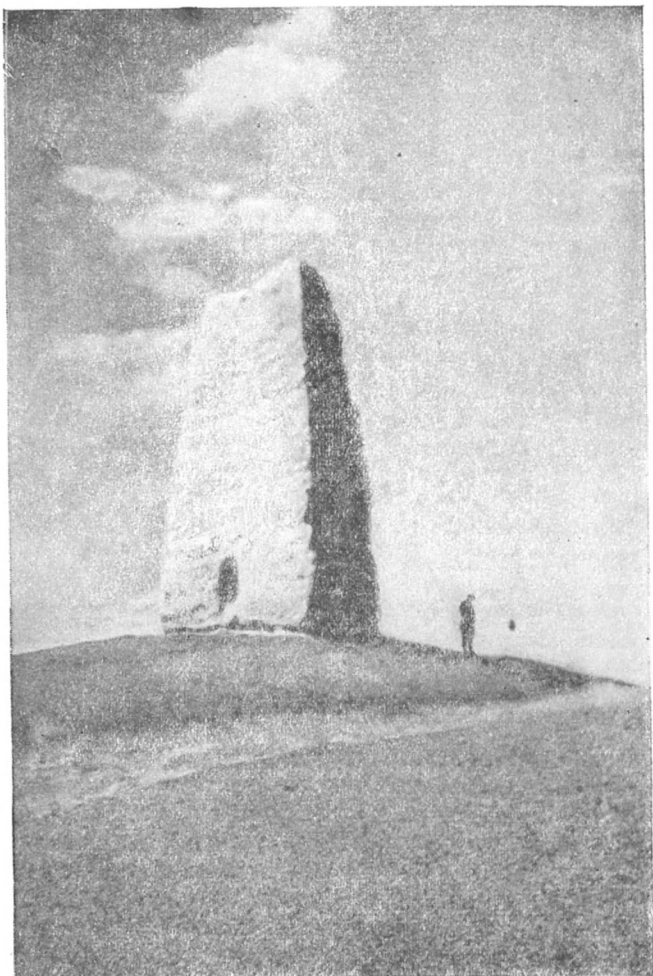

Рис. 27. Сторожевая башня близ Султан-баба

няковой скалы. На склонах было найдено не мало обломков глиняных раннеафригидских оссуариев. Возможно, что здесь имеется культовый памятник. Вероятнее всего видеть здесь дахму — «башню молчания», место складывания трупов согласно зороастрийскому ритуалу (за что говорят и находки фрагментов оссуариев). В пользу культового назначения говорит и еще одна черта: выступающий в центре площадки укрепления утес сплошь покрыт надписями и знаками (рис. 32, 33 и 34), относящимися к самым различным временам.

Аналогичными знаками покрыта соседняя с Чильпыком скалистая возвышенность Кара-тубе.

Наряду с поздними, относящимися к средневековью и новому времени, надписями преобладают глубоко врезанные в скалу сложные и разнообразные геометрические начертания и их композиции. Преобладают прямые и косые решетки, ромбы, сложные системы треугольников и простые линейные знаки (кресты, развилки, вертикальные и горизонтальные черты и т. д.). По своему характеру эти знаки близко напоминают, с одной стороны, поздний, датированный бронзовым веком,

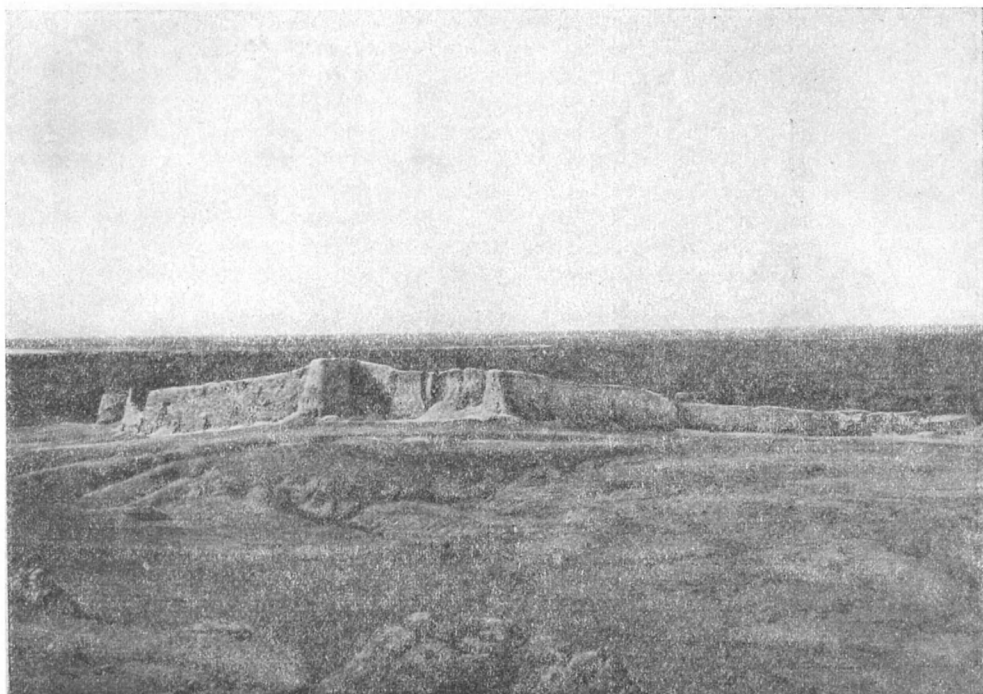

Рис. 28. Джанлык-кала. Общий вид

пласт наскальных знаков «Каменной могилы» в Приазовье, открытых О. Н. Бадером, с другой — архаическую иероглифику Индии, Двуречья и Малой Азии (Мохенджо-даро, протоэламские знаки, хеттские иероглифы).

Видимо, основная масса знаков Чильпыка и Кара-тюбе датируется бронзовым веком (III—II тысячелетия до н. э.) и отражает различные этапы перехода от пиктографии к архаической иероглифике. «Протохорезмийское письмо», требующее дальнейшего исследования, вероятно, может явиться одним из недостающих звеньев в цепи древних письменностей Ближнего и Среднего Востока и помочь выяснению проблемы этнокультурных взаимоотношений в эпоху первого появления протоиндоевропейцев на исторической арене.

Наряду с геометрическими изображениями на названных возвышенностях, а также на возвышенности Беш-тюбе мы встречаем схематизированные изображения коней, всадников, верблюдов, лодок. Часть этих изображений относится к средневековью, часть, бесспорно, тяготеет к геометрическим знакам бронзового века.

VII

Работы 1940 г., заполнив остававшиеся до сих пор хронологические лакуны в материале, позволяют нам теперь уже привести в систему накопленный материал и наметить хронологическую последовательность открытых за 1937—1940 гг. культур первобытного, древнего и средневекового Хорезма, отражающих этапы исторического развития населения этой страны.

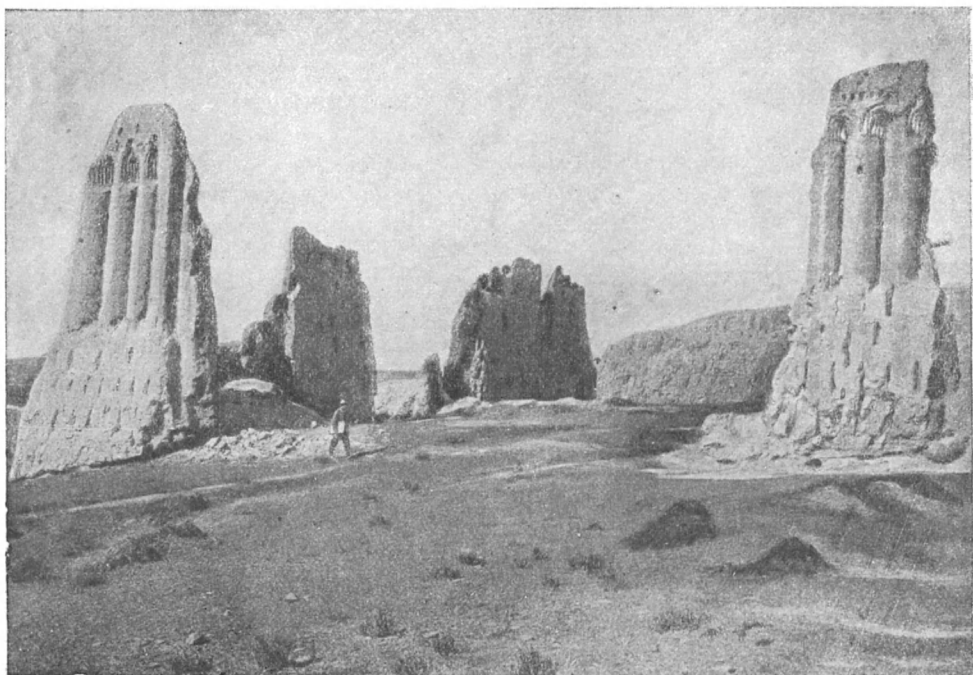

Рис. 29. Джантык-кала. Развалины дворца

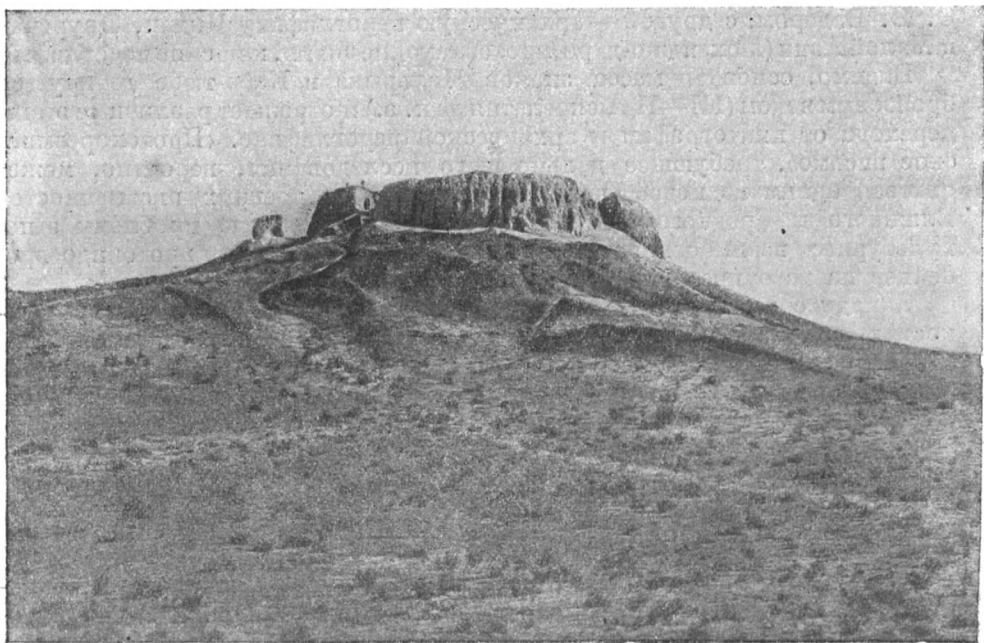

Рис. 30. Чильнык. Общий вид

Рис. 31. Чильнык. План и профиль

А. Первобытный Хорезм

1. *Кельтеминарская культура*. IV—начало III тысячелетия до н. э. Неолит. Рыболовство и охота. Материнский род, возможно, еще с дислокальным браком. Большие овальные дома из дерева и камыша. Круглодонная, богато орнаментированная, окрашенная керамика. Орнамент расположен кольцевыми зонами, заполненными оттисками разнообразных штампов и штриховым рисунком. Ладьевидные сосуды. Кремневый (микролитовидный) и костяной инвентарь. Характерные памятники: стоянки Джанбас-кала № 4 и 5.

II. *Тазабагъябская культура*. II тысячелетие до н. э. Бронзовый век. Мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство. Материнский род. Образование союзов племен. Тип жилища неизвестен. Плоскодонная, тонкая окрашенная, орнаментированная штампованным и нарезным узором керамика, сделанная без круга. Основной элемент орнамента — незамкнутый треугольник. Характерные памятники: стоянки Ангка-кала № 1, Тешик-кала № 1, 2 и др.

III. *Амирабадская культура*. Первая половина I тысячелетия до н. э. Раннежелезный век. Земледелие и скотоводство. Материнский род. Укрепление и развитие союзов племен. Длинные прямоугольные глиняные общинные дома. Плоскодонная, темная, слабо орнаментированная керамика с нарезным орнаментом, сделанная без круга. Характерные памятники: стоянки Джанбас-кала № 1, 2, 7 и др.

Б. Античный Хорезм

IV. *Культура «городищ с жилыми стенами»*. Середина I тысячелетия (VI—IV века до н. э.). Постройка больших каналов. Зарождение государства. Вхождение Хорезма в систему империи Ахеменидов. «Городища с жилыми стенами». Керамика, сделанная на ручном гончарном круге, с горизонтально-рубчатой поверхностью. Хумы и крупные сосуды с прямым венчиком, переходом к корпусу в виде прямоугольного уступа. Тесто грубое, с дресвой, обжиг неравномерный. Чаши без дисковидного поддона. Появление красной (на чашах) и белой (на горшках) ангобы. Бронзовые трехгранные стрелы небольших размеров с выступающей втулкой. Характерные памятники: Кюзели-гыр, ранний слой Базар-кала.

V. *Кангуйская культура*. Эллинистическое время. III век до н. э. — I век н. э. Расцвет кангуйско-хорезмийского государства, городов, ремесл. Укрепленные прямоугольные деревни; сохранение общинно-родового уклада. «Дома огня» как средоточие общественной жизни поселений. Город, состоящий из небольшого количества огромных домов-кварталов — мест обитания большесемейных домовых общин. Разделение городов и поселений улицей на две части, соответственно фратриальному делению. Отдельно стоящие укрепленные родовые дома-массивы (типа Кюнирли-кала). Черная, красная и светлая, с черной и красной раскраской, керамика, сделанная на ножном круге. Красный лак, прорезной и раскрашенный орнамент в виде треугольников, спускающихся на плечики сосудов. Хумы с венчиком в виде круглого валика и высокой шейкой, отделенной от корпуса рельефным пояском. Чаши с дисковидным поддоном. Бокалы. Светлая тонкостенная керамика, сделанная без круга. Сосуды с высоким горлом. Большие блюда с прямыми стенками. Многочисленные статуэтки людей и животных. Бронзовые стрелы вытянутых пропорций и крупных размеров. Зернотерки очень крупных размеров. Сердоликовые (бипирамидальные и крупные сферические) пастовые, мелкие стеклянные и кварцевые пиритовые бусы. Перстни с овальным глазком. Овальные печати, двусторонние и скарабеоиды, с изображениями всадников, грифонов, гиппокампов, птиц. Характерные памятники: Джанбас-кала, Кой-Крылган-кала, Малый Кырк-кыз, ранний слой Топрак-кала, Кюнирли-кала.

VI. *Кушанская культура*. Римское время. I—III века н. э. Переход от укрепленных общинных поселений к деревням, не имеющим внешних стен и состоящих из отдельных большесемейных усадеб. Резкое выделение усадеб аристократии. Сохранение в городах больших общинных домов-кварталов. Керамика с красной ангобой и лаком и с белой ангобой. Черной

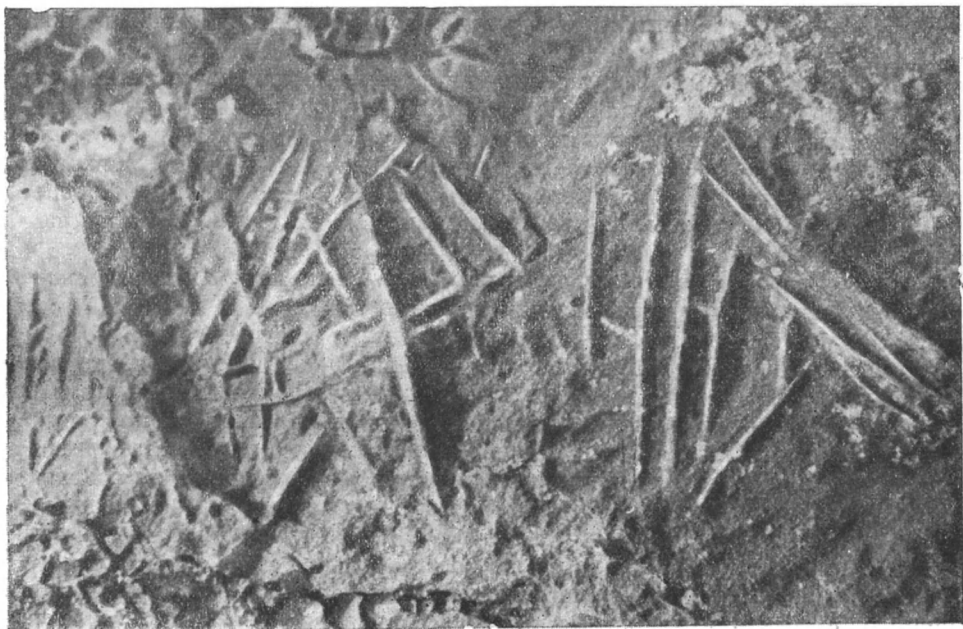

Рис. 32. Чильпык. Знаки

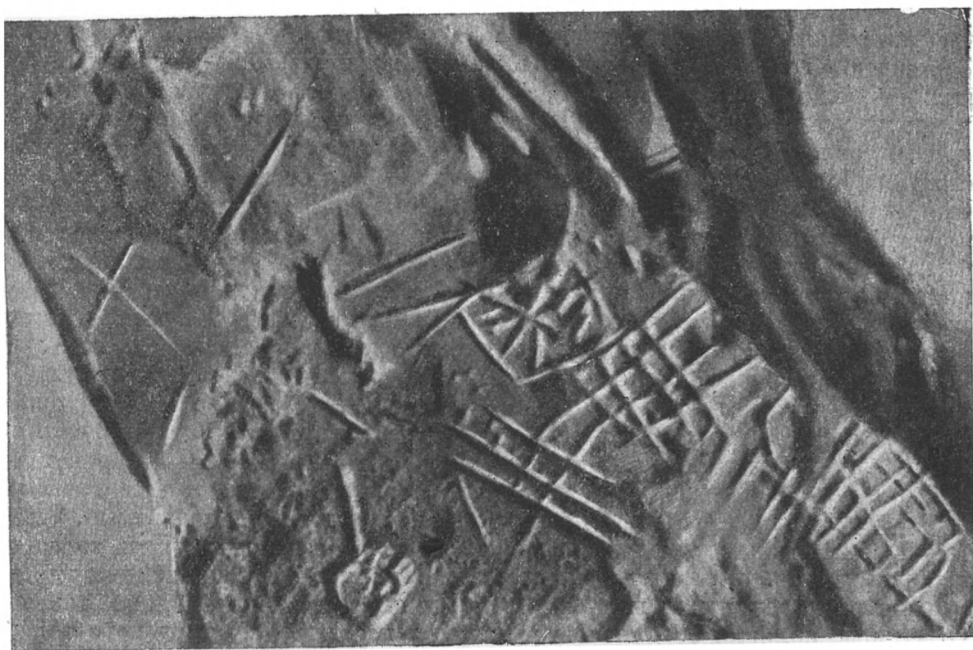

Рис. 33. Чильпык. Знаки

керамики нет, раскрашенная исчезает почти совершенно. Хумы с низким и прямым венчиком, без шейки. Чаши с дисковидным поддоном. Вьючные фляги с плоским боком. Светлая тонкостенная керамика, сделанная без круга, наряду с более грубой. Дисковидные, грубого теста крышки от котлов с ямочным орнаментом по краю. Бронзовые трехгранные стрелы небольших размеров со скрытой втулкой. Зернотерки. Появление первых ручных жерновов. Бусы и перстни того же типа, что и в кангуйское время. Кушанские монеты. Характерный памятник: Аяз-кала № 3, Топрак-кала.

VII. *Кушано-афригидская культура*. IV—VI века н. э. Упадок древней культуры Хорезма. Города сохраняют прежний тип, но к концу периода многие из них пустеют. Переход к расселению замкового типа. Замки с внешними пахсовыми стенами, с кирпичными донжонами в центре или цитаделями с внутренним двором. Квадратно-концентрический план и террасообразное расположение (внутренние дворы повышаются по сравнению с внешними). В керамике постепенный переход от античных к афригидским формам. Упадок ремесленного (городского) керамического производства. Из специфических форм характерны хумы с прямым высоким горлом, сменяющиеся затем хумами с горлом, опоясанным двумя сильно выступающими рубцами. Крупные грубые сосуды и блюда с лепным орнаментом по краю. Двурогие подставки под котлы. Близкие к афригидским кувшины с неорнаментированной, резко сужающейся книзу ручкой. К концу периода античные формы исчезают совершенно. Раннеафригидские монеты (группа Aa). Характерные памятники: поздний слой Топрак-кала, Якке-Парсан. Нижний слой Тешик-кала.

В. Средневековый Хорезм

VIII. *Афригидская культура*. VI—IX века н. э. Зарождение элементов феодальных отношений при господстве патриархально-рабовладельческого строя на стадии разложения. Резкое сокращение числа городов. Зарождение городов нового типа в виде посадов при замках-усадебх крупных феодалов (Беркут-кала). Рассеянное расселение отдельными укрепленными усадьбами-замками. Донжоны со сводчатым или массивным цоколем, расположенные эксцентрически (на углу или в середине одной из стен). Гофрировка донжонов полуколоннами без бойниц или с ложными бойницами. Очень крупные хумы с овальным в сечении венчиком, орнаментированные косыми насечками или пальцевыми вдавлениями. Тонкостенные водоносные кувшины с треугольным в сечении венчиком и широкой плоской ручкой, орнаментированной полосками или пальцевыми вдавлениями. Разнообразная, сделанная без круга керамика. Крупные железные черешковые трехгранные наконечники стрел и дротиков. Большие тонкие ручные жернова. Шаровидные сердоликовые бусы. Перстни с круглым глазком. Круглые печати различного размера. Афригидские монеты (группа Bb). Характерные памятники: Беркут-кала, Тешик-кала (верхний слой).

IX. *Афригидско-саманидская культура*. IX—XI века. Формирование феодальных отношений. Замки без донжонов, но с большим центральным зданием. Стены пахсовые. Угловые башни, круглые или квадратные. Гофрировка башен полуколоннами переходного от афригидского к хорезмшахскому типа. Керамика черная, с лепным орнаментом; поливная керамика с раскраской под поливу в теплых красновато-коричневых тонах. Отдельные находки согдийской рельефной керамики саманидского типа. Начало возрождения городской жизни. Характерные памятники: Буран-кала, Наиб-кала, «старый город» Наринджана.

Рис. 34. Изображения из Беш-Тюбе

Х. *Хорезмшахская культура*. XI—XIII века. Расцвет феодализма. Новое освоение заброшенных ранее земель. Новый подъем городской жизни, ремесел, торговли. Резкая дифференциация феодального замка и неукрепленной крестьянской усадьбы. Сохранение большесемейного характера последней. Почти полное господство пахсы в строительном деле. Мелкий квадратный сырец, широкое распространение жженого кирпича. Стрельчатая арка. Каптар-ханы. Гофрировка стен тонкими горельефными полуколоннами со стрельчатыми арками. В парадных и культовых зданиях декорировка при помощи узорной кирпичной выкладки. Керамика черная, с исключительно богатым лепным и резным орнаментом, и поливная, где наряду с подглазурной росписью описанного выше типа появляется люстр и роспись в тонах холодной гаммы. Характерные памятники: Кават-кала, Джанаык-кала.

XI. *Хорезмийско-эючидская культура*. Памятники этого периода экспедицией пока специально не исследовались (общую характеристику см. в работах Я к у б о в с к о г о: «Развалины Ургенча», «Происхождение ремесленной промышленности сарая Берке»). Основные признаки: переход к полихромной изразцовой декорировке парадных и культовых зданий, широкое распространение керамики с бирюзовой, синей, зеленой глазурью. Характерный памятник: Куня-Ургенч.

БИТВА ПРИ ФАТЕ И ГРЕЧЕСКАЯ ТАКТИКА IV ВЕКА ДО Н. Э.

В. Д. Блаватский

IV век до н. э. был эпохой великого перелома в истории греческой тактики. Отживала свой век старая система, при которой основным родом оружия были гоплиты — тяжеловооруженная пехота, сражавшаяся в тесно сомкнутом линейном построении, получившем наименование дорийской фаланги. Сокрушительная сила фаланги заключалась в лобовом ударе. Слабыми сторонами ее были уязвимость на флангах, нерасчлененность и связанная с этим очень ограниченная маневренность построения. Значение других родов оружия (легковооруженной пехоты и конницы) во время господства дорийской фаланги было невелико. Не выполняя самостоятельных тактических задач, они могли играть только подсобную роль.

Такая тактика, обычная у греков до V века до н. э., была теснейшим образом связана с системой комплектования войска. Основа его — гоплиты — представляла поголовное ополчение цензового гражданства. Эти контингенты (за исключением лакедемонян) по большей части не проходили длительного военного обучения. Походы того времени обычно не были продолжительными. Все это препятствовало появлению массового высококвалифицированного профессионального войска и создавало большие затруднения для какого бы то ни было усложнения тактики.

Примерно с эпохи Пелопоннесской войны в Греции постепенно начинают слагаться иные условия. Широкое развитие наемничества привело к появлению армий, состоявших из солдат-профессионалов, прошедших специальную военную подготовку и имевших большой опыт постоянной длительной службы. Эти новые контингенты могли обеспечить возможность дальнейшего развития и усовершенствования греческой тактики. Тяжелая пехота, состоявшая из обученных посредством военных упражнений гоплитов, приобрела очень ценное качество, которого не хватало старой фаланге, — маневренность. Однако еще большее значение имело наемничество для легковооруженной пехоты, игравшей в предшествующее время довольно пассивную роль.

Наличие некоторых нововведений можно отметить в тактике греческого командования уже во времена знаменитого похода наемников Кира Младшего в 401—400 гг. до н. э. Однако новые явления в греческом военном искусстве рассматриваемого периода отнюдь не ограничивались только большей способностью к маневрированию тяжелой пехоты. Борьба, которую пришлось вести греческим войскам с персами в конце V—начале IV века до н. э. на обширных пространствах Передней Азии, также должна была способствовать накоплению военного опыта и дальнейшему развитию так-

тики. В битве при Кунаксах стоявшие на правом крыле греческие наемники Кира успешно действовали ¹ против неприятеля, но вряд ли, тем не менее, можно отрицать, что наибольшую активность с обеих сторон проявила конница, действия которой Ксенофонт отмечает ² как в центре, так и на одном из флангов.

Войны с персами наемников Кира Младшего и Агесилая показали недостаточность старой системы фалангового боя, принесли ряд попыток новых построений гоплитов и со всей остротой поставили вопрос о необходимости придания пехоте достаточно сильной конницы. Эпаминонд, реформировав боевой строй тяжелой пехоты, успешно применял его против старой фаланги, причем с действиями гоплитов были строго согласованы операции конницы.

Тактика IV века получила завершение в македонской армии, где новые формы боя стали возможны лишь благодаря наличию способной к активной роли сильной кавалерии, которая у Филиппа II и Александра имела в достаточном количестве.

Греческие колонисты, приходившие на северный берег Черного моря, приносили не только свои обычаи, культуру и бытовой уклад, но также и военный строй, основой которого (как и в метрополии) должна была быть фаланга гоплитов. Однако боевые столкновения причерноморских греков с их соседями не были похожи на войны, которые вели между собой греки метрополии. Противниками причерноморских поселенцев были частично пешие, частично конные, в основной массе легко вооруженные варвары. Кроме того, надо думать, греки нередко привлекали воинственных кочевников в качестве союзников в свои войска. Роль таких союзников в армиях боспорских царей, видимо, иной раз была очень значительной. Все это способствовало созданию условий, вероятно, близких тем, в которых приходилось воевать грекам в походах в Переднюю Азию конца V — начала IV веков до н. э.

По доступным нам данным, основу военной мощи скифов составляли конные лучники. Панцирная конница, видимо, не была многочисленной, а легковооруженная пехота вряд ли могла играть решающую роль.

Боевые качества скифской конницы, несомненно, были высоки. Геродот свидетельствует ³ о том, что во времена похода Дария (в 513 г. до н. э.) скифская конница всегда обращала в бегство персидскую, а последняя не знала себе равной в сражениях в Греции и Передней Азии до появления тяжелой кавалерии македонян. В силу этого трудно предположить, что постоянное соприкосновение с конницей скифов, — то как с вражеской, а иной раз как с союзнической, — не оказало воздействия на тактику причерноморских греков; напротив, надо думать, что в ней должны были произойти изменения, близкие тем, которые имели место в греко-македонской тактике IV века до н. э. на Балканском полуострове и в Передней Азии. Насколько справедливо это предположение, покажет нам анализ битвы при Фате, — единственного сражения в Северном Причерноморье, о котором мы располагаем более или менее подробными сведениями.

Битва при Фате произошла в 310—309 гг. до н. э. во время войны, разгоревшейся после смерти боспорского царя Перисада между его сыновьями, оспаривавшими друг у друга престол отца. Диодор Сицилийский (XX, 22) дает довольно подробное описание этой битвы и предшествовавших ей событий. Приведем данное свидетельство полностью.

«По смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его — Евмел, Сатир и Притан — подняли между собой войну из-за власти. Стар-

¹ Xenoph. Anab. 1, 8, 18 и сл., 1, 10 и сл.

² Ibid. 1, 8, 24 и сл., 1, 10, 7 и сл.

³ Herod. IV, 128.

ший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего 38 лет, но Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть.

Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат и приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам, по скифскому обычаю, стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников-скифов в количестве 20 с лишком тысяч пехоты и не менее 10 тысяч всадников. На стороне Евмела был царь фатейский Арифарн с 20 тысячами конницы и 22 тысячами пехоты.

Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшего против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, услышав, что его брат Евмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть¹.

Несколько небрежное, местами даже сбивчивое описание Диодора, несмотря на ряд неясностей и недоговоренностей, позволяет в основном проследить весь ход сражения. Очень ценно свидетельство Диодора о составе армии Сатира, в которой было около двух тысяч греческих наемников, вероятно гоплитов, и столько же фракийцев. Вооружение последних нам неизвестно; не исключена возможность, что это были нередко встречавшиеся среди фракийских наемников пельтасты. Далее Диодор сообщает, что союзниками Сатира в этом походе были скифы в количестве не менее 20 тысяч пехоты и более 10 тысяч всадников. Безоговорочно принимать на веру эти цифры Диодора, конечно, нельзя; античные источники, даже более достоверные и лучше осведомленные, чем Диодор, постоянно грешат совершенно непомерными преувеличениями, когда речь идет о войсках варваров. Но вряд ли следует сомневаться в том, что Сатира в походе сопровождали конные и пешие союзники-туземцы, по численности отнюдь не уступавшие его наемникам. Равным образом можно думать, что и количество войск фатейского царя Арифарна (20 тысяч конницы и 22 тысячи пехоты) сильно преувеличено Диодором.

Пытаясь проследить диспозицию войск Сатира, мы наталкиваемся на ряд затруднений, вызванных неясным изложением Диодора; о левом фланге у него даже нет упоминаний. Как видно из описанного хода боя, правый фланг армии Сатира занимали наемники, сам же Сатир с отборной конницей (как это ясно из рассказа о начале сражения) по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Формулировка Диодора — *ὑπὲρ αὐτὸς κατὰ μέσην τῆν φάλαγγα* достойна внимания. Нельзя допустить, чтобы под наименованием *φάλαγξ* (фаланга, т. е. сомкнутый строй тяжеловооруженной пехоты) Диодор подразумевал окружающих Сатира отборных всадников. Это заставляет полагать, что отряд, сопровождавший Сатира, не представлял собой центра армии, а стоял, выдаваясь перед фронтом ее, посередине боевой линии. Какие части занимали остальную часть центра

¹ Перевод Л а т ы ш е в а. Известия древних писателей, стр. 474 и сл.

и левое крыло армии Сатира, остается неясным; надо думать, что там находились пешие и конные союзники — скифы.

Еще более скудные сведения о диспозиции противников Сатира. Нам известно только, что, подобно Сатиру, Арифарн со своей конной свитой стоял в центре боевого строя¹, а левым крылом командовал Евмел².

Установив диспозицию обеих сторон, мы без труда можем изложить ход битвы. Сатир с отборной конницей атаковал стоявшего против него Арифарна. Горячий конный бой (ἵππομαχία), после значительных потерь с обеих сторон, закончился удачно для Сатира, и Арифарн со своими спутниками принужден был обратиться в бегство.

Еще во время конного боя и другие части армий вошли в боевое соприкосновение. При этом стоявшие на правом фланге наемники Сатира были разгромлены левым крылом противника, которым командовал Евмел. Что происходило в это время на левом фланге войска Сатира, сказать трудно, но полное отсутствие упоминаний об этом заставляет предполагать, что действия здесь развивались вяло и ни к каким решительным результатам не привели.

Сатир, опрокинув Арифарна, бросился его преследовать, но, получив известие о неудаче, постигшей его наемников, стоявших на правом крыле, обратил свою конницу против успешно сражавшегося Евмела. Сокрушительный удар конницы Сатира во фланг, а возможно, и в тыл отряда Евмела, решил исход боя. Разбив эту группу, Сатир одержал полную победу. Очевидно, бой был жестоким, и потери, во всяком случае войска фатеев, были весьма значительны. Диодор (XX, 23) сообщает, что Сатир разбил все неприятельское войско, а уцелевшие воины Евмела и Арифарна принуждены были бежать в укрепление фатеев.

Тактика, примененная Сатиром в битве при Фате, во многом напоминает военные приемы македонской эпохи и последующего эллинистического времени. Тяжелая пехота не является уже решающим, почти единственным родом оружия. Напротив, исключительно активной оказывается роль конницы, которая оперирует в тесном взаимодействии с пехотой: опрокинув стоящего перед ней противника, она атакует и сокрушает успешно сражающееся с пехотой неприятельское крыло. Такое взаимодействие фаланги и конницы и большая активность последней показывают, что к концу IV века до н. э. тактика боспорцев в известной мере была близка македонской. Это могло быть вызвано отчасти проникновением на Боспор командиров наемных армий, приносивших из метрополии последние достижения тактики, отчасти сходными условиями в обеспечении армии различными родами оружия. Цари Боспора могли получать хорошую конницу³ от подвластных им туземных племен или союзников-скифов.

Однако нам не представляется возможным рассматривать тактику Сатира в битве при Фате только как типичный образец македонской тактики второй половины IV века до н. э. В системе построения войска, надо думать, сказались не одни только правила греко-македонского военного

¹ κατὰ μέτρησιν τῶν τάξεων.

² Каковы были силы, находившиеся под начальством Евмела, мы не знаем и вынуждены ограничиваться лишь одними догадками. Возможно, что у него была наемная пехота, так же как и на стоявшем против него крыле противника.

³ Эта конница в своей основе была легкой, однако часть ее, надо думать, имела оборонительные доспехи. Такие тяжеловооруженные дружинники, вероятно, заполняли первые ряды ударного кулака скифской конницы, ибо они в большей мере были приспособлены для рукопашного боя.

Некоторое представление о вооружении панцирных всадников дают изображения конных варваров на знаменитом золотом гробне из кургана Солоха (отчет Археологической комиссии за 1913 и 1915 гг., стр. 110 и сл.; Н. М а к а р е н к о, Художественные сокровища Эрмитажа, П., 1916, стр. 46, табл. 1; Revue Archéologique, 1914, табл. I—II).

искусства, но также и некоторые приемы, заимствованные от обитателей обширных степных пространств Северного Причерноморья.

Диодор, говоря о том, что Сатир стал в центре боевого строя, подчеркивает, что он сделал это по скифскому обычаю; данное сообщение очень значительно не только указанием в нем указанием на место, которое занимал в строю скифский царь или главнокомандующий, но еще и тем, что аналогичный обычай нам известен и у персов¹.

Из описания Ксенофонтом² битвы при Кунаксах мы знаем, что каждый из противников выдвинул перед фронтом своей армии, посередине боевой линии, отряд конной гвардии. Шестьсот тяжеловооруженных всадников Кира стояли против шести тысяч гвардейцев Артаксеркса³. В этой концентрации кулака отборной (обычно, надо думать, тяжеловооруженной) дружины в центре боевого строя можно видеть один из приемов, свойственных персидской тактике. Последующая *ἰππομαχία* гвардейцев Кира и Артаксеркса в сущности решает исход сражения, ибо на правом крыле, занятом греческими наемниками (поддерживавшимися тысячей каппадокийских всадников), операции ограничивались почти бескровными маневрами, а о действиях левого крыла, которым командовал Ариэй, Ксенофонт не упоминает вовсе, заставляя предполагать, что ничего существенного там не произошло.

Таким образом, мы находим во всех четырех армиях, сражавшихся при Кунаксах и Фате, совершенно одинаковое применение кулака отборной конницы, стоявшей в центре боевого строя, задачей которой было нанесение сокрушающего удара противнику. Это побуждает нас несколько по-иному смотреть на тактику Сатира и приводит к следующим выводам. Можно считать, что в конце IV века до н. э. в Северном Причерноморье старая греческая система сокрушения противника лобовым ударом сомкнутого строя гоплитов не находила применения. Как и в Греции в это время, здесь особое значение приобретает конница, действующая согласованно с пехотой. Сатир, располагавший характерной для Боспора вооруженной силой, — наемной, профессиональной, греческой и фракийской пехотой и варварским пешим и конным войском, сумел использовать опыт греко-македонской тактики, выработавшей тесное взаимодействие конницы и пехоты. Вместе с тем, расположение ударного отряда конницы в центре боевой линии, а не на фланге, ясно свидетельствует о том, что Сатир сочетал греко-македонскую тактику с военным строем, заимствованным от скифов.

Таково было военное искусство Боспора. Гибкая тактика позволяла умело комбинировать различные военные приемы; командование чутко учитывало характер, боевые качества и военные навыки тех контингентов, из которых состояли вооруженные силы Боспорского государства.

Последовавшие за битвой при Фате операции хорошо освещают оборонительное военное искусство фатеев. Потерпев неудачу в бою, фатеи вынуждены были бежать в свое укрепление. Судя по словам Диодора (XX, 23), в этом убежище, расположенном в излучине реки, окруженном утесами и большим лесом, фатеи очень умело сочетали благоприятные условия труднодоступной местности с удачным расположением укреплений, замыкавших естественные доступы. Один из них был защищен укреплениями с башнями, а другой — проходившими среди болот деревянными палисадами. Сатир, наступавший без особой подготовки и, видимо, без

¹ Xenoph. Anab., I, 8, 21—22.

² Ibid. I, 8, 6; 24—25.

³ Ibid. I, 8, 21—24. Нельзя безусловно поручиться за то, что количество гвардейцев Артаксеркса не было преувеличено Ксенофонтом, как это нередко бывало при определении античными писателями числа варваров.

осадных машин, потерпел неудачу у башен, но палисады ему удалось захватить. Форсировавшим палисады воинам Сатира пришлось затем преодолевать большой лес, через который надо было прорубить просеку, чтобы добраться до стен укрепления. Дабы воспрепятствовать продвижению осаждающих, Арифарн выслал лучников, которые множеством стрел поражали прорубившихся через лес воинов и наносили им тяжелый урон. Когда, наконец, воинам Сатира удалось приблизиться к стене, то осажденные отразили их, осыпав тучами стрел. В происшедшем под стеною жарком бою Сатир был смертельно ранен. Смерть Сатира решила исход междоусобной войны двух братьев.

Заслуживает внимания то, что расположение укрепления фатеев на излучине реки в труднодоступной местности и умелое использование при обороне замка примыкавшей к нему чащи леса (где расставленные Арифарном стрелки препятствовали продвижению боспорского войска) в известной мере отвечает традициям военного искусства в истории народов нашей страны. Их интересно сопоставить с византийским свидетельством¹ об антах и славянах, которые селились в лесах у неудобопроходимых рек, болот и озер и, вооруженные копьями, щитами и луками, любили сражаться с врагами в местах, поросших густым лесом, и в теснинах.

¹ М а в р и к и й, Стратегикон, XI, 5.

ДРЕВНЕКИТАЙСКОЕ ЗДАНИЕ НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Л. А. Евтюхова

Летом 1940 г. в Хакасской автономной области при прокладке шоссе между городом Абаканом и с. Аскизом, на двенадцатом километре от города, близ колхоза «Сила», был вскрыт невысокий, до двух метров, холм, содержащий большое количество обломков глиняной черепицы.

Археолог Минусинского музея А. П. Левашева, произведя предварительное обследование, определила, что в этом холме скрыты развалины здания.

18 июня 1941 г. из Москвы выехала Саяно-Алтайская археологическая экспедиция для совместных раскопок с Красноярским областным музеем¹ и в течение июня — июля 1941 г. произвела раскопки обнаруженного В. П. Левашевой здания с глинобитными стенами, крытого черепицей и оборудованного подпольным отоплением горячим воздухом.

Раскопом, заложенным вдоль шоссе, была вскрыта часть основного здания, состоящая из двух комнат. Комната № 1 — квадратная, в 144 кв. метра, комната № 2 — узкая, длинная, в 61 кв. метр. Между собой эти комнаты сообщались дверью, проем которой прослежен в стене, перегородившей помещение на две неравные части. Стены основной части здания были более массивными, чем остальные; они достигали в толщину до 1.8—2 метров.

Полного представления о планировке мы до раскопок всего здания не имеем, но по вскрытой части можно думать, что здание состояло из центральной, более высокой части, с толстыми массивными стенами, на которые опиралась особенно тяжелая крыша из черепицы. Вокруг центральной части располагались помещения с более тонкими и, вероятно, более низкими стенами. В различных частях здания были обнаружены опорные столбы, врытые в землю и покоящиеся на базах из песчаниковых плит.

Подобного рода система поддержки балок перекрытия была известна в Китае еще в бронзовую эпоху и открыта при раскопках дворца эпохи Шан-Инь в Аньяне (XVII век до н. э.)².

Глинобитные стены были возведены без фундамента. В разрезах стен прослеживается правильное горизонтальное залегание слоев серой глины; в сыром виде она плотно утрамбовывалась между досчатой опалубкой, которая по изготовлении стен удалялась. В центральном помещении прослежены два дверных проема.

¹ Состав экспедиции: Л. А. Евтюхова (начальник экспедиции, Гос. исторический музей), проф. С. В. Киселев (Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР), В. П. Левашева (Минусинский музей), П. И. Каралькин (Абаканский музей) и З. К. Глусская (Красноярский музей).

² G r i e l, *The Birth of China*, London, 1939.

Рис. 1. Бронзовая дверная ручка

Отопление здания производилось при помощи целой системы отопительных каналов, расположенных под глинобитным полом здания. Неглубокие, до 60 сантиметров, канавки с отлогими стенками обкладывались тесно пригнанными друг к другу тонкими плитками девонского песчаника, а сверху плотно прикрывались такими же плитками. Эти каналы соединяются между собой и образуют непрерывную разветвленную сеть. В комнате № 1 каналы заложены на расстоянии двух метров от стен и повторяют ее очертания. Несомненно, где-то должна быть обнаружена центральная распределительная печь, откуда поступал горячий воздух для отопления. В нескольких местах нами были обнаружены следы ремонта этих каналов.

В середине комнаты № 1 и в помещении, примыкающем к ней с запада, глинобитный пол был сильно обожжен от постоянного воздействия жара. Очевидно, на этих местах устанавливались жаровни с горячими углями для дополнительного утепления во время сильных сибирских морозов.

Кровельная черепица, найденная при раскопках в очень большом количестве, в основном имеет два размера: широкие, слегка вогнутые плиты ($60 \times 70 \times 2$ сантиметра) и узкие полуцилиндры ($60 \times 17 \times 1$ сантиметр), служившие для перекрытия стыков. Кроме того, найдено несколько обломков полуцилиндров шириной до 23 сантиметров, очевидно, от гребня крыши. Тесто черепиц — из очень хорошо отмученной серой глины, обжиг звонкий, прекрасного качества. Для устранения скольжения обратной стороне черепицы до обжига придавалась шероховатость при помощи различных штампов и штриховки. Иногда на этой стороне встречаются процарапанные знаки, напоминающие буквы орхоно-енисейского алфавита. Возможно, что эти знаки частично легли впоследствии в основу орхоно-енисейского алфавита¹.

Полуцилиндры, прикрывавшие швы между широкими плитами черепиц в той части, где они свешивались с нижнего края крыши, заканчиваются кругами, на которых штампом отиснены выпуклые надписи китайскими иероглифами. Эти надписи прочитаны академиком В. М. Алексеевым, и их содержание на всех кругах одинаковое: «Сыну неба (т. е. китайскому императору) 10 000 лет мира, и той, которой (т. е. императрице) мы желаем 1 000 осеней радости без горя». По мнению В. М. Алексеева, характер знаков и грамматические особенности надписи типичны для Ханьской эпохи (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

Особенно близкая аналогия черепичной кровли со свисающими по краям кругами нам известна на глиняных моделях домов из погребений эпохи Хань, найденных при раскопках у подошвы гор Лао-Тье близ Порт-Артура в Южной Манчжурии². Обломки такой же черепицы и кругов были найдены там же при раскопках поселений Циньского и Ханьского

Рис. 2. Профиль дверной ручки в виде личины

Циньского и Ханьского

¹ Это предположение возникло у нас с С. В. Киселевым еще с 1938 г., когда при раскопках таштыкских родовых усыпальниц нами было найдено большое количество игральные кости из астрагалов барана с подобными же процарапанными знаками.

² Nan-Schan-Li, Brick Tombs of the Han Dynasty at the Foot of M. Lao-T'ieh, South Manchuria. *Archeologia Orientalis*, t. III, Tokyo — Kioto, 1933, табл. XX, XXI, XXII, XLI, XLIII, XLIV.

Рис. 3. Круг от черепицы с китайской надписью

времени ¹. Кроме того, известны находки моделей глиняных домов с черепичной крышей и из других погребений эпохи Ханьской династии ².

При раскопках были найдены различные предметы. Особенное внимание привлекают две бронзовые литые дверные ручки (рис. 1 и 2), найденные в большой комнате центрального здания. Эти ручки представляют собой горбоносые личины с кольцом в носу, за которое и открывались двери. На голове — тиара с тремя зубчатыми выступами, усы закручены, щеки обрамлены баками, острые звериные зубы оскалены. Некоторые различия в этих изображениях позволяют заключить, что они отлиты в разных литейных формах. Оба лица отнюдь не монголоидны: они не скуласты, с высоким горбатым носом и широко поставленными глазами, без всякого намека на раскосость. Их профиль напоминает некоторые европеоидные погребальные маски таштыкской культуры из Минусинской котловины времени около начала н. э.

Особенно важным является то, что эти изображения находят себе аналогию во фресковой росписи гробницы № 11 Ханьского времени у подножия гор Лао-Тье близ Порт-Артура ³. Там над дверью изображен гений с распростертыми руками, охраняющий вход. Его головной убор в виде тиары — такой же, как у наших личин. У него такие же точно усы, рога, бакенбарды и оскаленные зубы, но в трактовке лица совершенно четко видна монголоидность, выраженная в раскосости глаз и округлом скуластом лице.

¹ My-Jang-Cheng, Han and pre-Han sites at the Foot of Mount Lao-T'ieh'in South Manchuria. *Archeologia Orientalis*, in-II, Tokyo — Kioto, 1931, табл. XXIII, XXXIV, XXXV.

² O. Münsterberg, *Chinesische Kunstgeschichte*, I, 1910, стр. 72, рис. 69—71.

³ Ying-Cheng-Tsu., The Han Brick-Tomb with Fresco-paintings near Chien-dur Ch'eng in South Manchuria, *Archeologia Orientalis*, t. IV, Tokyo — Kioto, 1934, табл. XLIV, XLV, рис. 3 и 2.

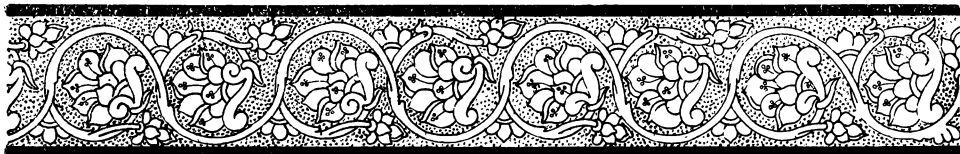
Несомненно, что личины дверных ручек из раскопок у колхоза «Сила» воспроизводят тот же фантастический персонаж, который мы видим в росписи Ханьской гробницы, но ему придали местный приенисейский тип европеоидного населения Таштыкской эпохи. Это позволяет предполагать, что наши дверные ручки отлиты местными приенисейскими художниками, которые, сохранив схему китайского оригинала, придали им местные черты. Однако здание надо признать принадлежавшим китайцам. В местной культовой символике памятников Таштыкского времени подобные изображения неизвестны.

Найденные в здании другие предметы, особенно пряжка и нож, типичны для Таштыкской эпохи и вместе с китайской чашечкой из зеленого нефрита¹ вполне подтверждают дату здания, устанавливаемую по надписям на черепицах (рис. 3) и аналогиями бронзовых рельефов дверных ручек. Что китайцы не только бывали, но подолгу жили на Енисее в Ханьское время, об этом рассказывают и китайские хроники².

¹ Подобного рода чашечки, как нефритовые, так и глиняные, иногда с тисненными изображениями и китайскими надписями на дне, известны из раскопок у подножия гор Лао-Тье (Ying-Cheng-Tsu, указ. соч., табл. XIII, XXXV и др.) и относятся также к эпохе Хань.

² Ср., например, рассказ о полководце Ли Линне, плененном хуннами и получившем в 99 г. до н. э. «во владение Хягяс», т. е. области в Минусинской котловине (И а к и н ф Б и ч у р и н, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб., 1851, ч. I, стр. 50—51).

ВОСТОЧНЫЙ СОСУД ИЗ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А. Смирнов

В апреле 1944 г. из Государственного хранилища поступил в собрание Исторического музея золотой кувшин¹ грушевидной формы (рис. 1) — тип, широко распространенный среди памятников сасанидского искусства. Сосуд этот был сдан в 1943 г. на скупочном пункте в городе Молотове неизвестным гражданином, нашедшим его случайно при земляных работах. Более подробных сведений об условиях находки сосуда нет. Можно предполагать, что он происходит из клада восточных вещей, обычных для Приуралья.

Сосуд общим весом в 1894.8 граммов сделан из золота пробы 897.8 при помощи чеканной техники, следы которой хорошо заметны на всей его поверхности. Его грушевидное тулово, изготовленное из одного куска металла, имеет широкие бока, узкое горло и вытянутый вперед, слегка опущенный носик. Сосуд несколько сплюснут, имея продольный диаметр в 18 сантиметров и поперечный в 17.5 сантиметров; горло также овальное в плане с одним диаметром в 4 сантиметра и другим — в 3,5 сантиметра. Корпус посажен на круглый поддон, к которому он припаян. К поддону припаян круг, состоящий из 64 шариков, имитирующих крупную зернь. Общая высота кувшина с поддоном 30.5 сантиметра. К тыльной части кувшина прикреплена поднимающаяся над горлом ручка (рис. 2), изготовленная из восьмигранного изогнутого дрота, в нижней части расплюснутого в пластинку, обрезанную в трехлепестковую пальметку (рис. 3) с дополнительно нанесенными резцом волютами. Верхняя часть изогнутого дрота пропущена через полую фигурку крылатого животного, на груди которого она расклепана. Вытянутые вперед ноги животного, отлитые вместе с крыльями, припаяны к туловищу и особыми выступами ниже копыт закреплены в двух отверстиях с тыльной стороны горла кувшина, — следов крышки нет. Оформлен сосуд очень просто. Вся его орнаментация сводится к фигурке зверя, пальметке и кругу зерна у поддона.

Описанный кувшин Государственного исторического музея принадлежит к числу сосудов, восходящих к распространенной в античную эпоху энохое, но отличается от них одной существенной деталью. У тех широкий в верхней части корпус сужается книзу, здесь же, наоборот, — сосуд¹ сужается кверху, переходя в узкое горло. Такая форма является типичной для кувшинов сасанидских и последующих за ними эпох, ее же повторяют многие сосуды кладов эпохи переселения народов.

¹ Акт передачи № 615, инв. № 81325.

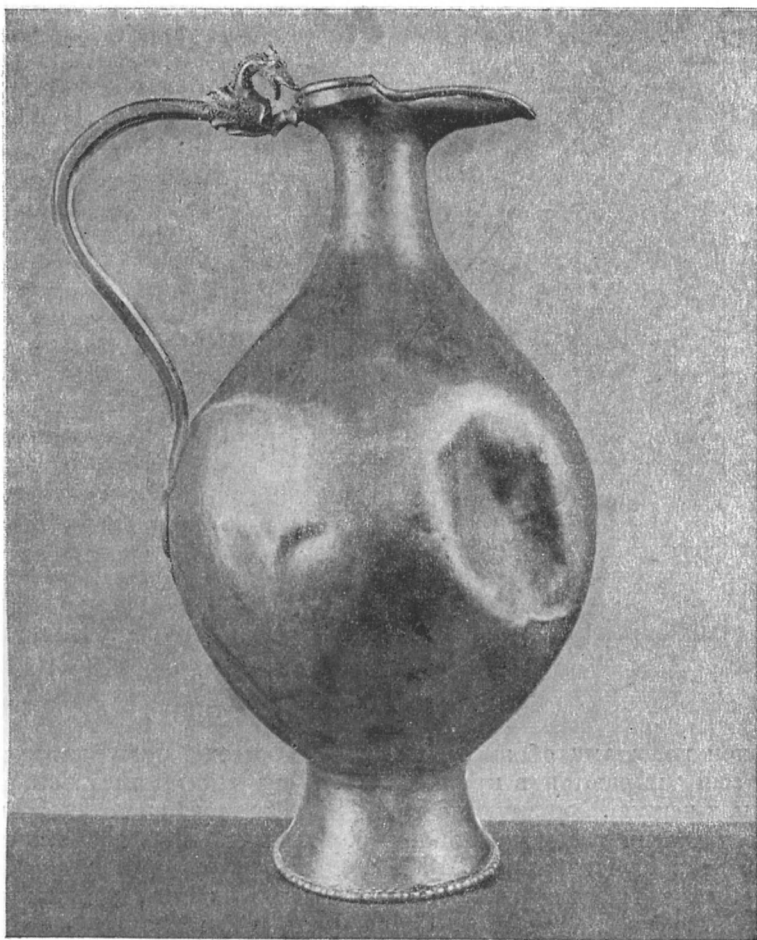

Рис. 1. Общий вид сосуда

Наиболее близкими нашему сосуду являются кувшины, один из которых найден в Казахстане ¹ (начало I века до н. э.) и второй — в починке Ягошурском Удмуртской АССР, с арабскими монетами первой половины VIII века н. э., относимый К. В. Тревер по стилю ко времени казахстанского кувшина ². Аналогичные сосуды изображены на памятниках греко-бактрийского искусства.

Некоторые детали орнаментации кувшина Исторического музея могут помочь уточнить его датировку. Одной из таких орнаментальных деталей является поясок металлических шариков, проходящий по основанию поддона. Шарик мелкий, несколько уплощенный, напоминают аналогичные пояски, опоясывающие края чаш греко-бактрийской культуры.

Интересной деталью кувшина Исторического музея является фигура крылатого коня, помещенная на верхней части ручки сосуда. Его длинная раскрытая пасть покрыта по бокам поперечными зарубками. Над лбом выступает слегка изогнутый вперед рог. Овальные уши прижаты к телу.

¹ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.-Л., 1940, таб. 34.

² Указ. работа, стр. 47.

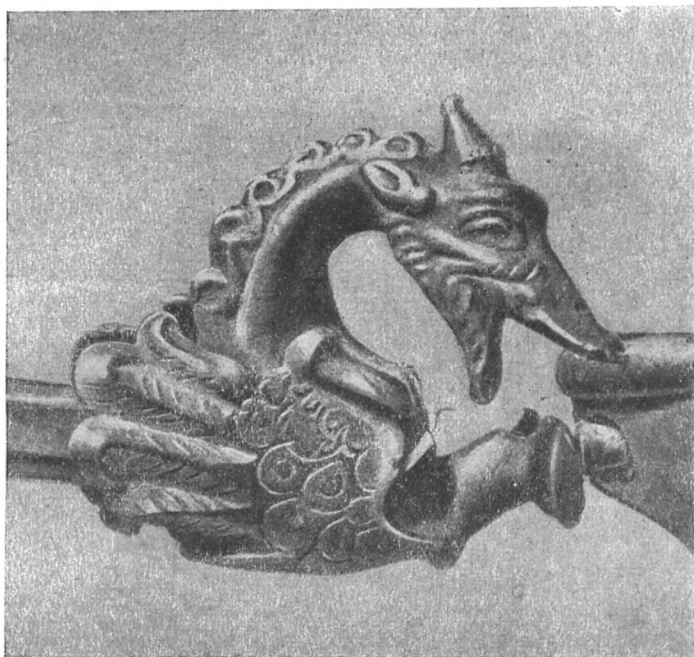

Рис. 2. Деталь ручки сосуда

Вдоль шеи волютами обозначена грива. Короткие ноги вытянуты вперед и копытами упираются в край сосуда. Поверхности крыльев разделены резцом под чешую. Близкую по трактовке фигуру можно указать на чепраке, покрывающем спину слона, изображенного на фаларе, переданном в Эрмитаж из Кунсткамеры в 1860 г.

Еще ближе к интересующей нас фигуре — зверь, повидимому волк, на пластинке из Дагестана¹. Грива коня на кувшине Исторического музея представлена завитками, расположенными в виде волны. Подобный орнамент украшает края чаш греко-бактрийского периода, чему могут служить примером памятники, изданные К. В. Тревер.

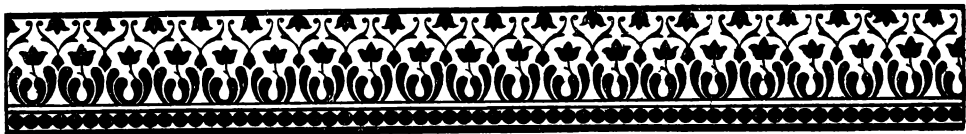
Последним орнаментальным мотивом кувшина является трехлепестковая пальметка, которой прикрепляется ручка в нижней части сосуда.

Анализ формы и орнаментация кувшина Исторического музея и привлеченные аналогии позволяют сделать следующие выводы: форма кувшина идет от античной эпохи в ее римской разновидности и кувшинов греко-бактрийской культуры. Весьма близки к разбираемому кувшину сосуда, изображенные на бактрийских чашах I века н. э. Эта же форма кувшина существует и в продолжение всей сасанидской эпохи. Ручка, украшенная передней частью крылатого коня, по своей форме сближается с памятниками первых веков н. э.

Городчатый орнамент также имеет аналогии среди памятников первых веков н. э.

Все эти соображения заставляют датировать кувшин не позднее III—IV века н. э.

¹ Сасанидский металл, стр. 92.

РАСКОПКИ В ЧАНХУ-ДАРО

Т. В. Бороздина

Пробные исследования на городище Чанху-Даро (Chanhu-Daro), произведенные в 1932 г. индийскими археологами, побудили известного исследователя протоиндийской культуры¹ Мэкей начать вскрытие этого городища. Материал раскопок был опубликован в ряде статей².

Городище Чанху-Даро расположено на трех холмах в долине нижнего Инда. В кампанию 1935/36 г. был исследован меньший холм; в нем раскрыто только четыре верхних слоя, из которых к периоду Хараппы относятся только два нижних. Верхние слои содержат остатки двух значительно более бедных культур, свидетельствующих о постепенном угасании мощной протоиндийской цивилизации.

Городище Чанху-Даро содержит ряд черт городищ Хараппа и Мохенджо-Даро. Поселение является большим городом со множеством домов. Ориентация всех построек — с севера на юг.

Дома строились из обожженных кирпичей, скреплявшихся глиной. Каждый дом снабжен комнатой для омовений и сточной трубой. По прочным и аккуратно проложенным трубопроводам из обожженного кирпича отбросы выводились за город. Обнаружены стены двух крупных зданий. Назначение первого здания определить пока не удалось, второе было, повидимому, баней. На это указывают вскрытые под полом гипokaусты, от которых идет пять дымоходов, сообщающихся с другими, к ним перпендикулярными.

Черты протоиндийской культуры наблюдаются и в найденных изделиях из меди и бронзы. Это — ножи, топоры, тесла, бритвы, головные шпильки.

В Чанху-Даро было найдено очень мало игральных костей и фигурок для игр, которые в множестве доставили раскопки в Мохенджо-Даро и в других протоиндийских поселениях. В Чанху-Даро обнаружено большое количество грубых глиняных фигурок животных и статуэток мужчин и женщин. Женские статуэтки не имеют того сложного головного убора, что статуэтки из Мохенджо-Даро и Хараппы. У значительного большинства статуэток ноги отсутствуют, и они оканчиваются полой базой. Подобные фигурки были найдены и в Белуджистане.

Особенно важны многочисленные находки глиняных игрушек. Это ярко раскрашенные шарики, птицы-свистульки, повозочки спряженными быками, фигурки животных на колесах и т. д. Судя по количеству игрушек, Чанху-Даро был центром производства игрушек. Но особенно ярко

¹ О протоиндийской культуре см. ВДИ, 1938, № 1(2); ВДИ, 1940, № 2(11).

² E. R. Mackay. Great new discoveries of Indian culture in prehistoric Sind, ILN, 14/XI 1936; его же, Bead making in Ancient East, JAOS, v. 57, № 1.

выделяется роль ремесла в занятиях жителей города, когда мы обратимся к находкам бус. Было обнаружено множество бус, оставшихся недоделанными, и очень мало совсем готовых. Мэкей объясняет это тем, что готовые изделия, представлявшие ценность, жители уносили с собой во время наводнений, от которых периодически страдал город.

Находки в Чанху-Даро позволили воссоздать почти полную картину производства бус и разъяснили ряд неразрешенных прежними раскопками вопросов. Так, находка сверл из роговика указывает на то, что сверление отверстий в бусах производилось каменными сверлами, а не металлическими, как это полагали раньше. Найденные в Чанху-Даро бусы имеют различную форму: цилиндрическую, бочонкообразную, дисковидную и т. д. Интересна находка в двух местах мельчайших стеатитовых бус. В одном месте обнаружена конкреция из цилиндрических бус, лежавших на чашке весов; другое скопление бус было найдено в кувшине. Диаметр этих бус колебался от 1 до 0.5 миллиметра, длина — от 0.5 миллиметра; отверстия их таковы, что через них может быть пропущен только волос. Мэкей предполагает, что эти бусы делались из прессованного стеатита.

Таким образом, раскопки в Чанху-Даро раскрывают картину густо населенного города с высокоразвитыми ремеслами.

Вскрытые исследователями два слоя относятся к более позднему периоду протоиндийской культуры, чем городище в Хараппе¹, однако находящиеся под ними и только что разведанные археологами три слоя обещают пролить еще больше света на развитие индийской культуры в III тысячелетии до н. э.

¹ Gordon Childe, *India and the West before Darius*, «Antiquity», v. 13, 1939.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. Вып. X. М. - Л. 1941. 144 стр.

Десятый выпуск «Кратких сообщений Института истории материальной культуры» вышел в осажденном Ленинграде во время Великой отечественной войны. Эта книга для нас, советских археологов, поэтому особенно дорога.

Содержание десятого выпуска очень богато. В нем заключены первые сообщения о ряде открытий выдающегося значения. Эти открытия показывают, какой рост науки и культуры нашей Родины пытались остановить немецкие захватчики.

Десятый выпуск открывается изложением доклада В. А. Шишкина «Исследование городища Варахша и его окрестностей». Изучение Бухарского оазиса на границе мертвых теперь Кызыл-кумов дало первоклассные открытия. Удалось доказать, что этот район был в древности более широко освоен для земледелия. Многочисленные тепе, укрепления и остатки оросительных систем говорят о царившем здесь некогда оживлении. О начале освоения окраин Кызыл-кумов говорит находка бронзовых стрел скифского типа. Дальнейшие исследования должны объяснить постигший эту область упадок, начавшийся еще с IV века н. э.

Начатые В. А. Шишкиным стационарные работы на городище Варахша открыли важные памятники культурно-исторического развития. На территории небольшой цитадели городища были обнаружены развалины дворца бухар-худатов — доарабских правителей Бухарской области. В нижнем этаже дворца были открыты остатки отделки парадных комнат исчезнувшего второго этажа. Это свыше 5 000 обломков штукатурной архитектурной декорировки из алебаstra. Большинство фрагментов штукатурки сохранили резьбу и лепку большого художественного и историко-культурного значения.

Исключительный интерес представляют изобразительные мотивы — деревья, водоемы с плавающими водорослями, рыбами, змеями и водяными птицами. На отдельных фрагментах штукатурки видны рельефы лани, коня, лягушки и птиц.

Изображение человека представлено двумя формами — маской юноши в диадеме индо-синцзянского типа и головой бородатого мужчины с повязкой, стягивающей волосы. Покатый лоб, высокий нос и другие характерные черты придают этой голове необыкновенную выразительность. Изысканность индо-иранского эллинистического искусства проявилась и в многочисленных фрагментах рук, торсов, складок одежды и в птице-женщине, столь близких к Kinnari Гандхары и Синцзяна. В этот же круг изображений органически входит большая рельефная фигура одетого в легкие одежды человека, найденная на обломках глиняных плит в северо-восточной части дворца.

Здесь же в помещении, забитом забутовкой позднейших перестроек, найдены замечательные стеновые росписи, выполненные красками по глиняной штукатурке. Уцелели фрагменты двух панно, сходных по композиции и сюжету. На обоих в центре изображен боевой слон, вожатый которого в одном случае стреляет в грифона, а в другом — поражает копьём поднявшегося на задние лапы льва. Грифон и лев нападают на слона сзади. Росписи Варахши автор относит к III—IV векам, когда после распада государства великих кушанов приобрели значение династии местных владетелей и среди них род бухар-худатов.

Уже по предварительным данным видно, что В. А. Шишкину посчастливилось обнаружить памятник первостепенного значения, доказывающий глубину проникновения и стойкости эллинистического воздействия на культуру Средней Азии. Без всякого преувеличения можно сказать, что искусство Варахши начинается в этом отношении следующую страницу в истории культуры после блестящих открытий Айртама и Нессы.

Отличается новизной и свежестью статья А. Н. Окладникова о палеолитических жилищах в Бурети (Ангара). Умело разобравшись в нагромождении костных остатков вокруг жилищ и сравнив полученные данные с историко-этнографическими сообщениями о применении кости и рога в качестве строительного материала у чукчей, коряков и эскимосов, автор дает остроумную реконструкцию верхнего строения жилищ в Бурети.

Работа А. Н. Окладникова ценна тем, что он не переоценивает сходства реконструированного им жилища с жилищами эскимосов Северной Америки и не идет за исследователями, утверждающими прямую генетическую связь между современными арктическими племенами и древним мадленским населением, якобы откочевавшим на север вслед за стадами северных оленей. Автор справедливо подчеркивает связь эскимосской культуры не с палеолитом, но с неолитической стадией культуры тихоокеанских береговых племен. Сходство же жилищ эскимосов и других племен с Буретью скорее объясняется близкими природными условиями современной Арктики и Сибири в конце ледникового периода.

Стоянка Буреть, уже подарившая науке ряд замечательных памятников, вполне заслуженно стала объектом и геологического изучения. Некоторые результаты в этом отношении приведены в докладе Н. В. Тюменцева «К вопросу о геологическом возрасте стоянки Буреть». Подробный анализ строения террас реки Ангары и стратиграфии их напластований приводит автора к выводу, что «время поселения человека близ Бурети мы можем отнести к концу последнего оледенения и началу послеледниковой эпохи». Тем самым определяется и относительный возраст террасы 2-метровой высоты, поскольку отметки культурного горизонта соответствуют этому уровню. Соответственно возраст 18-метровой террасы должен быть повышен, так же как и возраст 6—8-метровой, которую мы можем считать первой послеледниковой, соответствующей времени позднего палеолита и раннего неолита (Олонки, Усть-Белая).

В этой же серии вопросов истории заселения ангаро-ленского севера выдающийся интерес приобретает сообщение В. В. Карачаровского «О находке зуба домашнего быка в ранней стоянке близ города Якутска».

Наличие на Средней Лене домашнего быка задолго до XII—XIV веков, когда скотоводство, по господствующему мнению, распространилось в этой области вместе с проникновением сюда южан — родоначальников современных якутов, — заслуживает пристального внимания при дальнейших исследованиях в Якутии.

Проблему позднеледниковых культур севера Европейской части СССР затрагивает сообщение А. Я. Брюсова об археологических работах 1937—1940 гг. в Вологодской области. Наиболее древними памятниками, исследованными А. Я. Брюсовым, являются стоянки так называемой Каргопольской культуры у села Погостичи (IV—III тысячелетие до н. э.) и села Гостинного на берегу реки Модлоны (III тысячелетие до н. э.). К тому же времени, что модлонская стоянка, относятся и поселение и могильник в местности Караваиха (публикация А. Я. Брюсова в «Трудах Государственного исторического музея», вып. XII).

К более позднему времени относится открытое в 1938 г. на реке Модлоне свайное поселение. Находка там янтарных украшений и сланцевого наконечника стрелы позволяет отнести его к началу II тысячелетия до н. э. Добытый обширный кремневый и костный инвентарь (главным образом стрелы, клиновидные топоры, гарпуны и удильные крючки), а также керамика и кости одних только диких животных позволяют считать здесь еще господствующим старый охотничье-рыболовецкий быт. От свайных сооружений уцелело значительное число свай и бревен настила, а также бревна с развилкой, которые могли служить опорой кровли домов. Однако исследователю не уда-

лось пока найти исчерпывающих доказательств в пользу своей группировки остатков по отдельным домовым комплексам (см. план раскопок на стр. 103). Необходимо всячески настаивать на дальнейшем продолжении раскопок этого высокоинтересного памятника.

В связи с последними работами М. Е. Фосс и А. Я. Брюсова по Каргопольской культуре, а также в связи с проблемой северных петроглифов, безусловный интерес представляют опубликованные В. И. Смирновым с известной стоянки Кубенино обломки венчика круглодонного сосуда, украшенного рисунками птиц. Они обнаруживают черты сходства с изображениями лебедей на петроглифах Онежского озера.

В статье А. В. Збруевой «Из работ Куйбышевской экспедиции» содержится сообщение о продолжении раскопок Луговского могильника Ананьинской эпохи, исследуемого автором в поселке Луговом Елабужского района. Среди 20 новых погребений, вскрытых в 1940 г., выделяется погребение № 57. В нем наряду с типично ананьинским кельтом, бляхой и костяными наконечниками стрел (из них один тупой, для битья белки) найден железный кинжал скифского типа, украшенный золотой инкрустацией и бронзовыми накладками с геометрическими прорезами. А. В. Збруева склонна сравнивать этот кинжал по форме навершия и по наличию инкрустаций не только со скифскими, но и с гальштатскими.

Сообщение В. П. Левенка «Археологические работы Трубчевского музея» показывает, каких значительных результатов могут достигнуть местные научные организации при наличии необходимой энергии и научного энтузиазма.

Стоянки в районе Трубчевска представляют выдающийся интерес, так же как и Деснинские городища, культурные слои которых охватывают время V—III века до н. э. — VII—X века н. э. Особенно замечательно городище, расположенное в черте самого Трубчевска, отличающееся необыкновенно мощным культурным слоем (выше 4 метров). Как Трубчевское, так и все другие среднеснинские городища говорят о преемственности позднейших культурных напластований от скифской древности и в этом отношении представляют исключительно важный материал по вопросам, связанным с проблемой славянского этногенеза. Палеоантропологические исследования приобретают все большее значение при решении этногенетических проблем.

В статье «Разновидности брахицефалии» Е. В. Жиров поднял большой важный вопрос о значении искусственной и «бытовой» деформации для образования брахицефальных форм. В частности, на обширном материале показывается, какое значение для изменения (увеличения) годового показателя имеет уплощение затылка в связи с применением так называемого «нешика» — твердой колыбели с мочеотводным приспособлением.

Автор расходится с Г. Ф. Дебецом в оценке палеоантропологических материалов эпохи бронзы в Минусинском крае. Вместо пяти последовательных напластований он считает достаточным допустить, что на Енисее иммигрировавшим элементом были только носители карасукской культуры, которых нельзя рассматривать как промежуточную стадию между андроновцами и тагарцами.

Вопросы происхождения восточного славянства за последнее время заслуженно привлекали к себе внимание специалистов, и прежде всего наших археологов-славистов. Последние работы в этом направлении показали необходимость специальных полевых исследований в ряде районов, особенно в Среднем Поднепровье. Такие работы были организованы Институтом истории материальной культуры и Институтом археологии в Киеве. Краткая информация П. Н. Третьякова «Славянская (днепровская) экспедиция 1940 г.» дает представление о результатах первого года специальных работ. Они охватили обширный район по Ворскле на Левобережье и на правом берегу, в районе Искорестеня и Киселевки и по рекам Киевского Полесья (Тетерев, Звизж и Ирпень).

Особенно важными по результатам исследований 1940 г. являются впервые обнаруженные в большом числе остатки поселений собственно среднеднепровских славян середины и второй половины I тысячелетия н. э. При этом выясняется (особенно на напластовании Киселевки) возможность установления генетической связи между

культурой славянских племен и культурой «полей погребений», в свою очередь обнаруживающих все в большей степени близость к предшествующему развитию населения Поднепровья в скифо-сарматское время. Уже эти основные результаты первого года работ на Днепре имеют настолько большое значение, что служат несомненным основанием для дальнейшего развешивания раскопок.

Редко в археологии встречаются эпизоды прошлого, от которых веяло бы таким жизненным драматизмом, как от обнаруженного К. М. Каргером тайника под развалинами Десятинной церкви в Киеве. Из анализа найденных в тайнике украшений, оружия и орудий и рассмотрения его завала частями обрушившихся сводов церкви исследователь делает вывод о том, что в тайнике спасались киевляне в страшные дни 5 и 6 декабря 1240 г., когда последним оплотом против Батыя им послужили город Владимира и Десятинная церковь.

Тайник представлял колодец в 4,6 метра глубиной. В его стенках были вырублены ниши. В одной из них прятался какой-то знатный киевлянин с собакой. Судя по находке частей ведр, веревки и заступов, в тайнике во время осады копали горизонтальный ход к откосу горы, в отчаянии надеясь на спасение из осажденного храма. Когда же произошел обвал, сверху в тайник упали и люди и их имущество. Так попали туда и замечательный набор 19 литейных формочек для котлов, серег, височных колец и браслетов. Очевидно, так же попали в тайник железный меч, шлем, горшок, энколпион, топор и другие вещи. На дне тайника в момент катастрофы искали спасения также молодой человек и старая женщина в необыкновенно пышно украшенных одеждах. Здесь же оказались серебряная витая гривна, перстень с камнями, ожерелье из медальонов с изображениями святых, трехбусинные височные кольца, крестики и подвеска — монета дожа Дандоло (1192 — 1205). Всех несчастных, оказавшихся в тайнике, ждала смерть — они сгорели среди обрушившихся горящих обломков.

Находки в тайнике имеют большое научное значение. Впервые в руки исследователя попал точно датированный разнообразный материал — целый маленький музей киевских древностей. Несомненно, при детальном изучении эти находки позволят многое уточнить и в отношении других серий, особенно в блестящей коллекции киевских кладов XI—XIII веков.

Вопросам прошлого Эстонии посвятили свои статьи Т. Моора («Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет»), Х. Пеетс («Город Таллин в XIII—XVIII веках») и Л. А. Мацулевич («Новгород и Таллин»).

Т. Моора в очень сжатом виде познакомил читателей «Кратких сообщений» с организацией и основными достижениями археологических изысканий в Эстонии. Уже этот краткий обзор свидетельствует о широте работ, охвативших разнообразные памятники Прибалтики от неолита до средних веков.

Х. Пеетс в своем очерке знакомит нас с древностями Таллина, с его замечательной средневековой архитектурой, сохранение которой делает честь эстонскому народу.

Статья Л. А. Мацулевича поднимает интереснейшую проблему культурных взаимоотношений Новгорода и Прибалтики. Рассматривая серию поразительных аналогий, которые представляет отделка фронтонов таллинских домов XV—XVI веков, щипцовое завершение стен новгородских и псковских храмов XII—XV веков, автор справедливо видит в этом отражение той художественной связи, которая и в более раннее время существовала между Северной Русью и прибалтийскими центрами.

Археологическим проблемам нашего Юга в данном выпуске «Кратких сообщений» посвящены две работы.

Статья Т. Н. Книпович «Некрополь на территории Ольвии» знакомит с серией новых погребений, вскрытых в 1940 г. на участке «И». Большинство из них относится к VI веку до н. э. Раскопки обнаружили ряд прекрасных образцов коринфской, самосской и навкратийской керамики. По устройству из общего числа погребений выделяется погребение № 32. Его стенки укреплены срубом со столбами по углам. По мнению автора, «не подлежит сомнению, что этот тип восходит к местным погребениям области Приднепровья».

Доклад А. Л. Якобсона «Гончарные печи средневекового Херсонеса» посвящен реконструкции керамических печей XI—XII веков, обнаруженных при раскопках 1940 г. в северном прибрежном квартале города. Привлеченный автором сравнительный материал показывает, что система средневековых херсонесских печей сохранила еще античные принципы. Характерно также отсутствие специализации внутри мастерских, выделявших одновременно и посуду и черепицу, а также объединение в одной мастерской мастеров с разными клеймами. Самое наличие в XI—XII веках гончарных печей в северном приморском районе Херсонеса свидетельствует о значительном сокращении территории города, о явном его упадке.

Десятый выпуск «Кратких сообщений» и с внешней стороны очень высококачествен. Он обильно снабжен иллюстрациями, в основной части выполненными на превосходных меловых таблицах.

Десятый выпуском закончилась первая серия информационного издания Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Надо признать, что эта серия была очень удачной. Своевременная информация о важнейших открытиях и исследованиях отражается самым благоприятным образом на развитии советской археологической науки.

С. В. Киселев.

ТРИПОЛЬСКА КУЛЬТУРА. Том 1. Київ. 1940. 594 стр.

Институт археологии Академии Наук УССР до войны в течение ряда лет осуществлял планомерное изучение памятников трипольской культуры. Проводились обширные раскопки вновь открываемых трипольских поселений. Особое внимание уделялось взаимоотношениям трипольской культуры с местным неолитом, а также с культурами энеолита и бронзового века степей Причерноморья и Дунайского бассейна.

Одним из важнейших вопросов трипольской культуры является выяснение назначения глиняных сооружений, открываемых на поселениях, — так называемых трипольских площадок. В русской дореволюционной и в современной зарубежной литературе распространено мнение о том, что эти площадки являются остатками ритуальных или погребальных сооружений. Лишь немногие исследователи, например В. А. Городцов и А. А. Спицын, видели в трипольских площадках развалины жилых построек.

За несколько лет ревностной работы советским археологам удалось собрать обширные материалы по трипольскому строительству и доказать, что площадки являются остатками жилых домов сложной конструкции и плана. В своеобразие трипольского дома удалось увидеть отражение особенностей общественного строя патриархальных земледельческих общин. Самый дом оказался жилищем нескольких семей, занимавших отдельные комнаты дома. Ближе всего он к так называемым длинным домам, широко известным в этнографии, в частности у племен Северной Америки.

Рецензируемый первый том «Трипольска культура» является сборником статей и материалов, касающихся главным образом вопроса о трипольских поселениях и площадках.

Первый раздел тома содержит материалы по раскопкам интереснейшего трипольского поселения на урочище Коломийщина у села Халепье, неоднократно освещенного на страницах ВДИ.

Во вступительной статье начальника экспедиции Т. С. Пассек дан обзор раскопок трипольских поселений, иллюстрированный сводной картой; освещены различные памятники района села Халепье и, наконец, подведен итог ведущимся с 1934 г. исследованиям на урочище Коломийщина. Т. С. Пассек убедительно доказала, что расположенные в Коломийщине двумя концентрическими кругами глиняные площадки являются остатками трипольского поселения, состоящего из 24 больших жилых мно-

гокамерных «длинных» домов и ряда более мелких построек. Внимательнейший анализ открытых развалин проиллюстрирован обширными отчетами Т. С. Пассек (по жилищам № 1, 4, 11) и Е. Ю. Кричевского (по жилищам № 13, 23, 5, 14).

Тщательно проведенные наблюдения открыли сложные приемы сооружения многочисленных субструкций глиняного пола трипольского дома, характер его плетневых, обмазанных глиной стен и перегородок, внутреннюю планировку секций и конструкцию хлебных печей, лежанок и других сооружений внутри дома.

Реконструируя поселение трипольских домов в Коломийщине, Т. С. Пассек размещает в каждом из них несколько парных семей (общим числом в 20—30 человек), живших в отдельных секциях, но имевших общее хозяйство. Всего же на поселении обитало, повидимому, до 500 человек, занимавшихся по преимуществу земледелием и скотоводством.

Т. С. Пассек относит поселение в Коломийщине к среднетрипольскому времени (примером древнейших она считает поселения у сел Кудринцы и Кадиевцы, средних — Коломийщину и Владимировку и позднейших — Усатово и Городск). К сожалению, вся заключительная часть исследования Т. С. Пассек изложена в виде кратких тезисов, поэтому приходится с нетерпением ожидать раскрытия в следующих публикациях сформулированных автором выводов по хронологии, изменениям общественного быта, взаимоотношениям с соседями, происхождению и судьбам трипольского населения.

К отчету и публикации материалов Коломийщины примыкает отчет Е. Ю. Кричевского о раскопках на позднетрипольском поселении у села Городск, Житомирской области. Жилища здесь строились уже без глиняных полов и обогривались лишь изредка печами; большей же частью применялись очаги. Наряду с надземными сооружениями здесь встречены и полуземлянки. Среди многочисленных костей домашних животных обращает на себя внимание преобладание костей коня. Находка каменной зернотерки свидетельствует о наличии и в это время земледелия.

В отчете М. Л. Макаревича о раскопках на трипольском поселении у села Белый Камень Винницкого округа шести развалин домов (площадок) обращает на себя внимание находка возле домов скорченных погребений со спиральными бронзовыми височными кольцами и керамикой, сходной с найденной в курганах эпохи бронзы близ хутора Войцеховки на Волыни. К сожалению, в отчете не освещен вопрос об отношении между трипольскими домами и погребениями.

Несомненный интерес представляет работа Е. Ю. Кричевского «Раскопки в Коломийщине и проблема трипольских площадок». Автор собрал и проанализировал весь доступный материал по раскопкам трипольских поселений и пришел к выводу, что подавляющее большинство открытых трипольских площадок — это остатки жилых домов; он выделил также порайонные типы трипольских жилых сооружений. Наконец, намечились и хронологические стадии в истории трипольского домостроительства. Наиболее древние поселения имели только полуземлянки, очажные и складские ямы. Для классического Триполья характерны дома, остатками которых являются площадки. Конец трипольского времени характеризуется заменой этих домов одноочажными полуподземными жилищами, часто лишенными признаков постепенного разрастания и парносемейного деления группы обитателей. Очевидно, возникают новые формы общественных связей, существенно отличные от принципов, представленных площадками.

Нет оснований не принять в общем выводы, сделанные Е. Ю. Кричевским. Однако не всегда у автора критика представителей других взглядов на трипольские площадки вполне основательна; происходит это оттого, что в самом «эталоне» критики — в Коломийщинских раскопках — есть, несомненно, один пробел. Скрупулезное изучение плана площадок и стратиграфия полов стоят в центре внимания исследователей, профилю же придается второстепенное значение. За исключением Т. С. Пассек, ни один из исследователей даже не опубликовал профилей своих площадок и других жилых сооружений. Между тем, обнаружить детали стен, например, Т. С. Пассек удавалось часто только при помощи профилей. Кроме того, невнимание к профилю сказалось и в том, что никак не отражен в чертежах профиль толщи чернозема, перекры-

вшего площадку. Все исследователи считают, что часть этого чернозема является переработанной, гумированной глиной необожженной обмазки стен. Надо думать, что в достаточном количестве профилей можно найти этому подтверждение.

Мы остановились на этом вопросе, связанном с реконструкцией стен трипольских домов, потому, что он имеет очень большое значение в опровержении прежних взглядов на площадки как на ритуальные или погребальные сооружения. Хотелось, чтобы наши авторы были еще лучше вооружены при обосновании своих выводов.

Химико-технологические данные, опубликованные О. А. Кульской по глиняной трипольской посуде и обмазке домов Коломийщины, помогают установить местное происхождение глины, применявшейся трипольцами.

Изучение строительных материалов Триполья, предпринятое О. А. Кульской и Н. Д. Дубицкой, установило, что при строительстве трипольских домов, особенно основания пола и стен, применялась предварительно обработанная и обожженная глина различного состава, что свидетельствует об известной дифференцированности навыков древних архитекторов.

Опубликованные в сборнике материалы имеют большое значение. Богатство иллюстраций делает выводы авторов убедительными. Эти выводы заставляют совершенно иначе смотреть на трипольские поселения и культуру древнеземледельческого населения Украины.

Проф. С. В. Киселев

**«МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР»,
выпуск VI — Этногенез восточных славян, т. I. Под ред. М. И. Артамонова, М.-Л., 1941.**

Сборник статей, написанный ленинградским коллективом археологов, посвящен происхождению восточных славян и представляет значительное явление в нашей исторической литературе. Статьи сборника очень неравноценны: одни являются мелкими публикациями, важными лишь как материал для дальнейших работ, другие же — законченными историческими исследованиями с широкими обобщениями. К числу последних относится открывающая сборник статья П. Н. Третьякова «Северные восточно-славянские племена».

Основные положения данной работы были опубликованы автором ранее в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры».

Статья начинается с обзора древностей южных племен, с полей погребения, затем устанавливается наличие северного варианта этой культуры в Полесье и на Смоленщине, отмечается генетическая связь полей погребения со скифами. Шаг за шагом автор проходит всю территорию Северо-восточной Европы, отмечая особенности каждого отдельного общества, изучая керамику, украшения, погребальный обряд. В результате получилась интереснейшая карта локальных культур в первые века нашей эры. Сведение воедино благодаря этой карте отдельных местных отличий позволило представить процесс формирования отдельных племенных союзов.

Особенно важно разложение суммарного понятия «Дьяковская культура» на ряд отдельных областных культур. К середине I тысячелетия н. э. эти локальные различия стираются, и на дьяковской территории появляются две большие группы — верхнеднепровская и верхневолжская — с глубокими различиями в погребальном обряде. Эти две группы дали две разные линии этногонического развития — славянскую и чудскую. Различие прослеживается и в инвентаре и в керамике.

Анализируя область славянского этногенеза, П. Н. Третьяков попутно высказывает ряд интересных соображений, которые в дальнейшем могут быть развиты в специальные работы. Таковы этюды о черной лощеной керамике и ее появлении на севере; таковы гипотезы об отмирании городищ или о происхождении курганов.

Центральным местом исследования П. Н. Третьякова является выделение по археологическому материалу племенных территорий, соответствующих летописным кри-вичам, словенам, вятичам, северянам и др.

Заслуга автора состоит в том, что он по следам А. А. Спицына занялся поисками более ранних источников, чем привлекавшиеся обычно курганные древности X—XIII веков. Начатая А. А. Спицыным работа по картографированию сопок, длинных курганов, ранних курганов с сожжением в ящиках и др. продолжена П. Н. Третьяковым.

Очень интересны соображения автора о принадлежности раменской культуры северянам, о древних вятических курганах с трупосожжениями, группирующихся только в той части течения Оки, где летопись упоминает вятические города. Напомню, что археологическая территория вятичей, по А. В. Арциховскому, значительно шире.

Весьма любопытны наблюдения автора над колонизационным движением северных племен из области Ильмена сначала на Мологу, Шексну и Белоозеро, а оттуда к Ярославлю и на юг, к Ростову и Суздалью. Большое значение имеет установление связи славян с чудскими племенами Северо-востока.

Вообще вся статья П. Н. Третьякова представляет прекрасный образец синтетического исторического исследования, в котором автор привлекает огромное количество новых, свежих источников. Он одинаково силен и в скрупулезном анализе отдельных вещей и в широком, смелом обобщении фактов. Именно эта сторона, это умение связать в систему бесчисленное множество отдельных археологических явлений, эта широта постановки вопроса в сочетании со строгой документированностью каждого положения и привлекает в работе П. Н. Третьякова. Его «Северные восточно-славянские племена» значительно опередили все работы Спицына на эту тему. Наша историческая наука обогатилась очень серьезным, ярким и свежим трудом, который во многих областях определяет направление будущих исследований в ближайшие годы.

Как каждая большая работа, статья П. Н. Третьякова не свободна от спорных положений, но те замечания, которые будут приведены ниже, никак не могут повлиять на общую оценку этой важной итоговой работы одного из крупнейших советских археологов.

Прежде всего вызывает возражение упорно повторяемое автором положение, что курганные инвентари негодны для выяснения племенных границ. «Выяснилось, — пишет автор, — что памятники XI—XIV веков материалом для изучения племен «Повести временных лет» служить не могут» (стр. 37). Это еще далеко не «выяснилось». Дискуссия на эту тему на страницах «Советской археологии» между П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским вовсе не решила вопроса в пользу первого.

Височные кольца, которые П. Н. Третьяков считает продукцией крупных феодальных центров, на самом деле производились мелкими деревенскими мастерами, район сбыта которых был микроскопически мал — 10—15 километров (см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Автореферат, «Известия ОИФ», 1944, № 1). Единство типа украшений объясняется не единством производства в какой-то гипотетической мастерской, а устойчивостью племенных связей.

Семилопастные и семилучевые височные кольца типичны для территории вятичей и радимичей, хотя для XI—XII веков мы и не вправе употреблять эти названия в их первичном смысле. Племенные союзы как организации исчезли, а этнографическое единство данной группы племен сохранилось и в XII веке и значительно позднее. В некоторых случаях древние границы племенных союзов сохраняются вплоть до наших дней и прослеживаются по деталям костюма, по диалектам, по особенностям обрядов и по другим этнографическим признакам. Устойчивость этих границ объясняется тем, что естественными рубежами летописных вятичей, кривичей, древлян, дреговичей были лесные массивы, болота, необитаемые пустыри, устанавливавшие пределы консолидации племен. Пренебрегать отличиями в костюме и бытовой обстановке по разные стороны этих рубежей мы не имеем права даже для XX века, не говоря уже об эпохе XI—XIV веков, вплотную примыкавшей к той поре, когда вятичи и кривичи были еще живым органическим целым. Спицынскую карту археологических типов надо

наложить на детальную карту ландшафтных зон, тогда картина станет отчетливой.

Так, браслетообразные височные кольца считаются характерным признаком кривичей. И действительно, они встречаются в Псковской земле, в Полоцкой, Смоленской и Суздальской. Словенам новгородским обычно приписывают ромбоштитковые височные кольца. П. Н. Третьяков возражает против этого на том основании, что они более поздние, т. е. того времени, когда, по его мнению, уже невозможно уловить следы былых границ.

Но нанесем на карту ромбоштитковые кольца. Они займут Псковскую землю и пограничье с Водской Пятиной, Смоленскую и Суздальскую. Одним словом, везде, на всем протяжении своего бытования, ромбоштитковые кольца налегают на браслетообразные. Их ареалы совпадают.

Мало того, наложив эти две карты на чернягинскую карту длинных курганов, мы увидим поразительное совпадение: браслетообразные кольца X—XII веков и ромбоштитковые XII—XIII веков полностью графически совпадают с кривическими длинными курганами. Как показали исследования антрополога Н. Н. Чебоксарова, в эти границы вписывается определенный антропологический тип (светлопигментированные брахикефалы). Можно ли пренебрегать этими совпадениями?

Точно так же, когда речь идет о северянах, П. Н. Третьяков опять отбрасывает материал XI—XII веков, поэтому оказывается бессилем очертить границу северян. Четкое картографирование типов вещей и типов погребений, сопоставление с современными этнографическими, диалектальными и антропологическими картами может дать в будущем не только уточненные границы племен «Повести», но и границы тех мелких племен, из которых исторически сложились кривичи, вятичи, северяне.

П. Н. Третьяков был пионером в деле изучения первичной истории русских племен; он доказал, что есть археологические материалы более ранние, чем те, которыми оперировали до сих пор, но он неправ, когда начисто отвергает материалы XI—XIV веков. Не материал этой эпохи плох, а плоха разработка этого материала. Но как только мы начинаем строго и скрупулезно изучать «поздние» материалы, мы тотчас же ощущаем их полноценность.

Говоря о «северном» типе больших курганов с сожжениями близ Чернигова, автор упустил из виду большое количество южных степных элементов в костюме и бытовом инвентаре таких курганов, как «Черная могила» и «Гульбище».

Анализ сведений «Повести временных лет» о племенах неполон. Надо было сопоставить их с западно-славянскими данными о племенах и союзах племен, над было подвергнуть анализу данные и Константина Багрянородного и особенно баварского географа IX века. Желательно также нанесение на карту всех летописных географических данных о племенах. Особенно интересны сведения середины XII века о вятичах и о замечательном походе Изяслава Мстиславича в 1128 г. на кривические города. В последнем случае летопись дает нам много юго-западных кривических городов — Изяславль, Борисов, Логайск, Друтеск, которые и по археологическим данным отделяют кривичей от дреговичей.

Проводя специальную разведку по Оке и Угре, раскапывая городище близ Угры, П. Н. Третьяков упорно называет его Спас на Угре, тогда как это городище — летописный Воротыньск, что крепко держится в памяти местного населения и даже подтверждено существованием поблизости села железнодорожной станции Воротыньск.

Изучая северные русские племена, автор почему-то исключил из своего обзора полочан и дреговичей, тогда как по всем признакам их надо рассматривать в этой связи. Особенно это относится к полочанам.

Возможно, что многие недоразумения разъясняются в другой работе автора — «Архангельские памятники древнерусских племен», но она не была мне доступна.

*

Работа Я. В. Станкевич «К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X веках» посвящена очень важному вопросу об этнической

принадлежности ярославских курганов. Варяжская теория в лице ее различных представителей (Тихомиров, Арно Нерман, П. П. Смирнов) сильно запутала решение этого вопроса. Тенденциозное использование археологического материала нередко приводило к грубым искажениям истории. Отдельные скандинавские вещи, случайные аналогии, некритически воспринятый летописный текст — из таких элементов слагался фундамент варяжской теории.

Давно уже назрела необходимость суммировать и оценить весь археологический материал, относящийся к варягам. Я. В. Станкевич очень солидно подошла к решению этого вопроса. Обращая большое внимание на датировки предметов и типов погребений, изучая данные старых раскопок и производя новые, самостоятельные контрольные раскопки, она сумела нарисовать правдивую и научно обоснованную картину дружинного быта в Поволжье. Эта картина далека от полноты, но автор и не ставил себе слишком широких задач, ограничивая себя в этой статье исследованием материала двух могильников — Михайло вского и Тимиревского.

Автору удалось установить, что славянское население Ярославля близко к Белоозерью и Новгороду, откуда, по всей вероятности, и шла колонизация на Верхнее Поволжье.

Курганы с трупосожжениями близки к сопкам новгородских словен. В IX—X веках наблюдается разделение погребений на бедные и богатые.

Установлено, что восточные связи Поволжья завязываются раньше, чем западные. Привоз восточных вещей предшествует появлению здесь скандинавских изделий. Это говорит о том, что варяги появились на Волге, привлеченные богатой торговлей, которую вело местное славянское население с Востоком.

Интересно прослежены брачные связи у мужчин-славян; жены часто были из мерянских племен. В XI веке мерянский элемент исчезает.

Я. В. Станкевич надо пожелать дальнейшей успешной работы над аналогичным материалом, которая впоследствии может вылиться в обобщающую тему «Археологические данные для решения варяжского вопроса».

*

П. А. Сухов опубликовал данные об одном из городищ IX—X веков на южном берегу Белого озера. Район Белоозера богат исключительно интересными памятниками. Где-то на северном берегу, возможно, находился древний племенной центр Весу, на южном берегу — два городища, связанных со славянским населением. Каждое уточнение наших сведений об этом интереснейшем округе важно для понимания ранней истории славян в Белоозерье.

*

Большой интерес представляет опубликованная в сборнике работа Н. Н. Чернягина «Длинные курганы и сопки». Русская археологическая наука не избалована систематическими сводками древностей. А. А. Спицын, методически собиравший материалы по всем эпохам, старался по мере сил публиковать сводные работы с картами; ему принадлежит и первая публикация географического распределения сопок и длинных курганов. Но эта первая карта чрезвычайно далека от той, которая составлена Н. Н. Чернягиным. Вместо отдельных разрозненных групп здесь даны сотни пунктов, и карта носит почти исчерпывающий характер.

Работа Н. Н. Чернягина обобщает наши знания в области чрезвычайно интересных и важных археологических памятников. Длинные курганы и сопки — это редчайший случай в славянской археологии, когда один только внешний вид погребального сооружения позволяет делать ряд существенных выводов. Для большинства областей характер и племенная принадлежность погребения определяются только раскопками кургана. Здесь же без раскопок достаточно одного обмера кургана, чтобы отнести его к той или иной группе. Длинные курганы — это коллективные родовые погребения. Каждое новое погребение совершалось рядом с предшествующим, и поэтому курганы разрастались в длину. Хоронили в этих курганах сожженные кости и остатки одежды.

Сопки были такими же родовыми усыпальницами, но разрастались они не в длину, а в высоту. Таким образом, внешний вид кургана сразу определял способ погребения. Нанесение на карту этих двух видов курганов привело к исключительно важным историческим выводам.

Длинные курганы встречены в Псковской земле, в Полоцкой, вокруг Смоленска и отчасти на Верхней Волге. Это — историческая область кривичей; она включает и полочан. Тем самым решается давний спор об их отношении к кривичам. Продвижение кривичей на Волгу и колонизация мерянских земель отмечены отдельными находками длинных курганов.

Сопки встречены вокруг озера Ильмень, на Ловати, Шелони, Луге, Мсте. По Волхову они доходят до Ладоги. На востоке сопки переходят Мсту и Тверцу и распространяются до Мологи.

Все эти области — это пятины Новгородской земли. Сопки — курганы словен. В очень малой степени перемешаны словены и кривичи; в основном оба ареала не совпадают. В области кривичей словенские сопки встречаются только под Псковом; есть они и на волоке между Двиной и Днепром; с другой стороны, кривические курганы заходят пятнами на восток (на Ловати, близ верховьев Волги и кое-где еще).

Замечательная карта двух славянских племен VI—IX веков — словен и кривичей — обрисована Н. Н. Чернягиным при помощи изучения погребального обряда.

Далее предстоит работа по изучению хронологии курганных инвентарей, выявлению связей с Югом, выяснению направления перемещений. Надо попытаться уловить разницу между словенами и кривичами не только в способе погребений, но и в инвентаре.

Карта Н. Н. Черягина, несомненно, принесет большую пользу при изучении кривичей и словен.

*

Статья Н. Н. Воронина «Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке» чрезвычайно интересна по обилию и разнообразию привлеченного материала. У автора мы видим очень осторожное, критическое отношение к источникам. В центре его внимания стоит позднее сказание о культе «лютого зверя» — медведя в селении «Медвежий угол» на устье Которосии, где позднее возник город Ярославль. Медведь отождествляется с Волосом (Велесом), которого автор считает племенным богом словен новгородских. В сказании говорится о приезде Ярослава Владимировича на Волгу, о защите им от местных жителей купеческого каравана и о травле его медведем. Ярослав убил медведя, построил на этом месте церковь Ильи и заложил город Ярославль.

Автор сопоставляет основную канву сказания с историческими событиями 1024 (поход Ярослава Владимировича против волхвов) и 1088 гг. (поход его внука Ярослава Святославича на Волгу) и привлекает обильный фольклорный и археологический материал.

Приводя описания медвежьего праздника, Н. Н. Воронин пользуется очень широкой этнографической литературой; здесь мы встречаем и гиляков, и айнов, и шведов. Автор уловил многие общие черты культа медведя у разных народов, но он совершенно не затронул медвежий праздник у восточных славян, так называемую «комоедицу». Между тем белорусские «комоедицы» являются очень интересным вариантом медвежьих празднеств со многими архаическими чертами. Медвежий праздник у белорусов проводился в канун благовещенья (24 марта), когда кончалась зимняя спячка медведей. Устраивался специальный обед из любимых кушаний зверя: сушеный репник, овсяный кисель, гороховые «комы» (отсюда и название «комоедицы»). Мужчины надевали кошку шкурой вверх и начинали медленные танцы, состоящие из движений, подражающих движениям пробуждающегося медведя. Пир в честь хозяина леса и медвежьих танцы должны были облегчить ему весеннее пробуждение. Любопытно отметить крайне архаичный состав кушаний: репа, овес, горох.

Н. Н. Ворониным привлечен важный археологический материал — глиняные лапы и кольца, находимые в северных курганах. Кроме предложенного автором объяснения (стр. 166), что кольца — это гривны, можно допустить еще одно толкование:

глиняные кольца — это «баранки» (они и по размерам одинаковы с обычными баранками из теста), т. е. символическая замена барана. Кольца из теста или глины — это бараньи рога, поэтому на них и перешло название «баранка».

Некоторую натяжку допускает Н. Н. Воронин в толковании слов «мечта» и «мятеж» (стр. 182). Слово «мечта» (часто с эпитетом «бесовская») означает вздор, исступление, нечто вроде камлания; слово же «мятеж» далеко не всегда означало социальное движение, а чаще всего — толкотню и связано с корнем «мять» — жать, толкать.

Автор преувеличивает значение восстаний в XI веке. «Волхвы поднимали восстания таких масштабов, которые потрясали всю империю Рюриковичей и ускоряли ее распад» (стр. 184). Волхвы тянули назад к родовому строю, а «золотой век родового строя являлся разительной антитезой раздираемого антагонизмом общества XI века» (стр. 186). Когда для доказательства таких широких выводов приводится слово «мятеж», неправильно понятое автором, то у читателя невольно создается впечатление диспропорции между фактической основой и социологическими выводами. За исключением такого рода увлечений социологическими обобщениями, работа Н. Н. Воронина приятно радует читателя солидностью исследования.

*

Работа И. И. Ляпушкина «Славяно-русские поселения IX—XII веков на Дону и Тамани по археологическим данным» посвящена очень интересной проблеме славянского населения на юго-востоке Европы. Автор привлекает разнородные источники — археологию, показания арабских географов и данные русской летописи. К сожалению, изучение всех этих источников ведется с предвзятой мыслью. И. И. Ляпушкин стремится во что бы то ни стало доказать, что славянский элемент на Дону и Кубани появляется только после походов Святослава, во второй половине X века.

Понимая славянский элемент только как комплекс вещей, аналогичных киевским или черниговским вещам великокняжеской поры, автор слишком упрощает проблему. Изучение длительного и сложного этногонического процесса у варварского населения Восточной Европы сведено к очень несложному вопросу: однородны ли древности Приазовья V—VIII веков с древностями Приднепровья и Поволжья или нет?

Необходимо ставить вопрос так: могли местные варварские племена земледельцев Кубани и Дона принимать участие в формировании ядра славянской культуры или нет? вливалось кочевое население степей в какой-то мере в общий котел славянского этногенеза или нет?

Следы антов на Боспоре в IV веке, прослеженные А. Л. Погодиным, наличие термина «ант» (в смысле «богатырь») в фольклоре северокавказских народов, связь антов с Приазовьем (Меотидой) в описании Прокопия Кесарийского; загадочная на первый взгляд и понятная лишь в свете древних связей Днепра, Боспора и Кавказа тождественность легенд об основании Киева и Куара; древние абхазо-русские связи, прослеженные Н. Я. Марром, и, наконец, многочисленные археологические аналогии, связывающие Приднепровье с Приазовьем и Кубанью, — вот перечень тех материалов, которые подлежат обязательному пересмотру при решении основной научной проблемы о времени и формах «появления» славян на Дону и в Тмутаракани. Думаю, что здесь будет правильнее говорить о распространении сферы первоначального этногенеза славян-антов на Приазовье и Подонье, чем о «переселениях» и «внедрениях» их в позднейшее время.

Большой заслугой М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина является выяснение истории Саркела и Саркельского некрополя, но сводить весь вопрос о славянах на юго-востоке Европы только к переселению определенных групп городского населения едва ли следует.

Работа И. И. Ляпушкина должна быть продолжена так, чтобы охватить еще одно тысячелетие; только тогда историческая перспектива может быть восстановлена правильно.

Исследование М. А. Тихановой «Культура западных областей Украины в первые века» посвящено очень важной проблеме изучения славян в римское время. Поля погребений в западнорусских областях, изученные по преимуществу польскими археологами, очень важны для проблемы этногенеза славян.

Глубокая эрудиция автора позволила провести ряд интересных сопоставлений западных материалов с приднепровскими. Чрезвычайно любопытны сопоставления гончарных горнов Польши и Волыни. М. А. Тиханова доказала, что на Украине в первые века н. э. существовали горны для обжига посуды. Интересны ее экскурсы в область керамического орнамента. В отличие от И. И. Ляпушкина она правильно оценивает значение линейно-волнистого орнамента в определении славянских элементов в керамике. Работа М. А. Тихановой содержит ценные сведения и по нумизматике и по эпиграфике.

Наряду с анализом Липицкой и Пшеварской культур в статье рассмотрен также и исторический материал о дакийских, венгерских и бастарнских племенах. Можно пожалеть, что к статье не приложена карта распределения Липицкой культуры и прилегающих областей.

Обзор культуры западных областей Украины проведен автором на очень широком сравнительном материале. Статья представляет большой интерес как для археологов, так и для историков.

*

Обширная библиография работ, посвященных знаменитому збручскому изваянию, пополнилась статьей Ф. Д. Гуревич «Збручский идол». В ней дан очерк истории исследования этого памятника от Срезневского и Леневиля до Янины Соколовской и А. А. Захарова.

При наличии двух последних сводок, дающих и дополнительный материал о новых находках в этих же местах и подробную библиографию, характер статьи Ф. Д. Гуревич становится несколько неясным. Как сводка материала она не полна — пропущена, например, сводная работа Н. Е. Макаренко с подробной библиографией. Если же это — исследование, то автору следовало высказать свою точку зрения на ряд вопросов, связанных с языческой пластикой у славян, подвергнуть разбору теорию Захарова, а не просто излагать ее.

Непонятны и публикации штриховых рисунков четырех граней идола, так как на них очень многие детали, хорошо известные по старым публикациям, совершенно не показаны. Отсюда проистекает ряд ошибок автора в расшифровке сюжетов.

Мне представляется возможным, исходя из данных, заключавшихся в самих изображениях, ответить на ряд спорных вопросов: 1) происхождение збручского идола; 2) датировка его; 3) установление главной, лицевой грани.

Первый из этих вопросов явился предметом статьи А. А. Захарова, *The Statue of Zbruch, «Eurasia septentrionalis antiqua»*. На основании форм оружия и головных уборов Захаров приходит к выводу, что збручский идол не славянский, а тюркский. В анализе оружия он опирался на тенденциозную работу В. В. Арендта в «*Mannus*». Арендт, изучая русское оружие, отбирает из исследуемого материала то, что отвечает его воззрениям на несамостоятельность русского оружейного дела, и оставляет без внимания ряд местных форм мечей и палашей. В качестве примера укажу на великолепный палаш из Киева. Палаш украшен вкладной бронзовой полосой, рукоять его изогнута по отношению к клинку. Дата его — X век. Если мы приглядимся к киевскому палашу и к «сабле», подвешенной к поясу мужского божества збручского изваяния, то обнаружим чрезвычайно большое сходство между ними. Изогнутость збручской сабли — результат действия, скривившего линию резца скульптора, а не изображение искривленного оружия. Наконечник ножен округлый, что всегда сопутствует прямому, а не изогнутому клинку. Рукоять збручского палаша, как можно разглядеть на фотографии Краковского музея, украшена звериной головой. На киевском палаше эта деталь не сохранилась. Среди коллекций Киевского исторического музея есть клад,

найденный в 1912 г. в Переяславле, в составе которого имеется навершие какой-то рукояти в виде звериной морды; по размерам и по углу загиба она вполне соответствует рукоятки оружия и позволяет реально представить общий облик однолезвийного меча-палаша. Дата этого клада: X—XI века. Таким образом, бытование на Руси в X веке мечей-палашей подтверждается археологическими находками¹.

Одно из збручских божеств имеет в руке рог. У тюркских скульптур мы никогда не находим такого атрибута, тогда как у всех славянских богов рог является обязательной принадлежностью. Вглядимся в изображение рога на збручском идоле. Устье его отделено от тулова чертой, отмечающей оковку. Окованные серебром туры рога известны в Чернигове, Гнездове, Приладовье, Шестовицах, в курганах X века. В середине тулова рога виден вырезанный резцом ромб. Точно такие ромбические накладки имеют знаменитые туры рога из Черной могилы (вторая половина X века). Узкий конец збручского рога имеет небольшое расширение; рог, найденный Ригельманом в 1852 г. в кургане «Княжны Черны», имеет на конце серебряную головку орла. Таким образом, збручский рог имеет оковку устья, ромбические накладки и оковку рожка, т. е. все детали, позволяющие отождествлять его с русскими древностями X века.

Давно уже отмечалось (на это указывает и Ф. Д. Гуревич), что тюркские каменные бабы никогда не изображались многоликими, между тем как для славянских богов многоглавство обычна.

Шапка збручского идола — обычная русская княжеская шапка, хорошо известная по разным изображениям с XI века. Отдаленная восточная аналогия, привлеченная А. А. Захаровым, совершенно неубедительна. Все это свидетельствует о том, что збручский идол, найденный в славянской земле, снабженный типичными славянскими вещами, мог быть изваян только славянским скульптором для славянского языческого храма. Датировка его уже предрешена помещением выше перечнем аналогий в русских древностях X века. Эпоха Игоря и Святослава, когда дружинники клялись оружием у своих идолов, когда бог грозы превратился в бога войны и покровителя дружин, — эта эпоха и должна считаться наиболее вероятным временем постановки величественного идола, увенчанного княжеской шапкой и снабженного мечом.

Последний вопрос относится к содержанию изображения. Можно вполне согласиться с давно установившимися взглядами, что перед нами на каменных гранях изваяния изображена вся славянская космогония: небо, населенное богами, земля с ее людьми и пекло с пекельными духами.

Неясно, почему Ф. Д. Гуревич считает средний пояс состоящим из четырех изображений женщин. Явно выраженный женский облик имеется только у двух фигур, и эти фигуры строго соответствуют женским же фигурам верхнего (божественного) пояса. Автор напрасно разрывает тесную связь между верхним и нижним ярусом. Мужскому божеству на небе соответствует на земле мужчина, женскому божеству — женщина (в одном случае — с ребенком).

Кто же из четырех богов был главным? И можно ли вообще говорить о выделении одного божества?

Мне думается, что мы можем получить определенный ответ. Если бы все четыре божества были равны и все грани равноценны, то это равенство четырех граней можно было бы проследить на всех трех горизонтальных членениях. Между тем нижний ярус определенно ориентирует нас. Одна грань совершенно пуста, противоположная изображает «пекельника» — атланта, поддерживающего землю. Пустая грань, очевидно, была прислонена к какой-то опоре; над ней находится самое бедное изображение бога, без всяких атрибутов. Таким образом определяются задняя сторона изваяния (с пустой гранью в нижнем поясе) и его передняя, основная сторона, противоположащая пустой грани.

¹ Между прочим, форма рукояти палаша, приспособленная для конной рубки, уже в X веке повлияла на изменение русскими оружейниками тесной и неудобной для конного боя рукоятки каролингского меча, где рука сдавлена между навершием и огнивом. Русскую переделку общеевропейской формы мы видим в мече из Черной могилы.

На лицевой стороне изображена богиня с рогом в руке, а у ее ног на земле — женщина с дитятей, а еще ниже «пекельник» чернобог (?). По левую руку от великой богини — вооруженный всадник (как на ритуальных вышивках), а по правую руку — женщина с кольцом.

Размеры рецензии не позволяют мне подробнее остановиться на разборе збручских изображений. Этот памятник достоин специальной монографии, которая даст не только историческую сводку, но и детальный, разносторонний анализ этого уникального произведения русской скульптуры. Надо надеяться, что такое исследование выйдет из-под пера той же Ф. Д. Гуревич, которая хорошо знакома со всеми материалами по збручскому идолу.

Том «Этногенез восточных славян» в целом представляет ценный вклад в археологическую науку. Его украшением является работа П. Н. Третьякова, которая по своему научному значению и объему значительно переросла рамки статьи и в будущем должна быть напечатана отдельной монографией.

Сборник хорошо издан, снабжен четкими иллюстрациями и надолго будет служить настольной книгой для археологов, историков и этнографов, работающих над изучением вопроса о славянах.

Б. А. Рыбаков

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ. *История и культура Урарту*, изд. Академии Наук Армянской ССР, 1944.

Б. Б. Пиотровский сделал ценный вклад в историю древнего мира и историю народов СССР, для которой Урартское царство, оказавшее столь мощное воздействие на Закавказье, представляет весьма большой интерес. Советская историография до сих пор, к сожалению, еще не богата трудами, посвященными истории и культуре Урарту.

Правда, автору принадлежит несомненная и большая заслуга выпуска еще в 1939 г. книги «Урарту, древнейшее государство Закавказья» (изд. Гос. Эрмитажа, Ленинград), в которой он дал краткий, но содержательный очерк истории и культуры государства, бывшего долгое время грозным врагом великого Ассирийского царства.

Уже эта небольшая книга свидетельствует об обширных и глубоких познаниях автора в археологии и истории Закавказья и соседних областей Кавказа и Ближнего Востока. Книга получила положительную оценку в обстоятельной рецензии Е. И. Крупнова на страницах «Вестника древней истории» (1940, № 2/11). Рецензент, отдавая должное и знаниям и исследовательскому таланту автора, все же указывает, что «автор не дал никакого аппарата и даже не указал минимума литературы к каждой главе».

В своем новом труде Б. Б. Пиотровский полностью выполнил пожелание рецензента. Если мы в монографии 1939 г. находим лишь краткий очерк исследования памятников, являющихся основными источниками по истории Урарту, то в последнем труде автора мы имеем две обстоятельные главы, посвященные описанию постепенного углубления европейской науки в историю Ванского царства и характеристике источников истории Ванского царства.

В главе «История изучения Ванского царства» дан детальный и исчерпывающий историографический очерк литературы по обследованию памятников, по истории и культуре Урарту, начиная с первых десятилетий XIX века вплоть до самых последних лет. Автором использована как зарубежная, так и советская литература. Особо следует отметить, что автор смог привлечь и те статьи и исследования, которые армянские ученые, изучающие древнейший период своей родной страны, писали на армянском языке. Таким образом, уже первая глава создает полную уверенность в том, что большой труд Б. Б. Пиотровского, являющийся ныне основным трудом по истории и культуре Урарту, отражает в полной мере все достижения современных научных знаний.

Вряд ли кто-нибудь из специалистов по истории древнего Востока мог бы прибавить что-нибудь существенное к историографическому материалу, приведенному автором. Мои замечания к этой ответственной главе ограничиваются лишь двумя несущественными добавлениями. Обзор блестящих археологических открытий в области Ассирии надо было бы завершить указанием на открытие Куюнджикского архива, пролившего, как это доказал сам автор, столь яркий свет на историю Ванского царства. В примечании на стр. 12 надо указать, что в «*Revue d'Assyriologie*» был напечатан М. Церетели ряд статей, озаглавленных «*Etudes ourartiennes*», а не только одна (в т. XXXIII, 1936, стр. 177—141).

В главе «Источники изучения Ванского царства» мы имеем адекватную характеристику источников всех родов, которые в той или другой степени могли бы пролить свет на историю и культуру Урарту. Автор, конечно, прав, когда он объявляет (стр. 23) «основным ориентирующим источником изучения древнего Ванского царства» ассирийские памятники. Опираясь на свидетельства ассирийских надписей, автор устанавливает абсолютную хронологию правления урартских царей (стр. 36—38).

С прекращением ассирийских надписей в конце VII века установленная автором датировка последних царей Урарту, правивших в последние годы существования Ассирийского царства и после падения Ассирийской державы, приобретает несколько условный характер. Поэтому новые археологические открытия могут принести в этом отношении много неожиданного. Вместе с тем мы должны согласиться с автором, что «при современных знаниях приведенная таблица представляется наиболее правдоподобной» (стр. 38).

Эта глава вызывает лишь несколько мелких замечаний. Желательно отметить (стр. 24) находку в Топрах-кале единственной пока клинописной глиняной таблички. Надо указать (стр. 26), что при расшифровке топонимических названий урартских надписей сопоставление древних названий со средневековыми или современными может дать положительный результат лишь при определении локализуемой страны еще путем изучения самого текста. Желательно дать (стр. 30) наряду с русской транскрипцией и греческий оригинал названия озера Ван Страбоном (XI, 522) Θωπίτις. Полагаю, что прообразом легендарной царицы Шамирам, о которой повествует Моисей Хоренский, не является ассирийская царица Шамурамат, современница урартского царя Менуи, сына Ишпуины (810—781), как утверждает автор (стр. 34, 68, 143). Несомненно, мы имеем в легенде о царице Шамирам не только отзвук деяний ассирийской царицы Шамурамат, но и наследие древних мифов Урарту и соседних областей Передней Азии и Закавказья.

Продолжением главы, посвященной источникам изучения Урарту, являются по существу глава IX — «Раскопки в Ване» и глава X — «Раскопки крепости на Кармир-блуре». Эти две главы дают обстоятельное описание результатов тех раскопок, которые по сие время были произведены пока лишь в двух пунктах территории древнего Урартского царства. Одним из этих пунктов был Ван, где находилась в древности столица царства Урарту — город Тушпа. Автор в главе IX знакомит нас с археологическим изучением Ванской скалы и высот Топрах-кале, начиная с работ так трагически погибшего молодого французского ученого Шульца и кончая русской археологической экспедицией 1916 г., руководимой Н. Я. Марром. Яркое описание посвящено открытию И. А. Орбели в 1916 г. на северном склоне Ванской скалы громадной каменной стелы, содержавшей анналы царя Сардура, сына Аргишти, — одной из самых значительных и по объему и по содержанию урартских надписей. Если глава IX была посвящена истории археологического изучения самого центра Ванского царства, то глава X дает описание раскопок, произведенных на далекой северной окраине его. Для сугубо научно-исследовательского труда эта глава о раскопках крепости на Кармир-блуре, холме у Еревана, имеет особенно большое значение. В этих раскопках, произведенных совместной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, Комитета охраны исторических памятников Армении и Армянского филиала Академии Наук СССР с 1939 г. вплоть до 26 июня 1941 г., сам Б. Б. Пиотровский играл весьма существенную роль. Он в течение трех археологических кампаний руководил работами

экспедиции Эрмитажа и участвовал в выработке единого плана, согласно которому названные учреждения вели раскопки. Б. Б. Пиотровский, один из лучших знатоков древнего Закавказья, обладающий, несмотря на свои молодые годы, многолетним стажем археологической полевой работы, был прекрасно подготовлен к решению той ответственной задачи, которая стояла перед ним.

Автор сам подчеркивает, что необходимость раскопок крепости на Кармир-блуре обусловили «прекрасная сохранность крепости, ненарушенность основного культурного слоя и полное отсутствие в некоторых частях более поздних остатков, перекрывающих урартские» (стр. 158). Он и его товарищи по экспедиции полностью оправдали то большое доверие, которое им было оказано, и раскопки городища на Кармир-блуре были произведены в подлинном смысле слова *lege artis* — того искусства, основы которого были созданы Н. Я. Марром, Б. В. Фармаковским и другими крупнейшими учеными нашей родины. Поэтому уже раскопки 1939—1941 гг., которые положили только начало исследованию Кармир-блуре, всесторонне обогатили наши знания истории и культуры Урарту и его закавказских владений.

Исследование большого здания на западном холме послужило основой для адекватной реконструкции фасада здания. Эта реконструкция (стр. 162) доказывает наличие в раскопанном дворце-крепости далекого Закавказья основных принципов древней переднеазиатской архитектуры. Раскопки здания на восточном холме сделали наше понятие об урартском строительном искусстве более ясным и четким.

Следуя своему великому учителю Н. Я. Марру, Б. Б. Пиотровский интересовался не только величественным дворцом исследуемого им древнего поселения, но и скромными жилищами народа, создателя основы жизни и благополучия обитателей дворцов. С такой же тщательностью, как и дворец на западном холме, был раскопан экспедицией Эрмитажа ряд небольших прямоугольных в плане жилищ, ютившихся у фасада западной стены дворца. Удел и этих скромных домиков, крытых ветками и прутьями, был тождественным судьбе пышного дворца: и домики и дворец погибли при внезапном нападении свирепых врагов, предавших их огню, а обитателей — мечу.

Среди предметов, найденных в помещениях дворца, мы имеем прекрасные образцы урартского искусства, значение которых было по достоинству определено и оценено Б. Б. Пиотровским, открывшим их для науки. Заслуживают внимания два больших декоративных щита из бронзы, фрагменты которых были найдены при более ранних раскопках. Очень удачно сопоставляет автор эти щиты дворца на Кармир-блуре со щитами, украшавшими храм в Мусасире, который был разрушен ассирийским царем Саргоном II в 714 г. Щиты мусасирского храма «блестели ослепительно», согласно свидетельству победной надписи ассирийского царя. Был раскопан и декоративный колчан из бронзы, украшенный восемью полосами с изображениями конных воинов и боевых колесниц. Автор несомненно прав, когда утверждает (стр. 166), что этот колчан существенно дополняет наши сведения по военной технике Урарту. В частности, колесницы урартского войска были до сих пор известны по клинописным текстам и по оттиску одной печати сравнительно плохой сохранности.

Очень интересным свидетельством религиозного синкретизма является одна из урартских печатей, найденная в восточном дворце. На ней можно различить знак бога Ашура — крылатый солнечный диск. Очевидно, и бог Халд, глава пантеона Урарту, почитался, подобно Ахурамазде Ахеменидов, в образе ассирийского бога Ашура. В том же восточном дворце был найден другой прекрасный образец урартского искусства — бронзовая статуэтка божества, вооруженного булавой и топором. Автор с полным правом определяет статуэтку как изображение бога войны — Тейшебы (стр. 172).

Находки в небольших жилищах около западного дворца знакомят нас с экономикой, ремесленным производством и бытом населения этой части Урартского царства. Из того факта, что здесь было найдено большое количество зерна (просо, ячмень, пшеница), автор вполне правильно заключает, что «в этой урартской крепости отчетливо наблюдается преобладание земледелия перед скотоводством» (стр. 181). На основании данных, добытых при раскопках, автор считает весьма вероятным факт изготовления пива из проса и даже объясняет самый процесс приготовления этого пива (стр. 180).

Он устанавливает также наличие виноградников и с большим остроумием определяет одно сооружение, открытое при раскопках, как относящееся к виноделию (стр. 182). Автор находит указания на знакомство населения со льном и с пряжей из шерсти (стр. 180—181). Он дает очень ценную характеристику многочисленной и чрезвычайно разнообразной керамике, найденной при раскопках Кармир-блуре. При раскопках установлены многочисленные образцы металлургического ремесла. Автор подчеркивает, что среди металлических предметов преобладают железные (стр. 185). Устанавливая большую близость железных предметов, найденных в могильниках Закавказья, с урартскими, при наличии существенных отличий между бронзовыми изделиями Закавказья и Урарту, Б. Б. Пиотровский приходит к важнейшему выводу, что «в Закавказье железо распространилось под влиянием урартов» (стр. 186).

Письменных памятников найдено, правда, на Кармир-блуре очень немного, но зато они представляют большой интерес. Весьма замечательная надпись была обнаружена на бронзовой подвеске (стр. 171), хранившейся вместе с другими мелкими предметами в берестяной коробочке, которая была обнаружена в одной из центральных комнат западного дворца. После очистки выступили на подвеске следы пятистрочной клинописной надписи. Первым знаком является идеограмма, соответствующая понятию «закливание». Эта идеограмма, часто встречающаяся в ассирийских текстах, впервые встречается в надписи, найденной в пределах Урартского царства. Можно, пожалуй, предположить, что надпись является и не урартской, а ассирийской. К сожалению, она сохранилась слишком плохо, чтобы решить данный вопрос, но и при таком состоянии эта подвеска имеет первостепенный научный интерес. Не менее интересны клейма с урартскими и иероглифическими знаками на сосудах, найденных и в западном дворце и в жилищах народа около дворца (стр. 183). Этот новый иероглифический материал из Кармир-блуре подкрепляет предположение автора, высказанное им еще в 1939 г. в книге «Урарту, древнейшее государство Закавказья», о наличии в Ванском государстве своего местного иероглифического письма.

В заключение обзора памятников, добытых раскопками на Кармир-блуре, автор останавливается на большом количестве бронзовых стрел скифского типа, которые по условиям своей находки, очевидно, принадлежали врагам, разрушившим крепость на Кармир-блуре (стр. 182). Из этого следует, что стрелки в войске, осаждавшем крепость наместника на Кармир-блуре, были вооружены скифскими стрелами.

Детальный анализ содержания главы X труда Б. Б. Пиотровского выявил все богатство нового исторического материала, который был добыт его раскопками крепости на Кармир-блуре.

Основная часть труда Б. Б. Пиотровского распадается на три части: на историю Урарту, очерк культуры Урарту и историю Закавказья в период господства Урарту.

Обстоятельному изложению связанной истории Урартского царства посвящены главы: «Древнейшие сведения и образование государства», «Поход Салманасара III против Урарту», «Урарту в конце IX века и в первой половине VIII века», «Поход Саргона против Урарту в 714 г.» и, наконец, «Последний период истории Урарту».

Переходя к разбору каждой из этих глав, я должен отметить, что в первой из них, трактующей о древнейших сведениях об образовании государства, автор поражает своим умением следить за новейшими достижениями такой чрезвычайно разветвленной востоковедной дисциплины, как ассириология. Автор отвергает (стр. 42) на основании последних ассириологических работ старое чтение названия одного из поселений, завоеванных ассирийским царем Тиглатпаласаром I, — «Урартинаш», которое сопоставлялось раньше, со всеми вытекающими отсюда выводами, с «Урарту». Вместе с тем он отвергает и положение о том, что Урарту первоначально находилось в юго-западной части Армянского нагорья.

Вообще заслуживает внимание мастерство, с которым автор, опираясь на лаконические свидетельства ассирийских надписей, восстанавливает древнейшую историю Урарту, лишенную еще надписей своих царей. Необходимо также отметить, что автор умеет столь же образцово, как свидетельства ассирийских надписей, использовать и интерпретировать изображения ассирийских рельефов. Яркий пример умения «чи-

тать» изобразительный материал мы находим на стр. 45. На основании изображений на рельефах знаменитых Балаватских ворот некоторые крупные исследователи делали чрезвычайно ответственный вывод о существовании среди урартов двух различных типов: одного — низкорослого, а другого — высокорослого. Автор полностью отвергает этот вывод указанием на то, что он проистекает «из явного непонимания основных принципов ассирийского искусства, в котором вся композиция вписывается в строго ограниченную полосу, и размер фигур оказывается определен их положением в композиции».

По отношению к этой главе о древнейшей истории Урарту я имею лишь одно замечание, правда, принципиального значения. Автор в своем увлечении полемикой с теорией Леманн-Гаупта о миграции урартов с Запада отрицает всякую возможность генетической связи урартов с народами Средиземноморья (стр. 49). Я полагаю, что примеры вполне допустимых сопоставлений собственных и географических имен урартов и прочих хурритских народов с соответствующими элементами ономастики и топонимики Средиземноморья, собранные Кречмером, Бляйхштейнером, Эйслером и другими учеными, слишком многочисленны, чтобы быть случайными. По моему глубокому убеждению, они блестяще подтверждают положение Н. Я. Марра о значении третьего этнического элемента, т. е. народов, говорящих на яфетических языках, для древнейшей истории Передней Азии и Средиземноморья.

Следующая глава повествует о походах воинственного Салманасара III, сына свирепого Ашсунасирипала II, против Урарту. На основе вдумчивого изучения надписей названного царя, а также рельефных изображений на упомянутых уже Балаватских воротах, дана здесь яркая картина ужасов грабительских походов ассирийцев на своего северного соседа. Дано детальное описание военной техники у ассирийцев и урартов. Для более точного определения вооружения урартов автор очень удачно сопоставляет данные Геродота (VII, 79) о вооружении алародиев со свидетельством ассирийских текстов и изображениями вооружений урартов (стр. 57, прим. 1).

И в этой главе, как и в дальнейшем (ср., например, стр. 96 и сл. — локализация стран Повинарской надписи Русы I), заслуживает всяческого одобрения искусство, с которым автор определяет местоположение тех или иных географических пунктов, которые упоминаются в урартских или ассирийских надписях. Так, в разбираемой главе разрешен долгий спор о локализации Арзашку — «царского города» Арама урартского (стр. 56—58). Замечательную помощь историку древнего Востока окажет приложенная к главе карта, отмечающая маршруты походов Салманасара III в Урарту.

То же мастерство, что и при решении вопросов локализации, автор проявляет и при решении вопросов хронологии, весьма сложных как раз для периода истории Урарту, трактуемого в этой главе. Ему удастся с полной убедительностью опровергнуть предложенный Леманн-Гауптом порядок следования древнейших известных нам урартских царей.

В связи с этим автор делает чрезвычайно важный исторический вывод, что «в середине IX века Урарту, входившее в коалицию стран Наира, заняло главенствующее положение среди других политических образований в районе озера Ван» (стр. 63).

Глава «Урарту в конце IX века и в первой половине VIII века» повествует о том периоде истории Урарту, когда имеет место интенсивный рост Ванского государства и значительное расширение его территории. Это было время, когда урартские войска грозили уничтожить Ассирийскую державу. Автор с большой тщательностью устанавливает основные маршруты урартских походов и приводит все известные нам данные о численности войск царей Урарту, что представляет большой интерес для историка.

Чрезвычайно ярко, содержательно и всесторонне изложена история правления царя Менуи, вступившего на престол около 810 г. и открывшего период наивысшего могущества Ванского царства. От Менуи дошла до нас 101 клинописная надпись, т. е. больше половины всех известных нам урартских надписей. Среди них имеются несколько десятков надписей, посвященных строительным работам и работам по прокладке каналов. Поэтому автор смог выявить во всей конкретности строительную деятельность Менуи, а также его заботы об ирригации своего государства (стр. 67 и

сл.). Определяя состав территории Урарту времени царствования Менуи, автор по вполне понятным причинам останавливается на мероприятиях царя в Закавказье. Особенно тщательно анализу подвергнут эпиграфический материал, найденный в Ташбуруне. Надписи Ташбуруна свидетельствуют о стремлении Менуи создать мощный опорный пункт для закрепления своего господства над Ереванской долиной.

Так же ярко, как царствование Менуи, изложены и события правления достойного сына и преемника Менуи — великого воителя Аргишти (778—750), сделавшего своими победоносными походами Урарту самым мощным государством Передней Азии. Царь Аргишти оставил нам в так называемой Хорхорской надписи, высеченной на Ванской скале, замечательный источник для изучения истории роста могущества Ванского царства в годы его правления. Максимально используя эти анналы, автор освещает в полной мере завоевания и походы Аргишти на Запад — к Средиземному морю, на юг — против Ассирийской державы и на север — в области Закавказья. Вполне естественно, что автор особенное внимание уделяет мероприятиям Аргишти по укреплению урартской власти в Закавказье. Они засвидетельствованы 12 надписями, найденными на территории Армянской ССР. Одним из последствий дальнейшего продвижения Урарту на север в результате победоносных походов Аргишти было перенесение главного опорного пункта Урартского владычества из Ташбуруна на холм современного селения Армавир. Крепость была названа в честь Аргишти «Аргиштихинили».

Автор останавливается не только на военных подвигах Аргишти, но находит в надписях его свидетельства о работах царя по созданию ирригационной системы и разведению виноградников и садов в районе Армавира. Отметим сооружение царем Аргишти в этом районе храма богу Халду, Б. Б. Пиотровский вместе с тем отвергает предположение М. В. Никольского, что урартский религиозный культ Армавира восходит еще к дованскому периоду Урарту. М. В. Никольский обосновал свое предположение переводом одной фразы, встречающейся как в армавирских надписях Аргишти, так и в других урартских надписях: «Дворец разрушенный я восстановил, обстроил». На основании тщательного филологического анализа Б. Б. Пиотровский совершенно бесспорно доказал ошибочность перевода М. В. Никольского и предлагает свой оригинальный перевод, совершенно противоположный старому, а именно: «крепость мощную я построил» (стр. 74—75). Этот приведенный мною пример исправления Б. Б. Пиотровским перевода, предложенного таким крупным филологом, как М. В. Никольский, свидетельствует о высоком уровне его филологических знаний в области урартоведения. Подобные примеры весьма многочисленны в рецензируемом мною труде. Лишь на основе правильной интерпретации клинописных надписей Аргишти автор смог в конце разбираемой главы точно локализовать отдельные географические пункты Закавказья, упоминаемые в указанных надписях, и тем самым положить основу научной карты Закавказья в эпоху урартского владычества. Глава, посвященная наиболее славному периоду истории Урарту, заслуживает, таким образом, во всех отношениях высокой оценки.

Положительную оценку нельзя не дать и обширной главе «Урарту во второй половине VIII века», посвященной истории царствования Сардура, сына Аргишти, и его войнам с реорганизатором Ассирийской державы Тиглатпаласаром. Здесь же дана и краткая характеристика Урартского государства. Автор обстоятельно останавливается на труднейшем вопросе о последовательности частей аннала Сардура, увековеченных на вышеупомянутой громадной стеле, открытой И. А. Орбели на северном склоне Ванской скалы в 1916 г. Как известно, здесь имеются две ниши, из которых восточная оказалась пустой и лишь западная содержала воздвигнутую Сардуром стелу.

Поскольку на стеле, открытой в 1916 г., нет описаний походов Сардура в Ассирию, вполне закономерно предположение автора о том, что они были увековечены на стеле восточной ниши. Фрагменты ее сохранились, очевидно, в виде обломка большой стелы, в надписи на котором упоминаются между прочим победы Сардура над ассирийским царем Ашурнирари, сыном Ададнирари (стр. 90). Автор уточняет время событий, описанных на стеле западной ниши, определяя их годами, предшествую-

щими победоносным походам Тиглатпаласара III, начавшимся в 743 г. (стр. 89—90). Автор дает исчерпывающий анализ содержания аннал Сардура, сохранившихся на стеле западной ниши. Они дают громадный материал по походам Сардура в Закавказье и поэтому начало разбираемой главы является в особенности ценным, как изложение истории областей Закавказья в первые годы правления Сардура. Поскольку победы над Ассирией в этой стеле не были упомянуты, вполне естественно предположение автора, что ассирийцы, уничтожившие, очевидно, восточную стелу, посвященную триумфу Урарту над Ассирийской державой, оставили без всякого внимания западную стелу.

К изложению войн начала правления Сардура и походов на Урарту ассирийского царя Тиглатпаласара III примыкает краткая характеристика Ванского царства. В этом разделе своего труда автор доказал, что он не только прекрасный археолог и филолог, но и историк-марксист. Он отказался от неправильного определения общества Урарту, как общества феодального, и подчеркивает вполне закономерно, что «в Урарту, как во всяком раннеклассовом обществе, рабство имело большое значение». Вместе с тем он, будучи осторожным и точным исследователем, подчеркивает, что доступные нам «источники не дают возможности выявить специфику урартского рабовладения» (стр. 93). Автор свободен от болезни немарксистской историографии и не модернизирует древнее общество. Он указывает на то, что «Урарту не представляло собой этнического и культурного единства, и его окраины по своей культуре существенно отличались от центральной части» (стр. 94). Данной особенностью, которая является общей для всех древневосточных государственных образований, автор вполне правильно объясняет непрочность Урартского государства, которая выявляется после побед Тиглатпаласара III — в царствование преемника и сына Сардура, Русы.

Я вполне согласен с автором, когда он отвергает предположение Тьюро-Данжена и Леманн-Гаупта, что Руса не был сыном своего предшественника Сардура, а явился узурпатором, основателем новой династии (стр. 95). Один из основных доводов для своего предположения оба названные исследователя видели в надписи на статуе Русы в Мусасирском храме, засвидетельствованной ассирийским текстом о восьмом походе Саргона: «С моими двумя конями и моим возничим моими руками завоевал я царство Урарту». Леманн-Гаупт сопоставлял эту надпись с Геродотовской легендой о Дарии, согласно которой Дарий получил царскую власть с помощью своего коня. Я полагаю, что надпись Русы отнюдь не дает основания к выводу об узурпации Русой царской власти. Вместе с тем я вполне согласен с мнением Б. Б. Пиотровского, что это указывает «вовсе не на узурпацию власти, а на восстановление Урарту, на собирание отпавших от него при временном ослаблении государственной власти областей» (стр. 96).

К аргументации автора я хочу указать еще на один любопытный факт, на который в этой связи еще никто не указывал, а именно на какую-то связь между содержанием указанной надписи Русы, царя Урарту, и поэмой о героическом подвиге Рамсеса II, царя Египта, в битве с хеттами при Кадеше. В египетском тексте также повествуется о том, что египетский царь на своей колеснице, запряженной двумя конями, названными по имени, со своим колесничим силой своих могучих рук прорвал кольцо окружавших его вражеских колесниц, спасся от гибели, сохранил и отвоевал себе тем самым свое царство. Надо полагать, что и Русе пришлось пережить в своей, полной боевыми подвигами, жизни подобный же эпизод. Несомненно, на оформление описания героических деяний Рамсеса II в битве при Кадеше повлиял древний миф о борьбе солнца, разбивающего на своей колеснице силы мрака. Поскольку в колесницу впряжены кони, ставшие известными в Передней Азии лишь во II тысячелетии, то становится вероятным предположение, что этот вариант мифа о борьбе бога света с мраком восходит к Средней Азии. Я также уверен, что в дни Русы его подвиг, столь лаконично переданный в надписи на мусасирской статуе, был восхвален столь же просто и многословно, как и подвиг царя Египта Рамсеса в битве с хеттами, западными соседями Урарту.

Относительно богатого содержания главы «Урартское государство во второй половине VIII века» я имею лишь следующие замечания. Следует указать (стр. 85), что

имя царя страны Куммух Кушташи соответствует известному иранскому имени Виш-ташпа-Вистаспу, имени отца Дария I. Я полагаю, что страна Бабилу, упоминаемая в анналах Аргишти и его сына Сардура, соответствует Бабилу вавилонских надписей. Здесь Бабилу, конечно, обозначает не город Вавилон, а область Вавилонского государства. Походы Аргишти и Сардура настолько расшатали мощь Ассирийской державы, что Вавилонское государство — вечный противник Ассирии — могло захватить область у своего северного соседа и тем самым ввести свои пограничные области в орбиту походов Аргишти и Сардура. Бабиру, т. е. Бабилу, и в Бехистунской надписи Дария I означает и Вавилон и Вавилонию. На основании сказанного я и не могу согласиться с мнением автора, что «более прав Сейс, сопоставлявший Бабилу клинописного текста с Бабирса Страбона, около Артаксаты» (стр. 85). Бабирса Страбона (XI, 529) все же не Бабилу урартских текстов.

Считаю необходимым и в кратком очерке истории Урарту указать на то, что тысячи военнопленных рабов, захваченных в походах Менуи, Аргишти, Сардура, сделали возможной грандиозную строительную деятельность этих царей, которую так рельефно представил в своем труде Б. Б. Пиотровский.

Глава, трактующая о походе Саргона против Урарту в 714 г., является наиболее замечательной. Автор не ограничивается здесь пересказом большой луврской таблички, изданной Тюр-Данженом в 1912 г., и сопоставлением ее с изображениями на стенах тринадцатого зала дворца Саргона. Автор впервые в науке раскрыл на основании табличек Куюнджикского архива ту большую разведочную работу, которую вели в Урарту осведомители ассирийского царя, подготавливавшего свой поход 714 г. Правда, на эти письма Куюнджикского архива, касающиеся взаимоотношений Ассирии с Урарту, обратил внимание еще в 1913 г. американский ассириолог Олмстэд, но он сильно обесценил свои наблюдения тем обстоятельством, что датировал их временем не ранее 710 г. К датировке Олмстэда примкнули многие историки древнего Востока, но автору удалось с полной убедительностью доказать, что значительная часть писем Куюнджикского архива, относящаяся к Урарту, должна быть датирована именно временем борьбы Саргона с урартским царем Русой (стр. 105, с ссылкой на статью самого автора «Урартское государство во второй половине VIII века», ВДИ, 1939, № 1). Таким образом, Куюнджикские письма об Урарту приобретают сугубый интерес.

Наследник Саргона Синахериб составлял сводки донесений подчиненных ему осведомителей. Из этих сводок и отдельных донесений мы узнаем о восстании в Урарту как на окраинах, так и в центре. Автор несомненно прав, когда он видит одну из причин этих смут в борьбе правителей отдельных областей между собой и с царем. Имеется даже сообщение о самой столице государства Тушпе (стр. 111). Другой причиной смут, по мнению автора, было страшное поражение урартского царя Русы в стране киммерийцев, о котором сообщили Саргону и Синахерибу несколько осведомителей. Таким образом, хорошо поставленное дело разведки дало возможность Саргону установить, что его борьба с северным соседом будет сильно облегчена внутренними неурядицами в Урарту, а также борьбой с племенами киммерийцев.

Автору принадлежит несомненно большая заслуга сенсационного открытия в аппарате древневосточного государства широко разветвленной шпионской организации, которая своей информацией о внутреннем положении во вражеском государстве создавала условия для успешного ведения войны. Описание победоносного похода 714 г. Саргона против Урарту, которое дает автор (начиная со стр. 115), служит прекрасной иллюстрацией того значения, которое может иметь точная разведка для последующих победоносных действий армии. В своем изложении событий 714 г. автор уточняет маршрут похода Саргона и местоположение Мусасира, священного города Ванского и Урмийского государств.

В этой главе, столь богатой ценными наблюдениями, меня смущает лишь заявление автора (стр. 111), что особую опасность для государства Передней Азии киммерийцы стали представлять несколько позже, а именно, в первой половине VII века, но не в конце VIII века, в момент знаменитого похода Саргона. Я думаю, что автор

неправ, и ассирийцы могли опустошить и разгромить области и города Урарту и его союзников лишь потому, что одновременно с ассирийской армией царю Ванского государства, Русе, приходилось отражать грозную киммеро-скифскую опасность. Невозможность отразить двух врагов — ассирийцев и киммерийцев, угроза возникновения ввиду этого новых внутренних смут и заставили Русу покончить жизнь самоубийством.

Последний период истории Урарту после смерти Русы в 714 г. нашел отражение в главе VIII книги. Автор с полным основанием подчеркивает тот замечательный факт, что катастрофа 714 г. не смогла сломить окончательно силу сопротивления Урарту и оно сохранило свою государственность еще на 120—130 лет, пережив даже мощную Ассирийскую державу. Автор не только указывает на этот факт, но и пытается его объяснить. Для объяснения он привлекает один из запросов Асархаддона к богу Шамашу, в котором ассирийский царь спрашивает бога о возможности успеха замыслов Урсы (Русы), правителя Урарту (этот Руса является сыном и преемником Аргишти, преемника и сына Русы, покончившего с собой в 714 г., его поэтому и называют Русой II) и киммерийцев, и о том, двинутся ли урарты и киммерийцы походом на страну Шуприа.

Среди писем Куюнджикского архива, относящихся ко времени после 714 г., а именно в письме одного из осведомителей Асархаддона, автор находит любопытное указание на организацию наблюдения в странах Урарту, Мана и Мидии. Автор несомненно прав, когда он все эти указания ассирийских текстов не считает случайными (стр. 131). Долголетние кровопролитные войны между Урарту и киммерийскими племенами сменились мирными отношениями (стр. 133). Мощь этих варваров укрепила и силу сопротивления Ванского царства и его способность залечить мирным трудом страшные раны, нанесенные войнами конца VIII века.

Автор отмечает на основании свидетельства урартских надписей VII века, а также и археологического материала, интенсивность строительства последних правителей Ванского царства как в самом Урарту, так и в Закавказье. Вместе с некоторыми другими учеными он называет Русу II «реставратором Ванского царства». Надписи Русы II, свидетельствующие о больших строительных работах на севере его государства, в частности в Закавказье, дают ему право на это почетное название.

Автор подчеркивает состояние мира, которое царило между Урарту и Ассирией, согласно ассирийским надписям (стр. 134). Вместе с тем он не забывает отметить походы Русы II на Запад — в восточную часть Малой Азии и в северную Сирию, о которых повествует надпись Русы в урартской крепости в Маэгерде, на западной окраине Ванского царства, охранявшей владения урартов по Евфрату.

Автор вносит максимальную ясность в темный период конца Ванского царства (стр. 135 сл.). Он подробно останавливается на вопросе о дате гибели Урарту, как государства. Путем искусного использования свидетельств Библии, вавилонских текстов и греческих историков он приходит к выводу, что наиболее вероятным является предположение об окончательной гибели Ванского царства в начале VI века. В конце главы автор приводит свидетельства, сохранившиеся в персидских царских надписях и в вавилонских клинописных табличках.

Единственное пожелание к этой главе сводится к тому, чтобы автор указал, что Мелиду, упоминаемое вместе с Урашту (Урарту) в вавилонской табличке царствования Дария II (стр. 136), локализуется в Каппадокии.

Второй раздел труда Б. Б. Пиотровского посвящен исчерпывающему исследованию всего того, что мы знаем о материальной и духовной культуре Урарту. Главы этого раздела написаны прекрасным специалистом в этой области, и у меня нет по отношению ко всему разделу в целом никаких замечаний.

Единственное мое существенное замечание связано с последней главой раздела «Религия». Здесь я должен выразить лишь сожаление, что автор совсем не учитывает возможность второго чтения клинописного написания имени супруги главного бога Халда. Автор дает лишь одно чтение, а именно Багбарту, но возможно и иное чтение, поскольку клинописный знак здесь имеет двойкий фонетический эквивалент — «бар» и «маш». Поэтому некоторые исследователи предлагают читать Багмашту и видят в

этом имени богини Баг(а) Машда — имя божества, которое может быть сопоставлено с именем богини Асара-Мазаш, упоминаемой в одном из ассирийских текстов, и именем великого бога Ахура-Мазда надписей Ахеменидов. Во всяком случае, я полагаю, что эти возможности, интересные для истории религии, должны быть учтены.

Во всем другом изучение автором проблем духовной и материальной культуры Урарту может вызвать лишь чувство величайшей благодарности. Впервые в истории науки дано столь исчерпывающее исследование всего наследия урартской культуры. При этом необходимо отметить, что материал, который лег в основу этого раздела книги, в некоторой своей части должным образом интерпретирован самим автором.

Третий раздел книги обнимает главы «Закавказье урартского времени» и «Скифы в Закавказье». Он дает точное определение значения, которое имело господство Ванского царства для Закавказья, и характеризует общество и культуру Закавказья и соседних ему областей. Автор с полным правом отмечает прогрессивное значение завоевания Урартским государством Закавказья и включения его в территорию государства, приобщившегося к великой древневосточной культуре. Через Урарту элементы древней культуры Передней Азии были переданы не только в Закавказье, но и в области Северного Кавказа и Причерноморья.

Конечно, наряду с древневосточной цивилизацией сохранились в Закавказье элементы старой местной культуры в большей степени, нежели в самом Урарту. Описание местной культуры Закавказья, господствовавшей до прихода урартов, дается автором с исключительной полнотой и яркостью. Немалая часть приведенного материала раскопана и введена в научный обиход самим автором.

На основании всего доступного нам ныне археологического материала автор приходит к выводу, что в конце II тысячелетия до н. э. области Закавказья, впоследствии вошедшие в состав Ванского царства, были в отношении социального строя и культуры близки всему прочему Закавказью. Культура их отличалась от культуры Урарту. В VII веке в Закавказье устанавливается железная культура, находящаяся и по своим формам в прямой зависимости от урартской. Одновременно с установлением в Закавказье железной культуры имели место и в Закавказье, и в Урарту, и в Малой Азии крупные этнические перегруппировки в виде движения киммерийских и скифских племен.

Большое значение, которое имели для истории Передней Азии скифы и киммерийцы, выявляет автор в главе «Скифы в Передней Азии». Автор останавливается в связи с этим на том интересном факте, что при раскопках многих городов Передней Азии в слоях VII века были найдены бронзовые наконечники стрел, весьма близкие скифским. Из этого он делает вывод, что появление этих стрел стоит в связи с проникновением скифов и киммерийцев в VII веке в Переднюю Азию. По мнению автора, нахождение подобных же стрел в раскопанной им крепости на Кармир-блуре свидетельствует о том, что и эта урартская крепость была разрушена кочевыми племенами, вторгнувшимися в пределы урартского Закавказья с севера (стр. 118).

Я полагаю, что необходимо при решении этого очень важного вопроса об определении врага, бравшего в конце VII века и в начале VI века города Передней Азии и Урарту, учесть еще одну возможность, на которую намекает и сам автор. Он указывает на то, что некоторые археологи бронзовые наконечники стрел этого «скифского типа» относят также к мидянам, которые в древнем мире наряду со скифами славились как искусные стрелки из лука. Большое количество наконечников стрел именно этого типа было собрано археологами на месте древних сражений, в которых участвовали мидяне (стр. 303). Это предположение приобретает еще большую степень вероятности, если вспомним сообщение Геродота о том, что Киаксар, разгромивший Ассирийскую державу, поручил скифам обучение мидийских мальчиков скифскому языку и стрельбе из лука (Гер. I, 73). Между мидийскими и персидскими племенами, с одной стороны, и скифскими и киммерийскими племенами, с другой стороны, была какая-то связь. Вспомним, что персидский царь Теисп-Теушба назван в анналах Асархаддона киммерийцем, а первый мидийский царь Дейока назван в анналах Саргона II манеем.

Глава «Скифы в Передней Азии» заслуживает самой высокой оценки. Автор, будучи верным учеником Н. Я. Марра, следует его указанию о том, что скифская проблема не может быть разрешена без привлечения кавказских материалов. Поэтому он подчеркивает «связанность раннескифского общества с Кавказом и Закавказьем, связанность, подкрепляемую стадильной близостью общества Кавказа VIII—VI веков до н. э. и скифского в степях юго-восточной Европы» (стр. 307). И в этой главе автор использует наряду с богатым археологическим материалом и материал лингвистический, опираясь на метод нового учения о языке.

Главу «Урарты после падения Ванского царства» автор в основном посвящает опровержению некоторых положений и теорий Леманн-Гаупта, господствующих в течение нескольких десятилетий и в зарубежной, и в дореволюционной русской, и в советской литературе. Названный крупный исследователь полагал, что урарты под давлением арменов отступили на север, причем часть их, ушедшая в горы, сохранилась под названием халдеев. По мнению Леманн-Гаупта, урарту называли себя халдами, и тем самым он подкреплял свое отождествление урарту с халдами античных и средневековых авторов. Из положений Леманн-Гаупта делался в дореволюционной русской и советской литературе иной раз весьма серьезный вывод, что потомками урартов являлись не армяне, а один из других народов Закавказья.

Путем вдумчивого исследования свидетельств урартских текстов, древних историков и географов, персидских надписей, вавилонских табличек эпохи Ахеменидов, с привлечением разъяснения этнического термина *χaldaici* греческих авторов, данного Н. Я. Марром, автор с полной убедительностью доказывает неправильность отождествления урартов с халдеями и ошибочность утверждения, что урарту называли себя халдами. Опровергнув положения Леманн-Гаупта, автор доказывает огромную роль урартов в этногенезе не одного из народов Закавказья, а всего Закавказья в целом. Он подчеркивает, в противоположность бездоказательным утверждениям о миграции урартов после катастрофы в начале VI века, что после падения Ванского царства урарты никуда не уходили.

Далее автор указывает, что урарты не являлись прямыми предками какого-либо из закавказских народов. Они влились в армянский народ, но также отчасти и в другие народы Закавказья. Самым же основным наследием урартского народа является созданная им культура, а наследниками культуры Урарту следует считать все народы Закавказья. Этот конечный вывод книги Б. Б. Пиотровского выявляет во весь рост актуальность этого труда в наши дни, когда дружба народов нашей великой родины послужила одной из основ нашей сокрушающей победы на поле битвы и нашего благополучия и счастья в дни мирного труда.

Я считаю своим долгом завершить мое суждение о труде доктора исторических наук Б. Б. Пиотровского, подчеркнув, что этот актуальный труд, являющийся глубоким исследованием, покоящимся на источниках, которые были в значительной своей части извлечены самим автором из архива земли, свидетельствует о высоком уровне советской науки и о выдержке советского ученого, которую не могли сломить лишения и невзгоды в блокированном Ленинграде.

Академик В. В. Струве

Б. А. КУФТИН. *Археологические раскопки в Триалети, т. I. Опыт периодизации памятников, Тбилиси, 1941, изд. Академии Наук Грузинской ССР, 231 стр., СХХVI табл., цена 60 руб.*

Систематические раскопки в Триалети, проведенные Б. А. Куфтиным в течение пяти лет (1936—1940) на территории строительства ХрамГЭСа, дали возможность исследовать археологические памятники Грузии от эпипалеолитических стоянок и до погребений Сасанидской эпохи. Разнообразные археологические материалы, раскопан-

ные здесь, открыли совершенно новые страницы древнейшей истории Кавказа, осветив с большой полнотой прошлое Грузии. Вместе с тем результаты раскопок в Триалети позволили Б. А. Куфтину поставить и разрешить основной, остававшийся до последнего времени неясным, вопрос о хронологии археологических памятников не только для Грузии, но и для всего Кавказа в целом. Автор по-новому решает проблему культуры расписной керамики в Закавказье, «устанавливая в области южных склонов Кавказского хребта длительный процесс развития медно-бронзового производства, тесно связанного с Месопотамским югом и Средиземноморьем, начиная с древнейших его стадий» (стр. 18).

По-новому освещает автор и сложные вопросы этногенеза народов Южного Кавказа во II тысячелетии до н. э., рассматривая происходившие здесь процессы этнических образований в связи с цивилизациями Древнего Востока.

Б. А. Куфтин построил свою книгу весьма оригинально: после краткого введения весь материал в книге расположен в пределах трех частей: 1. Обзор инвентаря рядовых могильников железной и позднебронзовой эпохи Цалкинского плоскогорья. 2. Курганная культура Триалети эпохи средней и позднего этапа древней бронзы. 3. Погребения энеолитической эпохи и нижний культурный слой циклопических крепостей. Изложение, таким образом, ведется, начиная с позднейших памятников эпохи Сасанидов. Перед читателем, как бы в процессе раскопок многослойного памятника, происходит вскрытие сверху вниз культурных наслоений различных эпох. Переворачивая страницы книги, Б. А. Куфтин заставляет читателя последовательно снимать сменявшиеся один за другим культурные слои и открывать все более древние этапы культуры, уходящие своими корнями в глубокую древность. Этот прием изложения дал возможность автору с большей отчетливостью показать местные корни в открытой им на Кавказе курганной культуре Триалети среднего и позднего этапа древней бронзы.

Каждая глава книги Б. А. Куфтина по-своему интересна. Автор широко привлекает материал из раскопок соседних областей Кавказа, Ирана, Передней и Малой Азии, разрешая всегда основную задачу — дать периодизацию памятников Цалкинского плоскогорья. Вместе с тем автор стремится наглядно показать связь погребений древнегрузинских петиакшей II века, открытых в раскопках акад. Джавахишвили и Джанашиа в Армази-Мцхета, с древнейшей культурой южного Кавказа.

Установив на основе раскопок в Триалети новую достаточно прочную датировку ранее известных комплексов кавказских памятников, как Кубанской культуры, материалов расписной керамики из Кизил-Ванка, культур медно-бронзовой эпохи Куро-Араксинского Двуречья, Черноморского побережья, Грузии и соседних районов, автор критически пересматривает периодизации, ранее выдвинутые Шантром, Вирховым, Жаком де Морганом, Гернесом, Фармаковским, Пржеворским, Мещаниновым, Миллером и др.

В вводной главе, на основании изучения археологических коллекций музеев Кавказа, Б. А. Куфтин прежде всего ставит перед собой задачу выяснить для Кавказа период появления металла и опровергнуть ранее высказанное многими учеными мнение, что Кавказ и Закавказье как-то без подготовительных этапов сразу выступают с высоко развитой культурой бронзы в самых поздних ее ступенях, граничащих с эпохой появления железа.

Наиболее ранними свидетельствами культурного общения стран Куро-Араксинского Двуречья с Месопотамским югом служат находки медного топора и копья, обнаруженные в 1928 г. на территории ЗаГЭСа и хранящиеся в Гос. музее Грузии. Медный топор Б. А. Куфтин сопоставляет, с одной стороны, с топором из древнейших кубанских курганов — Майкопским, с другой стороны, — с медными топорами из южной Месопотамии, из царских гробниц в Уре и из Джемдет-Насра, где подобные топоры (в глиняных моделях) были находимы в слое с расписной керамикой. Тип медного копья с массивным стержнем и загнутым на конце крючком — кипрский, датируемый эпохой кипрской средней бронзы. Аналогичное копье из случайных находок в Грузии и с Северного Кавказа — из станиц Пролетарской (б. Царской) и Воздвиженской, — ука-

ывает, как пишет автор, «на существование в Грузии, как и на Северном Кавказе, ранней бронзовой, т. е. медной, эпохи, во всяком случае во второй половине III тысячелетия до н. э.» (стр. 12).

Анализируя интереснейшие новые материалы Кавказа — бронзовые булавки с петлевидно закрученной головкой, медные трубчатобушные топоры из Стхере в Абхазии и Западной Грузии — и сравнивая их с переднеазиатскими находками из царских погребений Ура, с культурами ранней бронзы Средиземноморья, Кипра и Дунайского бассейна, Б. А. Куфтин устанавливает здесь «длительный процесс развития медно-бронзового производства, тесно связанного с Месопотамским югом и Средиземноморьем, начиная с древнейших его стадий» (стр. 18).

Наиболее поздние из раскопанных на территории Цалкинского плоскогорья памятники эпохи Сасанидов (у селений Джиниси, Бармак-Сыз и др.) — это погребение в каменных ящиках сравнительно удлинённой формы, с лежащими на левом боку или на спине скелетами с незначительно подогнутыми ногами и поднятыми к лицу руками. В мужских погребениях часто замечены следы деформации головы. Инвентарь погребений крайне беден, и костяки часто не сопровождались никакими вещами. Керамика отсутствует вовсе. Среди находок в женских погребениях характерны железные арбалетные фибулы позднеримского типа, булавки из бронзовой и железной проволоки, с овально вытянутыми головками из розового коралла и белых массивных стенок раковин, а также стеклянные. Обнаружены также серьги, имитирующие древнюю зернь или бусинку, перстни из тонкой серебряной проволоки с имитацией бордюра из зерен, а также перстни, выточенные из целого куска розового сердолика с площадкой для геммы и вырезанным на ней изображением аиста. Для датировки погребений важной является находка в одном из них серебряной монеты царя Кавада, позволяющая отнести их к VI веку н. э.

К наименее изученным в Цалкинском районе памятникам относятся погребения, синхронные римской и парфянской эпохе. Каменные ящики в эту эпоху — меньших размеров, чем при Сасанидах. Скелеты обнаруживаются в сильно скорченном положении на правом боку с двумя-тремя сосудами... В одном из погребений такого типа у с. Бешташи была сделана находка миниатюрного сосуда, покрытого густой синей стекловидной глазурью; внутри сосуда была найдена римская монета императора Августа, позволяющая датировать комплекс подобных погребений первыми веками нашей эры.

Характеристику памятников парфянской эпохи Б. А. Куфтин дает по материалам раскопок других археологов, ранее исследовавших Цалкинский район в археологическом отношении, как, например, материалы раскопок Л. Б. Шульца из погребения у села Розенберга. Особый интерес представляет обнаруженная здесь большая бронзовая четырехугольная поясная пряжка с композицией фантастических зверей в центре; эта пряжка повторяет в точности тип хорошо известных кавказских пряжек, не поддававшихся до последнего времени точной датировке. Исследователи даже подозревали в них археологическую подделку.

Пряжка из погребения у села Розенберга и две другие из погребений в каменных ящиках эллинистической эпохи близ села Манглиси (раскопки Вейсенгофа), а также детальный анализ сопровождающего эти изделия инвентаря, впервые позволили Б. А. Куфтину установить подлинность этого типа кавказских пряжек, широко известных на Центральном и Северном Кавказе, а также на территории древней Колхиды, и точно их датировать. Опорой для датировки послужило погребение у села Манглиси, которое сопровождалось тремя монетами римского времени.

Наличие кавказских пряжек с фантастическими зверями у сел Розенберг и Манглиси впервые указывает на «тесную связь триалетской Грузии, именно древней Гагарены, в эпоху, предшествующую римской оккупации Южно-Кавказского Двуречья, с территорией Колхиды, собственно со страной, которую Птолемей называл Евкристикой, а Плиний — Секунд-Керритикой, т. е. с бассейном верхнего Рюна и Квирилы, где эти кавказские пряжки встречены в наибольшем количестве» (стр. 29—30).

Для поздне-ахеменидской эпохи на широкой территории характерно значительное сходство инвентаря, в то время как обряд погребений — различный. В более глухих

материновых частях Колхиды господствует обычай кувшинных погребений; в Триалети, в восточных частях Средней Куры, обнаружены скорченные погребения в небольших квадратных каменных ящиках, обряд же кувшинных погребений в Триалети, повидимому, совсем не проник, тогда как для позднеэллинистической эпохи он зарегистрирован и в Грузии, и в Азербайджане, главным образом — на правобережье Куры.

Наиболее замечательной находкой ахеменидской эпохи в Триалети является богатое погребение близ села Цинцкаро на реке Алгети. Инвентарь алгетского погребения состоит из серии орнаментированных пластинок из электрона, служивших накладками на рот и глаза покойнику, четырех перстней, трех браслетов, двух булавок и пряжек, нашивавшихся на ткань. Кроме того, в погребении обнаружены две пары однотипных удили и псалии от третьей, орнаментированная серебряная обивка какого-то предмета, бронзовый треножник, бронзовое блюдо, два серебряных сосуда, ложка и фрагменты стеклянной чаши. Б. А. Куфтин отмечает, что алгетское погребение по времени и характеру полностью примыкает к так называемому ахалгорийскому кладу, который Я. И. Смирнов отнес к кругу ахеменидского искусства V—IV века до н. э.

«Алгетское погребение, — пишет Б. А. Куфтин, — дает чрезвычайно характерную картину жизни Триалети в ахеменидскую эпоху и... заставляет вспомнить синхроничные скифские погребения с конями, указывая, однако, на самостоятельные пути в развитии коневодства в Грузии» (стр. 40). Если серебряная посуда алгетского и ахалгорийского погребений близка к иранским образцам и не является местной по происхождению, то остальной инвентарь автор считает местными изделиями, тяготеющими «в противовес политическому господству Персидского государства, в сторону Западной Месопотамии, Сирии и даже острова Кипра, проникнутого традициями крито-микенской культуры» (стр. 41).

На могильном поле за Бешташенской крепостью были открыты погребения более древние, синхроничные мидо-персидской эпохе и поздневанской (конец бронзы). Погребения скорченные, на боку, в грунтовых ямах, обозначенные лишь отдельными камнями. Инвентарь крайне беден, однако достаточно характерны глиняные кувшины с округлым телом, вертикально идущими каннелюрами и одной ручкой, а также низкие остроробристые блюда. Их сопровождают обычно короткие массивные крупноголовые бронзовые булавки. Аналогии этим погребениям Б. А. Куфтин находит в могильнике Лелвара, открытом Жаком де Морганом в Ленкорани и датированном VII веком до н. э.

Первую часть своей книги Б. А. Куфтин заканчивает еще одной интересной главой, посвященной могильнику поздней бронзы и первого появления железа у села Бешташени на правом берегу Байбурт или Герех-гая, заключавшему погребения в каменных ящиках и грунтовые; эти последние встречены на глубине 2 метров от поверхности, покрыты сверху большими камнями, со скелетами, лежащими на левом боку, в скорченном положении.

Керамический инвентарь представлен сосудами из серой несколько пористой массы, часто с герметическим вдавленным орнаментом. Глиняные блюда, крупные чаши, кувшины узкогорлые, без ручек, шаровидные сосуды с двумя небольшими ручками характерны для эпохи бронзы широкого района Закавказья. Исключительно своеобразны крупного размера «раструбноконические кубки» на высокой полой ножке. Возможно предполагать, что это подставки. Б. А. Куфтин указывает на аналогичные сосуды в погребениях Мцхета из раскопок Байерна. Можно еще добавить, что полые конические подставки, представляющие полную параллель бешташенским, обнаружены в 1926 г. раскопками И. И. Мещанинова в «каменном ящике» № 6 у села Ходжалы, причем инвентарь этого погребения одновременен комплексу находок больших курганов в Ходжалах (типа кургана № 11 с бусой Адад-Нирари).

Б. А. Куфтин указывает на аналогии бешташенскому комплексу среди бронзовых изделий из древнейшего слоя Самтавро, а также в инвентаре погребений Ганджа-Карабахского и Севанского районов. Наконец, в могильнике из Бешташени встречены вещи типично колхидско-кубанской группы.

Замечательной особенностью инвентаря бешташенских погребений этой эпохи являются бронзовые серпы и деревянные с кремневыми вкладышами. Бронзовые серпы очень редки для южного Кавказа. Кроме того, здесь в грунтовых погребениях встречены украшения из золота — бусы, хрустальная подвеска в золоте, височные кольца с несомкнутыми концами и такие же височные кольца из серебра. На основании ряда сопоставлений Б. А. Куфтин пишет, что нижним хронологическим пределом датировки этих могил можно считать границу XII—XI веков до н. э. — время появления железа на Кавказе.

Рис. 1. Расписной сосуд из кургана VII

Совершенно выдающееся открытие было сделано Б. А. Куфтиным в процессе раскопок курганной группы Триалети эпохи средней и позднего этапа древней бронзы, которой и посвящена вторая часть книги. Раскопки эти явились совершенно новым неисчерпаемым источником для понимания древнейших исторических судеб народов Кавказа в эпоху крупных государственных образований в Малой Азии и Месопотамии в середине II тысячелетия до н. э. Существенной особенностью является резкое отличие открытого в них инвентаря от находок того же времени, известных до сих пор в Грузии, Азербайджане и Армении, а также и в памятниках более поздних эпох, рассмотренных выше. Всего автором раскопано здесь 42 кургана, причем все они оказались предназначенными для индивидуальных захоронений.

Триалетские погребения под каменной курганной насыпью из валунов и крупного булыжника, достигающие иногда 5 метров высоты, открыты двух типов — в ямах и на поверхности грунта.

Погребальные ямы имеют обычно форму вытянутого четырехугольника, ориентированного по длине с востока на запад, и достигают значительных размеров (например, 5 метров длины, 3,5 метра ширины и 8 метров глубины). Стены этих сооружений сложены из плитчатого камня, местами сохранившегося до 4 метров высотой.

Ни в одном из больших курганов этой эпохи Б. А. Куфтин не обнаружил труположения покойника. Это дало основание исследователю сделать предположение о су-

ществовании в эту эпоху обряда кремации, которая совершалась где-то вне кургана, а затем остатки сожженного праха ввозились по дромосу и погребались на деревянной колеснице.

Тексты о хеттском ритуале кремации царей в Хатушаше рассказывают о похоронном обряде, когда прах сожженного хеттского царя или царицы помещался на дере-

Рис. 2. Расписной сосуд из кургана VII

вянной колеснице в каменном доме. В одном из цалкинских погребений была открыта тяжелая четырехколесная деревянная погребальная колесница, сохранившаяся почти полностью благодаря постоянно проникавшему в курган роднику. В другом погребении на дне могильной ямы также наблюдались глубокие колеи с остатками дерева от колес.

Труднее представить себе обстановку погребений, совершенных под валунной насыпью, на поверхности грунта («безъямные курганы», по терминологии автора). На поверхности строилось большое помещение из камней для одного покойника; площадь одной из погребальных зал равнялась 175 кв. метрам, со стенами до 4 метров и с широким коридором типа «дромоса», как и в предыдущего типа курганах. Видимо, этот огромный зал имел деревянное перекрытие на столбах. На дне зала обнаружена золотая обшивка от деревянной детали, скорее всего от ступенчато-резной колонны — диаметром в 12 сантиметров.

Исключительный интерес в триалетских больших курганах представляет керамика, изображенная в книге Б. А. Куфтина на красочных таблицах. Приходится, однако, сожалеть, что дано исключительно краткое ее описание, так как именно керамические комплексы являются основой для подразделения автором триалетских курганов на ряд хронологических этапов.

Первый комплекс керамики — это сосуды из красной глины с красной красочной облицовкой на наружной поверхности и с черной росписью (рис. 1 и 2). Орнамент обычно располагается в верхней части сосуда и состоит из спускающихся от основания края по плечикам шевронов, заполненных внутри зигзагообразными узкими поло-

сками и отдельными изображениями в свободных полях между шевронами (например, фигуры гусей). Керамика этого типа встречена в погребении совместно с керамикой черной, с полированной поверхностью; орнамент нарезной и наклепной в виде прополированного узора. Керамика этого комплекса встречена лишь в курганах с погребениями в грунтовых ямах (курганы I, VII, XV).

Рис. 3. Расписной сосуд из кургана XVII

Второй керамический комплекс представлен сосудами из красной глины с поверхностью, ангобированной тонким беловатым слоем глины и хорошо лощеной (рис. 3 и 4). Орнамент нанесен черной краской. Система орнамента иная, чем на расписных сосудах первого комплекса. Орнамент покрывает большую часть поверхности сосуда от верха края и доходит часто почти до самого дна. Роспись заключена в широкие горизонтальные пояса (по горлу и плечикам), иногда двойные; орнамент состоит из округлого меандра, из отдельных спиральных волн, непрерывного ряда S-образной спирали, зигзагообразных полос, шахматных полей, треугольников, шевронов, заполненных зигзагообразными полосами, часто заключенных в метопообразные поля внутри пояса. В свободных полях — отдельные изображения в виде солярных символов (диски, концентрические круги, розетки и т. д.).

Сосуды третьего комплекса — более грубая темносерая и черная лощеная керамика, слабее обожженная, из комковатой массы. Орнамент глубоко врезанный и каннелированный. Этот тип, по мнению Куфтина, особенно по технике орнамента, больше всего напоминает керамику с белой инкрустацией из раскопок Ганджа-Карабахского района. Однако, триалетская керамика этого типа ни разу не дала сосудов с белой инкрустацией. Третий комплекс был найден в курганах с погребениями на поверхности грунта (курганы VIII, IX, XVIII).

Далее Б. А. Куфтин переходит к описанию разнообразного инвентаря, найденного в триалетских курганах. К сожалению, здесь приходится отметить, что автор не пошел по пути расположения инвентаря, в пределах отдельных погребений и трех выделенных им керамических комплексов. Он лишь вскользь отмечает, что «реальность керамических групп подчеркивается отчасти и сопровождающим их металлическим инвентарем» (стр. 85).

Краткие замечания Б. А. Куфтина по характеристике трех керамических комплексов в связи с устройством погребений не дают убедительных доказательств для установления хронологической последовательности триалетских курганов в эпоху ранней и средней бронзы.

Драгоценные художественные изделия, обнаруженные в цалкинских курганах, представляют собой явление совершенно новое и своеобразное, не идущее в сравнение с известными до сих пор находками на Кавказе. Б. А. Куфтин сравнивает их с царскими погребениями Ура, Урука, Тель-Халафа, Аладжа Эйюк в Малой Азии, однако класть их в основу хронологизации, замечает автор, было бы неправильно, тем более что пока еще в Цалкинском районе не были раскопаны рядовые погребения того же периода.

На основе анализа спиральной расписной керамики со светлой облицовкой и золотого кубка со спиральным узором, украшенным сканью, зернью и вставками бирюзы и светлорозового сердолика, Куфтин приходит к заключению о местном производстве этих драгоценных ювелирных изделий. Обнаруженные в одном из курганов (курган VIII) агатовый кулон и золотые бусы из ожерелья дают образцы той же техники, причем эта буса находит полную аналогию в образце из Вафио ново-микенской эпохи, датируемой 1500 г. до н. э. Несмотря на ряд аналогий, которые автор приводит к изделиям с филигранью и зернью из Ура и Урука, датируемым III тысячелетием до н. э. (как, например, агатовый кулон, золотые завитки и др.), он все же не преувеличивает возраста ожерелья и приходит к выводу, что золотой кубок и ожерелье относятся к

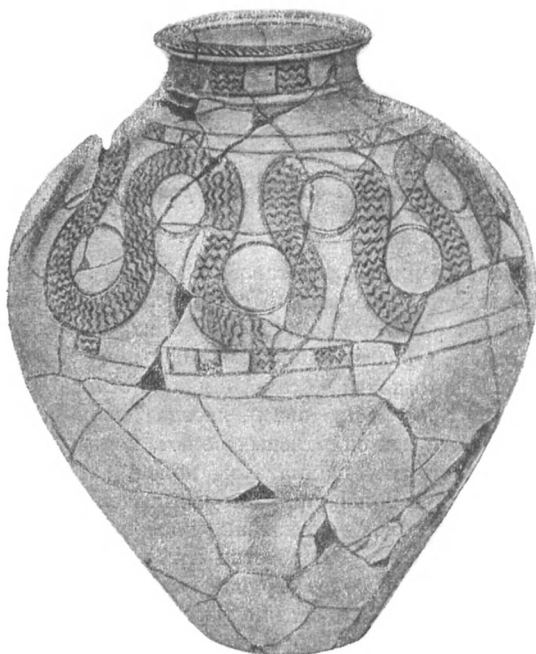

Рис. 4. Расписной сосуд из кургана XVII

первой половине II тысячелетия до н. э. и рассматривает шумерские аналогии лишь в качестве тех образцов, которые легли в основу драгоценных изделий Цалки и восходят к далеким шумерским традициям.

Более поздний, по сравнению с находками из Ура, возраст цалкинских курганов подтверждает и тип бронзового оружия — втульчатое бронзовое копье (рис. 5), кото-

рое, как совершенно убедительно показывает автор, могло появиться на южном Кавказе не ранее конца первой половины II тысячелетия до н. э. В Сирии такие копыя (Рас-Шамра) датируются первой половиной II тысячелетия до н. э., в Эгейском мире — между 1800—1600 гг. до н. э. (по Г. Чайльду), в Микенах — 1700 г. до н. э. В Иран этого типа копыя проникает не ранее второй половины II тысячелетия до н. э. Здесь втульчатое бронзовое копые также, как в Грузии и на Северном Кавказе, сменяется широко распространенным в Передней Азии копьём со стержнем и с загнутым концом кипрского типа, характеризующим древний этап бронзы (стр. 97).

Таким образом, красная керамика с черной росписью первого комплекса, вместе с которым обнаружено бронзовое втульчатое копые, по возрасту является более древней, чем керамика с белой ангобированной поверхностью и черной росписью второго комплекса, но разница хронологически сравнительно незначительная.

Б. А. Куфтин напечатал в своей книге не полностью весь обнаруженный им в курганах инвентарь, однако и то, что дано, характеризует совершенно новую культуру в Грузии. Так, следующие уникальные художественные изделия были обнаружены в кургане XVII в погребальной яме (со вторым комплексом керамики).

1. Кубок из червонного золота, украшенный сканью, зернью и вставными камнями — бирюзой и светлорозовым сердоликом (рис. 6). Вот как описывает его автор: «Он изготовлен из одного куска золота, выкованного первоначально в виде овальной формы узкогорлой бутыли, донная половина которой была затем вдавлена внутрь, наподобие стенок мяча, так что получилась глубокая чапа с удвоенной стенкой на ножке, в которую превратилась бывшая шейка бутыли. Отверстие ножки после этого было запаяно ажурным прорезным донышком, украшенным затем, как и вся наружная поверхность кубка, гнездами для камней, обрамленными сканью и зернью; декорация стенок кубка была изготовлена отдельно в виде вырезанной крупными спиральными волутами золотой аппликации, на которую и напаивался весь узор» (стр. 92). Автор анализирует спиральные волуты на стенках кубка, сопоставляя их с росписью на больших глиняных сосудах, причем сходство узора является одним из явных доказательств местного происхождения золотого кубка, представляющего столь редкую, среди известных до сих пор в Закавказье, находку.

2. К золотому кубку по технике полихромной декорировки примыкают золотые головки серебряных булавок, обнаруженных в том же кургане XVII (рис. 7).

3. В кургане XVII было открыто еще и знаменитое серебряное ведро с золотой отделкой (рис. 8, 9 и 10), которое Куфтин рассматривает вместе с обнаруженным в кургане серебряным кубком (рис. 11 и 12), что позволяет ему говорить о генетической зависимости в стилистическом отношении одного от другого. Оба предмета покрыты чеканным рельефным орнаментом. На серебряном кубке в верхнем фризе изображена процессия из 23 одетых в хитоны человеческих фигур, стоящих друг за другом. Они держат в руках большие кубки и подходят к такой же фигуре, сидящей на стуле без спинки. Перед сидящей фигурой — большой кубок и трехногий жертвенник, по сторонам которого лежат два длиннохвостых животных (собаки?). Сзади — дерево, из ствола которого вытекают в обе стороны струи воды. Фигуры все одеты одинаково «в короткий, отороченный бахромой, разрезанный с подола до ворота запахивающийся хитон, без пояса, узкие ноговицы и обувь с загнутыми вверх носками; сзади у каждого спускается донизу подвязанный пушистый хвост, в руках — кубки». Здесь представлена культовая сцена — шествие с дарами к божееству, сидящему на троне. Позади божеества изображено дерево жизни с вытекающими из ствола двумя струями воды. Второй фриз на кубке — девять следующих друг за другом оленей, попеременно — самцов с тяжелыми рогами и самок без рогов. Такой же ряд оленей изображен и в нижнем ряду композиции на серебряном ведре; среди кустов и деревьев представлены козлы, серны, козули, олени двух видов, кабаны. Наконечники стрел воткнуты в грудь некоторых животных, подчеркивая охотничью композицию. Аналогичные изображены в культовой сцене глиняные кубки на полной ножке (раструбноконические) обнаружены Б. А. Куфтиным в погребениях поздне-бронзовой эпохи у дороги Бешта-шени-Сафар-Хараба (рис. 14). В своей книге автор э того сопоставления не делает.

Интересна и находка из кургана VIII, где была открыта керамика третьего комплекса, в погребении на поверхности грунта; это прежде всего ожерелье из золотых полихромных бус очень крупных размеров, выполненных той же техникой, что и золотой кубок из кургана XVII. Буса инкрустирована камнями — оранжевый сердолик с зерньевым обрамлением. Датирует ее Куфтин, по находке в Вафио, около 1500 г. до н. э. Вместе с этой бусой (рис. 13) был найден в кургане VIII агатовый кулон в золотой оправе, с шлифованными зернами сердолика. Кулон и обнаруженные вместе с ним золотые височные завитки уводят автора к аналогиям из царских гробниц Ура и Урука, точно так же как и деревянная колесница на четырех колесах, обнаруженная в одном из курганов, и указывают на древние традиции Шумера. Теперь, после получения книги Е. Herzfeld'a «Iran in the Ancient East», агатовый кулон из Цалки должен быть сопоставлен с золотым кулоном с агатом и лапис-лазурью, обнаруженным в Тере гуян и датируемым 1400 г. до н. э.

Весь комплекс уникальных находок из больших курганов в Триалети представляет, — несмотря на огромное количество привлеченных Куфтиным аналогий, главным образом, из переднеазиатского Востока, — совершенно новую и исключительно блестящую культуру. Вполне естественно, что автор ставит сразу же себе задачу не только дать хронологию открытым памятникам, но и сопоставить триалетские памятники эпохи средней и поздней этапа древней бронзы с ранее известными находками в Закавказье примерно того же времени, и прежде всего с находками культуры расписной керамики Кызыл-Ванка. Наиболее древними находками автор считает грунтовые могилы под небольшой каменной насыпью с расписными сосудами на реке Занге, обнаруженные в 1896 г. Чарковским у деревни Тазакенд и датируемые им первым стилем эламской керамики (IV—III тысячелетие до н. э.). Вместе с тем автор сравнивает их с керамикой из первого комплекса триалетских курганов, датирует эти последние, как указывалось выше, первой половиной II тысячелетия до н. э. Этот хронологический разрыв остается невыясненным в книге Б. А. Куфтина.

Материалы из раскопок Федорова в Кызыл-Ванке Куфтин считает следующим этапом (после керамики из Тазакенда) — Кызыл-Ванк I, а расписную керамику из раскопок в 1926 г. И. И. Мещанинова в Кызыл-Ванке — более поздней (Кызыл-Ванк бис) и, наконец, керамику из раскопок А. А. Миллера, обнаруженную в погребениях вместе с железными украшениями, он датирует эпохой Ванской экспансии и называет Кызыл-Ванк II.

Следует дополнительно указать, что новым и важным для датировки расписной керамики Закавказья является материал из раскопок 1936—1937 гг. в Армении, на холме Муханнат-Тапе, где в нижнем слое, залежавшем под культурными остатками урартского времени, вместе с черной лощеной керамикой находилась и расписная посуда. Это отчасти подкрепляет датировку расписной керамики Закавказья серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. и вместе с тем решительно должно изменить мнение о датировке Кызыл-Ванка (и, видимо, Тазакенда) IV и III тысячелетием до н. э.

К курганным погребениям древнебронзовой эпохи Б. А. Куфтин относит две совершенно различные группы: первая представляет группы курганов, которые можно считать кочевническими или связанными с населением, временно пребывающим на высокогорных пастбищах. Автор исследовал несколько таких курганов в южной, высокой части Триалети, на перевале к Параванскому озеру, на высоте около 2 200 метров над уровнем моря. Для этих курганов характерна насыпь из крупных обидиановых обломков. Комплекс погребений такого типа автор, на основании сочетаний в его инвентаре примитивных медных клинков и гематитовой булавы, сопоставляет с рядом находок из энеолитических слоев Сирии и Палестины и со вторым слоем Алишарского холма древнебронзовой эпохи и датирует концом III тысячелетия до н. э.

Вторая группа курганов древнебронзовой эпохи отличается крайней бедностью инвентаря. Эта бедность, замечает автор, находится в противоречии с огромным трудом, затраченным на устройство погребения с большой каменно-земляной насыпью и глубокой могильной ямой, предназначенной для погребения одного человека. В одном

случае яма оказалась глубиной от поверхности грунта в 7,5 метра; в другом размер самой насыпи достигал 5 метров высоты при 45 метрах в диаметре. Кости сохраняются чаще, чем в больших триалетских курганах; в одном случае удалось проследить положение покойника на боку, с подогнутыми ногами. Среди инвентаря — плоское медное лезвие, четырехгранное бипирамидальное медное шильце, относящееся к эпохе меди, керамика. Типологически анализ, главным образом, керамического инвентаря

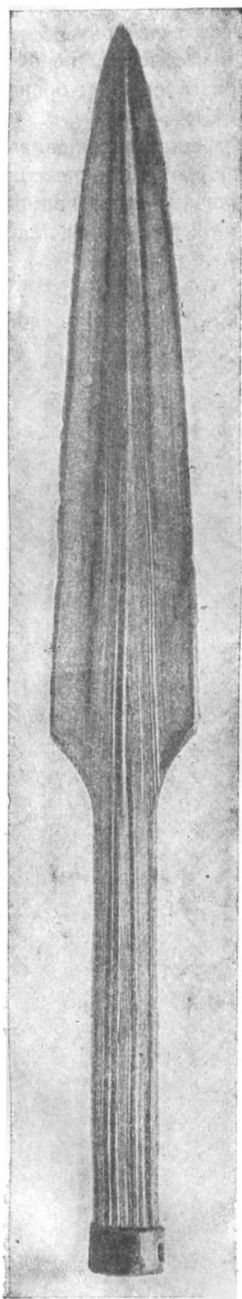

Рис. 5. Бронзовое копье с серебряной обоймой из кургана XV

Рис. 6. Золотой кубок, украшенный аппликацией, филигранью и вставными камнями из кургана XVII

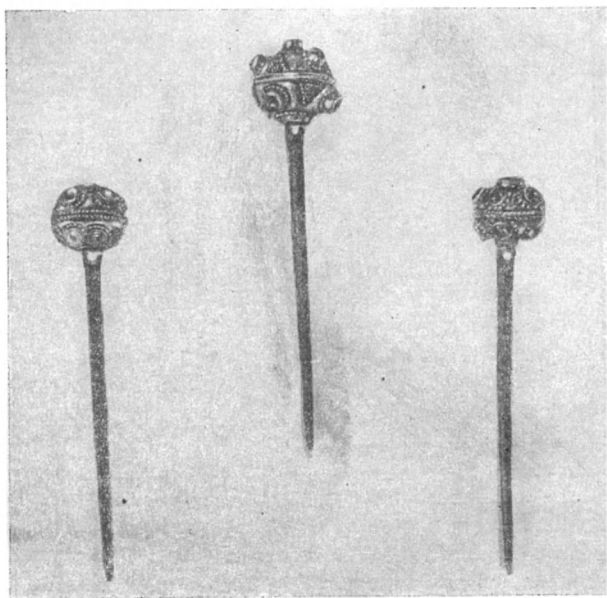

Рис. 7. Серебряные булавы с золотой головкой из кургана XVII

позволяет автору обосновать хронологическое место этих курганов. Керамика рядом своих особенностей тяготеет к древнему энеолитическому слою, найденному и в Триалети и прослеженному по музейным материалам, происходящему с южного Кавказа.

Автор совершенно справедливо замечает, что изучение материалов периода древней бронзы и энеолитического позволит «очертить территориальный размах и установить, таким образом, направление культурной преемственности в этот критический период истории развития родового общества на Кавказе и, в частности, подойти к выявлению условий возникновения цветущего культурного очага средней бронзы в Триалети» (стр. 105).

Не меньший интерес вызывает третья часть книги Б. А. Куфтина, посвященная погребениям энеолитической эпохи и нижнему культурному слою циклопических крепостей в Триалети, — эпохи наиболее загадочной, почти совершенно не изученной, несмотря на ряд находок, характеризующих этот особый древний культурный пласт на широкой территории Кавказа.

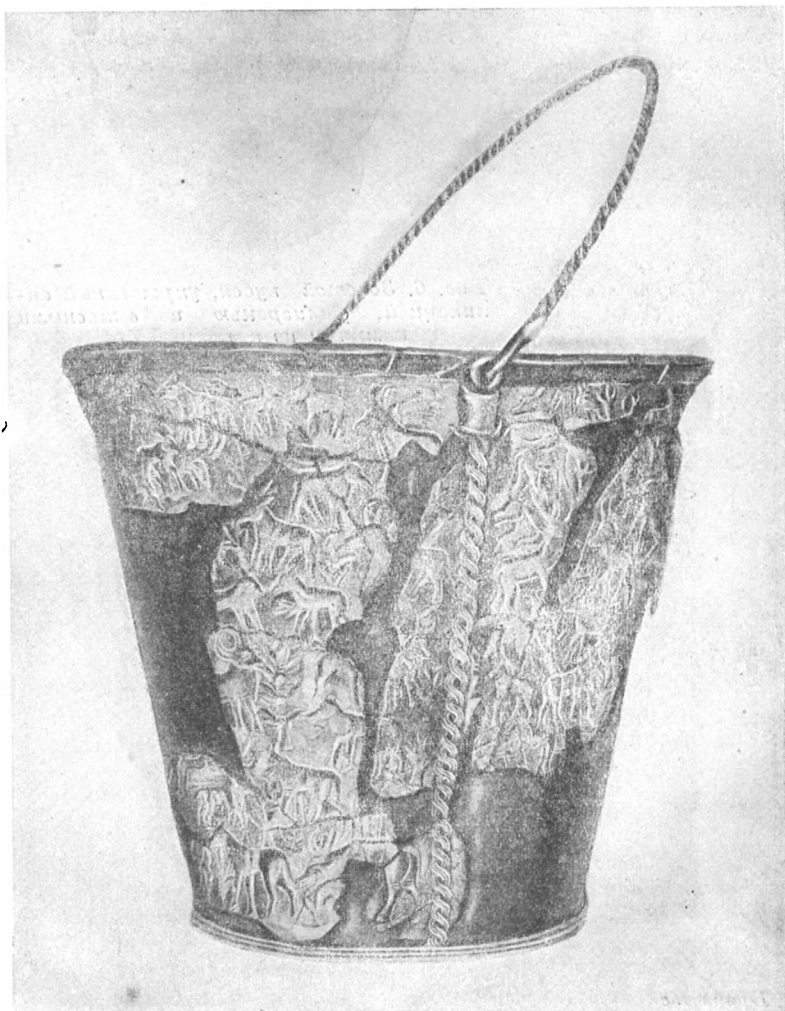

Рис. 8. Серебряное ведро в золотой оправе из кургана XVII

Рис. 9. Деталь чеканки на серебряном ведерке

Рис. 10. Деталь чеканки на серебряном ведерке

Древнее Бешташенское поселение расположено на мысу и представляет собою остатки циклопической крепости. Раскопкам было подвергнуто несколько пунктов, как внутри крепости, так и вне ее. Открытый здесь культурный слой, достигавший 3 метров мощности, обнаружил наличие характерной черной лощеной керамики (рис. 14) с выпукло-вогнутым своеобразным линейно-геометрическим орнаментом (широко известным в Закавказье на таких энеолитических поселениях, как Шенгавитское около Еревана и Шреш-Блур у Вагаршапата), а также красной лощеной керамики. Поселение характеризуется, кроме керамического комплекса, чаще всего мощными отложениями зольных слоев, костями домашних животных, глиняными статуэтками животных (барана), каменными зернотерками, пестами, шлаком, строительным «воздушным кирпичом», редкими поделками из кремня, обсидиана и кости, а также остатками очагов и жилищ. В целом поселения свидетельствуют о принадлежности их обитателей к оседлому земледельческому обществу, складывающемуся к концу III — началу II тысячелетия до н. э. и обнаруживающему, как пишет автор, «поразительную однородность на значительной территории южного Кавказа, от Арарата и до Тбилиси, от Нахичевани и Степанакерта до Триалети и даже далее, до Западной Грузии» (стр. 114).

Рис. 11. Серебряный кубок из кургана V

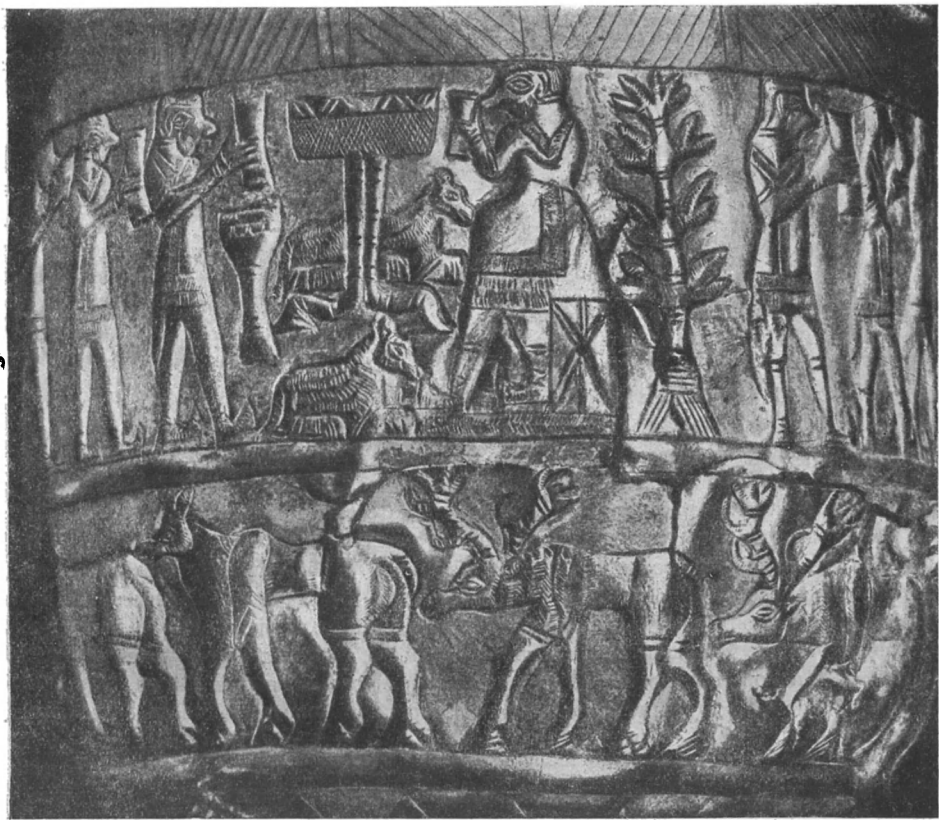

Рис. 12. Деталь чеканки на серебряном кубке

Последнюю, заключительную главу Б. А. Куфтин посвящает древнейшим памятникам, открытым в Цалкинском районе, — Бармызской эппалеолитической стоянке на левом берегу реки Храма, с большой серией орудий из обсидиана, который с конца палеолитической эпохи вывозился с Малого Кавказа в Переднюю Азию. В этом обстоятельстве Куфтин усматривает основу для быстрого развития культурных связей с Месопотамией, Шумером и Эламом, где в слоях неолитической эпохи обсидиановые изделия становятся особенно многочисленными. Новые материалы цалкинских курганов и многочисленный исторический и лингвистический материал, привлеченный Куфтиным в процессе его исследования, наполняют совершенно «новым содержанием существовавшие до сих пор исторические представления о месте Кавказа в развитии древневосточного мира» (стр. 124).

В заключение Куфтин в своей книге ставит и пытается разрешить еще одну важную проблему — этногенеза народов современной Грузии. Прежде всего, новая культура Цалки, относящаяся к первой половине или к середине II тысячелетия до н. э., вместе с обобщениями, сделанными Куфтиным о длительной медно-бронзовой эпохе культуры расписной керамики на Кавказе, «совсем по-иному рисует нам историю доурартийского периода и историю Ванского царства — первого государственного образования на территории СССР» (стр. 126). Ряд черт вновь открытой культуры позволяет Куфтину учитывать значение чисто местных общественных сил «в процессе формирования ближайших предшественников последующих государственных образований южного Кавказа» (стр. 126). Б. А. Куфтин полагает, что в возникновении народов южного Кавказа участвовали горные народы, хурриты или харрийцы, происхождение которых он склонен искать в восточной, а не в западной части древнего Востока.

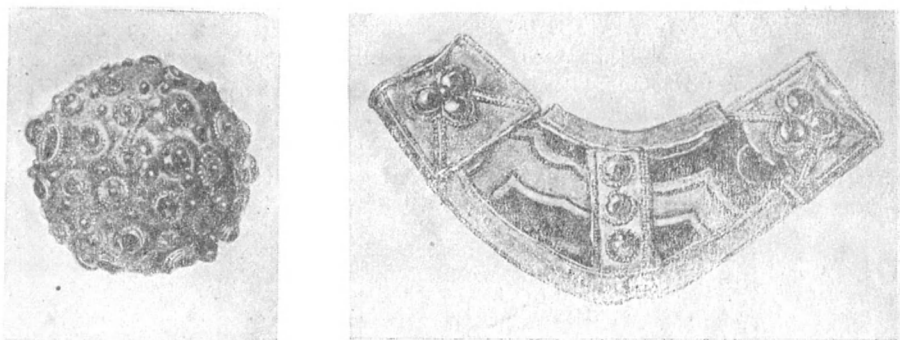

Рис. 13. Золотая буса и агатовый кулон ожерелья из кургана VIII

Куфтин подчеркивает, что на Кавказе приходится ожидать «многослойного пересечения культурных течений, как восточных переднеазиатских, так и западных» (стр. 128).

Новые раскопки американской экспедиции на озере Ван и наблюдения, сделанные там исследователями в 1939 г., показывают, что на границах с южным Кавказом существовала, как пишет в последней своей работе Б. Б. Пиотровский, «древнейшая монолитная сиро-месопотамская культура, отличная от западно-малоазиатской, лишь в самых нижних слоях обнаруживающая сходство с протохалафскими изделиями северной Месопотамии. Большое количество изделий из обсидиана указывает на ранние сношения Ванской территории с Кавказом, причем расписная керамика, залегавшая в основном в слоях доурартийского периода, продолжает существовать с древнеурартийской»¹.

Далее Б. А. Куфтин утверждает, что «блестящая курганная культура Триалети свидетельствует об очень древних связях с южным Кавказом предков грузинских племен, издавна занимавших отдельными своими племенными ветвями эту территорию и, в частности, области водоразделов Куры и Аракса, Евфрата и Чороха» (стр. 130). В связи с этим положением особенно интересно становится, когда автор на новом археологическом материале показывает «наличие чисто местных, идущих от своеобразия южнокавказского энеолита, глубочайших корней грузинской культуры на Кавказе, с поразительным ее расцветом в эпоху средней бронзы» (стр. 131).

Заканчивая краткий, далеко не полный обзор книги Б. А. Куфтина, удостоенной Сталинской премии, я позволю себе высказать некоторые пожелания, которые, мне думается, могут быть выполнены автором или при переиздании разобранного труда (изданного тиражом всего в 1500 экземпляров) или же внесены в виде дополнений в следующиеготавливаемые автором томы той же серии о замечательных археологических открытиях в Триалети.

Первой и основной своей задачей автор поставил выяснение периодизации разновременных археологических памятников, добытых им в процессе раскопок в одном сравнительно ограниченном районе Грузии. Как отмечалось мною выше, Б. А. Куфтин с большой убедительностью и с привлечением разнообразных материалов соседних стран устанавливает относительную и абсолютную хронологию вновь открытых триалетских памятников, однако делает это на протяжении всех глав книги не с одинаковой полнотой. Так, особенно приходится сожалеть, что вторая часть книги, посвященная наиболее интересному и загадочному периоду больших цалкинских курганов, построена автором в несколько ином разрезе, чем остальные части книги.

Во второй части опубликовано лишь некоторое, сравнительно небольшое, количество выборочного археологического материала из всех 42 курганов, раскопанных автором за эти годы, тогда как в первой части, где дается обзор инвентаря могильни-

¹ Б. Б. Пиотровский. Новая страница древнейшей истории Кавказа. Армянский филиал Академии Наук СССР, Ереван, 1943, I, стр. 53.

Рис. 14. Глиняные кубки с полой ножкой из погребений позднебронзовой эпохи, могильники у дороги Вешташени—Сафар-Хараба

ков железной и позднебронзовой эпохи Цалкинского плоскогорья, автор дает с исчерпывающей полнотой все комплексы находок различных эпох. Кроме того, привлекаемый во второй части книги археологический материал анализируется и сопоставляется автором в виде отдельных предметов. Не всегда дается представление о реальном соотношении находок в том или другом кургане или погребении. Тем самым намеченные автором комплексы керамики, обнаруженные совместно с теми или иными изделиями из драгоценного металла, не получают в издании необходимого подтверждения.

Вторая, не менее важная задача, выдвинутая Б. А. Куфтиным в его книге, — показать древние, местные корни культуры Грузинского государства начала нашей

эры. В связи с этим автор пытается проследить преемственность замечательного ювелирного мастерства культуры Триалети середины II тысячелетия до н. э. на протяжении длительного времени. Однако, как ни подчеркивал он эту преемственность, разрыв, о котором упоминает и сам автор (стр. 132), неминуемо получился в одну из эпох, а именно в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

В поисках преемственности в последующих фазах развития культуры Триалети автор рассматривает только один из признаков этой богатой культуры, а именно ювелирное мастерство, и недостаточно уделит внимания прослеживанию путей развития культуры цалкинских курганов в целом. Совершенно необходимо было бы приложить к книге подробную карту всей территории Кавказа с указанием расположения одновременных и разновременных памятников и с нанесением ареалов распространения отдельных племенных объединений, начиная с древнейших периодов.

Б. А. Куфтин уделяет недостаточно внимания, как мне кажется, прослеживанию взаимосвязей вновь открытой им культуры в свете ранее известных памятников Куро-Араксинского Двуречья, хотя бы по времени и более поздних, относящихся к концу II и началу I тысячелетия до н. э. Мало внимания, как мне кажется, уделяет автор и безусловно имевшим место в конце III и начале II тысячелетия влияниям культуры цалкинских курганов в области Северного Кавказа. В эту эпоху влияние переднеазиатских цивилизаций проникает далеко за пределы Цалкинского плоскогорья — на север, и нельзя не вспомнить здесь материалов, стадияльно и хронологически близко стоящих к культуре Триалети; это — раскопки майкопского кургана, свидетельствующего о связях с югом, с древневосточными культурами и с областями Передней Азии. В майкопском погребении были также обнаружены многочисленные украшения из драгоценных металлов — золота, серебра, лазурита, сердолика и бирюзы, золотые и серебряные сосуды, а также медный проушной топор и плоские медные топоры эпохи раннего металла на Северном Кавказе.

В заключение следует пожелать Б. А. Куфтину продолжить издание серий материалов «Археологические раскопки в Триалети», первый том которых явился блестящей страницей в ряду больших открытий, сделанных советскими археологами за последнее двадцатипятилетие в области изучения прошлого нашей родины.

Г. С. Пассек

«ОЛЬВИЯ», т. I, Изд-во Академии Наук Украинской ССР, Киев, 1940, 304 стр., 108 рис. в тексте, 49 табл.

Археологические раскопки в Ольвии имеют свою историю. Спорадически, с большими промежутками, они велись в течение всей второй половины XIX века. Систематический характер их установился только с 1901 г., когда работу повел покойный Б. В. Фармаковский. С тех пор, хотя и было несколько перерывов, вызванных различными обстоятельствами, но они не повлияли сколько-нибудь существенно на систематичность исследования этого греческого города. Напротив, после того как закончилась гражданская война, раскопки в Ольвии постепенно расширялись и достигли исключительного размаха.

Совместными усилиями научных коллективов Института археологии Академии Наук Украинской ССР и Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР совершается с методичностью и полной компетентностью как вскрытие новых мест древнего города, так и тщательная консервация древних зданий и сооружений. Те же коллективы проводят предварительную камеральную и исследовательскую работу над добытыми материалами. Всю эту научную работу возглавляет член-корреспондент Академии Наук Украинской ССР Л. М. Славин, энергии которого принадлежит колоссальная доля произведенной и производимой работы.

Реальным плодом этой исследовательской работы является рецензируемый кол-

лективный труд «Ольвия», т. I, заключающий в себе отчеты о раскопках за 1935 и 1936 гг., а также публикацию материалов и некоторые исследования. В соответствии с таким характером издания оно распадается на три отдела: 1) отчеты, 2) материалы, 3) исследования.

Отчет о раскопках 1935 и 1936 гг. написан Л. М. Славиним. Прежде всего был подвергнут исследованию раскоп «И». Раскопки открыли, в дополнение к ранее известным, еще ряд погребений, принадлежащих как грекам, так и туземному «скифскому» населению. Продолжалось исследование стены, с IV века до н. э., включившей прежнее кладбище в территорию города. Стена состоит из двух рядов плит, в промежутках между которыми уложен каменный бут. Удалось обнаружить также, что между верхним и нижним городом на специальных террасах воздвигались здания. Открыты большие кварталы эллинистического времени.

Особенно интересно так называемое «большое северное здание», состоящее из одиннадцати помещений и трех дворов. Оно пережило, по крайней мере, три строительных периода. Постепенно уровень мостовой перед зданием повышался, так что со временем пришлось соорудить специальную лестницу для спуска во двор. Наличие в здании нескольких довольно значительных подвалов, алтаря, многочисленных терракот, изображающих Кибелу, Деметру, Афины и Кору, позволяет видеть в этом здании какое-то общественное здание, соединявшее в себе культовые и хозяйственные функции.

Из других зданий отметим еще большое южное здание с интересными хозяйственными помещениями, в частности с кухней, представляющее собою, несомненно, богатый жилой дом эллинистической эпохи.

На верхней террасе открыты остатки зданий двух последовательных строительных периодов. В общем установлено наличие построек III века и до рубежа II—I веков до н. э.

Раскоп «НГ» входит в состав нижнего города. В частности, была открыта крепостная стена послегетской эпохи с комплексом прилегающих помещений. Это открытие показало систему защиты южной части нижнего города, особенно интенсивно жившей в римское время. Комплекс примыкающих к стене зданий состоит из жилищ, что доказывалось обилием находок бытового значения: простая керамика, светильники, костяные иглы и шилья, пряслица, оселки, железные ножи и т. п. Особенно интересно здание пекарни с двумя печами во дворе. В другом помещении этого же здания была обнаружена кухонная печь с остатками рыбьих костей и пифоса для кипячения воды. В этом здании найдено и творило размерами $2,12 \times 2,75$ метра. Интересен под очень большой печи в помещении «е», с устьем до 70 сантиметров шириной. Следует еще отметить несколько открытых в здании больших пифосов. Открытие пекарни позволяет по-новому взглянуть на организацию городской жизни Ольвии в римское время. Обильные находки говорят о жизни послегетской Ольвии с I века н. э. Наибольшее их число падает на II и III века. Особенно много найдено светильников и местной керамики. Лепной керамики становится меньше. Зато возрастает группа серой лощеной керамики с разнообразными геометрическими узорами, представленной кувшинами и мисками.

Раскопки 1935—1936 гг. дают, таким образом, представление о новых видах ольвийских зданий и о стратиграфии послегетских слоев, характеризующих новыми типами местной керамики.

Отчет написан ясно, читается легко и с большим интересом. Очень жаль, что различные фото раскопок лишены масштабов. Это вызывает иногда неточное зрительное впечатление о соотношении величин зданий.

Следующие две статьи в разделе «Материалов» представляют интерес только как публикации вещественных материалов. М. М. Худяк публикует 36 терракот, большей частью из раскопа «И»: три относятся к Кибеле, две — вероятно головки Афины, пять головок — Деметры и т. п. Все описания сопровождаются более или менее удачными аналогиями. Важно указание на ряд импортных статуэток из Малой Азии. Е. И. Леви публикует «Привозную греческую керамику из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.». Сообразно содержанию слоя раскопа «И», в ее работе представлена преимущественно

керамика эллинистического времени. Материал в целом лишний раз подтверждает уже известные категории эллинистического импорта в Ольвию.

Как и все работы Т. Н. Книпович, ее публикация — «Керамика местного производства из раскопа «И» — читается с исключительным интересом. Самым неразработанным вопросом в археологии греческих колоний кга СССР является тема о местной керамике. Исследований по ней нет совсем. Есть только упоминания в отдельных отчетах. Согласно свою работу с технологическим анализом О. А. Кульской, Т. Н. Книпович дает четыре группы местной керамики. Первая группа — керамика, изготовлявшаяся без гончарного круга. Т. Н. Книпович совершенно права, когда она делает вывод, что «типы сосудов... и все детали форм и орнаментации встречаются большое количество повторений в материале типичнейших скифских комплексов». Дополню, со своей стороны, что громадное скифское городище близ Каменки на Днепре полностью повторяет эту группу «ольвийской» керамики. Важно также указать, что, судя по количеству находок сосудов этой группы, роль ее производства в Ольвии была велика. Интересны также приводимые автором образцы керамики, античной по форме, но скифской по технике. Странно, однако, что автор не отмечает, сделана ли эта керамика жгутовой техникой или как-нибудь иначе. По крайней мере, керамика скифская выполнена именно так. Не отмечено также, встречаются ли на днищах керамики этой группы отпечатки ткани, что так обычно для скифской посуды Нижнего Приднепровья. Ко второй группе принадлежит посуда, сделанная на гончарном кругу, но лишенная внешней отделки. Т. Н. Книпович отмечает в них все характерные сорта ольвийских глин. К этой керамике относится прежде всего кухонная посуда (сковороды, разные горшки, кувшины), простые светильники, бальзамари, лутерии и т. п. Как и керамика первой группы, керамика второй группы удовлетворяет самым широким бытовым нуждам. Не менее важна третья группа. Здесь автор устанавливает некоторые наиболее вероятные для Ольвии типы краснолаковой и чернолаковой местной керамики. Четвертую группу составляет местная расписная керамика.

Чрезвычайно важна статья О. А. Кульской «Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий». Автор тщательно изучил ряд фрагментов местной керамики, дал характеристику местного сырья. Показано, что для многих гончарных изделий применялась местная глина, что обработка этой глины бывала различна; установлены температуры обжига; доказано местное изготовление лаковой, по терминологии автора «глазурованной», керамики. Это исследование уже подкрепило археологические повторения и выводы Т. Н. Книпович. Можно не сомневаться, что в дальнейшем работа О. А. Кульской принесет еще более ценные результаты.

Статья М. А. Наливкиной «Костяные изделия из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг.» впервые вводит археолога в понимание роли кости в ольвийском быту. Иглы, шилья, булавки, стили, рукоятки ножей, ложечки, кольца, пряслица и многое другое делалось из кости. Изделия изготавливались из кости домашних животных, из оленьего рога, из привозных бивней слона. Жаль, что не дан рисунок ножа № 31 (996/36). Поскольку можно судить по описанию, это — обычная ручка скифского типа ножей. Было бы очень интересно констатировать наличие влияния Скифии в этой области.

Из статьи И. Г. Пидоплички мы впервые узнаем о составе и количественном соотношении домашних животных в Ольвии, о породах охотничьих животных и птиц, о рыбах, служивших пищей ольвиополитам. Преобладали коровы, притом часто комолые, что подтверждают данные Геродота.

А. Н. Зограф дал описание около четырехсот монет. Наиболее интересны монеты других городов: Тиры, Херсонеса, Пантикалея, ряда городов фракийского Понта, Калхедона, Пруссия II Вифинского, Приены, Клазомен, Книда и т. д. Это указывает на разнообразие торговых сношений Ольвии, особенно для эллинистического времени.

А. С. Копевалов публикует эпиграфические находки тех же годов. Весьма интересна надпись № 1, правильно относимая к рубежу III—II веков до н. э.; это декрет почетного характера с упоминанием урочища Νοτιά ὁρίμ[η]. Мне, впрочем, кажется слишком произвольным восстановление перед этими словами этнического названия термина микселлинов. Надпись № 2 — почетный декрет римского времени в честь Сатурнина,

сына Писистрата, и других граждан города Прусиады. К сожалению, он слишком фрагментарен. Надписи № 3—8 — небольшие, мало что говорящие фрагменты. Очень жаль, что автор, много занимающийся керамическими клеймами, не дал их публикации. Он ограничился цифровым перечнем их по местам производства и переименованием тех, которые ему почему-то кажутся наиболее интересными. Далее автор упорно пытается опровергнуть выдвинутые мною положения о синопской принадлежности клейм с названиями астиномов и о гераклейском происхождении английских клейм. Однако его «опровержения» никакими деловыми аргументами не подкрепляются.

В разделе «Исследования» помещены прежде всего интересные статьи С. А. Жебелева: 1) «Что понимать под «Борисфеном» в IosPE, 1², 24?» и 2) «Ольвия и Митридат Евпатор». Первая из них убедительно доказывает, что под Борисфеном надписи следует понимать не Днепр, а Днепро-Бугский лиман. Статья перепечатана из ИТУАК, 1918, № 54, с небольшими дополнениями и изменениями. Вторая посвящена надписи IosPE, 1, 35: в ней упомянуты Ἀρμένιοι — жители Армении, пригорода Синопы, переселенные Митридатом Великим в Ольвию¹.

Последняя статья А. Н. Зографа «Находки понтийских монет Митридатовского времени в Ольвии» — хорошо гармонирует с предшествующей статьей С. А. Жебелева. Автор убедительно показывает, что распространение подобных монет не было случайным на Северном Причерноморье, но являлось частью системы Митридата VI по освоению этих областей, в частности Ольвии. В этом А. Зограф также совершенно справедливо видит начало той системы обращения золота и меди без серебра, которая устоялась в Причерноморье с царствования Асандра.

В заключение отмечу, что внешне прекрасно оформленный сборник должен служить образцом для других отчетов по исследованию греческих городов нашего Юга. Особенно важна публикация материалов по отдельным, ранее не трактовавшимся в нашей литературе вопросам, как местная керамика, кость, остеология животных и т. п.

Проф. Б. Граков

ПЛУТАРХ. «Избранные биографии», перевод с греческого, под редакцией и с предисловием проф. С. Я. Лурье, Ленинградский гос. университет, исторический факультет, М., 1941, 490 стр.

Рецензируемая книга распадается на две главные части: биографии греков V века, биографии римлян II и I веков до н. э.

Основной целью издания нового перевода «Избранных биографий» Плутарха, по словам редакции, является помощь преподавателю и студенту при работе в семинариях по античной истории. Руководствуясь этим соображением, редакция нашла нужным выбрать из «Жизнеописаний» наиболее интересные для изучения в студенческой аудитории, снабдив их вводными статьями и комментарием.

О пользе такого рода издания для нашего университетского преподавания не может быть двух мнений. Хорошо сделанный перевод с солидным, хорошо составленным комментарием является необходимым пособием в работе студентов-историков. С этой точки зрения появление книги, выпущенной историческим факультетом Ленинградского государственного университета, надо признать весьма своевременным и ценным. Авторы разбираемой книги весьма удачно остановили свой выбор на сочинениях Плутарха. В самом деле, ни одного из крупных исторических произведений Фукидида, Геродота, Полибия, Ксенофонта, Аппиана или Аристотеля нельзя читать со студентами, не пользуясь в то же время биографиями Плутарха; да и Плутарх сам по себе представляет чрезвычайно благодарный материал для студенческой аудитории. Самый выбор биографий — биографии деятелей V века для истории Греции и II—I ввекв

¹ См. также КСИИМК, вып. IV, стр. 31 и сл.

до н. э. для истории Рима — также следует считать весьма удачным: на этих двух эпохах преимущественно останавливается внимание преподавателя при выборе темы для семинарских занятий со студентами. Все это несомненно положительные стороны разбираемой книги. Всестороннюю оценку ее содержания несколько затрудняют «неровности» в работе авторов, которые отмечает и сама редакция. Необходимо разобрать каждую из ее составных частей в отдельности.

Остановимся прежде всего на самом подборе вошедших в книгу биографий. Если биографии греческих деятелей V века охватывают целиком эпоху, как она отражена в жизнеописаниях Плутарха, то для истории Рима II и I веков до н. э. сделан только частичный отбор, который никак нельзя признать удачным. Из 12 биографий, относящихся к данной эпохе, в книгу вошло только 7, поэтому, за исключением эпохи Гракхов, книга не дает достаточно полного материала для истории Рима II и I веков. Как можно использовать биографию Суллы, когда в книге нет биографий ни Мария, ни Лукулла, Марка Красса и Цезаря — без биографий Помпея и Сертория? Для эпохи Цезаря есть Брут и Цицерон, но отсутствуют Катон и Антоний. Если по тем или иным причинам в одном томе нельзя было дать всех биографий римлян II и I веков до н. э., то во всяком случае биографии Мария, Лукулла, Сертория и Помпея должны были войти в данную серию, иначе биографии Суллы и Красса остались совершенно изолированными и недостаточными для использования их в семинарских занятиях со студентами.

Еще более неудачным приемом сокращения текста объясняется, повидимому, и пропуск некоторых глав в самих биографиях Плутарха. Так, биография Кимона начинается с главы 4, а биография Перикла — с главы 3. При этом редакция не сочла даже нужным дать объяснения такому произвольному урезыванию текста, если не считать коротенького примечания к биографии Кимона о том, что «первые три главы, кроме нескольких строк в конце третьей, посвященных сравнительной характеристике Лукулла и Кимона, к биографии последнего отношения не имеют» (стр. 68).

Непонятно, почему сравнительная характеристика Лукулла и Кимона не имеет отношения к биографии Кимона; и уж во всяком случае она очень интересна для характеристики приемов работы Плутарха.

К биографии Перикла редакция не сочла нужным дать даже и такое объяснение.

На наш взгляд, такого рода произвольное сокращение текста ничем не может быть оправдано. Можно было сколько угодно сокращать вводные статьи, комментарии и пр., но никак не текст автора. Останавливаясь на этой детали потому, что она и сама по себе заслуживает внимания и свидетельствует об односторонности постановки вопроса об изучении Плутарха как источника для различных эпох античности.

Вводных статей три в рецензируемой книге. Первая из них — «Плутарх и его время», — написана проф. С. Я. Лурье и является вводной ко всей книге в целом. Автор дает сначала очерк положения провинций в эпоху Траяна, а затем переходит к характеристике мировоззрения и литературной деятельности Плутарха. Статья написана живо и интересно. В ней отмечен своеобразный «патриотизм» Плутарха, подчеркнуто его отношение к рабству и другие характерные черты мировоззрения Плутарха. Что касается Плутарха, как исторического источника, то автор очень обоснованно критикует устаревшую в настоящее время точку зрения на Плутарха как на компилятора, совершенно механически соединявшего отдельные excerpts из известных ему литературы. Неправ, однако, автор, когда он такую точку зрения на Плутарха приписывает Эд. Мейеру, ссылаясь на статьи Эд. Мейера в «Forschungen zur alten Geschichte» (I, 261 и II, 65). Для Эд. Мейера и его школы в том, что касается методов анализа источников, несравненно большее значение имеет его статья в «Kleine Schriften» (ср. Untersuchungen zur Geschichte d. Gracchen), где он полемизирует с формально-филологическими приемами критики источников Шварца в RE; в указанной проф. Лурье статье о приемах работы Плутарха (Forschungen, II, 65, и сл.) Эд. Мейер также далек от приписывания Плутарху чисто механических приемов. Отмечу также, что чрезвычайно интересная и оригинальная работа Varbu, на которую ссылается

автор, заслуживала бы несравненно большего внимания, чем ей уделено в вводной статье проф. С. Я. Лурье (стр. 11).

Большого внимания и всестороннего освещения заслуживала бы в вводной статье и постановка вопросов, связанных с изучением «Жизнеописаний» Плутарха как исторического источника. При современном состоянии изучения Плутарха можно определенно утверждать, что его «Жизнеописания» не только служат для нас источником для восстановления исторических фактов той или ин-й эпохи, но и дают богатейший материал для изучения истории общественной мысли античности; в биографиях мы находим отражение философско-политических теорий о государстве и личности (биографии Ликурга, Агиса и Клеомена); полемику по поводу оценки деятельности наиболее выдающихся политических деятелей (Фемистокл, Аристид, Алкивиад); отражение богатейшей, в большинстве случаев утерянной для нас, публицистической литературы античности. Нечего говорить о том, какой богатый материал дают «Биографии» Плутарха для изучения историографии античности; достаточно, например, сопоставить описание битвы при Саламине у Геродота (VIII, 50 и сл.) и Плутарха («Фемистокл», гл. 10; в особенности Геродот, VIII, 65 и Плутарх, Фемистокл, гл. 15 и Дидор, XI 15 и сл.) или характеристику Спартака (Плутарх, биография Красса, гл. 8—11, и Аппиан, «Гражданские войны», I, 116—120), чтобы уяснить себе, как различно оценивались и освещались события в различных слоях античного общества в различные эпохи. Здесь, конечно, не место развивать всю совокупность вопросов, связанных с изучением Плутарха, но их установку и указание главной литературы мы вправе были ожидать в вводной статье к рецензируемой книге.

Историческая часть введения также вызывает некоторые замечания. Характеристика общества и состояния провинций в эпоху Траяна дана односторонне и неполно. Помимо весьма неудачного термина «стабилизация», для всей эпохи нет данных ни о большой внешней, ни о внутренней политике правления Траяна, и, что особенно заслуживает упрека, это — отсутствие упоминания о состоянии и направлении литературы и философии того времени; поэтому утверждение автора, что «Плутарх справедливо считается последним универсальным ученым эллинизма» (стр. 11), остается совершенно необоснованным и висящим в воздухе.

В основном такого же рода замечания напрашиваются и при чтении второй вводной статьи книги — «Две истории пятого века»; интересен замысел автора — нарисовать историю V века по Плутарху и сопоставить его данные с выводами новейшей историографии; но в такого рода историческом введении мы вправе ожидать четкого подведения итогов тому, что уже сделано в науке к настоящему времени, выделения спорных вопросов и постановки проблем дальнейшего исследования. Автор этого не сделал, а лишь изложил в аподиктической форме свою точку зрения. Текст Плутарха открывается биографиями Фемистокла и Аристида; необходимо было для руководства преподавателя и студента поставить вопрос о борьбе партий в эпоху греко-персидских войн, вопрос, как известно, очень спорный и сложный. Точка зрения автора не сформулирована четко, его положения разбросаны в примечаниях и не позволяют судить о его взглядах и их обосновании в целом.

Третья вводная статья рецензируемой книги — «Римские биографии Плутарха» — принадлежит перу Д. Калистова. Статья написана по иному плану, чем введение к биографиям греков. Автор в очень сжатой форме дает исторический очерк эпохи и касается главнейших вопросов об источниках Плутарха в римских биографиях и взаимоотношении с Аппианом в соответствующих частях его «Гражданских войн». Этот последний вопрос, на наш взгляд, освещен убедительно.

К сожалению, исторический очерк получился неполный. Так как за биографией Гракхов в книге следует биография Суллы, Д. Калистов от характеристики эпохи Гракхов сразу же переходит к положению дел в Риме в эпоху диктатуры Суллы. События, вызвавшие эту кратковременную единоличную власть, а следовательно, и оценка ее исторического значения, выпали, так как выпали промежуточные биографии. Этот недостаток статьи как нельзя более наглядно подтверждает правильность нашего

указания на недопустимость такого отбора биографий римлян, который мы имеем в настоящей книге.

Переходим к разбору примечаний. Основные требования, которые обычно ставятся к такого рода работам, вытекают из задачи всего издания: ориентировать читателя в источниках и литературе, необходимых для интерпретации текста; излишне говорить о том, что от примечаний такого рода требуется систематичность указаний, полнота их, точность ссылок, краткость и четкость формулировок.

Примечания к обеим частям книги построены по различным планам, — для биографии греков редакция сочла нужным дать «установочную» вводную статью, дать сравнительную оценку различных свидетельств и указания на те выводы, которые из них можно сделать. Комментарий к биографиям римлян, написанный кандидатами исторических наук Д. П. Калистовым и В. И. Холмогоровым, имеет в виду преимущественно семинарий иного типа. В этом комментарии даны только разъяснения непонятных терминов и названий, а также краткие исторические справки и приведены параллельно свидетельства или указания, где их можно найти, — как правило, без разбора их сравнительной ценности. Различный принцип в составлении примечаний, конечно, допустим, но в данном случае он носит случайный характер, — несомненно, что обе основные части книги должны быть пригодны для использования в семинарских занятиях любого типа как по истории Греции, так и по истории Рима.

Поскольку примечания построены по различным планам и принадлежат различным авторам, рассмотрим каждую из групп отдельно.

Комментарий к биографиям греков, составленный проф. С. Я. Лурье, содержателен и интересен; в примечаниях собран большой материал; в особенности ценны и полезны для занятий со студентами указанные комментатором эпиграфические и нумизматические данные.

Наряду с этими достоинствами приходится отметить и ряд недостатков. Прежде всего — пестрота и разнообразность комментирования; так, в примечаниях к биографиям Фемистокла и Аристиды автор уделяет много места своим собственным выводам и своей интерпретации наиболее спорных данных Плутарха; напротив, для примечаний к биографии Перикла автор, по его собственному замечанию (стр. 392), ограничился выборкой из комментированного издания Синтениса-Фура. Из других недостатков укажу на чрезвычайные длинноты в примечаниях к биографиям Фемистокла и Аристиды. Почти целые страницы заполнены выписками из Геродота и Фукидида, переводы которых имеются в доступных изданиях (см., например, стр. 359—360, стр. 363, прим. 110; стр. 389, стр. 391, прим. 70 и др.). Много места занимают собственные выводы автора по спорным вопросам (стр. 357, прим. 26; стр. 363, прим. 112; стр. 364, прим. 121 и др.). Однако систематические указания на авторов, сопоставление которых с Плутархом позволило бы читателю самому сделать выводы по тому или другому вопросу, в примечаниях нередко отсутствуют. В некоторых примечаниях нет необходимых данных, ориентирующих читателя в оценке сообщаемых фактов. Так, по поводу версии Аристотеля о роли ареопага в Саламинской битве приведена цитата из «Афинской политики», но не указано параллельное место «Политики» Аристотеля—1304а, 22; приводится пояснение о составе и роли ареопага в эту эпоху, но не упоминается об общей тенденции Аристотеля в его «Афинской политике» по отношению к Фемистоклу, а без такого указания и данные Аристотеля о Саламинской битве не могут быть правильно оценены (стр. 360, прим. 62). По поводу Саламинской битвы нет ссылки на соответствующее место Диодора, по которому можно судить о развитии античной историографии раннего и более позднего периодов:

Встречаются и ошибки, мешающие читателю воспользоваться указаниями примечаний; так, например, в примечании 79 (стр. 361) сказано «ср. Диодор XVII, 3» — в действительности приведенная цитата относится к кн. XI Диодора, гл. 17, 3.

Примечания к биографиям римлян, в отличие от примечаний к биографиям греков, ограничиваются указанием на параллельные тексты. Автор воздерживается от каких-либо выводов или оценок приведенного им материала источников. Такого рода

установка, конечно, имеет свой *raison d'être*, но руководящие, ориентирующие читателя краткие замечания и при таком плане примечаний были бы нелишни.

В целом примечания составлены тщательно; в ссылках дан богатый материал. Как на один из пропусков, можно указать на гл. 4 биографии Тиберия Гракха; по поводу замечания Плутарха: «Мне не безызвестно, что некоторые историки относят это сообщение к сватовству отца Гракха Тиберия к дочери Сципиона Африканского», — конечно, необходимо было указать на соответствующее место Ливия (XXXVIII, 57, 7—8).

Как и в примечаниях к биографиям греков, и здесь встречаются длиннейшие цитаты из Аппиана (например, стр. 434), текст которого имеется в доступном русском переводе. Редакция правильно отметила (стр. 3), что во время работы над биографиями римлян читатель должен иметь Аппиана всегда при себе; никакие цитаты в данном случае не могут быть достаточны. На эти длинноты цитируемых^а текстов Фукидида, Геродота и Аппиана считаю долгом указать, потому что они особенно подчеркивают необоснованность сокращений в тексте самого Плутарха.

Встречаются некоторые неточности и опечатки и в этой части примечаний; так, например, в примечании 36 (стр. 435) указано: «Веллей Патеркул 3, 6». Как известно, у Vell. Paters. нет книги 3; на стр. 434 дано примечание 20а, на которое нет ссылки в тексте; в примечании 32 (стр. 435) указана цитата Цицерона «Брут» 25, без указания параграфа (94), как это правильно сделано во всех остальных цитатах из Цицерона; такой же пропуск мы находим на стр. 435, прим. 33 — «Циц. «Об ораторе» 1,50» — следует цитировать 1,50, 216. Все цитаты из Полибия даны по русскому переводу Мищенко, сделанному с устаревшего в настоящее время издания греческого текста; необходимо было в скобках указать книги и главы издания Полибия Büttner-Wobst'a, чтобы дать читателю возможность сопоставлять Плутарха не только с русскими переводами Полибия, но и с греческим оригиналом.

Совсем обособленно от других примечаний приходится поставить оценку примечаний к биографии Цезаря. Во-первых, они несомненно составлены были для какого-то иного издания, а не для настоящей книги, ибо для чего в книге, где приведены целиком биографии Цицерона, Красса, Брута, пояснять в примечаниях, кто такие были Цицерон (стр. 480, прим. 7), М. Лициний Красс (стр. 482, прим. 63), М. Юний Брут (стр. 487, прим. 168) и многое другое. Во-вторых, неудовлетворительно даны пояснения таких институтов древнего Рима, как «народный трибун» (стр. 481, прим. 23), «претор» (стр. 482, прим. 47), «триумф» (там же, прим. 59). Всё разбирать считаю излишним, приведу только несколько примеров. Прим. 25, стр. 481: «Квестор — первоначально (когда это «первоначально»?) уголовный судья, а затем (когда же?) финансовый чиновник». Надо ли здесь доказывать, что античный город-государство управлялся не «чиновниками», а «магистратами», что выборная магистратура по существу отлична от бюрократической системы чиновников. На той же странице, прим. 30, курульные эдилы также именуются «чиновниками». Особенно поразительно прим. 104, стр. 484: «Марсово поле — *площадь* в Риме для военных упражнений на *Целийском холме*» (!!). Марсово поле расположено на равнине по течению реки Тибра *за пределами* померия (городской черты), к северу от Палатинского холма, а Целийский холм находится в противоположной части города, к югу от Палатинского холма.

Трудно понять, как в рецензируемой книге под редакцией такого авторитетного ученого, как проф. С. Я. Лурье, могли найти место такие примечания. Можно объяснить это только одним — редакция в них не заглянула.

Остается сказать еще о переводе «Биографий» Плутарха. Для его оценки следовало бы провести трудоемкую и кропотливую работу сопоставлений с прежним переводом Алексеева. Ограничусь лишь беглыми замечаниями. Перевод выдержан хорошим литературным языком; некоторые части особенно удачно переданы переводчиками, — например, полные экспрессии сцены перед Саламинской битвой (биография Фемистокла, гл. 9—10 и сл.), трагическая гибель Красса; удачен перевод биографии Лисандра, сделанный М. Е. Сергеевко, и др. От мелких замечаний, которых, вероятно, нашлось бы немало, как и по поводу всякого перевода, воздержусь.

При всех этих недочетах «Избранные биографии» Плутарха — книга несомненно полезная и нужная; в ней собрано много ценного интересного материала, который с успехом используют студенты и преподаватели. Но допущенные в ней недостатки большей частью могли быть без труда устранены при более тщательной редакции.

Проф. С. Протасова

А. И. БОЛТУНОВА. *Греческие надписи Армавира*, Известия Армянского филиала Академии Наук СССР, 1942, 1—2 (15—16), стр. 35—61.

За последние пятнадцать лет до Отечественной войны снова стали появляться находки греческих надписей на юге СССР. Керчь и Таманский полуостров были их главным источником. Ряд находок оказался и в Закавказье. Многие из этих надписей уже опубликованы. Работа по подготовке к публикации шла и во время войны. Ряд публикаций, насколько мне известно, готов и скоро будет сдан в печать. Впрочем, одна такая публикация уже появилась в военное время. А. И. Болтунова опубликовала надписи двух камней. Они найдены на территории древней армянской столицы — Армавира, у подножья его акрополя. На одном камне — три, на другом — четыре надписи.

Первый из этих камней открыт давно. Еще в 1911 г. он был передан академику Я. И. Смирнову, который не успел опубликовать текстов. После него, как сообщает автор публикации, осталось много замечаний, вариантов чтения и детальный филологический анализ. Но все это не сведено в одно целое и не дает определенных выводов относительно чтения текстов и их исторического истолкования.

Первая надпись на этом камне содержит четверостишие гекзаметром, очень неполное. Это какое-то не вполне ясное по смыслу изречение Гесиода к брату Персу.

Вторая надпись в 11 строк, по восстановлению А. И. Болтуновой, писана ямбическим триметром. В ней говорится о воинственной богине, несущей какие-то таинства, освобождающей людей от ложного зла, дурного языка и зависти к изобилию(?) или щедрости (?). Впрочем, это не совсем ясно. В последнем четверостишии понятны скорее отдельные слова, чем общий смысл. Здесь говорится о каком-то страдании и несчастье, ниспосланных богами, которые отрицаются в непонятной синтаксической связи. А. И. Болтунова видит в богине армянскую Анаиту, впоследствии отождествлявшуюся греками с Артемидой или Кибелой, и склонна предполагать, что автор обоих стихотворений был царь Артавазд, писавший трагедии, речи и исторические сочинения по-гречески. Некоторые из них сохранились еще в эпоху сообщавшего об этом Плутарха.

Третья надпись — пятистрочный перечень приношений в храм (по убедительному мнению А. И. Болтуновой) четверки коней неким Эвтихаримидом и блюда неким Пламидом. А. И. Болтунова приводит мнение проф. С. Д. Лисициани, что посвящение четверки коней может быть связано с изображением колесницы на монетах Артавазда. Здесь же она соглашается с мнением покойного академика Я. И. Смирнова, считавшего, что камень был поставлен в святилище, так как этому соответствует содержание всех трех вырезанных на нем текстов.

Второй камень был открыт в 1927 г. На нем вырезаны четыре надписи. Первая содержит письмо Артаксии, династа Армении, царю Евронту, с обычным пожеланием здоровья ему и детям. Во второй — перечень двенадцати месяцев македоно-сирийского календаря с пожеланием здоровья, очевидно, в течение всего года, Фарнаку, по мнению А. И. Болтуновой, царю Понта. Третья очень неполна и содержит пожелание здоровья какому-то греку Нумению, а дальше слова βασιλεὺς θυῖν. Четвертая надпись — стихотворная. В ней Нумений сообщает «братолюбивой» (царице) о гибели ее мужа, недавно завоевавшего Армению. Его убили солдаты. Надпись очень неполна, и уловим только ее общий смысл. В ней отсутствуют имена всех упоминаемых лиц, кроме автора стихотворения Нумения, и пропали значительные части строк.

А. И. Болтунова исходит в определении времени и значения надписей второго

камня из упоминания во второй из них имени Фарнака. Она считает, что это может быть только царь Понта, правивший с 190 по 169 г. до н. э., и напоминает о роли этого царя в борьбе Антиоха III с Римом, о завоевании им Синопя и дальнейших войнах, приведших к мирному договору 179 г. В числе многих договаривающихся находился Артаксия, «правитель большей части Армении», по выражению Полибия. Этот Артаксия после поражения Антиоха III захватил под свою власть большую часть Армении. Заключив мир с Фарнаком, Артаксия, как думает А. И. Болтунова, посвятил ему здравицу в Армавирском храме. При таком толковании восстановление имени Артаксии в первой надписи приобретает еще большую убедительность.

Нумений третьей надписи в свете толкования двух первых надписей также становится историческим лицом. Антиох IV в 166 г. вновь подчинил себе Артаксию. Одним из стратегов Антиоха IV был некто Нумений, который, может быть, улаживал дела царя с Артаксией во вновь покоренной Армении. Ему побежденный Артаксия счел нужным воздвигнуть здравицу в храме. Четвертая надпись — стихотворение, вероятно того же Нумения, с посланием жене Антиоха IV Лаодике о гибели мужа. Лаодика, сменившая ранее двух мужей — своих братьев Антиоха и Селевка, ватем, вероятно, вновь вышла за третьего брата — Антиоха IV. Все это гипотеза, но гипотеза очень вероятная.

Весьма последовательно, в порядке приводимых А. И. Болтуновой событий, расположены отдельные надписи четвертого камня. Имена, в них представленные (Артаксия, Фарнак, Нумений, Филадельфа — «братолюбивая» Лаодика), окончательно цементируют камни этого строгого здания. Неясные сведения Полибия и Аппиана о гибели Антиоха IV, не то сошедшего с ума после похода на Армению, не то зачавшего после неудачного ограбления храма, исправляются четвертой надписью, где сказано, что он погиб с оружием в руках и был убит какими-то солдатами. Все это построение столь последовательно и подтверждено известным ранее ходом событий в Армении и Сирии, что оно приобретает силу почти достоверности, насколько это вообще возможно при всегдашней неполноте источников древней истории.

Шесть первых надписей даны в копиях от руки, седьмая — только в транскрипции. Первые три даны по прописям на камне и фотографиям, три следующие — по копиям и фотоснимкам А. И. Болтуновой. Почему последняя надпись дана только в транскрипции, не объяснено. Между тем при трудности чтения всех этих надписей для контроля над толкованием копия в сущности необходима.

Плохая сохранность надписей и ряд лакун очень затрудняют их чтение, поэтому многие места или совсем или почти не поддаются истолкованию. Автору статьи не всегда удается выйти из затруднений. Некоторых из них он мог бы, однако, избежать или, по крайней мере, менее затруднять читателя своими недоумениями. Так, на первом камне стоят дважды подряд выражения $\omega\varsigma \epsilon\pi\alpha\gamma\chi\epsilon\varsigma$ и $\omega\varsigma \epsilon\pi\alpha\gamma\chi\epsilon\varsigma \delta\epsilon$. — А. И. Болтунова не объясняет, — диплогафия ли здесь или сознательное повторение автором. Второе вероятнее, особенно при сопоставлении со вторым стихом надписи № 2. Если оба стихотворения принадлежат одному автору, то повторение здесь — установившаяся литературная манера. Последний стих первого стихотворения вообще не стих в восстановлении автора статьи: метр дважды грубо нарушен введением трохеев. Во втором стихотворении в стихе втором восстановление $\nu\alpha\iota\omega$ немыслимо по палеографическим причинам: эпсилон во всех этих надписях передается как «Е» или «э», но не как Е. Последнее было бы необходимо для избранного чтения. В четвертом стихе копия дает ясное чтение $\omicron\upsilon\tau'$ $\epsilon\upsilon\delta\epsilon\omicron\upsilon\tau\alpha$, а не $\omicron\upsilon \epsilon\upsilon\delta\epsilon\omicron\upsilon\tau\alpha$. Да и пропади в этой строке отрицание совсем, оно непрекаемо восстанавливается и из стиха третьего, и по закону греческого синтаксиса. В стихе шестом совершенно неосновательно восстановление глагола $\lambda\omega$. Этому опять препятствует палеография: на камне $\lambda\omega\iota$ Еще может быть $\lambda\omega$, но не $\lambda\omega$. Между строками 6 и 7 и по смыслу и по копии должна быть еще строка. Восстановить ее нельзя, но без учета пропущенной строки получается синтаксическая бессмыслица. То же неизбежно следует предполагать и между строками 10 и 11, иначе совершенно лишенными смысла. Первые слова стиха 10 по копии, повидимому, начинают исчезнувшую на камне строку.

Очень неблагоприятное впечатление производит многочисленные опечатки в уда-

рениях, придыханиях и т. п., грубые опечатки в отдельных словах и неожиданные повороты квадратных скобок, не позволяющие понять, что А. И. Болтуновой восстановлено и что сохранилось на камне.

Значение этих надписей, при всей неясности и испорченности отдельных мест, неоспоримо в историческом отношении. Но еще более важна их новизна в палеографическом смысле. Начертания букв во многих случаях сходны с надписями никак не ранее IV века н. э., но все содержание — средней и поздней эпохи эллинизма. Говоря так, А. И. Болтунова в общем совершенно права. Она также совершенно права и тогда, когда находит этому объяснение в значительном сходстве армавирских надписей с папирусным письмом III и II веков до н. э., а именно — с памятниками литературного письма. Она приходит к выводу, что «армавирские надписи, являющиеся оригинальным и редким образцом применения в эпиграфике рукописного шрифта, представляют копии на камне написанных на папирусе текстов, сделанные неуклюжей и неопытной рукой». Это верно, но не до конца. Есть одна область эпиграфики, где этот шрифт представлен столь же богато, как и в армавирских текстах. Это — прежде всего керамические штампы амфор Родоса и Синопы, надписи на мегарских чашах, изредка — монеты Боспора, некоторые монументальные надписи Ольвии, а также надписи краской на сосудах быта и погребальных урнах III, II и начала I веков до н. э., но особенно II века до н. э. Это шрифт смешанный, промежуточный между обычным лапидарным и литературным папирусным. Поисков здесь, автор статьи ни на минуту не стал бы сближать свои надписи с эпохой поздней империи. Он нашел бы тут все формы букв, его сначала смутившие; вычурные π армавирских текстов, строчная ω , лунарные и остроугольные ϵ и σ нигде, кроме керамического алфавита, не найдут себе таких точных параллелей. Смешанный лапидарно-папирусный шрифт керамических клейм дает полные и лучшие образцы для письма армавирских надписей.

Текст керамических клейм перед их гравировкой писался людьми коммерческо-административного круга, среди которых, очевидно, и был в ходу этот смешанный, отнюдь не скорописный шрифт. Об этом шрифте писали Дюмон, Шухгарт, Нильсон и др. Армавирские надписи показывают возможность еще более широкого его применения. В текстах и первого и второго камней этот стиль проведен полностью и без всяких исключений в пользу обычного лапидарного стиля. В нем нет даже той двойственности, которая обычна для керамических штампов. Больше всего сходства — с палеографией керамического шрифта всей второй половины II и начала I века до н. э.

Небольшие промахи в статье А. И. Болтуновой покрываются историческим и специально эпиграфическим значением опубликованных памятников, а также оригинальностью и убедительностью большинства построений автора.

Проф. Б. Граков

В. ЧЕПЕЛЕВ. Об античной стадии в истории искусства народов СССР. М.-Л., 1941, 103 стр.

Работа В. Чепелева представляет собой новую, смелую попытку дать общую характеристику искусства древних народов, обитавших на обширном пространстве нашей страны от северо-западного побережья Черного моря до Кавказа и Средней Азии. Построения автора отличаются значительной оригинальностью, несомненным достижением его является стремление широко привлекать историко-культурный материал, а также данные мифологии.

Однако, несмотря на эти очевидные достоинства работы, трудно принять основное положение автора, что ряд народов нашей страны прошли «античную стадию» как некий этап их самобытного развития, создав при этом «своеобразное и интереснейшее искусство национальной античности» (стр. 12). Такое понимание антики вряд ли может быть принято, прежде всего потому, что антика — понятие конкретно-историческое, а не лишенная содержания схема. Антика — это греческий полис, эллинистические государства, римская республика и империя с их культурой и искусством.

Приложение термина «античная стадия» к другим народам, каждый из которых проходил свой самобытный путь развития и имел свою историю, стирает эти особенности и в конечном счете является вряд ли более приемлемым, чем старая теория «влиятий», против которой автор решительно восстает.

Произволу в употреблении термина «античность» вполне отвечают историко-художественные сопоставления автора: Он пишет: «Нам представляется возможным говорить о том, что в Кыз-Кала и Беркут-Кала с их сплошными полуколоннами на фасадах мы имеем восточный «вариант» дорической или ионической колоннады, выраженной в местной своеобразной декоративности. Это характерная архитектурная особенность среднеазиатской античности» (стр. 60).

Не приходится говорить о том, что обработка фасадов среднеазиатских сооружений полукруглыми в плане выступами, несколько напоминающими полуколонны, решительно ничего не имеет общего ни по внешнему облику, ни тем паче по заложенной в них архитектурной идее с эллинскими ордерами.

Работа В. Чепелева грешит недостаточно четким построением, отсутствием внутренней связи между отдельными экскурсами и несколько расплывчатыми, туманными формулировками, — все это затрудняет понимание мысли автора, а иной раз и полемику с ним. Таких «неясных» мест можно привести немало. Повествуя о кромлехе Зангезура, автор, например, пишет: «Поставленные с интервалами глыбы кромлеха, этого «родового акрополя», символизируют небо» (стр. 33). Непонятно, как кромлех служит акрополем (вместе с тем символизируя небо). Далее говорится: «В искусстве Боспора Киммерийского, в искусстве скифо-сарматской античности вырабатывается та сложная и разнообразная стилистическая интерпретация образа человека, которая несет в себе и «восточное» декоративное начало и в известном смысле примитивно — анимистическое осмысление греческой эстетической концепции» (стр. 47). Непонятно, о какой интерпретации образа человека в скифо-сарматском искусстве идет речь.

Некоторые исторические построения по меньшей мере необоснованы, как, например, положение, что «македонское движение IV века до н. э. на Восток только способствовало более быстрому развитию того «эллинизма», который был органически присущ Востоку и зародыши которого в архаический, «гомеровский» период зрели в местной национальной среде» (стр. 36).

Автор иногда объединяет в единое целое вовсе неоднородные явления. Так, он говорит о скифо-боспорской культуре (стр. 12) или, что особенно странно, о киммеро-скифских курганах.

Встречаются погрешности и в фактических данных. Так, наши степные поселения отнюдь не изобилуют терракотами с мифологическими сюжетами (стр. 49). Датировка Чертомлыцкой амфоры II веком н. э. (стр. 47) устарела.

Мифологические данные, видимо, почерпнуты не из первоисточников; во всяком случае автору не удалось избежать досадных погрешностей в этой области. Так, он говорит (стр. 25), что «эпизод борьбы Ахилла с Пентизелеей при осаде Трои» включен в «Илиаду», а в другом месте (стр. 18) утверждает, что Язон боролся с грифонами за золото.

В заключение следует отметить, что терминология не всегда удачна, например, выражение «этнический ландшафт» (стр. 15). Не лишена работа и многочисленных стилистических погрешностей. Ограничимся двумя примерами: на стр. 16 мы читали: «Ахалгорийский клад, отложивший в себе творчество ионов». На стр. 33 автор пишет: «При этом вгляде сама история искусства этих стран приобретает новое значение, и даже, например, такая архаическая разновидность этого искусства, как кромлехи, этот гибрид скульптуры и архитектуры (выступающие на Кавказе, в частности в Армении, в своей мегалитической завершенности формы) дает большую историческую рефлексию».

Будем надеяться, что вслед за рецензируемой работой появятся другие труды, которые осветят искусство древних народов нашей страны во всем его богатстве, учитывая самобытный характер и своеобразие в творчестве каждого из этих народов.

Проф. В. Блаватский

«ДРЕВНИЕ АВТОРЫ О СРЕДНЕЙ АЗИИ» (IV век до н. э.— III век н. э.). *Хрестоматия*, под редакцией Л. В. Баженова, Гос. изд-во научно-технической и социально-экономической литературы УзССР, Ташкент, 1940, 171 стр., цена 10 руб.

Полное отсутствие доступных для широкого круга читателей пособий по древней истории Средней Азии является очень крупным пробелом в нашей учебной и научно-популярной исторической литературе. Практически студентам-историкам и преподавателям средней школы почти невозможно освоить материал по этому важному разделу истории народов СССР. Поэтому появление хрестоматии, составленной сотрудниками Узбекского научно-исследовательского института мировой литературы под ред. Л. В. Баженова, надо всячески приветствовать. В ней читатель впервые получает систематизированный подбор основных литературных источников по истории Средней Азии, из которых некоторые вообще ранее не переводились на русский язык (Помпей Трог), а другие, как китайские источники в переводе Иакинфа Бичурина, или «Анабазис» Арриана в переводе Коренькова, изданном в Ташкенте, давно стали библиографической редкостью.

Книга разделена на шесть глав: 1. Средняя Азия в эпоху Ахеменидов; 2. Походы Александра Македонского; 3. Географическое описание Средней Азии после Македонской эпохи; 4. Политические события в Средней Азии от V века до н. э. до III века н. э.; 5. Социально-экономические отношения в Средней Азии после Македонской эпохи; 6. Религия в Средней Азии до арабов. Издание отрывков из источников сопровождается введением, где делается попытка дать связный исторический очерк Средней Азии до III века н. э., большим количеством примечаний позади текста и разъяснениями (даны петитом) к различным разделам текста. Книга завершается хронологической таблицей и таблицей греческих, персидских и китайских мер.

Из источников использованы: ахеменидские надписи, Авеста, Геродот, Страбон, Дионисий Периегет, Климент Александрийский, Клавдий Элиан, Диодор, Ктесий у Диодора и Фотия, Эфор, Эврипид, Помпей Трог, Ксенофонт, Поллиен, Арриан, Курций, Плутарх, Плиний, Полибий, «История» Моисея Хоренского, китайские хроники старшей и младшей династий Хань, Аврелий Виктор, Тацит, Иосиф Флавий, Светоний, Птолемей, Исидор Харакский, Махабхарата, Перипл Эритрейского моря, Евсевий, Секст Эмпирик, Порфирий, Цицерон. Уже одного перечня достаточно, чтобы судить о широте круга привлеченных материалов и о серьезности проделанной авторами и редактором работы по подбору источников. Однако работа не лишена весьма существенных недочетов, которые следует особенно подчеркнуть в связи с широким кругом читателей, для которых предназначена книга, и в связи с тем, что, несомненно, это пособие, изданное крайне малым тиражом, потребует повторных изданий, при которых отмеченные критикой недочеты могут быть устранены.

В первую очередь надо отметить, что, несмотря на обилие привлеченных источников, все же очень многое, притом немаловажное, осталось неиспользованным. Это относится прежде всего к восточным источникам. В ничтожной мере использована Авеста, тексты которой, по мнению большинства исследователей, разделяемому, повидимому, и составителями сборника (см. введение к гл. 6, стр. 141), связаны своим происхождением со Средней Азией и Восточным Ираном. А раз так, то богатейший материал по материальной культуре, общественному строю и религии Средней Азии, содержащийся в Авесте и дающий для познания древнейшего, доахеменидского и ахеменидского периодов несравненно больше, чем античные авторы, должен был быть использован самым широким образом.

Но даже если оставаться на той формальной точке зрения, на которой, видимо, стояли составители, и брать только те тексты, в которых прямо называются различные среднеазиатские области, то нельзя ограничиваться отрывком из Фаргарда Вендидада. В хрестоматии отсутствует даже известный отрывок из Михр-Яшт, прямо перечисляющий в интересном контексте среднеазиатские страны, не говоря уже о местах Авесты,

говорящих о Кангха (Канга-Кангюй), об Урва-Хунава (по Захау—Ургенч) и др. Совершенно не использован богатый материал пехлевийской литературы (Бундахишн и др.). Не использована «География» Моисея Хоренского, критически исследованная Марквартом.

Из индийских источников не использована содержащая богатые культурно-исторические сведения Милиндапанха, хотя о существовании этого источника (ср. прим. 182 на стр. 161) авторы хрестоматии знали. Особенно досадным пробелом является не только неиспользование «старых согдийских писем» II века н. э., опубликованных Рейхельтом, но и полное умолчание об этом древнейшем письменном источнике среднеазиатского происхождения. Из эпиграфических памятников не использована совершенно кушанская эпиграфика Индии.

Чрезвычайно желательно было бы введение материалов местной исторической традиции, дошедшей до нас в источниках, правда, относящихся к раннему Средневековью, но освещающих многие стороны древнейшей истории Средней Азии и ценных прежде всего потому, что они, видимо, восходят к не дошедшим до нас среднеазиатским хроникам. Я имею в виду, в особенности, Бируни (Хорезм) и Нершахи (Бухара). Было бы желательно в какой-то мере использовать также дошедшие до нас в раннесредневековом изложении данные среднеперсидских хроник по древней истории Средней Азии (Табари, Саалиби, Динавери, Фирдауси и др.).

Авторы, в ряде случаев, давая новые переводы текстов, напрасно игнорируют ценные переводы, сделанные лучшими иностранными и, особенно, русскими специалистами (Дармстетеровский перевод Авесты, Залемановский перевод первых глав Вендидада, перевод ахеменидских надписей Фреймана, перевод Бартольдом места из Геродота, относящегося к реке Акес, и др.). Это приводит, в частности, в ряде случаев к введению в текст хрестоматии сомнительной и, во всяком случае, отступающей от общепринятой транскрипции, древних собственных имен (Эрианем-Вэдьо — вместо Айрьянем-Вэджо, Аура-Мазда вместо Агура-Мазда, Ахриман вместо Ангро-Майнью, Согдо вместо Сугда и т. п. — стр. 17). При переводе Бегистунской и Накширустемской (в тексте почему-то упорно Безистунская и Нахширустанская) надписей авторы почему-то упорно вовсе отказались от персидских форм названий среднеазиатских стран и народов, заменив их греческими (стр. 33—34).

Особенно много замечаний вызывают введение и примечания к текстам. Здесь содержится очень значительное количество фактических погрешностей, которые мы вряд ли сможем указать полностью в рамках небольшой рецензии. Отметим важнейшие. Нет никаких оснований говорить о патриархальной родовой общине в Анау (стр. 5); напротив, даже для значительно более позднего времени в истории Средней Азии община сохраняет хорошо выраженный матриархальный характер. Характерно, что, не говоря уже о советской историографии, даже зарубежные авторы, например Герцфельд и Кизс, характеризуют общественный строй хронологически и культурно близких населению древнего Анау обитателей юго-западной окраины Ирана, подчеркивая матриархальный характер их родовой организации¹.

Абсолютно ни на чем не основаны утверждения о том, что в ахеменидский период «племенные вожди точно выполняли приказы персов и были верными агентами их господства» (стр. 6—7), в противоположность отношению «широких масс», которые «жестокое ненавидели персидских сатрапов». Все это, как и последующие рассуждения о столкновениях персов и местной аристократии из-за дележа взимаемых с населения средств, абсолютно ни на чем не основано и является чистым домыслом автора, вообще переоценивающего роль персидского владычества в процессе классового образования в Средней Азии и сильно упрощающего сложную проблему взаимоотношений восточных и западных областей ахеменидской державы.

Трудно назвать «неудачным» поход Антиоха Великого в 208 г. (стр. 9), когда он, пройдя со своей армией через Парфию и Бактрию до Индии, добился признания Евтидесом Бактрийским верховной власти Селевкидов и установления прочных дружествен-

¹ См. A. U. P o p e, Snrvey of Persiau Art, стр. 47—48.

ных отношений с империей Маурья. Неудачным по своим результатам он стал лишь вследствие дальнейших политических неудач Селевкидов на западных границах их владений.

Менандр, судя по всем имеющимся в распоряжении науки данным, никогда не был «царем Бактрии», как пишет автор (стр. 11), ибо ни один из источников не говорит о распространении его владений на север от Гиндукуша, где власть сохранялась в руках евкратидида Гелиокла. Напротив, монетные данные¹ говорят о том, что по смерти Менандра Гелиокл предпринимает попытку завоевания и его индийских владений (надчеканка Гелиокла на монетах Стратона и Агатоклеи, индийские типы монет Гелиокла). Неизвестно, по каким данным автор говорит о том, что восстания против греков в Согдиане «поднимала ее сплоченная землевладельческая аристократия» (стр. 11). Неизвестно, какие «некоторые монетные находки позволяют сделать вывод о том, что Согдиана очень рано завоевала себе независимость, отпав от Греко-Бактрии» (стр. 12). Повидимому, это верно, но может быть доказано совсем другими данными, а не «некоторыми монетными находками», которых нет.

Непонятно, почему культурные отношения Китая со Средней Азией ограничиваются Ферганой (стр. 13), и просто неверно, что «в Китае стали пользоваться широкой известностью ферганские стекла». По крайней мере, сомнительно, что в середине I века до н. э. «Фергана... находится под властью китайцев» (стр. 13). Даже сами китайцы подчеркивают лишь частичный успех и весьма ограниченные последствия своих походов на Фергану. Неверно, что «китайские источники не дают нам никаких сведений о том, каковы были социальные отношения в Средней Азии в этот период» (стр. 14). Сведений немного, но они есть, и очень существенные.

Неверно, что с середины II века н. э. среди племен Средней Азии «выдающуюся роль в Средней Азии начинают играть тюрки» (стр. 14). Никаких данных о тюрках раньше VI века нет. Абсолютно ни на чем не основано отнесение начала проникновения буддизма в Среднюю Азию в III веке до н. э. и утверждение, что в Греко-Бактрии он «нашел широкое распространение» (стр. 145). Менандр, привлекаемый здесь в качестве аргумента, никогда, как мы видели, не правил в Бактрии. Агафокла никто не помещает в III век, и место правления его неизвестно. Надо четко разграничивать греко-индийских и греко-бактрийских царей, судьба которых со второй четверти II века была далеко не одинакова. Судя по всему, проникновение буддизма в Среднюю Азию нельзя датировать раньше, чем I веком до н. э., а скорее — еще несколько более поздним временем. Неверно, что «западнее Бактрии буддизм, вероятно, не проникал». Еще в 1938 г. я показал влияние буддийских образов на хорезмийскую торевтику², а на основании последующих раскопок тезис о влиянии буддизма на хорезмийскую культуру окончательно подтвердился³.

Неверно, что «самые новые части (Авесты) надо датировать VIII—VII веками до н. э.» (стр. 146, прим. 2). Они датируются гораздо более поздним, вернее всего — парфянским временем. О датировке даже древнейших частей Авесты III—II тысячелетием (там же) теперь серьезно никто не говорит. Неверно, что от Авесты дошел до нас только Вендидад. Это — лишь первая из книг Авесты, в которую входят, кроме того, Ясна (куда входят Гаты — древнейшая часть Авесты), Висперед, Яшт и Хорд-Авеста. Нельзя легенду о гибели первоначальной Авесты при пожаре Персепольского дворца излагать как исторический факт (там же). Неверно, что скудры — «горцы Копет-Дага» (стр. 153, прим. 68); неверно дано местоположение «Каспийских ворот» (стр. 155, прим. 98). Неверно помещение Раги на границе Гиркании и Парфии (стр. 159, прим. 170). Совершенно запутан вопрос с династическими отношениями греко-бактрийских царей (прим. 193, стр. 161), где фигурируют какие-то Эвтиден (два раза) и Эвтиген II, где Гелиокл, судя по контексту, оказывается сыном Эвтидема I («возможно, что Эвтиден был сыном и убийцей Эвтидема I, а Гелиокл, называющий себя «справедливым» — мстителем за отца»). Все это — чистейшая фантазия.

¹ См. T a r n: *Greeks in Bactria and India*, стр. 271.

² «Вестник древней истории», 1938, № 4.

³ *Ibidem*. 1939, № 3; 1941, № 1.

Никто теперь не принимает 80—70-е гг. до н. э. (стр. 161, прим. 187), как начало правления Кадфиза II (по мнению большинства авторов — 15 г. до н. э., по Смиту — 45 г. н. э.). Характерно, что в «Хронологической таблице» (стр. 170) деятельность Кадфиза датируется... 50—60 гг. н. э. Разница в дате больше чем на век, в одной и той же книге! Неверно, что «все памятники «согдийской» письменности, найденные за последние полвека, относятся к гораздо более поздней эпохе, не ранее VII—VIII века» (стр. 763, прим. 213). Автору остались неизвестными уже упомянутые мною документы первоклассного исторического значения — согдийская переписка II века н. э.

Неверно, что «Суд» раньше — Юегань, вероятно, Ургенч в Хоразмии» (стр. 164, прим. 230). Неверно, что «столица Давани Гуй-Шань, вероятно, на месте нынешнего Коканда» (стр. 162). По всем данным, — это позднейший Касан. Повторяю, мы не претендуем на то, чтобы исчерпать все вкравшиеся в комментарий фактические ошибки, но приведенных достаточно, чтобы считать необходимой при повторном издании полную переработку введения и примечаний.

Исключительно обильны опечатки, особенно нетерпимые в собственных именах, где их как раз больше всего. «Оамирис» вместо «Тамирис» (стр. 34), «дандинарское искусство» вместо «ганхарское» (стр. 154), «каспии» вместо «касии» (стр. 149), где благодаря этой опечатке получается полная неразбериха; автор (прим. 21), видимо, доказывает правильный тезис, что два упоминания каспиев у Геродота — результат описки, и что во втором случае надо читать, как у Птолемея, — касии, но типография повторила ошибку переписчиков Геродота, заставив автора утверждать, что надо читать не каспии, а... каспии).

«Туркестанский оазис» вместо, вероятно, Туркменистанский оазис (стр. 150, прим. 26); один раз Джань-Цань (стр. 12), два раза «Чжан-Цань» (стр. 100 и 161) вместо Чжан-Цань; китайский полководец Банчжоо (стр. 13) вместо Бань-Чоа (на стр. 113, при перепечатке текста Бичурина, это имя приведено правильно), Зань-Су вместо Кань-су (стр. 166) и т. п. При этом опечаток гораздо больше в введении и в примечаниях, чем в основном тексте, выверенном в общем удовлетворительно. Конечно, от всего этого книга сильно проигрывает, не соответствует полностью по своему качеству задаче, на ней лежащей, — помочь малоподготовленному читателю разобраться в трудных местах материала хрестоматии. Приходится, к сожалению, констатировать, что при составлении введения и комментариев была допущена крайняя небрежность, доходящая до того, что авторы по-разному пишут одни и те же имена и датируют в разных местах одни и те же события с колебанием более чем в сто лет (Кадфиз I).

Однако, с учетом изложенного выше, хрестоматия будет и в этом виде полезным пособием для изучения истории Средней Азии, а второе издание, если оно исправит указанные недочеты, сможет стать настольной книгой не только для широких кругов читателей, интересующихся историей нашей родины, но и для специалистов-историков СССР.

С. Толстов

К вопросу о датировке культуры каунчи

Г. В. ГРИГОРЬЕВ, *Каунчи-Тена (раскопки 1935 г.). В. И. ГРОМОВА, Материалы к изучению домашних животных Средней Азии*, Ташкент, 1940, 64 стр., 50+3 рис., цена 4 р. 50 к. Г. В. ГРИГОРЬЕВ. *Краткий отчет о работах Янгиюльской экспедиции 1937 г.*, Ташкент, 1940, 40 стр., 79 рис., цена 2 р. 50 коп.

Г. В. Григорьев принадлежит к числу наиболее энергичных исследователей древностей Средней Азии. Его работы в окрестностях Ташкента и Самарканда обогатили наши более чем скромные сведения исключительно ценными материалами для истории дофеодальной Согдианы и области Шаша.

Однако именно значительность добытых Г. В. Григорьевым материалов заставляет особенно внимательно отнестись к их интерпретации этим исследователем как со стороны датировки, так и со стороны социально-экономического и исторического истолкования. Это тем более важно, что заключения, сделанные им в результате исследований, публикация которых является предметом настоящей рецензии, уже вошли, так сказать, в научный оборот.

Датировка культуры Каунчи-Тепе и сходных памятников, даваемая Г. В. Григорьевым, послужила прежде всего ему самому одним из аргументов в пользу его датировки ранних слоев наиболее важного из открытых им памятников — городища Тали-Барзу близ Самарканда, а от этой последней зависят весьма важные выводы, к которым приходит К. В. Тревер в исследовании интереснейшей находки Г. В. Григорьева в Тали-Барзу, — изображения быка с человеческой головой на черепке хума. В. И. Громова в своей статье, напечатанной в первой из рецензируемых брошюр и посвященной исследованию остеологических материалов из Каунчи-Тепе, также отталкивается от датировок Г. В. Григорьева, хотя — это надо отметить — неизменно подчеркивает их условность, сопровождая свои весьма важные заключения по истории домашних животных Средней Азии оговоркой: «если правильна датировка Г. В. Григорьева» (стр. 45 и др.). Больше того. Его даты вошли в текст печатного макета I тома академической «Истории СССР»¹, Между тем именно эти датировки возбуждают весьма и весьма серьезные сомнения.

Уже первая публикация Г. В. Григорьевым материалов из Каунчи-Тепе², сопровождавшаяся далеко идущими историческими выводами, неразрывно связанными с датировкой культуры Каунчи, вызвала серьезную критику со стороны А. И. Тереножкина³, подчеркнувшего, что датировка Г. В. Григорьевым «архаических городищ» окрестностей Ташкента серединой I тысячелетия до н. э.⁴ базируется «лишь на случайном сходстве только одного кубковидного сосуда с ручкой в виде барана из Каунчи-Тепе с некоторыми сосудами из погребений III—II веков до н. э. на Северном Кавказе и в Причерноморье».

Я думаю, что теперь, когда благодаря работам последних лет в наших руках находится несравненно более богатый материал по домусульманской культуре Средней Азии, чем два года назад, мы можем с полной определенностью заявить, что датировка Г. В. Григорьева не только сомнительна, но просто неверна, и весь вопрос о культуре Каунчи должен быть целиком пересмотрен.

Сам Г. В. Григорьев не смог обойти ряда весьма серьезных параллелей между его керамикой и керамикой усуньских могильников Семиречья, датируемых II веком до н. э. — I веком н. э. Он отмечает («Краткий отчет», стр. 6) что по технике некоторые сосуды из наиболее нижних слоев его памятника (лежащих «на материковом лессе») очень близки к сосудам из Семиречья, которые М. В. Воеводский датирует усуньским временем. Однако Г. В. Григорьев тут же элиминирует эту параллель, заявляя, что «принцип изготовления керамики, описанной Воеводским» в долине Чу остался как глубокий пережиток (если принять датировку Воеводского и поверить ему в отношении техники изготовления этих сосудов на шаблоне).

Однако, если аналогия с материалами усуньских могильников могла еще быть отброшенной, серьезнее обстоит дело с домусульманскими городищами Хорезма, которые хорошо датируются монетами и дают уже не одну, а множество параллелей с

¹ М. П. Г р я з н о в и Б. Б. П и о т р о в с к и й. Средняя ступень варварства (эпоха меди и бронзы), § 7. Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. «История СССР», I—II; М.-Л., 1939, стр. 157—158.

² Г. В. Г р и г о р ь е в. Отчет об археологической разведке в Янгйюльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935.

³ А. Т е р е н о ж к и н. Литература по археологии в Узбекистане, ВДИ, 1939, № 1, стр. 188—189.

⁴ Г. В. Г р и г о р ь е в. Цит. соч., стр. 39.

каунчинской культурой, при этом параллелей, отнюдь не способствующих подкреплению датировки Г. В. Григорьева.

Подавляющее большинство форм керамики из верхнего слоя Каунчи, который, по Григорьеву («Каунчи-Тепа» стр. 40), «относится к началу появления железа в данной местности и, повидимому, оставлен народом саков», встречается ближайшие аналогии в позднекушанской и афригидской культуре Хорезма. Так, железные наконечники стрел и копий из Каунчи-Тепы («Каунчи-Тепа», стр. 11, рис. 7; стр. 40, рис. 50; «Отчет», стр. 25, рис. 29) совершенно аналогичны наконечникам из Тешик-кала и Беркут-кала, которые датируются монетами VII—VIII веков н. э. Этот тип мог появиться в Хорезме не раньше начала афригидского времени (IV—V века), так как в кушанском памятнике, датированном монетами Канишки II века н. э. (Аяз-кала, дом № 1), мы встречаем еще переживающие трехгранные медные стрелы скифского типа. «Крышки от котлов», дисковидные, с грубым ямочным орнаментом по краям, совершенно тождественны крышкам из упомянутого памятника II века н. э. Ручки от сосудов в виде животных, правда, не найдены нами в слое, но в изобилии встречаются в подъемном материале однослойных кангюйских городищ III века до н. э. — I века н. э. Да и послуживший отправной точкой Г. В. Григорьеву северокавказский сосудик, украсивший обложку первого его отчета, по его собственным словам («Разведка», стр. 39), «датируется III—II веками до н. э. Существуют подобные сосуды и в более позднее время (так наз. римская эпоха)»¹. Сосуд с уплощенным боком («Отчет», рис. 20, текст, стр. 6) тождествен с таким же в доме II века в Аяз-кала. Сосуды («Отчет», рис. 55—56) также встречают прямую аналогию в Аяз-кала. Некоторые формы «двурогих» глиняных подставок под котлы, изображающих, по мнению Г. В. Григорьева, головы быков («Отчет», рис. 49), встречаются, притом в изобилии, только в памятниках афригидского времени, датируемых монетами IV—VI веков н. э. В слоях кангюйско-кушанских памятников Хорезма их нет совершенно. Биконические пряслица Каунчи II («Отчет», рис. 35) характерны также преимущественно для афригидских памятников. Грубые горшки, сделанные без гончарного круга, характерные для Каунчи II, также весьма типичны для афригидских памятников Хорезма («Отчет», рис. 3, 13, 14, 35).

Курьез получился с «глиняными шариками для стрельбы из лука» («Отчет», рис. 28), обнаруженными в «сплошных глинобитных кладках» раскопа 7 (1937 г.) на глубине 1,3 метра («Отчет», стр. 7). Эти шарики нам хорошо знакомы. Они были найдены нами в швах трех нижних рядов кирпича одной из внутренних стен донжона Тешик-кала (VII—VIII века). Хотя назначение их неясно (я предполагаю как единственно возможное, — магическое назначение), служить для стрельбы из лука они, конечно, не могли, ибо было бы нелепо замуровывать их в стену или в «сплошные глинобитные кладки», как у Г. В. Григорьева.

В целом материал Каунчи II выступает как достаточно пестрый. Если ручки в виде животных и дисковидные крышки тянут к первым векам до н. э. и к началу нашей эры, то вся остальная масса материала скорее тяготеет к середине I тысячелетия н. э. Если Каунчи II действительно один слой, тогда его надо датировать II—IV веками н. э. Впрочем, в однородности его приходится серьезно сомневаться, к чему мы еще вернемся ниже, и весьма вероятно, что часть материала может быть связана с Каунчи I, а часть — датирована V—VI веками н. э.

Перейдем к Каунчи I, который, по мнению Григорьева, абсолютно ничем не аргументированному, относится к периоду конца бронзы, т. е. к концу II, к началу I тысячелетия до н. э. («Каунчи», стр. 39). Буквально все формы, найденные Григорьевым в Каунчи I, мы встречаем в кангюйско-кушанских, и в первую очередь — именно кушанских, датированных монетами, слоях хорезмских памятников. Сюда относятся чаши с дисковидным поддоном, с красной ангобой и со следами лощения («Каунчи», рис. 48, 50); сюда относятся совершенно тождественные хорезмским по своему профилю миски (рис. 47, 50); сюда относятся характерные хумы со слегка отогнутой закраи-

¹ Отметим, что эти ручки в Причерноморье характерны именно для римско-сарматского времени и отсутствуют в скифских памятниках.

ной (рис. 49, 50); сюда относится «раскраска бурыми полосками» (рис. 49), совершенно тождественная, насколько можно судить по рисунку, раскраске одного из хумов в датированном II веком н. э. доме в Аяз-кала; сюда по своей форме относится сосуд, изображенный на рис. 19 «Отчета». Наконец, видимо, сюда надо отнести отмеченные выше формы сосудов, относимые Григорьевым к Каунчи II («Отчет», рис. 20). Плоские прислица из керамики и «глиняные» (пастовые) бусы («Каунчи», рис. 45) также встречают аналогию в эллинистических кушанских городищах Хорезма. Наконец, часто встречающаяся «образная тамга» характерна для кирпичей дома II в. в Аяз-кала № 3 и для хорезмских надчеканок на кушанских монетах. Все это позволяет датировать Каунчи I кушанским временем (I—II века н. э.) или, самое раннее, временем кангюйским (III—I века до н. э.).

Странным является лишь утверждение о полном отсутствии в Каунчи керамики, изготовленной на гончарном круге. И кангюйско-кушанские и афригидские городища Хорезма знают гончарный круг, хотя керамика, сделанная без круга, особенно в афригидских памятниках, весьма обильна, что связано с упадком в эту эпоху городского ремесла. Однако указание Г. В. Григорьева («Отчет», стр. 12—13), что в Алимбай-тепе, формы керамики которого, по его же определению, тождественны Каунчи, круг применялся, заставляет считать его данные об отсутствии круга в Каунчи требующими проверки.

Насколько Г. В. Григорьев поспешен в своих сопоставлениях, можно судить по рис. 58, 59, 60 «Краткого отчета» и тексту на стр. 10, где он об «амулете» с изображением оленя из Каунчи II пишет: «Трактовка оленя очень характерна. Она напоминает изображения животных на трипольской керамике (рис. 59), на керамике из Закавказья (рис. 60) и из Суз». Не знаю, какую керамику из Суз Г. В. Григорьев имеет в виду, но приведенные им же самим рисунки, долженствующие доказать его тезис, доказывают на деле совершенно обратное. Всякий непредубежденный читатель легко может убедиться, посмотрев на рисунки в его брошюре, что изображение оленя из Каунчи, трактованное статически, имеющее грубый угловатый контур, ничего общего не имеет с крайне динамичными, схематизированными в совершенно ином направлении изображениями из Вимге Злотэ и Еленендорфа.

В заключение — несколько слов о методике раскопок Г. В. Григорьева. Проведя в окрестностях Ташкента очень широкие экстенсивные работы, он, как правило, ограничивался лишь разведочными шурфами на склонах многослойных, исторически сложных городищ. Ни в одном случае им не было заложено раскопа сколько-нибудь значительной площади, ни в одном случае его раскопы не позволяют разобраться в сложных взаимоотношениях разновременных строительных комплексов. Его отчеты пестрят формулировками: «идут сплошные оплывшие и разрушенные глинобитные кладки, в которых уловить очертания построек не удалось» («Отчет», стр. 5), «здесь шли сплошные глинобитные кладки, разрушенные и размытые, образующие иногда пустоты» (там же, стр. 7) и т. п.

Все чертежи, планы и профили раскопов, приводимые Григорьевым, свидетельствуют о крайней деформации и смещении слоев, их перерывности древними мусорными ямами, переслоенности строительным мусором различных периодов. Этого естественно ожидать на склонах городищ, имеющих, благодаря особенно интенсивной строительной деятельности, наиболее сложную и запутанную стратиграфию и, благодаря местоположению, сильнее всего деформированных под влиянием климатических агентов. Достаточно взглянуть на профили рис. 3 и 4 («Каунчи-Тепе») и рис. 25, 30, 48 («Краткий отчет»), чтобы убедиться в том, что надежных стратиграфических данных в своем распоряжении Г. В. Григорьев не имеет, и его распределение материала по слоям может приниматься лишь весьма и весьма условно.

В итоге приходится констатировать, что Г. В. Григорьевым допущена хронологическая ошибка почти на тысячелетие, понятная, может быть, для 1935 г., когда Г. В. Григорьев являлся по существу пионером в деле изучения домусульманских памятников Средней Азии, не располагая прочно датированным сравнительным материалом, но недопустимая в 1940 г., когда Г. В. Григорьев имел полную возможность ознако-

миться с семиреченскими, хорезмскими и другими материалами, сравнение с которыми, — как с каждым в отдельности, так и со всеми вместе — не оставляет сомнения в действительной дате Каунчи. И чем скорее будет исправлена эта ошибка, тем больше выиграет наше знание отдаленного прошлого Средней Азии, ибо материалы, открытые Г. В. Григорьевым, в правильном освещении должны занять место важного звена в реконструкции древней истории исследуемой страны.

С. Толстов

Проф. С. П. ТОЛСТОВ. Древняя культура Узбекистана, Ташкент, 1943, 35 стр., цена 1 р. 20 к.

Рецензируемая книжка принадлежит перу одного из крупнейших специалистов по истории Средней Азии. В ней умело использован не только письменный, исторический, но и археологический, лингвистический и этнографический материал.

Большое значение имеет уже первая глава — «Происхождение узбекского народа»; она показывает сложный состав узбекского народа. Древние согдийцы и хорезмийцы, кочевники — массагеты и саки, кочевые племена тюркского происхождения (VI—XIII века) и, наконец, золотоордынские узбеки, потомки половцев, смешиваясь на протяжении столетий, образовали современный узбекский народ.

Отсюда понятно, как велико и многообразно культурное наследие узбеков. Дальнейшие главы и посвящены описанию древнего пути культурного развития Узбекистана.

Автор справедливо уделяет большое внимание древности оросительных систем Хорезма и Нижнего Зеравшана, связывая с их построением развитие древнейших государств Средней Азии — Кангхи-Хорезма и Бактрии. Анализ Авесты позволяет выявить внутреннее устройство этих государств, сохраняющих еще, наряду с классовым делением, многие первобытно-демократические традиции. Особенно ярко выражаются эти традиции в типе поселений — обширных крепостей, непомерно широкие стены которых в толще своей скрывают жилые помещения, подобие первобытных длинных домов.

Страстная любовь к своей земле, готовность защищать ее от иноземцев отличали обитателей этих укрепленных поселений. Эти черты проявляются и в сохранившихся эпических произведениях и в произведениях, родившихся на основе первобытных мифов и генеалогических преданий. Образцом их С. П. Толстов считает эпопею о Рустеме и его сыне Сохрабе — древнем боге, покровителе Хорезма, превратившемся в народном представлении в прекрасного юношу-героя.

Богатство древней культуры Хорезма выражают и произведения изобразительных искусств. Для стиля искусства древнего Хорезма, столь близкого искусству Причерноморья и Сибири в скифо-сарматское время, С. П. Толстов дает очень удачное определение «героического реализма» (стр. 18).

Особое внимание уделяет автор и религиозной жизни древнего Хорезма, подчеркивая среднеазиатское происхождение религии Заратустры — маздеизма, ставшего впоследствии официальной религией персидской империи Ахеменидов, Парфянского и Сасанидского государств.

В главе «Культура Узбекистана в эллинистический период» большое внимание уделено героической борьбе народов Средней Азии с греко-македонскими армиями, а затем с государствами эпигонов.

Вместе с тем автор отмечает огромное культурно-историческое значение знакомства Средней Азии с эллинистической культурой, достижения которой, наряду с местными и индобуддийскими элементами, стали основой культурного развития в эпоху образования среднеазиатской империи Кушанов. Это — эпоха расцвета среднеазиатских народов, их ремесл и торговли. Крупнейшим достижением народов Средней Азии в это время является создание новой военной системы — строя и тактики тяжело-

вооруженной конницы. Искусство этой блестящей эпохи в истории Средней Азии сохраняет старую реалистическую позицию. Оно лишь укрепляется внедрением эллинистических форм и получает своеобразный колорит от знакомства с искусством Индии. Памятником этого искусства является знаменитый Айратамский фриз с изображением музыкантов, найденный близ гор. Термеза.

Времени перед арабским завоеванием посвящена последняя глава. Здесь интересно показана новая тенденция в общественном развитии Средней Азии — начало феодализации, поддержанной политикой тюрок в VI веке. В это время в Средней Азии закладываются основы местной учености, которая в IX, X и XI веках дала таких крупнейших исследователей, как математик Мухаммед Ибн Муса ал-Харезми и астроном-географ и историк ал-Бируни.

Подводя итоги, С. П. Толстов указывает на значение древней культуры Узбекистана для развития мировой культуры. Ее достижения в области наук, техники, военного дела и искусства были восприняты как на Западе, так и на Дальнем Востоке. Эти достижения вошли в современную узбекскую национальную культуру и вместе с нею составляют блестящий вклад в сокровищницу культуры нашей великой Родины.

Таково содержание увлекательно написанной книжки Толстова. Она читается с большим интересом, хотя и требует некоторой подготовки. Было бы вполне рационально издать ее большим тиражом, чем это сделано в Ташкенте. При переиздании, может быть, следовало бы несколько более четко определить характерные особенности общественных отношений в Средней Азии накануне и особенно после македонского завоевания. Пока мы об этом только догадываемся по упоминанию о рабах общин Авесты (стр. 10) и по указанию на «эфталитскую реставрацию», которая «задержала начавшийся феодальный распад, вдохнула новые силы в умирающее рабовладельческое общество» (стр. 29).

С. Киселев

Акад. В. В. СТРУВЕ. История древнего Востока, М., 1941.

«История древнего Востока», написанная акад. В. В. Струве при участии коллектива специалистов, представляет собой значительно переработанное издание книги, вышедшей под таким же заглавием в 1936 г. По сравнению с предшествующим изданием настоящий труд акад. В. В. Струве означает серьезный шаг вперед, отражая успехи нашей исторической науки, достигнутые благодаря руководящим указаниям партии и правительства, в первую очередь благодаря гениальной работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

В новом издании книги акад. В. В. Струве устранен ряд имевшихся в первом издании принципиальных и фактических ошибок, отмеченных в свое время критикой. До выхода в свет книга акад. В. В. Струве подвергалась неоднократно обсуждению в Отделении истории и философии Академии Наук СССР, и был получен ряд отзывов отдельных специалистов, замечания которых были учтены редакцией.

И с точки зрения методической рецензируемое издание значительно лучше предыдущего. Изложение — популярное, местами достаточно живое. Подробная рубрикация должна облегчить учащимся усвоение обильного материала. К книге приложены десять географических карт, хронологическая таблица, библиография, указатель.

Очень важно, что в данном издании в историю древнего Востока включены также Индия и Китай, которым посвящены обширные главы. В книге использован или, по крайней мере, отмечен новейший археологический и документальный материал.

В основу изложения истории древнего Востока в книге акад. В. В. Струве положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Заслуга акад. Струве в том, что он отбросил антинаучные теории об «азиатской формации» и о «восточном феодализме» и рассматривает страны древнего Востока как страны рабовладельческие. Благодаря этому история древнего Востока превращается из случайного сцепления фактов, каким она является в трудах буржуазных ученых, в осмы-

сленный, закономерный исторический процесс, ключ к пониманию которого лежит в экономике общества.

Основные принципы построения истории древнего Востока изложены в вводной главе книги акад. Струве. Автор вполне правильно счел необходимым отметить специфические черты экономики стран древнего Востока, заставляющие выделить историю Востока в отдельную дисциплину, изучать ее отдельно от истории Греции и Рима. «Отсутствие частной земельной собственности, сохранение общинных форм собственности, деспотическая власть царя, — все это придает древневосточным обществам застойный характер развития. Они отрываются от основ первобытно-общинного строя чрезвычайно медленно, лишь постепенно переходя к рабовладельческому способу производства» (стр. 7). Однако к этой правильной формулировке автор делает ряд оговорок (стр. 6) и утверждает, что неправильно было бы подчеркивать «абсолютное» отличие древневосточных стран от Греции и Рима. Эта сдержанность и некоторая непоследовательность автора сказываются в дальнейшем изложении истории отдельных стран, особенно древнейшего периода. Конечно, автор прав в том смысле, что древневосточные и античные общества относятся к одной и той же социально-экономической формации — рабовладельческой. Но внутри этой формации различия между Востоком и античностью настолько существенны, что Маркс и Энгельс постоянно различают «азиатскую» и «античную» древность. С особенной полнотой и глубиной эти различия вскрыты в работе Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Для Востока, в отличие от античности, типично отсутствие частной собственности на землю. Верховным собственником земли представляется общество в целом, воплощенное в лице деспота или бога (жрецов). Земледелец лишь *владеет* землей и обязан за это данью деспоту и работой «на дом царя» или храма. Преобладание общинной земельной собственности наложило свой отпечаток на все стороны экономической, политической и духовной жизни стран Востока, препятствуя, в частности, переходу от натурального хозяйства к товарному. «При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни»¹. На Востоке общинный уклад жизни оказался очень устойчивым. Поэтому здесь не удается преодолеть натуральный характер хозяйства, и рабство остается, таким образом, преимущественно домашним. Правильность этого положения не умаляется тем, что, несмотря на застойность общины, рабство и на Востоке перерастало — медленно и с трудом — в трудовое рабство. В Нововавилонском царстве, в южной Ассирии, в Финикии, отчасти в Палестине рабство становится основой хозяйства. Но это было конечным результатом тысячелетней истории, итогом длительного процесса, совершающегося, по выражению автора, с «чрезвычайной медленностью».

В книге акад. Струве не раз отмечается процесс медленного разложения общины, выделение частной собственности, соответствующие классовые перегруппировки, усиление роли рабства. Это как раз наиболее ценные мысли и наблюдения автора, позволяющие понять экономическую основу истории древнего Востока. Поэтому недоразумением представляется изображение Шумера в IV тысячелетии как уже законченного рабовладельческого общества (стр. 66—69). Из замечаний на стр. 68—69 можно заключить, что автор относит и культуру Обид и культуру Джемдет-Наср к периоду существования классового общества и государства. Между тем в главе V обе эти культуры правильно отнесены к эпохе первобытно-общинного строя. Было бы гораздо последовательнее и осторожнее, если бы автор рассматривал период до возникновения Аккада как период, когда переход к рабовладельческому способу производства далеко еще не завершен, а государство еще только в процессе становления. Борьба городов Шумера за преобладание, как и соперничество между номами Египта в период архайки, скорее всего выражают лишь попытки создания государства — попытки, сопровождающиеся борьбой народа против родовой аристократии. Это мы видим

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1937, стр. 89.

в реформе Урукагины, это можно проследить по книге Судей и Самуила в истории Ираиля. Было бы желательно, чтобы для следующего издания своего курса акад. Струве специально исследовал вопрос о времени появления публичной власти на Востоке, о характере древнейших шумерских городов.

Автор во всем изложении подчеркивает наличие на Востоке двух антагонистических классов — рабовладельцев и рабов. Это правильно, поскольку ведущим на Востоке был рабовладельческий уклад; именно он укреплялся и развивался, тогда как общинный уклад, хотя и медленно, приходил в упадок. Но мы обеднили бы историю древности, если бы ограничились изложением истории борьбы между рабовладельцами и рабами. Ведь даже «в древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, между тем как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для борцов»¹.

В отличие от издания 1936 г., в рецензируемой книге автор отмечает, что «основную массу непосредственных производителей составляли крестьяне» (стр. 101), что в Вавилонии при Хаммурапи «ведущей силой... продолжала быть масса рядовых свободных» (стр. 603). Остается пожелать, чтобы в последующих изданиях В. В. Струве, насколько позволяют источники, полнее осветил положение эксплуатируемых народных масс. Статьи на эту тему Н. М. Никольского показывают, что в этом направлении исследование может быть плодотворным.

Не совсем удачна формулировка на стр. 90, где утверждается, что к концу III династии Ура (конец III тысячелетия) «уже» возникает долговое рабство, как симптом распада общественных отношений, сложившихся в Двуречье. Поскольку автор считает общество Двуречья в III тысячелетии законченным рабовладельческим, можно подумать, что долговое рабство — явление позднее, разлагающее рабовладельческий строй общества. В действительности же долговое рабство — признак *незрелости* рабовладельческого общества. Оно существовало на ранней стадии также в античных обществах. Только в период между Солоном и Клисфеном афиняне «вместо того чтобы по-старому жестоким образом эксплуатировать собственных сограждан, стали теперь эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей не-афинян»². В Афинах долговое рабство было отменено в процессе образования рабовладельческого общества, в Риме — еще в IV веке до н. э. В результате сложилась рабовладельческая демократия — господство рабовладельческого класса *в целом*. Если на Востоке долговое рабство сохранилось не только в III, но и во II и в I тысячелетиях, то это — лишнее свидетельство *примитивности* классового общества, где сохраняется старая форма эксплуатации свободных, вплоть до порабощения. Долговое рабство, следовательно, не разлагает сформировавшееся уже рабовладельческое общество, а лишь мешает окончательной победе рабовладельческого строя, который еще только складывается.

Интересен анализ кодекса Хаммурапи (стр. 93—103), который расценивается как прогрессивное явление. Вообще самый факт кодификации права, ограничивающей произвол господствующего класса, является уступкой требованиям народных масс. Таковы «Книга завета», «Второзаконие», Законы XII таблиц и др. Классовое по существу законодательство Хаммурапи отражает рост вавилонского общества, хотя и содержит много архаических черт, и неудивительно, что оно послужило образцом для позднейших кодексов у других народов.

Много места в книге акад. Струве занимает торговля. Здесь тоже требуется еще серьезное исследование. Мы применяем термин «торговля» к древности, не анализируя реального содержания этого понятия в то время. Необходимо иметь в виду, что на древнем Востоке, вследствие натурального характера хозяйства, существовало некое «нерасчлененное единство города и деревни» (Маркс), ремесло не отделилось экономически от земледелия. Города были резиденциями царей, религиозными центрами, местопребыванием государственного аппарата; сюда поступала дань, из которой

¹ Маркс. Предисловие к «18 Брюмера», Избр. произв., т. II, М., 1940, стр. 250.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 95.

цари и храмы накапливали свои сокровища. Экономически главенствующей роли города, как правило (за исключением таких, как Вавилон, Дамаск или Тир), не играли. Этим объясняется легкость, с которой ассирийские, египетские, персидские цари переносили свои столицы из одного места в другое. При таком положении вещей главным владельцем прибавочного продукта выступал деспот или храм (жречество). Поэтому торговля на древнем Востоке не разлагала старого способа производства или, самое большее, вела «к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости»¹. Этот результат был достигнут в некоторых странах Востока лишь к концу древнего периода. Типичной же для Востока является посредническая торговля. Основными поставщиками товаров, «представителями потребителя богатства» (Маркс), выступают цари или жречество, действующие в Вавилоне через тамкаров, в Египте — через специальных послов или агентов. Прimitивный характер торговли сделал возможным и даже необходимым существование торгового народа финикийн; их торговля основывалась на варварстве производящих народов, на примитивности производства и зачаточном состоянии товарности хозяйства. Было бы поэтому правильно не преувеличивать значения торговли на древнем Востоке (например, торговли Аккада, стр. 87, Египта Ср. царства, стр. 146). Знаменательно, что лишь к концу истории древнего Востока появляется монета; в течение многих столетий средством обмена и мерой ценности были зерно (скот) и весовое серебро.

Много внимания уделено в книге истории культуры, особенно литературы, которая излагается подробно и тщательно.

Жаль, что в изложении религии автор ограничивается по преимуществу описанием пантеона и пересказом мифов. Ведь, «раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, т. е. экономическими, отношениями людей, делающих эти изменения»². Вот эти изменения должны интересовать историка в первую очередь. Религии Вавилона, Египта, древних евреев как раз дают прекрасный материал, показывающий, как в результате возникновения и усиления классового гнета боги, по выражению Энгельса, приобретают общественные атрибуты, становятся представителями исторических сил; как религия, сохраняя много архаических черт, начинает отражать гнетущие общественные силы, освящает эксплуататорский строй общества, обожествляет царскую власть. Надо надеяться, что в следующем издании этот пробел будет восполнен. Необходимо будет также резче подчеркнуть и ярче показать экономическую и политическую роль жречества. Теократический элемент в политическом строе — одна из закономерных специфических особенностей стран древнего Востока.

Было бы интересно, если бы автор остановился также на причинах возникновения великих держав на Востоке. Непрерывная смена этих держав — ассирийской, нововавилонской, персидской, македонской — заставляет думать, что мы здесь имеем дело со стихийным стремлением расширить экономическую базу общества. Поскольку рабство и общинный быт ставят ограниченный предел росту производительных сил, выход мог быть только в расширении территории. Конечно, древневосточные «мировые» державы были обречены на гибель; ведь это были «случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»³. Но они подталкивали и разрушали старый жизненный уклад. Введение в Передней Азии единого языка (арамейского) и письменности, единой системы мер и весов, единой монеты, культурное сближение разноплемен-

¹ Маркс, Капитал, т. III, 1936, стр. 298.

² Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. Маркс, Избр. произв., т. I, М., 1940, стр. 424.

³ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1938, стр. 4:

ного населения древневосточных держав содействовали перемешиванию племен и народов, создавали предпосылки для возникновения экономического и культурного единства эллинистических государств. В конце концов в Римской мировой империи создались условия для революционного перехода к новой, прогрессивной социально-экономической формации — к феодализму.

Очень жаль, что в книге нет историографии (если не считать четырех страниц «библиографии»). В вузовском курсе важно не только правильно изложить историю, но и показать, как развивалась историческая наука, ознакомить учащихся с различными школами и направлениями, научить их распознавать и отсекал буржуазно-классовые тенденции буржуазной историографии, разоблачать фашистскую фальсификацию истории. Военный разгром фашизма не снимает задачи искоренения остатков фашистской идеологии из ее последних убежищ. Это — весьма актуальная задача. Необходимо иметь в виду, что явные и тайные проводники гнусных фашистских идей действуют подчас довольно тонко, и тлетворному яду их пропаганды поддаются и такие буржуазные ученые, которые весьма далеки от фашизма и даже враждебны ему. Особенно «модны» в буржуазной историографии ни на чем не основанные теории о господстве индоевропейцев в ряде стран древнего Востока (митанни, хетты и др.). Необходимо также показать, что подлинно крупные немецкие ученые, как Эд. Мейер, проводят буржуазную, конечно, но антифашистскую концепцию истории древнего Востока.

Следующее издание курса акад. В. В. Струве должно быть резко заострено против расовой «теории», оно должно показать роль древних народов Востока — семитов, хамитов, яфетидов — в истории человеческой культуры.

Жаль, что в книге Струве лишь мимоходом упомянуто о неудачном походе Дария против скифов, отсутствует передаваемое Геродотом сообщение о гибели Кира в походе против племен массагетов в Средней Азии и другие эпизоды, рисующие успешное сопротивление свободолюбивых народов агрессии завоевателей.

Надо надеяться, что дальнейшие издания не только дадут учащимся богатый материал для правильного понимания истории Востока, но и вооружат их для борьбы с вредными, антинаучными теориями, для углубленной антифашистской пропаганды.

В книге имеются мелкие недосмотры и досадные опечатки. На стр. 336 Кир назван дедом Кира, основателя персидской державы, на стр. 368 последний назван правнуком первого (правильно первое). В хронологической таблице взятие Ниневии показано под 712 г., вместо 612 г. Здесь же указано: «Пин-ван, конец *Восточного* Чжоу. 722—221 *Западное* Чжоу»; должно быть наоборот.

Следовало бы кое-что уточнить в отношении хронологии. Как известно, для истории древнего Востока мы имеем очень мало абсолютных хронологических опорных пунктов. При датировке событий приходится пользоваться преимущественно относительной хронологией, синхронизмами, царскими списками, летописями. Ценность этих материалов иногда весьма проблематична, как показывает, в частности, библейская хронология. Естественно, что хронология древнего Востока спорна, существуют различные хронологические системы, которые непрерывно совершенствуются и уточняются. В последние годы выдвинуты новые хронологические теории, сдвигающие хронологию Двуречья, а также Крита и Египта на два столетия¹. Поэтому нельзя спорить против той хронологии, которая принята в новом издании книги акад. Струве. Но она не согласуется ни с хронологией первого издания, ни с хронологией, принятой в стабильном учебнике для средней школы. Это расхождение необходимо оговорить и объяснить.

Книга акад. В. В. Струве вызывает, как мы видели, много новых вопросов, толкает к новым исследованиям, в которых должны принять участие все историки-марксисты, занимающиеся древним Востоком. Она несомненно является полезным учебным пособием и может послужить основой вполне доброкачественного учебника для студентов исторических факультетов.

А. Ранович

¹ См. BASOR 88, dec. 1942; AJA, 1945.

Проф. С. И. РАДЦИГ. История древнегреческой литературы, изд. Академии Наук СССР (Институт мировой литературы имени А. М. Горького), 1940, 404 стр., цена 12 руб.

Высшая школа, наконец, получила надежное учебное пособие по истории древнегреческой литературы, солидный учебник, действительно дающий студенту картину литературных богатств античной Греции. Книга проф. С. И. Радцига вышла незадолго до начала зимней экзаменационной сессии. И я видел, с какой неподдельной радостью встречена она была в Ленинграде студенчеством, а затем на поверочных испытаниях я мог вполне убедиться, каким великим подспорьем оказалась она для моих слушателей в их подготовке к экзаменам. Уверен, что и студенты, да и сами преподаватели еще не раз мысленно поблагодарят проф. Радцига за его учебник. Серьезная и глубоко содержательная, эта книга написана совершенно понятным, простым языком, ясно и вразумительно и притом очень живо, а местами и увлекательно, так что читается она и легко и быстро.

Приятно и ее внешнее оформление. Учебник богато снабжен иллюстрациями: 54 рисунка в тексте, подобранных хорошо, со знанием и вкусом. Учебная ценность иллюстративного материала такого рода очевидна сама собой. Жаль только, что подписи под рисунками, неизменно отмечающие место хранения памятника («Копенгаген», «Рим», «Лувр», «Москва» и т. д.), почти никогда, за редкими исключениями, не дают никаких указаний насчет его датировки. Научная убедительность иллюстраций значительно от этого теряет: если, например, рисунок Эвфрония (стр. 125), поясняющий образ Тесея у Бакхилида, хронологически близок самому поэту, то, скажем, помпейская фреска, изображающая угод Брисеиды (стр. 35), стилистически весьма далеко отстоит от художественной техники «Илиады», и было бы чрезвычайно полезно информировать об этом студента, указав ему под рисунком приблизительную дату памятника.

В некоторый упрек автору я склонен был бы поставить замечательную у него склонность хронологически излагать материал лишь в пределах жанра, что неизбежно приводит к нарушению картины последовательного хода в развитии одновременных литературных фактов. Так, закончив главу VI («Торжественная лирика») «Персами» Тимофея и «Лидой» Ангимаха, т. е. писателями IV века, автор вынужден в следующей за ней главе VII («Наука и начало прозы») опять возвращаться назад, к VI столетию. Творчество Менандра рассматривается после описания творчества Биона и Мосха, Асклепиад разбирается после Каллимаха, несмотря на то, что Каллимах в своих эпиграммах находится под влиянием Асклепиада. Мне кажется также, что если группировка трагедий по темам допустима для творчества Софокла и Эврипида, где точная датировка пьесы возможна далеко не во всех случаях, то сюжеты комедий Аристофана и удобнее и целесообразнее излагать в их хронологической последовательности. Именно так всего легче показать студенту творческий путь писателя.

Надо горячо приветствовать проводимые С. И. Радцигом сближения античной литературы с фольклором и в генетических ее корнях, и в ее сюжетике, и в иных особенностях ее формальной картины. Сравнение гомеровского эпоса с эпическими произведениями других народов (стр. 57 и сл.) сразу делает этот эпос более понятным студенту; оно же позволяет автору построить и убедительный и научно важный вывод о приемах народного творчества, лежащих в основе гомеровских поэм. Равным образом хорошо выдвинуты вперед в начальной главе учебника уцелевшие до нас остатки оригинального древнегреческого фольклора.

Несомненно, будут чрезвычайно полезны как для студентов-руссистов, так еще больше для германистов и романистов краткие справки проф. Радцига в конце крупных разделов книги, сжато показывающие влияние древних писателей на литературные жанры и на художественную или научную мысль Новой Европы: например, Аристофеля (стр. 295 и сл.), Эсхила (стр. 168), Софокла (стр. 193 и сл.), Эврипида (стр. 218), Менандра через римскую комедию (стр. 336), Лукиана (стр. 351). Правда, в параграфе

о Плутархе (стр. 347) мы, к сожалению, не находим указаний на воздействие, какое оказали его «Биографии» на идеологию передовых, революционно настроенных кругов Франции конца XVIII века, а в России начала XIX века на политические воззрения декабристов. Но это, понятно, частности.

Экономно, сжато, не позволяя себе никаких отступлений в сторону, умело ведет автор свое всегда ясное изложение. Спешу оговориться: в тех случаях, когда вопрос по тем или иным причинам нуждается в более широком развитии, проф. Радциг, напротив, входит в подробности. Так, детальный анализ образа аристофановского Сократа, столь исключительно интересного с общеисторической точки зрения и столь сложного по своему составу, занял у него не одну страницу (стр. 242 и сл., 247 и сл.). Мимоходом останавливается он иногда на таких мелочах, которые в общем курсе обычно лектором не затрагиваются, но которые при более углубленном подходе студента к античности очень пригодятся не только слушателю классического отделения, но и романо-германисту и руссисту; к примеру, учебник поясняет студенту, что такое «схолии» (стр. 306), кратко упоминает о «Палатинской антологии» (стр. 357), обращает его внимание на «Ономастикон» Полидевка (стр. 353). Кстати заметим, что имя Полидевка у нас более употребительно в его римской форме — Поллукс, которую и было бы поэтому целесообразно привести рядом с греческой, хотя бы в скобках.

Не буду говорить о множестве других, не менее положительных, частностях работы проф. Радцига, но не могу не указать здесь еще на одну из них: впервые в русском учебнике сделана попытка более подробного рассмотрения смысла знаменитого термина Аристотеля «катарсис» и четко противопоставлены одна другой две основные теории — старая, этическая, Лессинга, и более новая, медицинская, Бернайса, причем последней автором оказано, на мой взгляд совершенно правильно, определенное предпочтение (стр. 295). Выявлено одновременно и историческое значение Аристотеля и отнечена та высокая оценка, какую дает Аристотелю Маркс (стр. 196).

С полным правом мы можем сказать, что книга проф. Радцига и со стороны содержания и со стороны формы бесспорно удовлетворяет основным задачам учебника высших учебных заведений. Тем, однако, досаднее имеющиеся в ней недочеты, на которые я и хочу в порядке товарищеской критики добросовестно указать. Прежде всего, автору книги можно, думается мне, поставить в упрек недостаточно широкое иногда использование новейшей литературы. Так, в главе VIII, говоря о началах драмы, С. И. Радциг напрасно умалчивает о новом понимании употребленного Аристотелем слова «эксархонты», видимо означавшего не запевал хора, как это принято вообще думать, а актеров. Пусть вопрос этот пока еще спорен, но не упомянуть о нем, хотя бы лишь совсем кратко, в учебнике для высшей школы, разумеется, нельзя. В главе II, занимающейся гомеровским эпосом, мало приняты во внимание работы последнего времени, связанные с интерпретацией гимна в честь Аполлона, равно как и изыскания Радермахера по вопросу о сказочности сюжета «Одиссеи» как целого.

Слабо использованы в учебнике и папирусные находки: в параграфе о Сапфо (стр. 105 и сл.) проф. С. И. Радциг не только не упоминает о новом, недавно открытом фрагменте стихотворения Сапфо, обращенного поэтессой к своей дочери Клеиде (XСIII), но почему-то ничего не говорит и о всем хорошо известных ее берлинских фрагментах. Произведения Софрона, замечает проф. С. И. Радциг (стр. 223), «мы знаем только по названиям»; повидимому, от внимания автора ускользнул небольшой папирусный отрывок одного из подлинных мимов Софрона, в первый раз изданный в 1933 г. Нет упоминания (стр. 226) и о большом папирусном отрывке из «Демов» Эвполида, важном для истории современной Аристофану комедии¹.

Впрочем, многие из новых папирусов Каллимаха проф. Радциг использовал и построил на их материале характеристику этого поэта (стр. 310).

Оспаривать можно и иные из положений автора. Например, едва ли в настоящее время кто-нибудь согласится с утверждением проф. С. И. Радцига, будто древняя комедия заимствовала свою структуру у трагедии (стр. 227); нормы композиционного плана

¹ Ст. С р е б р н ы й. Журн. мин. нар. просв., 1913, Отд. классич. фил.

комедии V века складывались независимо от трагедии, и ни «эпизодиев», ни «стасимов» в комедии Аристофана нет. Это как будто уже давно доказано и, насколько я знаю, теперь никаких сомнений не вызывает. Трудно согласиться и с предположением о влиянии Гиппонакта на древнюю комедию (стр. 95), которое вряд ли можно чем-нибудь подтвердить. Думается также, что хор у Эпихарма отсутствует не потому, что к V в. в Сицилии драматический хор «уже не играл никакой роли» (стр. 223), а потому, что хор в сицилийской комедии вообще с самого начала отсутствовал. Далее, нет никаких оснований предполагать, будто в «Поэтике» Аристотеля пропали части, касавшиеся эпоса и лирики (стр. 292); пропала, повидимому, только та часть, которая специально занималась комедией. Эпос трактуется Аристотелем в главах 23 и 24 «Поэтики», а лирикой, как таковой, Аристотель вообще, вероятно, и не занимался. Кроме того, после анализов (60-е годы) трудно говорить о том, будто «Поэтика» дошла до нас «с сокращениями» (там же).

Нельзя обойти молчанием и те упрощенные схемы метрических фигур элегического двуступия, ямбического триметра и трохаического тетраметра, которые представлены на стр. 90 и 91 учебника и безусловно очень полезны именно своей наглядностью. Но все же, поскольку во второй половине пентаметра никогда не бывает спондеев, их и в схеме не следует показывать даже условно. На стр. 95 поэт Гиппонакт едва ли правильно назван творцом так наз. «хромого ямба»: холиямб — явно народный стих, лишь художественно использованный Гиппонактом.

Следовало бы вообще в учебнике избегать говорить об «изобретателях» в области литературы. Проф. Радциг этим, впрочем, и не грешит: Архилоха он «изобретателем ямба», как это обычно делается, не назвал. Тем смелее обращаем его внимание на Гиппонакта, а отчасти и на Пратина (стр. 137) и на Исократ (стр. 273).

Очень обидны мелкие недосмотры, объясняемые, очевидно, спешкой при подготовке книги к печати. Указать на те из них, которые бросились мне в глаза, я здесь и собираюсь, будучи твердо уверен, что настоящая потребность в выходе второго издания учебника проф. С. И. Радцига очень скоро определится. Стр. 46: форма имени главного героя «Илиады» — Ахилл — иногда перебивается параллельной — Ахиллес. Желательна, мне кажется, унификация. Стр. 79: в «Батрахомиамах» Зевс на мышей насылает не кравов, а раков. Стр. 104: в своем застольном стихотворении Алкей обращается не к богу Вакху, а к человеку по имени Викхий (Бикхий). Учебник повторил искажение, вкравшееся в текст русского перевода. Стр. 109: Теос, родина Анакреонта, — не остров, а город. Стр. 116: автор баллады «Ивиковы журавли» — не Гёте, а Шиллер. Стр. 315: игрушка, которую Афродита в поэме Аполлония Родосского (III, 133) собирает подарить юному Эроту, изготовлена не Гефестом, а Адрастеей, критской воспитательницей Зевса. Стр. 324: сохранившийся у Афиней (XIV, 621a) рассказ о том, как поэт Сотад был брошен, по приказу Птолемея Филадельфа, в море, признается теперь легендой. Стр. 327: отрывки Менандра найдены были Лефевром не в 1907, а в 1905 г.; в 1907 г. они были им опубликованы. Стр. 351: дошедший до нас среди сочинений Лукиана роман «Лукий или осёл» Лукиану не принадлежит. Стр. 349: не принадлежит Лукиану и сочинение «О сирийской богине», и содержанием его служит не «обстоятельное и конкретное разоблачение культа» этого восточного божества, а любовная повесть о Комбабе и Стратонике. Стр. 353: годы жизни Дионисия Фракийского, автора древнейшей грамматики, действительно принадлежат началу III века до н. э., но Гермоген жил значительно позже, а именно во II веке н. э.; в учебнике и он, по недосмотру, отнесен ко II веку до н. э. Стр. 358: Харитон, автор романа «О Херее и Калирое», прозывался Афродисийским; в учебнике он ошибочно назван Лампсакским. Стр. 360: относить роман Ахилла Тация «Левкиппа и Клитопонт» к IV веку н. э. теперь уже нельзя; Вольно (1938) опубликовал папирусный отрывок этого романа, принадлежащий II веку н. э.

Исправляем и некоторые опечатки, не замеченные автором: стр. 103* — логазды вместо логазды; стр. 246 — народ землевладельцев вместо народ земледельцев, стр. 340 — Бауло вместо Буало.

Книга проф. С. И. Радцига отличается, как мы сказали, большой ясностью

языка, хотя кое-где иные формулировки и страдают недостаточной четкостью. Так, желая оттенить сокращение сценической функции хора у Эврипида, автор говорит: «У Эврипида хор утрачивает связь с действием, и песни его превращаются в музыкальный дивертисмент между отдельными актами драмы» (стр. 137). Сформулированная столь резко, подобного рода характеристика снижения роли хора в позднейшей драме скорее подходит к комедии Менандра, чем к трагедии Эврипида. Разумеется, и в трагедии Эврипида хор в значительной степени является уже пережитком прошлого, часто даже мешающим драматургу в его сценических замыслах; выступает, однако, хор у Эврипида не только в стасимах: достаточно вспомнить начальную часть «Ипполита», где хор принимает активное участие в действии пьесы, или «Медею», где героиня постоянно диалогизирует с корифеем хора. Не вполне ясны и слова автора на стр. 180 и 192 по поводу Эдипа, будто у Софокла Эдип «в самообольщении готов был вообразить себя сыном кого-то из богов» или «сыном счастья». В тексте трагедии (стр. 108) Эдип называет себя «сыном счастливой Судьбы», конечно метафорически, образно выражая ту мысль, что своим высоким положением в жизни обязан он лишь «счастливому случаю».

В изменении редакции нуждается и замечание о греческом романе, развившемся, как говорится в учебнике (стр. 357), «в самую позднюю эпоху античного мира»; папирусные отрывки Харитона и Ахилла Тация принадлежат II веку н. э., фрагмент «Нина» относится к середине или даже к первой половине I века, а I и II века н. э. никак нельзя называть «самой поздней эпохой» античности. Иногда встречаемся мы с недоговоренностью: почему «введение Эврипидом интриги» в трагедию «являлось откликом на новые социальные отношения» (стр. 204). Высказанная отрывочно, в общей форме, мысль автора остается неясной. Сбивчиво передано и заглавие романа Гелиодора «Эфиопики или Феаген и Хариклея». Ни один читатель не догадается, что слово «Эфиопики» здесь именительный множественного среднего рода, но зато очень многие, я уверен, подумают, что в романе Гелиодора действуют два маленьких эфиопа (два эфиопика), Феаген и Хариклея. Старый перевод заглавия — «Эфиопика» (т. е. события в Эфиопии) и понятнее, пожалуй, и проще. Так же странно звучат и заглавия поэм Аполлония Родосского «Аргонавтики» и Нонна «Дионисиаки».

В заключение несколько слов о библиографии. Она очень полна, а применительно к практическим целям учебника даже слишком обширна. Добавить к ней можно немного, разве два-три названия, например прекрасную книжечку знатока Аристофана и новоаттической комедии, Альфреда Керте (1914); другую книгу того же автора (1925), тоже обращенную к широко образованному читателю и говорящую о литературе эллинистического периода, а к главе VIII — русское руководство проф. С. С. Мокульского «История западноевропейского театра», ч. I. отд. 1 (1936).

Но, может быть, было бы гораздо важнее предложенный учебником библиографический список, еще раз внимательно пересмотрев его, наоборот, сократить, так как в нем далеко не все пригодится учащемуся: многое из указанного в нем слишком специально, а многое и устарело. Составитель списка в примечании (стр. 373) поясняет: «Мы приводим ниже основные сочинения по разным вопросам истории греческой литературы. Из русских сочинений приводятся все имеющие актуальное значение для современного читателя, из иностранных — только важнейшие. Все они расположены по темам и по степени их важности, а наиболее существенные поставлены в начале». Неужели же почтенные, но в настоящее время уже совсем устаревшие работы Беляева («К вопросу о мировоззрении Эврипида» (1878), Новоселова («Ахарняне». Рассуждение. 1856), Стасюлевича («Комедия «Облака» и ее историческое значение». «Москвитянин», 1851), стоящие *первыми* в списке рекомендуемых пособий к главам XI и XII, действительно, по мнению автора списка, имеют «актуальное» значение для «современного читателя» и открывают списки как работы, в самом деле «наиболее существенные»? Очевидно, и тут, при подготовке второго издания, нужны будут какие-то коррективы.

Моя придирчивая критика касается, как видит читатель, преимущественно мело-

чей и несколько поэтому не умаляет основных достоинств работы проф. Радцига, его полезного учебника для высшей школы, одновременно и серьезного и легко усваиваемого, основанного не только на всестороннем знании материала, но, несомненно, и на большом и очень ценном преподавательском опыте автора.

Проф. Ив. Толстой

Новые папирусные свидетельства из истории Митилены в начале VI века до н. э.

При скудости исторических сведений о Греции в VI веке каждый исторический намек, содержащийся во вновь находимых на папирусе отрывках из лирических стихотворений этой эпохи, приобретает особый интерес.

На страницах «Вестника древней истории» (1939, № 2) я уже сделал попытку восстановления одного папирусного отрывка, содержащего намек на борьбу между Митиленой и Афинами. Изучение отрывков Сапфо дает новый материал для иллюстрации как политической борьбы в Митиле не вообще, так и борьбы за Троянское побережье.

Какой политической ориентации держалась сама Сапфо? До сих пор считалось несомненным, что вся греческая лирика VII и VI веков до н. э. уже в силу своей связи с религией отражала интересы аристократии и вела непримиримую борьбу с руководителями новых общественных групп, так называемыми тиранами. Только Солон представлял в известной мере исключение. Аристократический характер творчества Архилоха и Феогида никогда не подвергался сомнению, а Алкей со своими *Στασιωτικά* («Песнями мятежа») даже непосредственно участвовал в реакционном аристократическом движении. Вследствие близости между поэзией Алкея и Сапфо это казалось несомненным и для Сапфо.

В 1939 г. А. Вольяно¹ опубликовал в «Philologus» вновь найденный отрывок из Сапфо² и, исходя из него, выступил с попыткой опровергнуть этот общепринятый взгляд. Во второй строфе вновь найденного стихотворения Сапфо читается следующее:

ταύτας τὰς Κλεανακτίδας
φύγας ἄλκις ἀ πόλις ἔχει
μνῆμα· τεῖθε γὰρ αἶψα διερούη

По мнению Вольяно, это место надо переводить так: «Об этом бегстве Клеанактидов (из Митилены)³ город достаточно помнит. И сюда дошла молва⁴ (об этом)».

Отсюда Вольяно делает такой вывод (стр. 286): Сапфо с грустью говорит о положении в городе, создавшемся вследствие бегства Клеанактидов. Однако из схолия к fr. 55 Алкея (Lobel) мы знаем, что представителем рода Клеанактидов был Мирсил — тот самый тиран Мирсил, который был ближайшим сотрудником Питтана (fr. 48, Lobel) и смерти которого так бурно радовался Алкей⁵ (fr. 93, Lobel). Сапфо, по мнению

¹ A. Vogliano, Nuove strofe di Saffo. «Philologus», 93, 1939, стр. 277 сл.

² Имя Сапфо не читается на папирусе. Однако третья строфа стихотворения и по размеру, и по слогу, и по содержанию, и по обращению к хорошо известной дочери Сапфо Клеиде не оставляет ни какого сомнения в том, что автор стихотворения — Сапфо.

³ См. Hesych., s. v. φύγας ἔξορίας.

⁴ См. Hesych., s. v. αἶψα (p. 80).

⁵ У Страбона (XIII, 2, 3, p. 617 C) говорится, что Алкей поносил Мирсила, Меланхра и Клеанактидов (Μυρσίφ καὶ Μελάγχρφ καὶ τοῖς Κλεανακτίδαῖς). Из схолия к новому отрывку видно, что представителем Клеанактидов был именно Мирсил, поэтому Вольяно справедливо предлагает устранить из текста Страбона второе καί, как вкравшееся по ошибке.

Вольяно, была тесно связана с Клеанактидами; она осталась в Митилене и скорбит об изгнании группы Клеанактидов, испытав тяжелые последствия, вызванные этим изгнанием («ella... ha dovuto subire le tristi conseguenze di questo esodo»). Следовательно, она была в партии, враждебной Алкею, ненавидевшему Клеанактидов. Итак, заключает Вольяно, новый папирус проливает неожиданный свет на греческую историю. «Слово за историками».

Если бы филологическое толкование нового отрывка, даваемое Вольяно, было верно, то историкам, действительно, не оставалось бы ничего другого, как признать, что демократические группы VII—VI веков имели своего лирического поэта, и этим поэтом была не кто иная, как Сапфо. Однако самый перевод, даваемый Вольяно, мне кажется неправильным. Слово φύγα, разумеется, означает «изгнание», а в нашем листе, ввиду следующего τείδε γὰρ αἶψα διερρήν, даже еще конкретнее: «группа эмигрантов, находящихся в изгнании», т. е. то жэ, что οἱ φυγάδες¹.

Несомненно также, что Сапфо, если мы должны постулировать, что она осталась в Митилене, получала вести от этих эмигрантов и скорбела об их судьбе; это ясно из контекста стихотворения. В истории Греции мы имеем ряд случаев, когда политические эмигранты, обычно аристократы, продолжают жить на чужбине сплоченной общиной, иногда даже захватывая какой-либо город и при помощи политических интриг или планов прямого нападения подготавливая возвращение в родной город².

Не забудем, что с античной точки зрения определяющим моментом для государства являлась не территория, а община граждан, объединенных общностью религиозных и политических учреждений. Эта мысль формулирована Аристотелем³, но уже современник Сапфо, Алкей, выразил ее достаточно ясно: «Города — это не камни, не дерево и не искусство строителей; всюду, где ни окажутся люди, способные постоять за себя, там и стены и города» (fr. 106, Lobel). Можно думать, что Алкей, говоря это, имел в виду общину эмигрантов, сидевших где-нибудь на Лесбосе или на материке Малой Азии и пытавшихся при помощи лидийцев вернуться на родину — в Митилену (см. fr. 47, Lobel, = XXXVIII в переводе В. Иванова):

Зевс-отец! Лидийцы влзтых статоров
Две нам тысячи полновесных дали, —
Лишь бы мы вступить попытали счастье
В город священный.

Должны ли мы на основании стихотворения Сапфо считать, что наряду с этой аристократической эмиграцией существовала (разумеется, в другое время) еще и демократическая, которой и сочувствовала Сапфо. Думаю, что это не так. Слово φυγή с родительным падежом, как и φύας с родительным падежом (φυγή = οἱ φυγάδες), даже в классической прозе, но особенно часто в поэзии, означало не только: «бегство таких-то людей», но и «бегство от чего-нибудь или от таких-то людей»⁴. Поэтому в нашем контексте φύγα Κλεανακτίδων вполне может означать: «Эмигранты от Клеанактидов», т. е. «эмигранты, изгнанные Клеанактидами». При таком переводе нам не при-

¹ См. Passow, Wörterbuch. s. v. φυγή.

² Например, Th u c. VIII, 64.

³ Политика, VII, 5, 2; «Владения нужны государствам, но владение (землей) не является необходимой принадлежностью государственной организации, так как государство есть общественная связь однородных людей в целях организации возможно лучшей жизни».

⁴ L y s., 3, 42; A e s c h i n., περὶ τῆς παραπρ., 143; A e s c h y l., Suppl., 395; γάμου δούφρονος φυγά; S o p h., Ant., 365; X e n., Anab., I, 1, 10; P l a t., Alc. 2, p. 142 A: φυγάδες τῆσδε τῆς πόλεως; P l u t., Ant., 70: φυγάς ἀνθρώπων; Th u c., VI, 92 φυγάς τῆς ποτηρίας; E t y m. Magn., p. 361, 32; S c h a e f.: οἱ φυγάδες τῶν τυράννων; P l a t o., Alcib. 2, p. 145 B: φυγάς τῆς πατρίδος; Th u c., VIII, 1.

дется делать предположение о существовании сплоченной группы демократов-эмигрантов и о демократических симпатиях Сапфо, противоречащее всему, что нам было известно до сих пор.

Правда, и предложенный Вольяно перевод: «Группа эмигрантов, (состоящая из) Клеанактидов», грамматически вполне возможен; однако нет никакого основания прибегать к такому парадоксальному переводу, когда можно без малейшей натяжки обойтись без этого.

Итак, разобранный нами строфу придется переводить: «Об этой группе людей, изгнанных Клеанактидами, город основательно помнит. И сюда дошла молва (об этом)».

Что означает «сюда»? Есть две возможности понимания: или Сапфо осталась в Митилене, и тогда «сюда» означает «в Митилену», или она сама также находилась в группе эмигрантов, тогда «сюда» означает «к эмигрантам» — и до эмигрантов дошли слухи о том, какую тяжелую память оставило по себе изгнание Клеанактидами митиленской аристократии, как тяжело это отразилось на жизни города.

Следующая строфа, пожалуй, скорее говорит в пользу второго из этих двух объяснений. Здесь читаем: σοι δ' ἔγω, Κλέϊ, ποικίλῃ οὐκ ἔχω πόβῃ ἐστῆται μίτραν. ἀλλ' ἔτι τῷ Μιτιληνάωι, т. е. «А где мне взять для тебя, Клеида, пестрое платье, я не знаю; за это ты (народу) митиленскому (скажи спасибо)».

Уже после того, как эта заметка была сверстана, мне стала известна новейшая литература по этому вопросу: C. Gallavotti, *La nuova ode di Saffo Rivista di Filologia*, XX, 1941, стр. 161—168, Его же, *Rilievi storici sulla nuova ode di Saffo, Studi italiani di filologia cl.*, XX, 1942, стр. 161—166 с историческим комментарием Carratelli, там же, стр. 166—174. Здесь дан полный текст стихотворения. Речь идет о желании Клеиды получить дорогое платье из Лидии: мать говорит, что она не может купить его Клеиде из-за «митиленца». По мнению Gallavotti, этот митиленец—Питтак, запретивший роскошь в Митилене; Carratelli оспаривает утверждение схолия, что Клеанактидами были Меланхр и Мирсил, для того чтобы избежать необходимости видеть в Сапфо врага аристократии. По моему мнению, все это—недопустимые натяжки, в которых при моем объяснении нет нужды.

Проф. С. Я. Лурье

Обзор иностранных журналов

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XL, 1941, № 1, January—March

— Hugh O'Neill Henscken (The Harvard Archaeological Expedition in Ireland, p. 1—6, 2 ill.) дает отчет о раскопках в Ирландии за период 1932—1936 гг. Наиболее интересные открытия, относящиеся к эпохе мезолита свидетельствуют о проникновении в Ирландию мезолитических охотничьих племен в VII тысячелетии до н. э. Большой интерес представляют также обнаруженный в Западной Ирландии замок вождя IX века н. э. и усадьба областного правителя VIII—IX веков н. э. с богатым инвентарем, иллюстрирующим придворный быт средневекового ирландского сеньера.

— Berta Segall (The Dumbarton Oaks Collection, p. 7—17, 9 ill) характеризует коллекцию в Думбартон-Оксе, недавно переданную Гарвардскому университету. Коллекция состоит в основном из памятников средиземноморского искусства позднеантичного и раннехристианского времени. Дано описание отдельных вещей с выяснением их средиземноморских связей.

— George Grant MacCurdy (Discovery of Palaeolithic Mural Art, p. 17) дает краткое сообщение о новом открытии пещерной росписи эпохи палеолита в Дордони.

— Clark Hopkins (The architectural Background in the Paintings at Dura-Europos, p. 18—29, 8 ill.) касается вопроса о генезисе архитектурного фона на стенных

росписях из Двора-Эуропос, который, по его мнению, восходит к эллинистической живописи Греции и Малой Азии, применявшей архитектурные элементы в декорациях фона. В дальнейшем автор усматривает влияние подобного рода живописи на росписи в Индии (пещеры Аджанты) и Китае (пещеры в Кызыле).

— Saul S. Weinberg (What is protocorinthian Geometric Ware? p. 30—44, 25 ill.) исследует группу ваз VIII—VII веков до н. э., известных под названием «протокоринфских геометрических». Эта керамика вывозилась в Италию, Сицилию, Фигеру, Дельфы, Фивы, Эгину. Полное исчезновение протокоринфских геометрических ваз происходит не ранее последней четверти VII века до н. э.

— Neilson C. Debevoise (The Origin of Decorative Stucco, p. 45—61) на основании последних археологических данных прослеживает происхождение расписной штукатурки в Двуречье. По его мнению, техника декоративного штукатурки была занесена в Двуречье парфянами в середине I века н. э., а сассанидский декоративный штукатур является его непосредственным продолжением.

— Margarete Bieber (Ne supra Crepidam Sutor Iudicare, p. 62—63, ill.), статья которой является ответом на заметку Mary Wallace (Sutor supra crepidam), считает, что такие внешние признаки, как мода на одежду и обувь, играют важную роль для датировки, но не являются решающими. Важным фактором для датировки является появление выреза на подошве сандалий.

— D. A. Mux (The Gorgon Hydria from Eretria, p. 64—69, 4 ill.) публикует гидрию с изображением Горгоны из Эретрии. Эта ваза и лекиф из Халкиды, по мнению автора, ошибочно считались халкидскими. Обе вазы носят черты аттицизма, но могли быть сделаны в Эретрии в подражание аттическим вазам.

— A. E. Raubitschek (Note on a Study of the Acropolis Dedications, p. 70) касается вопросов изучения фрагментов архаических и раннеклассических посвященных надписей с афинского Акрополя и дает новые сопоставления ранее опубликованных и еще не опубликованных фрагментов.

— Agnes K. Lake (A note on the Pediment of the Tuscan Temple, p. 71—72) отмечает местные черты в архитектуре этрусского храма до его ассимиляции с греческой архитектурой. Эти черты указывают на его происхождение из этрусской урны в форме хижины.

— G. Bonfante (Some New Latin Inscriptions from Spain, p. 73—80, 4 ill.) дает публикацию и расшифровку некоторых латинских надписей из Испании III—IV веков н. э.

— R. F. J. Starr (A Rare Exemple of Akkadian Sculpture, p. 81—86, 5 ill.) дает публикацию мужской стеатитовой головы из Месопотамии в собрании музея Фогг. Автор считает ее произведением аккадского искусства эпохи Саргона. Это первый дошедший до нас памятник статуарной скульптуры Аккада.

Археологическая хроника

— При раскопках в пещерах около Тырнова в Болгарии обнаружены стоянки эпохи палеолита и неолита (стр. 100).

— В Иерусалиме в 1937—1938 гг. производилось исследование кладки оборонительной стены с башнями близ Дамасских и Иродианских ворот (стр. 103).

— Изучение инвентаря погребения бронзового века, обнаруженного в 1937 г. в Тель-Джереше около Яффы, подтверждает наличие связей между Палестиной и Кипром в указанный период (стр. 103—104).

— Раскопки Турецкого исторического общества в Алака-Хойюке близ Богаз-Кеоя в 1935—1936 гг. обнаружили напластование ряда культурных слоев, начиная с эпохи халколита. Наибольший интерес представляют остатки зданий хеттского периода и царские могилы начала III тысячелетия до н. э. В последних обнаружены золотые сосуды, орнаментированные «соляные диски», бронзовые фигурки животных с серебряной инкрустацией и др. (стр. 104).

— Нельсон Глюк публикует отчет об археологических работах в Палестине: в 1940 г. в Кинерете на Галилейском озере раскопана могила раннего бронзового

века (около 2500 г. до н. э.). В Шейх-Абрейке около Яффы продолжались раскопки древнего города Бет-Шеарима (I—IV веков н. э.). Обнаружено частично сохранившееся здание мастерской по производству стекла. В Тель-эль-Хелейфе продолжались раскопки Эцион-Гебера (Элат) — X века до н. э. — IV век н. э. Наиболее интересные находки — мастерская металлургического производства и две линии оборонительных укреплений (стр. 116—117).

— В Сирии экспедиция под руководством Догерти закончила раскопки доисторической стоянки в долине Антелиаса в Ливане. В августе 1940 г. закончился первый сезон раскопок в Тель-Фахария в северной Сирии. Установлено наличие слоев середины II тысячелетия до н. э. Найден ряд клинописных табличек с деловыми документами XIII века до н. э. и две уникальные каменные статуэтки около XIII века до н. э. (стр. 117).

— Hetty C o l d m a n (Hesperia, IX, 1940) сообщает о раскопках в Гале в Локриде. На акрополе города обнаружены: на первом участке — остатки храма (580—560 гг. до н. э.) с остатками культовых статуй, votivное приношение с бронзовыми фигурами и терракотами. На втором участке — небольшой дорийский храм, построенный после 425 г. до н. э., фрагменты скульптуры, между ними прекрасные сфинксы. Около Северных и Северо-восточных ворот — торговые лавки IV—II веков до н. э.

— В хронике по СССР дается отчет о конференции по скифо-сарматскому периоду, имевшей место в 1939 г. в Киеве.

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLV, 1941, № 2, April — June

— Dorothy Kent H i l l (Sculpture Newly Exhibited in Baltimore, p. 153—158, 4 ill.) дает публикацию двух памятников античной скульптуры из мрамора — женского торса и женской головы, приобретенных в 1902 г. и недавно экспонированных в Walters Art Gallery в Балтиморе. Торс представляет собой, вероятно, одну из копий амазонки Крисиллы, голова — одну из лучших реплик Геры Боргезе.

— Gisela R i c h t e r (Two Reconstructions of Greek Grave Monuments, p. 159—163, 9 ill.) дает публикацию двух надгробных памятников Метрополитанского музея в Нью-Йорке, которые удалось реконструировать благодаря находке утраченных частей. Оба памятника датируются третьей четвертью VI века до н. э.

— Prentice D u e l l (Etruscan Wall Paintings from Fifth Century Tombs at Tarquinia, Italy, p. 164) информирует о выставке акварелей и фото с росписей этруских гробниц V века до н. э. из Тарквинии. Девять акварелей тщательно воспроизводят античные краски, 51 фото прекрасно показывают технику древних мастеров.

— Walter H a u s e r (Discovery of Sasanian Mosaics at Shapur, p. 165) сообщает об открытии Р. Гиришманом (Лувр) за период 1935—1941 гг. на месте дворца Шапура I в Шапуре мозаики сасанидского периода с изображением портретных голов, а также фигур танцовщиц и музыкантов.

— Kurt W e i t z m a n n (A Tabula Odysseaca, p. 166—181, 4 ill.) публикует уникальную мраморную табличку с рельефами, иллюстрирующими все 24 песни Одиссеи. По мнению автора, подобные таблички, так же как и известные рельефы со сценами из Илиады, представляют собой сокращенные копии иллюстрированных поэм Гомера, написанных на папирусе.

— W. S c h w a b a c h e r (Hellenistische Reliefkeramik im Kerameikos, S. 182—228, 10 Tab.) дает анализ и классификацию фрагментов так называемых «Мегарских чаш», найденных в афинском Керамике. По мнению автора, Афины были одним из важнейших центров производства этого рода керамики и «Мегарские» чаши из Афин имеют ряд особенностей, отличающих их от «мегарских» сосудов, производившихся в других центрах.

— P. V. C. B a u r (Megarian Bowls in the Rebecca Darlington Stoddard Collection of Greek and Italian Vases in Yale University, p. 229, 16 ill, 3 tab.) дает повторную публикацию ранее изданных «мегарских» чаш из коллекции Stoddard с фото

и рисунками. Автор считает, что «мегарские» чаши изготавливались почти в каждом эллинистическом большом городе. Среди опубликованных чаш имеются произведения аттических, антиохийских, делосских, пергамских, македонских, сирийских мастеров. Форма и декорация «мегарских» чаш меняются с течением времени. Датируются «мегарские» чаши III—II веками до н. э.

— John Franklin Daniel (*Prolegomena to the Cyprio-Minoan Script*, p. 249—282, 16 ill.) дает анализ и классификацию надписей кипро-минойского шрифта, который является промежуточным звеном между минойским линейным шрифтом Крита эпохи бронзового века и кипрской силлабической письменностью классического периода.

Археологическая хроника

— А. Стейн (Aurel Stein) проследил границу римского государства от Хита на Евфрате через Сирийскую пустыню до Акабы, а также новую дорогу, проложенную Траяном и соединяющую Акабу с Петрой и Босрой. Вдоль границы и Траяновой дороги обнаружен ряд крепостей, плотин, водоемов римского времени (стр. 290—291).

— В бюллетене Археологического института Болгарии сообщается о находках мраморного идола медно-каменного века в Богданицах и украшений двух римско-фракийских колесниц; во вновь открытой римской вилле близ Орландцы — торса Аполлона римской провинциальной работы; мраморной головы мужчины II века н. э. — в Ломско; бронзовой статуэтки Асклепия — в Тухница. В том же журнале И. Волков сообщает о раскопках фракийских курганов близ Брезово (V век до н. э. — I век н. э.). В одном из них найдено бронзовое зеркало III века до н. э. в деревянной резной рамке с изображением Афродиты.

— О новых открытиях на афинской «Агора» в результате раскопок 1940 г., прерванных войной, сообщает Т. Leslie Sheat (*Hesperia*, 1941, X). При расчистке площади для проектируемого музея найдены три могилы. Среди находок — вазы, острака Перикла и его отца, две эллинистические скульптуры, клад эллинистических монет (350—250 гг. до н. э.) и др. На северном склоне Акрополя Вандерпуль (Vanderpool) открыл несколько могил геометрического периода, эллинистический колодец, цистерну и остатки роскошного эллинистического дома с вымощенным мрамором двором. Parsons продолжал раскопки Клепсидры, сделав ее базой специального исследования. Вся территория раскопок законсервирована. Дубликаты археологических записей и фото вывезены в Америку (стр. 291).

— В хронике по СССР (*«Antiquity»*, 1940, т. XIV) Г. Фильд и Е. Простов дают обзор археологических работ в СССР за 1939—1940 г. Публикуется сообщение о работе экспедиции Тбилисского музея Грузии в Доблагоми на горе Нацихвара (некрополь древних колхов) на основании отчета С. Макалатии (*«Советская археология»*, 1940, № 5). Отмечается также публикация последним античного глиняного саркофага музея Грузии (стр. 299—300). Упоминаются статьи в *«Кратких сообщениях Института истории материальной культуры»*, вып. IV: А. П. Окладникова — О происхождении лука; С. Н. Бибикина — о крымском неолите; М. В. Талицкого — о палеолитической стоянке близ деревни Остров на Урале (стр. 285—286).

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLV, 1941, № 3, July—September

— Richard B. Freeman (*Nabataean Sculpture in the Cincinnati Art Museum*, p. 337—341, 4 ill.) дает публикацию памятников скульптуры и архитектурных фрагментов, найденных американской экспедицией при исследовании развалин набатейского храма в Кирбет-эт-Таннуре в Трансиордании; среди них — сидящая каменная статуя синкретического божества Зевса-Адада, рельеф с изображением Тихе в муральной короне и знаками Зодиака и др.

— J. D. Beazley (*A Melian Relief*, p. 342, 1 ill.) сообщает о реконструкции на основании аналогии с рельефом с острова Мелоса в Национальном музее в Афинах

другого рельефа в Bowdoin College, дополненного фрагментом, находящимся в Гамбурге. Полностью этот рельеф публикуется впервые.

— Prehistoric Cultures Excavated in Southwestern China, p. 344, 1 ill. Сообщение об открытии первобытной культуры в Тали (провинция Ю-нань, Южный Китай). Раскопки в Тали ведутся под руководством доктора Ву Чин-динга с 1939 г. Обнаруженная при этом культура родственна первобытной культуре Северного Китая.

— Leicester B. Holland (Axones, p. 346—362, 4 ill.) исследует вопрос определения формы и названия тех таблиц, на которых были написаны законы афинян (axones, kyrbeis).

— Gisela M. A. Richter (A Greek Silver Phiale in the Metropolitan Museum, p. 363—389, 30 ill.) публикует серебряную фиалу Метрополитанского музея в Нью-Йорке. Автор делает также обобщающие выводы по греческой торевтике V века до н. э. и по технике производства каленских чаш типа Phialoi Mesomphaloi. Последние, по мнению автора, копировались с произведений греческой торевтики V века до н. э.

— Marjorie Milne (The Use of *τορέω* and Related Words, p. 390—398), анализируя смысл слова *τορέω* и родственных ему слов, приходит к убеждению, что под торевтикой греки понимали только рельефные работы по металлу, и нет никаких данных относить этот термин ко всей скульптуре в целом.

— William Bell Dinsmoor (An Archaeological Earthquake at Olympia, p. 399—427, 18 ill.) по-новому объясняет тот факт, что некоторые скульптуры храма Зевса в Олимпии исполнены не из паросского, а из пентелийского мрамора и отличаются от других по стилю. По его мнению, пострадавшие от одного из землетрясений скульптуры были заменены другими, автором которых мог быть Дамофонт, работавший во II веке до н. э. при дворе Антиоха IV. Он же реставрировал, вероятно, хрисэлефантинные статуи Зевса Олимпийского и Афины Парфенос.

Археологическая хроника

— В гор. Нахариин, в Палестине, обнаружен некрополь I века н. э. Могилы состоят из центрального помещения, окруженного камерами, в которых обнаружены глиняные саркофаги и остатки приношений (сосуды, монеты). В одной из могил нашлось изображение с греческой надписью покойного и его жены (стр. 435).

— В 1937—1938 гг. экспедиция Турецкого исторического общества, производившая раскопки в Пазарли, близ Алака-Хойюка, обнаружила напластование ряда культурных слоев от халколита до Византии. Наиболее значительная крепость, относящаяся к фригийскому периоду, окружена массивной оборонительной стеной с башнями. Дома из кирпича-сырца и дерева были украшены терракотовой облицовкой с раскрашенными рельефными фигурами, имеющими поразительное сходство с микенским искусством, а также с искусством Шумера и хеттов. Найдена также мозаичная вымостка, ярко раскрашенная керамика с геометрическим узором, изображениями растений и животных (стр. 435—436).

— Eliz. Pierce Blegen (New Items from Athens) сообщает о новых открытиях в Греции. Большой интерес представляют раскопки проф. A. Persson (Швеция) в Дендре (Мидия) в 1939 г. Обследовано пять гробниц некрополя. В гробнице № 4, вероятно, царской, обнаружены фрагменты микенских сосудов «дворцового стиля». В одной из могил найден богатый инвентарь — золотая чаша, перстень, золотые цветы, украшение конского убора, подвески, бусы, печати; в другой — пять серебряных сосудов и блюдо из слоновой кости, выложенное изнутри золотом. Гробница датируется около 1400 г. до н. э.

— Проф. Уэйс и доктор Маринатос по-новому реконструируют фасад сокровищницы Атрея». По-новому реконструируются также фасад «гробницы Клитемнестры» и найденные в ней большие стеатитовые пифосы (стр. 446—450, 5 илл.).

— Van Buren (News Items from Rome) сообщает о новых открытиях в Италии. Строительные работы в Риме дали новый материал для изучения древнего города. Так,

при постройке метро на склоне Mons Cispius найдено обширное помещение начала II века н. э., открывающееся в сад с мраморным бассейном и фонтаном. Внутри помещения — ряд мраморных статуй и ваз.

— В Остии продолжались раскопки и восстановление памятников. Вновь открытые по линии побережья дома, особенно Casa delle Muse с комнатами, украшенными фресковой живописью, не уступают лучшим домам Помпеи. Благодаря этим открытиям удастся проследить дальнейшую историю римской декоративной живописи.

— Интересна также находка зданий типа «insula», одно из которых представляет помещение коллегии августалов. Здесь найдена мраморная статуя женщины в головном уборе весталки.

— В Помпеях найдено интересное культовое сооружение в виде насыпи из осколков глиняных предметов из дома, пораженного молнией, на которую насыпан холм с терракотовой облицовкой и надписью «Fulgur».

— В Великой Греции, в Метапонте и Таренте производились раскопки с целью частичного обследования некоторых храмов. Обнаружено много терракотовых статуэток разных эпох.

— В Римини произведены реставрация и укрепление развалин римского Амфитеатра.

— Произведено повторное извлечение древних памятников из вод Адриатики в устье По, где погибли античные корабли с античными мраморами, перевозившимися из Рима для герцога Феррары (стр. 451—475, 30 илл.).

— В хронике по СССР отмечены раскопки Государственного исторического музея под руководством Д. А. Крайнова в пещере Замиль-Коба в 1936—1937 гг. (Сборник статей по археологии СССР, 1938, № 8). Из «Кратких сообщений Института истории материальной культуры» (выпуски IV—VIII) отмечены статьи А. П. Окладникова, Г. П. Сосновского, А. Н. Рогачева, М. В. Воеводского, П. И. Борщковского, Н. Н. Гуриной и Е. В. Жирова, П. Н. Третьякова, А. Ю. Якубовского, П. В. Сальникова, П. Н. Шульца, А. Л. Якобсона, В. Ф. Гайдукевича.

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLV, 1941, № 4, October—December

— George Grant Mac-Curdy (Newly Discovered Cave Paintings in Southern France, p. 509—512) публикует некоторые образцы пещерной живописи эпохи палеолита, открытой в 1940 г. в пещере Лаку (Lascoux) в Дордони. Проф. Брей, датируя эти росписи ориньякским периодом, называет пещеру Лаку «Сикстинской капеллой ориньякского искусства».

— William Stevenson Smith (Old Kingdom Sculpture, p. 514—528, 7 ill.) polemизирует с немецким египтологом Александром Шарффом в связи с его статьей об искусстве Древнего царства в журнале «Antiquity» (июнь, 1937, стр. 172—182). Особенные возражения Смита вызывает отрицание Шарффом существования портрета в скульптуре Древнего царства.

— Margarete Bieber (A Tragic Chorus on a Vase of 475, b. C., p. 529—536, 5 ill., 1 tab.) толкует загадочный предмет, изображенный на вазе, расписанной «мастером Бризеиды», как аппарат для контроля талонов, выданных на питание хора. Ваза могла быть выполнена в честь Фриниха, бывшего хорегом в эпоху Фемистокла. Изображена на ней, возможно, сцена из трагедии «Финикиянки».

— James H. Oliver (Notes on Documents of the Roman East, p. 537—543, 1 ill.) комментирует некоторые надписи с римского Востока.

— Theodore S. Mommsen (The Venetians in Athens and the Destruction of Parthenon in 1687, p. 544—556) по-новому рисует обстоятельства разрушения Парфенона 26 сентября 1687 г., в свете которых разрушение Парфенона было не несчастным случаем, а неизбежным результатом систематической бомбардировки афинского акрополя, во время которой Парфенон был центральной мишенью огня.

— George S. M y l o n a s (The site of Akropotamos and the Neolithic Period of Macedonia, p. 557—576, 8 ill.) сообщает о результатах раскопок неолитической стоянки в Акропотамосе в Восточной Македонии, произведенных в 1938 г. Обнаружена керамика, монохромная и расписная, каменные кельты, глиняные фигурки, каменные орудия. Эти находки позволяют относить Акропотамос к неолитической культуре Халкидики.

— Arthur Darby N o s k (A Cabiric Rite, p. 577—581) реконструирует в культе набиров обрядовое действие, состоявшее в ритуальной пляске вокруг посвящаемого, сидящего на особом троне.

— H. M. H o e n i g s w a l d (Campanian Inscriptions at Yale, p. 582—586, 3 ill.) публикует надписи на кампанских вазах из коллекции Дарлингтон-Стодард.

— Gisela M. A. R i c h t e r (A. Kyathos by Psiax in the Museo Poldi—Pezzoli, p. 587—592, 6 ill.) дает публикацию чернофигурного киафа конца VI — начала V века до н. э.

— J. D. B e a z l e y (Some Inscriptions on Vases, p. 593—602, 6 ill.) публикует некоторые надписи на греческих вазах.

— Franklin P. J o h n s o n s (Gaius and Lucius Caesar, p. 603—604, 4 ill.) анализирует два мраморных бюста в Мадриде, определяя их как портреты внуков Августа — Гая и Луция Цезарей; их же портреты он видит в двух статуях из Коринфа.

Археологическая хроника

— Турецким национальным музеем произведена в 1938 г. археологическая разведка и небольшие раскопки под Стамбулом на месте фракийского города Региума. Обнаружены стены акрополя, остатки жилищ, водопровода и др., а также керамика, монеты и светильники позднеримского, византийского и османского периодов (стр. 622).

— Раскопки в Мерсине (Киликия) установили наличие культурных слоев от неолита до Средневековья. Особый интерес представляют остатки мощных оборонительных сооружений эпохи халколита, а также хеттская крепость (стр. 622—624).

— Раскопки в Алака-Хойюке (Центральная Анатолия) в сезон 1940 г. были посвящены исследованию хеттского поселения. Обследованы раскопанные ранее «ворота сфинксов» и три храма разного времени (стр. 556).

— Elisabeth Pierce B l e g e n (New Items from Athen) сообщает о состоянии музеев и античных памятников в Греции в 1941 г. и мерах, принятых для сохранения их в военное время (стр. 631—632).

— Публикуется отчет проф. Р о м а й о с о раскопках гробниц в Карабунаки, юго-западнее Салоник, произведенных университетом в Салониках. На месте установки в 1917 г. зенитной батареи обнаружено большое число фрагментов керамики; из них наиболее интересны краснофигурные фрагменты ваз V века до н. э., из которых удалось составить несколько ценных сосудов. В поселении на вершине холма при обследовании старых военных траншей обнаружены остатки домов (стр. 587—592).

— Bertha S e g a l l (стр. 54—58) публикует в Бостоне две золотые булавки V века до н. э., найденные на северо-западном побережье Пелопоннеса между Эпипоним и Татрами. Автор предполагает, что булавки были сделаны в Коринфе, причем более поздняя могла быть работой Каллимаха (стр. 624—625).

— Часть работ по систематическому изучению фракийских курганов начата под руководством Турецкого археологического общества в 1936 г. и опубликована начальником экспедиции Араф Муф ид Майселем. При раскопках обнаружено два богатых погребения эпохи Адриана и царская могила периода римской аннексии со сводчатой камерой, фресками и саркофагом с богатым инвентарем (1938). В 1939 г. проведены шурфы пяти курганов в долине Vize, оказавшихся разграбленными (стр. 624).

— В хронике по СССР при изложении статей, помещенных в «Советской археоло-

гии» (1940, № 5), подчеркивается, что археологические работы в СССР ведутся «согласно принципам научной методологии» (стр. 628). Отмечаются работы советских археологов по восстановлению памятников старины в Москве, Загорске, Новгороде, Пскове, Ярославле, Владимире и др. (стр. 626—628). Передается содержание работы А. Н. Бернштама об экспедициях в Казахстан и Киргизию («Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. IV).

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLVI, 1942, № 1, January—March

— Doro Levi (The Amphitheatre of Cagliari, p. 1—9, 10 ill.) сообщает о работах по восстановлению амфитеатра в Кальяри, одного из важнейших памятников римской архитектуры в Сардинии.

— Marvin Chauncey Ross (A Group of Coptic Incense Burners, p. 10—12, 3 ill.) анализирует группу коптских курильниц в форме животных. На основании аналогий с коптской скульптурой автор датирует указанную группу концом V — началом VI века н. э.

— George K. Boese (Significance of the Serpents on Pompeian House Shrines, p. 13—22, 7 ill.) толкует изображения змей на домашних алтарях в Помпеях как изображения «genius loci», в противовес их обычному толкованию как символа гения домашнего очага. Они встречаются не только на домашних, но и на общественных алтарях и наружных стенах зданий.

— Rodney Young (Graves from the Phaleron cemetery, p. 23—57, 35 ill.) дает повторную публикацию росписной керамики VII века до н. э., найденной в гробницах кладбища Фалерон, на основании работ Johansen и Рауне и находок протоаттических ваз в раскопках афинской агоры, Керамика и др. Эти находки дают возможность уточнить датировки протокоринфских ваз.

— Hetty Goldman (The Origin of the Greek Herm, p. 58—68, 10 ill.) оспаривает теорию Людвиг Курциуса о происхождении греческой гермы из каменной надгробной плиты. По мнению автора, герма происходит от деревянных изображений божеств плодородия и земледелия. Классическая герма явилась результатом усвоения каменной скульптурой типа, созданного в дереве.

— Sterling Dow (Corinthiaca I. The Month Phoinikaios, p. 69—72) дает толкование одной из греческих надписей, найденных в Коринфе.

— C. A. Jr. Robinson (The Master of Olympia) выдвигает значение искусства Западной Греции в период после окончания греко-персидских войн. По мнению автора, мастером скульптур храма Зевса в Олимпии мог быть один из скульпторов Западной Греции.

— Jerome Sperling (Explorations in Elis, 1939, p. 77—89, 1 карта) сообщает результаты работ археологической экспедиции Иельского университета в Элиде летом 1939 г.

— Howard Comfort (Arretine Ware by Perennius, from England, p. 90—92, 4 ill.) публикует два фрагмента арретинских рельефных ваз в Торонто и Оксфорде, с подписью мастера Перенния, найденных в Англии.

— Arthur Upham Pope (Symbolism of the «Battlement» Motif, p. 93) дает толкование одного из декоративных мотивов доисламского искусства Передней Азии.

— Henry A. Sanders (The Appointment of a Guardian by the Prefect of Egypt, p. 94—98, 2 ill.) публикует происходящий из Египта диптих с латинским текстом, документирующим назначение опекуна префектом Египта Т. Флавием Тицианом (126—132 гг. н. э.).

— Baldwin E. Smith (The Megaron and its Roof, p. 99—118, 10 ill.) на основании анализа зданий типа мегарона в Малой Азии, Греции (Фессалия), в районе Дуная заключает, что, по всей вероятности, мегарон имел двускатную крышу.

Археологическая хроника

— В 1937 г. Турецким археологическим обществом проведены раскопки во дворе дворца султана в Стамбуле. Обнаружены остатки христианской часовни и базилики V века до н. э. (стр. 141).

— В хронике по СССР отмечаются раскопки в Джеты-Су (Казахская ССР). Приводится содержание статей в сборнике «Трипольская культура» (1940 г.) и статьи А. А. Круглова (в «Кратких сообщениях ИИМК» о культурах Северного Кавказа, стр. 144—147).

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLVI, 1942, № 2, April—June

— Thomas Whittemore (The Unveiling of the Byzantine Mosaics in Haghia Sophia in Istanbul, p. 169—171, 2 ill.) сообщает о реставрационных работах по раскрытию византийских мозаик VI—XIV веков н. э. храма Софии в Стамбуле.

— David M. Robinson (New Greek Bronze Vases. A Commentary on Pindar, p. 172—197, 31 ill.) публикует ряд греческих бронзовых ваз и ручек от сосудов со скульптурными изображениями, приобретенных в последние годы американскими музеями. Автор считает, что в Пелопоннесе была, вероятно, школа мастеров бронзовых изделий. Бронзовые вазы, по всей вероятности, изготовлялись также в Коринфе. Этот вид художественного производства существует до 425 г., после чего приходит в упадок. О различных бронзовых изделиях, дававшихся в качестве призов атлетам, упоминает в X немецкой оде Пиндар.

— Karl Lehman-Hartleben (Some Ancient Portraits, p. 198—216, 20 ill.) публикует два античных скульптурных портрета — глиняную голову в музее Комо и мраморную статую римского поэта позднего периода республики.

— Marjorie J. Milne (Three Names on a Corinthian Jar, p. 217—222, 2 ill.) публикует коринфский сосуд Метрополитанского музея в Нью-Йорке с тремя ручками, украшенными скульптурными женскими головами, под которыми написаны три женских имени.

— Benjamin Ir. Rowland (Gandhara And Late antique Art. The Buddha Image, p. 223—236, 5 ill.) посвящает свою статью проблеме взаимоотношений западного и восточного мировоззрения и искусства в период поздней Римской империи. Искусство Гандхары II—III веков н. э. характеризует ту борьбу между античными классическими традициями и сверхчувственными идеями Востока, которая завершается гибелью античного гуманизма. Анализируя искусство Гандхары, автор ограничивается рассмотрением образа Будды.

— Wayne M. Felts (A Petrographic Examination of Potsherds from Ancient Troy, p. 237—244, XIII—XIV) дает на основании петрографического исследования фрагментов керамики древней Трои общую характеристику троянской керамики, а также и по отдельным слоям, отделяя при этом привозную керамику от местной. Петрографическое изучение раскопочной керамики является ценным добавлением к применявшимся ранее методам исследования.

— Antony E. Raubitschek (An Original Work of Endoios, p. 245—253, 8 ill.) дает на основании двух новых фрагментов новое толкование подписи мастера на рельефе с изображением горшечника с афинского Акрополя. Автор приписывает рельефы Эндою.

— Dorothy Kent Hill (Two Unknown Minoan Statuettes, p. 254—260, 4 ill., XV—XVI) публикует две хрисэлефантинные статуэтки минойского периода.

Археологическая хроника

— В 1938—1939 гг. американскими археологами велись раскопки на фиванском некрополе. Тщательно обследована гробница вельможи Дау-ер-енхеха эпохи царицы Хатшепсут (стр. 264).

— В хронике по СССР отмечаются раскопки М. М. Худяка в Нимфее и раскопки 1936—1940 гг. в Тали-Барзу близ Самарканда. Приводится содержание статьи О. А. Кривцовой-Граковой о генетических связях между ямной и катакомбной культурой (сб. статей по археологии России под ред. Брюсова, 1938), статьи М. А. Шангина о херсонесских надписях (Вестник древней истории, 1940, № 3) и К. В. Трёвер, публикующей статуэтку быка с человеческой головой из Тали-Барзу (стр. 279—281).

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLVI, 1942, № 3, July—September

— Gisela M. A. Richter (Another Archaic Greek Mirror, p. 319—324, 5 ill.) публикует греческое бронзовое зеркало, приобретенное в 1938 г. Метрополитанским музеем в Нью-Йорке. Зеркало, высокого качества и редкой сохранности, имеет ручку в виде скульптурной фигуры девушки-акробатки. На основании стиля этой фигуры зеркало датируется ок. 540 г. до н. э.

— George McCracken (The Villa and Tomb of Lucullus at Tusculum, p. 325—340, 6 ill.) отождествляет одну из вилл (№ 76), открытых в Тускуле, и прилежащую к ней гробницу с виллой и гробницей Лукулла.

— Frederic R. Grace (Observations on Seventh Century Sculpture, p. 341—359) анализирует монументальную скульптуру VII века до н. э. в Египте, Ассирии и Греции, выявляя то общее, что сближает искусство греческой архаики с искусством древнего Востока, отмечая в то же время самобытность искусства греков. Свои положения автор иллюстрирует прекрасным подбором фотографий.

— E. Douglas van Buren (A Collection of Cylinder-Seals in the Bibliotheca Vaticana, p. 360—365, 12 ill.) публикует каталог месопотамских печатей из коллекции Ватиканской библиотеки, собранной иезуитом Рылло в Ниневии в 30-х гг. XIX века. В коллекции представлены печати, начиная с раннединастического периода и кончая нововавилонским.

— Mary Wallace (Sutor Resutus, p. 366—367, 1 ill.) в порядке дискуссии с Marg. Bieber на тему об изображении обуви в античной скульптуре утверждает, что вырез подошвы сандалии между большим и вторым пальцами ноги появляется не ранее 300 г. до н. э., что может служить важным критерием для датировки памятников греческой скульптуры.

— George Mylonas (A Note on the Painter of the Cerberus Amphora of the Washington University, p. 368—369) дает заметку о мастере амфоры с кербером Вашингтонского университета, причисляя его к кругу известных мастеров чернофигурного стиля.

— William Bell Dinsmoor (Notes on Megaron Roofs, p. 370—372) делает несколько дополнительных замечаний на основании новых открытий в Тиринфе, Микенах и Кораку, в пользу положения E. Baldwin (Amer. Journ. of Arch. 1942, Nr. 1, p. 99—118) о наличии двускатной крыши у здания типа «мегарон».

— Richard Krautheimer (Recent Publications on S. Maria Maggiore in Rome, p. 373—379, 3 ill.) определяет первоначальную структуру базилики св. Марии Маджоре в Риме и устанавливает классический характер ее мозаик.

— James H. C. Oliver (Sulpicius Galba, Proconsul of Achaia, p. 380—388), анализируя ряд надписей эпохи Августа из Дельф, Афин и Самоса, устанавливает, что в них прославляется одно и то же лицо — Суллиций Гальба, проконсул Ахайи, историк, дед императора Гальбы.

— Donald F. Brown (The Arcuated Lintel and its Symbolic Interpretation in Late Antique Art., p. 389—399, 12 ill.) прослеживает происхождение и развитие одного из элементов позднеантичной архитектуры — архитрава, помещенного над рядом пилястр и непосредственно переходящего в арку над двумя средними пилястрами; раскрывается его религиозно-символическое значение.

— James H. Gaul (Possibilities of Prehistoric Metallurgy in the East Balkan Peninsula, p. 400—409, 1 карта) посвящает свою статью вопросу о происхождении

и развитии первобытной металлургии в восточной части Балканского полуострова, где на основе медных руд местного происхождения создается еще в эпоху неолита самостоятельная болгарская (Тельская или Гумельницкая) медная культура. К статье приложен библиографический указатель.

Археологическая хроника

— В 1938 г. М. Е. Л. Маллован вел раскопки в Тель-Браке (Северо-Восточная Сирия). Удалось проследить культурные слои, начиная с 3100 и кончая 1500 г. до н. э. Наиболее интересные находки — алебастровые головы в виде масок (стр. 416).

— В Пальмире А. Сейриг производил раскопки агоры. Обнаружены остатки колонн портиков и небольшого храма (стр. 416).

— Под заголовком «New Items from Rome» (р. 428—440) дается информация о последних археологических открытиях в Италии. Раскопки, продолжавшиеся в ближайшем к морю районе Остии, обнаружили ряд новых зданий. Особенный интерес представляет дом, в нижнем этаже которого сохранились вестибюль и шесть комнат с фресками второго помпеянского стиля. Хорошо сохранились также украшенные фресковыми росписями своды. Интересны и святилище *Vona Dea*, документированное надписью, и культовое сооружение, аналогичное найденному недавно в Помпеях (Amer. Journ., 1941, № 3). В святилище Аттиса в *Campus Magna* обнаружен круглый мраморный алтарь с изображением Зевса и 12 олимпийских богов.

— Раскопки в Геркулане, продолжавшиеся в районе побережья, дали посеребренную бронзовую герму Геракла хорошей эллинистической работы.

— Вышедшая недавно книга Amedeo Maiuri (*L'ultima Faza Edilizia di Pompei*) определяет наиболее поздние реставрации и реконструкции построек Помпеи в период между 62 и 79 гг. н. э.

— Особенно интересные результаты дали раскопки, проведенные в устье реки Силарис близ Пестума. Обнаружены метопы, триглыфы и части карниза архаического храма. Реконструирован почти полностью фриз с 34 сохранившимися метопами с рельефами, представляющими целый цикл мифологических сцен — богатейший репертуар греческих мифов, который когда-либо дала античность.

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLVI, 1942, № 4, October—December

— Harald Ingholt (*The Danish Excavations at Hama on the Orontes*, p. 469—477, 16 ill.) сообщает о датских раскопках 1931—1938 гг. в Эль-Хама на Оронте в Сирии. Обнаружены 12 последовательных культурных слоев, начиная с V тысячелетия до н. э. и кончая 1400 г. н. э. Эти слои содержат богатый археологический материал, позволяющий восстановить историю города.

— В заметке Elizabeth Pierce Blegen (*New Items from Athen*, p. 477—487, 4 ill.) публикуются некоторые памятники, найденные зимой 1938—1939 гг. в Олимпии. Большой интерес представляют терракотовая полихромная группа Зевса с Ганимедом (около 1 метра высоты) (приблизительно 470 г. до н. э.), терракотовый, также полихромный торс нападающего воина (500—480 гг. до н. э.), бронзовая статуэтка коня, вероятно, школы Агелада (около 460 г. до н. э.).

— «Mulum in Parvo». An Exhibition of Newly Acquired Engraved Ancient Gem (p. 488—489, 9 ill.). Информация об открывшейся в 1942—1943 гг. выставке античных гемм из новых приобретений Метрополитанского музея в Нью-Йорке. Сюда вошла вся коллекция William Gedney Beatty (500 гемм) и лучшие экземпляры коллекции сэра Артура Эванса (31 гемма).

— Alexander H. Krappe (*Acca Larentia*, p. 490—499), считает, что *Acca Larentia* — это имя няньки-кормилицы двух легендарных римских близнецов Ромула и Рема. Она представляет древнеиталийский дериват великой богини-матери *Μήτηρ Ἐλευσινία*, одним из воплощений которой могла быть волчица.

Lloyd W. Daly (Echinos and Justinians Fortifications in Greece, p. 500—508, 13 ill.) на основании двух кратких посещений Эхина (соврем. Achino) в 1937—1938 гг. делает некоторые добавления к описанию этой местности M. Bequignon и датирует оборонительные сооружения Эхина эпохой Юстиниана.

— William Stevenson Smith (The Origin of some Unidentified Old Kingdom Reliefs, p. 509—531, 16 ill.) публикует результаты своих исследований египетских рельефов Древнего царства, находящихся в различных музеях и оставшихся не определенными. Смит устанавливает их происхождение из разных гробниц в Саккара, давая при этом реконструкцию этих гробниц.

— Edith Hall D o h a n (Three Inscriptions in the University Museum, Philadelphia, p. 532—537, 4 ill.) публикует три памятника с этрусскими надписями из университетского музея в Филадельфии — бронзовый стригиль, глиняные блюдо и чашку.

— W. A. M c D o n a l d (Where did Nestor live? p. 538—545) затрагивает вопрос о локализации Пилоса, родины Нестора, вновь возникший в связи с археологической разведкой в Ано Englianos в Мессении. По мнению Блеген и Куруниотис, ревиденцией Нестора был южный Пилос в Мессении, а не северный в Трифилии; однако полное разрешение этого вопроса может дать только расшифровка вновь открытых табличек с письменами.

А р х е о л о г и ч е с к а я х р о н и к а

— В результате работ шведской экспедиции 1937 г. в Массара (в Египте) обнаружено несколько гробниц эпохи конца 4-й династии (стр. 548—549).

— В 1938—1940 гг. экспедиция в Иран Метрополитанского музея в Нью-Йорке производила раскопки в Нишапуре, обнаружившие много интересных архитектурных сооружений. Среди них — мечеть IX—XII веков и дворец IX—X веков. Особый интерес представляет стенная роспись с изображением сцен охоты (стр. 554—555).

— Турецкие раскопки 1940 г. в Алаха-Хойюке (Центральная Анатолия) были посвящены исследованию хеттского поселения с его архитектурными сооружениями (стр. 555—556).

— В хронике по СССР приводится сообщение о раскопках Грязнова в Яконкуре близ Усть-Канска на Алтае (стр. 568—569).

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLVII, 1943, № 1, January—March

— John G a r s t a n g (The Discoveries at Mersin and their Significance, p. 1—14, 14 ill.) дает отчет о раскопках 1937—1939 гг. в Мерсине на юге Малой Азии. Прослежены остатки укреплений от неолита до средневековья. Наибольший интерес представляют система мощных укреплений эпохи халколита (середина IV тысячелетия до н. э.) и крепость времени хеттов, очень близко напоминающая укрепления Богаз-Кеоя.

— F. P. J o h n s o n (Three Notes on Bassai, т. 15—18, 2 ill.) дает заметку о трех античных мраморных памятниках: архитектурный фрагмент из коллекции классических древностей в Чикаго, который, по мнению автора, является частью небольшого алтаря или саркофага; статуя Ниобиды в Лувре, как считает автор, могла быть фронтонной скульптурой храма в Бассах, что доказывается стилистическим сходством ее с фигурами фриза; мраморные фрагменты, найденные в Бассах, могли быть частью большой акролитной статуи, стоявшей внутри храма.

— William D i n s m o o r (A further Note on Bassai, p. 19—20) написал свою статью в ответ на статью F. P. Johnson (см. выше). Автор настаивает на том, что мраморный фрагмент из Чикаго является частью стены храма.

— Hetty G o l d m a n (Two Terracotta figurines from Tarsus, p. 22—34, 15 ill.) дает публикацию двух терракотовых статуэток, найденных в Gesli Kule (Тарс). Подобные фигурки типа комических актеров (мимов) встречаются в большом количестве в Греции, Малой Азии, Египте, на юге России. Датируя статуэтки эпохой Августа (I век н. э.), автор приводит ряд параллелей из памятников этого времени.

— John Garstang (Hittite Military Roads in Asia Minor. A study in Imperial strategy, p. 35—62), ограничив тему своей статьи исследованием хеттских всенностратегических дорог в Малой Азии, дает вместе с тем широкий очерк географического и международно-политического положения хеттского государства около 1300 г. до н. э. К статье приложена карта Малой Азии, составленная на основании хеттских текстов, расшифрованных и истолкованных д-ром Гурней.

— Campbell Bonner (An Icon of St. Demetrius, p. 63—77, 11 ill.) дает публикацию византийской иконы из собрания Джемс Инглис в Анн-Арбор (США), изображающей св. Димитрия в виде всадника, поражающего копьем повергнутого неприятеля. Автор устанавливает, что икона, выполненная в традициях византийской живописи, была написана в XVIII веке на Балканах.

— George Mylonas (Excavations at Meseberna, 1934—1938, p. 78—87, 8 ill.) дает отчет об археологических работах в Мекиберне — гавани Олинфа. Местоположение города установлено на расстоянии 20 стадий к юго-востоку от Олинфа. На глубине 25—35 метров от поверхности обнаружены семь параллельно идущих с севера на юг улиц. В отличие от Олинфа, жилые дома небольшие, в 2—4 комнаты. Остатков стеной штукатурки почти не найдено. Центр города был чрезвычайно густо заселен, но роскошных зданий не обнаружено. Найденные монеты и другие памятники относятся ко второй половине IV века до н. э.

Археологическая хроника

— Раскопки в долине Lasithi (остров Крит) в 1937 и 1938 гг. проводились Н. W. и J. D. B. Pendlebury и M. B. Money Couitts в нескольких пунктах и обнаружили остатки нескольких городов. Один из них — Корфи (Corphi), раскопки которого были начаты еще Эвансом в 1897 г., относятся к переходному периоду между позднемикенским и геометрическим периодами (1100—900 гг.). Обнаружены также гробницы типа толосов.

— В хронике по СССР передается содержание статей М. И. Артамонова, Г. П. Сосновского, С. П. Толстова, Л. И. Лаврова, помещенных в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры», вып. VII—VIII.

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLVII, 1943, № 2, April—June

— Karl Lehman-Hartleben (Thomas Jefferson, Archaeologist, p. 161—163) дает заметку об археологической деятельности Томаса Джефферсона как археолога, предвосхитившего методы современной археологии.

— Thomas Whitemore (Archaeology during the Republic in Turkey, p. 164—170) дает обзор археологической деятельности в Турции за время республики.

— Edith Hall Dohan (An Italiote krater in the University Museum, Philadelphia, p. 171—173, 3 ill.) публикует италийский кратер, приобретенный в 1940 г. Филадельфийским музеем. Кратер относится к периоду, предшествовавшему началу массового производства апулийских ваз.

— M. Rostovtzeff (The Parthian Shot, p. 174—187) дает публикацию глиняного глазурованного скифоса с накладными рельефными фигурами из собрания Мур в Нью-Йорке. Проанализировав изображенную сцену борьбы двух пар вооруженных всадников, автор определяет сосуд как произведение восточно-эллинистического (Сирия или Малая Азия) искусства (I век до н. э. — I век н. э.) Основное внимание Ростовцев уделяет резко выпадающей из общей неоклассической композиции фигуре скачущего варвара, стреляющего, обернувшись назад, из лука. В нем Ростовцев усматривает парфянина.

— Gisela M. Richter (The Drove, p. 188—193, 7 ill.) посвящает свою статью скульптурному инструменту, следы которого встречаются на архаических греческих стелах. Прерывающиеся врезы длиной в 4—5 сантиметров часто меняют направление

Уже в V—IV веках этот инструмент не применяется. Изображение его можно видеть в Египте, в росписи гробницы Ремире, 18-й династии, описанной Fl. Petrie.

— Otto Brendel (*Three Archaic Bronze disks from Ixobi*, p. 194—216, 5 ill.) дает публикацию трех архаических бронзовых дисков с рельефными изображениями из коллекции городского музея искусства в Сен-Луи. Рельефные изображения, сплошь покрывающие эти диски, указывают на принадлежность их к малоизученной провинциальной группе раннеиталийского искусства. Найденная недавно статуя воина из Капестрано в Аbruцце показывает, что описываемые диски составляли, вероятно, часть вооружения, защищая грудь и спину сражающегося.

— Margaret Crosby (*A silver Ladle and Strainer*, p. 209—216, 5 ill.) дает публикацию серебряных черпала и ситечка для процеживания вина. Подобные вещи неоднократно и обычно попарно находили в самой Греции, Малой Азии, Македонии, на юге России. Черпало (киаф) с довольно плоской чашкой и ручкой, заканчивающейся головой лебедя, датируется автором второй половиной IV — началом III века до н. э. На ручке надпись *Αρχιδω χιάδς*. К тому же времени относится и ситечко, имеющее своеобразное обрамление в виде виноградного листа. Центром производства такой серебряной утвари могли быть, по мнению автора, Афины.

— Inez Scott Ryberg (*A Præstine Cista in the Yaffa College Classical Museum*, p. 217—226, 5 ill.) сообщает о купленном в 1941 г. в коллекции Hearst этрусском бронзовом ларце, находившемся в свое время в коллекции Строгановых. Крышка украшена обожженными скульптурными фигурами, вероятно Пелоя и Аталанты, крышка и корпус — с выгравированными изображениями мифологических сцен. Ларец датируется автором III веком до н. э.

Археологическая хроника

— В Науссе (Македония) во время полевых работ обнаружена гробница македонской семьи, примерно II века до н. э., с боковыми нишами для погребальных урн двенадцати супружеских пар (стр. 235).

— В Валоне найдена женская задрапированная статуя IV века до н. э., получившая название «девушки из Валоньи» (стр. 236).

— По сведениям из Египта, экспедиция Гарвардского университета продолжает свою деятельность. Даже во время наступления Роммеля, летом 1942 г., члены экспедиции отказались покинуть свои посты, несмотря на грозящую опасность. Открыто много интересных памятников, большая часть которых в настоящее время законсервирована и находится под охраной, среди них гробницы членов семьи фараона Хеопса. По смерти д-ра Рейснер экспедицию возглавляет его бывший секретарь Эвелина Перкинс (стр. 229—230).

— Близ Хелуана обнаружен древний некрополь, раскопки которого, финансируемые королем Египта, ведутся под руководством Яки-Саада, ученика проф. Юнкера. Обнаружены алебастровые и каменные сосуды и керамика раннединастического периода (стр. 230).

— Накануне войны Миланский университет проводил раскопки в Мединет-Мадии и Тебтунисе. Около 40 памятников было увезено в Рим до начала военных действий, в том числе статуя Аменемхета III. Остальные находки переданы под охрану шведских властей в Египте (стр. 230).

— В 1938—1940 гг. американской экспедицией производились раскопки в Тель-эль-Хелейфе, на берегу Акабского залива (Палестина). Открыт древний город Эцион-Гебер (впоследствии Элат). В X—IX веках до н. э. Эцион-Гебер был центром металлургического производства Палестины. Обнаружено здание плавильни или рафинировочной мастерской с соответствующим оборудованием (стр. 231—232).

— Близ Анкары обнаружены остатки больших римских бань, бывших в непрерывном употреблении с III по X век н. э. (стр. 261—266).

— При раскопках в Геркулане найдена бронзовая герма Геракла эллинистического времени, покрытая накладным серебром (стр. 236).

— В Палермо расчищены остатки стены финикийского периода (стр. 237).

— Ряд лигурийских могил раскопан вблизи Новаджио. Найдены браслеты, бокалы, кувшины и др.

— В Торре д'Эгнацио предприняты работы по реставрации стен месапского поселения, известного под греческим названием «Gnathia» (стр. 237).

— Джанкелино Манчини произвел в 1941 г. раскопки в Марчаботто, на месте древнего этрусского города Мизы. Открыта группа храмов на акрополе и остатки городских ворот, установлены план и границы города (стр. 237—238).

— В результате раскопок, проведенных в гор. Риме за последние годы, обнаружены новые части колоннады храма Аполлона Сесиана и ряд скульптур.

— В Португалии, на Виа Аурелиа, около Казаль ди Статуа, найдена римская мозаика прекрасного качества I—II веков н. э. с изображением рыб, тритонов и морских кентавров, с белой и красной расцветкой (стр. 238).

— Около Пинероло в Пьемонте (Италия) обнаружен некрополь римского времени. Открыты 25 гробниц круглой и четырехугольной формы на фундаменте из каменных плит и кирпичей (стр. 238).

— В Голландии обнаружены остатки античных древностей у слияния Рейна и Ваали. Найдены оружие, медная и бронзовая посуда, в том числе бокал с изображением маски Пана на ручке.

— Близ Трояне (Troil Janet) в Штирии обнаружены остатки римских зданий, алтарь, бронзовая конная статуя и многочисленные римские монеты (стр. 238).

— В Смирне найдена надпись на греческом и латинском языках, касающаяся постройкой акведука при Августе и Тиберии (стр. 239).

— При раскопках в Дураццо найден клад, состоящий из 3553 серебряных и 2 бронзовых римских монет II века н. э. (стр. 239).

— Раскопки в Листале, около Базеля, обнаружили остатки стен, керамики, бронзы и стекла римского времени, а также средневековой гробницы и романской церкви (стр. 239).

— В Коллин де Фурвьере (Франция) в результате археологической разведки обнаружено местоположение амфитеатра и двух театров (стр. 240).

— Среди прочих памятников галло-римского времени в Иенне (Савойя) найдена мраморная стела с рельефным изображением Сильвана (стр. 240).

— В Аугсте, около Базеля (Швейцария), найдена ручка бронзового ковша с votивной надписью в честь галльских божеств Аполлона и Сироны (стр. 239).

— В хронике по СССР приводится содержание статей о разрушении немцами памятников русской старины («Бюллетень ВОКС», № 3—4) и статьи А. Н. Бернштама («Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа», 1940, № 2) о раскопках кенкольского могильника (Киргизский Ала-Тай).

AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY, vol. XLVIII, 1944, № 1

— Gisela M. A. Richter (Five Bronzes Recently Acquired by the Metropolitan Museum, p. 1—9, 22 ill.) дает публикацию пяти бронзовых предметов (три статуэтки, одна пластинка с рельефом и один кувшин), недавно приобретенных Метрополитанским музеем в Нью-Йорке. Статуэтка мужчины, кующего шлем, определяется как памятник геометрического стиля VIII—VII веков до н. э. Статуэтка аркадского пастушка с votивными приношениями датируется VI веком до н. э., статуэтка танцующего сатира — первой четвертью V века до н. э., этруская бронзовая пластинка с изображением амазонки и кувшин с такой же пластинкой на месте прикрепления ручки — первой половиной V века до н. э.

— T. A. Richard (The Nomenclature of Archaeology, p. 10—18) оспаривает существующую схему деления истории человеческого общества на каменный, бронзовый и железный века, а также разделение каменного века на палеолит и неолит. Автор предлагает новую схему классификации: 1) первобытный век (Primordial Age), характеризующийся употреблением дерева, кости и раковин; 2) каменный век; 3) век

металлургии. Автор предлагает также заменить термин «*homo sapiens*», с которым ассоциируется представление о мудрости, термином «*homo loquens*».

— R. O. F i n k (Feriale Duranum, I, 1, and Mater Castrorum, p. 17—19) возражает James H. Oliver, который толкует текст, касающийся празднования Calendae Januariae. По мнению Оливера, это празднество было посвящено Mater Castrorum, богине-покровительнице римской армии. По мнению Финка, речь идет о женщинах из династии Северов, носивших титул mater castrorum. Calendae Januariae — одно из проявлений культа императоров и военной религии.

— Henri S e y r i g (Le gameau mystique, p. 20—25, 2 ill.) публикует крышку от бронзового зеркала с рельефным изображением из Музея искусств в Кливленде, датируя этот памятник второй половиной III века до н. э. Изображенные на крышке мужскую и женскую фигуры он толкует как Афродиту и Адониса. Последний держит в руке ветвь — символ мистического возвращения от смерти к жизни.

— Marjorie J. M i l n e (A Greek Footbath in the Metropolitan Museum of Art, p. 26—63, 10 ill.) публикует греческий бронзовый сосуд для обмывания ног на подставке в виде треножника, приобретенный Метрополитанским музеем в 1938 г. Сосуд датируется между 475 и 425 гг. до н. э.

— J. M. R. C o r m a c k (L. Calpurnius Piso) толкует посвятельную надпись из Бероеи (Вегоеа) в Македонии, содержащую упоминание о некоем Л. Кальпурнии Пизоне. По мнению автора, это Л. Кальпурний Пизон Цезоний, правитель Македонии в 57—56 гг. до н. э.

Археологическая хроника

— Д-р Гальстрем (Halstrom) из Стокгольма произвел обследование наскальной росписи в Ангерманландском округе (Швеция) с изображением двух лосей, написанных красной охрой (стр. 83).

— В долине Ваага (Waag) в течение нескольких лет ведутся систематические раскопки палеолитической стоянки. Здесь впервые в Средней Европе обнаружены следы оседлого населения с тщательно построенными хижинами. Найдены большие скопления костей мамонта, оленя, медведя, полярной лисицы и других животных, кремневые орудия, стрелы из мамонтовой кости, изделия из кости и горного хрусталя (стр. 84).

— В Нератовице (Чехословакия) обнаружен обширный могильник и поселение неолитического периода. Остатки круглых построек относятся к позднейшей эпохе (стр. 84).

— Близ Барранко де ла Иекла, около Бургоса (Испания), обнаружены укрепленное городище времен около 1000 г. до н. э. и остатки зданий римского и визиготского периодов. Найдены керамика, оружие, орудия труда и утварь (стр. 84).

— В Александрии под руководством Алана Роу ведутся раскопки храма Сераписа. Находки под фундаментом дали возможность проследить различные этапы строительства как этого храма, так и большой библиотеки, построенной Птолемеем III (стр. 86).

— В Далмации, в Контрадийском лесу, найдены остатки раннехристианской базилики. Раскрыты основание алтаря, колонна, часть крипты (стр. 93).

— По случаю предстоящей в 1953 г. 500-летней годовщины взятия Константинополя турками турецкое правительство проектирует реставрацию городских стен между Золотым Рогом и Мраморным морем (стр. 94).

— В Испании (Сарагосса) произведены раскопки на месте древнего кельтского поселения Azaila. Результаты их важны для истории доклассического периода и железного века в бассейне Эбро. Обнаружены иберо-кельтские поселения и курган около 70 метров в диаметре с иберо-кельтскими находками («New Palace», VII, 194, стр. 84).

— Близ Азоматос, в западной части Крита, обнаружен дворец микенской эпохи. В пещере близ Апенсари найдены глиняная посуда и остатки костяков, в долине Месара — поселения, связанные с толосообразными гробницами («New Palace», VII, 1943).

— В Болгарии, в Везница (Wesniza), недавно найдено медное орудие в форме молотка, весом в 600 граммов, вероятно, фракийского периода, находившееся в глиняном сосуде вместе с человеческими останками (стр. 87).

— В Порто Корсини (Равенна) прибило морем к берегу герму бородатого мужчины, — вероятно, портрет философа Карнеада.

— В Таранто найдено погребение, содержащее два аттических чернофигурных лекифа и аттический белый лекиф с полихромными рисунками прекрасного качества. (стр. 89).

— В Митилене найдено семь золотых монет с изображением Геракла и его сыновей 630—611 гг. Монеты приобретены Национальным музеем в Афинах (стр. 90).

— «New York Herald Tribune» 8 октября 1943 г. публикует интервью с Амедео Маюри (Amedeo Maiuri), директором Неаполитанского музея, в ведении которого находятся раскопки Помпей. Музей остался невредимым, если не считать разбитых окон. Все коллекции, которые можно было увезти, спрятаны в надежном месте, где они, видимо, избегли рук немцев. В момент вступления союзных войск в Неаполь Маюри лежал с переломанной ногой, пострадав при защите территории раскопок.

— В результате недавнего разрушения театра Кассиано в Бергамо были открыты развалины древних построек, составлявших часть Forum Civile. Они датируются ранним императорским периодом.

— В Таранто во время строительных работ в восточной части города обнаружены римские гробницы и остатки стен позднеимператорской эпохи. В другой части города найдены мозаичные полы с геометрическими мотивами черных и белых цветов (стр. 91).

— В Алкудасе (Майорка), в результате раскопок R. Isatsi и J. Liabres, найдено большое количество римского стекла прекрасной сохранности, глиняных сосудов, украшений из золота и слоновой кости и большое число монет различных периодов Римской империи, а также арабских, испанских и средневековых и мозаика византийской эпохи с красным крестом.

— В Самипора (Болгария), в части города, бывшей в прошлом римским Durostorum, открыто погребение начала IV века н. э. с росписью в четырех тонах на стенах и сводах, изображающей человеческие фигуры, животных, плоды, растения и пр. Всего в погребении 36 камер с росписью.

— «New Palace» (VII, 1943) сообщает о последних раскопках Basilica Aemilia в Риме, к северу от форума. Определены план, размер и форма здания. Это здание, воздвигнутое в 179 г. до н. э., представляет древнейшую постройку этого типа. Оно погибло от огня при нашествии Алариха в 410 г. н. э. Найдены фрагменты фриза, около 70 сантиметров длины, изображающего похищение сабинянок и наказание Тарпейи (стр. 92).

— В Лондоне во время расчистки города после воздушного налета открылась часть римского вала. Приняты меры к сохранению всех римских древностей (стр. 92).

Погорбова

HESPERIA, vol. XI, 1942, № 3, July — September

— M. Thompson (Coins for the Eleusinia, p. 213—229) посвящает свое исследование группе медных аттических монет эпохи эллинизма с изображениями элевсинских божеств и легендами ΕΛΕΥΣΙΝΙΩΝ или ΑΘΕ. Наличие этих символов на монетах и дата их чеканки дает автору основание считать, что монеты эти чеканились в Афинах во время элевсинских мистерий раз в четыре года.

— W. K. Pritchett (Greek Inscriptions, p. 230—249) публикует девять надписей, найденных при раскопках афинской агоры в 1936—1938 гг. Надписи датируются периодом от V до I века до н. э. Наиболее интересна надпись № 1, 3812, на базе пен-теликонского мрамора, являющаяся списком пританов Эрехтеиды в течение 367—366 гг. до н. э.; она подтверждает указание о том, что более бедные и отдаленные демы иногда не могли послать своих представителей на заседания совета.

— O. B r o n e e r (*The Thesmophorion in Athens*, p. 250—274) делает попытку новой локализации Тесмофория: Последние раскопки на Пниксе не выявили там какого-либо монументального здания. Это побуждает автора отказаться от общепринятой локализации Тесмофория на Пниксе и считать более вероятным расположение его или вблизи Элевсиния, или даже в одном из строений его на северо-западном склоне Акрополя.

— B. D. M e r r i t t (*Greek Inscriptions*, p. 275—303) публикует надписи с афинской агоры, № 52—62, найденные в последние годы. Наиболее интересен декрет в честь Амейния, совершившего удачный поход в 301 г. до н. э. Этот памятник свидетельствует о господстве военной партии в Афинах в 301—295 гг. до н. э. Декрет об оргонах, предложенный оратором Лисием в начале III века, подтверждает, по мнению автора, хтонический характер культа Эхела. В Addenda автор приводит имена и должности лиц, упоминаемых в ранее опубликованных надписях с афинской агоры. Статья сопровождается хорошими фотографиями надписей, как и предыдущая публикация W. K. P r i t c h e t t ' a.

— A. E. R a u b i t s c h e k (*Notes on Attic Prosopography*, p. 304—313) посвящает свою статью тщательному исследованию имен частных и должностных лиц, встречающихся на надписях, найденных в Афинах в последние годы. Сопоставляя эти имена с именами из ранее опубликованных надписей, автор иногда прослеживает связи в семьях должностных лиц на протяжении целого века.

— W. B. D i n s m o o r (*Note on a circular monument in the Corinthian Agora*, p. 314—315) дает заметку о назначении круглого памятника, найденного на Коринфской агоре. Автор не считает возможным согласиться с мнением O. B r o n e e r (*Hesperia*, 1942, т. X), относившего данный памятник к культу героев. Однако Dinsmoor не разъясняет определенного назначения памятника.

HESPERIA, vol. XI, 1942, № 4, September — October

— E. C a r p p s (*Misanthropoi or philanthropoi*, p. 325—328), исходя из выдвинутого им положения, что в аттической новой комедии более распространен тип мизантропа, чем филантропа, предлагает реконструировать утраченное место дидаскалической надписи с афинской агоры (*Hesperia*, VII, 1938, 166), как [μῆτρ]αφίλος.

— E. V a n d e r p o o l (*An archaic inscribed stele from Marathon*, p. 328—338), дает датировку высеченных на стеле надписей, первая из которых на лицевой стороне говорит об обязанностях и полномочиях местных судебных властей. Автор датирует эту надпись концом VI века, поскольку она написана не стойхедон. Лучшие сохранившиеся надписи на обратной стороне повествуют об избрании должностных лиц для устройства гераклейских игр в Марафоне. Vanderpool относит ее ко времени после Марафонской битвы. Он полагает, что эта надпись позволяет заключить о превращении праздников в честь Геракла после 490 г. из местных марафонских в общегреческие.

— H. R. I m m e r w a h r (*Five dedicatory Inscriptions from the North Wall of the Acropolis*, p. 338—348), публикуя надписи на плитах из северной стены Акрополя, отвергает предположение о реставрации этой части стены в Средние века. По мнению автора, эта реконструкция происходила в позднеримское время, что подтверждают еще не опубликованные выводы исследователей, копавших на агоре. Одна из надписей содержит имя Хремонида, сына Этеокла, из Этолиды, которого автор отождествляет с известным Хремонидом, вождем проегипетской партии в Афинах. В другой надписи приводится наименование Πανδιονίς, что, по мнению автора, является дальнейшим доказательством существования святилища Пандионы на Акрополе. Остальные надписи сильно фрагментированы и не представляют особого интереса.

— N. D a n e II (*A black-figured Lekythos at Oberlin*, p. 349—353), публикуя аттический чернофигурный лекиф Оберлинского колледжа с изображением ама-

зономахии, при анализе стиля росписи и темы обращает внимание на примечательное смешение стилей работы разных мастеров.

— G. P. Stevens (*The Sills of the Grilles of the Pronaos and Opisthodomus of the Parthenon*, p. 354—364) посвящает свою статью двум большим фрагментам порогов решетки Парфенона, найденным в августе 1940 г. Тщательно сравнивая следы порогов на стилобате, колоннах и антах, автор определяет фрагмент № 1 как часть порога решетки из пронаоса, а фрагмент № 2 как такую же деталь из опистодома.

— H. Goldman and F. Jones (*Terracottas from the Necropolis of Halae*, p. 365—421) делят погребения Галы (Локрида), в количестве 273, по времени на девять групп. Основанием датировки служат монеты и богатая керамика из погребений. В первой группе погребений терракоты совершенно отсутствуют. Зато остальные восемь групп дают богатый материал, интересный тем, что он воссоздает непрерывную картину развития терракотового производства в Беотии с конца VI века до второй четверти III века до н. э. Совершенно очевидна художественная зависимость терракотового ремесла Галы от беотийской техники. Начиная с изготовления массивных статуэток путем оттискивания их частей в немногих формах, терракотовое производство переходит к более сложной технике изготовления фигурок, части которых оттискивались в многочисленных и разнообразных формах. Это общий путь развития терракотового производства во всей Греции. Все терракоты авторы разбивают по темам на семь групп.

Бороздина

THE JOURNAL OF HELLENIC STUDIES, vol. XLI, 1941

— R. Pfeiffer (*The measurements of the Zeus at Olympia* p. 1—5) на основании нескольких папирусных находок в разных местах (последняя опубликована в *POXY*, XVIII, 1941) частично восстановил ямбическое стихотворение Каллимаха с описанием фидиевой статуи Зевса Олимпийского и установил на этом основании размер статуи.

— A. B. Cook (*A new metope head from the Parthenon*, p. 4—13) на интересном археологическом и культурно-историческом материале обосновывает предположение, что одна из находящихся в его владении «греко-римских голов» составляет часть метопов Парфенона, и реконструирует мифологическую сцену, в которой она фигурировала.

— D. S. Robertson (*New light on the facade of the treasury of Atræus*, p. 14—16, 6 илл., 1 табл.) посвящает заметку новой реконструкции «сокровищницы» Атрея.

— J. L. Myres (*Hesiod's «Shield of Heracles»: its structure and workmanship*, p. 17—38, 6 илл., 1 табл.) на основании археологических аналогий и литературных данных реконструирует щит Геракла, подобно тому как он же в 1930 г. реконструировал «щит Ахилла».

К томам XLII—LX журнала даны указатели: 1) авторов статей; 2) предметный; 3) классических авторов; 4) греческий index; 5) подробный (с четырьмя подразделениями) указатель к надписям; 6) указатель рецензированных книг.

AMERICAN JOURNAL OF PHILOLOGY, vol. LXIV, 1943, July

— W. A. Heidel (*Hecataeus and Xenophanes*, p. 257—277), анализируя отношение ионийцев Гекатея и Ксенофана к религии и греческой мифологии, приходит к выводу, что, хотя оба они — рационалисты, они различаются между собой методом критики религии: Гекатей — реформатор, подрывающий обычные представления о богах косвенно, противопоставляя мифам Гомера и Гесиода реальное познание географии и истории; Ксенофан прямо нападает на существующие религиозные воззрения.

— Joseph Fontenrose (*The garden of Phoebus*, p. 278—285), посвятивший специально две статьи доказательству того, что латинские поэты I века н. э.

не считают Аполлона богом солнца, подвергает критическому анализу ряд текстов, в которых E. L. Highbagen (The gates of dream, 1940) пытался найти представление о «садах Феба» на краю света, — там, где солнца восход.

— C. A. Robinson (Alexander's deification, p. 286—301) пытается внести ясность в вопрос об обожествлении Александра и его мотивах. Автор считает, что путешествие Александра к святилищу Амона не было предпринято ради оракула, а имело военные цели, что сцена proskynesis в Бактре была подготовлена заранее, но Александр при этом ставил себе политическую задачу, что указ об обожествлении, если считать его историческим фактом, опять-таки был политическим актом, связанным с общей политической обстановкой, особенно с мятежом в Описе.

— E. A. Thompson (Ammianus account of Gallus Caesar, p. 302—365), анализируя показания источников, приходит к заключению, что резко отрицательная характеристика, какую дает Аммиан Марцеллин Марцеллину Цезарю Галлу, объясняется тем, что Аммиан следовал информаторам, находившимся под влиянием императора Констанция и его пропаганды. В действительности Галл пользовался популярностью в массах, был неплохим полководцем, а его жестокие расправы с некоторыми лицами, особенно в Антиохии, имели достаточное основание.

— Hans Julius Wolf (The $\delta\iota\chi\eta$ $\beta\lambda\acute{\alpha}\beta\eta\varsigma$ in Demosthenes, Or. XV, p. 316—324), анализируя иск Калликла о возмещении убытков, причиненных ему из-за возведенной ответчиком плотины, дает общую характеристику иска об ущербе ($\delta\iota\chi\eta$ $\beta\lambda\acute{\alpha}\beta\eta\varsigma$), согласно греческому праву, и отмечает юридические особенности данного частного случая.

THE JOURNAL OF EGYPTIAN ARCHAEOLOGY, vol. 27, 1941,

— Battiscombe Gunn (Notes on Ammenemes I, p. 2—6) дает две заметки, касающиеся «Поучения» Аменемхета I.

В первой автор присоединяется к мнению De Buck (в кн. «Mélanges Maspéro», 1934), что поучение надо рассматривать как вложенное в уста умершего царя, явившегося своему сыну во сне, а не как напутствие живого царя своему сыну и наследнику. Во второй автор указывает, что, согласно тексту поучения, Аменемхет I был убит своими приближенными и что именно его, а не Аменемхета II, имеет в виду Манефон в рассказе об убийстве египетского царя.

— R. Moss (Some rubbings of Egyptian monuments made a hundred years ago, p. 7—15) дает заметку из истории египтологии об особом способе снятия копий с иероглифических текстов на камне, изобретенном в 1836 г. секретарем Британского королевского астрономического общества, Джоном Вильямсом, и приводит список иероглифических текстов, с которых Вильямс снял копии по своему способу.

— R. O. Faulkner (Egyptian military standards, p. 12—19) посвящает свое исследование изображению воинских штандартов на египетских памятниках. Автор устанавливает, что штандарты встречаются уже на памятниках архаической эпохи, когда они, по его мнению, были племенными. В эпоху Древнего и Среднего царства они выходят из употребления и снова появляются в эпоху 18-й династии, в связи с реорганизацией египетских вооруженных сил после изгнания гиксосов. К статье прилагается 31 рисунок.

— A. H. Gardiner (Ramesside texts relating to the taxation and transport of corn, p. 19—73) публикует собрание переводов текстов хозяйственных документов Нового царства с данными о сельском хозяйстве, обложении налогами и перевозке зерна. Переводы сопровождаются филологическими и историческими комментариями. Значительная часть документов публикуется впервые. Настоящая публикация связана с работой автора над подготовкой публикации папируса Вильбура, крупнейшего египетского документа хозяйственного содержания, относящегося к царствованию Рамзеса V, и имеет целью предварительное изучение ряда частных вопросов экономики древнего Египта.

— P. C. S m i t h e r (A tax-assessor's Journal of the Middle Kingdom, p. 74—76) дает публикацию (с переводом и комментариями) плохо сохранившегося иератического папируса Среднего царства, найденного в Харагехе Британской археологической школой в Египте и хранящегося в Университетском колледже Лондона. Папирус содержит фрагмент дневника податного чиновника и относится, по мнению автора, к эпохе конца 12-й и начала 13-й династии.

— C. J. C. B e n n e t t (Growth of the *ḥtp-dj-nsw* formula in the Middle Kingdom, p. 77—82) исследует варианты древнеегипетской формулы, встречающейся на заупокойных стелах и других подобных памятниках эпохи Среднего царства. По разным публикациям сопоставлен 121 датированный текст формулы. Путем классификации текстов в соответствии с изменениями каждой составной части формулы и статистических подсчетов этих изменений автор устанавливает различия в формулировках между формулами 11-й и 12-й династий, а также между формулами начала и конца 12-й династии.

— A. M. B l a c k m a n (The stela of Shoschenk, great chief of the Meshwesh, p. 83—96) публикует и дает истолкование надписи на стене Шешонка из Каирского музея, ранее имевшейся лишь в неудовлетворительных публикациях (в частности, у Брестеда, Мариетта, Бругша и Видемана). Полемизируя с Брестедом, автор присоединяется к мнению Видемана и Гардинера, которые считают, что в надписи речь идет о Шешонке I, основателе ливийской 22-й династии.

— N. M. D a v i e s and N. de G. (Syrians in the tomb of Amunedjeh, p. 96—98) дают воспроизведение, описание и истолкование изображений на фиванской гробнице сановника Амунеджи (Amuned eh), современника Тутмоса III. Сюжетом изображений служит принятие сановником делегации из подвластной Египту Сирии с приношением дани.

— M. N. T o d (A Greek epigram from Egypt, p. 99—105) дает публикацию и перевод с комментарием греческой надписи на камне из Египта, относящейся к заупокойному культу; в ней умерший обращается к своему живому отцу и благодарит его за хорошее к себе отношение при жизни. Надпись была опубликована в неполном виде Рейнаком (REG, vol. 28, p. 55—57).

— J. Č e r n ý (‘Inn in late Egyptian, p. 106—112) дает филологическое исследование в области новоегипетского языка, в результате которого устанавливает четыре значения указанного в заглавии статьи слова.

— G. M. C r o w f o o t and N. de G. D a v i e s (The tunic of Tut'anchamun, p. 113—130) подробно описывают тунику, найденную в гробнице Тутанхамона, и дают исследование ее фасона, узоров, расцветки и т. п. Прилагается ряд таблиц с изображениями туники.

— P. S m i t h e r (A Ramesside Love charm, p. 131—133) дает перевод с комментарием иератического текста остракона времени 20-й династии, опубликованного ранее Posener'ом в «Catalogue des Ostraca hiératique littéraires de Deir el Médineh», t. 1, № 1057. Текст содержит любовное заклинание, анализ которого позволяет автору сделать ряд выводов о магических верованиях в египетской религии.

— N. M. D a v i e s (The hieroglyph for the fledgling, p. 133—134) исследует рисунок и раскраску иероглифа, изображаемого в виде птенца, на древнеегипетских памятниках.

— J. G. M i l n e (The Tükh el'Kāramūs gold hoard, p. 135—137) публикует списокклада золотых монет времени Птолемеев I и II, найденного в Египте еще в 1905 г., но остававшегося до сих пор неопубликованным. Сравнительный анализ монет позволяет автору сделать несколько выводов о денежном обращении в птолемеевском Египте, в частности о существовании двух валют, золотой и серебряной, для внутреннего и международного обращения.

— G. A. W a i n w r i g h t (The attempted sacrifice of Sesostris, p. 138—143) пытается доказать, что упоминания Геродота (II, 107) и Диодора (I, 57) о неудавшейся попытке принесения в жертву царя Сестостриса являются описанием религиозного обычая египтян, связанного с наиболее древними верованиями и новогодними празд-

нествами плодородия. Отмечая наличие аналогичного жертвоприношения у туземцев Занзибара, автор видит в этом влияние птолемеевского Египта, которое распространилось даже на отдаленные районы Восточной Африки.

— Battistombe Gunn (Notes on Egyptian lexicography, p. 144—148) путем анализа и сопоставления параллельных мест в текстах уточняет значение трех древнеегипетских выражений: 1) hr tp, 2) tpmz, 3) itm.

— Letters from Dr. Eisler and Dr. Chatley (Egyptian astronomy, p. 149—153). Публикация двух писем: 1) письма Dr. R. Eisler, написанного по поводу статьи Dr. Chatley «Egyptian astronomy» (JEA, 1940, № 26, p. 120—127) и содержащего ряд критических замечаний автора; 2) письма Dr. H. Chatley, в котором он отвечает на замечания Eisler'a.

В номере помещен также очередной двухгодичный обзор М. N. Tod'a публикаций и литературы о надписях греко-римского Египта за 1939—1940 гг., который служит продолжением аналогичных обзоров за предшествующие годы в том же журнале.

THE JOURNAL OF EGYPTIAN ARCHAEOLOGY, vol. 28, 1942

— R. O. Faulkner (The battle of Megiddo, p. 2—15) дает новый перевод с комментарием текста важнейшего документа военной истории Египта — о битве при Мегиддо с комментарием текста. Важность исследуемого документа, по мнению автора, заключается в том, что в нем впервые в истории изображается образ талантливого полководца, показывающего тактическое искусство перед лицом врага. К статье приложены две карты, поясняющие пути следования войск и ход битвы.

— P. C. Smither (An Old Kingdom letter concerning the crimes of count Sabni, p. 16—20) дает новую иероглифическую транскрипцию и новый перевод с комментарием частного письма эпохи Древнего царства, содержащего жалобу начальника армии Merrē'nachte (?) князю и царскому казначею Irew на преступления и злодеяния князя Себни. Автор высказывает предположение о возможной идентичности последнего с известным князем Себни из Элефантины (6-я династия).

— W. E. Crum (An Egyptian text in Greek characters, p. 20—32) впервые публикует оксиринхский папирус, датируемый 150 г. н. э., в котором сделана попытка представить иероглифический текст в греческой транскрипции. Текст, по мнению автора, является магическим заклинанием или молитвой врагам Онуфриса-Озириса.

— A. M. Blackman and H. W. Fairman (The myth of Horus at Edfu II¹, p. 32—39) исследуют тексты и рельефы третьей части мифа о Горе, сохранившиеся на стенах храма Эдфу и относящиеся к птолемеевской эпохе. Авторы устанавливают, что эта часть мифа является священной драмой о подвигах Гора, его победе над Сетом, о коронации Гора царем Верхнего и Нижнего Египта и его священном браке с богиней Хатор из Дендеры. Рассматривая вопрос о драматических представлениях в честь Гора, происходивших ежегодно в Эдфу, авторы высказывают ряд предположений о роли главного чтеца, действующих лиц и хористов.

— H. J. Bell (P. Giss. 40 and the constitutio Antoniniana, p. 39—49) дает критический анализ статьи A. Segre. Note sull'editto di Caracalla (Rend. d. Pontif. Accad. Rom. di Arch., 1940, XVI, p. 181—214) и выдвигает ряд проблем о правовом положении населения Египта в Римской империи, особенно dediticii, в связи с исследованием эдикта Каракаллы 212 г.

— N. M. Davies (Nubians in the tomb of Amunedjeh, p. 50—53) дает вторичную публикацию, описание и истолкование изображений на стенах фиванской гробницы, принадлежащей сановнику Амунеджи, современнику Тутмоса III. При помощи текстов надписей над изображениями автор устанавливает, что здесь изображены вожди нубийских племен, приносящие ежегодную дань фараону.

¹ См. Fairman H. W. The myth of Horus at Edfu-I. JEA, 1935, vol. 21, 1, p. 26—36.

— M. N. Todd (A bilingual dedication from Alexandria, p. 53—57) публикует уже известную двуязычную надпись из Александрии (три ряда греческого текста и два — иероглифического) на основании новой фотографии и ее описания, сделанного в 1941 г. капитаном D. W. Stather Hunt. Надпись является частью посвящения Озирису и Ивде и датируется временем Птолемея IV (III век до н. э.).

— D. Dunham and W. Young (An occurrence of iron in the fourth dynasty, p. 57—59) сообщает о химическом и спектрографическом анализе, которому W. Young недавно подверг красно-коричневый осадок на кремневом железе с именем фараона Хеопса, найденном в 1908 г. Рейснером. Анализ показал, что осадок представляет собой железо не метеоритного происхождения. Авторы видят в этом факте новое доказательство наличия железа в Египте в эпоху 4-й династии.

THE JOURNAL OF NEAR EASTERN STUDIES, vol. I, 1941, January

— W. A. Irwin (The Psalm of Habakkuk, p. 10—40) дает перевод и истолкование молитвы Аввакума (по еврейски Хабакука) в третьей главе его пророчества. По форме и содержанию молитва представляет собой изысканный псалом и считается одним из самых трудно объяснимых мест Библии. В результате исследования автор приходит к выводу, что «псалом» А по содержанию и форме близок к вавилонской эпической поэме о сотворении мира. Подтверждение этому он находит при анализе структуры стиха еврейского псалма, в котором ясно видны остатки строфической структуры, сближающей его со стихотворной формой вавилонской поэмы.

— A. T. Olmstead (Could an Aramaic gospel be written?, p. 41—75) публикует предисловие к подготовляемому им труду, посвященному доказательству того, что оригиналы всех четырех евангелий были написаны на арамейском языке и лишь впоследствии переведены на греческий. Об этом, по мнению автора, свидетельствует явно негреческий стиль и характер синтаксического построения текста евангелий, что позволяет с легкостью переводить греческий текст на арамейский.

— N. C. Debevoise (The Rock Reliefs of ancient Iran, p. 75—105) дает описание и хронологическую систематизацию всех наскальных рельефов древнего Ирана, опубликованных ранее в различных изданиях. Датируя рельефы по надписям, обычно сопровождающим изображения, физическому состоянию (т. е. нанесен ли рельеф на чистое место или на старые изображения) и стилю изображений, автор распределяет весь материал по пяти эпохам: 1) эпоха III тысячелетия до н. э.; 2) позднееламская эпоха; 3) эпоха Ахеменидов; 4) эпоха Селевкидов; 5) парфянский период. К статье приложен перечень описанных наскальных изображений.

THE JOURNAL OF NEAR EASTERN STUDIES, vol. I, 1941, № 2, April

— H. H. Nelson (The identity of Amon-Re of United-with-Eternity, p. 127—155) устанавливает, что древнеегипетское выражение «соединенный с вечностью» являлось составной частью наименования храма Рамзеса III в Мединет Абу и эпитетом бога Амона-Ра, которому был посвящен этот храм. Путем сопоставления ряда иероглифических текстов Нельсон доказывает идентичность этого бога с царями Озирисами.

— I. Ph. Hyatt (Jeremiah and Deuteronomy, p. 156—173) на основании наблюдающегося сходства отдельных частей книги пророка Иеремии и книги Второзакония приходит к выводу, что Иеремия был знаком с первоначальной редакцией книги Второзакония, но никогда не выражал сочувствия принципам и методам провозглашенных Иосией реформ. Автор подтверждает это установленным им фактом интерполяции девтеронимистскими редакторами книги Иеремии с целью показать одобрение пророком законодательных реформ.

— H. J. Kantor (The Early Relations of Egypt with Asia, p. 174—214) сравнивает археологический материал древнего Египта с предметами материальной куль-

туры Палестины, Сирии и Месопотамии, что дает ему возможность установить наличие связей между этими странами еще в до- и раннединастическую эпоху. Характер этих связей автор затрудняется определить с точностью, высказывая предположение о наличии торговых сношений между этими странами. Для эпохи 8-й династии автор допускает возможность поступления в Египет предметов Палестинской материальной культуры в качестве дани.

— G. G. Cameron (Darius' Daughter and the Persepolis Inscriptions, p. 214—218) дает предварительную публикацию (в латинской транскрипции), перевод и комментарии текста таблицы, найденной Герцфельдом в Персеполе во время раскопок 1933 г. Автор доказывает, что таблицу следует датировать правлением Дария I, а не Артаксеркса, как полагает проф. Пейбл. Текст таблицы гласит, что царь Дарий I приказал одному из своих должностных лиц выдать сто овец своей дочери Аристоне. Автор статьи полагает, что речь идет о приданом 16-летней Аристоне, дочери Дария от брака с дочерью Кира.

— I. I. Gelb (A tablet of unusual type from Tel-Asmar, p. 219—227) дает публикацию (в латинской транскрипции), перевод и истолкование таблички с текстом юридического характера, обнаруженной при раскопках 1931 г. в Телль-Асмаре. Табличка представляет собой сделанное в судебном заседании заявление трех братьев, отвечающее на вопрос четвертого, что некий Zaram-bâni — не сын Kittum'a, а раб (Kittum, по объяснению автора, имя собственное неовавилонской эпохи). Автор полагает, что текст таблички написан не на нововавилонском языке, а скорее на староассирийском. На этом основании он высказывает предположение о каппадокийском происхождении таблички.

— W. F. Albright and G. E. Mendenhall (The Creation of the Composite Bow in Canaanite Mythologie, p. 227—229) посвящают свое исследование одному месту текста «Danel» (или «Aqhat») из Угарита, которое было пропущено в издании Виролло. Приведенные автором в латинской транскрипции и в английском переводе пропущенные ранее строки говорят об изготовлении Aqhat для ханаанского бога Kôthar-Khasis (соответствовавшего Вулкану) лука, введенного в употребление в Месопотамии и позднее в Египте.

— R. T. Hallock (Darius I the king of the Persepolis tablets, p. 230—232) подтверждает мнение проф. Камерона о том, что найденные Герцфельдом при раскопках в Персеполе таблички относятся к царствованию Дария I. Это доказывается печатями с именем Дария на некоторых табличках и сопоставлением собственных имен должностных лиц.

THE JOURNAL OF NEAR EASTERN STUDIES, vol. I, 1942, № 3, July; № 4, October

— A. Pöebel (The Assyrian King list from Khorsabad, № 3, p. 247—306; № 4, p. 460—493) дает предварительную публикацию и исследование списка ассирийских царей на глиняной таблице, найденной при раскопках 1932—1933 гг. в Хорсабаде Восточным институтом Чикагского университета. В конце списка помещена надпись, указывающая, что список скопирован с таблицы в Ассуре писцом Kandilani в седьмой год царствования Tukulti-apil-Ešarra III. Для удобства исследования текста автор разбивает его на несколько отделов по династиям. По каждому отделу он подвергает текст анализу с лексикографической точки зрения, сопоставляет его с известным ранее и опубликованным материалом и пытается установить хронологию. Автор считает, что, начиная с династии Шамши-Адада I, можно, на основании Хорсабадского и других списков, с привлечением других источников, подойти к проблеме установления прочной хронологии ассирийских царей. В результате он дает синоптическую таблицу, в которой приводятся имена царей, даты продолжительности их царствования, ряд дополнительных данных и сопоставление с хронологией других списков. Помещенные в этой таблице сведения охватывают с перерывами период 1862—680 гг. до н. э. Исследование текста таблицы в настоящих двух номерах журнала не закончено.

— W. F. Edgerton (*Chronologie of the Twelfth Dynasty*, p. 307—314) пытается восстановить хронологию фараонов 12-й династии ввиду запутанности летосчисления этого периода, в особенности годов царствования Сесотриса II и Сесотриса III. Основным источником служит автору фрагмент реестра храма — el-Lahun, в котором не упоминается имя фараона, но предсказывается восход Сириуса на 16-й день 8-го месяца 7-го года царствования Сесотриса III. На основе изучения имеющихся материалов автор конструирует хронологическую таблицу 12-й династии, в которой приводит три датировки: по юлианскому календарю (раннюю, позднюю и наиболее вероятную дату каждого царствования), датировку египетскую, 1—214 гг. (по годам правления 12-й династии) и список фараонов от Аменемхета V до Sebeknefrure.

— E. I. Goodspeed (*The possible Aramaic Gospel*, p. 315—340) опровергает мнение Олмстеда, который доказывает, что оригиналы евангелий были написаны не на греческом, а на арамейском языке. Автор признает, что арамейское евангелие все же существовало, но оно было лишь устным произведением, а не литературным памятником.

— O. Neugebauer (*The Origin of the Egyptian Calendar*, № 4, p. 396—403) поднимает вопрос об основах египетского календаря, обсуждая различные гипотезы египтологов, в том числе Уинлока, Зете, Бругша и др. Автор подтверждает высказанное им уже ранее мнение о сельскохозяйственной основе египетского календаря и устанавливает параллельное существование в Египте двух календарных систем: одной — лунной, употреблявшейся главным образом для празднеств, другой — постоянной, с твердым 30-суточным месяцем, для практических целей.

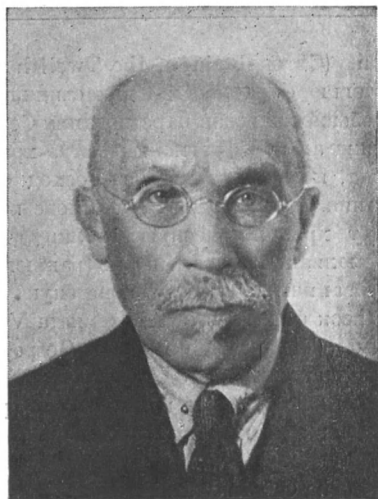
— G. E. Wright (*The terminology of Old Testament religion and its significance*) устанавливает в результате исследования терминологии Ветхого завета, что, в противоположность Новому завету, в котором отношения между богом и людьми приравниваются к отношениям отца и детей, в Ветхом завете — обычно традиционная концепция отношений бога и верующего как господина-владельца и подчиненного-слуги.

— R. G. Kent (*Old Persian Texts*, № 4 p. 415—423) дает публикацию (в латинской транскрипции и английском переводе) двух уже неоднократно опубликованных древнеперсидских надписей из Суз ввиду того, что прежними исследователями был допущен ряд ошибок в воспроизведении, транскрипции и переводе надписи. Перевод надписей сопровождается комментарием.

— D. E. M. S. C. o. w. n (*The material culture of early Iran*, № 4, p. 424—449) дает сводку публикаций последних лет, относящихся к истории материальной культуры древнего Ирана. Установив ряд древних культур Ирана, автор отмечает, что недостаточность археологических памятников и их изучения не позволяет сделать окончательные выводы о взаимоотношениях и последовательности отдельных культур. По его мнению, не остается, однако, сомнения в их тесной связи и преемственности. К статье прилагаются две таблицы: 1) последовательное развитие культур, с подразделениями и указаниями территориального распределения; 2) сравнительная стратиграфическая таблица распространения культур в десяти районах Ирана.

— J. G. a. r. s' t. a. n. g (*Samuha and Malatia*, № 4, p. 450—459), рассматривая последовательно ряд источников, определяет местоположение древнего хеттского города Шамуха на Евфрате подле Малатии. К статье приложена эскизная карта с обозначением пунктов и дорог, согласно гипотезам автора.

Савельева

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖЕБЕЛЕВ

(1867—1941).

В декабре 1941 г. в осажденном и блокированном немецко-фашистскими захватчиками Ленинграде скончался на 75-м году своей жизни академик, заслуженный деятель науки, Сергей Александрович Жебелев.

Около 300 научных работ, сотни ученых и педагогов, воспитанных Сергеем Александровичем, — таков итог его деятельности.

Всю свою жизнь Сергей Александрович посвятил изучению античности. Уже со студенческой скамьи он стал особенно интересоваться греческими надписями. Крупнейший ученый, с мировым именем, Сергей Александрович с исключительным увлечением занимался периодом эллинизма. Его работы о Греции позднего периода («Из истории Афин 223—31 гг. до н. э.» и «Ἀρχαία») по праву вошли в число классических монографий по истории античного мира.

Последние 15 лет своей жизни Сергей Александрович посвятил изучению древнейшего периода истории Северного Причерноморья, уделяя основное внимание Боспорскому царству. Его работы «Возникновение Боспорского государства», «Боспорские этюды» и, в особенности, получившая мировую славу одна из последних его работ «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» открыли новую, интереснейшую страницу в древнейшей истории нашей Родины.

Одновременно Сергей Александрович интенсивно работал над историей Ольвии и Херсонеса, выясняя и решая, благодаря своей громадной эрудиции и научно-исследовательскому мастерству, наиболее трудные, казалось бы неразрешимые проблемы.

Прекрасный знаток общей и специальной литературы, Сергей Александрович всегда быстро реагировал актуальными научно-исследовательскими статьями на любое эпиграфическое или археологическое открытие. Новые надписи Кирены, Милета, Аттики всегда находили в нем блестящего и внимательнейшего исследователя.

В лице С. А. Жебелева советская историческая наука понесла тяжелую утрату. Она особенно чувствительна для «Вестника древней истории», в котором покойный Сергей Александрович принимал самое деятельное участие, как член редколлегии журнала и как автор ряда статей. Не щадя сил и времени, Сергей Александрович всегда активно участвовал в повседневной работе редакции нашего журнала своими научными трудами, рецензиями на присланные статьи и указаниями о дальнейшей работе «Вестника древней истории».

Изучение и разработка научного наследства С. А. Жебелева — одна из важнейших задач, стоящих перед советскими историками античности.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОТЬЕ

(1873—1943)

17 декабря 1943 г. скончался один из наиболее выдающихся советских ученых, академик Ю. В. Готье, посвятивший более 50 лет своей жизни изучению истории нашей Родины.

Перу Юрия Владимировича принадлежит свыше 150 печатных трудов, в том числе и такие крупнейшие работы, как: «Материалы по исторической географии Московской Руси», двухтомная «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II», «Очерк истории землевладения в России» и ряд других важнейших исследований.

Поразительна широта научных интересов Юрия Владимировича. Занимаясь в основном историей России XVII и XVIII вв., он одновременно вел исследования по истории Русского государства в эпоху Ивана Грозного, писал блестящие монографии по Отечественной войне 1812 г., читал в Московском университете курс истории южных славян, переводил записи английских путешественников XVI в. по Московскому государству и т. д.

В Юрии Владимировиче прекрасно сочетались качества крупнейшего научного исследователя и общественного деятеля. Он был одним из наиболее активных работников Российской академии истории материальной культуры, возглавлял отдел истории России XVIII в. в Государственном историческом музее, живо реагировал на все проблемы современной жизни.

Внимание Юрия Владимировича всегда было обращено и на древний период истории нашей Родины. Одной из главных его научных заслуг является оригинальное для того времени гармоническое сочетание данных литературных источников с материалами археологии. Юрий Владимирович еще в молодости успешно чередовал занятия в архивах с археологическими раскопками. В капитальных трудах: «Очерки истории материальной культуры Восточной Европы» и «Железный век в Восточной Европе», Юрий Владимирович подводит итог длительного периода раскопок, обобщая все имевшиеся в то время (1930 г.) данные. Много оригинального внес Юрий Владимирович в вопрос взаимоотношений греческих колоний Северного Причерноморья со скифами. По-новому освещен им облик скифских филэллинов.

Жизнь и научная деятельность Юрия Владимировича надолго останутся в памяти советских историков.

Будучи членом редколлегии «Вестника древней истории», Юрий Владимирович много работал по редактированию отдельных разделов журнала, используя в полной мере свою громадную эрудицию и исключительную работоспособность.

ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLÉMENT

.SEXTI IULII FRONTINI
STRATEGEMATON
LIBRI QUATTUOR

СЕКСТ ЮЛИЙ ФРОНТИН
СТРАТЕГЕМЫ

ВВЕДЕНИЕ

Секст Юлий Фронтин¹ — незаурядная личность; он проявил выдающиеся способности как политический деятель, полководец, администратор, ученый и писатель. Тацит называет его *vir magnus* (Agric., 17), Плиний младший был в числе его друзей, Марциал упоминает о нем в своих эпиграммах, а для военных историков он был авторитетом. В частности, Элиан отзываясь о нем с почтением и считает нужным в предисловии к своей «Тактике» отметить, что в течение нескольких дней имел беседы (*διέτριψα*) с Фронтином.

Первый известный нам пост, который занимал Фронтин, был пост *praetor urbanus* в 70 г. По сообщению Тацита, после Фронтина эту магистратуру получил Домициан, бывший тогда цезарем. В 73 г. Фронтин был в первый раз консулом, после чего был направлен в качестве *legatus Augusti pro praetore* в Британию, где его затем сменил Агрикола (Т а с., Agric. 17—18); здесь он «покорил сильное и воинственное племя силуров, одолев не только мужество врагов, но и природные трудности». Судя по смирнским монетам с надписью *ἀνδράγατος Φροντίου*, он был проконсулом Азии около 90 г.; в 97 г. он — *curator aquarum*; в 98 г. — *consul suffectus* вместе с Траяном; в 100 г. — ординарный консул, опять вместе с Траяном. Плиний говорит о нем также как об авгуре. По всей вероятности, вскоре после своего третьего консульства Фронтин умер. Родился он примерно в 30 г., судя по тому, что в 70 г. занимал должность претора. Свою многообразную государственную деятельность Фронтин органически сочетал с теоретической работой. Относясь к своей государственной деятельности с величайшей добросовестностью, он считал необходимым самому вникнуть в дело, к которому был приставлен, и не только изучить его практически, но и исследовать научно. Он сам о себе пишет, что не хочет «выполнять доверенные ему обязанности по указке помощников» (*delegatum officium ex adiutorum agere praeceptis*). Как *curator aquarum*, он не только упорядочил и усовершенствовал систему водоснабжения Рима, но и написал дошедшее до нас сочинение «*De aquis urbis Romae*» в двух книгах (чаще его называют «*De aquae ductibus*»). В собрании «*Gromatici scriptores*» сохранены значительные отрывки из труда Фронтина — древнейшего латинского автора на эту тему — о межевании полей. Наконец, свой военный опыт он привел в систему и обобщил в теоретических трудах.

Судя по отзывам современников, Фронтина уважали и за его личные достоинства. Он не заискивал перед Домицианом, не искал почестей и славы; свое дело он любил, и охотно веришь ему, когда он пишет, что взялся за свой литературный труд «не ради снискания похвал, а скорее для общественной пользы». Плиний сообщает (ер. IX, 19), что Фронтин запретил поставить ему памятник: «Расходы на памятник излишни; память о нас будет жить, если мы заслужим этого своей жизнью».

Фронтин написал теоретические труды о военном деле, пользовавшиеся большим авторитетом. Вегетий (I, 8) пишет о себе, что стремится «изложить в своей маленькой

¹ В рукописях сочинений и в многочисленных упоминаниях у древних авторов он именуется Юлий Фронтин или просто Фронтин (иногда ошибочно Фронтон); праепомен Секст устанавливается на основании некоторых надписей, особенно CIL, VI, 2222.

работе то, что написал о военном искусстве знаменитый Катсх-шензор, на что с большой настойчивостью указывали Корнелий Целз и Фронтин». В другом месте (II, 3) Вегеций пишет: «То, что пишется для пользы государства, вечно. То же сделали и многие другие, особенно Фронтин, заслуживший одобрение за такую деятельность у божественного Траяна». Элиан сообщает (I, 2), что в его время консуляр Фронтин писал «и о тактике по Гомеру». Но общетеоретические труды Фронтина по военному делу до нас не дошли. Сохранились только его «Strategemata». И это произведение пользовалось большим успехом; его, повидимому, усиленно использовал Полиэн; ему следовало во многом и Вегеций.

В предисловии к своим «Стратегемам» Фронтин разъясняет цель своего труда и его композицию. Он надеется, что собранные и систематизированные образцы искусных деяний полководцев послужат источником и стимулом для военного творчества полководцев. А изложение должно быть кратким, ибо «людям занятым надо оказывать помощь скорую». Скомпилированный исторический материал и, возможно, собственные наблюдения Фронтин распределяет по трем категориям: 1) стратегемы, относящиеся к подготовке боя, 2) стратегемы в бою и непосредственно после боя; 3) стратегемы при осаде городов. Внутри этих больших разделов даны более узкие подразделения. Эта систематичность изложения позволяет легко обозреть всю книгу и найти нужную справку. Все стратегемы изложены по одному плану; каждый параграф начинается с имени главного действующего лица¹, а весь параграф автор старается уложить в одну-две фразы. Это придает изложению напряженность и стремительность и вместе с тем облегчает нахождение деяний того или иного полководца.

Проблемой остается четвертая книга «Стратегем». В предисловии Фронтин прямо пишет: «А чтобы изложение было возможно более четким, применительно к равнообразию фактов, я их распределил по *трем* книгам». Но во всех рукописях Фронтина мы находим *четыре* книги. Очевидно, четвертая книга добавлена позднее, — но кем — самим Фронтином или интерполятором? В пользу первого предположения говорит текст IV, 3,14: «Под руководством императора Цезаря Домициана Августа Германского во время войны, затеянной в Галлии Цивилисом, войско цезаря подходило... к городу лингонов. Последний боялся подвергнуться разорению. Но сверх ожидания его не тронули... Поэтому он покорился и передал *мне* семьдесят тысяч воинов». «*Мне*» может относиться только к автору — Фронтину. У нас нет данных об участии Фронтина в войне с Цивилисом, но нет также оснований отвергать эту возможность. Домициан не был тогда еще императором, но Фронтин мог дать Домициану тот титул, которым он обладал, когда писалась книга. Но ничем нельзя объяснить, что, решив присоединить к своему произведению еще одну книгу, Фронтин не изменил соотвественно предисловия. Это не могло быть забывчивостью, так как одновременно с IV книгой сделано добавление и к предисловию, и трудно допустить, чтобы Фронтин оставил при этом без изменений свое заявление о разделении всего труда на три книги. Другое дело — интерполятор; он мог оставить предисловие нетронутым из пиетета к автору. Указывают также на то, что в книге IV повторяются отдельные примеры, встречающиеся в первых трех. Этот аргумент не имеет значения, ибо повторения попадаются и в пределах первых трех книг. Больше значения имеет стиль четвертой книги (и особенно добавления к предисловию), более тяжеловесный, чем в первых трех. Но аргументы за и против подлинности IV книги при недостаточности материала слишком субъективны. В последней работе на эту тему Бенца (G. Bentz, Die Echtheitsfrage des IV Buches Frontins Strategemata, Lund 1938) автор, разбирая все доводы за и против, склоняется к признанию подлинности книги, но не считает вопрос решенным².

Вопрос приходится оставить открытым, пока не будут получены новые данные. Пока более правдоподобным представляется основанное на всестороннем анализе произведения Фронтина мнение Гундермана, что IV книга не принадлежит Фронтину.

¹ Эта особенность книги Фронтина сохранена и в переводе.

² Ср. RPhil, XIII (1939), стр. 276 сл.

Автор сам, можно сказать, натолкнул интерполятора на продолжение и дополнение его работы. В предисловии он пишет, что не претендует на исчерпывающую полноту изложения и «если кто дополнит в чем-либо мой труд, я буду считать, что он мне помогает, а не критикует меня». К тому же и материал книги таков, что его можно без труда дополнять. Несомненно, интерполяциями надо считать те вставки, где, в отступление от принятой Фронтином композиции отдельных параграфов, дается не конкретный рассказ, а лишь ссылка на то, что аналогичные примеры известны и относительно других лиц или событий (все такие вставки, а также повторения заключены в тексте в квадратные скобки).

Почти для всех фактов, о которых сообщает Фронтин, можно найти аналогии и параллели в древней литературе. Особенно часто использует Фронтин Ливия — примерно на 10 процентов всех фактов; а если учесть, что Ливий до нас дошел далеко не весь, этот процент надо считать еще выше. Но в ряде случаев Фронтин дает вариант, отсутствующий в других источниках или противоречащий другим источникам. Очевидно, у Фронтина были и другие, не дошедшие до нас источники. Кроме Ливия, часто используются Полибий и Диодор, Цезарь, Валерий, Максим.

У Фронтина встречаются неточности в начертании имен, в названии должности того или иного лица. Трудно сказать, на чей счет следует отнести эти ошибки — Фронтина или его источников. Но случаи эти довольно редки.

О популярности Фронтина в позднейшие времена говорит довольно значительное количество дошедших до нас рукописей, некоторые из них IX—X веков; особенно много рукописей XIV—XV веков. Популярность Фронтина вполне понятна. Независимо от изменений в технике военного дела, его «Стратегемы» действительно могут подсказать полководцу искусный военный маневр, толкнуть его на дерзание, поскольку «сравнение с уже проведенным опытом позволит не бояться последствий новых замыслов».

Перевод сделан с текста *Juli Frontini Strategematon libri quattuor*, ed. Gottholdus Gundermann, Lipsiae 1888.

А. Ранович

СТРАТЕГЕМЫ

Военные хитрости

КНИГА ПЕРВАЯ

В числе других, интересующихся знанием военного дела, и я занялся его изучением. Достигнув, как мне кажется, достаточных успехов в этом начинании, поскольку это зависело от моего усердия, я полагаю, что проведенная мною до сих пор работа обязывает меня суммировать в кратких записях искусные деяния полководцев, которые греки охватывают одним названием — *στρατηγήματα*. Благодаря этому полководцы получают в свое распоряжение образцы продуманности и прозорливости, которыми будет питаться их собственная способность самим придумывать и создавать подобные военные планы; кроме того, сравнение с уже проверенным опытом позволит не бояться последствий новых замыслов.

Я прекрасно знаю и не отрицаю того, что, с одной стороны, историки в своих изысканиях уже касались и этого вопроса, а с другой стороны, все более или менее примечательное так или иначе опубликовано писателями. Но, я думаю, людям занятым надо оказывать помощь скорую. Ведь было бы долго проследживать отдельные факты, рассеянные в огромном своде исторических трудов. А те, кто составили извлечения достопримечательного, приводят читателя в смятение нагромождением фактов. Мы усердно приложим старания к тому, чтобы по требованию момента нужный материал оказался под рукой. Обозрев все виды военных хитростей, я составил как бы план распределения их по типам. А чтобы изложение было возможно более четким применительно к разнообразию фактов, я их распределил по трем книгам. В первой будут даны примеры, подходящие к тому моменту, когда сражение еще не завязалось, во второй — примеры, относящиеся к сражению и достигнутому в результате миру; третья книга будет содержать *στρατηγήματα* при наложении и снятии осады. Затем я к каждому роду фактов отнес соответствующие виды.

Я заранее не без основания прошу снисходительности к этому моему труду. Пусть не упрекнет меня в небрежности читатель, обнаружив, что я пропустил какой-либо пример: кому под силу пересмотреть все памятники, дошедшие до нас на обоих языках? А многое я сознательно позволил себе опустить; что я поступил так не без причины, поймет всякий, кто прочтет произведения других авторов, ставивших себе ту же задачу. Впрочем, каждый раздел легко дополнить; а поскольку я за этот труд, как и за прочие, взялся не ради снискания похвал, а скорее для общественной пользы, то если кто дополнит в чем-либо мой труд, я буду считать, что он мне помогает, а не критикует меня.

Если найдутся читатели, которым эти свитки придется по сердцу, пусть они имеют в виду, что *στρατηγία* и *στρατηγήματα*, хотя и очень сходны, различаются между собой. Все, что полководец совершает по заранее обдуманному плану, надлежащим образом, со всей официальностью и постоянством, это будет считаться *στρατηγία* (стратегия), а если это лишь по

видимости так, то это — *стратѳѳгѳмѳтѳа*. Сила этих последних, заключающаяся в искусности и ловкости, полезна и при обороне и при наступлении. Блестящие результаты здесь давали также речи, поэтому мы даем образцы и деяний и речей.

Типы поучительных для полководца примеров, касающихся поведения до начала боя:

- I. Как скрыть свои планы.
- II. Разведывание планов неприятеля.
- III. Создание условий для войны.
- IV. Как провести войско через места, угрожаемые неприятелем.
- V. Как выбраться из самых трудных позиций.
- VI. О засадах в пути.
- VII. Как скрыть или восполнить недостаток снаряжения.
- VIII. Как распылять силы неприятеля.
- IX. Как успокоить солдатский мятеж.
- X. Как сдержать несвоевременный порыв к битве.
- XI. Как создать боевое настроение в войске.
- XII. Как рассеять страх, внушенный солдатам неблагоприятными предзнаменованиями.

I. Как скрыть свои планы

1. М. Порций Катон считал, что покоренные им города Испании со временем снова возьмутся за оружие, полагаясь на свои укрепления. Поэтому он написал каждому городу в отдельности, чтобы они срыли укрепления, угрожая войной, если распоряжение не будет выполнено немедленно. Эти письма он приказал вручить всем городам в один и тот же день. Каждый город думал, что приказ относится только к нему. Если бы стало известно, что такое же распоряжение дано всем, мог бы возникнуть заговор о сопротивлении.

2. Гимилькон, вождь пунийцев, желая привести свой флот в Сицилию неожиданно, не сообщил, куда направляется, а вручил всем командирам запечатанные таблички, где указан был маршрут, и приказал, чтобы никто не вскрыл табличек, если только корабль не будет отогнан бурей от курса флагманского корабля.

3. К. Лелий, отправляясь послом к Сифаку, взял с собой разведчиков под видом рабов и служителей. Среди них был Л. Статорий, который не раз бывал в этом лагере, и кое-кто из неприятелей, повидимому, узнал его. Чтобы скрыть его действительное общественное положение, Лелий избил его палками, как раба.

4. Тарквиний Гордый отец, решив убить главарей габинов, но не желая никому доверить свое намерение, ничего не ответил вестнику, которого по этому поводу прислал к нему сын; только, гуляя по саду, он прутиком отсекал головки наиболее возвышающихся маков. Вестник, вернувшись без ответа, рассказал молодому Тарквинию, что у него на глазах продавал отец. Тот понял, что так надо поступить с выдающимися габинами.

5. К. Цезарь, считая лояльность александрийцев сомнительной, с притворной безопасностью занялся осмотром города и построек и предавался довольно разгульным пиршествам, желая создать впечатление, что он, по примеру александрийцев, пленен прелестью местности и прожигает жизнь. А тем временем, притворяясь таким образом, он подтянул подкрепления и захватил Египет.

6. Вентидий во время парфянской войны против царя Пакора, прекрасно зная, что некий Фарнэй, родом киррестиец, из тех, кто сказался другом, доносит парфянам все, что делается у римлян, обратил вероломство вар-

вара себе на пользу. Он выражал притворно опасения по поводу того, чего больше всего хотел, а чего боялся, того будто бы желал. Беспокоясь о том, как бы парфяне не перешли Евфрат, прежде чем подоспеют легионы, которые были у него за Тавром в Каппадокии, он повел настоящие разговоры с предателем, чтобы тот под видом обычного вероломства посоветовал парфянам переправить войско у Зевгмы, где и путь короче всего и Евфрат стекает по низкому руслу; если они пойдут этим путем, уверял он, он использует выгоды холмистой местности, чтобы вернуться от стрелков; но он опасается худшего, если они продвинулись ниже по открытому полю. Введенные в обман этим заявлением, варвары подвели войско в обход нижней дороги, и пока они строили мосты между более растянутыми и требующими поэтому больше труда берегами и сооружали военные орудия, они потратили больше 40 дней. Этим временем воспользовался Вентидий, чтобы стянуть свои части; получив их за три дня до того, как подошли парфяне, он в бою победил и убил Пакора.

7. Митридат, блокируемый Помпеем, замыслил на следующий день отступление. Чтобы скрыть свое намерение, он произвел фуражировку на более широком пространстве, вплоть до равнин, примыкающих к расположению неприятеля; он также назначил на следующий день аудиенцию многим лицам, чтобы отвлечь подозрение, и распорядился развести по всему лагерю побольше огней: затем, во вторую ночную смену, он вывел свое войско мимо самого неприятельского лагеря.

8. Император Цезарь Домициан Август Германик, желая подавить стоявших под оружием германцев и зная, что они с большей энергией начнут военные действия, если заранее проведать о прибытии столь важного полководца, выставил в качестве цели своей поездки производство переписи в Галлии. Обрушившись, таким образом, войной внезапно, он подавил дикие и необузданные племена и обеспечил спокойствие провинции.

9. Интересы государства требовали, чтобы Клавдий Нерон уничтожил Газдрубала и его войска раньше, чем он соединится со своим братом Ганнибалом. Нерон решил соединиться со своим коллегой Ливием Салинатором, которому раньше было поручено ведение войны, но в силах которого он не был уверен. При этом Нерон хотел, чтобы Ганнибал, против которого он стоял, не заметил его хода. Поэтому он отобрал десять тысяч храбрейших солдат и предписал оставшимся с ними легатам держать те же караулы и посты, разводить столько же огней и сохранять лагерь в том же виде, так чтобы Ганнибал ничего не заподозрил и не предпринял решительных действий против оставшегося малочисленного войска. Затем, пробравшись скрытыми путями и присоединившись к своему коллеге в Умбрии, он запретил расширить лагерь, чтобы не подать, таким образом, пунийцу вести о своем прибытии; ведь Газдрубал, конечно, уклонился бы от боя, если бы узнал, что консулы объединили свои силы. Итак, напав с удвоенным войском на ничего не подозревавшего неприятеля, он победил его и раньше, чем об этом могла дойти весть, вернулся к Ганнибалу. Так он одной уловкой обманул бдительность одного из хитрейших пунических полководцев и победил другого.

10. Фемистокл убеждал своих возвести поспешно стены, которые они должны были разрушить по приказу лакедемонян. Послам, прибывшим из Лакедемона для предъявления запроса, Фемистокл ответил, что придет, чтобы опровергнуть этот слух. И действительно, он прибыл в Лакедемон. Там он оттянул некоторое время, прикидываясь больным, а когда заметил, что его проволокки начали внушать подозрение, стал утверждать, что спартамцам сообщили ложный слух, и попросил послать в Афины нескольких знатных людей проверить сведения об укреплении Афин. А своим он затем тайно написал, чтобы они задержали прибывших, пока

работы не будут закончены; тогда он признаётся лакедемонянам, что Афины укреплены и что их знатные посланцы сумеют вернуться лишь при условии, что его отпустят. Лакедемоняне легко на это согласились, не желая заплатить смертью многих за гибель одного.

[11. Л. Фурий, приведя войско на невыгодную позицию, решил скрыть свою тревогу, чтобы остальные не оробели; понемногу сворачивая, как бы намереваясь совершить далекий обход для нападения на врага, он повернул фронт и вывел невредимым войско, не заметившее, что происходит.]

12. Метелл Пий в Испании на вопрос, что он намерен сделать завтра, ответил: «Если бы моя туника могла заговорить, я бы ее сжег».

13. Кто-то осведомился у М. Лициния Красса, когда он собирается сняться с лагеря. Тот ответил: «Ты боишься, что не услышишь сигнала?»

II. Разведывание планов неприятеля

1. Сципион Африканский, воспользовавшись случаем посылки посольства к Сифаку, приказал отправиться вместе с Лелием под видом рабов трибунам и центурионам, чтобы они разведали силы царя. Чтобы свободнее изучать расположение лагеря, они умышленно упустили коня и, гоняясь будто бы за убегающим, обошли большую часть укреплений. Когда они донесли о виденном, война была завершена сожжением лагеря.

2. Кв. Фабий Максим во время этрусской войны, когда римским полководцам еще не были известны более тонкие приемы разведки, приказал своему брату Цезону, знавшему этрусский язык, пробраться, переодевшись этрусском, в Циминийский лес, куда наши солдаты до того не проникали. Тот так умело и ревностно выполнил задание, что прошел лес насквозь и, обнаружив, что умбры камеры не враждебны римлянам, подговорил их к союзу.

3. Карфагеняне, заметив, что у Александра столь большие силы, что он стал угрозой и для Африки, приказали одному из граждан, человеку энергичному, по имени Гамилькар Родин, отправиться под видом изгнанника к царю и всеми мерами войти к нему в дружбу. Добившись этого, он сообщил согражданам планы царя.

4. Те же карфагеняне послали людей, которые, пребывая долгое время в Риме под видом послов, перехватывали планы наших.

5. М. Катон в Испании, не имея другого способа проникнуть в планы неприятеля, приказал трем сотням воинов одновременно напасть на неприятельскую заставу, захватить и доставить невредимым в лагерь одного пленника; тот под пыткой сообщил все тайны своих.

6. Консул К. Марий во время войны с кимврами и тевтонами, чтобы проверить верность галлов и лигуров, послал им письма, где в первой части предписывалось не вскрывать раньше времени внутренней части, которая была запечатана. Затем он до назначенного срока потребовал письма обратно; найдя их распечатанными, он понял, что у них враждебное настроение.

[Есть и другой способ разведки, которым полководцы сами себе добывают сведения без какого-либо помощника извне. Так]

7. Консул Эмилий Павел во время этрусской войны, собираясь у города Ветулонии спустить войско на равнину, издали наблюдал множество птиц, поднявшихся из лесу в необычно быстром полете; он сообразил, что там скрывается какая-то засада, так как птицы, во-первых, были встревожены; во-вторых, взлетели сразу во множестве. Он выслал разведчиков и обнаружил, что десять тысяч бойцов угрожают там перехватить римский отряд; направив легионы с другого фланга, чего не ожидали неприятели, он их разбил.

8. Подобным образом Тисамен, сын Ореста, услышав, что неприятель занимает естественно укрепленный холм, выслал вперед разведчиков, чтобы выяснить обстановку; так как те доносили, что его предположение неверно, он вступил на дорогу; вдруг он увидел, что с подозрительного холма взлетело огромное количество птиц и не садилось вовсе. Он решил, что там скрывается неприятельский отряд; поэтому он повел войско в обход и избежал засады.

9. Газдрубал, брат Ганнибала, понял, что войска Ливия и Нерона соединились, хотя они это скрыли от него, не удвоив лагеря: он заметил, что кони отощали от похода, а люди загорели, как это бывает на марше.

III. Создание условий для войны

1. Александр Македонский, имея огромное войско, всегда выбирал такую тактику, чтобы сражаться в открытом бою.

2. К. Цезарь в гражданской войне, обладая войском, состоящим из варваров, и зная, что вражеское войско состоит из новобранцев, всегда стремился сразиться в открытом бою.

3. Фабий Максим в борьбе против Ганнибала, упоенного военными успехами, решил уклониться от рискованной решительной схватки и только оборонять Италию. За это он заслужил прозвание Кунктатора и великого полководца.

4. Византийцы в борьбе против Филиппа, избегая всячески решительного боя и отказавшись даже от обороны границ, отступили за городские укрепления; этим они достигли, что Филипп, не имея терпения для продолжительной осады, отступил.

5. Газдрубал, сын Гисгона, во второй Пунической войне, когда его войско было побеждено в Испании, а П. Сципион наседал, разделил войско по городам; в результате Сципион, чтобы не растратить свои силы на штурм многих городов, увел свой войска на зимние квартиры.

6. Фемистокл при приближении Ксеркса, поскольку афиняне, по его мнению, не в силах были ни вступить в пеший бой, ни защитить границы, ни выдержать осаду, посоветовал вывезти детей и жен в Трезены и другие города и, покинув город, перенести военные операции на море.

[7. Такую же тактику применил в том же городе Перикл против лакедемонян.]

8. Сципион, когда Ганнибал оставался еще в Италии, переправил войско в Африку и перенес войну с родной территории на вражескую.

9. Афиняне, когда лакедемоняне укрепили афинскую крепость Декелею и часто совершали оттуда набеги, послали флот для нападения на Пелопоннес; этим они добились, что лакедемонское войско, находившееся в Декелее, было отозвано.

10. Император цезарь Домициан Август, когда германцы, по своему обыкновению, совершали нападения на наших из лесов и незаметных укрытий, имея при этом возможность безопасного отступления вглубь лесов, провел просеку в 120 миль и тем не только изменил характер войны, но и покорил неприятелей, так как обнажил их убежища.

IV. Как провести войско через места, угрожаемые неприятелем

1. Консул Эмилий Павел вел в Лукании войско вдоль берега по узкой дороге, и при этом тарентинцы, ставшие с флотом в засаде, обстреливали его из скорпионов; тогда он прикрыл фланг марширующих пленниками; щадя их, неприятель прекратил обстрел.

2. Когда лакедемонянин Агесилай возвращался нагруженный добычей из Фригии, следовавший за ним неприятель, используя выгоды местности, совершал нападения на его отряд; тогда Агесилай выставил с обоих флангов своего войска ряды пленных; так как неприятель их щадил, лакедемоняне могли свободно пройти.

3. Он же, когда фиванцы занимали теснины, по которым ему предстояло пройти, свернул с пути, как будто направляясь в Фивы. Фиванцы встревожились и отошли, чтобы защищать стены города. Агесилай вернулся на дорогу, по которой раньше решил идти, и без всякой помехи прошел по ней.

4. Никострат, полководец этолийцев в войне против эпиротов, когда дорога в ту страну стала для него опасной, сделал вид, что собирается вторгнуться через другое место. Масса эпиротов сбежалась, чтобы помешать этому. Тогда Никострат, оставив небольшой отряд, чтобы создать видимость, будто войско остается на месте, с остальными силами вступил в страну через проход, по которому его не ждали.

5. Перс Автофратат вел войско в Писидию, но писидийцы заняли некоторые теснины. Автофратат притворился, будто спасовал перед трудностью перехода, и начал отводить войско назад; писидийцы приняли это всерьез. Тогда он ночью выслал очень сильный отряд захватить эту самую позицию и на следующий день провел войско.

6. Филипп, царь македонский, двигаясь в Грецию, услышал, что Фермопилы заняты. В это время к нему явились послы этолийцев для мирных переговоров. Задержав их, он форсированным маршем поспешил к ущелью, и, так как охрана была ослаблена в ожидании возвращения послов, он неожиданно прошел через Фермопилы.

7. Ификрат, полководец афинян против лакедемонца Анаксибия, должен был на Геллеспонте возле Абидоса провести войско через места, занятые неприятельскими заставами, причем к одной стороне прохода теснились горы, а другую омывало море. Помедлив некоторое время, когда выпал день холоднее обычного, не внушавший поэтому никому опасений, он выбрал наиболее крепких солдат и приказал им согреться маслом и вином и пробраться вдоль самого берега моря, а в обрывистых местах переправляться вплавь. Таким путем он внезапно с тыла подавил охрану теснины.

8. Гн. Помпей, не имея возможности переправиться через реку из-за стоявшего на противоположном берегу неприятеля, начал то выводить войско вперед, то отводить назад. Внушив таким образом неприятелю убеждение, что не надо заграждать путь для продвижения римлян, он внезапно пошел в атаку и форсировал переправу.

9. Александр Македонский, когда индийский царь Пор не давал ему переправить войско через Гидасп, приказал своим часто выбегать вперед по направлению к реке. Путем такого рода упражнений он добился того, что Пор перестал на другом берегу принимать меры предосторожности, и внезапно переправил войско выше по течению.

9а. Он же, когда неприятель препятствовал переправе через реку Инд, стал посылать в различных местах всадников в реку, угрожая начать переправу. Держа таким образом варваров в состоянии напряженного ожидания, он занял расположенный несколько дальше остров сначала незначительным, а затем более крупным отрядом и оттуда переправил его на другой берег. Когда же неприятель бросился для подавления этого отряда, Александр перешел по ставшему свободным броду и соединил свои войска.

10. Ксенофонт, когда противоположный берег был занят армиями, приказал отыскать две переправы; когда его отогнали от ниже лежащего брода, он перешел к выше лежащему; когда и здесь он натолкнулся на

сопротивление неприятеля, он снова направился к нижнему броду, приказав, однако, части солдат остаться на месте. Последние, когда армяне вернулись для обороны нижнего брода, переправились через верхний. Армяне думали, что греки все спускаются вниз, но были обмануты; оставшиеся перешли реку без всякого сопротивления и оказались передовыми защитниками своих переправляющихся частей.

11. Консул Аппий Клавдий в первой Пунической войне не мог переправить войско из Регия в Мессану, так как пунийцы стерегли пролив. Тогда он пустил слух, что не может вести войну, начатую без разрешения народа, и притворился, будто ведет флот по направлению к Италии: когда в результате пунийцы, поверив в взятое им направление, отошли, он повернул корабли и пригнал их к Сицилии.

12. Лакедемонские полководцы решили плыть в Сиракузы, но боялись расположенного вдоль берега флота пунийцев; и вот они приказали десять захваченных ими пунийских кораблей пустить вперед, будто победителей, а свои корабли присоединили к их бортам или привязали к кормам; обманув пунийцев этой видимостью, они прошли.

13. Филипп не мог переплыть узкий морской пролив, называемый, *Στεῦμα* из-за афинского флота, сторожившего эту удобную позицию. Тогда он написал Антипатру, будто Фракия восстала, захватив гарнизоны, которые он там оставил: пусть он последует туда, бросив все. Филипп принял меры, чтобы это письмо было перехвачено неприятелем. Афиняне, думая, что узнали тайну македонян, отвели свой флот. Филипп без всякой помехи пересек узкий пролив.

13а. Он же не мог занять Херсонес, находившийся под началом афинян, так как путь отрезали не только византийские, но и родосские и хиосские корабли. Он склонил их на свою сторону возвратом кораблей, которые он успел захватить, предлагая им стать как бы посредниками в налаживании мира между ним и византийцами, из-за которых началась война. Затянув на долгое время переговоры, он умышленно вставлял всякий раз в условия что-нибудь новое, а тем временем подготовил флот и на нем внезапно ворвался в пролив, застигнув неприятеля врасплох.

14. Афинянин Хабрий не мог проникнуть в гавань Самоса, так как ему препятствовал неприятельский морской пост. Тогда он приказал нескольким кораблям пройти мимо гавани, рассчитывая, что стоявшие на страже станут их преследовать; отвлекши их при помощи этой хитрости, он с остальным флотом достиг гавани без помехи.

V. Как выбраться из самых трудных позиций

1. Кв. Серторий в Испании, настоятельно стремясь переправиться через речку, так как с тыла наседал враг, возвел на берегу вал в виде вогнутого месяца, навалил на него дрова и зажег; отрезав таким образом неприятеля, он свободно перешел реку.

2. Подобным образом фиванец Пелопид добился переправы: охватив лагерем побольше места над берегом, он соорудил вал из горючих материалов и зажег его; пока огонь удерживал неприятеля на расстоянии, он переправился через реку.

3. Кв. Лутаций Катул, разбитый кимврами, имел один шанс на спасение — переправиться через реку, берег которой занимал неприятель. Он показал свои войска на ближайшем холме, как будто собираясь расположиться там лагерем. Он приказал своим не разгружать обоза, не снимать с себя поклажи и чтобы никто не отходил от рядов и знамен; а чтобы укрепить неприятеля в (ложном) убеждении, он приказал раскинуть на виду немного палаток, развести огни, некоторым солдатам заняться воз-

ведением вала, другим — отправиться за сбором дерева, так чтобы их видно было. Кимвры, думая, что все это делается всерьез, в свою очередь выбрали место для лагеря и рассеялись по ближайшим полям, чтобы заготовить все, что необходимо на привале; этим они дали Катуту возможность не только перейти реку, но и потревожить их лагерь.

4. Крез, не будучи в состоянии перейти Галис и не имея средств построить корабли или мост, провел канал выше по течению, позади лагеря, и русло реки оказалось, таким образом, в тылу его войска.

5. Гн. Помпей в Брундизии решил уйти из Италии и перенести военные действия в другое место. Цезарь наседал с тыла. Собираясь сесть на корабли, Помпей заградил некоторые дороги, другие перегородил стенами, иные перекопал рвами и, устроив заграждение из стоймя врытых бревен, покрыл его фашинами и засыпал землей. Некоторые подступы к порту он обезопасил громадным сооружением, проложив густыми рядами балки. Устроив все это, как будто он собирался защищать город, он оставил кое-где под стенами стрелков, а прочие войска без шума вывел на корабли. Вскоре, когда он уже был в плавании, стрелки также спустились по известным им дорогам и на маленьких судах присоединились к нему.

6. Консул К. Дуеллий оказался запертым протянутой при входе цепью в Сиракузской гавани, куда он неосторожно заехал. Тогда он перевел всех солдат на корму, а гребцы изо всех сил стали гнать наклонившиеся суда: облегченные носовые части прошли над цепью. Когда эта часть прошла, солдаты, перейдя на другую сторону, надавили на носовую часть, и под их тяжестью корабли соскользнули поверх цепи.

7. Лакедемонянин Лисандр со всем своим флотом был осажден в афинской гавани. Сняв корабли неприятеля в том месте, где море вливается по очень узкой горловине, он приказал солдатам тайно выйти на берег и, подложив катки, перевел корабли в ближайший порт Мунихию.

8. Гиртулей, легат Кв. Сертория, продвигаясь в Испании с немногими когортами по длинной узкой дороге между двумя отвесными горами, обнаружил подход огромного неприятельского войска. Он прорыл поперечный ров между горами, воздвигнул вал из дерева и поджег его. Отрезав таким образом врага, он спасся.

9. К. Цезарь во время гражданской войны вывел свои войска против Афрания и не имел возможности отдохнуть в безопасности. И вот, где он стоял, он оставил первую и вторую линию строя под оружием, а третью линию поставил скрытно на работу в тылу и вырыл ров в пятнадцать футов, куда при закате солнца укрылись вооруженные воины.

10. Перикл Афинский, загнанный пелопоннесцами в такое место, которое было окружено крутизнами и имело только два выхода, провел с одной стороны огромной ширины ров как бы для того, чтобы отрезать врага, а с другой стороны стал прокладывать дорогу как бы для того, чтобы по ней выбраться. Осаждавшие, не предполагая, что войско Перикла собирается вырваться через ров, который он сам выкопал, сосредоточили свои силы у дороги. Перикл, перебросив через ров заранее заготовленные мостки, вывел свое войско, не встретив сопротивления.

11. Лисимах — один из тех, к кому перешла держава Александра, — отвел было для лагеря высокий холм, но по неосторожности лагерь оказался расположенным ниже. Опасаясь нападения неприятеля сверху, он провел позади вала тройной ров, затем, устроив обыкновенные рвы вокруг всех палаток, он окопал весь лагерь и преградил доступ неприятелю; затем он открыл проход, засыпав рвы землей и ветками, и выбрался на более высокое место.

12. К. Фонтей Красс в Испании, отправившись с тремя тысячами людей на грабеж, был окружен в неудобной местности Газдубалом. Сообщив

свой план только высшим командирам, он в начале ночи, когда этого меньше всего можно было ожидать, прорвался через неприятельские заставы.

13. Л. Фурий, приведя войско на невыгодную позицию, решил скрыть свою тревогу, чтобы остальные не оробели; понемногу сворачивая, как бы намереваясь совершить далекий обход для нападения на врага, он повернул фронт и вывел войско, не заметившее, что происходит, невредимым.

14. Трибун П. Деций во время Самнитской войны посоветовал консулу Корнелию Коссу, застигнутому неприятелем на неудобной позиции, чтобы он выслал небольшой отряд занять находившийся поблизости холм; для руководства операцией он предложил себя. Неприятель, отвлеченный в другую сторону, упустил консула, но окружил и осадил Деция. Но и эту опасность сломил Деций, совершив ночью вылазку, и невредимо присоединился со своими солдатами к консулу.

15. То же сделал под командованием консула Атилия Калатина, тот, чье имя передают по-разному: одни называют его Лаберием, другие — Кв. Цедицием, большинство — Кальпурнием Фламмой. Видя, что войско оказалось в долине, где боковые стороны и склоны были заняты неприятелем, он попросил и получил триста солдат; внушив им, чтобы они своей доблестью спасли войско, он сбежал в середину долины. Неприятель спустился со всех сторон, чтобы его подавить, и, задержанный долгим и упорным боем, дал консулу возможность вывести свое войско.

16. Консул Кв. Минуций попал в Лигурии в ущелье, и всем уже мерещился образ Кавдинского поражения. Минуций приказал вспомогательным отрядам нумидийцев, способных вызвать презрение как собственным безобразием, так и безобразием лошадей, подъехать к занятым выходам. Настороженный неприятель, чтобы не ввязаться в бой, вначале выставил заставу. Нумидийцы, нарочно, чтобы усилить презрение к себе, стали притворно падать с лошадей и представлять смешное зрелище. Варвары, для которых это было вновь, расстроив ряды, все больше увлеклись зрелищем. Когда нумидийцы это заметили, они понемногу подъехали ближе и, дав шпоры, прорвались через расступившиеся заставы неприятеля. Затем они зажгли ближайшие поля их, и лигурам пришлось отозвать воинов для защиты имущества и выпустить запертых римлян.

17. Л. Сулла в союзнической войне был застигнут среди теснин у Эзернии неприятельским войском под командованием Дуиллия. Испросив у него беседу, он стал вести бесплодные переговоры об условиях мира; заметив, однако, что неприятель вследствие перемирия распустился и стал невнимателен, он выступил ночью, оставив сигналиста, чтобы тот распределил стражу, внушая представление, будто все остаются на месте, а в начале четвертой стражи последовал за ним. Таким образом он вывел своих невредимыми со всем обозом и орудиями в безопасное место.

18. Он же в борьбе против Архелая, префекта Митридата в Каппадокии, стесненный неудобством позиции и численностью неприятеля, завел разговоры о мире и, выгадав время на перемирие, отвлек этим внимание и ускользнул от противника.

19. Когда Газдрубал, брат Ганнибала, не мог выбраться из горного прохода, так как выходы были осаждены, он вступил в переговоры с Клавдием Нероном и обязался, когда его выпустят, уйти из Испании. Затем он хитроумными переговорами об условиях выгадал несколько дней, в течение которых неукоснительно выводил войско частями по узким, а потому оставленным без внимания, тропинкам, а затем он с оставшимися налетке ушел без труда.

20. Спартак ночью засыпал телами убитых пленников и скота ров, которым М. Красс его окружил, и перешел его.

21. Он же, будучи осажден на Везувии, там, где гора была совершенно недоступной и потому не охранялась, сплел веревки из лесных прутьев. Спустившись при их помощи, он не только спасся, но и напал на Клодия с другой стороны и навел такой страх, что несколько когорт потерпели поражение от семидесяти четырех гладиаторов.

22. Он же, будучи заперт проконсулом П. Варинием, воткнул в землю перед воротами столбы с небольшими интервалами и привязал к ним стоймя трупы в одежде и с оружием, так что на расстоянии они казались заставой, и развел по всему лагерю костры; обманув неприятеля пустыми призраками, он в тиши ночной вывел войско.

23. Брасид, предводитель лакедемонян, был застигнут у Амфиполя множеством афинян, с численностью которых он не мог померяться. Притворившись хромым, чтобы во время долгого обхода линии разредить густоту неприятеля, он прорвался там, где ряды его были реже всего.

24. Ификрат во Фракии, расположившись лагерем в низине, обнаружил, что неприятель занимает ближайший холм; с него был один спуск, по которому неприятель мог на него обрушиться. Ночью, оставив в лагере немногих людей, он приказал им развести побольше огней, а войско вывел и расположил по сторонам выше названного спуска и дал варварам пройти. Когда, таким образом, неудобство позиции, на которой он раньше находился, обратилось против врагов, он с одной частью войска порубил их тыл, а с другой захватил их лагерь.

25. Дарий, чтобы скрыть от скифов свой уход, оставил в лагере собак и ослов. Слыша их лай и рев, неприятель думал, что Дарий остается на месте.

26. Чтобы ввести наших в такое же заблуждение, лигуры привязали в разных местах веревками к деревьям бычков; частым мычанием с разных сторон они внушили представление, будто неприятель остается на месте.

27. Ганнон, запертый неприятелем, навалил на самое удобное для вылазки место горючие материалы и зажег их. Неприятель отвлекся для охраны прочих выходов. Тогда он вывел солдат прямо через огонь, предупредив их, чтобы они защитили лица щитами, а ноги — одеждой.

28. Ганнибал, чтобы избавиться от неудобной позиции и недостатка провианта под натиском Фабия Максима, ночью привязал к рогам быков связки кустарников, и, зажегши их, отпустил быков. Пламя разгоралось от самого движения, скот бесился, и горы, по которым он разбежался, осветились далеко. Римляне, сбежавшиеся посмотреть, сначала приняли это за чудо. Затем, когда они донесли Фабию точные сведения, он из опасения засады удержал своих в лагере; варвары прошли, не встретив сопротивления.

VI. О засадах в пути

1. Фульвий Нобилиор, ведя войско из Самния в Луканию, узнал от перебежчиков, что неприятель намерен напасть на его арьергард. Он приказал храбрейшему легиону итти вперед, а позади велел следовать обозу. В результате неприятель воспользовался случаем и начал грабить обозное имущество. Фульвий направил пять когорт из упомянутого легиона вправо от дороги, пять когорт — влево и, развернув строй с обоих флангов, запер занятого грабежом неприятеля и порубил его.

2. В другой раз неприятель теснил его с тыла, а между ними была река, не настолько большая, чтобы препятствовать переправе, однако затруднявшая ее быстротой течения. Фульвий поместил один из легионов в укрытии по сю сторону реки, так чтобы враги продвигались смело в рас-

чете на малочисленность противника. Когда так и случилось, легион, специально для этого подготовленный, напал из засады на неприятеля и разгромил его.

3. Ификрат во Фракии, ведя войско строем, растянутым в длину из-за условий местности, получил донесение, что неприятель собирается напасть на его арьергард. Он приказал когортам разделиться и стать с обеих сторон, а остальным — подтянуться и пойти быстрее, и когда весь отряд проходил, он задерживал всех наиболее отборных воинов. Напав, таким образом, со свежими и выстроенными солдатами на занятого повсюду грабежом неприятеля, он разбил его и отнял добычу.

4. В лесу, по которому собиралось пройти наше войско, бойцы подрубили деревья таким образом, чтобы они держались на ничтожной опоре, до ближайшего толчка. Затем они скрылись у опушки, и, когда неприятель вступил в лес, они, опрокинув ближайшие деревья, толкнули тем самым и дальние. Вызвав таким образом повсеместное падение деревьев на римлян, они разбили большой отряд.

VII. Как скрыть или восполнить недостаток снаряжения

1. Л. Цецилий Метелл, не имея достаточно кораблей, чтобы переправить слонов, связал между собой бочки, настлал на них мостки, поместил на них слонов и переправил через Сицилийский пролив.

2. Ганнибал не мог заставить слонов переплыть некую очень глубокую реку и не имел достаточного количества кораблей или материала для постройки плотов. Тогда он приказал ранить самого свирепого слона под ухом, а нанесшему рану — немедленно переплыть реку и побежать вперед. Разъяренный слон, преследуя виновника причиненной ему боли, переплыл реку и своим примером увлек остальных.

3. Карфагенские предводители, не имея волока для снаряжения флота, использовали для плетения канатов волосы остриженных женщин.

[4. То же сделали массилийцы и родосцы.]

5. М. Антоний при своем бегстве от Мутины дал солдатам луб в качестве щитов.

6. У Спартака и его войска были щиты из прутьев, покрытых корой.

[7. Здесь, мне кажется, уместно привести славный поступок Александра Македонского. Когда при переходе через Африканские пустыни он и войско жестоко страдали от жажды, солдат подал ему воду в шлеме. Александр у всех на глазах вылил ее, принеся своим примером воздержания больше пользы, чем если бы он мог поделиться.]

VIII. Как расплыть силы неприятеля

1. Когда Кориолан мстил войной за позор своего осуждения, он не допустил опустошения полей патрициев, а поджег и разорил поля плебеев, чтобы вызвать раздор и расстроить единодушие римлян.

2. Ганнибал, желая бесславию подорвать авторитет Фабия, с которым не мог сравниться ни доблестью, ни военным искусством, не тронул его полей, опустошив все прочие. В ответ Фабий объявил свои владения общественным достоянием и этим проявлением величия духа достиг того, что граждане не взяли под сомнение его добросовестность.

3. В пятое консульство Фабия Максима галлы, умбры, этруски и самниты соединили свои войска против римского народа; Фабий, в свою очередь, укрепив против них лагерь за Апеннинскими на Сентинском поле, написал Фульвию и Постумию, стоявшим на защите города, чтобы они дви-

нули войска в Клувию. Когда это было выполнено, этруски и умбры ушли защищать свою землю. Фабий и его коллега Деций напали на оставшихся самнитов и галлов и победили их.

4. Когда сабиняне набрали огромное войско и, оставив свои владения, заняли наши, М. Курий отправил скрытыми путями отряд, чтобы опустошить их поля и поджечь в разных местах деревни. Благодаря этому Курию удалось, во-первых, нанести ущерб незащищенным владениям неприятеля, во-вторых, без боя отвлечь в сторону неприятельское войско и бить его по частям.

5. Т. Дидий, не полагаясь на свои малые силы и затягивая военные действия до прибытия легионов, которых он ждал, узнал, что неприятель выступил против них. Созвав сходку, он приказал подготовить солдат к битве и умышленно ослабить надзор за пленными. Некоторые из них бежали и сообщили своим, что готовится атака. Чтобы не распылить своих сил в виду сражения, те отказались от мысли выступать против тех легионов, которым готовили засаду; легионы совершенно спокойно прибыли к Дидию, не встретив отпора.

6. Во время Пунической войны некоторые города решили перейти от римлян на сторону пунийцев, но хотели раньше, чем отпасть, получить обратно заложников, которых дали раньше. Они поэтому инсценировали среди соседей мятеж, для подавления которого римляне должны были направить послов, задержали этих послов, в свою очередь, как заложников, и вернули их не прежде, чем получили обратно своих.

7. Римские послы, направленные к царю Антиоху, который держал при себе Ганнибала уже после поражения карфагенян и проводил его планы против римлян, вели с ним частые беседы. Этим они достигли того, что царь стал относиться с подозрением к человеку, который до этого был ему очень близок и полезен своей хитростью и военным опытом.

8. Кв. Метелл в борьбе против Югурты подкупил направленных к нему послов, чтобы они выдали ему царя; когда явились другие, он поступил с ними так же; тот же образ действий он применил и к третьему посольству. С пленением Югурты дело, правда, подвигалось туго: Метелл требовал выдачи его живым. Однако он добился очень многого; его письма к друзьям царя были перехвачены, царь всех их наказал и, лишившись их советов, впоследствии не мог приобрести друзей.

9. К. Цезарь узнал от какого-то захваченного водоноса, что Афраний и Петрей собираются ночью сняться с лагеря. Чтобы расстроить планы неприятеля, не создавая вместе с тем трудностей для своих; он приказал тотчас же по наступлении ночи объявить сбор в поход и провести мимо лагеря противника с шумом и звоном мулов; думая, что Цезарь снимается с лагеря, те, которых он хотел задержать, сами задержались на месте.

10. Сципион Африканский, чтобы перехватить шедшую к Ганнибалу помощь с провиантом, отослал Минуция Терма с тем, чтобы потом к нему присоединиться.

11. Дионисий, тиран Сиракузский, когда огромное множество африканцев собралось переправиться в Сицилию, чтобы напасть на него, укрепил во многих местах замки и предписал защитникам, чтобы они сдавали их по мере того, как неприятель будет подходить, и, получив свободу, тайно вернулись в Сиракузы. Африканцам пришлось в захваченных крепостцах оставлять гарнизоны. Доведя их таким образом до желаемой малочисленности и став почти равным им по силам, Дионисий атаковал и победил их, так как свои силы он стянул, а неприятельские распылил.

12. Лакедемонянин Агесилай, воюя с Тиссаферном, притворился, будто направляется в Карию якобы потому, что считал выгоднее для себя сразиться в гористой местности против врага, превосходившего его кон-

нищей. Этим ложным планом он отвлек Тиссаферна в Карию, а сам ворвался в Лидию, центр неприятельского царства, и, подавив действовавшие там силы, завладел царской казной.

IX. Как успокоить солдатский мятеж

1. Консул Авл Манлий узнал, что солдаты на зимних квартирах в Кампании составили заговор, чтобы перерезать хозяев и завладеть их имуществом. Он распространил слух, что они будут зимовать в том же месте; отсрочив таким образом план заговорщиков, он избавил Кампанию от опасности и при случае наказал виновных.

2. Л. Сулла, когда в легионах римских граждан свирепствовал опасный дух раздора, хитростью отрезвил ожесточившихся. Он поспешно приказал объявить, что враг подходит, издать клич, призывающий к оружию, и дать боевой сигнал; все единодушно объединились против врага, и раздоры заглохли.

3. Когда войско Помпея перебило сенаторов в Милане, он, боясь возникновения беспорядков, если вызовет только виновных, приказал явиться с ними вместе и таким, которые не были причастны к преступлению. В результате виновные не побоялись явиться, так как, поскольку их не выделили, они думали, что их вызывают не в связи с их проступком, а те, у кого совесть была чиста, бдительно сторожили виновных, чтобы на них самих не легло пятно в случае бегства тех.

4. К. Цезарь, когда некоторые его легионы затеяли мятеж и, казалось, угрожали даже гибелью полководцу, утаил свой страх, вышел перед войсками и требующим отставки сверх ожидания с угрожающим видом далее. Раскаяние заставило уволенных дать удовлетворение императору и впредь более послушно отдаться делу.

X. Как сдержать несвоевременный порыв к битве

1. Кв. Серторий, познав на опыте, что ему не меряться силами со всем римским войском, желал втолковать это варварам, требовавшим боя; он вывел двух коней: одного очень сильного, другого чрезвычайно тощего, — и велел привести также двух юношей в таком же роде: крепкого и слабого. Более крепкому он приказал оторвать у тощей лошади весь хвост, а юноше слабому — выщипать хвост у сильного коня по одному волоску. Слабый выполнил приказ, а здоровеннейший безрезультатно возился с хвостом хилого коня. Тогда Серторий сказал: «Этим я показываю вам, воины, характер римских когорт; они непобедимы, когда нападают на них всех вместе, но кто на них нападает по частям, будет их терзать и рвать».

2. Он же, видя, что солдаты опрометчиво требуют сигнала к бою, и опасаясь, что, если им не уступить, они нарушат приказ, позволил эскадрону конницы завязать сражение с неприятелем и, когда ему пришлось плохо, послал на подмогу несколько других; так он сберег всех своих и спокойно и без ущерба показал, к какому исходу должно было привести желанное сражение. После этого солдаты были ему вполне послушны.

3. Агесилай лакедемонский расположился лагерем против фиванцев над берегом. Он заметил, что у неприятеля гораздо больше сил, и хотел поэтому удержать своих от желания дать бой. Он заявил, что боги дали ему указание сразиться с холмов, и, поставив у берега незначительную охрану, поднялся на холмы. Фиванцы, истолковав это как проявление страха, перешли реку, легко оттеснили охрану и, слишком ярко бросившись на остальных, были из-за неудобства позиции побеждены уступавшими им в численности.

4. Скорилон, вождь даков, знал, что римский народ раздрается гражданской войной, однако не считал возможным перейти в нападение, так как при возникновении внешней войны могло восстановиться согласие между гражданами. Он выпустил перед своими соотечественниками двух собак, а в то время как они ожесточенно дрались, он показал волка; собаки, забыв спор между собой, немедленно бросились на волка; этим примером он удержал варваров от нападения, которое пошло бы на пользу римлянам.

XI. Как создать боевое настроение в войске

1. Консулы М. Фабий и Гн. Манлий в войне против этрусков, когда войско из-за раздоров оттягивало сражение, со своей стороны стали притворно медлить, пока солдаты под влиянием издевательств неприятеля сами не стали требовать боя и клялись, что вернутся победителями.

2. Фульвию Нобилиору приходилось сразиться, имея мало во́йска, с огромной армией самнитов, пополнявшейся все новыми подкреплениями. Он заявил, будто бы склонил один неприятельский легион к измене, и для верности приказал трибунам, высшим чинам и центурионам снести, сколько кто имеет денег, золота и серебра, чтобы было чем заплатить изменникам; тем, кто принесет, он обещал после победы выдать сверх того большие награды. Внушенная римлянам мысль [об измене] придавала им бодрости и уверенности в себе, и, когда вслед за тем начались военные действия, этим была обеспечена славная победа.

3. К. Цезарю предстояло дать сражение германцам и Ариовисту, а его воины упали духом. Он тогда на сходке заявил, что в этот день он пошлет в дело только десятый легион. Этим он достиг того, что солдаты десятого легиона взбодрились, поскольку была как бы засвидетельствована их исключительная храбрость, а прочие — от стыда при мысли, что слава доблести достанется другим.

4. К. Фабий прекрасно знал, что, с одной стороны, у римлян настолько развито чувство свободы, что от оскорбления оно еще обостряется, и, с другой стороны, от пунийцев нельзя ожидать справедливости и умеренности. И вот он послал к карфагенянам послов насчет условий мира; те прислали ответ, проникнутый несправедливостью и высокомерием, и римское войско воспыало жаждой сразиться.

5. Агесилай, предводитель лакедемонян, стоял с войском близ союзного государства Орхомена и узнал, что очень многие солдаты отдавали свои самые ценные вещи на хранение внутри крепости. Он распорядился, чтобы горожане не возвращали ничего, принадлежащего солдатам, добиваясь, чтобы солдаты бились яростнее, зная, что бьются за все свое добро.

6. Эпаминонд, вождь фиванцев, собираясь дать бой лакедемонянам, решил использовать не только силу, но и настроение солдат. На сходке он заявил, будто лакедемоняне решили в случае победы перебить всех мужчин, их жен и детей увести в рабство и разрушить Фивы. Возбужденные этим заявлением, фиванцы при первой же атаке разбили лакедемонян.

7. Леотихид, предводитель лакедемонян, собираясь дать морское сражение в тот самый день, когда союзники одержали победу, притворился, что не знает о случившемся, и пустил слух, будто получил известие о победе своей партии; благодаря этому его солдаты оказались в более бодром боевом настроении.

8. Авл Постумий в сражении с латинянами предъявил образ двух юношей на конях и поднял дух воинов, говоря, что это явились [на подмогу] Кастор и Поллукс; так он восстановил боевой дух.

9. Лакедемонянин Архидам, ведя войну против аркадцев, задержал солдат в лагере и велел ночью тайно провести вокруг него лошадей. Утром он показал их следы, будто бы здесь проехали Кастор и Поллукс, и убедил солдат, что они окажут им помощь во время сражения.

10. Перикл, вождь афинян, готовясь к бою, заметил рощу, откуда можно было видеть оба фронта. Роща была чрезвычайно густая и глухая; это было пустынное место, посвященное Плутону. Здесь он поставил во весь рост в колеснице, запряженной белоснежными конями, человека громадного роста на очень высоких котурнах, в пурпурном одеянии и с роскошной шевелюрой; он должен был при боевом сигнале выехать вперед, обратиться по имени к Периклу и ободрить его, заявляя, что боги явились на помощь афинянам; в результате чуть ли не до того, как было пущено первое копьё, враги обратили тыл.

11. Л. Сулла, чтобы солдаты с большей готовностью шли в бой, притворился, будто боги предсказывают ему будущее. Дошло до того, что перед боем он перед всем войском молил и просил статуэтку небольшого размера, которую вывез из Дельф, чтобы она ускорила обещанную победу.

12. К. Марий имел при себе некую вещунью из Сирии, от которой он будто бы вперед знал исход сражений.

13. Кв. Серторий, имея в своем распоряжении солдат-варваров с неразвитым умом, возил с собой по Лузитании белую лань прекрасного вида и утверждал, что от нее он наперед узнает, что надо делать и чего избегать; варвары поэтому повиновались его приказам, как внушенным якобы свыше. [Такого рода уловками надо пользоваться не только в том отношении, что мы будем их применять к лицам, которых считаем несмышленными, но гораздо больше в том отношении, что будут измышляться такие вещи, чтобы их принимали за указания богов.]

14. Александр Македонский перед принесением жертвы исписал краской руку гарусника, которую тот должен был приложить к внутренностям жертвы; письмена гласили, что Александру даруется победа. Когда эти письмена отпечатались на теплой печени и царь показал их воинам, он поднял их дух, поскольку бог якобы обещал победу.

[15. То же сделал гарусник Судин, когда Евмен собирался вступить в сражение с галлами.]

16. Фиванец Эпаминонд в войне против лакедемонян, считая полезным подкрепить уверенность солдат религиозной верой, вытаскивал ночью оружие, прикрепленное к украшениям в храмах, и убедил солдат, будто боги следуют по его пути, чтобы помочь им в бою.

17. Лакедемонянин Агесилай, захватив несколько персов, внешний вид которых внушал немало страха, пока они были покрыты одеждой, выставил их обнаженными перед солдатами, чтобы их дряблые белые тела вызвали презрение.

18. Сиракузский тиран Гелон, начав войну против пунийцев и захватив многих в плен, выбрал наиболее хилых, главным образом из вспомогательных войск, отличавшихся чрезвычайной чернотой, и вывел их обнаженными перед всем войском, чтобы убедить его, что эти враги достойны презрения.

19. Кир, персидский царь, чтобы поднять дух соотечественников, в течение целого дня изнурял их рубкой какого-то леса; на следующий день он предложил им обильнейшее угощение и спросил, какой день им больше нравится. Когда все прославляли сегодняшний день, Кир сказал: «Но к этому можно притти через то; вы не можете быть свободны и счастливы, если раньше не победите мидян». Этим он вызвал у них жажду боя.

20. Л. Сулла, видя вялость своих солдат перед сражением против Архелая, командующего войском Митридата, довел их изнурительным трудом до того, что они сами стали требовать сигнала к бою.

21. Фабий Максим, опасаясь, что войско в расчете на корабли, куда можно будет спастись, не будет биться достаточно стойко, велел сжечь их перед тем, как начать сражение.

ХII. Как рассеять страх, внушенный солдатам неблагоприятными предзнаменованиями

1. Сципион, переправив войско из Италии в Африку, поскользнулся, сходя с корабля; видя, что солдаты поражены этим, он своей твердостью и величием души обратил источник страха в источник бодрости, заявив: «Приветствуйте, воины, я придавил Африку».

2. К. Цезарь, поскользнувшись нечаянно при посадке на корабль, сказал: «Я держу тебя, мать земля». Этим истолкованием происшествия он как бы заявил, что намерен вновь занять ту землю, с которой уезжал.

3. Консул Т. Семпроний Грахк выстроил войско против пиценов, как вдруг землетрясение навело страх на обе стороны. Сципион речью успокоил своих и склонил их напасть на потерявшего голову от суеверного страха неприятеля; атака увенчалась победой.

4. Когда по внезапному чуду щиты всадников изнутри и груди коней покрылись кровью, Серторий истолковал это как знамение победы, ибо на эти места обычно брызжет вражеская кровь.

5. Солдаты фиванца Эпаминонда опечалились, так как ветер сорвал украшение в виде повязки, свисавшее с его копья, и отнес его на гробницу какого-то лакедемонянина. Эпаминонд сказал: «Не бойтесь, воины; это предвещает лакедемонянам гибель; уже гробницы украшаются для похорон».

6. Он же, когда упавший ночью с неба метеор напугал тех, кто заметил его, сказал: «Боги явили нам этот свет».

7. Однажды, когда перед сражением против лакедемонян упал стул, на котором он сидел, и смущенные солдаты все истолковали это, как дурное предзнаменование, Эпаминонд сказал: «Воистину, нам запрещается сидеть».

8. К. Сульпиций Галл, чтобы солдаты не восприняли предстоявшее лунное затмение как дурное предзнаменование, заранее о нем предупредил, объяснив основания и причины затмения.

9. Точно так же Агафокл Сиракузский, когда его солдаты были уstraшены случившимся как раз перед днем сражения затмением луны, объяснил причины этого явления и разъяснил, что, каково бы ни было затмение, это — явление естественное и не имеет отношения к их задачам.

10. Перикл, когда в его лагерь попала молния и напугала солдат, созвал сходку, в присутствии всех ударил камнем о камень и высек огонь; он успокоил волнение, разъяснив, что таким же образом от столкновения облаков рождается молния.

11. Когда афинянин Тимофей собирался дать морской бой коркирцам, его кормчий начал было давать отбой уже выступавшему флоту, так как кто-то из гребцов чихнул. Тимофей сказал ему: «ты удивляешься, что из стольких тысяч людей один простудился».

12. Когда афинянин Хабрий готовился к морскому бою, перед его кораблем упала молния, и солдаты испугались такого предзнаменования; Храбрий заявил: «Теперь особенно надо вступить в бой, так как величайший из богов — Юпитер — обнаружил, что он явился к нашему флоту».

КНИГА ВТОРАЯ

В первой книге мы расположили примеры поучительные, на мой взгляд, для полководца в отношении того, как вести себя до начала боя. Теперь мы приведем примеры, относящиеся к тому, что обычно делается во время самого сражения, и затем — к поведению после боя.

Типы примеров, относящихся к сражению, следующие:

I. Выбор времени для битвы.

II. Выбор места для битвы.

III. Построение войска.

IV. Как расстроить ряды неприятеля.

V. Засады.

VI. Как выпустить врага, чтобы он, будучи заперт, в отчаянии не возобновил сражения.

VII. Как скрыть свои неудачи.

VIII. Как решительностью восстановить боевой порядок.

Затем к типам деяний, относящихся к моменту после боя, я бы отнес следующие:

IX. Как при удачном исходе боя завершить незаконченную военную операцию.

X. Как выправить положение, если дело пошло плохо.

XI. Как сохранить верность колеблющихся.

XII. Что надо делать для защиты лагеря, когда нет уверенности в наличных силах.

XIII. О бегстве.

О ПОВЕДЕНИИ ВО ВРЕМЯ БОЯ

I. Выбор времени для битвы

1. Сципион в Испании, обнаружив, что Газдрубал, полководец пунийцев, вывел войско в бой утром натошак, задержал своих до седьмого часа, приказал им отдыхать и принимать пищу. А когда неприятель, уставший от голода, жажды и тяжести оружия, начал возвращаться в лагерь, он внезапно вывел войско и в завязавшемся сражении одержал победу.

2. Метелл Пий в Испании в войне против Гиртулея, когда тот на самом рассвете построил войско и двинул его к валу, а время года было тогда самое жаркое, задержал своих до шести часов дня; благодаря этому он с бодрыми и свежими воинами легко победил изнуренных зноем врагов.

3. Тот же Метелл, соединившись с войском Помпея против Сертория, часто выстраивал свое войско, но неприятель уклонялся от боя, считая себя не в силах меряться с двумя армиями. Через некоторое время Метелл заметил, что серторианские воины сильно разъярились, рвутся в бой, выставив плечи и потрясая копьями. Он решил, что надо уступить их пылу во-время, и отвел свое войско. Его примеру последовал и Помпей.

4. Консул Постумий, когда его лагерь в Сицилии находился в трех милях от пунического и карфагенские командиры ежедневно выстраивались к бою под самой оградой лагеря, постоянно оборонялся малыми силами, вступая в легкие стычки перед валом. Когда пунийцы, привыкнув к его способу действий, перестали уже с ним считаться, он, подготовив всех остальных на отдыхе внутри лагеря, попрежнему с небольшим отрядом сдерживал напор противника и задержал его дольше обычного; когда же к шести часам уставшие и изнывавшие к тому же от голода стали возвращаться к себе, он со своими свежими силами обратил в бегство неприятеля, измотанного вышеуказанными трудностями.

5. Ификрат-афинянин, разведав, что неприятель принимает пищу постоянно в одно и то же время, велел своим поесть пораньше, вывел войска и задерживал неприятеля так, чтобы не дать ему возможности ни сразиться, ни отойти. Когда день начал клониться уже к вечеру, он отвел своих, но удержал их под оружием. Враги, уставшие не столько от строя, сколько от голода, поспешили оправиться и поесть. Ификрат тогда снова вывел войско и обрушился на лагерь рассыпавшегося неприятеля.

6. Он же в войне против лакедемонян стоял лагерем вплотную против неприятеля, и обе стороны постоянно в одно и то же время выходили за фуражом и топливом. В один из дней он выслал для этих работ одетых воинами рабов и маркитантов, а солдат оставил. Когда враги разошлись по тем же делам, он штурмовал их лагерь и легко перебил или захватил в плен прибежавших отовсюду на тревогу безоружных солдат с вязанками.

7. Консул Вергиний, увидев, что вольски издали несутся в большом числе, приказал своим оставаться на месте и опустить копья; напав со свежими силами своего войска на запыхавшихся противников, он заставил их повернуть.

8. Фабий Максим прекрасно знал, что галлы и самниты сильны только при первом натиске, зато неутомимый дух его воинов только еще закаляется при затягивании сражения. Он приказал солдатам, чтобы они удовольствовались сдерживанием первого нападения неприятеля и изматывали его, затягивая дело. Успев в этом, он вывел на новую линию еще подкрепление, подавил неприятеля всеми силами и разбил его.

9. Филипп при Хероне учитывал, что у него солдаты закалены долгим опытом, а афиняне, хотя и ожесточены, но не имеют военного опыта и сильны только при нападении. Он поэтому затянул сражение; вскоре, когда афиняне уже выдохлись, он перешел в решительное наступление и порубил их.

10. Лакедемоняне, узнав от разведчиков, что мессенцы пришли в такую ярость, что идут в бой с женами и детьми, уклонились от боя.

11. К. Цезарь в гражданской войне блокировал войско Афрания и Петрея и изводил его жаждой; в отчаянии войско уничтожило обоз и пошло в атаку; Цезарь удержал своих, считая неподходящим для сражения время, когда противник разъярен гневом и отчаянием.

12. Гн. Помпей, желая навязать бой отступающему Митридату, выбрал для сражения ночное время, чтобы помешать его отходу; подготовившись соответствующим образом, он неожиданно навязал сражение неприятелю. При этом он так построил войска, что луна была понтийскому войску в глаза, а римляне имели неприятеля на виду в лунном свете.

13. Известно, что Югурта, зная римскую доблесть, всегда завязывал сражение к исходу дня, с тем чтобы, если его войска будут обращены в бегство, он мог ускользнуть под покровом ночи.

14. Лукулл в войне против Митридата и Тиграна в Великой Армении у Тигранокерта имел не больше 15 тыс. человек, а неприятель — бесчисленное и потому малоподвижное войско. Этим воспользовался Лукулл: он напал на еще не выстроившегося неприятеля и так основательно его рассеял, что даже сами цари бежали, бросив свои инсигнии.

15. Тиб. Нерон в войне с паннонцами, когда свирепые варвары выступили на самом рассвете, удержал своих на месте и предоставил неприятелю страдать от тумана и дождей, которые в тот день выпадали часто; затем, заметив, что враг теряет силы не только от стоянки под дождем, но и от бездействия, по сигналу пошел в атаку и победил.

16. К. Цезарь в Галлии установил, что германский царь Ариовист руководится правилом, чуть ли не законом, не сражаться в период убыли луны. Завязав бой именно в этот период, он победил неприятеля, скованного суеверием.

17. Божественный Август Веспасиан напал на иудеев в субботу, когда им запрещалось предпринимать серьезное дело, и таким образом победил их.

18. Лакедемонянин Лизандр в сражении с афинянами у Эгоспотам в определенные часы нападал на афинские корабли, затем отводил свой флот. Это стало привычным явлением. Когда однажды после его отхода

афиняне рассеялись, чтобы стянуть свои силы, он по обыкновению развернул свой флот и остановил его; затем, когда большая часть врагов разбрелась, он напал на остальных, истребил их и захватил все корабли.

II. Выбор места для битвы

1. М. Курий видел, что не может сопротивляться развернутой фаланге царя Пирра; он поэтому постарался дать бой в теснине, где сдавленная фаланга сама себе служила помехой.

2. Гн. Помпей в Каппадокии выбрал для лагеря возвышенное место; уклон увеличил силу натиска солдат, и Помпей в стремительной атаке победил Митридата.

3. К. Цезарь, собираясь сразиться с Фарнаком, сыном Митридата, построил войско на холме; это облегчило ему победу, так как дротики, пущенные сверху в подходившего неприятеля, сразу погнали его.

4. Лукулл для предстоящего сражения против Митридата и Тиграна в Великой Армении у Тигранокерта быстро занял с частью войска плоскую вершину ближайшего холма; оттуда он бегом спустился к расположенному внизу неприятелю и с фланга напал на его конницу; последняя повернула и смяла ряды собственных пехотинцев; прорвавшись вслед за ними, он одержал славную победу.

5. Вентидий в войне против парфян вывел свои войска не раньше, чем враг был уже всего в пятистах шагах, и таким образом, внезапно бросившись вперед, так близко подошел, что, примкнув вплотную к неприятелю, избежал стрел, которые обычно пускают с расстояния. Благодаря этой уловке, которая к тому же дала и доказательства решительности, он быстро одолел варваров.

6. Ганнибал, предполагая сразиться с Марцеллом у Нумистрона, поместился так, что с фланга у него были рытвины и крутые дороги; используя природные укрепления, он победил знаменитейшего полководца.

7. У Канн Ганнибал обратил вниманиис, что от реки Волтурна больше, чем от других рек, по утрам дуют сильные ветры, которые гонят вихри песку и пыли. Он поэтому так построил войско, что вся сила ветра направлялась ему в спину, а римлянам вихрь бил в лицо и в глаза; это необычайно вредило неприятелю; благодаря этому он одержал свою знаменитую победу.

8. Марий, назначив день для сражения против кимбров и тевтонов, накормил солдат и поставил их перед лагерем с таким расчетом, чтобы неприятельское войско выдохлось, преодолевая то расстояние, которое разделяло противников. К усталости он прибавил еще одну трудность: именно — варварам пришлось занять позицию против солнца, ветра и пыли.

9. Лакедемонянин Клеомен, имея дело с афинянином Гипшием, превосходившим его конницей, завалил равнину, на которой предполагал сразиться, порубленными деревьями и сделал дорогу непроезжей для конницы.

10. Иберы в Африке были перехвачены огромным множеством неприятелей; боясь окружения, они подошли вплотную к реке с крутыми берегами, протекавшей в этой местности. Укрепив таким образом свой тыл и совершая со свойственной им доблестью набеги один за другим на ближайшие части, они разбили все неприятельские войска.

11. Лакедемонянин Ксантипп одной только переменной позиции повернул ход Пунической войны. Приходившие уже в отчаяние карфагеняне подзадорили его платой, и он обратил внимание, что африканцы, превосходившие противника конницей и слонами, взбираются на холмы, а

римляне, сила которых была в пехоте, занимают равнины. Тогда он вывел пунийцев на ровное место. Расстроив при помощи слонов ряды римлян и преследуя рассыпавшихся солдат нумидийской конницей, он разбил войска, до того одерживавшие победы на суше и на море.

12. Эпаминонд, предводитель фиванцев, вступая в бой против лакедемонян, приказал впереди фронта послать конницу, пустил огромное облако пыли навстречу неприятелю и создал у него впечатление, что готовится конное сражение. Одновременно он повел пехоту в обход с той стороны, где был спуск к противоположной неприятельской линии, и, напав неожиданно с тыла, порубил врага.

13. Триста лакедемонян заняли Фермопилы против бесчисленной рати персов; узкое ущелье допускало рукопашную схватку лишь с равным числом врагов; получилось поэтому, что при фактическом столкновении они оказывались равными по численности варварам, а доблестью они их превосходили; они поэтому перебили большое число персов и не были бы побеждены, если бы изменник Эфиальт Трахинийский не провел неприятеля в обход; появившись с тыла, неприятель уничтожил их.

14. Фемистокл, вождь афинян, видел, что против множества кораблей Ксеркса для Греции полезнее всего сразиться в узком Саламинском проливе, но не мог убедить в этом сограждан. Благодаря хитрости он добился того, что варвары сами толкнули греков на полезный шаг. Притворившись предателем, он послал к Ксерксу предупредить его, будто соотечественники помышляют о бегстве и ему труднее будет осаждать каждый город в отдельности. Этим Фемистокл добился того, что, во-первых, персидское войско лишилось покоя, оставаясь всю ночь на страже; во-вторых, утром афиняне со свежими силами вступили в бой с ослабевшими от бессонницы варварами, как он и хотел, в тесном месте, где Ксеркс не мог использовать свое численное превосходство.

III. Построение войска

1. Гн. Сципион в операции против Ганнона в Испании у города Индибиле заметил, что пунийцы построены таким образом, что на правом фланге стоят испанцы, солдаты, правда, крепкие, но выполнявшие чуждое им дело, а на левом фланге — африканцы, менее сильные физически, но более стойкие духом. Он поэтому отвел свой левый фланг, а правым, укомплектованным самыми сильными воинами, сразился с неприятелем, построившись косым строем. Затем, разбив африканцев, он легко склонил к сдаче испанцев, стоявших в отдалении в качестве как бы зрителей.

2. Царь Филипп Македонский, ведя военные действия против гиллийцев, заметил, что центр неприятельской линии заполнен отборными солдатами, а фланги слабее. Поместив своих храбрейших воинов на правом фланге, он напал на левый фланг неприятеля и, смыв весь его боевой порядок, одержал решительную победу.

3. Фиванец Паммен, обозрев строй персов, где лучшие силы были помешаны на правом фланге, подобным образом построил и свое войско, поместив всю конницу и всех храбрейших пехотинцев на правом фланге, а слабейших — против самой сильной части неприятеля. Последним он приказал при первом натиске неприятеля искать спасения в бегстве и укрыться в лесистых и труднопроходимых местах. Сведя, таким образом, к нулю усилия цвета неприятельского войска, он с лучшей частью своих сил обошел строй неприятеля с правого фланга и заставил его отступить.

4. П. Корнелий Сципион, прозванный впоследствии Африканским, ведя военные действия против карфагенского полководца Газдрубала в

Испании, день за днем выводил войско, построенное таким образом, что центр был укомплектован сильнейшими солдатами. Неприятель также стал выступать постоянно, построившись таким же образом. И вот, в тот день, когда Сципион задумал дать решительное сражение, он изменил боевой порядок, поместив сильнейших воинов (т. е. легионеров) на флангах, а легко вооруженных в центре, отодвинув их назад. Выстроив, таким образом, войско в виде полумесяца и обрушившись флангами, на которых имел превосходство, на слабейшую часть неприятеля, он его разбил наголову.

5. Метелл в Испании в том сражении, в котором разбил Гиртулея, обнаружив, что его сильнейшие когорты размещены в центре, сам отвел свой центр назад, с тем, чтобы пустить его против врага лишь после того, как, сомкнув фланги, окружит со всех сторон центр неприятеля.

6. Артаксеркс, превосходя численностью греков, вступивших в Персиду, построил войско более широким фронтом, чем неприятель, поместив в центре пехоту, а конницу и легко вооруженных по флангам; пока, таким образом, центр умышленно продвигался медленно, он окружил и порубил неприятельские силы.

7. Ганнибал при Каннах, напротив, отвел назад фланги, выдвинул вперед центр и при первой атаке поразил наших. Когда бой развернулся и фланги, в свою очередь, стали, согласно приказу, продвигаться дугою вперед, он зажал неприятеля в центр своего войска, сдавил его с обеих сторон и порубил его. [Он имел в своем распоряжении войско из ветеранов, получивших длительный опыт; выполнить такого рода маневр могут только опытные солдаты, ориентирующиеся в любой обстановке.]

8. Во время второй пунической войны Газдрубал, уклоняясь от навязываемого боя, построился на кочковатом холме позади виноградников. Лавий Салинатор и Клавдий Нерон развели свои войска в стороны и, обнажив центр, окружили Газдрубала с обеих сторон и, напав на него, одержали победу.

9. Ганнибал, побежденный в ряде сражений Клавдием Марцеллом, стал отводить для лагеря позиции, где можно было, прикрываясь горами, болотами или другими подобными естественными преградами, построить войско так, чтобы можно было в случае перевеса римлян отвести войско без потерь за укрепления, а в случае их отступления сохранить инициативу в наступлении.

10. Лакедемонянин Ксантипп в Африке в деле против М. Атилия Регула поставил на первой линии легко вооруженные части, а цвет войска — в резерве и приказал своим вспомогательным войскам, метнув дротики, отступить перед врагом, а когда они окажутся на линии своих войск, немедленно разбежаться в стороны и вновь ринуться вперед с флангов; в результате, когда враг попал под удар наиболее сильной части, фланговые, в свою очередь, его окружили.

[11. Так же поступил Серторий в Испании против Помпея.]

12. Лакедемонянин Клеандрид построил против луканов войско густым строем, так что получалась видимость гораздо меньшего войска; усыпив бдительность врага, он уже в разгаре боя раздвинул ряды и, окружив неприятеля с флангов, разбил его.

13. Лакедемонянин Гастрон прибыл на помощь египтянам против персов. Зная, что греческий солдат крепче египетского и персы больше боятся его, он распорядился, чтобы они поменялись оружием, и поместил греков в первом ряду; когда они бились с переменным успехом, он подослал египетский отряд; персы, оказывавшие сопротивление грекам, которых принимали за египтян, теперь, когда подошло множество солдат, которых персы боялись, принимая за греков, отступили.

14. Гн. Помпей в Албании, ввиду того, что неприятель превосходил его численностью и конницей, велел пехотинцам поместиться возле холма в теснине, прикрыв шлемы, чтобы блеск их не обнаружил; затем он приказал всадникам выехать вперед на открытое место, как будто предшествуя пехоте, и предписал им при первом натиске врага отъехать назад и, поровнявшись с пехотой, разойтись в обе стороны. Когда этот маневр был выполнен, на освободившемся месте поднялась неожиданно пехота, хлынула на неосторожно въехавших в теснину врагов и в возникшем неожиданном для них сражении порубила их.

15. М. Антоний, когда парфяне обрушили на его войско бесконечное множество стрел, приказал своим остаться на месте и устроить черепаху; стрелы проносились над ней, и неприятель выдохся, не нанеся ущерба войнам.

16. Против Сципиона в Африке Ганнибал имел войско из пунийцев и союзников, часть которых состояла не только из разнородных элементов, но и из италиков. И вот, позади 80 слонов, которые были поставлены в центре, чтобы расстроить ряды неприятелей, он поместил вспомогательные войска галлов, лигуров, балеарцев и мавров, чтобы они не могли убежать, поскольку за ними стояли пунийцы, но противостояли неприятелю, и если не нанесут ущерба, то во всяком случае изматывали бы его. Далее, на второй линии он поставил пунийцев и македонян, чтобы они со свежими силами схватились с уже уставшими римлянами; в арьергарде он поставил италиков, так как не полагался на их верность и опасался, что они будут действовать вяло: ведь он большинство из них вывел из Италии против их воли.

Этому построению Сципион противопоставил в центре цвет легиона, построенный в три линии, — гастатов, принципов и триариев; при этом он поставил когорты не сплошь, а оставил интервалы между манипулами, с тем чтобы пущенных неприятелем слонов можно было легко пропустить, не расстраивая рядов. А интервалы он также занял легко вооруженными, чтобы не было зияющих перерывов в строю, и приказал им при нападении слонов податься назад или в стороны. Наконец, конницу он распределил по флангам и поручил командование правым крылом римских всадников Лелию, левым крылом нумидийцев — Масиниссе. Такое продуманное построение войска, несомненно, было причиной победы.

17. Архелай против Л. Суллы поставил в центре снабженные серпами квадриги, чтобы расстроить ряды неприятеля, на второй линии — македонскую фалангу, на третьей — вооруженные по римскому образцу вспомогательные отряды, прибавив к ним беглецов-италиков, на упорство которых он больше всего рассчитывал: легко вооруженных он поместил позади; наконец, с обоих флангов он поставил свою многочисленную конницу для окружения неприятеля.

В ответ Сулла провел на обоих флангах рвы большой ширины и на их концах воздвиг укрепления; этим он обезопасил себя от окружения неприятелем, превосходившим его численностью, особенно конницей. Затем он выстроил пехоту тройным строем, оставив интервалы, по которым он мог бы, когда потребуется, выдвинуть легко вооруженные части и конницу, поставленную в арьергарде. Далее, он велел бойцам второй линии забить крепко в землю множество частых кольев, и, когда стали приближаться квадриги, он за частоколом укрыл бойцов первой линии. Только тогда он приказал подвижным частям [велитам] и легко вооруженным с боевым кличем пустить в ход копыя. В результате неприятельские квадриги, натолкнувшиеся на частокол или напуганные криком и копыями, повернули на своих и расстроили македонскую фалангу; та стала поддаваться. Так как Сулла наседал, Архелай выставил против него конницу. Но тут римляне

внезапно выпустили свою конницу, отогнали неприятельских всадников и завершили победу.

18. К. Цезарь таким же способом, устроив частокол, перехватил и задержал квадриги галлов.

19. Александр, опасаясь у Арбел численности неприятеля и уверенный в доблести своих воинов, построил войско фронтом во все стороны так, чтобы в случае окружения они могли биться со всех сторон.

20. В операции Павла против македонского царя Персея последний направил свою двойную фалангу в центр, окружил ее легко вооруженными, а на обоих флангах поместил конницу. Павел придал тройному строю клинья, между которыми постепенно выводил велитов. Видя, что таким путем не удастся прорвать фронт, он начал отходить, чтобы этой уловкой заманить неприятеля на труднопроходимые места, которые он заранее подыскал. Но и здесь фаланга, заподозрив хитрость со стороны отступающих, продвигалась, не нарушая строя. Тогда Павел приказал всадникам с левого фланга проскакать вдоль края фаланги галопом с таким расчетом, чтобы, держа оружие на перевес, самим напором отбить острия неприятельского оружия; обезоруженные таким образом, нумидийцы расстроили свои ряды и обратили тыл.

21. Пирр в войне за Тарент у Аускула, следуя стиху Гомера, по которому худших надо взять в середину, поместил на правом фланге самнитов и эпиротов, на левом — бруттиев и луканов с саллентинцами, а в центре — тарентинцев. Конницу и слонов он распорядился оставить в резерве. Консулы, напротив, очень выгодно распределив конницу по флангам, поместили в первом ряду и в резерве легионы и влили в них вспомогательные войска. Известно, что с обеих сторон здесь было 40 тысяч; Пирр потерял половину войска, римляне не досчитались 5 тысяч.

22. Гн. Помпей при Палеофарсале против К. Цезаря построил войско в три линии, из коих каждая имела в глубину по десять рядов. Наиболее сильные по доблести личного состава легионы он поместил на флангах и в центре, промежутки между ними заполнил новобранцами. На правом фланге он разместил 600 всадников вдоль реки Эпиней, который своим руслом и разливом делает местность труднодоступной, остальную конницу вместе с вспомогательными войсками — на левом фланге, чтобы оттуда обойти войско Юлия.

Против этого построения К. Цезарь расположил легионы в центре тоже в три линии, а левый фланг пододвинул к болоту, чтобы его нельзя было обойти. На правом фланге он расположил конницу, придав к ней наиболее быстрых пехотинцев, приученных биться в конном сражении. Далее, шесть когорт он оставил в резерве для внезапных бросков и на правом фланге, откуда ожидалась неприятельская конница, поставил когорты под углом. Ничто так не содействовало победе Цезаря в тот день: вышедшую конницу Помпея они заставили повернуть и отдали на убой.

23. Император Цезарь Август Германик, когда хатты раз за разом совершали конные набеги и убегали в леса, приказал своим всадникам, как только они дойдут до непроезжего места, соскочить с коней и сражаться пешими. Этим он добился того, что условия местности не служили помехой для его победы.

24. К. Дуеллий, видя, что подвижные пунические корабли ускользают от его тяжелых судов и доблесть солдат остается бесплодной, придумал железные крючья; зацепив при их помощи неприятельский корабль, он перебрасывал на него мостки, по которым римляне переходили на неприятельское судно и убивали противников в рукопашной схватке.

IV. Как расстроить ряды неприятеля

1. Консул Папирий Курсор-сын, сражаясь с переменным успехом против упорных самнитов, тайно от своих приказал Спурию Навтию, чтобы небольшое число фланговых и конюхов сели на мулов и, влача по земле ветви, с большим шумом помчались вниз с лежавшего напротив холма. Завидев их, он возгласил, что это прибыл его победоносный коллега и надо самим стяжать славу победы в настоящем сражении. В результате римляне с большей уверенностью в себе ринулись вперед, а враги, задыхаясь от пыли, обратились в бегство.

2. Фабий Рулл Максим в свое четвертое консульство тщетно пытался в Самниуме прорвать фронт неприятеля; напоследок он незаметно вывел из рядов гастатов, послал их со своим легатом Сципионом в обход и приказал занять холм, с которого можно было попасть в тыл неприятелю. Когда это было выполнено, римляне приободрились, а самниты уstraшились и, замыслив бегство, были перебиты.

3. Император Муций Руф, когда его теснили скордиски и даки, превосходившие его численностью, выслал вперед брата и с ним немного всадников с трубачами; он приказал, чтобы брат, когда увидит, что бой начался, внезапно появился с другой стороны и велел трубачам заиграть; вследствие отголоска в горах у неприятеля создалось впечатление, что наступает огромное множество; уstraшившись, он обратился в бегство.

4. Консул Ацилий Глабрион имел своим противником войско царя Антиоха, расположившееся в Ахайе перед Фермопильским ущельем. Из-за неудобств позиции не только его усилия были тщетны, но он даже был бы отражен с большими потерями, если бы не послал в обход Порция Катона, который в то время, будучи уже консуляром, был по народному решению военным трибуном в войске. Сбросив с вершины горы Каллидром-этолийцев, укрепившихся здесь, Катон неожиданно появился на нависающем над царским лагерем холме с тыла. Войска Антиоха были уstraшены, а римляне ворвались с двух сторон и, разбив врага наголову, захватили лагерь.

5. Консул К. Сульпиций Петик перед боем с галлами приказал погонщикам тайно отойти с мулами на ближайшие горы и, когда сражение разгорится по-настоящему, показаться перед сражающимися как будто бы на конях. В результате галлы, думая, что к римлянам пришла подмога, отступили уже на пороге победы.

6. Когда Марий у Акве Секстие намеревался дать на следующий день бой тевтонам, он ночью послал Марцелла с небольшим отрядом конницы и пехоты в тыл врага, а чтобы создать впечатление большого войска, он послал с ним также невооруженных конюхов и маркитантов и большое количество вьючного скота, накрытого тряпками, так что он походил на конницу. Марцеллу он приказал, как только он увидит, что завязывается сражение, в свою очередь броситься в тыл неприятеля; эта инсценировка навела такой страх, что грозный неприятель обратился в бегство.

7. Лициний Красс в войне против беглых рабов, собираясь вывести солдат против Каста и Канника, предводителей галлов, послал 12 когорт с легатом К. Помпонием и Кв. Марцием Руфом за гору в обход. Когда сражение уже началось, эти когорты, выбежавшие с громким криком с тыла, настолько поразили врагов, что началось повальное бегство, и нигде не давалось отпора.

8. М. Марцелл, опасаясь, что слабые крики обнаружат малочисленность его войска, приказал поднять боевой клич также маркитантам, обозникам и всякого рода сопровождающим и уstraшил неприятеля видимостью большого войска.

9. Валерий Левин в сражении против Пирра, убив простого воина и держа окровавленный меч, заверил оба войска, что убит Пирр. Неприятельские войска, думая, что их вождь убит и они покинуты, были приведены в смятение этой ложью и в страхе отошли в лагерь.

10. В сражении против К. Мария в Нумидии Югурта который вследствие прежнего общения с римским лагерем владел также латинским языком, вышел на передовую линию и громко объявил, что им убит К. Марий. Этим он заставил многих наших повернуть.

11. Афинянин Миронид, сражаясь против фиванцев и находясь в опасном положении, внезапно поскакал на правый фланг своего войска и воскликнул, что на левом он уже одержал победу; внушив таким образом своим бодрость, а врагам страх, он победил.

12. Крез противопоставил очень сильной неприятельской коннице стадо верблюдов; кони, пораженные невиданными животными и их запахом, не только сбросили всадников, но и разметали ряды своей пехоты и отдали их врагу на разгром.

13. Пирр, царь Эпира, в войне за Тарент таким же образом использовал слонов, чтобы расстроить ряды римлян.

14. Лагерь вольсков был расположен возле кустарника и леса. Камилл поджег все, что способно было, воспламенившись, перебросить огонь на вал, и лишил противника лагеря.

15. П. Красс в союзнической войне таким же примерно образом попался со всем войском.

16. Испанцы выставили на первой линии против Гамилькара быков, запряженных в повозки, наполнив их сосновыми ветками, салом и серой, и при сигнале к бою зажгли их; погнав затем быков на врагов, они произвели у них переполох и прорвали их строй.

17. Фалиски и тарквинийцы переодели многих своих людей в жрецов, несших перед собою, как фурии, факелы и змей. Этим они привели в расстройство римское войско.

[18. Того же добились вейнты и фиденаты, схватив факелы.]

19. Скифский царь Афей, сражаясь против более многочисленного войска трибаллов, приказал, чтобы женщины, дети и все невоенноспособные подвели к крайней неприятельской линии стада ослов и быков и выставили поднятые вверх копья. Затем он пустил слух, будто к нему подходит подмога от дальних скифов; этим заверением он заставил врага уйти.

В. З а с а д ы

1. Ромул, подойдя к Фиденам, расположил часть войска в укрытии и, притворившись, будто обратился в бегство, завел следовавшего за ним сгоряча неприятеля в то место, где у него были скрыты солдаты; последние напали на рассыпавшихся и не ожидавших опасности врагов и перебили их.

2. Консул Кв. Фабий Максим, посланный на помощь сутринцам против этрусков, привлек все силы неприятеля на себя; затем, притворившись усталым, он отступил, как бы убегая, на более возвышенную позицию; когда неприятель, не соблюдая строя, стал подходить, Фабий напал на него и не только выиграл сражение, но и отнял лагерь.

3. Семпроний Гракх в операции против кельтиберов притворился, будто боится, и удержал войско на месте. Затем он послал легко вооруженных, чтобы они, завязав стычку с неприятелем и тотчас же отступив, выманили неприятеля. Тогда он напал на нестроившихся врагов и так их разгромил, что захватил и лагерь.

4. Консул Л. Метелл, ведя войну в Сицилии против Газдрубала, был очень осторожен, ввиду наличия у противника большого войска и 130 слонов. Сделав вид, что он не уверен в себе, он удерживал войска в Панорме и провел впереди своей стоянки огромных размеров ров. Обозрев затем войско Газдрубала, где на первой линии стояли слоны, он приказал гастатам пустить дротики в зверей и немедленно ретироваться за укрепления. Раздраженные такой издевкой, вожаки погнали слонов в самый ров: как только они туда попали, воины часть их убили копьями, часть погнали назад на своих, расстроив ряды неприятеля. Тогда Метелл, только этого и ждавший, вырвался со всем войском вперед и, напав на пунийцев с фланга, разгромил их и завладел даже слонами.

5. Скифская царица Тамирис, ведя бой с переменным успехом против персидского полководца Кира, в притворном страхе ускользнула в хорошо знакомые ее воинам теснины; там она неожиданно повернула фронт и, используя природные условия местности, одержала победу.

6. Египтяне, готовясь к бою на полях, прилегавших к болотам, покрыли эти болота водорослями и, когда началось сражение, притворились, будто убегают, и завлекли неприятеля в засаду. Последний, заехав слишком быстро в незнакомые места, застрял в болоте и был окружен.

7. Вириат, из разбойника ставший вождем кельтиберов, притворился, будто отступает перед римскими всадниками, и завел их в местность с очень глубокими рытвинами. Сам он выбрался по твердым, известным ему тропам; римляне, не зная местности, увязли в болоте и были перебиты.

8. Полководец Фульвий в войне с кимврами, расположившись лагерем поблизости от неприятеля, приказал всадникам подехать к неприятельским укреплениям, завязать стычку с варварами и в притворном бегстве отступить. Так повторялось несколько дней; кимвры всякий раз яростно преследовали отступающих. Фульвий заметил, что лагерь их при этом обычно остается без охраны. И вот, пока часть войска выполняла обычный маневр, он сам налегке с солдатами засел скрытно позади неприятельского лагеря и, когда враги по обыкновению выбежали, неожиданно совершил нападение, прорвался через покинутый вал и захватил лагерь.

9. Когда войско фалисков, значительно превосходившее наше, расположилось лагерем на нашей земле, Гн. Фульвий поручил своим солдатам поджечь некоторые здания вдали от лагеря, чтобы фалиски подумали, что это дело рук их сотоварищей, и разбрелись в надежде на добычу.

10. Эпирот Александр, устроив засаду против иллирийцев, перерядил некоторых своих солдат в иллирийцев и приказал им опустошать свои (т. е. эпирские) области. Когда иллирийцы это увидели, они повсеместно предались грабежу тем беспечнее, что приняли шедших впереди за своих разведчиков. Последние умышленно завели их в труднопроходимые места, где они были разбиты и обращены в бегство.

11. Сиракузанец Лептин в войне против карфагенян также приказал разорить собственные поля и поджечь некоторые селения и крепостцы. Карфагеняне, думая, что это дело рук их людей, тоже вышли как бы на подмогу и, попав в засаду, были разгромлены.

12. Магарбал, направленный карфагенянами против восставших африканцев, знал, что это племя жадно к вину. Он примешал к большому количеству вина мандрагору, являющуюся чем-то средним между ядом и снотворным. Затем он завязал легкую стычку и намеренно отступил; после этого он глубокой ночью покинул в лагере кой-какой обоз и все отравленное вино и притворно бежал. Захватив лагерь, варвары на радостях с жадностью распили вино со снадобьем, а когда они лежали вповалку, как мертвые, Магарбал вернулся и часть перебил, часть взял в плен.

13. Ганнибал, зная, что и его лагерь и римский расположены в безлесных местностях, нарочно оставил в пустынной местности внутри лагеря многочисленных стада вьючного скота. Римляне, овладев этой якобы добычей, при крайнем недостатке в дровах, нагрузились нездоровой пищей. Ночью Ганнибал привел свое войско обратно и нанес жестокие потери беспечным и отяжелевшим от полусырого мяса римлянам.

14. Тиб. Гракх в Испании, получив известие, что неприятель страдает от недостатка провианта, покинул лагерь, обильно снабженный всякими яствами. Захватив лагерь и обнаружив запасы, неприятель немедленно кинулся на еду. Гракх неожиданно вернулся с войском и подавил отяжелевшего врага.

15. Хиосцы, воюя против эритрейцев, захватили на возвышенности их разведчика, убили его и отдали его одежду своему солдату. Последний, сигнализируя с той же горы, заманил эритрейцев в засаду.

16. Известен был установившийся обычай арабов сигнализировать о подходе неприятеля днем дымом, ночью — огнем. И вот арабы распорядились не прерывать сигнализации, а когда противник подойдет, прекратить ее. Последний, думая, поскольку огненные сигналы прекратились, что его прибытие осталось незамеченным, слишком уверенно двинулся вперед и был разбит.

17. Александр Македонский, когда неприятель устроил укрепленный лагерь на высоких горах, отвел часть своих сил, а оставшимся приказал развести огни, как обычно, и создать впечатление, что войско здесь все. Сам он повел свой отряд в обход по глухим районам и, ударив на неприятеля сверху, сбил его.

18. Мемнон Родосский, имея превосходство в коннице, хотел заставить неприятеля, укрепившегося на холмах, спуститься на равнину. Он направил некоторых солдат под видом перебежчиков в стан неприятеля принести к нему весть, будто в войске Мемнона бушует столь гибельный мятяж, что постепенно от него откалываются отдельные части. Чтобы это заявление вызывало доверие, он приказал на виду у врага возводить в разных местах небольшие форты, будто туда предполагают укрыться мятежники. Подстрекаемые создавшейся у них уверенностью, враги, находившиеся в горах, спустились на равнину и при попытке захватить форты были окружены конницей.

19. Гарриба, царь молоссов, подвергся военному нападению иллирийца Бардила, имевшего несколько большее войско. Удалив своих небоеспособных людей в соседнюю область Этолии, он пустил слух, будто уступил этолийцам свои города и владения. Сам он с боеспособными войсками устроил ряд засад в горах и труднопроходимых местах. Иллирийцы, боясь, что владения молоссов будут захвачены этолийцами, не позаботившись о боевом порядке, начали быстро продвигаться, спеша за мнимой добычей. Когда они, ничего не подозревая, двигались в беспорядке, Гарриба из засады разбил их наголову.

20. Т. Лабием, легат К. Цезаря, хотел сразиться с галлами до прибытия германцев, шедших, как ему было известно, к ним на помощь. Он притворно проявил нерешительность и, расположив лагерь на противоположном берегу, назначил на следующий день выступление. Галлы, считая, что он собирается бежать, начали переправляться через отделявшую их от римлян реку. Лабием стянул войско и, пока галлы боролись с трудностями переправы, порубил их.

21. Ганнибал разведкал, что лагерь римского полководца Фульвия укреплен небрежно, а Фульвий к тому же безрассудно смел. И вот, на рассвете, под прикрытием густого тумана, он выслал к караулам нашего лагеря несколько всадников. Фульвий немедленно двинул туда войско.

Ганнибал с противоположной стороны захватил лагерь и, обрушившись оттуда в тыл римлянам, перебил восемь тысяч храбрейших солдат вместе с самым командиром.

22. В другой раз Ганнибал, когда римское войско было поделено между диктатором Фабием и начальником конницы Минуцием, причем Фабий выжидал благоприятного случая, а Минуций пылал жаждой сражаться, расположился лагерем на поле, находившемся между армиями неприятеля. Спрятав часть пехоты среди обрывистых скал, он, чтобы выманить неприятеля, послал занять ближайший холм. Когда Минуций вывел войска для отпора, внезапно поднялись спрятанные Ганнибалом в засаде войска, и они уничтожили бы войско Минуция, если бы в решающую минуту не подошел Фабий.

23. При Трестии Ганнибал, имея перед собой отделенный рекой лагерь консула Семпрония Лонга, в жестокий мороз поместил в засаде Магона с отборными воинами. Затем, чтобы подзадорить легковверного Семпрония, он приказал нумидийским конникам подъехать к его валу, но при первом нападении наших бежать по известным им бродам. Консул, напав на них и преследуя их с еще не проевшим войском, заморозил его, переправляясь через реку при сильном холоде; когда вскоре римляне оконечили и обессилели от голода, Ганнибал выдвинул своих солдат, которых предварительно специально для этого согрел при помощи огня, масла и дыма. Сыграл свою роль и Магон, выполнивший свою задачу разгромить тыл неприятеля.

24. При Тразименском озере, где между озером и подошвой горы узкая дорога вела в открытое поле, Ганнибал, притворившись, будто обращается в бегство, прорвался через теснины в открытое место и там раскинул лагерь. Ночью он расположил солдат на ближайшем холме и вдоль стен ущелья и на рассвете, прикрываясь еще и туманом, построил войско. Когда Фламиний, преследуя мнимого беглеца, вступил в теснину, он не успел обнаружить засаду, как подвергся нападению сразу с фронта, с флангов и с тыла и был уничтожен вместе с войском.

25. В деле против диктатора Юния Ганнибал приказал 500 всадникам глубокой ночью, разбившись на несколько турм, непрерывно по очереди появляться кругом перед лагерем неприятелей. В результате римляне были растревожены и измучены пребыванием в течение всей ночи на валу под дождем, который как раз лил непрерывно. Когда утром Юний дал сигнал отбоя, Ганнибал вывел отдохнувших воинов и напал на его лагерь.

26. Точно так же фиванец Эпаминонд, когда лакедемоняне построили на Истме вал и защищали Пелопоннес, при помощи небольшого числа легко вооруженных всю ночь тревожил врага. Затем он на рассвете отозвал своих. Но когда лакедемоняне отошли на отдых, он внезапно двинул все войско, которое провело ночь на покое, и прорвался прямо по укреплениям, покинутым защитниками.

27. Ганнибал, приготовившись к бою при Каннах, велел 600 нумидийским всадникам перебежать к неприятелю; чтобы внушить больше доверия, перебежчики передали нашим мечи и щиты и были отведены в тыл. Как только начался бой, они обнажили заранее спрятанные меньшие мечи, подобрали щиты лежавших воинов и разгромили строй римлян.

28. Япиды также под видом сдачи передали проконсулу П. Лицинию поселян; когда их приняли и поместили на последней линии, они разгромили тыл римлян.

29. Сципион Африканский, имея против себя оба лагеря — Сифака и карфагенян, — решил ночью напасть на лагерь Сифака, где было много горючего материала, и поджечь его; он рассчитывал при этом перебить нумидийцев, когда они станут в страхе выбегать из лагеря, а пунийцев, которые наверно прибегут на помощь своим союзникам, захватить в за-

саду. Оба его плана удались; напав на прибежавших без оружия, как на случайный пожар, он их перебил.

30. Митридат, не раз побежденный доблестью Лукулла, покусился на него коварством. Он подучил некоего Адафанта, выдающегося силача, чтобы он перебежал к неприятелю и, завоевав доверие, совершил злодеяние. Тот взялся за поручение усердно, но без успеха. Дело в том, что Лукулл, приняв его в конницу, держал его под тайным надзором, так как, с одной стороны, не следовало доверять перебежчику, а, с другой стороны, не следовало отпугнуть и других. Потом он, проявив при частых вылазках ловкость и усердие, приобрел доверие и выбрал [для покушения] время, когда командиры дали отдых всем лагерным солдатам, а палатка командующего находилась в отдалении. Случай помог Лукуллу. К бодрствующему Лукуллу заговорщика всегда пускали, но в тот раз он застал Лукулла уставшим от ночных размышлений и отдыхающим. Заговорщик хотел войти, ссылаясь на то, будто должен сообщить нечто экстренное и важное, но рабы, заботясь о здоровье своего господина, решительно его не пропустили. Тогда он, боясь, что навлек на себя подозрение, бежал на заготовленных перед входом лошадях к Митридату, не выполнив поручения.

31. Серторий в Испании стоял лагерем близ местечка Лаврон, по соседству с лагерем Помпея; здесь было только два района, откуда можно было добывать провиант, один — поблизости, другой был расположен подальше. Серторий постоянно нападал при помощи легко вооруженных отрядов на ближний район, а дальний запретил солдатам трогать и в конце концов убедил противников, что дальний район безопаснее ближнего. Когда именно сюда направились помпеянцы, он приказывает Октавию Грецинию с десятью когортами, вооруженными по римскому образцу, и Тарквинию Приску с двумя тысячами всадников выступить и устроить засаду фуражирам; те ревностно выполняют приказ. Разведав характер местности, они ночью укрывают указанные части в соседнем лесу, причем располагают на первой линии легко вооруженных испанцев, наиболее пригодных для скрытных операций, несколько глубже — тяжело вооруженную пехоту, а всадников — дальше всех, чтобы они не выдали замысла шумом. Всем приказано отдыхать, соблюдая тишину, до третьего часа дня. Когда затем чувствовавшие себя в безопасности помпеянцы нагрузились провиантом и стали думать о возвращении, сторожевые, прельщенные спокойствием, также разошлись для сбора фуража; тут-то выпущенные первыми испанцы со свойственной этому племени быстротой бросаются на разбредшихся, ничего подобного не ожидавших римлян, ранят и убивают их. Затем, раньше чем можно было начать организовать сопротивление, вырывается вперед из леса тяжелая пехота, громит и обращает в бегство пытающихся построиться римлян; на бегущих выпускается конница, преследует и рубит их на всем пути обратно к лагерю. Приняты были также меры, чтобы никто не убежал: остальные 250 всадников, отправленные вперед, мчатся во весь опор сокращенными путями, не доскакав до лагеря Помпея, повернули обратно, навстречу первым рядам беглецов. Когда при виде этого Помпей выслал легион с Д. Лелием на защиту своих, всадники, отодвинувшись в сторону, как бы отступили, затем обошли и этот легион и с тыла напали на него, а одновременно с фронта подоспели те, кто был занят раньше преследованием фуражиров. Таким образом, и легион вместе со своим легатом был раздавлен между двумя линиями неприятелей. Когда Помпей стал выводить на его защиту все войско, Серторий показал с холмов и своих построившихся воинов и добился того, что Помпей оказался в невыгодном положении. Таким образом, при помощи одной ловкой операции Серторий не только нанес двойное поражение, но и заставил Помпея пассивно наблюдать избиение своих войск. Это было первое сра-

жение между Серторием и Помпеем. По свидетельству Ливия, войско Помпея потеряло 10 тысяч человек и весь обоз.

32. Помпей в Испании, расположив заранее части для нападения из засады, притворным страхом завлек наседающего неприятеля к месту засады; затем, когда обстоятельства потребовали, он повернул и с фронты и с флангов изрубил на-смерть неприятелей, захватив при этом в плен их предводителя Перперну.

33. Он же в войне в Армении против Митридата, превосходившего его численностью и качеством всадников, расположил 3 тысячи легко вооруженных и 500 всадников в долине под прикрытием кустарника, росшего между обоими лагерями. Затем на рассвете он выслал против вражеского охранения всадников, дав им указание, чтобы они, когда вся конница завяжет бой с неприятельским войском, понемногу отступали, сохраняя строй, на такое расстояние, чтобы дать возможность появиться с тыла отрядам, для этого подготовленным. Все это было выполнено по плану; мнимые беглецы повернулись, и Помпей порубил центр растерявшегося неприятеля, причем подошедшая вплотную пехота зарубила даже лошадей. Этим сражением он убавил у царя уверенность в силе своей конницы.

34. Красс в войне против беглых рабов у Кантены укрепил два лагеря вплотную у лагеря неприятеля. Ночью он стянул войска, оставил в большом лагере палатку главнокомандующего, чтобы ввести в обман врагов, а сам вывел все войско и поместил его у подножия горы. Разделив конницу, он приказал Л. Квинцию часть выставить против Спартака и изматывать его боем, другой частью завязать сражение с галлами и германцами из группировки Каста и Канника и притворным бегством завлечь их туда, где стоял с войском он сам. Когда варвары пустились их преследовать, всадники отошли на фланги, и внезапно обнаружившееся римское войско с криком ринулось вперед. Ливий передает, что в этом сражении убито было 35 000 человек вместе с предводителями, отобрано 5 римских орлов, 26 знамен, много трофеев, в том числе 5 пучков фасций (fascies) с топорами.

35. К. Кассий в Сирии в деле против парфян и их предводителя Осака выставил с фронта конницу, предварительно скрытно поместив с тыла в пересеченной местности пехоту. Затем он завлек парфянское войско в подготовленную засаду и разгромил его.

36. Парфяне и Лабиен были в приподнятом настроении в результате последовательных побед, в то время как Вентидий сам сдерживал своих, притворяясь напуганным. Раззадорив неприятелей, Вентидий завел их на неудобную позицию, подкрался и напал на них и нанес им такое поражение, что парфяне покинули Лабиена и ушли из провинции.

37. В войне против парфян Фарнастана Вентидий имел незначительное число солдат, а у парфян, как он видел, возрастала самоуверенность благодаря многочисленности войска. Он поместил сбоку от лагеря в незаметной долине 18 когорт, расположив конницу позади пехоты, затем направил против неприятеля чрезвычайно малый отряд. Обратившись притворно в бегство, отряд завлек беспорядочно преследовавшего неприятеля дальше места засады, и поднысывая с фланга войско обратило в бегство и перебило неприятеля, в том числе и Фарнастана.

38. Лагери К. Цезаря и Афрания занимали противолежащие равнины, и обе стороны были чрезвычайно заинтересованы в занятии ближайших холмов; но это было трудно вследствие крутизны скал. Цезарь построил войско так, как будто собирается вернуться обратно в Илерду; недостаток провианта делал это его намерение правдоподобным. Затем в кратчайший срок он, незаметно сворачивая, внезапно повернул, чтобы занять горы. При виде этого афранианцы в смятении, как если бы лагерь был взят, в свою очередь бросились в беспорядке бегом к тем же горам. Цезарь пред-

угадал, что так будет, и напал на нестроившегося неприятеля частью с высланной вперед пехотой, частью с придвинувшейся с тыла конницей.

39. Антоний у Форум Галлорум, узнав о приближении консула Пансы, устроил засаду в лесистых местах Эмилиевой дороги, перехватил и разгромил войско Пансы, а ему самому нанес такую рану, что он через несколько дней скончался.

40. Царь Юба в Африке во время гражданской войны притворным отступлением раззадорил Куриона и вызвал у него необоснованную решительность. Прельщенный тщетной надеждой, Курион, преследуя бегущего якобы царского военачальника Саборру, спустился в открытое поле; здесь он был окружен нумидийской конницей и пал, потеряв войско.

41. Мелант, предводитель афинян, был вызван неприятельским царем Ксанфом Бэотийским и вышел на поединок. Подойдя вплотную, он заявил: «Несправедливо и против договора поступаешь ты, Ксанф; против меня одного ты вышел в сопровождении еще одного». Когда тот, недоумевая, кто же его сопровождает, оглянулся и отвернулся, Мелант одним ударом сразил его.

42. Афинянин Ификрат у Херсонеса, зная, что предводитель лакедемонян Анаксибий ведет войско пешим порядком, высадил с кораблей очень сильный отряд и поставил его в засаде, а кораблям велел плыть на виду так, как будто на них погружены все солдаты; таким образом, он с тыла напал на спокойно шедших по дороге и ничего не подозревавших лакедемонян, подавил и разбил их.

43. Либурны, занимая мелководья, выставили из воды только головы, внушив таким образом неприятелю представление, что там — глубокое место; преследовавшая их трирема села на мель и была захвачена.

44. Алкивиад, предводитель афинян, действовал на Геллеспонте против лакедемонского предводителя Миндара, имевшего значительное войско и больше кораблей. Ночью Алкивиад высадил часть солдат, скрыв за мысом также несколько кораблей, а сам с немногими кораблями выступил с таким расчетом, чтобы подзадорить неприятеля своей слабостью; когда неприятель стал его преследовать, он бежал, пока не завлек его в подготовленную засаду; затем, когда неприятель был отбит и стал высаживаться, он был перебит специально для этого заранее высаженными воинами.

45. Он же, готовясь к морскому сражению, установил на мысу несколько мачт и приказал оставленным при них людям, чтобы они, как только заметят, что бой начался, распустили паруса. В результате неприятель подумал, что к Алкивиаду подходит на помощь другой флот, и повернул обратно.

46. Мемнон Родосец в морском бою, имея флот в 200 кораблей и желая втянуть в сражение неприятельские корабли, распорядился поднять мачты на небольшом числе кораблей и повести их первыми. Неприятель, увидев издали число мачт и сделав отсюда заключение о числе кораблей, вступил в сражение и был захвачен и побежден превосходящими силами.

47. Тимофей, предводитель афинян, намеревался дать лакедемонянам морское сражение; когда их флот выдвинулся для боя, он выслал вперед двадцать быстроходнейших судов, чтобы они всяческими уловками и разными маневрами изматывали неприятеля. Затем, видя, что противник передвигается уже с меньшей маневренностью, он выступил вперед и легко победил успешного изматываться неприятеля.

VI. Как выпустить врага, чтобы он, будучи заперт, в отчаянии не возобновил сражения

1. В том сражении, которое произошло под командованием Камилла, галлы нуждались в пловучих средствах, чтобы переправиться через Тибр. Сенат решил перевезти их и снабдить их также провиантом.

Людям того же племени впоследствии, когда они бежали, была дана возможность пройти по Помптинскому полю, которое называется Галльским.

2. Т. Марцию, римскому всаднику, когда были убиты два Сципиона, войско вручило верховное командование. Когда окруженные им пунийцы, чтобы не умереть неотомщенными, сражались с особенным ожесточением, он раздвинул манипулы и, предоставив пунийцам путь для бегства, разгромил их, когда они рассыпались, без риска для своих.

3. Ю. Цезарь велел выпустить окруженных германцев, храбро сражавшихся в отчаянии, и напал на них, когда они бежали.

4. Ганнибал, когда окруженные римляне у Тразименского озера сражались с величайшим ожесточением, раздвинул ряды, дав им возможность уйти, а когда они шли, он их уложил, не понеся никаких потерь.

5. Антигон, царь македонский, подверг осаде этолийцев; мучимые голодом, они решили совершить вылазку и умереть вместе. Антигон открыл им дорогу для бегства и, слолив таким образом их наступательный порыв, настиг их сзади и перебил.

6. Агесилай лакедемонский, сражаясь против фиванцев, заметил, что неприятель, зажатый природными условиями местности, в отчаянии дерется с необычайной яростью. Раздвинув ряды своих солдат и открыв фиванцам путь к спасению, он вновь сомкнул строй против отступающих и, нападая сзади, перебил их, не подвергая риску своих.

7. Консул Гн. Манлий, вернувшись из боя, обнаружил, что римский лагерь захвачен этрусками. Окружив все входы постами, он привел запертых врагов до такой бешеной ярости, что в сече сам был убит. Ввиду этого легаты его сняли посты с одного входа и открыли выход этрускам; затем они бросились на выходящих в беспорядке, а тут подошел навстречу второй консул Фабий и изрубил их.

8. Фемистокл после победы над Ксерксом не позволил своим разрушить мост, разъяснив, что выгоднее изгнать Ксеркса из Европы, чем вынудить его отчаянно сражаться. Он же послал к Ксерксу людей, чтобы указать ему, какой опасности он подвергается, если не ускорит отступление.

9. Пирр, царь Эпира, захватил какой-то город и запер ворота; увидев, что запертые в силу крайней необходимости храбро сражаются, он дал им возможность бежать.

10. Он же, среди других наставлений полководцу, оставил и такое: не надо упорно наседать на бегущего неприятеля, не только для того, чтобы он по необходимости не сопротивлялся ожесточеннее, но и для того, чтобы впоследствии он легче решался отступить, зная, что победители не будут преследовать бегущих до полного их уничтожения.

VII. Как скрыть свои неудачи

1. В сражении римского царя Тулла Гостилия против вейентов альбанцы, покинув римское войско, устремились к ближайшим холмам, и это смутило дух наших. Тогда царь заявил, что альбанцы поступили так по его распоряжению, чтобы окружить неприятеля. Это заявление внушило вейентам страх, римлянам — уверенность; удачный замысел восстановил пошатнувшееся положение.

2. Когда префект Л. Суллы с сопровождавшим его немалым конным отрядом в разгар сражения перебежал к неприятелю, Сулла объявил, что это сделано по его приказу. Таким способом он не только не допустил упадка духа солдат, но даже укрепил его некоей надеждой на пользу, какая должна была последовать от этого решения.

3. В другой раз, когда посланные Суллой вспомогательные войска были окружены неприятелем и перебиты и он опасался, что эта потеря наведет страх на все войско, он заявил, что он намеренно послал эти отряды на невыгодную позицию, так как они замыслили мятеж. Таким образом, он выдал совершенно явное поражение за мнимый акт мщения и укрепил дух солдат, убедив их в этом.

4. Сципиону послы Сифака сообщили от имени своего царя, чтобы он не переправлялся из Сицилии в Африку в расчете на союз с ним. Опасаясь, что гибель надежды на союз с иноземцами подорвет дух войска, Сципион спешно отпустил послов и распространил слух, будто Сифак сам вызывает его на союз.

5. Серторий во время боя пронзил кинжалом варвара, донесшего ему о гибели Гиртулея, чтобы он не довел этой вести до сведения других и его воины из-за этого не приуныли.

6. Афинянина Алкивиада теснили в бою абидосцы; вдруг он заметил, что к нему во весь опор скачет мрачный письмоносец; он запретил ему сказать при всех, какую весть он несет. Расспросив его наедине, он узнал, что царский командующий Фарнабаз штурмует его флот; скрыв это и от неприятеля и от своих воинов, он закончил сражение, немедленно повел войско для спасения флота и оказал помощь своим.

7. Когда Ганнибал вступал в Италию, его покинули три тысячи карпетанов. Чтобы и другие не заразились их примером, он объявил, что сам отпустил их, и для большей убедительности отпустил по домам, сверх того, еще нескольких, наименее ценных.

8. Л. Лукулл, заметив, что македонские всадники, бывшие в его вспомогательном войске, по внезапному стовору перебегают к неприятелю, велел трубить к походу и послал турмы в погоню за ними. Неприятель, думая, что начинается сражение, встретил перебежчиков копьями. Македонцы, видя, что, с одной стороны, неприятель их не принимает, а с другой стороны, их теснят те, от кого они дезертировали, по необходимости вовлеклись в настоящее сражение и напали на неприятеля.

9. Датам, предводитель персов, в войне против Автофрадата в Каппадокии узнал, что часть его всадников перебегает к противнику. Он приказал всем остальным отправиться с ним и, нагнав перебежчиков, похвалил их, что они так резво поскакали впереди его, и увещевал их так же храбро напасть на врага. Перебежчики от стыда почувствовали раскаяние и изменили свое намерение, не думая, что оно было разгадано.

10. Консул Т. Квинций Капитолин, когда римляне стали отступать, ложно заявил, будто на другом фланге враги обращены в бегство. Ободрив этим своих, он одержал победу.

11. В бою Гн. Манлия против этрусков был ранен его коллега М. Фабий, командовавший левым флангом, и вследствие этого эта часть стала отступать, думая, что консул даже убит. Манлий бросился к ней навстречу с турмами всадников, крича, что и коллега жив и что он сам на правом фланге одержал победу. Ободрив этой своей решительностью своих воинов, он добился победы.

12. В войне Мария против кимвров и тевтонов межештики как-то по неосторожности отвели для лагеря место так, что вода оказалась во власти варваров. Когда солдаты потребовали воды, он показал пальцем на врага и сказал: «ее надо добыть оттуда». Этим внушением он достиг того, что варвары были окончательно уничтожены.

13. Когда Т. Лабием после Фарсальской битвы и поражения его партии бежал в Диррахий, он перемешал истину и ложь: не скрыв исхода битвы, он выдумал, будто потери обеих сторон сравнялись вследствие тяжелого

ранения Цезаря. Этим вымыслом он внушил бодрость остаткам сторонников Помпея.

14. М. Катон неосторожно пристал с одним суденышком к Амбракии в тот момент, когда этолийцы атаковали союзные корабли. Хотя он не имел при себе никакой охраны, он начал давать сигналы голосом и жестами, как будто он зовет идущие следом свои корабли. Этим он устрасил врагов, считавших, что корабли совсем близко, раз их призывают так, как призывают находящихся совсем поблизости. Чтобы не подвергнуться разгрому с прибытием римского флота, этолийцы прекратили атаку.

! VIII. Как решительностью восстановить боевой порядок

1. Сервий Туллий в юности в битве царя Тарквиния против сабинян вырвал знамя у слишком вяло сражавшихся знаменосцев и бросил его в гущу неприятеля; чтобы вновь им завладеть, римляне стали биться столь яростно, что и знамя возвратили и одержали победу.

2. Консул Фурий Агриппа, когда фланг стал поддаваться, выхватил у знаменосца военное знамя и бросил его к врагам — герникам и эквам. В результате положение было восстановлено: римляне налегли с величайшим пылом, чтобы получить обратно знамя.

3. Консул Т. Квинций Капитолин бросил знамя в ряды врагов-фалисков и велел солдатам вновь добыть его.

4. М. Фурий Камилл, военный трибун с консульской властью, видя, что войско колеблется, схватил знаменосца за руку и потащил его к врагам — вольскам и латинам; прочим стыдно стало не последовать за ним.

[5. То же сделал Сальвий Пелигн в войне с персами.]

6. М. Фурий вышел навстречу повернувшему вспять войску и заявил, что пустит в лагерь только победителей. Вернув солдат в строй, он достиг победы.

7. Сципион у Нуманции, видя, что войско повернуло, объявил, что будет считать личным врагом каждого, кто вернется в лагерь.

8. Диктатор Сервий Приск, отдав приказ легионам напасть на неприятелей-фалисков, велел убить заколебавшегося знаменосца; устрешенные этим примером солдаты атаковали врага.

[9. Так же поступил начальник конницы Косс Корнелий в операции против фиденцев.]

10. Тарквиний в бою против сабинян приказал медлившим всадникам скинуть уздечки и, разгорячив коней, прорвать строй неприятеля.

11. Консул М. Атилий в Самнитской войне выдвинул против солдат, бежавших из строя в лагерь, отряд своих воинов, заявляя, что им придется сражаться со своими и с верными гражданами, если они не предпочтут сражаться с врагами; таким способом он всех вернул в строй.

12. Легионы Л. Суллы стали уже отступать под напором митридатова войска, предводительствуемого Архелаем; тогда Сулла обнажил меч, выбежал вперед на первую линию и, обращаясь к солдатам, сказал, что если кто спросит, где они покинули своего полководца, пусть ответят, что оставили его сражающимся в Беотии; устыдившись, все последовали за ним.

13. Божественный Юлий при Мунде, когда его войско стало отходить, велел увести с глаз его коня и пеший выбежал на первую линию; солдатам стыдно стало покинуть полководца, и они возобновили бой.

14. Филипп, опасаясь, что его воины не выдержат натиска скифов, поместил надежнейших всадников в тылу и предписал им не позволять никому из соратников бежать из строя, а кто будет упорно отходить, тех убивать. Огласив это распоряжение, он достиг того, что даже самые трусливые предпочли пасть от рук врага, чем от рук своих товарищей. Победа была одержана.

О ПОВЕДЕНИИ ПОСЛЕ БОЯ

IX. Как при удачном исходе боя завершить незаконченную военную операцию

1. К. Марий, победив в бою тевтонов, ввиду наступления ночи окружил их остатки; приказав немногим солдатам время от времени поднимать крик, он тревожил врага и не дал ему заснуть. Благодаря этому он на следующий день легче разгромил неотдохнувшего неприятеля.

2. Клавдий Нерон, победив пунийцев под предводительством Газдрубала, которых перехватил при переходе из Испании в Италию, бросил голову Газдрубала в лагерь Ганнибала. В результате Ганнибал был сражен горем (убитый был ему братом), а войско — гибелью надежды на подход подмоги.

3. Л. Сулла показал осаждаемым в Пренесте головы убитых в бою вождей, насаженные на копья, и тем сломил упорство и самоуверенность их.

4. Точно так же Арминий, предводитель германцев, велел насадить на копья и поднести к неприятельскому валу головы убитых им.

5. Домиций Корбулон осаждал Тигранокерту, и казалось, что армяне собираются упорно выдерживать осаду. И вот он казнил Ваданда, одного из захваченных им мегистанов, и голову его пустил из баллисты внутрь неприятельских укреплений. Случайно голова попала в центр собрания, которое как раз происходило у варваров; при виде головы, усматривая в ней как бы предзнаменование, пораженные варвары поспешили сдаться.

6. Сиракузец Гермократ, победив в бою карфагенян, опасался, что пленных, которых он захватил громадное количество, не будут достаточно бдительно охранять, так как исход боя мог создать у победителей желание попировать и беспечное настроение. Он поэтому выдумал, будто в ближайшую ночь подойдет неприятельская конница; вызвав таким образом чувство настороженности, он добился того, что караулы несли с большей бдительностью, чем обычно.

7. Он же после удачной операции, когда его солдаты по этой причине слишком распустились и предались сну и выпивке, послал в неприятельский лагерь перебежчика, чтобы он удержал их от бегства: сиракузцы якобы всюду расставили засады; те, боясь засад, задержались в лагере. На другой день Гермократ поручил их разгром оправившимся солдатам и завершил войну.

8. Мильтиад, разбив огромное множество персов у Маратона, убедил афинян, задержавшихся изъявлениями радости своей, поспешить на помощь городу, куда устремился персидский флот. Когда он забежал вперед и заполнил стены города воинами, персы решили, что афинян — огромное множество, что у Маратона сражались одни солдаты, а стены защищают другие; они поэтому немедленно стянули корабли и направились обратно в Азию.

9. Афинянин Писистрат захватил флот мегарцев, на котором те подплыли ночью к Элевсину, чтобы похитить занятых исполнением мистерий афинянок. Отомстив им жестоким избиением, он посадил на эти самые захваченные суда афинских воинов и поместил на виду несколько почтенных женщин, якобы пленниц. Мегарцы, обманутые видимостью, толпою вышли навстречу, думая, что это их корабли возвращаются, да притом с успехом, и, безоружные, вновь были разгромлены.

10. Кимон, вождь афинян, победив персидский флот при острове Кипре, надел на своих солдат захваченное оружие и поплыл на тех же варварских кораблях в Памфилию к реке Эвримедонту. Персы, признавшие и

корабли и стоявших на них людей по внешнему виду за своих, не приняв никаких мер предосторожности; таким образом, подвергшись неожиданному нападению, они в один день оказались побежденными и в морском и в пехотном сражении.

Х. Как выправить положение, если дело пошло плохо

1. Т. Дидий в Испании провел ожесточеннейшее сражение, которое прервала ночь. С обеих сторон было большое число убитых. Дидий позаботился ночью похоронить многих своих. На другой день испанцы также занялись этим делом. Обнаружив, что на их стороне больше убитых, чем у римлян, они, согласно этому расчету, заключили, что они побеждены, и пошли на условия римского полководца.

2. Римский всадник Т. Марций командовал остатками войска; поблизости были два пунических лагеря на расстоянии нескольких миль один от другого. Подбодрив солдат, Марций глубокой ночью напал на ближайший лагерь, а так как упоенный победой неприятель не готовился к защите, он не оставил даже вестника поражения. Дав солдатам кратчайшую передышку, Марций в ту же ночь, опередив известие о происшедших событиях, напал на другой лагерь. Итак, использовав дважды ту же удачу, уничтожив пунийцев в обоих лагерях, он возвратил римскому народу потерянную Испанию.

ХІ. Как сохранить верность колеблющихся

1. П. Валерий в Эпидавре опасался вероломства горожан, так как не имел достаточно войска. Он поэтому устроил гимнические игры вдали от города. Когда почти весь город вышел туда посмотреть зрелище, он запер ворота и впустил эпидаврян лишь после того, как получил от знати заложников.

2. Гн. Помпей, относясь с подозрением к хавкийцам и опасаясь, что они не примут его гарнизона, попросил у них, чтобы они позволили больным некоторое время у них лечиться. Послав туда под видом больных самых сильных, он занял и удержал город.

3. Александр, после завоевания и усмирения Фракии, направляясь в Азию, опасался, как бы фракийцы после его ухода не взяли за оружие. Он поэтому увел с собой, под видом оказания почести, царей, начальствующих и всех, у кого, повидимому, остались думы об утраченной свободе; над оставшейся чернью он поставил начальниками плебеев. В результате знать, опутанная его милостями, не желала ничего предпринимать, а плебс, лишенный главарей, и не мог бы ничего сделать.

4. Антипатр, увидав войско пелопоннесцев, которые при известии о смерти Александра соединились для свержения его власти, притворился, будто не знает, зачем они явились; он поблагодарил их за то, что они явились на помощь Александру против лакедемонян, и прибавил, что он напишет царю об этом; впрочем, поскольку якобы в настоящее время нет необходимости в их помощи, он убедил их уйти по домам. Таким путем он развеял опасность, нависшую в связи с событиями.

5. К Сципиону Африканскому в Испании среди пленных привели необычайной красоты девицу брачного возраста (к тому же и знатного рода); все взоры обратились на нее. Сципион взял ее под тщательную охрану и передал ее жениху, по имени Алицию, и сверх того дал этому жениху в качестве свадебного подарка золото, которое родственники девицы под-

несли Сципиону в дар как выкуп за пленницу. Победенное этим двойным великодушием, все племя отдалось под власть римского народа.

[6. Об Александре Македонском также рассказывают, что к необычайно красивой пленнице, которая была обручена с вождем соседнего племени, он отнесся с такой сдержанностью и деликатностью, что даже не посмотрел на нее; когда вскоре девица была отослана к жениху, он своим благодеянием привлек к себе все племя.]

7. Император Цезарь Август Германик во время той войны, в которую он за победу над врагами удостоился прозвания Германик, устроив кастеллы в области кубиев, распорядился уплатить по оценке за доходы с земель, которые занял укреплениями. Слава об этой его справедливости укрепила верность всех.

XII. Что надо делать для защиты лагеря, когда нет уверенности в наличных силах

1. Консул Т. Квинций, когда вольски готовились напасть на его лагерь, оставил только одну когорту на страже, а остальное войско отпустил на отдых. Трубачам он приказал сесть на лошадей, ездить вокруг вала и трубить. Этой обманчивой видимостью они держали врага на расстоянии и, кроме того, в течение всей ночи оставляли его в напряжении. На рассвете Квинций внезапно сделал вылазку и легко победил уставшего от бессонницы неприятеля.

2. Кв. Серторий в Испании сильно уступал численностью неприятельской коннице, которая в своей необычайной самоуверенности подступала к самым укреплениям. И вот ночью он вырыл ямы и перед ними выстроил войско. Когда затем конники по обыкновению стали приближаться, он отступил; преследователи попадали в ямы и были таким образом побеждены.

3. Харес, предводитель афинян, ожидая подкрепления, боялся, что тем временем неприятель, учитывая малочисленность его войск в данное время, атакует его лагерь. Тогда он выслал многих из своих ночью в противоположную сторону и приказал им вернуться в лагерь таким путем, чтобы они были особенно хорошо видны неприятелю, и создать видимость подхода новых сил. Так он при помощи мнимого подкрепления создал себе безопасность, пока не прибыла действительная подмога.

4. Афинянин Ификрат стоял лагерем в поле и разведал, что фракийцы собираются явиться ночью с холмов, с которых был только один спуск, чтобы разграбить лагерь. Он тайком вывел войско и распределил его по обеим сторонам дороги, по которой предстояло фракийцам пройти. Когда враги стали сбегать к лагерю, где многочисленные огни, разведенные немногими оставшимися, оставляли впечатление, будто там остается множество людей, он напал на них с фланга и разгромил их.

XIII. О бегстве

1. Галлы перед сражением с Атталом передали все золото и серебро верным хранителям с тем, чтобы в случае поражения они его рассыпали; благодаря этому им было бы легче ускользнуть от неприятеля, занятого подбиранием добычи.

2. Царь Сирий Трифон, потерпев поражение, разбросал по всему пути своего бегства деньги и, задержав всадников Антиоха поисками их, ускользнул.

3. Кв. Серторий, разбитый в сражении Кв. Метеллом Пием и считая, что даже путь к бегству не обеспечен, велел солдатам разойтись по одиночке, указав им место, где собраться.

4. Вириат, вождь лузитанов, ускользнул от наших войск и ушел из неудобной позиции таким же способом, как Серторий, — сначала распутив, затем вновь собрав войско.

5. Гораций Коклес, теснимый войском Порсенны, приказал своим вернуться в город через мост, а чтобы неприятель не последовал за ними, подрубить мост. Пока это происходило, он сам, стоя у входа на мост в качестве его защитника, задерживал наступающих. Услыхав затем грохот обрушившегося моста, он бросился в реку и, отягощенный оружием и ранами, переплыл ее.

6. Афраний в Испании у Илерды, убегая от Цезаря, когда тот настигал его, разбил лагерь. Цезарь сделал то же самое и разослал людей на фуражировку; тогда Афраний неожиданно дал сигнал к выступлению.

7. Антоний отступал от наседавших парфян, и всякий раз, как он на рассвете пытался подвинуться, варвары обрушивали на отходящий отряд град стрел. Тогда он задержал своих до пятого часа, создав впечатление, что остановился совсем. Под этим впечатлением парфяне удалились отсюда, и он в остальную часть дня без помехи прошел по намеченному пути.

8. Филипп, побежденный в Эпире, боясь, чтобы римляне не нажимали на него при отступлении, испросил перемирие для погребения убитых и, когда благодаря этому караулы были ослаблены, ускользнул.

9. П. Клавдий был побежден пунийцами в морском сражении, и ему необходимо было прорваться через вражеское охранение. Тогда он приказал разукусить оставшиеся двадцать кораблей, как победоносные; наведя таким образом страх на пунийцев, решивших, что наши одержали победу, он умудрился уйти.

10. Пунийцы, побежденные на море, старались отогнать наседавших римлян; они притворились, будто их корабли сели на мель, и, ведя себя так, будто прочно застряли, добились того, что победитель, боясь разделить их же участь, оставил им место для бегства.

11. Коммий Атребат, побежденный божественным Юлием, бежав из Галлии в Британию, прибыл к океану, когда ветер был как раз попутный, но начался отлив. Хотя его корабли застряли на обмелевшем берегу, он тем не менее распорядился поднять паруса. Преследовавший его Цезарь издали увидел надутые паруса, полные ветра, и, решив, что враг от него ускользнул по благоприятному курсу, отошел.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Если предыдущие книги соответствовали своему заглавию, и читатели внимательно проследили их до сих пор, я теперь предложу *стратэгмата*, касающиеся осады и обороны городов. Я не стану задерживать внимание каким-либо предисловием и сообщу сначала то, что полезно при осаде городов, затем то, что может быть поучительно для осажденных.

Оставив в стороне орудия и машины, изобретенные давно, так что здесь я не вижу больше материала для проявления ловкости, мы наметили следующие виды *стратэгмата* при осаде:

I. О неожиданном штурме.

II. Как ввести в обман осажденных.

III. Как вызвать предательство.

IV. Средства создать у неприятеля нужду в припасах.

V. Как внушить убеждение, что осада будет длительной.

VI. Как не допустить к неприятелю подмоги.

VII. Как отводить реки и портить воду.

VIII. Как навести страх на осажденных.

IX. Как ворваться с той стороны, откуда вас не ждут.

X. Как заманить осажденных в засаду.

XI. О притворном отступлении.

Напротив, стратегемы, относящиеся к защите осажденных:

XII. Как усилить бдительность своих.

XIII. Как выпустить и принять вестника.

XIV. Как ввести подкрепление и подвезти провиант.

XV. Как создать впечатление обилия того, в чем ощущается недостаток.

XVI. О мерах против изменников и перебежчиков.

XVII. О вылазках.

XVIII. О стойкости осажденных.

I. О неожиданном штурме

1. Консул Т. Квинций, победив в бою эквов и вольсков, решил штурмовать город Антий. Созвав солдат на сходку, он разъяснил, насколько это необходимо и как это легко, если не откладывать. Используя порыв, вызванный его речью, он напал на город.

2. М. Катон в Испании заметил, что может овладеть неким городом, если совершит нападение неожиданно. Итак, совершив в два дня четырехдневный переход по пересеченной и пустынной местности, он разгромил врагов, ничего подобного не ожидавших. Когда победители-соратники спросили его о причинах столь легко достигнутого успеха, он сказал, что они достигли победы тогда, когда четырехдневный путь уложили в два дня.

II. Как ввести в обман осажденных

1. Домиций Кальвин осаждал лигурийский город Луерию, сильный благодаря не только местоположению и укреплениям, но и мужеству защитников. Кальвин начал частый обход со всеми войсками вокруг стен и затем отводил войско обратно в лагерь. Это стало для горожан настолько привычным, что они стали думать, будто римляне проделывают это для упражнения, и потому не принимали мер предосторожности против попыток нападения. И вот, превратив однажды привычную маршировку во внезапную атаку, Кальвин занял стены и принудил горожан к сдаче.

2. Консул К. Дуеллий, время от времени устраивая упражнения солдат и гребцов, добился того, что карфагеняне стали беспечно относиться к обычному безвредному до тех пор маневру; подойдя внезапно с флотом, он занял стены.

3. Ганнибал захватил много городов в Италии тем, что высылал вперед своих переодетых римлянами солдат, владевших также благодаря долгому пребыванию на войне латинским языком.

4. Аркадцы, осаждая мессенскую крепость, изготовили некоторое количество вооружения по образцу вражеского; когда, по данным разведки, к неприятелю должно было прибыть подкрепление, аркадцы, снаряженные, как те, которых ожидали, ввели в заблуждение противника, были впускены, как союзники, и в результате завладели местечком и нанесли большой урон неприятелю.

5. Кимон, предводитель афинян, покушаясь на какой-то город в Кarii, ночью неожиданно поджег находившийся вне городских стен священный для жителей храм Дианы и рощу. Когда горожане выбежали на помощь против пожара, он захватил лишившийся защитников город.

6. Алкивиад, предводитель афинян, осаждал превосходно укрепленный город Агригент. Испросив у агригентцев разрешение выступить на народном собрании, он в театре, где по греческому обычаю было отведено место для

совещания, долго говорил как бы о делах общественных, а пока он под видом совещания задерживал народ, афиняне, специально для этого заранее подготовленные, захватили оставшийся без охраны город.

7. Фиванец Эпаминонд в Аркадии, когда по случаю праздника много неприятельских женщин гуляли за городом, приказал многим своим солдатам переодеться женщинами и вмешаться в их среду; благодаря этому переодеванию их к вечеру впустили в ворота; они захватили город и открыли его для своих.

8. Лакедемонянин Аристипп выбрал праздничный день тегейцев, когда весь народ вышел из города для совершения праздника Минервы, и послал в Тегею вьючный скот, нагруженный набитыми мякиной хлебными тюками; сопровождавшие его солдаты, принятые за купцов и оставшиеся без наблюдения, открыли ворота своим.

9. Антиох в Каппадокии перехватил вьючных животных, вышедших из осажденной крепости Суенда для фуражировки. Перебив сопровождавших их обозников, он передел в их платье своих солдат и подослал их под видом подвозчиков хлеба. Обманув таким образом стражу, они вошли в крепость и впустили воинов Антиоха.

10. Фиванцы никакими силами не могли покорить гавань Сикиона. Они наполнили огромный корабль солдатами, а наверху положили товары, чтобы обманным образом придать ему вид торгового корабля. Затем они поставили несколько человек у той части стены, которая дальше всего отстояла от моря, а несколько человек, высадившись с корабля, притворно затеяв с ними ссору, вступили в драку; когда сикионцы отвлеклись, чтобы разнять дерущихся, фиванские корабли захватили опустевшую гавань и город.

11. Этолиец Тимарх, убив командующего царя Птолемея, Хармада, надел по-македонски хламиду и шапку убитого; принятый поэтому по ошибке за Хармада, он был впущен в Санскую гавань и захватил ее.

III. Как вызвать предательство

1. Консул Папирий Курсор под Тарентом обещал Милону, занимавшему город с гарнизоном эпиротов, безопасность ему самому и его соотечественникам, если он поможет овладеть городом. Сокращенный этой наградой, Милон убедил тарентинцев, чтобы они отправили его послом к консулу. От него он по сговору принес всяческие обещания и тем усыпил бдительность горожан; в результате он передал неохраняемый город Курсору.

2. М. Марцелл, склонив некоего сиракузца Сосистрата к измене, узнал от него, что охрана будет ослаблена в праздничный день, когда Эпикид предполагал выставить много вина и яств. Он подстерг, таким образом, момент веселья и связанной с ним распушенности, поднялся на укрепление и, перебив караулы, открыл для римского войска город, прославленный значительными победами.

3. Тарквиний Гордый, не будучи в силах взять Габии, высек розгами своего сына Секста Тарквиния и послал его к неприятелю. Жалуясь на жестокость отца, тот убедил габинцев, чтобы они использовали его ненависть против царя; избранный в полководцы для ведения войны, он предал Габию отцу.

4. Персидский царь Кир умышленно изувечил лицо приближенного своего Зопира, в верности которого он был убежден, и отослал его к неприятелю. Зопира сочли злейшим врагом Кира, что подтверждалось нанесенным ему увечьем, и это убеждение он еще подкреплял тем, что в боях выбегал поближе вперед и направлял свои дротики против Кира; в результате он сдал Киру порученный ему город Вавилон.

5. Филипп, отбитый от города Сания, подкупил начальствующего их Аполлодора и уговорил его поместить у самого входа в ворота телегу, нагруженную каменной глыбой; затем он немедленно дал сигнал к наступлению и, так как горожане пришли в смятение из-за заграждения у ворот, подавил их.

6. Ганнибал под Тарентом, который был занят римским гарнизоном под начальством Ливия, подбил на измену некоего тарентинца Кононея и надумил его на такой обман: ночью он должен выходить из города под предлогом охоты, так как днем якобы нельзя было из-за неприятеля. Когда он выходил, неприятели сами доставляли кабанов, которых он подносил Ливию в качестве якобы своей добычи. Когда это повторялось довольно часто и потому стало привлекать мало внимания, Ганнибал однажды ночью присоединил к его спутникам переодетых охотниками пунийцев. Когда караульные пропустили их, нагруженных охотничьей добычей, они немедленно напали и убили их. Затем они взломали ворота и впустили Ганнибала с войском. Ганнибал перебил всех римлян, за исключением тех, которые укрылись в замке.

7. Лизимах, царь македонский, осаждал Эфес, которому оказывал помощь архипират Мандрон, часто приводивший в Эфес корабли, нагруженные добычей. Подбив Мандрона на измену, Лизимах дал ему храбрейших из македонцев, которых тот ввел в Эфес под видом пленных со связанными руками. Позднее, захватив в крепости оружие, они передали город Лизимаху.

IV. Средства создать у неприятеля нужду в припасах

1. Фабий Максим, опустошив поля кампанцев, чтобы окончательно лишить их твердости для выдерживания осады, отошел на время посева, так что они затратили остаток зерна на сев; затем, вернувшись, он истоптал всходы и, доведя город до голода, овладел им.

[2. Так же поступил Антигон против афинян.]

3. Дионисий, завоевав много городов, хотел напасть на Региум, изобильно снабженный. Он для видимости заключил мир и попросил, чтобы город доставил провиант его войску. Добившись этого и исчерпав хлебные запасы города, он напал на город, оставшийся без продовольствия, и победил его.

[4. Таким же образом он, говорят, поступил и с Гимерой.]

5. Александр, собираясь штурмовать Левкадию, имевшую провиант в изобилии, захватил сначала близлежащие крепостцы и дал возможность всем оттуда бежать в Левкадию, чтобы продовольствие, распределяемое среди большего числа людей, скорее было израсходовано.

6. Фаларид Агригентский, осаждая некоторые местечки в Сицилии, защищенные укреплениями, заключил для видимости союз с ними и сложил у них излишек, как он говорил, своего зерна. Затем он принял меры, чтобы склады, куда свозили зерно, были повреждены и стали протекать. Полагаясь на сложенный на складах провиант, они растранижили собственную пшеницу; напав на них в начале лета, Фаларид голодом принудил их к сдаче.

V. Как внушить убеждение, что осада будет длительной

1. Лакедемонянин Клеарх разведal, что фракийцы снесли в горы все продовольствие и держатся лишь одной надеждой, что недостаток провианта заставит его отступить. И вот к тому времени, когда, по его расче-

там, должны были явиться их послы, он приказал на виду у всех убить одного из пленных и раздать по палаткам кусочки его тела как бы для еды. Фракийцы, считая, что человек, способный испробовать столь отвратительную пищу, в своем упорстве на все готов, сдались.

2. Когда лузитане заявили Тиб. Гракху, что у них продовольствия на десять лет и потому они не боятся осады, Гракх сказал: «Значит, я вас покорю в одиннадцатом году». Устрашенные таким заявлением, лузитане, хотя были снабжены провиантом, тотчас сдались.

3. Когда А. Торквату, осаждавшему город, сказали, что молодежь там старательно упражняется в метании дротиков и стрел, он ответил: «Я, значит, вскоре продам их дороже».

VI. Как не допустить к неприятелю подмоги

* 1. Расчет диктовал Сципиону, после возвращения Ганнибала в Африку, необходимость покорить ряд городов, занятых сильными гарнизонами противной стороны. Он стал время от времени подсылать какой-нибудь отряд для нападения; напоследок он являлся сам, как бы для разграбления, но, притворившись, что испугался, отходил назад. Ганнибал решил, что Сципион на самом деле напуган. Стянув отовсюду гарнизоны, он пустился преследовать его, как бы собираясь дать генеральное сражение. Сципион таким путем добился цели: города лишились защитников, и он через Масинису и нумидийцев захватил их.

2. П. Корнелий Сципион, убедившись в трудности взять штурмом Делмин, защищаемый собравшимися отовсюду силами, начал нападать на другие города; отвлекши силы для защиты этих городов, он захватил лишившийся войска Делмин.

3. Пирр, царь Эпира, в войне против иллирийцев, хотел взять город, бывший столицей этого племени; отчаявшись в этом предприятии, он начал нападать на другие города. В результате враги, спокойные за свой город, как достаточно укрепленный, разбились для охраны других. Отвлекши их таким способом, Пирр вновь напал со всеми войсками и захватил лишившийся защитников город.

4. Консул Корнелий Руфин в течение некоторого времени безуспешно осаждал город Кротон, который был неуязвим благодаря принятому в город луканскому войску. Тогда Руфин сделал вид, будто отказался от своего начинания. Затем он прельстил большой наградой пленника и послал его в Кротон, чтобы тот, заявив, будто бежал из-под стражи, убедил кротонцев, что римляне ушли. Поверив этому, кротонцы отослали вспомогательные войска. Лишившись защитников, обессиленный город был внезапным штурмом взят.

5. Карфагенский полководец Магон победил Гн. Пизона и осадил его в какой-то башне. Подозревая, что к нему придут на выручку, он послал перебежчика убедить приближавшихся на помощь, что Пизон уже пленен. Отпугнув их таким образом, он завершил победу.

6. Алкивиад в Сицилии, желая захватить Сиракузы, послал из Катании, где он тогда стоял с войском, в Сиракузы некоего человека испытанной ловкости. Когда его ввели в народное собрание, он стал убеждать сиракузцев, что катанийцы настроены в высшей степени враждебно к афинянам, и если Сиракузы окажут им помощь, они раздавят их вместе с Алкивиадом. Поддавшись этим убеждениям, сиракузцы, оставив собственный город, выступили со всеми силами, чтобы напасть на Катанию; напав с тыла на оставшиеся без защиты, как он и надеялся, Сиракузы, Алкивиад взял город.

7. Афинянин Клеоним, приступив к Трезенам, которые тогда защищало войско Кратера, пустил за стены города копья, на которых было написано, что он явился для освобождения их республики. Одновременно он отослал нескольких пленных, которых привлек на свою сторону, чтобы они отстранили Кратера. Возбудив этой уловкой у осажденных внутреннюю борьбу, он пододвинул войско и овладел городом.

VII. Как отводить реки и портить воду

1. П. Сервилий отвел реку, из которой брал воду город Исавра, и жаждой принудил неприятеля сдаться.

2. К. Цезарь вызвал недостаток воды в городе кадурков, окруженном рекой и изобиловавшим источниками, тем, что источники отвел посредством подземных каналов, а к пользованию речной водой не допускал, обстреливая реку.

3. Л. Метелл в Ближней Испании направил сверху реку в лагерь неприятеля, расположенный в низине; когда у неприятелей началось смещение от неожиданного наводнения, он перебил их через специально для этого случая расположенных в засаде людей.

4. Александр под Вавилоном, который разделяется рекой Евфратом на две части, прорыл ров и рядом возвел вал; неприятель понял это так, что земля выкапывается ради вала, а он неожиданно отвел реку и вступил в город по осушенному старому руслу, предоставившему свободный проход.

[5. То же самое, говорят, проделала против вавилонян Семирамида, отклонив течение Евфрата.]

6. Клисфен Сикионский прорвал водопровод, ведущий в Крисы; когда вскоре жители стали страдать от жажды, он вернул им воду, испортив ее чемерицей: когда они, пользуясь ею, ослабели от поноса, он их покорил.

VIII. Как навести страх на осажденных

1. Филипп никакими силами не мог взять крепостцу Принасс. Тогда он под самыми стенами раскопал землю, делая вид, что строит подкоп; защитники подумали, что под них подкопались, и сдались.

2. Фиванец Пелопид собирался захватить два города магнетов, находившиеся на небольшом расстоянии друг от друга. Когда он подводил войско к одному из них, он распорядился, чтобы от другого лагеря по уговору примчались с бросающейся в глаза резвостью четыре всадника в венках, как бы вестники победы; чтобы подкрепить обман, он велел поджечь находившийся между городами лес, чтобы получилось впечатление горящего города; кроме того, он велел провести туда же некоторое число людей под видом пленных. Осажденные были уstraшены этой видимостью и, считая, что отчасти они уже побеждены, прекратили сопротивление.

3. Персидский царь Кир запер Креза в Сардах. В том месте, где очень крутая гора была совершенно неприступна, он воздвиг у стен мачты, высотою доходившие до вершины горы, поставил на них чучела в персидском вооружении и ночью пододвинул их к горе. Затем он на рассвете подступил к стенам с другой стороны. Когда восходящее солнце осветило чучела, походившие на вооруженных людей, горожане, решив, что город взят с тыла, в беспорядке обратились в бегство и дали врагам победу.

IX. Как ворваться с той стороны, откуда вас не ждут

1. Сципион под Карфагеном подошел к стенам города перед самым отливом, следуя, как он говорил, руководству бога, и, когда отхлынули воды прилива, ворвался в город с той стороны, откуда его не ждали.

2. Фабий Максим, сын Кунктатора, под Арпами, занятыми гарнизоном Ганнибала, приняв в соображение местоположение города, послал темной ночью шестьсот солдат, чтобы они поднялись при помощи лестниц на стены в наиболее укрепленной и потому имевшей меньше людей части города и вырвали ворота. Те выполнили приказ; этому благоприятствовал рокот падающей воды, заглушавшей шум производимой работы. Сам он по сигналу напал с другой стороны и взял Арпы.

3. К. Марий в Югуртинской войне осаждал у реки Мулухи крепость, расположенную на скалистой горе; доступ в крепость был возможен только по одной узкой тропинке, а вся остальная часть была, как по заказу, обрывистой. Но вот он узнал через некоего лигурийца, рядового солдата из вспомогательных войск, который, отправившись как-то за водой и собирая между скал на горе улиток, добрался до вершины, что можно проникнуть в крепость. Он послал нескольких центурионов с наиболее ловкими солдатами, к которым он придал также наилучших трубачей; они пошли все босые и с обнаженной головой, чтобы им удобнее было осматриваться и упираться в камни, щиты и мечи они приладили к спине. Под водительством лигурийца, помогая себе ремнями и железными шипами, на которые они опирались при подъеме, они добрались до задней, не имевшей защитников части крепости и, согласно предписанию, начали трубить и шуметь. В этот момент Марий настойчиво призвал солдат яростнее насесть на защитников крепости, которых отзывала масса невооруженного населения, так как она якобы подверглась нападению с тыла; ринувшись на них, Марий взял крепость.

4. Консул Л. Корнелий Руфин захватил много городов Сардинии тем, что ночью высадил сильнейшие части и приказал им спрятаться и выжидать, пока он сам не пристанет с кораблями. Затем, когда неприятель вышел ему навстречу, он притворным бегством завлек его для преследования далеко, а те тем временем совершили нападение на покинутые города.

5. Перикл, вождь афинян, осаждал город, сильный благодаря сплоченному единству защитников. Ночью он распорядился протрубить сигнал и поднять боевой клич с той стороны стен, которая прилежала к морю. Враги, решив, что он проник с той стороны в город, оставили ворота, через которые он и ворвался, так как они были лишены охраны.

6. Алкивиад, афинский предводитель, ночью неожиданно подошел к Кизику для штурма, а трубачам велел трубить у другой части стен. Защитников могло хватить для обороны всех стен, но все сбегались на тот единственный участок, откуда, как они думали, готовился прорыв, и Алкивиад одолел стены в том месте, где не было оказано сопротивления.

7. Фразибул, милетский полководец, желая захватить гавань Сикиона, раз за разом нападал на город с суши; когда неприятель направился туда, куда его заманивали, неожиданно для него флот Фразибула захватил гавань.

8. Филипп при осаде некоего приморского города соединил вне поля зрения по два корабля настилом и построил на них башни. Затем он напал с других башен с суши; отвлекши защитников города, он причалил с моря с кораблями, снабженными башнями, и подступил к стенам там, где не было обороны.

9. Перикл, намереваясь штурмовать пелопоннесскую крепость, к которой было всего два подступа, перерезал один из них рвом, а другой начал укреплять. Защитники крепости, успокоившись насчет одной стороны, стали сторожить только ту, где на их глазах возводились укрепления. Перикл, заранее заготовив мостки и перебросив их через ров, подступил к крепости с той стороны, которая не охранялась.

10. Антиох в войне против Эфеса приказал родосцам, находившимся в его войске, напасть ночью с большим шумом на гавань. Когда вся масса толпой устремилась сюда и прочие укрепления остались без защитников, он сам подступил с другой стороны и взял город.

Х. Как заманить осажденных в засаду

1. Катон на виду у осажденных лацетанов отодвинул свои войска и приказал лишь немногим, самым невоинственным суессетанам из вспомогательных отрядов напасть на стены. Лацетаны, совершив вылазку, легко их отогнали и стали пылко преследовать бегущих. Тогда поднялись скрытые ранее войска, и Катон взял город.

2. Л. Сципион в Сардинии, чтобы выманить защитников некоего города, прекратил начатую было атаку и с частью солдат отступил для вида. Тогда горожане необдуманно стали их преследовать. Сципион обрушился на город с теми силами, которые он укрыл поблизости.

3. Ганнибал, осаждая город Гимеру, умышленно дал взять свой лагерь, приказав пунийцам отступить якобы перед превосходящими силами противника. Гимерцы, обманутые этой удачей, на радостях покинули город и бросились к пуническому валу. Ганнибал выпустил специально на этот случай оставленное в засаде войско и захватил беззащитный город.

4. В другой раз, чтобы выманить сагунтинцев, он стал подступать к стенам редким строем и при первой вылазке горожан притворно бежал; двинув затем войско и отрезав неприятеля от города, он с двух сторон изрубил его.

5. Карфагенянин Гимилькон под Агригентом поставил часть войск в засаде возле города и приказал им, когда горожане выступают, зажечь сырое дерево. Затем, выступив на рассвете с остальной частью войска, чтобы выманить врага, он симулировал бегство и, отступая, завлек преследовавших горожан подальше. Стоявшие в засаде возле стен подожгли кучи дров. Увидав поднявшийся дым, агригентцы решили, что подожжен город, и в страхе бросились назад защищать город; здесь навстречу им появились стоявшие в засаде близ стен, а с тыла стали теснить их те, кого они раньше преследовали; попав между двух огней, они были перебиты.

6. Вирнат, расположив солдат в засаде, послал несколько человек, чтобы они угнали скот сегобригийцев; последние выбежали в большом числе, чтобы отбить скот, и стали преследовать грабителей, обратившихся для виду в бегство; завлеченные в засаду, они были перебиты.

7. Когда в Гераклее во главе гарнизона двух частей был поставлен Лукулл, всадники-скордиски, делая вид, что собираются угнать скот, спровоцировали вылазку; затем, симулируя бегство, они завлекли преследовавшего их Лукулла в засаду и убили восемьсот солдат вместе с ним самим.

8. Харес, афинский полководец, собираясь напасть на прибрежный город, поместил флот скрытно за некоторыми мысами, а самому быстроходному судну велел плыть мимо неприятельской стоянки. Завидев судно, все корабли, охранявшие гавань, погнались за ним. Харес въехал с остальным флотом в оставшуюся без защиты гавань и захватил город.

9. Барка, полководец пунийцев, когда наши осаждали с моря и с суши Лилибей в Сицилии, показал издали часть своего военного флота; когда при виде его наши выплыли, он с остальными кораблями, скрытыми ранее, занял гавань Лилибея.

XI. О притворном отступлении

1. Когда Формион, афинский полководец, опустошил поля халкидян, он жаловавшимся на это послам дал благосклонный ответ и в ту ночь, когда предполагал отослать послов, выдумал, будто получил от своих сограждан письмо, из-за которого ему необходимо вернуться. Пройдя некоторое расстояние вспять, он отослал послов. Когда они донесли, что все спокойно и что Формион ушел, халкидяне, окрыленные проявленной к ним гуманностью и отводом войска, ослабили охрану города, и, когда вслед за этим Формион возвратился, они не могли отразить нападения, которого не ждали.

2. Агесилай, лакедемонский полководец, осаждал Фокею. Установив, что те, кто служил в охране города, уже тяготятся трудностями войны, он несколько отошел якобы для других операций и дал охране города возможность свободно уйти; немного спустя он вновь привел войско и победил фокейцев, покинутых защитниками.

3. Алкивиад устроил засаду против византийцев, укрывавшихся за стенами, и, симулировав отступление, разгромил переставших остерегаться неприятеля.

4. Вириат, отступая, совершил трехдневный переход, затем, совершив этот переход обратно в один день, разгромил сегабригийцев, беспечно занявшихся в тот день больше всего жертвоприношением.

5. Эпаминонд у Мантинеи, узнав, что к неприятелю на помощь пришли лакедемоняне, решил, что может захватить Лакедемон, если выступит туда тайно; ночью он велел развести много огней, чтобы видимостью пребывания на месте скрыть свое выступление. Но его выдал перебежчик, и лакедемонское войско подоспело. Тогда он отказался от задуманного похода на Спарту, но обратил тот же план против Мантинеи; таким же образом, разведши огни, он обманул лакедемонян, будто остается, и, совершив сорокамильный переход, вернулся к Мантинее и занял ее, поскольку она оказалась лишенной поддержки.

СТРАТЕГЕМЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ, НАПРОТИВ, К ЗАЩИТЕ ОСАЖДЕННЫХ

XII. Как усилить бдительность своих

1. Алкивиад, афинский полководец, во время осады Афин лакедемонянами, опасаясь небрежности стражи, заявил стоявшим в карауле, чтобы они высматривали огонь, который он ночью покажет из Акрополя; увидев его, они, в свою очередь, должны зажечь свет; кто при этом замешкается, понесет наказание. В напряженном ожидании сигнала предводителя все бодрствовали всю ночь, и опасность, которую таила в себе ночь, была избегнута.

2. Ификрат, афинский полководец, стоял с гарнизоном в Коринфе. Перед подходом неприятеля, обходя лично караулы, он пронзил копьем часового, которого застал спящим. Когда кое-кто стал порицать жестокость этого поступка, он сказал: «Каким я его застал, таким и оставил».

[3. Так же, говорят, поступил фиванец Эпаминонд.]

XIII. Как выпустить и принять вестника

1. Римляне, осажденные в Капитолии, послали к Камиллу с мольбой о помощи Понтия Коминия. Чтобы ускользнуть от галльских постов, он спустился с Тарпейской скалы, переплыл Тибр и прибыл в Вейи. Выполнив поручение, он тем же путем вернулся к своим.

2. Кампанцы ввиду того, что осаждавшие их римляне держали строгие караулы, направили человека под видом перебежчика к неприятелю.

Письмо было запрятано у него в пояс. Улучив случай, он бежал и доставил письмо пунийцам.

[3. Некоторые также зашивали порученное письмо в кожу охотничьей добычи и скота.

4. Иные затыкали письма в заднюю часть вьючного животного, покашли мимо поста.

5. Некоторые записывали поручение на внутренней части влагиалища.]

6. Л. Лукулл желал дать знать в Кизик, осажденный Митридатом, о своем прибытии; единственный вход в город — узкий и соединявший остров с континентом небольшой мост был занят вражескими охранениями. Тогда он приказал одному из своих людей, опытному пловцу и мореходу, зашить письма в два надутых меха, соединенных внизу двумя планками на некотором расстоянии одна от другой, и проделать на них переход в семь миль. Рядовой умело выполнил распоряжение: раздвинув ноги, как рулевые весла, он направлял свой курс, а стоявшие на посту, глядя на него издали, приняли его за морское животное.

7. Консул Гирций неоднократно посылал Дециму Бруту, осажденному Антонием в Мутине, письма, написанные на свинце. Солдаты привязывали их к руке и переплывали реку Скултенну.

8. Он же привязывал письма щетиной к шее голубей, которых предварительно держал взаперти и доводил до изнеможения мраком и голодом, а затем выпускал возможно ближе к городским стенам. В жажде света и пищи голуби направлялись к высочайшим зданиям, и Брут их вылавливал. Таким путем он получал сведения обо всем, особенно когда он, насыпав в определенных местах корм, приучил голубей садиться там.

XIV. Как ввести подкрепление и подвезти провиант

1. Во время гражданской войны, когда в Испании город Атегуа помпеянской партии подвергся осаде, ночью мавр под видом цезарианца, состоящего для поручений при трибуне, снял нескольких часовых; получив от них тессеру, он стал снимать других постовых и благодаря своему упорному обману провел помпеянский гарнизон через самую гущу войск Цезаря.

2. Когда Ганнибал осаждал Казилин, римляне спускали по течению Волтурна муку в бочках, чтобы осажденные ее вылавливали. Ганнибал помешал этому, протянув цепь поперек реки; тогда они пустили орехи; течение подносило их к городу, и таким образом они облегчили нужду союзников в провианте.

3. Мутинцам, осажденным Антонием, Гирций доставил по реке Скултенне соль, в которой они особенно нуждались, упакованную в бочки.

4. Он же пустил скот по течению; перехваченный осажденными, он облегчил нужду в самом необходимом.

XV. Как создать впечатление обилия того, в чем ощущается недостаток

1. Когда галлы осаждали Капитолий, римляне, дойдя до крайней степени голода, стали бросать хлеб в неприятеля; создав таким образом видимость обилия продовольствия, они выдержали осаду, пока не подоспел Камилл.

[2. Афиняне, говорят, так же поступили в войне против лакедемонян.]

3. Осажденные Ганнибалом в Казилине дошли, казалось, до крайнего голода, так как Ганнибал отнял у них даже возможность питаться травой,

распахав пространство между лагерем и городом. Тогда они бросили семена в подготовленный участок и тем самым создали впечатление, что у них есть чем поддерживать существование, пока созреет посев.

4. Остатки разгромленного войска Вара подверглись осаде и, повидимому, испытывали недостаток в хлебе. И вот они всю ночь водили пленных вокруг амбаров, затем отпустили их, обрубив им кисти рук. Пленные убедили осаждающих, чтобы они не связывали своих надежд на скорую победу с голодовкой римлян, так как у них еще большое количество припасов.

5. Фракийцы, осажденные на крутой горе, куда доступа врагам не было, снесли каждый по небольшому количеству пшеницы, накормили ею нескольких овец и погнали к неприятельским позициям. Враги поймали и убили их и, обнаружив у них во внутренностях остатки хлеба, подумали, что у фракийцев остается еще очень много пшеницы, раз они скармливают ее даже скоту; они поэтому сняли осаду.

6. Когда солдаты Фрасибула, полководца милетцев, страдали от длительной осады их Галиаттом, надеявшимся принудить их к сдаче голодом, Фрасибул к моменту прибытия послов Галиатта велел свезти весь хлеб на форум и, назначив на это время обед, представил весь город пирующим. Этим он внушил неприятелю убеждение, будто у него есть запасы, чтобы выдержать длительную осаду.

XVI. О мерах против изменников и перебежчиков

1. Клавдий Марцелл узнал о плане ноланца Л. Бантия, который старался склонить своих земляков к измене и был предан Ганнибалу за то, что по его милости, будучи ранен при Каннах, был излечен, а затем отпущен из плена. Однако Марцелл не решился его убить, чтобы его казнь не вызвать раздражения у остальных ноланцев. И вот он вызвал его к себе и заговорил с ним; он сказал, что он — храбрейший солдат, чего он раньше не знал, уговаривал его остаться при нем и, помимо словесных похвал, подарил ему также коня. Такой благосклонностью Марцелл не только завоевал его преданность, но привязал к себе также и его земляков, чья верность зависела от него.

2. Когда у Гамилькара, пунического полководца, галлы из вспомогательных отрядов стали часто переходить к римлянам и уже вошло в обычай, что римляне принимали их как союзников, Гамилькар подготовил самых преданных галлов притвориться перебежчиками; когда римляне вышли вперед, чтобы принять их, они их перебили. Эта хитрость оказалась полезной Гамилькару не только в данное, но и на будущее время и привела к тому, что римляне стали относиться с подозрением и к действительным перебежчикам.

3. Карфагенский полководец Ганнон в Сицилии узнал, что около четырех тысяч галльских наемников сговорились перебежать к римлянам, так как они несколько месяцев не получали жалования. Наказать их он не решился, боясь мятежа. Он поэтому обещал щедро вознаградить их за просрочку. Когда галлы благодарили его за это, он обещал им в подходящий момент предоставить возможность пограбить. Вместе с тем он направил преданнейшего казначея к консулу Отацилию; выдав себя за перебежчика по вымышленным мотивам, он донес, что в ближайшую ночь четыре тысячи галлов будут высланы для грабежа и их можно будет перехватить. Отаций, с одной стороны, не сразу поверил перебежчику, однако, с другой стороны, не считал возможным оставить такое дело без внимания. Он расположил в засаде отборнейший отряд. Галлы были перехва-

чены, и Ганнону от этой хитрости была двойная польза: галлы нанесли римлянам урон и сами все были перебиты.

4. Таким же способом Ганнибал отомстил перебежчикам. Зная, что некоторые из солдат прошлой ночью перешли к неприятелю, и уверенный, что в его лагере находятся вражеские лазутчики, он громогласно заявил, что не следует называть перебежчиками отважнейших воинов, ушедших по его собственному приказу, чтобы выведать планы неприятеля. Услыхав это заявление, лазутчики донесли об этом своим. Тогда римляне схватили перебежчиков, отрубили им руки и отпустили.

5. У Диодота, защищавшего с отрядом Амфиполь, явилось подозрение, что две тысячи фракийцев собираются, повидимому, пограбить город. Он выдумал, будто к ближайшему берегу пристало несколько неприятельских кораблей, которые можно разграбить. Подстрекнув фракийцев этой надеждой, он выпустил их, затем запер ворота и не впустил их обратно.

XVII. О вылазках

1. Римляне, защищавшие Панорм, когда Газдрубал начал осаду, нарочно поставили на стенах мало защитников. Когда, учитывая их малочисленность, Газдрубал неосторожно подступил к стенам, римляне совершили вылазку и разбили его.

2. Эмилий Павел, когда все лигуры неожиданно напали на его лагерь, притворился напуганным и долго держал солдат на месте; затем, когда неприятель уже устал, он совершил вылазку из четырех ворот, разбил и захватил в плен лигуров.

3. Римский военачальник Ливий, занимавший крепость Тарента, послал к Газдрубалу послов, чтобы тот позволил ему уйти невредимым; внушив этим притворным предложением неприятелю настроение беспечности, он совершил вылазку и разгромил его.

4. Гн. Помпей, осажденный у Дирахия, совершив вылазку в удачном месте и в удачное время, не только вызволил своих, но и окружил кольцом Цезаря, яростно пробивавшегося к крепости, снабженной двойным укреплением. Оказавшись между осажденными и теми, что появились кругом вне стен, Цезарь подвергся немалой опасности и понес чувствительный урон.

5. Флавий Фимбрия в войне против сына Митридата у Риндака в Азии насыпал с фланга валы, затем перед фронтом вырыл ров и держал солдат спокойно на валу до тех пор, пока неприятельская конница не вступила в узкий проход между укреплениями. Тогда он совершил вылазку и перебил шесть тысяч человек.

6. К. Цезарь в Галлии, когда Амбиориг уничтожил войска легатов Титурия Сабина и Котты, получил сообщение от Кв. Цицерона, который тоже находился в осаде, и стал подходить с двумя легионами. Когда враги обрушились на него, он, притворившись напуганным, держал солдат в лагере, нарочно устроенном теснее обычного. Галлы, предвкушая уже победу, устремились к лагерю, как на готовую добычу, заполнили рвы и стали растаскивать вал; когда таким образом галлы оказались не в боевом порядке, Цезарь внезапно со всех сторон двинул войско и порубил их.

7. Титурий Сабин, имея противником большое войско галлов, держал свое войско за укреплениями и тем внушил противнику подозрение, что он боится; для усиления этого впечатления он направил перебежчика, утверждавшего, что римляне в отчаянии и помышляют о бегстве. Варвары, подстрекаемые представившейся надеждой на победу, нагрузились бревнами и ветвями, чтобы засыпать рвы, и толпою бегом устремились к нашему

лагерю, расположенному на холме. Титурий сверху пустил на них все свои силы и, перебив многих галлов, очень многих заставил сдаться.

8. Аскуланцы, когда Помпей собирался штурмовать город, показали на стенах небольшое число стариков и больных, и когда вследствие этого римляне стали беспечны, они совершили вылазку и обратили их в бегство.

9. Осажденные нумантинцы не выстраивались в боевой порядок даже перед валом и так упорно отсиживались, что у Попилия Лената возникла решимость штурмовать город при помощи лестниц. Затем он заподозрил засаду, ибо даже и тут не было оказано сопротивления, и отозвал своих; нумантинцы совершили вылазку и напали на врагов, когда они были обращены к ним спиной и спускались.

XVIII. О стойкости осажденных

1. Римляне, чтобы продемонстрировать уверенность в себе, когда Ганнибал стоял у стен города, направили через противоположные ворота пополнение войскам, находившимся в Испании.

2. Они же, когда случайно умер владелец поля, на котором находился лагерь Ганнибала, пустили это поле в продажу по той же цене, по какой оно шло до войны.

3. Они же, когда Ганнибал их осаждал, а они осаждали в свою очередь Капую, вынесли решение, чтобы не отзывать войска из Капуи, пока она не будет взята.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Я собрал при чтении многих книг стратегемы и с немалым тщанием распределил их, чтобы выполнить обещание насчет трех книг, если считать его выполненным. В настоящей книге я представляю то, что, казалось, не укладывается в план прежних книг, где материал распределен по видам, и что является скорее примерами стратегии, чем стратегем. Я поэтому выделил все эти примеры, которые хотя ясны, но по существу разнородные, чтобы читатель, натолкнувшись где-нибудь на них и пораженный их сходством с прежним материалом, не подумал, что я их упустил. Конечно, пришлось подать это как остаток (смесь); но и здесь я попытаюсь сохранять порядок, распределяя материал по видам:

- I. О дисциплине.
- II. О результатах дисциплины.
- III. О воздержности.
- IV. О справедливости.
- V. О стойкости.
- VI. О доброжелательстве и умеренности.
- VII. Разное.

I. О дисциплине

1. Сципион под Нуманцией выправил войско, развращенное из-за попустительства старших командиров, тем, что отослал огромное количество маркитантов и ежедневными упражнениями втянул солдат в службу. Заставляя их часто совершать походы, он приказывал им нести на себе провизию на несколько дней; солдаты приучались терпеть и холод и дожди, переходить пешком вброд реки, причем главнокомандующий все время пробирал трусливых и вялых, разбивал посуду, предназначенную для тонких блюд и не необходимую в походе. Особенно замечателен случай

с трибуном К. Меммием, которому, говорят, Сципион заявил: «Для меня ты негоден временно, для себя и государства — всегда».

2. Точно так же Кв. Метелл в Югуртинскую войну такой же строгостью восстановил упавшую дисциплину среди солдат, запретив сверх того солдатам употреблять в пищу мясо, кроме насухо жареного или вареного.

3. Пирр, говорят, сказал лицу, набравшему для него солдат: «Ты выбирай рослых, а я их сделаю храбрыми».

4. В консульство Л. Павла и К. Варрона солдаты впервые обязались клятвой; до того трибуны только приводили их к присяге; затем они сами между собою давали клятву не отступать, не бежать из страха и выходить из строя только для того, чтобы достать оружие, поразить врага или спасти граждан.

5. Сципион Африканский, увидев у кого-то слишком изящно украшенный щит, сказал, что не удивляется, что тот столь тщательно его украсил — очевидно, он полагается больше на щит, чем на меч.

6. Филипп, организуя первое войско, всем запретил пользоваться повозками, всадникам разрешил иметь не больше, чем по одному обознику, а пехотинцам — по одному на десять человек для переноски жерновов и канатов. Выступающим в поход он приказывал нести на спине тридцатидневный запас муки.

7. К. Марий, чтобы сократить обоз, который больше всего обременяет войско, упаковал посуду и продовольствие солдат в тючки, прикрепив их к палке с развилою; так было удобно и нести ношу, и отдыхать. Отсюда возникла поговорка: «марианские мулы».

8. Афинянин Теаген, ведя войско в Мегару, на вопрос, как построиться, ответил, что укажет на месте. Затем он тайком выслал вперед всадников и велел им под видом неприятеля оборотиться против своих и совершить на них нападение. Когда в результате оставшиеся при нем солдаты стали готовиться к встрече с мнимым врагом, он разрешил построиться так, чтоб всякий встал, где ему будет угодно. Наиболее инертные подались назад, наиболее отважные выскочили вперед. И вот, как он кого застал, в таком порядке он их и построил.

9. Лакедемонянин Лисандр делал выговор некоему солдату, сошедшему с пути. Когда тот сказал, что отошел от отряда без цели что-нибудь похитить, Лисандр ответил: «Я хочу, чтобы ты даже не походил на пытающегося пограбить».

10. Антигон, услышав, что сын его заехал в дом старухи, у которой были три дочери-красавицы, сказал: «Я слышал, сын мой, что ты живешь в тесноте, в доме, где несколько хозяев; заведи себе квартиру попросторнее». Приказав ему выехать, он издал распоряжение, чтобы никто моложе пятидесяти лет не пользовался гостеприимством матери семьи.

11. Консул Кв. Метелл, хотя закон не запрещал жить постоянно вместе с сыном, предпочел, однако, чтобы сын служил в строю.

12. Консул П. Рутилий, хотя по закону имел право держать сына при себе, сделал его солдатом-легионером.

13. М. Скавр запретил сыну показываться ему на глаза за то, что тот в тридентском лесу отступил перед неприятелем. Юноша, подавленный позором, лишил себя жизни.

14. В древности римляне и прочие племена всюду устраивали лагери по когортам в виде как бы отдельных хижин, так как в древности знали стены только для городов. Пирр, царь Эпира, первый ввел обычай охватывать все войско одним валом. Затем римляне, победив Пирра на Арузинских полях у Малевента, завладев его лагерем и ознакомившись с его расположением, понемногу перешли к той планировке, которая существует и доныне.

15. П. Назика находился на зимних квартирах. Хотя не было надобности во флоте, однако он, чтобы солдаты не разложились от безделья или, распустившись на покое, не нанесли обиды союзникам, начал строить корабли.

16. М. Катон сообщает, что уличенным в краже среди сотоварищей отрубали кисть правой руки, а если желали подвергнуть их более легкому наказанию, им пускали кровь перед строем.

17. Клеарх, лакедемонский полководец, говорил, что надо бояться больше главнокомандующего, чем неприятеля, желая этим сказать, что кто побоится риска смерти в бою, тех ждет верная казнь, если они побегут.

18. По предложению Аппия Клавдия, сенат разжаловал тех, кто был взят в плен эпирским царем Пирром: всадников — в пехотинцы, пехотинцев — в легковооруженных; всем велено было находиться вне лагеря, пока каждый не доставит по два вооружения неприятеля.

19. Консул Отаций Красс приказал тем, кого Ганнибал провел под ярмом, находиться вне лагеря, чтобы, оставаясь без защиты, они приучались к опасностям и стали смелее против неприятеля.

20. В консульство П. Корнелия Назики и Децима Юния осужденные дезертиры были подвергнуты порке розгами и проданы в рабство.

21. Домиций Корбулон в Армении приказал двум эскадронам и трем когортам, которые у крепостцы Иниции отступили перед врагом, пребывать вне лагеря, пока не смоют позора настойчивым трудом и удачными экспедициями.

22. Аврелий Котта, когда явилась необходимость, приказал всадникам вступить в дело, но некоторые из них уклонились от исполнения приказа. Он пожаловался цензорам и добился, что на них наложили взыскание. Затем он добился указа сената, чтобы им не шло прежнее жалованье; народные трибуны внесли о том же законопроект в народное собрание, и благодаря всеобщему единодушию дисциплина была восстановлена.

23. Кв. Метелл Македонский приказал в Испании пяти когортам, отступившим перед врагами, составить завещания и послал их отвоевать покинутую позицию, пригрозив, что их примут обратно только после победы.

24. Консулу П. Валерию сенат предписал отвести войско, побежденное при Сирисе, в Сепин, разбить там лагерь и провести зиму в палатках.

24а. Сенат, когда его солдаты были обращены в позорное бегство, постановил, чтобы им не подсылали подкрепления, пока не будут взяты его...

25. Легионы, проявившие неповиновение долгу службы в Пунической войне, были отправлены в Сицилию, как бы в ссылку, и в течение семи лет им, по повелению сената, выдавали ячмень.

26. Л. Пизон приказал за то, что командир когорты К. Тиций отступил перед рабами, обрезать у него пояс тоги, распустить тунику и велел ему стоять босиком перед фронтом, пока будет проходить стража, не посещать пиршеств и бань.

27. Сулла распорядился, чтобы когорта и центурионы, чью позицию прорвал неприятель, в шлемах и распоясанные простаивали перед фронтом.

28. Домиций Корбулон в Армении за то, что командир конницы Эмилий Руф отступил перед врагом и его часть оказалась плохо обученной, велел ликторам разрезать Руфу одежду, а ему приказал в таком обезображенном виде простаивать перед фронтом, пока фронт не распустили.

29. Когда Атилий Регул переходил из Самния в Луцерию и его войско отступило перед выступившим навстречу неприятелем, он выставил против войска когорт и велел убивать бегущих, как дезертиров.

30. Консул Котта в Сицилии наказал розгами знатного военного трибуна Валерия из рода Валериев.

31. Он же, собираясь переправиться в Мессану для проведения ауспиций и поручив руководство осадой Липарских островов близкому ему по крови П. Аврелию, когда была сожжена стена, а лагерь захвачен, приказал наказывать Аврелия розгами, перевести в рядовые пехотинцы и заставить выполнять черную работу.

32. М. Катон после троекратного сигнала к отплытию отошел с флотом от вражеского берега, где оставался несколько дней. Некий солдат, оставшийся на берегу, криками и жестами стал призывать, чтобы его сняли. Катон, подтянув к берегу весь флот, приказал схватить и казнить солдата, используя для примера другим человека, которого враги убили бы на позор.

33. Аппий Клавдий убил дубиной каждого десятого по жребию из тех солдат, которые сдали позицию.

34. Консул Фабий Рулл казнил топором по жребию на глазах у войска солдат из двух легиснов, сдавших позицию.

35. Аквиллий казнил топором по три человека из центурий, чья позиция прорвана была неприятелем.

36. М. Антоний, когда укрепление было подожжено неприятелем, подверг казни каждого десятого из тех когорт, которые были в деле, казнил по одному центуриону в каждой, легата с позором уволил, остальным солдатам легиона приказал выдавать ячмень.

37. Легион, разграбивший, вопреки приказу полководца, Региум, был наказан тем, что четыре тысячи человек были отправлены в тюрьму и убиты. Сенат, кроме того, вынес решение, чтобы никого из них не похоронили и не оплакали.

38. Диктатор Л. Папирий Курсор приговорил к розгам начальника конницы Фабия Рулла за то, что тот, вопреки его приказу, сразился, хотя и с успехом, и собирался после порки казнить его. Ни возражения, ни мольбы солдат не заставили его отменить казнь, а когда Рулл бежал, он последовал за ним в Рим и даже там снял с него угрозу смерти лишь после того, как Фабий вместе с отцом пали перед ним на колени и одновременно за него просили сенат и народ.

39. Манлий, прозванный впоследствии Самовластным, высек розгами перед лицом войска и казнил топором своего сына за то, что он, вопреки приказу, сразился с неприятелем, хотя и одержал победу.

40. Манлий сын, когда войско готово было поднять мятеж против отца в его защиту, заявил, что он не стоит того, чтобы из-за него была нарушена дисциплина, и добился, что солдаты допустили его казнь.

41. Кв. Фабий Максим отрубал у дезертиров кисть правой руки.

42. У консула К. Куриона в Дарданскую войну в районе Диррахия один из пяти легионов возмутился, уклонился от воинского долга и заявил, что не намерен идти за безрассудным полководцем в тяжелый поход, чреватый непредвиденными опасностями. Курион вывел четыре легиона в полном вооружении и приказал им выстроиться в боевом порядке, обнажив оружие. Затем он приказал солдатам мятежного легиона выйти безоружными и распоясанными и заставил их на глазах у вооруженного войска рубить соломой; никакими просьбами легион не мог от него добиться, чтобы он не спустил их знамени и не уничтожил их имени; солдат он распределил в качестве пополнения по остальным легионам.

43. Солдаты, участники сражения при Каннах, сосланные в консульство Кв. Фульвия и Аппия Клавдия в Сицилию, просили у консула М. Марцелла, чтобы их повели в бой. Сенат заявил, что не считает возможным доверить им защиту государства, однако разрешил Марцеллу поступить по своему усмотрению при условии, что никто из них не будет освобожден от черной работы, не будет получать подарков и не увезет никакого приза в Италию, пока там будут пунийцы.

44. Консуляр М. Салинатор был осужден народом за то, что неравномерно распределил добычу среди солдат.

45. Когда в сражении лигурами был убит консул Кв. Петилий, сенат постановил, что легион, в котором консул погиб в бою, весь считается неполноценным, ему не выплачивается годовой заработок, урезывается жалование.

II. О результатах дисциплины

1. Войска Брута и Кассия, гласит предание, во время гражданской войны вместе совершали поход по Македонии, и Брут первым прибыл к реке, через которую надо было навести мост; однако войско Кассия опередило его как в постройке моста, так и в подготовке переправы. Благодаря твердой дисциплине кассианцы превосходили войско Брута не только в производстве работ, но и в военных операциях вообще.

2. К. Марию была предоставлена возможность выбора войска — того ли, которое было под командованием Рутилия, или того, которое было под начальством Метелла, а впоследствии — под его собственным. Он предпочел рутилиево войско, хотя и менее численное, но считавшееся более дисциплинированным.

3. Домиций Корбулон, имея два легиона и очень мало вспомогательных войск, устоял против парфян, подняв дисциплину.

4. Александр Македонский с 40 тысячами людей, еще до того приученных к дисциплине отцом его Филиппом, воевал со всем миром и победил бесчисленные неприятельские войска.

5. Кир в войне против персов с 14 тысячами солдат преодолел колоссальные трудности.

6. Фиванский полководец Эпаминонд с 4000 людей, из коих только 400 было всадников, победил лакедемонское войско из 24 тысяч пехотинцев и 1600 всадников.

7. Четырнадцать тысяч греков, служивших в вспомогательных войсках Кира против Артаксеркса, победили в бою 100 тысяч варваров.

8. Те же 14 тысяч греков, потеряв вождей, возложили руководство возвращением из одного из своей среды — Ксенофонта и вернулись невредимо через трудно проходимые незнакомые места.

9. Когда Ксеркс с трудом перебил измучивших его у Фермопил 300 спартанцев, он говорил, что ошибка его была в том, что людей у него было хотя много, но мужей с твердой дисциплиной — ни одного.

III. О воздержности

1. М. Катон, говорят, довольствовался тем же вином, что и гребцы.

2. Когда Фабрицию посол эфирцев Киней давал в дар большое количество золота, он не взял его, сказав, что предпочитает повелевать владеющими золотом, чем владеть им.

3. Атилий Регул, стоя во главе государства, был настолько беден, что содержал себя, жену и детей небольшим полем, которое обрабатывал один вилик. Узнав о его смерти, он написал сенату, чтобы ему дали заместите-

ля, так как вследствие смерти раба хозяйство осталось без присмотра и требуется его присутствие.

4. Гн. Сципион после удачных операций в Испании умер в величайшей нужде, не оставив даже таких денег, чтобы хватило на приданое дочерям, и сенат одарил их из средств казны ввиду их бедности.

5. Так же поступили афиняне по отношению к дочерям Аристиды, умершего в величайшей бедности, после того как он управлял богатейшей казной.

6. Эпаминонд, вождь фиванцев, отличался такой воздержностью, что утвари у него никакой не было, кроме цыновки и единственного вертела.

7. Ганнибал обычно вставал с ночи и до ночи не отдыхал; лишь в сумерки он назначал обед, и никогда за его столом не ставили больше двух обеденных лож.

8. Служа под командой Газдрубала, он спал обычно на голой земле, укрывшись плащом.

9. Сципион Эмилиан, говорят, обычно ел хлеб на ходу, прохаживаясь с друзьями.

[10. То же рассказывают об Александре Македонском.]

11. Мы читаем, что Масинисса уже в девяностолетнем возрасте ел обычно в полдень перед палаткой, стоя или прохаживаясь.

12. Когда М. Курию после победы над сабинянами сенат решил увеличить земельный надел по сравнению с отслужившими срок солдатами, он удовольствовался долей рядового, говоря, что плох тот гражданин, который не довольствуется тем же, что и другие.

13. Часто поразительной бывала воздержность войска в целом, как, например, того, которое служило под начальством М. Скавра. Скавр передает, что усыпанная плодами яблоня, оказавшаяся на территории лагеря при его планировке, на другой день, когда войско уходило, осталась нетронутой.

14. Под руководством императора цезаря Домициана Августа во время германской войны, затеянной в Галлии Цивилисом, войско цезаря подходило к отпавшему к Цивилису богатейшему городу лингонов. Последний боялся подвергнуться разорению; но сверх ожидания его не тронули, и он ничего не потерял из своего имущества; он поэтому покорился и передал мне 70 тысяч воинов.

15. Л. Муммий, взяв Коринф, украсил не только Италию, но и провинции портиками и статуями, но сам ничем не воспользовался из этой громадной добычи, так что сенат выдал из казны приданое его неимущей дочери.

IV. О справедливости

1. Когда Камилл осаждал фалисков, учитель игр вывел за стены детей фалисков будто бы для прогулки и выдал их ему, говоря, что если он задержит их как заложников, город вынужден будет выполнить предъявленные им требования. Камилл не только отнесся с отвращением к такому вероломству, но приказал связать учителю руки за спиной и поручил детям розгами погнать его к родителям. Своим великодушием он добился победы, которой не пожелал достигнуть при помощи коварства; тронутые его справедливостью, фалиски сами сдались.

2. К римскому полководцу Фабрицию прибыл врач эпирского царя Пирра и обещал дать Пирру яд, если за это будет дано ему приличное вознаграждение. Фабриций не счел возможным добиваться победы при помощи такого влодения; он разоблачил врача перед царем и этим благородным поступком побудил Пирра просить дружбы римлян.

V. О стойкости

1. Гн. Помпей, когда солдаты грозились расхитить деньги, которые несли в триумфальном шествии, а Сервилий и Главция убеждали его раздать их, чтобы не допустить мятежа, заявил, что предпочитает не праздновать триумфа и умереть, чем уступить своеволию солдат. Побранив солдат в суровой речи, он бросил им обвитые лавром фации, чтобы они с них начали грабеж. Пристыдив таким образом солдат, он заставил их отрезвиться.

2. Когда в смутах гражданской войны возник мятеж, Цезарь в момент крайнего возбуждения умов уволил в отставку весь легион, казнив топором вожakov мятежа. Вскоре он восстановил уволенных, так как, опозоренные, они попросили прощения, и имел в них наилучших солдат.

3. Когда консулара Постумия, выступившего перед солдатами с речью, те спросили, чего он требует, он сказал, что требует, чтобы они последовали его примеру. Схватив знамя, он первым ринулся на врага. Последовав за ним, солдаты одержали победу.

4. Клавдий Марцелл, по неосторожности наткнувшись на отряд галлов, сначала направил коня по кругу, чтобы обозреть местность и найти лазейку для бегства; видя, что неприятель кругом, он помолился богам и бросился в гущу врагов; те настолько были ошеломлены неожиданной дерзостью, что он убил их вожда, и там, где едва оставалась у него надежда на спасение, завладел богатыми трофеями.

5. После потери войска при Каннах Л. Павел, когда Лентул предложил ему коня для бегства, не захотел пережить поражение, хотя оно было понесено и не по его вине; он сел на камень, к которому прислонился после ранения, и оставался на нем, пока неприятель не окружил и не убил его.

6. Его коллега Варрон обнаружил даже еще большую твердость тем, что остался жить после поражения, и сенат и народ выразили ему благодарность за то, что он не потерял веры в республику. В самом деле, всей своей последующей жизнью он доказал, что остался жить не из привязанности к жизни, а ради государства. Он отпустил себе бороду и волосы и впоследствии никогда не возлежал за едой. Он отказывался от должностей, которые ему предлагал народ, говоря, что государство нуждается в более удачливых магистратах.

7. Когда после всеобщего разгрома при Каннах военные трибуны Семпроний Тудитан и Гн. Октавий были осаждены в меньшем лагере, они посоветовали соратникам обнажить мечи и прорваться через неприятельские заграждения, утверждая, что они на это решились, даже если ни у кого не хватит смелости для прорыва. Найдя среди колеблющихся всего 12 всадников и 50 пехотинцев, решившихся сопровождать их, они благополучно добрались в Канузий.

8. К. Фонтей Красс в Испании вышел с 3000 людей на добычу и был окружен Газдрубалом в неудобной местности. Сообщив о своем плане только высшим командирам, он в начале ночи, когда меньше всего можно было этого ждать, прорвался через неприятельские заставы.

9. В Самнитскую войну военный трибун П. Деций посоветовал застигнутому неприятелем на невыгодной позиции консулу Корнелию, чтобы он послал небольшой отряд занять близлежащий холм, и предложил себя в предводители этого отряда. Отвлеченный в другую сторону, неприятель упустил консула, но окружил и осадил Деция. Но и из этой ловушки Деций ускользнул, совершив ночью вылазку, и невредимо присоединился со своими солдатами к консулу.

10. То же совершил под командованием консула Атилия Колатина

человек, имя которого передают по-разному: некоторые писатели называют Лаберия, другие — Кв. Цецидия, большинство — Кальпурния Фламму. Увидев, что войско спустилось в долину, все стороны которой и высоты были обложены неприятелем, он попросил и получил у консула 300 солдат; призвав их спасти своей доблестью войско, он ринулся в центр долины. Враги отовсюду спустились, чтобы их раздавить, и, задержанные длительным и упорным боем, дали консулу возможность вызволить войско.

11. Когда К. Цезарь собирался сразиться против германцев и царя Ариовиста, а солдаты были в подавленном настроении, он заявил на сходке, что он в этот день пустит в дело только десятый легион. Этим он добился того, что воины десятого легиона были раззадорены этим свидетельством их особенной храбрости, а прочие — стыдом, чтобы слава доблести не досталась другим.

12. Некий знатный лакедемонянин, когда Филипп заявил, что если город не сдастся, он лишит его многого, сказал: «Не лишит же он нас права умереть за отечество?»

13. Лакедемонянин Леонид, когда сказали, что персы множеством стрел затмят небо, по преданию, сказал: «Тем лучше, будем сражаться в тени».

14. Когда городской претор К. Элий творил суд, на голову ему сел дятел, и гаруспики разъяснили, что если птицу отпустить, победа достанется неприятелю, а если ее убить, победит римский народ, зато К. Элий погибнет вместе с семьей. Элий не поколебался убить дятла. И когда наше войско побеждало, он сам с четырнадцатью Элиями из того же рода был убит в бою.

[Некоторые считают, что то был не К. Целий, а Лелий, и погибли Лелии, а не Целии.]

15. П. Деций, сначала — отец, позднее — сын, во время своей магистратуры обрекли себя на смерть за отечество и, направив коней в ряды неприятеля, достигли и доставили отечеству победу.

16. П. Красс, воюя против Аристоника в Азии, наткнулся между Элеей и Мириной на неприятельские войска и был схвачен живым. Не желая мириться с пленением римского консула, он прутком, которым погонял коня, выколол глаз державшему его фракийцу; тот, разъяренный от боли, заколол его. Таким путем он добился желанного — избежал позора рабства.

17. У сына М. Катона цензора в бою конь споткнулся, и всадник упал; поднявшись и заметив, что меч выпал из ножен, он, опасаясь позора, вновь бросился на неприятеля и, получив несколько ранений, вернулся к своим лишь после того, как снова овладел мечом.

18. Осажденные пунийцами петилийцы выгнали из города из-за голода родителей и детей, а сами, питаясь размягченной в воде и высушенной на огне корой, древесными листьями и всякого рода животными, выдержали осаду в течение одиннадцати месяцев.

19. Такие же муки претерпели испанцы, осажденные в Консабре, но не сдали города Гиртулею.

20. Казилинцы, осаждаемые Ганнибалом, терпели такую нужду, что, по преданию, мышь была продана за 200 динариев; продавший ее умер от голода, а купивший выжил. И все же они стойко сохранили верность римлянам.

21. Когда Митридат осаждал Кизик, он вывел вперед и показал осажденным пленных из этого города, думая, что, вызвав у горожан жалость к близким, он побудит их сдаться. Но те, призвав пленных храбро претерпеть казнь, стойко сохранили верность римлянам.

22. Когда сеговийцам Вириат предлагал вернуть жен и детей, те предпочли видеть казнь заложников, чем изменить римлянам.

23. Нумангинцы, только бы не сдаться предпочли запереть двери домов и умереть от голода.

VI. О доброжелательстве и умеренности

1. Когда Кв. Фабия сын убеждал пожертвовать немногими людьми, чтобы занять удобную позицию, тот сказал: «А не хочешь ли ты быть в числе этих немногих?».

2. Ксенофонт ехал на лошади, а пехотинцам приказал занять какой-то холм. Слыша, что кто-то из них ворчит, что легко, сидя на коне, давать такое трудное поручение, он соскочил, посадил на коня рядового и сам бегом направился к намеченному холму. Солдат не мог вынести позора создавшегося положения и под смех товарищей сам сошел с коня. Ксенофонта все с трудом упростили вновь сесть на коня и сохранить свои силы для присутствующих полководцу обязанностей.

3. Александр, ведя зимой войско, сидя у огня, начал обозревать проходящие войска. Заметив солдата, почти совершенно изнеможенного от холода, он приказал ему сесть на его место и сказал: «Если бы ты родился в Персии, то сесть на царское место тебе стоило бы головы, но родившемуся в Македонии это разрешается».

4. Божественный Август Веспасиан, узнав, что некий юноша из почтенного рода, непригодный к военной службе, из-за стесненного положения дел слишком низко опустился, восстановил его ценз и дал ему почетную отставку.

VII. Разное

1. К. Цезарь говорил, что он применяет против врага тот же способ, который большинство врачей применяют против телесных недугов — побеждать их скорее голодом, чем железом.

2. Домиций Корбулон говорил, что врага надо побеждать топором (т. е. военными сооружениями).

3. Л. Павел говорил, что полководец должен иметь нрав старца, желая этим сказать, что надо следовать благоразумным планам.

4. Сципион Африканский, как передают, когда некоторые говорили, что он мало участвовал в боях, заявил: «Мать родила меня повелителем, а не рубакой».

5. К. Марий, когда тевтонец вызывал его и требовал, чтобы он вышел вперед, ответил, что если ему хочется умереть, он может покончить с собой посредством веревки, а когда тот продолжал настаивать, он выставил против него тщедушного и почти одряхлевшего гладиатора и сказал, что если он его победит, он сразится с победителем.

6. Кв. Серторий, познав на опыте, что состязаться со всем римским войском ему не под силу, хотел втолковать это рвущимся в бой варварам. Он велел привести двух коней: одного — очень крепкого, другого — чрезвычайно тощего, а к ним подвел двух юношей, тоже так подобранных: одного — здоровенного, другого — тоненького: здоровенному он приказал оторвать у тощего коня весь хвост, а тоненькому — выщипать у сильного коня хвост по одному волоску. Последний выполнил приказание, тогда как здоровеннейший безрезультатно бился над хвостом слабого коня. Тогда Серторий сказал: «Этим примером я показал вам характер римских сил; они непобедимы, когда нападаешь на них, вместе взятых, но кто будет нападать на них по частям, будет их терзать и рвать».

7. Консул Валерий Левин схватил в своем лагере неприятельского разведчика. Будучи уверен в силе своего войска, он велел провести разведчика по всему лагерю и заявил, что ради устрашения врага его лагерь открыт для обозрения лазутчикам, когда им угодно.

8. Примипиларий Цецидий, заменивший командира наших осажденных частей после поражения, нанесенного Варом, опасался, чтобы варвары не подтащили к изгороди лежавших там в куче дров и не подожгли лагеря; он притворился, что испытывает недостаток в дровах, и послал во все стороны людей, чтобы натаскать дров; этим он добился, что германцы убрали все дрова.

9. Гн. Сципион в морской войне бросал на неприятельские корабли амфоры, наполненные смолой; при падении они должны были своей тяжестью нанести ущерб, а рассыпавшись — дать горючий материал для пожара.

10. Ганнибал подучил царя Антиоха бросать на неприятельские корабли сосуды, полные змей; страх перед ними мешал солдатам сражаться и выполнять корабельную службу.

[11. То же сделал Прусий, когда его флот уже отступал.]

12. М. Порций Катон, перескочив на неприятельский флот, сбросил оттуда пунийцев и роздал их оружие и значки своим воинам; принятые по внешности за союзников пунийцев, они потопили много вражеских кораблей.

13. Лакедемоняне непрерывно тревожили афинян. И вот в дни праздника, когда за городом устраивались молебствия Минерве, афиняне, придав себе во всех отношениях вид совершающих обряд, спрятали, однако, под платье оружие. Совершив свой обряд, они не вернулись тотчас в Афины, но прямо оттуда спешно двинулись отрядом по направлению к Лакедемону и, в свою очередь, когда этого меньше всего можно было опасаться, опустошили поля неприятеля, для которого сами все время были объектом грабежа.

14. Кассий поджег грузовые корабли, уже вообще мало на что годные, при попутном ветре погнал их к неприятельскому флоту и уничтожил его огнем.

15. Когда М. Ливия после разгрома Газдрубала некоторые уговаривали преследовать неприятеля до полного уничтожения, он ответил им: «Пусть останется кто-нибудь, чтобы известить о нашей победе».

16. Сципион Африканский обычно говорил, что врагу не только надо оставить дорогу для бегства, но даже укрепить ее.

17. Афинянин Пахет обещал неприятелям сохранить им жизнь, если они сложат оружие (железо); когда они согласились на это условие, он приказал убить всех, у кого в сумках оказались железные застежки.

18. Газдрубал вступил в пределы Нумидии для покорения страны; так как нумидийцы готовились к отпору, он заявил, что прибыл для охоты на слонов, которыми богата Нумидия. Когда потребовали платы за разрешение, он обещал. Отвлекая внимание нумидийцев этим притворством, он напал на них и подчинил их.

19. Лакедемонянин Алкета, чтобы облегчить себе неожиданное нападение на транспорты фиванцев, держал наготове корабли в скрытом месте и притворившись, будто у него всего одна трирема, упражнял на ней гребцов посменно. Затем он однажды направил все корабли против плывших мимо фиванцев и завладел их транспортами.

20. Птолемей имел мало войск против Пердикки, превосходившего его силой. Он приказал немногим воинам погнать весь скот, привязав к спине животных ветви, чтобы они волочились по земле. Сам он с теми силами, какие у него были, пошел впереди; при этом пыль, которую поднимал

скот, создала впечатление, что за ним следует большое войско; устранив неприятеля этой иллюзией, он победил его.

21. Афинянин Миронид, готовясь к бою в открытом поле с превосходившими его конницей фиванцами, убедил своих, что если они удержатся на месте, у них еще есть кое-какая надежда на спасение, а если отступят, их ждет верная гибель. Ободрив таким образом солдат, он добился победы.

22. К. Пинарий в Сицилии командовал гарнизоном Энны. Магистраты Энны требовали от него ключей от ворот, которые он держал у себя. Так как он подозревал, что они как будто готовятся перейти на сторону пунийцев, он попросил одну ночь на размышление. Обрисовав солдатам коварство греков и приказав им быть готовыми на следующий день и ждать сигнала, он на рассвете в присутствии солдат заявил, что вернет ключи, если таково будет решение всех жителей Энны. Когда вследствие этого весь народ был созван в театр и требовал того же, обнаруживая желание предаться неприятелю, он дал солдатам сигнал и всех перебил.

23. Ификрат, предводитель афинян, оборудовал свой флот по образцу неприятельского и подплыл к тем, кого имел на подозрении; так как его приняли с большим радушием, он тем самым изобличил их в вероломстве и разграбил город.

24. Тиб. Гракх издал приказ, что храбрым из числа волонов¹ будет дана свобода, а трусы будут распяты; 4 000 из них, проявившие вялость в бою, в страхе наказания ушли и укрепились на каком-то холме. Гракх послал им сказать, что, по его мнению, все войско волонов одержало победу; так он освободил их от обязательства перед ним и от страха и вернул их.

25. Ганнибал после битвы у Тразименского озера, где римляне понесли тяжелое поражение, по состоявшейся капитуляции подчинил себе 6 000 неприятельских солдат; бывших среди них союзников-латинян он отпустил по домам, говоря, что ведет войну ради освобождения Италии; при их содействии он подчинил себе несколько городов.

26. Когда Криспин, командующий нашим флотом, осаждал Локры, Магон пустил в римский лагерь слух, будто Марцелл убит и Ганнибал идет освобождать Локры от осады; затем он тайком послал всадников и приказал им показаться с бывших на виду гор. В результате Криспин, решив, что Ганнибал подходит, сел на корабли и бежал.

27. Сципион Эмилиан под Нуманцией придал стрелков и пращников не только когортам, но и центуриям.

28. Фиванец Пелопид, обращенный в бегство фессалийцами, переправился через реку, на которой он спешно построил мост; чтобы не оставить той же переправы следовавшему за ним неприятелю, он приказал аррьергарду сжечь мост.

29. Так как римляне никоим образом не могли равняться с кампанскими всадниками, центурион Кв. Невий в войске Фульвия Флакка придумал следующее: он выбрал из всего войска наиболее проворных и невысокого роста, вооружил их небольшими щитами, маленькими шлемами и мечами, дал каждому по семи копий, приблизительно по четыре фута каждое, присоединил их к всадникам и приказал подъехать к самым стенам, расположиться там, а когда наши всадники начнут отступать, вести бой среди неприятельской конницы. Этим был нанесен большой урон как самим кампанцам, так и особенно коням. Благодаря внесенному в их ряды смятению, победа склонилась в нашу сторону.

¹ Добровольцы из рабов.

30. П. Сципион в Лидии видел, что дождь днем и ночью мучил войско Антиоха, и не только люди и кони изнемогают, но и луки пришли в негодность, так как тетивы намокли. Он поэтому уговорил брата дать сражение на следующий день, хотя это был день тяжелый. Это решение привело к победе.

31. Когда Катон опустошал Испанию, к нему явились послы илергетов, союзного народа, и просили помощи. Тот не мог отказом оттолкнуть от себя союзников, но и не хотел ослабить свои силы отводом войска. Он приказал одной трети солдат заготовить провизию и сесть на корабли, но предписал вернуться под предлогом ветра обратно. Между тем опередивший его слух о подходе подкрепления, с одной стороны, подбодрил илергетов, с другой, — расстроил планы неприятелей.

32. В партии Помпея был большой отряд конницы; умело владея оружием, он истреблял солдат. К. Цезарь приказал метить мечами в лицо и глаза и этим заставил их отворачивать лицо и отступать.

33. Когда вокцей, вступив в бой с Семпронием Гракхом, попали в тяжелое положение, они окружили все войско телегами, которые наполнили храбрейшими мужами, одетыми в женское платье. Семпроний, думая, что имеет дело с женщинами, слишком смело двинулся вперед, чтобы обложить врага; тогда те, кто были на телегах, напали на него и обратили в бегство.

34. Евмен из Кардии, из преемников Александра, был заперт в какой-то крепостце. Так как он не мог делать упражнения с конями, он ежедневно в определенные часы привязывал их на-весу таким образом, что они опирались на задние ноги, а передние были подняты; делая усилия, чтобы принять обычное стоячее положение, они до пота работали ногами.

35. Когда варвары обещали М. Катону проводников и, сверх того, охрану, если он пообещает им большую сумму, он не поколебался дать обещание, рассчитывая, что, в случае победы, он может дать им из неприятельской добычи, а если их убьют, он свободен от обещания.

36. Кв. Максим пригласил к себе собиравшегося перебежать к неприятелю Статилия, знатного всадника, прекрасного служаку, и извинился перед ним, что из-за зависти соратников он до сих пор не знал о его доблести. Затем он подарил ему коня и, сверх того, щедро одарил деньгами; таким образом, явившись на вызов в трепете из-за сознания своей вины, Статилий ушел радостный, и Максим вместо сомнительного приобрел на будущее время в его лице столь же верного, как и храброго воина.

37. Филипп услышал, что некий Пифий, хороший боец, возбужден против него, так как он с трудом содержал трех дочерей, а помощи от царя не получал. Когда кое-кто предупреждал Филиппа, чтобы он его остерегался, он сказал: «Разве если бы у меня болела часть тела, я бы ее отрезал, а не стал лечить?» Затем он вызвал Пифия и дружески поговорил с ним наедине; узнав о его домашних затруднениях, он снабдил его деньгами и приобрел в нем лучшего и более преданного человека, чем каким он был до того.

38. Т. Квинций Криспин после неудачного сражения против пунийцев, в котором он потерял своего коллегу Марцелла, узнал, что Ганнибал завладел перстнем убитого. Тогда он разослал по всем муниципиям Италии письмо, предостерегая, чтобы они не верили посланиям, какие получают запечатанными перстнем Марцелла. Благодаря этому предостережению попытки Ганнибала ввести в обман Салапию и другие города сошлись.

39. Когда после поражения при Каннах римляне были настолько подавлены, что большая часть оставшихся еще в живых войск, по предложению знатнейших лиц, приняла решение покинуть Италию, юноша

П. Сципион в страстном выступлении на том же собрании, где обсуждалось это предложение, заявил, что убьет собственной рукой того, кто не поклянется, что у него нет в мыслях покинуть республику. Связав такой клятвой себя первым, он обнажил меч, угрожая смертью одному из ближайших, если он не примет присяги; итак, кого страхом, кого своим примером, он всех прочих заставил дать клятву.

40. Лагерь вольсков был расположен возле кустарника и леса. Камилл поджег все, что способно было, воспламенившись, перебросить огонь на вал, и лишил противников лагеря.

41. Красс в гражданскую войну благодаря такому же приему был захвачен почти со всем войском.

42. Кв. Метелл в Испании, собираясь сняться с лагеря и желая, чтобы солдаты держались в строю, заявил, будто он узнал, что неприятель подготовил засаду; пусть поэтому солдаты не отходят от знамен и не расстраивают рядов. Он собственно распорядился так ради дисциплины, но когда случайно он на самом деле попал в засаду, солдаты у него оказались в боевой готовности.

ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ ЭПИЗОДЫ В «СТРАТЕГЕМАХ» ФРОНТИНА

1, 1, 3=1, 2, 1	[2, 5, 38=1, 8, 9]
1, 1, 9=1, 2, 9; 2, 3, 8	2, 6, 2=2, 10, 2
1, 1, 11=1, 5, 13	2, 8, 11=4, 1, 29
[1, 2, 1=1, 1, 3]	2, 9, 9=4, 7, 13
[1, 2, 9=1, 1, 9]	[2, 10, 2=2, 6, 2]
1, 3, 9=1, 3, 7	[2, 12, 4=1, 5, 24]
1, 5, 10=3, 9, 9	3, 9, 6=2, 5, 44,
[1, 5, 13=1, 1, 11]	3, 11, 3
1, 5, 12=4, 5, 8	[3, 9, 9=1, 5, 10]
1, 5, 14=4, 5, 9	[3, 11, 3=3, 9, 6]
1, 5, 15=4, 5, 10	[3, 16, 1=4, 7, 36]
1, 5, 24=2, 12, 4	[3, 17, 1=2, 5, 4]
1, 7, 1=2, 5, 4	[4, 1, 29=2, 8, 11]
1, 8, 9=2, 5, 38	4, 2, 7=2, 3, 6;
1, 10, 1=4, 7, 6	[4, 5, 8=1, 5, 12]
1, 11, 3=4, 5, 11	[4, 5, 9=1, 5, 14]
2, 3, 11=2, 5, 31	[4, 5, 10=1, 5, 15]
2, 4, 7=2, 5, 34	[4, 5, 11=1, 11, 3]
2, 4, 14=2, 5, 4	[4, 7, 6=1, 10, 1]
2, 4, 15=4, 7, 40	[4, 7, 13=2, 9, 9]
2, 4, 16=4, 7, 41	[4, 7, 36=3, 16, 1]
2, 5, 4=3, 17, 1; 1, 7, 1	[4, 7, 40=2, 4, 15]
[2, 5, 34=2, 4, 7]	[4, 7, 41=2, 4, 16]

*ОШИБКИ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ У ФРОНТИНА (ЛИБО ПО НЕДОСМОТРУ
ЛИБО ПО ОШИБКЕ В ЕГО ИСТОЧНИКАХ)*

- 2, 4, 5 Консул Петик; должно быть — диктатор (Лив. 7, 14).
 4, 1, 4, 3 Консул К. Курион, вместо проконсул (Лив. epit. 92, 95; Eutr. 62).
 4, 1, 44 Консул М. Марцелл; должно быть — проконсул (Лив. 25, 7).
 1, 2, 7 Вместо Эм. Павел должно быть — Эмилий Пап.
 1, 4, 1 То же.
 1, 12, 3 Вместо Тиб. Семпр. Гранх должно быть — Тиб. Семпр. Соф.
 2, 2, 7 Вместо Волтурн должно быть — Авфид.
 2, 4, 12 Крез; должно быть — Кир против Креза.
 2, 5, 7 Вместо кельтиберов должно быть — лузитан.
 2, 5, 8 Вместо «с кимврами» должно быть — «с кельтиберами».
 2, 7, 11 Манлия и Фабия надо поменять местами, если следовать Ливию, 2, 47.
 2, 8, 20 Вместо герников должно быть — вольсков.
 2, 9, 6 Неизвестно, чтобы Гермократ воевал с карфагенянами; может быть, вместо карфагенян надо читать — афинян.
 3, 3, 4 Вместо Кир должно быть — Дарий.
 3, 6, 7 Клеоним — не афинянин, а спартанец.
 3, 7, 4 Вместо Александр должно быть — Кир.
 3, 9, 4 Консул Л. Корнелий Руфин неизвестен.
 3, 10, 4 Речь идет, очевидно, не о Сагунте, а о Сегесте.

ИСТОЧНИКИ И ПАРАЛЛЕЛИ К „СТРАТЕГЕМАМ“ ФРОНТИНА

(В скобках указана дата события)

Кн. I, гл. I

- § 1. Liv. 34, 17; Auct. de vir. ill. 47; Plut. Cato Maj. 10; Polyæn. 8, 17; App. Hiber. 41; Zonar 9, 17 (195).
 § 2. Polyæn. 5, 10, 2; Diod. 14, 55 (396).
 § 3. Liv. 30, 4; Polyb. 14, 1^b сл.; Zonar. 9, 12; Front. 1, 2, 1. (203)
 § 4. Liv. 1, 54; Val. Max. 7, 4, 2; Flor. 1, 7, 7; Dionys. 4, 55—56; Polyæn. 8, 6; Zonar. 7, 10.
 § 5. (48)
 § 6. Dio 49, 19 (38).
 § 7. App. Mithr. 99; Plut. Pomp. 32; Dio 36, 48; Zonar. 10, 4 (66).
 § 8. (83. н. э.).
 § 9. Val. Max. 7, 4, 4; Auct. de vir. ill. 48; Liv. 27, 43; Polyb. 11, 1; Frontin. 1, 2, 9; 2, 3, 8(207).
 § 10. Corn. Nep. Them. 6 сл.; Just. 2, 15; Polyb. 1, 30, 5; Thuc. 1, 90 сл.; Diod. 11, 39; Plut. Them. 19 (478).
 § 11. Frontin. 1, 5, 13.
 § 12. Val. Max. 7, 4, 5; Plut. Apopht. reg. et imp., Caes. Met. 2; Auct. de vir. ill. 61.
 § 13. Plut. Dem. 28 (об Антигоне); Apopht. reg. et imp., Antig. 4.

Кн. I, гл. II

- § 1. Frontin. 1, 1, 3; Liv. 30, 4; Polyb. 14, 1^b сл. (903).
 § 2. Liv. 9, 36 (310).
 § 3. Just. 21; 6, 1; Oros. 4, 6, 21 (331).
 § 5. Plut. Cato Maj. 13 (195).
 § 6. (104).
 § 7. Polyb. 2, 20, 4—5 (282).
 § 8. Polyæn. 2, 37.
 § 9. Front. 1, 1, 9; Liv. 27, 47 (207).

Кн. I, гл. III

- § 3. Liv. 22, 12, 6—12 (217).
 § 4. Just. 9, 1, 2 и 7 (339).

- § 5. Liv. 28, 2 extr. 3 (207)
 § 6. Corn. Nep., Them. 2, 7; Just. 2, 12, 13...; Her. 8, 41; Polyæn. 1, 30, 2 (480)
 § 7. Just. 3, 7, 5; Thuc. 1, 143, 4—5; Plut., Pericl. 34; Diod. 12, 42, 7; Polyæn. 1, 36, 1 (431).
 § 8. Liv. 28, 40 сл.; 30, 9; Polyb. 14, 9, 8 сл.; App. Hann. 57 сл. (304).
 § 9. Thuc. 5, 25; 6, 91, 6—7; 6, 93, 2; 6, 105; 7, 18 сл.; Frontin. 1, 3, 7; Just. 3, 7, 2, 5; Polyæn. 1, 36, 1.
 § 10. (83 н. э.).

Кн. I, гл. IV

- § 1. Zonar. 8, 2 (281).
 § 2. Polyæn. 2, 1, 30 (396).
 § 3. Polyæn. 2, 1, 24; 2, 1, 12; Xen., Hell. 5, 4, 49 сл. (394? 377?).
 § 5. Polyæn. 7, 27, 1.
 § 6 (210).
 § 7. Polyæn. 3, 9, 33 (389—388).
 § 9. Polyæn. 4, 3, 9; Arrian. 5, 9—5;
 § 9a. Plut., Alex., 60; Curt. 8, 13 (326).
 § 10. Xen. Anab. 4, 3, 20 сл.; Polyæn. 1, 49, 4 (401).
 § 11. Polyb. 1, 11, 9; Zonar. 8, 8—9 (264).
 § 12. Polyæn. 2, 1 (397).
 § 13. Polyæn. 4, 2, 8 (340—339).
 § 13a. Just. 9, 1, 7; Polyæn. 4, 2, 21 (339).
 § 14. Polyæn. 3, 11, 10; 12 (388).

Кн. I, гл. V

- § 1. (80—72).
 § 2. Polyæn. 2, 4, 2, (369—364).
 § 3. Liv. Epit. 7, 68; Plut., Mar. 23. (102)
 § 2. Herod. 1, 75 (546).
 § 5. Caes., b. c. 1, 27—28; Plut. Pomp. 62; Caes. 35; Flor. 4, 2, 20 (49).
 § 6. Zonar. 8, 16 (260).
 § 8. (79—75).
 § 9. Caes. b. c. 1, 42 (49).
 § 10. Front. 3, 9, 9.

- § 11. (373—281).
 § 12. Front. 4, 3, 8.
 § 13. Front. 1, 1, 11.
 § 14. Front. 4, 5, 9; Liv. 7, 34—36; Auct. de vir. ill. 26 (343).
 § 15. Front. 4, 5, 10; Liv. 22, 60, 11; Epit. 17; Flor. 2, 2, 13; Oros. 4, 8, 1—3; Auct. de vir. ill. 39; Ampel. 20, 5; Plin. NH 27, 6; Zonar. 8, 12; Gell. 3, 7 (258).
 § 16. Liv. 35, 11 (193).
 § 17. App., b. c., 1. 51; Sall., Hist. I, 279 (90).
 § 18. (92).
 § 19. Liv. 26, 17; Zonar. 9, 7 (210).
 § 20. Sall. Hist. 4, 19D. Plut., Crass. 10; App. b. c. 1, 118 extr. (71).
 § 21. Plut. Crass. 9; Liv. Epit. 95; Flor. 3, 20, 4; Oros. 5, 24, 1 (73).
 § 22. Sall. Hist. 3, 67D (73).
 § 23. Polyæn. 1, 3, 8, 2. (424).
 § 24. Front. 2, 12, 4; Polyæn. 3, 9, 41, 46, 50 (389).
 § 25. Herod. 4, 135; Polyæn. 7, 11, 4 (513).
 § 28. Liv. 22, 16—17; Corn. Nep. Hann. 5, 2; Polyb. 3, 93—94; Plut. Fab. 6; App. Hann. 14—15; Excerpta Polyæni 46, 10 (p. 486 Melber) (217).

Кн. I, гл. VI

- § 3. Polyæn. 3, 9, 49, 54 (389).
 § 4. Liv. 23, 24; 6—11; Polyb. 3, 118; 6; Zonar. 9, 3 (216).

Кн. I, гл. VII

- § 1. Zonar. 8, 4 extr., Front. 2, 5, 4 (250).
 § 2. Liv. 21, 28, 5—12; Polyb. 3, 46 (218).
 § 3. Flor. 2, 15, 10 (146).
 § 5. (43).
 § 6. Sall. Hist. 4, 1—29; Flor. 3, 20, 6 (73).
 § 7. Curt. 7, 5, 9—12; Plut., Alex. 42; Arrian. 6, 26, 3; Polyæn. 4, 3, 25; Epist. Alexandri ad Aristotelem de situ Indiae.

Кн. I, гл. VIII

- § 1. Liv. 2, 39, 5—8; Dion. 8, 12; Plut. Coriol. 27 (49).
 § 2. Liv. 22, 23, 1—8; Val. Max. 7, 3, extr. 8; Plut., Fab. 7 (217).
 § 3. Liv. 10, 27 (295).
 § 4. (290).
 § 5. (98—93).

- § 7. Just. 31, 4, 4—10; Corn. Nep., Hann. 2; Polyb. 3, 11; Liv. 35, 14 (192).
 § 8. Sall. Jug. 61, 62, 70, 72 (108).
 § 9. Caes., b. c. 1, 66; Front. 2, 5, 38 (49).
 § 10. App., Pun. 36 (202).
 § 11. Polyæn. 5, 29 (396).
 § 12. Corn. Nep. Ages. 3; Xen., Hell., 3, 4, 20 сл.; Plut., Ages. 9—10; Polyæn. 2, 1, 9 (395).

Кн. I, гл. IX

- § 1. Liv. 7, 38—39 (о консуле К. Марции Рутиле) (342).
 § 4. Suet. Caes. 70; Plut. Caes. 51; Polyæn. 8, 23, 15; App., b. c. 2, 92 сл.; Dio 42, 52 сл. (47).

Кн. I, гл. X

- § 1. Front. 4, 7, 6; Val. Max. 7, 3, 6; Plut. Sert. 16; Nor. Epist. 2, 1, 45, сл.; Plin. Epist. 3, 9, 11 (80—72).
 § 2. Plut., Sert. 16 (80—72).
 § 3. Polyæn. 2, 1, 27; Diod. 15, 65, 2 (369).

Кн. I, гл. XI

- § 1. Liv. 2, 43, 11—45; Dion. 9, 7—10, (480).
 § 3. Front. 4, 5; 11; Caes., b. c. 9. 1, 40, 14—41 (58).
 § 5. Polyæn. 2, 1, 18.
 § 6. (371).
 § 7. Polyæn. 1, 33; Diod. 11, 34—35; Her. 9, 100—101; Plut., Aem. 25; Just. 2, 14 (479).
 § 8. Val. Max. 1, 80; Cic. Deor. nat. 2, 2, 6; Flor. 1, 11, 4; Lact., inst. 2, 7, 9; Dion. 6, 13; Plut. Coriol. 3 (496).
 § 9. Polyæn. 1, 41, 1 (467).
 § 11. Val. Max. 1, 2, 3; Plut. Sulla 29.
 § 12. Val. Max. 1, 2, 3a; Plut. Mar. 29.
 § 13. Val. Max. 1, 2, 4; Polyæn. 8, 22; Plut. Sert. 11; App. b. c. 1. 110; Plin., NH 8, 22, 50; Gell. 15, 22 (80 сл.).
 § 14. Polyæn. 4, 3, 14; Plut. apophth. Lacon., Ages. Magni 77.
 § 15. Polyæn. 4, 20.
 § 16. Polyæn. 2, 3, 8; 2, 3, 12 (371).
 § 17. Polyæn. 2, 1, 6; Xen., Hell. 3, 4, 19; Plut. Ages. 9; apophth. Lacon., Ages. Magni 13; Athen. 12, 74 (395).
 § 18. (480).
 § 19. Just. 1, 6, 4—6; Polyæn. 7, 6, 7; Her. 1, 126 (558).
 § 19. Just. 1, 6, 4—6; Polyæn. 7, 6, 7; Her. 1, 126 (558).

§ 20. (86).

§ 21. Liv. 9, 23 (315).

Кн. I, гл. XII

§ 1. (204).

§ 2. Suet., Caes. 59.

§ 3. Flor. 1, 19; Oros. 4, 4, 5—7 (268).

§ 4. Obsequens 60 (75).

§ 5. Diod. 15, 52, 5 сл. (371).

§ 8. Val. Max. 8, 11, 1; Cic. De serect. 14, 49; Liv. 44, 37; Plut. Aem. 1; Plin., NH 2, 9; Quint. 1, 10, 47 (168).

§ 9. Just. 22, 6, 1—5; Diod. 20, 5, 5 сл. (310).

§ 11. Polyae. 3, 10, 2 (375).

Кн. II, гл. I

§ 1. Polyae. 8, 16, 1; Liv. 28, 14, 6 сл.; Front. 2, 3, 4 (206).

§ 2. Liv. Epit. 91; Oros. 5, 23, 10; Auct. de vir. ill. 63 (76).

§ 3. (75).

§ 4. (262).

§ 5. Polyae. 3, 9, 53.

§ 6. Polyae. 3, 9, 52 (393—397).

§ 7. Liv. 2, 30, 10 сл. (494).

§ 8. Liv. 10, 28, 2—5; 29, 5, 8—18 (295).

§ 9. Polyae. 4, 2, 7; Just. 9, 3, 9 (338).

§ 11. Caes. b. c. 1, 81—83 (49).

§ 12. Liv. epit. 101; Flor. 3, 5, 22—24; Eutr. 6, 12; Oros. 6, 4, 3—7; Plut. Pomp. 32; Dio 36, 48—49; App. Mithr. 99—100 (66).

§ 13. Sall. Jug. 98, 2 (111—106).

§ 14. Oros 6, 3, 6—7; Plut. Lucull. 26—28; App. Mithr. 84—85 (69).

§ 15. (12—107 6—9 н. э.).

§ 16. Caes. b. c. 1, 50; Plut. Caes. 19; Polyae. 8, 23, 4; Dio 38, 48 (58).

§ 17. (70 н. э.).

§ 18. Polyae. 1, 45, 2; Plut. Lysand. 10—11; Xen. Hell. 2, 1, 21—28; Just. 5, 6, 9—10 (405).

Кн. II, гл. II

§ 2. (66)

§ 3. Bell. alex. 73—76 (47).

§ 4. Plut. Lucull. 28; App. Mithr. 85 (69).

§ 5. Flor. 4, 9, 6; Just. 42, 4, 8—10; 20; Zonar. 10 26 (38).

§ 6. Liv. 27, 2, 4; Plut. Marc. 24 (210).

§ 7. Liv. 22, 43, 10—11. 46, 8—9; Flor. 2, 6, 16; Eutr. 3, 10; Oros. 4, 16, 1—5; Val. Max. 7, 4, ext. 9; Seneca, qu. nat.

5, 16, Plut. Fab. 16; App. Hann. 20, 22, 23; Polyae. 6, 38, 4; Zonar. 9, 1 (216).

§ 8. Plut., Mar. 26; Polyae. 8, 20, 3; Oros. 5, 16, 14—15 (101).

§ 9. Her. 5, 64 (510).

§ 11. Oros. 4, 9, 1—4; Polyb. 1, 33 сл.; App. Pun. 3; Dio fr. 43, 24; Zonar. 8, 13; Front. 2, 3, 10 (255).

§ 12. Polyae. 2, 3, 14 (362).

§ 13. Val. Max. 3, 2 ext. 3; Just. 2, 11; Polyae. 7, 15, 5; Her. 7, 201 сл.; Diod. 11, 10; Paus. 3, 4, 7—8; Aelian. v. h. 3, 25 (480).

§ 14. Corn. Nep., Them. 4, 3; Just. 2, 12, 18 сл.; Polyae. 1, 30, 3; Her. 8, 75; Plut. Them. 12; Diod. 11, 17 (480).

Кн. II, гл. III.

§ 1. Polyb. 3, 76, 2—4 (218).

§ 2. Diod. 16, 4 (359).

§ 3. Polyae. 5, 16, 2; Diod. 16, 34, 2(353).

§ 4. Liv. 28, 14—15; Polyb. 11, 22 сл. (206).

§ 5. Liv. Epit. 91; Oros. 5, 23, 10; Auct. de vir. ill. 63 (76).

§ 6. Xen. Anab. 1, 8, 10; Plut., Artax. 7—9; Diod. 14, 22—24 (401).

§ 7. Liv. 22, 47; Polyb. 3, 115 сл.; Plut. Fab. 16; Polyae. 6, 38, 3 (216).

§ 8. Liv. 27, 48; Polyb. 11, 1 (207).

§ 10. Polyb. 1, 33, 6 сл. (255).

§ 11. Front. 2, 5, 31 (76).

§ 12. Polyae. 2, 10, 4 (после 443).

§ 13. Polyae. 2, 16.

§ 14. Plut. Pomp. 35; App. Mithr. 103; Dio 37, 4 (65).

§ 15. Flor. 4, 10, 6; Plut. Anton. 45; Dio 49, 29—30 (36).

§ 16. Liv. 30, 33. 35; Polyb. 15, 9, 6—10; 15, 11, 1—3; Zonar. 9, 14; App. Pun. 40—41 (202).

§ 17. Plut. Sulla 17—19; App. Mithr. 42—44. (86).

§ 18. (58—51).

§ 19. Curt. 4, 13, 30—32; Diod. 17, 57, 5; Arrian. 3, 11, 12 (331).

§ 20. Liv. 44, 41; Plut. Aem. 20 (168)

§ 21. Eutr. 2, 13; Oros. 4.

§ 22. Caes. b. c. 3, 89, 93, 94; Eutr. 6, 20; Oros. 6, 15, 23...; Plut., Pomp. 69, Caes. 44; App., b. c. 2, 76; Dio 41, 60 (48)..

§ 23. (83 н. э.).

- § 24. Flor. 2, 2, 8—9; Polyb. 1, 22; Zonar. 8, 11 (260).
Oros. 6, 15, 23..

Кн. II, гл. IV

- § 1. Liv. 10, 40—41 (293).
§ 2. Liv. 10, 14 (297).
§ 3. Eutr. 4, 27, 5 (109).
§ 4. Liv. 36, 14, 19; Auct. de vir. ill. 47, 3; Plut., Cato Maj. 12 сл.; App. Syr. 17 сл.; Zonar. 9, 19 (191).
§ 5. Liv. 7, 14—15; App. Gall. 1 (358).
§ 6. Plut. Mar. 20 сл.; Polyæn. 8, 10, 2 (102).
§ 7. Plut. Crass. 11; App. b. c. 1, 118; Front. 2, 5, 34 (71).
§ 8. Liv. 23, 16, 13, 14 (216).
§ 9. Plut. Pyrrh. 17 (280).
§ 10. Sall., Jug. 101, 6—8 (107).
§ 11. Polyæn. 1, 35, 1 (457).
§ 12. Polyæn. 7, 6, 6; Her. 1, 80; Aelian. anim. 3, 7; 11, 36 (546).
§ 13. Flor. 1, 18, 8; Oros. 4, 1, 9—10; Plut. Pyrrh., 17; Zonar. 8, 3 (280).
§ 14. Front. 2, 5, 4.
§ 15. Front. 4, 7, 40.
§ 16. Front. 4, 7, 41.
§ 17. App. Hisp. 5 (228).
§ 18. Liv. 4, 33; Flor. 1, 12, 7 (426).
§ 20. Polyæn. 7, 44, 1.

Кн. II, гл. V

- § 1. Liv. 1, 14; Polyæn. 8, 3, 2.
§ 2. Liv. 9, 35 (310).
§ 3. Liv. 40, 48 (179).
§ 4. Liv. Epit. 19; Flor. 2, 2, 27—28; Eutr. 2, 24; Oros. 4, 9, 14—15; Polyb. 1, 40; Diod. 23, 21, 20; Zonar. 8, 14; Front. 3, 17, 1, 1, 7, 1 (251).
§ 5. Just. 1, 8; Polyæn. 8, 28; Her. 1, 204 сл.; Diod. 2, 44; Ctes. Pers. 6—9 (529).
§ 7. (147—139).
§ 8. Liv. 40, 30—32 (181).
§ 11. Polyæn. 5, 8, 1 (397—396).
§ 12. Polyæn. 5, 10, 1 (396).
§ 14. (179—178).
§ 15. Her. 1, 18; Polyæn. 8, 66.
§ 17. Polyæn. 4, 3, 29; Curt. 7, 11 сл.; Arrian. 4, 18, 4 сл. (327).
§ 18. Polyæn. 5, 44, 2.
§ 20. Caes., b. c. 9, 6, 7—8; Dio 40, 31 (53).
§ 21. App., Hann. 48; Liv. 27, 1 (210).
§ 22. Liv. 22, 28; Polyb. 3, 104—105 (217).

- § 23. Liv. 21, 54; Polyb. 3, 71 сл.; App. Hann. 7; Zonar. 8, 24 (218).
§ 24. Liv. 22, 4; Polyb. 3, 83 сл. (217).
§ 25. Polyæn. 6, 38, 6; Zonar. 9, 3 (216).
§ 26. Polyæn. 2, 3, 9; Xen. Hell. 7, 1, 15—18, Diod. 15, 68 (369).
§ 27. Liv. 22, 48; Val. Max. 7, 4 ext. 2; Flor. 2, 6, 16; Sil. It. 10, 185 сл.; App. Hann. 20, 22, 23; Zonar. 9, 1 (216).
§ 29. Liv. 30, 5—6; Polyb. 14, 1—5; App. Pun. 18—23; Zonar. 9, 12 (203).
§ 30. Plut. Lucull. 16; App. Mithr. 79 (72).
§ 31. App. b. c., 1, 109; Plut. Sert. 18; Sall. Hist. 2, 15, 16D fr. inc. 24D; Obsequens 58 (76).
§ 32. Liv. Epit. 96; Flor. 3, 22, 9; Oros., 5, 23, 13; App. b. c. 1, 115; Sall. Hist. 3, 50 (72).
§ 33. App. Mithr. 98; Dio 36, 47, 3—4 (66).
§ 34. Liv. Epit. 97; Oros. 5, 24, 6; Plut. Crass. 11; App. b. c. 1, 118; Sall. Hist. 4, 16D; fr. inc. 40D; Front. 2, 4, 7. (71).
§ 35. Dio 40, 29 (51).
§ 36. Dio 48, 39—40; Just. 42, 4, 7—8 (39).
§ 37. Dio 42, 41, 1—4; Plut. Anton. 33 (39).
§ 38. Caes. b. c. 1, 65—72; Front. 1, 8, 9 (49).
§ 39. Cic. ad fam. 10, 30; Liv. Epit. 119; App. b. c. 3, 66 сл.; Dio 46, 37 (43).
§ 40. Caes. b. c. 2, 40—42; App. b. c. 2, 45. Dio 41, 42 (49).
§ 41. Polyæn. 1, 19; Conon. narrat. 39.
§ 42. Xen. Hell. 4, 8, 37 сл.; Polyæn. 3, 9, 44 (389—388).
§ 44. Polyæn. 1, 40, 9; Xen. Hell. 1, 1, 11—26; Plut. Alcib. 28; Diod. 13, 50 (410).
§ 47. Polyæn. 3, 10, 6, 12, 16 (375).

Кн. II, гл. VI

- § 1. Liv. 7, 25—26 (342).
§ 2. Liv. 25, 37—40; Front. 2, 10, 2 (211).
§ 3. (58—53).
§ 4. (217).
§ 5. (229).
§ 6. Polyæn. 2, 1, 19; Plut. Ages. 1, 8 (394).
§ 7. Liv. 2, 47; Dion. 9, 12 (480).
§ 8. Just. 2, 13, 5; Corn. Nep., Them. 5, 1; Polyæn. 1, 30, 4; Her. 8, 110; Plut., Them. 16; Diod. 11, 19 (480).
§ 10. Polyæn. 6, 6, 3.

Кн. II, гл. VII

- § 1. Liv. 1, 27; Val. Max. 7, 4, 1; Auct. de vir. ill. 4; Serv. ad Aen. 8, 642; Dion. 3, 24; Polyæn. 8, 5.
 § 4. Liv. 29, 23—24; Polyæn. 8, 16, 7; Zonar. 9, 12 (204).
 § 5. Oros. 5, 23, 12. (75).
 § 6. (409).
 § 7. Liv. 21, 23, (218).
 § 9. Polyæn. 7, 21, 7; Corn. Nep., Latam. 6; Diod. 15, 91 (362).
 § 10. Liv. 2, 64, 57; Dion. 9, 57 (468).
 § 11. Liv. 2, 46—47; Dion. 9, 11 (480).
 § 12. Flor. 3, 3, 7—10; Plut. Mar. 18; Apophtegm. reg. et imp., Marii 4 (102).
 § 13. Cic. de div. 1, 32, 68 (48).
 § 14. (191).

Кн. II, гл. VIII

- § 1. Dionys. 3, 65.
 § 2. Liv. 3, 70, 2—11 (446).
 § 3. Liv. 4, 26, 29 (431).
 § 4. Liv. 6, 6—8 (386).
 § 5. Plut. Aem. 20 (168).
 § 6. Liv. 6, 23—24 (381).
 § 7. (133).
 § 8. Liv. 4, 46—47 (418).
 § 9. Liv. 4, 31—33; Flor. 1, 11, 2—3 (426).
 § 10. Liv. 1, 37, 3.
 § 11. Liv. 10, 35—36; Front. 4, 1, 22 (294).
 § 12. Plut., Sulla 21; Polyæn. 8, 9, 7; App. Mithr. 49; Amm. Marc. 16, 12, 41 (85).
 § 13. Polyæn. 8, 23, 16; Plut., Caes. 56; App. b. c. 2, 104; Vell. 2, 55, 3 (45).
 § 14. Just. 1, 6, 10—13.

Кн. II, гл. IX

- § 1. (102).
 § 2. Liv. 27, 51; Auct. de vir. ill. 48; Zonar. 9, 9 (207).
 § 3. App., b. c. 1, 93—94 (82).
 § 4. (9 н. э.).
 § 5. (60 н. э.).
 § 7. Polyæn. 1, 43; 2, Thuc. 7, 33; Plut., Nic. 26; Diod. 13, 18 (413).
 § 8. Her. 5, 115; Plut. Arist. 5 (490).
 § 9. Just. 2, 8; Aen. Poliorc. 4, 3—4; Polyæn. 1, 20, 2; Plut. Sol. 4, 7, 13.
 § 10. Polyæn. 1, 34, 1; Thuc. 1, 100; Diod. 11, 61 (465).

Кн. II, гл. X

- § 1. (98—93).
 § 2. Liv. 25, 37—40; Front. 2, 6, 2 (211).

гл. XI

- § 2. (76—72).
 § 3. Just. 11, 5, 1—3. (334).
 § 4. Just. 12, 1, 1—6—8; Curt. 6, 1; Diod. 17, 63 (331—330).
 § 5. Liv. 26, 50; Val. Max. 4, 3, 1; Auct. de vir. ill. 49, 8; Gell. 7, 8; Amm. Marc. 24, 4, 27; Sil. Ital. 15, 268; Polyb. 10, 19; Polyæn. 8, 16, 6; Dio, fr. 57, 42—43; Zonar. 9, 8 (209).
 § 6. Gell. 7, 8; Amm. Marc. 24, 4, 27.
 § 7. (83 н. э.).

Кн. II, гл. XII

- § 1. Liv. 2, 64—65; Dionys. 9, 58 (468).
 § 2. (80—72).
 § 4. Front. 1, 5, 24; Polyæn. 3, 9, 41, 46, 50.

Кн. II, гл. XIII

- § 1. Flor. 3, 5, 18 (ок. 239).
 § 2. Just. 36, 1, 8 (134).
 § 3. Plut. Sert. 12, 1221; Pomp. 19 (75).
 § 4. App. Iber. 62 (147—139).
 § 5. Liv. 2, 10; Dion. 5, 23—25; Flor. 1, 10, 4; Auct. de vir. ill. 11; Plut. Publ. 16 (507).
 § 6. Caes. b. c. 1, 80 (49).
 § 7. Eutr. 7, 6 (30).
 § 8. (198).
 § 9. Liv. epit. 19; Flor. 2, 2, 29; Eutr. 2, 26; Oros. 4, 10, 3; Polyb. 1, 51, 11—12; Diod. 24, 1, 5 (249).
 § 11. (51).

Кн. III, гл. I

- § 1. Liv. 2, 65, 7 (468).
 § 2. (165).

Кн. III, гл. II

- § 2. (260).
 § 3. (216—203).
 § 5. Diod. 11, 60, 4 (ок. 470).
 § 6. Polyæn. 1, 40, 4; Thuc. 6, 42, 51; Diod. 13, 4, 4 (415).
 § 7. Polyæn. 2, 3, 1.
 § 10. Polyæn. 5, 16, 3; Aen. Poliorc. 29, 6 (369).
 § 11. (281).

Кн. III, гл. III

- § 1. Zonar. 8, 6 extr. (272).
 § 2. Liv. 25, 23 сл.; Polyb. 8, 37; Plut., Marc. 18 сл.; Polyæn. 8, 11, (212).

- § 3. Liv. 1, 53 сл.; Val. Max. 7, 4, 2; Dionys. 4, 55—56; Polyae. 8, 6; Zonar. 7, 10.
 § 4. Just. 1, 10, 15; Her. 3, 153 сл.; Plut. Apophth. reg. et imp., Darei 4; Polyae. 7, 13 (518).
 § 6. App. Hann. 32; Liv. 25, 8—9; Polyb. 8, 26 сл. (212).
 § 7. Polyae. 5, 19 (287).

Кн. III, гл. IV

- § 1. Liv. 23, 46, 9 сл.; 48, 1—2; 25, 13 (215).
 § 2. Polyae. 4, 6, 20 (263).
 § 3. Diod. 14, 108 (391).
 § 4. Polyae. 5, 2, 10 (387).
 § 5. (266—263).
 § 6. Polyae. 5, 1, 3 (570—554).

Кн. III, гл. V

- § 1. Polyae. 2, 2, 8 (402—401).
 § 2. (279—178).

Кн. III, гл. VI

- § 1. (202).
 § 2. Auct. de vir. ill. 44, 4 (155).
 § 3. (296—286).
 § 4. Zonar. 6 (277).
 § 5. (216—203).
 § 6. Polyae. 1, 40, 5; Diod. 13, 6, 2 сл.; Thuc. 6, 64 сл. (415).
 § 7. Polyae. 2, 29, 1 (277—276).

Кн. III, гл. VII

- § 1. (ок., 77).
 § 2. Hirt., b. 9, 8, 40—45 (51).
 § 3. (143—142).
 § 4. Polyae. 7, 6, 5; Her. 1, 191; Xen., Cyrop. 7, 5 (538).
 § 5. Polyae. 8, 26.
 § 6. Polyae. 6, 13 (об Эврилохе.); Paus. 10, 37, 7 (о Солоне), (595—585).

Кн. III, гл. VIII

- § 1. Polyb. 16, 11; Polyae. 4, 18, 1 (201).
 § 2. Polyae. 2, 4, 1 (369—364).
 § 3. Ctes., pag. 46 и 60, изд. Müller; Polyae. 7, 6, 10; Her. 1, 84 (546).

Кн. III, гл. IX

- § 1. Liv. 26, 45—46; Polyb. 10, 10 сл.; App. Hiber. 19—22 (208).
 § 2. Liv. 24, 46—47; App., Hann. 31 (213).
 § 3. Sall., Jug. 92—94; Flor. 3, 1, 14 (107).
 § 4. (259).

- § 6. Front. 2, 5, 44; Diod. 13, 50; Polyae. 1, 40, 9 (410). Ср. Diod. 13, 66, 4—67; Plut., Alcib. 31; Front. 3, 11, 3 (409).

- § 9. Front. 1, 5, 10 (430). О Гимильроне Polyae. 5, 10, 3.

Кн. III, гл. X

- § 1. Liv. 34, 20 (195).
 § 2. (259).
 § 3. Diod. 13, 59, 7—62, 2 (409).
 § 4. Liv. 21, 7, 8—9 (219).
 § 5. Polyae. 5, 10, 4 (406).
 § 6. (147—139).
 § 9. Polyb. 1, 44 сл. (249).

Кн. III, гл. XI

- § 1. Polyae. 3, 4, 1 (432).
 § 2. Polyae. 2, 1, 16 (396—394).
 § 3. Polyae. 1, 40, 2; Diod. 13, 60, 4—67; Plut., Alcib. 31; Front. 3, 9, 6 (409).
 § 4. (147—139).
 § 5. Polyae. 2, 3, 10; Xen. Hell. 7, 5, 9—17; Polyb. 9, 8; Diod. 15, 82, 5—84, 3; Plut., Ages. 34; Aen. Poliorc. 2, 2; Just. 6, 7 (362).

Кн. III, гл. XII

- § 1. Polyae. 1, 40, 3.
 § 2. Corn. Nep. Iphier. 2, 1—2 (393—391).

Кн. III, гл. XIII

- § 1. Liv. 5, 46; Diod. 14, 116; Plut., Cam. 25; Zonar. 7, 23 (390).
 § 2. Liv. 26, 7 (211).
 § 6. Sall. Hist. 3, 19D; Flor. 3, 5, 15—16; Oros. 2, 14; Sidon. Apollin. 22, 512 (74).
 § 7. Dio 46, 36, 4—5 (43).
 § 8. Plin. NH 10, 37 (43).

Кн. III, гл. XIV

- § 1. Dio 43, 33—34; App., Iber. 19, 4; Val. Max. 9, 2, 4 (45).
 § 2. Liv. 23, 19 (216).
 § 3. (43).
 § 4. (43).

Кн. III, гл. XV

- § 1. Val. Max. 7, 4, 3; Liv. 5, 48, 4—5; Ovid., Fast. 6, 379 сл. (390).
 § 3. Liv. 23, 19, 13—15; Strab. 5, 4, 10 (216).
 § 4. (9 н. э.).
 § 6. Her. 1, 21 сл.; Polyae. 6, 47 (ок. 611).

Кн. III, гл. XVI

- § 1. Liv. 23, 15—16; Plut., Marc. 10—11; Dio fr. 57, 33.
Front. 4, 7, 36; Val. Max. 7, 3, 7; Auct. de vir. ill. 43; Plut., Fab. 20; Apopht. reg. et imp., Fab. Max. 4; Div. 27, 15 (216).
§ 2. (260—241).
§ 3. Diod. 23, 8, 3; Zonar. 8, 10 (о Гамилькаре) (261).
§ 5. Liv. 44, 44 (168).

Кн. III, гл. XVII

- § 1. Polyb. 1, 40; Diod. 23, 21; Zonar. 8, 14; Front. 2, 5, 4 ((251).
§ 2. Liv. 40, 25, 27—28 (181).
§ 3. Liv. 26, 39 (217—209).
§ 4. Caes. b. c. 3, 65—70 (48).
§ 5. (85).
§ 6. Caes. b. G. 5, 37—52; Polyæn. 8, 23, 7; Dio 40, 10; Oros. 6, 10, 6—8 (54).
§ 7. Caes. b. G. 3, 17—19 (56).
§ 8. (90).
§ 9. Liv. epit. 55 (138).

Кн. III, гл. XVIII

- § 1. Liv. 26, 11; Val. Max. 3, 7, 10 (211).
§ 2. Liv. 26, 11; Val. Max. 3, 7, 10 (211).
§ 3. Liv. 26, 1, 7, 8; Polyb. 9, 3—7 (211).

Кн. IV, гл. I.

- § 1. Val. Max. 2, 7, 1; Liv., epit. 57; Flor. 2, 18, 9; Veget. 3, 10; Plut., apophth. Scip. min. 16; App., Iber. 85; Polyæn. 8, 16, 2 (134).
§ 2. Val. Max. 2, 7, 2; Sall. Jug. 44—45; Eutr. 4, 27; (см. также Plut., App., Polyæn., цитированные IV, I, 1) (109).
§ 4. Liv. 22, 38 (216).
§ 5. Liv., epit. 57; Plut. apopht. reg. et imp. Scip. Min. 18; Polyæn. 8, 16, 4; Aelian., v. h. 11, 9, 5; Plut. 1. c. 19; Polyæn. 8, 16, 3.
§ 7. Fest. Paul. 24, 2; 148, 6.
§ 8. Polyæn. 5, 28, 1; 3, 9, 10.
§ 10. Plut., Demet. 23; apopht. Antig. 5.
§ 11. (143).
§ 12. (105).
§ 13. Val. Max. 5, 8, 4; Auct. de vir. ill. 72, 10; Liv. epit. 68 (102).
§ 14. Liv. 35, 14; Plut. Pyrrh. 16; Flor. 1, 18, 11. 25; Eutr. 2, 14, 3.
§ 15. Liv. 34, 43; 35, 1 (194—193).
§ 16. Gell. 10, 8, 1.

- § 17. Val. Max. 2, 7; Xen., Anab. 2, 6, 10.
§ 18. Val. Max. 2, 7, 15; Liv. epit. 13; Eutr. 2, 13; Zonar. 8, 4 extr. (279).
§ 19. (263? 261? 246?).
§ 20. Liv. epit. 55 (138).
§ 21. Tac., ann. 13, 36 (58—59 н. э.).
§ 22. (252).
§ 23. Val. Max. 2, 7, 10; Vell. 2, 5; Auct. de vir. ill. 61 (143).
§ 24. (280).
§ 25. Liv. 24, 18; 26, 1.
§ 26. Val. Max. 2, 7, 9 (133).
§ 28. (58—59 н. э.).
§ 29. Liv. 10, 35, 1; 36, 5—9; Front. 2, 8, 11 (294).
§ 30. (252).
§ 31. Val. Max. 2, 7, 4; Zonar. 8, 14 (252).
§ 32. Val. Max. 3, 7, 5; Liv. 40, 41; 41, 27; Vell. 1, 10, 6 (174).
§ 34. Liv. 2, 59; Dionys. 9, 50; Zonar. 7, 17 (471).
§ 35. (322? 310? 297? 295?).
§ 37. Plut., Anton. 39 (36).
§ 38. Val. Max. 2, 7, 15; Liv. 28, 28; epit.; 12, 15; Oros. 4, 3, 3—5; Polyb. 1, 7, 6—13; Dionys. 20, 4—5; App., Samn. 9; Dio, fr. 36; 6—7; Zonar. 7, 26 (325).
§ 39. Val. Max. 2, 7, 8; 3, 2, 9; Liv. 8, 29 сл.; Eutr. 2, 8; Oros. 3, 15; Auct. de vir. ill. 31, 32; Dio, fr. 36, 6—7; Zonar. 7, 26 (325).
§ 40. Val. Max. 2, 7, 6; 9, 3, 4; Liv. 8, 7; Flor. 1, 14; Oros. 3, 9; Cic. De off. 3, 31, 112; de fin. 1, 7, 23; Sall. Cat. 52; Gell. 9, 13; Auct. de vir. ill. 28; Dionys. 8, 79; Dio, fr. 35, 3; Zonar. 7, 26; 9, 5 (340).
§ 41. См. § 40.
§ 42. Val. Max. 2, 7, 11; Oros. 5, 4, 12.
§ 43. Liv. epit. 92, 95; Eutr. 6, 2; Festi brevian. 7, 5 (75).
§ 44. Liv. 25, 3. 5. 6. 7; 26, 1; Val. Max. 2, 7, 15; Plut., Marc. 13 (212).
§ 45. Liv. 27, 34, 29, 37; Auct. de vir. ill. 50 (218).
§ 46. Val. Max. 2, 7, 15; Liv. 41, 18 (176).

Кн. IV, гл. II

- § 1. (42).
§ 2. (104).
§ 3. Tac., Ann. 13, 8, 35; Dio 62, 19 (55 н. э.).
§ 4. Liv. 35, 14; Just. 11, 6; Plut., Alex. 45; Diod. 17, 17 (334).

- § 5. Xen., Anab. 1, 2, 9; 1, 4, 3; Diod. 14, 19, 6; Plut., Artax. 6; Just. 5, 11, 10—11 (401).
 § 6. Diod. 15, 52; Plut., Pelop. 20. (371).
 § 7. Front. 2, 3, 6; 4, 25 (401).
 § 8. Cp. §§ 5, 7; Xen., Anab. 3, 1 сл. (401).
 § 9. Her. 7, 210; Seneca, de benef. 6, 31, 8 (480).

Кн. IV, гл. III

- § 1. Val. Max. 4, 3, 11; Plin., NH 14, 13, 14; Fest. 169, 24.
 § 2. Val. Max. 4, 3, 5 (о М. Курии); Cic., De sen. 16, 55; parad. 6, 2, 48; Gell. 1, 14; Flor. 1, 18, 22; Auct. de vir. ill. 33, 7; Plut. Apopht. reg. et imp., M. Curii 2.
 § 3. Val. Max. 4, 4, 6; Liv., epit. 18; Seneca, ad Helv. 12; Apul., Apol. 18; Auct. de vir. ill. 40; Dio, fr. 43. 20 (255).
 § 4. Val. Max. 4, 4, 10; Seneca, qu. nat. 1, 17, 9; Apul., Apol. 18; Amm. Marc. 14, 6, 11; Zonar. 9, 3 extr.
 § 5. Corn. Nep., Aristid. 3.
 § 6. Corn. Nep., Epam. 3; Plut., Pelop. 3; Lyc. 13; Fab. Max. 27; Aelian. v. h. 2, 43; 5, 5; 11, 9, 3; Athen. 10, 13.
 § 7. Liv. 21, 4; Dio, fr. 54, 4.
 § 8. Liv. 21, 4, 7.
 § 11. Polyb. 37, 10; Plut., An seni resp. ger. sit 15.
 § 12. Val. Max. 4, 3, 5; Colum. praef.; 1, 3; Plin. NH 13, 4; 16, 38; Auct. de vir. ill. 33, 6; Plut. Apopht. reg. et imp. M. Curii 1.
 § 14. (70 н. э.)
 § 15. Cic. De off. 2, 22, 76; in Verr. 1, 20; pro Corn. or. II fr. 8; Liv. epit. 52; Flor. 2, 16, 6—7. Oros. 5, 3, 5—7; Plin. NH 34, 3, 6; 34, 7, 17; 35, 4; 37, 2, 6; Auct. de vir. ill. 60 (146).

Кн. IV, гл. IV

- § 1. Val. Max. 6, 5, 1; Liv. 5, 27; Auct. de vir. ill. 23; Dionys. 13, 1; Plut. Cam. 10; Polyaeen. 8, 7; Dio, fr. 24, 2; Zonar. 7, 22 (394).
 § 2. Val. Max. 6, 5, 1; Cic. De off. 3, 22, 86; Liv., epit. 13; Flor. 1, 18, 21; Eutr. 2, 14; Seneca, Ad Lucil. 120; Tac., Ann. 2, 88; Cell. 3, 8; Amm. Marc. 30, 1, 22; Plut., Pyrrh. 21; Dio, fr. 40, 44; Zonar. 8, 5; Aelian, v. h. 12, 33 (279).

Кн. IV, гл. V

- § 1. Plut., Pomp. 14; Zonar. 10, 2; Plut., apopht. regum et imp., Pompei 6 (79).
 § 2. Suet. Caes. 69; App. b. c. 2, 47; Dio 41, 26 сл. (49).
 § 4. Val. Max. 3, 2, 5; Liv. epit., 20; Flor. 2, 4; Eutr. 36; Ampel. 21; Auct. de vir. ill. 45; Festus 189, 3; Polyb. 2, 34; Plut., Marc. 7; Zonar. 8, 20 (222).
 § 5. Liv. 22, 49 (216).
 § 6. Liv. 22, 61, 14—15; Val. Max. 3, 4, 4; 4, 52; Polyb. 3, 116 сл. (216).
 § 7. Liv. 2, 50; App., Hann. 26 (216).
 § 8. Front. 1, 5, 12.
 § 9. Front. 1, 5, 14.
 § 10. Front. 1, 5, 15.
 § 11. Front. 1, 11, 3.
 § 12. Val. Max. 6, 4, ext. 4; Cic. Tusc. 5, 14, 42; Plut. apopht. Lacon. ign. 50; ib. Damindae, Astryeratidae.
 § 13. Val. Max. 3, 7, ext. 8; Cic. Tusc. 1, 42, 101; Seneca De ben. 6, 36; Plut., apopht. Lacon. Leonidae 6; Suid. s. v. Leonidas.
 § 14. Val. Max. 5, 6, 4; Varro, De vita p. R. 3, 3; Non. p. 518, 30; Plin., NH 10, 18, 41.
 § 15. Val. Max. 5, 6, 5—6; Cic. De div. 1, 24, 51; De fin. 2, 19, 61; De senect. 13, 43, pro Sesto 21. 48; Liv. 8, 9, 10, 28; Auct. de vir. ill. 26—27 (340. 295).
 § 16. Val. Max. 3, 2, 12; Liv. epit. 59; Flor. 2, 20, 4—5; Eutr. 4, 20; Oros. 5, 10, 1—4; Vell. 2, 4, 1; Just. 36, 4, 7—8; Strab. 14, 1, 38 (130).
 § 17. Val. Max. 3, 2, 16; Just. 33, 2; Plut. Aem. 21 (168).
 § 18. Val. Max. 6, 6, ext. 2; Liv. 23, 20;; 23, 30; Sil. Ital. 12, 431; Polyb. 7, 1; Athen. 12, 36; App. Hann. 29 (216).
 § 19. (80—75).
 § 20. Val. Max. 7, 6, 2—3; Liv. 23, 19; Cic. De invent. 2, 57, 171; Plin. NH 8, 57, 82; Strab. 5, 4, 10 (216).
 § 21. App. Mithr. 73 (74).
 § 22. (147—139).
 § 23. Val. Max. 3, 2, ext., 7; Liv. epit. 59; Flor. 2, 18, 15; Seneca, De ira 1, 11; App., Iber. 96—97 (133).

Кн. IX, гл. VI

- § 1. Sil. Ital. 7, 539 сл.; 713 сл.; Dio, fr. 57, 9—10; Plut., apopht. reg. et imp. Caec. Metelli 1.

- § 2. Xen., Anab. 3, 4, 44—49 (401).
 § 3. Val. Max. 5, 1, ext. 1; Curt. 8, 4, 15—17.

Кн. IV, гл. VII

- § 1. Veget. 3, 26, Caes. b. c. 1, 72, 2; App. Iber. 87.
 § 3. Gell. 13, 3, 6; Liv. 44, 36; Val. Max. 7, 2, 2; Plut., apopht. reg. et imp., Aem. Pauli 5; App. Iber. 87.
 § 6. Front. 1, 10, 1.
 § 7. Eutr. 2, 11; Zonar. 8, 3; Liv. 30, 29; Polyb. 15, 5, 4 сл.; Polyæn. 8, 16, 8; App. Pun. 39 (280).
 § 8. Vell. 2, 120, 4 (9 н. э.).
 § 11. Just. 32, 4, 6—7; Corn. Nep., Hann. 10—11 (184).
 § 13. Front. 2, 9, 9.
 § 14. Caes., b. c. 3, 101 (48).
 § 15. Liv. 27, 49 (207).
 § 16. Veget. 3, 21.
 § 17. Thuc. 3, 34; Polyæn. 3, 2 (427).
 § 19. Polyæn. 2, 7; Xen., Hell. 5, 4, 56 (377).
 § 20. Polyæn. 4, 19 (321).
 § 21. Polyæn. 1, 35, 2 (457).
 § 22. Polyæn. 8, 21; Liv. 24, 37—39 (214).
 § 23. Polyæn. 3, 9, 58 (390—389).
 § 24. Liv. 24, 14—16; Val. Max. 5, 6, 8; Flor. 2, 6, 30 (214).

- § 25. Liv. 22, 6—7, 13; Polyb. 3, 77. 84—85 (217).
 § 26. Liv. 27, 28 (208).
 § 27. Veget. 1, 15 extr. (133).
 § 28. (369—364).
 § 29. Val. Max. 2, 3, 3; Liv. 26, 4—5 (211);
 § 30. Liv. 37, 37. 39—41; Flor. 2, 8, 17; App., Syr. 30 сл. (189).
 § 31. Liv. 34, 11—13 (195).
 § 32. Plut., Caes. 44—45; Pomp. 69; Polyæn. 8, 23, 15; App., b. c. 2, 78; Dio 41, 60; Caes., b. c. 3, 84 сл.; Flor. 4, 2, 50; Oros. 6, 15, 26 (48).
 § 33. (179—178).
 § 34. Corn. Nep. Eum. 5; Just. 14, 2; Plut. Eum. 10—11; Diod. 18, 41—42 (320).
 § 35. Plut., Cato Maj. 10; apopht. reg. et imp.; Cat. Mal. 24.
 § 36. Auct. de vir. ill. 43; Liv. 22, 42, 4; Val. Max. 7, 3, 7; Plut. Fab. 20; Liv. 27, 15; Plut., apopht. reg. et imp., Fab. Max. 4; Front. 3, 16, 1.
 § 37. Plut. apopht. reg. et imp., Philippi patris. Alex. 6.
 § 38. Liv. 27, 28 (208).
 § 29. Liv. 22, 53; Val. Max. 5, 6, 7; Sil. Ital. 10, 426; Dio, fr. 57, 28 (216).
 § 40. Front. 2, 4, 15; Liv. 6, 2, 9—11; Plut. Cam. 34 (389).
 § 41. Front. 2, 4, 16; App. b. c. 1, 41 (90).
 § 42. (143—142).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абидос** I, 4, 7.
Абидосцы II, 7, 6.
Август, см. Домициан и Веспасиан.
(К.) Аврелий Котта, консул (252) IV, 1, 22; IV, 1, 30; IV, 1, 31.
П. Аврелий, родственник предыдущего IV, 1, 31.
(Л. Аврункулей) Котта, легат Цезаря в Галлии III, 17, 6.
Автофрадат I, 4, 5; II, 7, 9.
Агафокл I, 42, 9.
Агесилай лакедемонянин возвращается из Фригии I, 4, 2; против фиванцев I, 4, 3; II, 6, 6; вторжение в Лидию I, 8, 12; I, 10, 3; под Орхоме-ном I, 11, 5; против персов I, 11, 17; осаждают Фокею III, 11, 2.
Агригент III, 2, 6; III, 10, 5.
Агригентцы III, 4, 6; III, 10, 5.
Агриппа см. Фурий.
Адафонт II, 5, 30.
Азия II, 9, 8; II, 11, 3; III, 17, 5; IV, 5, 16.
Акве Секстие II, 4, 6.
Аквилий IV, 1, 36.
Албания II, 3, 14.
Албанцы II, 7, 1.
Александр Македонский (сын Филиппа) в подозрении у карфагенян I, 2, 3; выбирает место боя I, 3, 1; переправляется через Гидасп I, 4, 9; через Инд I, 4, 9а; его наследник Лисимах I, 5, 11; в африканской пустыне I, 7, 7; приносит жертву I, 11, 14; при Арбелах II, 3, 19; обманывает неприятеля II, 5, 17; покоряет фракийцев II, 11, 3; Антипатр узнает о его смерти II, 11, 4; сдержанность и деликатность II, 11, 6; перед штурмом Левкадии III, 4, 5; под Вавилоном III, 7, 4; качество его армии IV, 2, 4; сравнение со Сципионом Эмилианом IV, 3, 10; отношение к солдатам IV, 6, 3; его наследник Евмен IV, 7, 34.
Александр (Эпирот) II, 5, 10.
Александрийцы I, 1, 5.
Алкивиад на Геллеспонте против Миндара II, 5, 44; готовится к морскому сражению II, 5, 45; против абидосцев и Фарнабаза II, 7, 6; осаждают Агригент III, 2, 6; против сиракузцев III, 6, 6; под Кизиком III, 9, 6; засада на византийцев III, 11, 3; дает указания часовым III, 12, 1.
Алиций II, 11, 5.
Алкета IV, 7, 19.
Амбиорикс III, 17, 6.
Амбракия II, 7, 14.
Амфиполис I, 5, 23; III, 16, 5.
Анаксибий I, 4, 7; II, 5, 42.
Антигон (Дозон) II, 6, 5.
Антигон (Гонат) III, 4, 2.
Антигон (отец Деметрия) IV, 1, 10.
Антий III, 1, 1.
Антиох в Каппадокии III, 2, 9.
Антиох против эфесцев III, 9, 10.
Антиох (Великий, сын Селевка II) подозревает Ганнибала I, 8, 7; пользуется его советами IV, 7, 10; побежден у Фермопил II, 4, 4; побежден в Азии IV, 7, 30.
Антиох (Сидет или Эвергет) победитель Трифона II, 13, 2.
Антипатр военачальник Филиппа I, 4, 13; против лакедемонян II, 11, 4.
М. Антоний бегство от Мутины I, 7, 5; в бою против парфян II, 3, 15; разбил войска Пансы II, 5, 39; отступает перед парфянами II, 13, 7; осаждают Мутину III, 13, 7; III, 14, 3; подвергает казни своих солдат IV, 1, 37.
Аполлодор III, 3, 5.
Апеннины I, 8, 3.
Аппий см. Клавдий.

* Первая цифра указывает книгу, вторая — главу, третья — параграф.

- Арабы** II, 5, 16.
Арбелы II, 3, 19.
Ариовист I, 11, 3; II, 1, 16, IV, 5, 11,
Аристид IV, 3, 5.
Аристипп лакедемонянин III, 2, 8.
Аристоник, IV, 5, 16.
Аркадия III, 2, 7.
Аркадцы I, 14, 9; III, 2, 4.
Армения II, 5, 38; IV, 1, 21; IV, 1,
 28; Великая Армения II, 1, 14; II,
 2, 4.
Армяне I, 4, 10; II, 9, 5.
Арминий II, 9, 4.
Арпы III, 9, 2.
Артаксеркс (Мнемон) II, 3, 6;
 IV, 2, 7.
Арузинские поля IV, 1, 14.
Архелай военачальник Митридата
 I, 5, 18; I, 11, 20; II, 3, 17; II,
 8, 12.
Архидам лакедемонянин I, 11, 9.
Аскуланцы III, 17, 8.
Аскулум II, 3, 21.
Атегуа III, 14, 1.
М. Атилий Регул, консул (294)
 во время самнитской войны II, 8, 11;
 IV, 1, 29.
М. Атилий Регул в Африке про-
 тив Ксантиппа II, 3, 10; его бедность
 IV, 3, 3.
(А.) Атилий Калатин, консул
 (258) I, 5, 15; IV, 5, 10.
Атребат (Коммий) II, 13, 11.
Аттал против галлов II, 13, 1.
Т. (Аттий) Лабиен легат Цезаря
 II, 5, 20; II, 7, 13.
(Кв. Аттий) Лабиен, сын предыдущего,
 против Вентидия II, 5, 36.
Афей II, 4, 20.
Афины IV, 7, 13; укрепления I, 1, 10.
Афиняне против мегарцев II, 9, 9;
 при Марафоне II, 9, 8; против Ксерк-
 са I, 3, 6; при Эвримедонте II, 9, 10;
 помогают дочерям Аристида IV, 3, 5;
 хитрость Перикла I, 11, 10; опусто-
 шают поля лакедемонян I, 3, 9; IV,
 7, 13; осаждены лакедемонянами III
 12, 1; III, 15, 2; против сиракузцев
 III, 6, 6; против агригентцев III, 2, 6;
 при Эгоспотамх II, 1, 18; против
 Филиппа на Херсонесе I, 4, 13а,
 у Στεγιά I, 4, 13; при Херонее II,
 1, 9; против Брасида I, 5, 23; против
 Антигона III, 4, 2; их гавань I, 5, 7.
Афранианцы II, 5, 38.
Афраний против Цезаря в Испании
 I, 5, 9; I, 8, 9; II, 1, 11; II, 5, 38; II,
 13, 6.
Африка I, 2, 3; I, 3, 8; I, 7, 7; I, 12, 1;
 II, 2, 10; II, 3, 10; II, 3, 16; II, 5,
 40; II, 7, 4; III, 6, 1.
Африканский см. Корнелий.
Африканцы I, 8, 11; II, 3, 1; пре-
 восходство в коннице и в слонах II, 2,
 11; восставшие II, 5, 12.
Ахайя II, 4, 4.
(М). Ацилий Глабрион, кон-
 сул (191) II, 4, 4.
Балеарцы I, 3, 16.
(Л.) Бантий ноланец III, 16, 1.
Бардия иллириец II, 5, 19.
Барка, пунийский полководец в Си-
 цилии см. Гамилькар III, 10, 9.
Бойи I, 6, 4.
Брасид вождь лакедемонян I, 5, 23.
Британия II, 13, 11.
Брундивий I, 5, 5.
Брут см. Децим.
Бруттии II, 3, 21.
Бэотия II, 8, 12.
Вавилон III, 7, 4.
Вавилоняне III, 3, 4; III, 7, 5.
Ваданд II, 9, 5.
Вакцеи IV, 7, 33.
Валерий военный трибун (252) IV
 1, 30.
П. Валерий в Эпидавре II, 11, 1.
П. Валерий Левин, консул (280)
 IV, 7, 7; против Пирра II, 4, 9; при
 Сирисе IV, 1, 24; IV, 1, 24а.
Вар III, 15, 4.
П. Вариний (Глабр) проконсул (73)
 I, 5, 22.
Варрон см. Теренций.
Везувий I, 5, 21.
Вейенты II, 4, 19; II, 7, 1.
Вейи III, 13, 1.
Велый III, 17, 3.
(П.) Вентидий (Басс) во вре-
 мя парфянской войны против Пако-
 ра I, 4, 6, II, 2, 5; II, 5, 36;
 II, 5, 37. **(А.) Вергиний** кон-
 сул (494) против вольсков II,
 1, 7.
Веспасиан Божественный
Август II, 1, 17; IV, 6, 4.
Ветулония I, 2, 7.
(К. Вибий) Панса консул (43) II, 5, 39

- Византийцы I, 3, 4; I, 4, 13а; III, 11, 3.
- Вирриат II, 5, 7; II, 13, 4; III, 10, 6; III, 11, 4; IV, 5, 22.
- Волтурн река II, 2, 7; III, 14, 2.
- Вольски II, 1, 7; II, 4, 15; II, 8, 4; II, 12, 1; III, 1, 1; IV, 7, 40.
- Габии III, 3, 3.
- Габинцы I, 1, 4; III, 3, 3.
- Газдрубал покоряет нумидийцев IV, 7, 18.
- Газдрубал осаждает Панорм III, 17, 1; его побеждает Метелл II, 5, 4.
- Газдрубал, под его командой служит Ганнибал IV, 3, 8.
- Газдрубал (сын Гамилькара Барки), брат Ганнибала, в Испании против Клавдия Нерона I, 5, 19; в Италии против Клавдия Нерона и Ливия Салинатора I, 1, 9; I, 2, 9; II, 3, 8; II, 9, 2; IV, 7, 15.
- Газдрубал, сын Гискона, в Испании против П. Корнелия Сципиона Африканского I, 3, 5; II, 1, 1; II, 3, 4.
- Газдрубал в Испании окружает К. Фонтя Красса, I, 5, 12; IV, 5, 8.
- Газдрубал под Тарентом III, 17, 3.
- Галиатт III, 15, 6.
- Галис I, 5, 4.
- Галл см. Сульпиций.
- Галлия I, 1, 8; II, 1, 6; II, 13, 11; III, 7, 12; III, 17, 6; IV, 3, 14.
- Галлы II, 3, 18; II, 5, 20; III, 17, 6; III, 17, 7; в Италии I, 2, 6; I, 8, 3; II, 1, 8; II, 3, 16; II, 4, 5; II, 4, 7; II, 5, 34; II, 6, 1; III, 13, 1; III, 15, 1; IV, 5, 4; галлы-наемники в Сицилии III, 16, 1; III, 16, 3; галлы в Азии против Евмена I, 11, 15; против Аттала II, 13, 1.
- Галльская дорога II, 6, 1.
- Гамилькар вождь пунийцев обманивает римлян III, 16, 2.
- Гамилькар Родин I, 2, 3.
- Гамилькар Барка вождь пунийцев в Сицилии III, 10, 9; против испанцев II, 4, 17.
- Ганнибал (сын Гискона) занял Гимеру (409) III, 10, 3. Он же (должно быть, Ганнибал сын Гамилькара Барки) осаждает Сагунт III, 10, 4.
- Ганнибал вождь пунийцев во время 1-й Пунической войны IV, 1, 19.
- Ганнибал (сын Гамилькара Барки) брат Газдрубала I, 1, 9; I, 2, 9; I, 5, 19; II, 9, 2; его привычки IV, 3, 7; IV, 3, 8; против сагунтинцев III, 10, 4; мстит перебежчикам III, 16, 4; перебрасывает слонов через реку I, 7, 2; карпетаны его покидают II, 7, 7; при Требии II, 5, 23; на Тразименском озере II, 5, 24; II, 6, 4; IV, 7, 25; против Фабия I, 3, 3; избегает засады Фабия I, 5, 28; воздержался от опустошения полей Фабия I, 8, 2; у Арп III, 9, 2; осаждает Казилин III, 14, 2; III, 15, 2; IV, 5, 20; хитростью берет города III, 2, 3; оставляет скот римлянам II, 5, 13; против Минуция II, 5, 22; под Тарентом III, 3, 6; у Канн II, 2, 7; II, 3, 7; II, 5, 27; III, 16, 1; у Нумистрона против Марцелла II, 2, 6; побеждает Марцеллом II, 3, 9; пользуется преданностью Л. Бантия III, 16, 1; побеждает Марцелла IV, 7, 26; овладел перстнем Марцелла IV, 7, 38; против Фульвия II, 5, 21; против диктатора Юния II, 5, 25; у стен Рима III, 18, 1; III, 18, 2; противостоит Нерону I, 1, 9; горюет о гибели Газдрубала II, 9, 2; отзыв из Италии I, 3, 8; против Сципиона в Африке I, 8, 10; II, 3, 16; III, 6, 1; у Антиоха в Сирии I, 8, 7; IV, 7, 10.
- Ганник II, 4, 7; II, 5, 34.
- Ганнон в окружении I, 5, 27.
- Ганнон вождь карфагян (261) в Сицилии III, 16, 3.
- Ганнон против Гн. Сципиона (218) в Испании II, 3, 1.
- Гарриба царь молоссов II, 5, 19.
- Гастрон II, 3, 13.
- Геллеспонт I, 4, 7; II, 5, 44.
- Гелон сиракузец I, 11, 18.
- Гераклея III, 10, 7.
- Германик см. Домициан.
- Германия IV, 7, 8.
- Германцы I, 1, 8; I, 3, 10; I, 11, 3; II, 5, 20; II, 5, 34; II, 6, 3; II, 9, 4; IV, 5, 11; IV, 7, 8; их царь Ариовист I, 11, 3; II, 1, 16; IV, 5, 11.
- Гермократ II, 9, 6; II, 9, 7; IV, 7, 42.
- Герники II, 8, 2.
- Гидасп, река I, 4, 9.
- Гиллийцы II, 3, 2.
- Гимера III, 4, 4; III, 10, 3.
- Гимилькон вождь пунийцев в Сицилии I, 1, 2; III, 10, 5.
- Гиппий афинянин II, 2, 9.

- Гиртулей легат Сертория I, 8, 5;
II, 1, 2; II, 3, 5; II, 7, 5; IV, 5, 19.
(А.) Гирций, консул (43) III, 13, 7;
III, 13, 8; III, 14, 3; III, 14, 4.
Глабрион см. Ацилий.
Главция IV, 5, 1.
Гомера стих II, 3, 21.
Гораций Коклес II, 13, 5.
Гракх см. Семпроний.
Греки II, 2, 14; II, 3, 6; II, 3, 13;
IV, 2, 7; IV, 2, 8; IV, 7, 22.
Греция I, 4, 6; II, 2, 14.
Грециний II, 5, 31.
Даки I, 10, 4; II, 4, 3.
Дарданская война IV, 1, 43.
Дарий I, 5, 25.
Датам II, 7, 9.
Декелея I, 3, 9.
Делмин III, 6, 2.
Дельфы I, 11, 11.
II. Деций (Мус), трибун (343) во время
самнитской войны I, 5, 14; IV, 5, 9;
обрек себя на гибель ради блага отече-
ства, консул (340) IV, 5, 15.
II. Деций (Мус) консул (IV, 295) сын
предыдущего вместе с коллегой Фабием
побеждает самнитов и галлов I, 8, 3;
обрек себя на смерть ради блага отече-
ства IV, 5, 15.
Дианы храм в Каприи III, 2, 5.
(Т.) Дидий, I, 8, 5; II, 10, 1.
Диодот III, 16, 5.
Дионисий (I) сиракузец I, 8, 11;
III, 4, 3; III, 4, 4.
Диррахий II, 7, 13; III, 7, 14;
IV, 1, 43.
Император Цезарь Доми-
циан Август Германик
против германцев I, 1, 8; I, 3, 10; II,
3, 23; II, 11, 7; IV, 3, 14.
Домиций Кальвин III, 2, 1.
(Гн.) Домиций Корбулон II,
9, 5; IV, 1, 21; IV, 1, 28; IV, 2, 3;
IV, 7, 2.
(К.) Дуеллий, консул (260) III, 2, 2;
в Сиракузском порту I, 5, 6; придумал
железные крючья II, 3, 24.
Дуиллий, военачальник во время
союзнической войны I, 5, 17.
Евмениз Кардии окружен в кре-
пости IV, 7, 34.
Евмен (Тианский, царь Вифинии)
против галатов I, 11, 15.
Европа II, 6, 8.
Евфрат I, 1, 6; III, 7, 4; III, 7, 5.
Египет I, 1, 5.
Египтяне I, 1, 5; II, 3, 13; II, 5, 6.
Зевгма I, 1, 6.
Зопир III, 3, 4.
Иберы II, 2, 10.
Илергеты IV, 7, 31.
Илерда II, 5, 38.
Иллирийцы II, 5, 10; II, 5, 19; III,
6, 3.
Инд река I, 4, 9а.
Индибиле, город II, 3, 1.
Индийский I, 4, 9.
Иниция, крепостца IV, 1, 21.
Исавра III, 7, 1.
Испания I, 1, 10; I, 1, 12; I, 2, 5;
I, 3, 5; I, 5, 1; I, 5, 8; I, 5, 12; I, 5, 19;
II, 1, 1; II, 1, 2; II, 1, 3; II, 3, 1; II, 3,
4; II, 3, 11; II, 5, 14; II, 5, 31; II, 5,
32; II, 9, 2; II, 10, 1; II, 11, 5; II, 12, 2;
II, 13, 6; III, 1, 2; III, 7, 3; III, 14, 1;
III, 18, 1; IV, 1, 23; IV, 3, 4; IV,
5, 8; IV, 7, 31; IV, 7, 42. Испания II,
10, 2.
Испанцы II, 3, 1; II, 4, 17; II, 5, 31;
II, 10, 1; IV, 5, 19.
Истм II, 5, 26.
Италики II, 3, 16; II, 3, 17.
Италия I, 3, 3; I, 3, 8; I, 4, 11; I, 5, 5;
I, 12, 1; II, 3, 16; II, 7, 7; II, 9, 2;
III, 2, 3; IV, 1, 44; IV, 3, 15; IV, 2, 25;
IV, 7, 38; IV, 7, 39.
Иудеи II, 1, 17.
Ификрат I, 4, 7; I, 5, 24; I, 6, 3;
II, 1, 5; II, 1, 6; II, 5, 42; II, 12, 4;
III, 12, 2; IV, 7, 23.
Кавдинское поражение I, 5,
16.
Кадурки III, 7, 2.
Казилинцы III, 14, 2; III, 15, 2; IV,
5, 20.
Калатин см. Атилий.
Каллидром гора II, 4, 4.
Кальпурний Фламма, военный
трибун (258) I, 5, 15; IV, 5, 10.
Гн. (Кальпурний) Пизон, побежден
Магоном III, 6, 5.
Л. (Кальпурний) Пизон, консул (133)
IV, 1, 26.
Кальвин (Домиций) III, 2, 1.
Камерты — умбры I, 2, 2.
Кампания I, 9, 1.

- Кампанцы, осаждены римлянами III, 13, 2; их поля опустошены III, 4, 1; всадники IV, 7.
 Канны II, 2, 7; II, 3, 7; II, 5, 27; III, 16, 1; IV, 1, 44; IV, 5, 5; IV, 5, 7; IV, 7, 39.
 Кантенна II, 5, 34.
 Канузий IV, 5, 8.
 Капитолин см. Квинций.
 Капитоль, осажден галлами III, 13, 1; III, 15, 1.
 Каппадокия I, 1, 6; I, 5, 18; II, 2, 2; II, 7, 9; III, 2, 9.
 Капуя III, 12, 3.
 Кария I, 8, 13; III, 2, 5.
 Карпетаны II, 7, 7.
 Карфаген I, 11, 4.
 Карфаген (Новый) III, 9, 1.
 Карфагеняне I, 8, 7; II, 2, 11; и *passim*; против Гермократа сиракузского II, 9, 6; против Лептина сиракузского II, 5, 11; узнают о планах Александра Великого I, 2, 3; то же о римских планах I, 2, 4; против Дуеллия III, 2, 2; отзывают Ганнибала из Италии I, 3, 8; против Сципиона II, 5, 29; используют женские волосы для плетения канатов I, 7, 3; против африканцев II, 5, 12; их командиры II, 1, 4.
 К. Кассий против парфян II, 5, 35; во время гражданской войны IV, 2, 1; IV, 7, 14.
 Каст II, 4, 7; II, 5, 34.
 Кастор и Поллукс I, 11, 8.
 Катания III, 6, 6.
 Катон см. Порций.
 Катул см. Луций.
 (Л.) Квинций, легат Красса против Спартака II, 5, 34.
 Т. Квинций Капитолин, консул (II 468) против эвков и вольсков II, 7, 10; II, 12, 1; III, 1, 1; против фалисков II, 8, 3.
 Т. Квинций Криспин, консул (208) IV, 7, 38.
 (Квинций) Криспин, командующий римским флотом IV, 7, 26.
 ельтиберы II, 5, 3; II, 5, 7.
 Кивик, осажден Алкивиадом III, 9, 6; Митридатом III, 13, 6.
 Кимвры I, 2, 6; I, 5, 3; II, 2, 8; II, 5, 8; II, 7, 11.
 Кимон III, 2, 5; IV, 7, 45.
 Киней, посол эпиротов IV, 3, 2.
 Кипр II, 9, 10.
 Кир (старший) I, 11, 19; II, 5, 5; III, 3, 4; III, 8, 3.
 Кир (младший) IV, 2, 5; IV, 32, 7.
 Киррестиец I, 1, 6.
 Аппий Клавдий (Сабин?) консул (471) IV, 1, 34.
 Аппий Клавдий (Цек) IV, 1, 18.
 Аппий Клавдий (Каудекс), консул (264) I, 4, 1.
 Аппий Клавдий (Пульхер), консул (212) IV, 1, 44.
 П. Клавдий (Пульхер), консул (249) II, 13, 9.
 М. Клавдий Марцелл, консул (222) овладел богатыми трофеями IV, 5, 4; привлекает Бантия Ноланца III, 16, 1; устрасил неприятеля видом многочисленного войска II, 4, 8; побеждает Ганнибала II, 3, 9; консул [возможно, проконсул (212)] на Сицилии IV, 1, 44; осадил Сиракузы III, 3, 2; против Ганнибала у Нумистрона II, 2, 6; консул (V 208) убит IV, 7, 26; IV, 7, 38.
 (Клавдий) Марцелл, военачальник Мария против тевтонов II, 4, 6.
 (К.) Клавдий Нерон против Газдрубала в Испании I, 5, 19; консул (207) против Газдрубала в Италии I, 1, 9; I, 2, 9; II, 3, 8; II, 9, 2.
 Ти б, (Клавдий) Нерон (впоследствии император) против ланнонцев II, 1, 15.
 Клеандрид лакедемонянин II, 3, 12.
 Клеарх лакедемонянин III, 5, 4; IV 1, 17.
 Клеомен лакедемонянин II, 2, 9.
 Клеоним III, 6, 7.
 Клисфен сикионский III, 7, 6.
 Клодий против Спартака I, 5, 21.
 Клузий I, 8, 3.
 Гораций Коклес II, 13, 5.
 Понтий Коминий III, 13, 1.
 Коммий Атребат II, 13, 11.
 Конеией Тарентинец III, 3, 6.
 Консабра IV, 5, 19.
 Корбулон см. Домиций.
 Коринф занят гарнизоном Ификрата III, 12, 2; взят Л. Муммием IV, 3, 15.
 Кориолан см. Марций.
 Коркирцы I, 12, 11.
 (А.) Корнелий Косс, начальник конницы (426) II, 8, 9.

- (А.) Корнелий Косс, консул (343) во время самнитской войны I, 5, 14; IV, 5, 9.
- (Гн. Корнелий) Лентул при Канх IV, 5, 5.
- (П.) Корнеле* Руфин, консул (II 277) III, 6, 4.
- Л. Корнелий Руфин (должно быть, Сципион), консул (259) в Сардинии III, 9, 4.
- Л. Корнелий Сципион, консул (259) в Сардинии III, 9, 4; III, 10, 2.
- (Корнелий) Сципион, легат Фабия Рулла Максима во время его четвертого консульства (297) в Самниуме II, 4, 2.
- Гн. (Корнелий) Сципион (Кальв) в Испании против Ганнона II, 3, 1; в морской войне IV, 7, 9; умер в величайшей нужде IV, 3, 4.
- (Гн. и П. Корнелии) Сципионы убиты II, 6, 2.
- П. Корнелий Сципион, * прозванный впоследствии Африканским II, 3, 4; в юношеские годы IV, 7, 39; в Испании против Газдрубала I, 3, 5; II, 1, 1; II, 2, 4; ворвался в Карфаген (Новый) III, 9, 1; возвращает жену Алицию II, 11, 5; переправляет войска в Африку I, 3, 8; I, 12, 1; против Ганнибала I, 8, 10; III, 6, 1; побеждает его II, 3, 16; против Сифакса I, 2, 1; II, 5, 29; II, 7, 4; в Лидии IV, 7, 30.
- Л. Корнелий, Сципион Азиатский консул (190), брат предыдущего IV, 7, 30.
- П. (Корнелий) Сципион Эмилиан Африканский (младший) у Нуманции II, 8, 7; IV, 1, 1; IV, 3, 9; IV, 7, 27; его изречения IV, 1, 5; IV, 7, 4; IV, 7, 10.
- П. (Корнелий Сципион) Назика на зимних квартирах IV, 1, 15.
- П. Корнелий Сципион (Назика Коркулум) консул (II, 155) занимает Делмин, III, 6, 2.
- П. Корнелий (Сципион) Назика (Серапион), консул (138) IV, 1, 20.
- Л. (Корнелий) Сулла усмирил восстание легионов I, 9, 2; поднимает дух воинов II, 7, 2; готовит их к битве I, 11, 11; наказывает их IV, 1, 27; во время союзнической войны у Эзернии I, 5, 17; у Пренесте II, 9, 3; против Архелая I, 5, 18; I, 11, 20; II, 3, 17; II, 8, 12.
- Косс см. Корнелий.
- Котта см. Аврелий, Аврункулей.
- Красс см. Лициний, Отаций, Фонтей.
- Кратер III, 6, 7.
- Крев I, 5, 4; II, 4, 12; III, 8, 3.
- Криспин см. Квинций.
- Криспин, начальник римского флота IV, 7, 26.
- Крисы III, 7, 6.
- Кротон III, 6, 4.
- Кротонцы III, 6, 4.
- Ксантипп II, 2, 11; II, 3, 10.
- Ксанф II, 5, 41.
- Ксенофонт I, 4, 10; IV, 2, 8; IV, 6, 2.
- Ксеркс I, 3, 6; II, 2, 14; II, 6, 8; IV, 2, 9.
- Кубии II, 11, 7.
- Кунктатор см. Фабий.
- М. Курий (Дентат) I, 8, 4; II, 2, 1; IV, 3, 12.
- Курион см. Скрибоний.
- Курсор см. Папирий.
- Лаберий (258) I, 5, 15; IV, 5, 10.
- Лабиев см. Аттий.
- Лаврон II, 5, 31.
- Лакедемон I, 1, 10; III, 11, 5; IV, 7, 13.
- Лакедемоняне против мессенцев II, 1, 10; приказывают разрушить стены Афин I, 1, 10; их земли опустошены афинянами I, 3, 9; опустошают территории афинян IV, 7, 13; Перикл планирует морскую войну I, 3, 7; осаждают Афины III, 12, 1; III, 15, 2; против Тимофея II, 5, 47; против Ифискрата I, 4, 7; II, 1, 6; II, 5, 42; возвращаются из Фригии I, 4, 2; против Эпаминонда I, 11, 6; I, 11, 16; I, 12, 5; I, 12, 7; II, 2, 12; II, 5, 26; III, 11, 5; против Александра Македонского II, 11, 4; обманывают пунийцев I, 4, 12; триста лакедемонян при Фермопилах II, 2, 13; IV, 2, 9.
- Латины I, 11, 8; II, 8, 4.
- Лаетаны III, 10, 1.
- Левкадия III, 4, 5.
- Левтихид I, 11, 7.
- (К.) Лелий, легат, послан к Сифаксу I, 1, 3; I, 2, 1; возглавляет конницу II, 3, 16; IV, 5, 14.
- (Д.) Лелий против Сертория II, 5, 31.
- Лентул см. Корнелий.
- Леонид IV, 5, 13.

- Лептин II, 5, 11.
 Либурны II, 4, 43.
 М. Ливий Салинатор, консуляр (218), осужден народом IV, 1, 45; консул (II 207), против Газдубала I, 1, 9; I, 2, 9; II, 3, 8; IV, 7, 15.
 (М.) Ливий (Макат), начальник римлян в Таренте III, 3, 6.
 Ливий (историк) II, 5, 31; II, 5, 34.
 Лигурия I, 5, 16.
 Лигуры I, 2, 6; I, 2, 7; I, 5, 16; I, 5, 26; II, 3, 16; III, 2, 1; III, 17, 2; IV, 1, 46.
 Лидия I, 8, 12; IV, 7, 30.
 Лилибей III, 10, 9.
 Лингоны IV, 3, 14.
 Липарские острова IV, 1, 31.
 Лисандр I, 5, 7; II, 1, 18; IV, 1, 9.
 Лисимах I, 5, 11; III, 3, 7.
 П. Лициний, проконсул II, 5, 28.
 П. (Лициний) Красс (Муциан) в Азии против Аристоники IV, 5, 16.
 П. Лициний Красс во время союзнической войны II, 4, 16; IV, 7, 41.
 М. (Лициний) Красс во время войны с беглыми рабами I, 5, 20; II, 4, 7; II, 5, 34; его изречение I, 1, 13.
 (Лициний) Лукулл против скордисков III, 10, 7.
 Л. (Лициний) Лукулл против Митридата II, 1, 14; II, 2, 4; II, 5, 30; его покидают македонские всадники II, 7, 8.
 Локры IV, 7, 26.
 Лонг см. Семпроний.
 Лузитания II, 11, 13.
 Лузитаны II, 13, 14; III, 5, 2.
 Луканы I, 4, 1; I, 6, 2; II, 3, 12; II, 3, 21; III, 6, 4.
 Лутаций Катул против кимвров I, 5, 3.
 Луцерия IV, 1, 29.
 Луэрия III, 2, 1.
 Мавр помпейнец III, 14, 1.
 Мавры II, 3, 16.
 Магарбал II, 5, 12.
 Магнеты III, 8, 2.
 Магон (брат Ганнибала) при Требии II, 5, 23.
 Магон вождь карфагенян побеждает Гн. Пизона III, 6, 5; у Локр IV, 7, 26.
 Македония IV, 2, 1; IV, 6, 3.
 Македонская фаланга II, 3, 17; II, 3, 20.
 Македонцы I, 4, 13; II, 3, 17; III, 3, 7; в войске Ганнибала II, 3, 16; всадники у Лукулла II, 7, 8; III, 2, 11.
 Максим см. Фабий.
 Малевент IV, 1, 14.
 Мандрон III, 3, 7.
 Авл Манлий, консул (должно быть: Манлий Рутил, консул (IV 342) в Кампании I, 9, 1.
 Гн. Манлий, консул (480) против этрусков I, 11, 1; II, 6, 7; II, 7, 11.
 Манлий, прозванный впоследствии «Повелевающим» IV, 1, 40.
 Манлий, сын предыдущего IV, 1, 41.
 А. (Манлий) Торкват осаждает греческий город III, 5, 3.
 Мантинейцы III, 11, 5.
 Мантинея III, 11, 5.
 Марафон II, 9, 8.
 Марий I, 2, 6; I, 11, 12; II, 2, 8; II, 4, 6; II, 4, 10; II, 7, 12; II, 9, 1; III, 9, 3; IV, 1, 7; IV, 2, 2; IV, 7, 5.
 Марцелл см. Клавдий.
 Т. Марций, римский всадник II, 6, 2; II, 10, 2.
 (Марций) Кориолан I, 8, 1.
 Кв. Марций Руф, легат во время войны с беглыми рабами II, 4, 7.
 Масинисса II, 3, 16; III, 6, 1; IV, 3, 11.
 Массилийцы I, 7, 4.
 Мегара IV, 1, 8.
 Мегарцы II, 9, 9.
 Мегистан II, 9, 5.
 Мелант II, 5, 41.
 Кв. Меммий трибун IV, 1, 1.
 Мемнон II, 5, 18; II, 5, 46.
 Мессана I, 4, 11; IV, 1, 31.
 Мессанцы II, 1, 10; III, 2, 4.
 Метелл см. Цецилий.
 Мидяне I, 11, 19.
 Милан I, 9, 3.
 Милетийцы III, 9, 7; III, 15, 6.
 Милон III, 3, 1.
 Мильтиад IV, 7, 43.
 Миндар II, 5, 44.
 (М.) Минуций Руф, начальник конницы (217) II, 5, 22.
 Минуций Руф, военачальник против скордисков и даков II, 4, 3.
 Кв. Минуций Терм (легат Сципиона) против Ганнибала, I, 8, 10; консул (193) в Лигурии I, 5, 16.
 Мирина IV, 5, 16.
 Митридат I, 1, 7; I, 5, 18; I, 11, 20;

- II, 1, 12; II, 1, 14; II, 2, 2; II, 2, 3;
 II, 2, 4; II, 5, 30; II, 5, 33; II, 8, 12;
 III, 13, 6; IV, 5, 21.
 Молоссы II, 5, 19.
 Мулуха река III, 9, 3.
 Л. Муммий IV, 3, 15.
 Мунаций III, 14, 1.
 Мунда II, 8, 13.
 Мунихия I, 5, 7.
 Мутилий I, 5, 17.
 Мутина I, 7, 5; III, 13, 7.
 Мутинцы III, 14, 3.
 Миронид II, 11, 4; IV, 7, 21.
 Спурий Навтий II, 4, 1.
 Назика см. Сципион.
 Кв. Невий, центурион IV, 7, 29.
 Нерон см. Клавдий.
 Никострат I, 4, 4.
 Нобилиор см. Фульвий.
 Ноланец III, 16, 1.
 Нумантийцы, III, 17, 9; IV, 5, 23.
 Нуманция II, 8, 7; IV, 1, 1; IV, 7, 27.
 Нумидийцы II, 5, 29; III, 6, 1;
 IV, 7, 18; вспомогательное войско
 I, 5, 16; всадники II, 2, 11; II, 3, 16;
 II, 5, 23; II, 5, 27; II, 5, 40.
 Нумидия II, 4, 10; IV, 7, 18.
 Нумистрон II, 2, 6.
 Океан II, 13, 11.
 (Гн.) Октавий IV, 5, 7.
 Октавий Грециний II, 5, 31.
 Орест I, 2, 8.
 Орхомен I, 11, 5.
 Осак, предводитель парфян II, 5, 35.
 Отацилий Красс, консул (261)
 III, 16, 3; IV, 1, 19.
 Павел см. Эмилий.
 Пакор, царь I, 1, 6.
 Палефарсал II, 3, 22.
 Паммен фиванец II, 3, 3.
 Памфилия II, 9, 10.
 Паннонцы II, 1, 15.
 Панорм II, 5, 4; III, 17, 1.
 Панса, консул (43); II, 5, 39.
 Л. Папирий Курсор, диктатор
 (325) против самнитов IV, 1, 39.
 Л. Папирий Курсор (сын пре-
 дыдущего), консул (293), против самни-
 тов II, 4, 1; консул (II 272) занимает
 Тарент III, 3, 1.
 Парфяне I, 1, 6; II, 2, 5; II, 3, 15;
 II, 5, 35; II, 5, 36; II, 5, 37; II, 13, 7;
 IV, 2, 3.
 Парфянская война I, 1, 6.
 Пахет афинянин IV, 7, 17.
 Пелигн II, 8, 5.
 Пелопид фиванец во время фесса-
 лийской войны I, 5, 2; IV, 7, 28; зани-
 мает два города магнетов III, 8, 2.
 Пелопоннес I, 3, 9; II, 5, 26.
 Пелопоннесцы I, 5, 10; II, 11, 4;
 их укрепление III, 9, 9.
 Пердикка против Птолемея IV, 7, 20.
 Перикл против лакедемонян I, 3, 7;
 окружен пелопоннесцами I, 5, 10;
 боги помогают афинянам I, 11, 10;
 борется с суевериями воинов I, 12, 10;
 хитростью занял город III, 9, 5;
 хитростью захватил укрепление пело-
 поннесцев III, 9, 9.
 Перперна II, 5, 32.
 Персей, царь Македонии II, 3, 20.
 Персида II, 3, 6.
 Персидская война II, 8, 5.
 Персы I, 4, 5; I, 11, 17; I, 11, 19;
 II, 2, 13; II, 3, 3; II, 3, 13; II, 5, 5;
 II, 7, 9; II, 9, 8; II, 9, 10; IV, 2, 5;
 IV, 5, 13; IV, 6, 3; III, 8, 3.
 Петик см. Сульпиций.
 Кв. Петилий (Спурин), консул
 (176) IV, 1, 46.
 Петилийцы в осаде IV, 5, 18.
 Петрей и Афраний в Испании
 против Цезаря I, 8, 9; II, 1, 11.
 Пизон см. Кальпурний.
 Пий см. Метелл.
 К. Пинарий IV, 7, 22.
 Пирей I, 11, 20.
 Пирр II, 2, 1; II, 3, 21; II, 4, 9; II, 4, 13;
 II, 6, 9; II, 6, 10; III, 6, 3; IV, 1, 3;
 IV, 1, 14; IV, 1, 18; IV, 3, 2.
 Писидийцы I, 4, 5.
 Писидия I, 4, 5.
 Писистрат II, 9, 9.
 Пикий IV, 7, 37.
 Пицены I, 12, 3.
 Плутон I, 11, 10.
 Поллукс I, 11, 8.
 Гн. Помпей (Страбон) осада Аску-
 лум III, 17, 8.
 Гн. Помпей (Великий) против Мит-
 ридата I, 1, 7; II, 1, 12; II, 2, 2;
 II, 3, 14; II, 5, 33; в Испании против
 Сертория II, 1, 3; II, 3, 11; II, 5, 31;
 II, 4, 32; против хавкийцев II, 11, 2;
 в Милане I, 9, 3; отступает из Италии
 I, 5, 5; при Диррахии III, 17, 4; Па-
 лефарсале II, 3, 22; форсирует реку

- I, 4, 8; усмиряет солдатский бунт IV, 5, 1.
 (Гн.) **Помпей** (сын предыдущего) против Цезаря в Испании III, 14, 1.
Помпеянцы II, 5, 31; II, 7, 13; III, 14, 1.
К. Помптий, легат II, 4, 7.
Помптинское поле II, 6, 1.
Понтий Коминий III, 13, 1.
Понтийское войско II, 1, 12.
Попилий Ленат III, 17, 9.
Пор I, 4, 9.
Порсенна II, 13, 5.
М. Порций Катон (Цензор), его сообщение IV, 1, 16; казнит солдата IV, 1, 33; сдержанность IV, 3, 1; обещает большую сумму варварам IV, 7, 33; против пунийцев IV, 7, 12; в Испании I, 1, 1; I, 2, 5; III, 1, 2; III, 10, 1; IV, 7, 31; против этолийцев II, 4, 4; у Амбракии II, 7, 14.
М. Порций Катон (Лициниан), сын Цензора IV, 5, 17.
Авл Постумий (496) против латинов I, 11, 8.
Постумий, консуляр IV, 5, 3.
 (Л.) **Постумий** [Мегелл, пропретор (295)] I, 8, 3.
 (Л.) **Постумий**, консул (262) в Сицилии, против пунийцев II, 1, 4.
Пренесте II, 9, 3.
Примасс укрепление III, 8, 1.
Приск см. Сервилий, Тарквиний.
Прусий IV, 7, 11.
Птолемей против Пердикки IV, 7, 20.
Птолемей (Кёравн), царь Македонии III, 2, 11.
Пунийцы I, 1, 9; I, 4, 11; I, 4, 12; I, 8, 6; I, 11, 4; I, 11, 18; I, 12, 9; II, 1, 1; II, 1, 4; II, 2, 11; II, 3, 4; II, 3, 16; II, 4, 14; II, 5, 4; II, 5, 29; II, 6, 2; II, 9, 2; II, 10, 2; II, 13, 9; II, 13, 10; III, 3, 6; III, 10, 3; III, 13, 2; IV, 1, 44; IV, 5, 18; IV, 7, 12; IV, 7, 22; IV, 7, 38.
Пуническая война I, 8, 6; II, 2, 11; IV, 1, 25; первая I, 4, 11; вторая I, 3, 5; II, 3, 8; Пунический вал III, 10, 3.
Регий I, 4, 11; III, 4, 3; IV, 1, 38.
Регул см. Атилий.
Римляне passim; против Кориолана I, 8, 1; против бойев I, 6, 4; осаждены в Капитолии III, 13, 1; III, 15, 1; осаждены Ганнибалом III, 18, 1; III, 18, 2; III, 18, 3; осаждают кампанцев III, 13, 2; осаждают Капуя III, 18, 3; в Панорме III, 17, 1; обмануты Гамилькаром III, 16, 2; продают поле, где находился лагерь Ганнибалы, III, 18, 2; против Сертория I, 10, 1; IV, 7, 6; после поражения Вара III, 15, 4; римские послы в качестве заложников I, 8, 6; римские послы у Антиоха I, 8, 7; доблесть римлян II, 1, 13; карфагеняне переодеты римлянами III, 2, 3; римские военные лагеря IV, 1, 14; римский флот II, 7, 14; римские орлы II, 5, 34; когорты I, 10, 1.
Риндак III, 17, 5.
Родин (Гамилькар) I, 2, 3.
Родосцы I, 4, 13a; I, 7, 4; III, 9, 10.
Ромул II, 5, 1.
Рулл см. Фабий.
П. Рут依ий (Руф), консул (105) IV, 1, 12; IV, 2, 2.
Руфин см. Корнелий.
Руф см. Эмилий, Марций, Минуций.
Сабин см. Титурий.
Сабинны I, 8, 4; II, 8, 1; II, 8, 10; IV, 3, 12.
Саборра II, 5, 40.
Сагунтинцы III, 10, 4.
Саламинский пролив II, 2, 14.
Салапия IV, 7, 38.
Салинатор см. Ливий.
Саллентинцы II, 3, 21.
Сальвий Пелигн II, 8, 2.
Самний I, 6, 1; II, 4, 2; IV, 1, 29.
Самнитская война I, 5, 14; II, 8, 11; IV, 5, 9.
Самниты I, 8, 3; I, 11, 2; II, 1, 8; II, 3, 21; II, 4, 11; II, 4, 2.
Самос I, 4, 14.
Санская гавань III, 2, 11.
Саний, город III, 3, 5.
Сардиния III, 9, 4; III, 10, 2.
Сарды III, 8, 3.
Сегобригийцы III, 10, 6; III, 11, 4.
Сеговийцы IV, 5, 22.
Семирамида III, 7, 5.
Ти б. (Семпроний) **Гракх**, проконсул (214) IV, 7, 24.

- Тиб. Семпроний Гракх** в Испании II, 5, 3; II, 5, 14; III, 5, 4; IV, 7, 33.
Т. Семпроний Гракх (должно быть, Соф), консул (268) против пиценов I, 12, 3.
(Тиб.) Семпроний Лонг, консул (218) у Требии II, 5, 23.
(П.) Семпроний Тудитан, военный трибун (216) IV, 5, 7.
Сентинское поле I, 8, 3.
Сепин IV, 1, 24.
Сервий Туллий II, 8, 1.
(Сервилий) Главция IV, 5, 1.
П. Сервилий занимает город Исавру III, 7, 1.
(Кв.) Сервилий Приск, диктатор (II 418) против фалисков II, 8, 8.
Серторий I, 5, 4; I, 5, 8; I, 10, 4; I, 40, 2; I, 44, 43; I, 42, 4; II, 4, 3; II, 3, 11; II, 5, 31; II, 7, 5; II, 12, 2; II, 13, 3; II, 13, 4; IV, 7, 6.
Сикион III, 2, 40; III, 7, 6; III, 9, 7.
Сиракузы I, 4, 12; I, 5, 6; I, 8, 11; I, 11, 18; II, 5, 11; II, 9, 7; III, 3, 2; III, 9, 6.
Сирус IV, 1, 24.
Сирия I, 11, 12; II, 5, 35; II, 13, 2.
Сифакс I, 1, 3; I, 2, 4; II, 5, 9; II, 7, 4.
Сицилийский пролив I, 7, 1.
Сцилия I, 1, 2; I, 4, 41; I, 8, 11; II, 4, 4; II, 5, 4; II, 7, 4; III, 4, 6; III, 6, 6; III, 10, 9; III, 16, 3; IV, 4, 25; IV, 4, 30; IV, 4, 44; IV, 7, 22.
Снавр см. Эмилий.
Скифы I, 5, 25; II, 4, 20; II, 5, 5; II, 8, 14.
Скорилон вождь даков I, 10, 4.
К. (Скрибоний) Курион, консул (76) во время Дарданской войны IV, 4, 43.
(К. Скрибоний) Курион в Африке во время гражданской войны против Юбы II, 5, 40.
Скултенна, река III, 13, 7; III, 14, 3.
Сосистрат сиракузец III, 3, 2.
Союзническая война I, 5, 47; II, 4, 16; IV, 7, 41.
Спарта III, 11, 5.
Спартак I, 5, 20; I, 5, 21; I, 5, 22; I, 7, 6; II, 5, 34.
Спурий Навтий II, 4, 1.
Статилий, знатный всадник IV, 7, 36.
Л. Статорий I, 1, 3.
Судин I, 11, 15.
Суенда III, 2, 9.
Суессетаны III, 10, 1.
Сулла см. Корнелий.
К. Сульпиций алл (168) I, 12, 8.
К. Сульпиций Петик, консул (должно быть, диктатор) (358) против галлов II, 4, 5.
Сутринум II, 5, 2.
Тавр, I, 1, 6.
Тарент III, 3, 1; III, 3, 6.
Тарентинцы I, 4, 1; II, 3, 21; II, 4, 13; III, 3, ; III, 3, 6; III, 17, 3.
Тарквинийцы II, 4, 18.
Тарквиний Гордый I, 4, 4; II, 8, 4; II, 8, 10; III, 3, 3.
Секст Тарквиний, сын предыдущего I, 4, 4; III, 3, 3.
Тарквиний Приск II, 5, 31.
Тарпейская скала III, 13, 1.
Тевтоны I, 2, 6; II, 2, 8; II, 4, 6; II, 7, 12; II, 9, 1.
Тегея III, 2, 8.
К. Теренций Варрон, консул (216) IV, 1, 4; IV, 5, 6.
Терм см. Минуций.
Тиберий см. Клавдий.
Тибр II, 6, 1; III, 13, 1.
Тигран против Лукулла II, 4, 14; II, 2, 4; II, 9, 5.
Тимарх этолиец III, 2, 11.
Тимофей предводитель афинян против коркирян I, 12, 41; против лакедемонян II, 5, 47.
Тисамен сын Ореста I, 2, 8.
Тиссаферн I, 8, 12.
Титурий Сабин III, 17, 6; III, 17, 7.
К. Тиций, командир когорты IV, 4, 26.
Томирис II, 5, 5.
Торкват см. Манлий.
Тразимаское озеро II, 5, 24; II, 6, 4; IV, 7, 35.
Требия II, 5, 23.
Трезены I, 3, 6; III, 6, 7.
Трибаллы II, 4, 20.
Тридентский лес IV, 4, 13.
Трифон, царь Сирии II, 13, 22.
Тудитан см. Семпроний.
Тулл Гостилий II, 7, 1.
Кв. (Туллий) Цицерон, легат Цезаря III, 17, 6.
Умбрия I, 4, 9.

- Умбры I, 8, 3.
Умбры-камерты I, 2, 2.
- Фабий Максим поджигает корабли I, 11, 21.
- Кв. Фабий Максим Рулл во время этрусской войны I, 2, 2; против галлов и самнитов II, 1, 8; начальник конницы (325) IV, 1, 39; консул IV, 1, 35; во время консульства против этрусков II, 5, 2; во время четвертого консульства (297) в Самнии II, 4, 2; во время пятого консульства (295) I, 8, 3; его брат I, 2, 2.
- Фабий Цезон, брат предыдущего I, 2, 2.
- Кв. Фабий Максим (Сервилиан) консул (142) наказывает перебежчиков VI, 1, 42.
- Кв. Фабий Максим (Веррукоз) заслужил звание кунктатора I, 3, 3; окружает Ганнибала I, 5, 28; Ганнибал щадит его поля I, 8, 2; будучи диктатором (217), спасает Минуция II, 5, 22; против Капуи III, 4, 1; посылает послов в Карфаген I, 11, 4; примирение со Статилием IV, 7, 36, его сын III, 9, 2; IV, 6, 1; его изречение IV, 6, 1.
- Фабий Максим, сын Кунктатора консул (213), занимает Арпы III, 9, 20; его изречение IV, 6, 1.
- Фабий (Вибулан), консул (II, 480) против этрусков I, 11, 1; II, 6, 7; II, 7, 11.
- Фабриций пренебрегает золотом Кинев IV, 3, 2; разоблачает врача Пирра IV, 4, 2.
- Фаларис агригентский III, 4, 6.
- Фалиски II, 4, 18; II, 5, 9; II, 8, 3; II, 8, 8; IV, 4, 1.
- Фарнабав против Алкивиада II, 4, 6.
- Фарнак, сын Митридата II, 2, 3.
- Фарнастан II, 5, 37.
- Фарней киррестиец I, 4, 6.
- Фарсальская битва II, 7, 13.
- Феаген IV, 1, 8.
- Фемистокл предлагает покинуть город I, 3, 6; заставляет Ксеркса дать бой II, 2, 14; запрещает подорвать мост II, 6, 8; обеспечил строительство стен I, 1, 10.
- Фермопилы 1, 4, 6; II, 2, 13; II, 4, 4; IV, 2, 9.
- Фессалийцы 1, 5, 5; IV, 7, 28.
- Фиванцы против Миронида II, 4, 11, IV, 7, 21; против сикионцев III, 2, 10; против лакедемонян I, 11, 6; IV, 2, 6; против Алкета IV, 7, 49; против Агесилая I, 4, 3; I, 10, 3; II, 6, 6; во время Фессалийской войны I, 5, 2.
- Фиденаты II, 4, 19; II, 8, 9.
- Фидены I, 5, 1.
- Филипп (II) царь Македонии, отец Александра IV, 2, 4; против византийцев I, 3, 4; переправился через морской пролив I, 4, 13; не мог занять Херсонес I, 4, 13а; при Херонее II, 1, 9; против гиллийцев II, 3, 2; против скифов II, 8, 14; у города саниев III, 3, 5; против лакедемонян IV, 5, 12; помогает Пифию IV, 7, 37.
- Филипп осаждал какой-то приморский город III, 9, 8; восстановил дисциплину в армии IV, 1, 6.
- Филипп (сын Деметрия), царь Македонии, проходит через Фермопилы I, 4, 6; побежден римлянами в Эпире II, 13, 8; занимает укрепление Примасс III, 8, 1.
- Фимбрия III, 17, 5.
- Флак см. Фульвий.
- (К.) Фламиний, консул (II, 217) у Тразименского озера II, 5, 24.
- Фламма см. Кальпурний.
- (К.) Флавий Фимбрия в Азии III, 17, 5.
- Фокейцы осаждены Агесилаем III, 11, 2.
- (К.) Фонтей Красс в Испании против Газдрубала I, 5, 12; IV, 5, 8.
- Формион предводитель афинян III, 11, 1.
- Форум Галлорум II, 5, 39.
- Фразибул III, 9, 7; III, 15, 6.
- Фракийцы II, 12, 4; III, 5, 1; III, 15, 5; III, 16, 5; IV, 5, 16.
- Фракция I, 4, 13; I, 5, 24; I, 6, 3; II, 11, 3.
- Фригия I, 4, 2.
- (Фронтин) против лингонов IV, 3, 14.
- Гн. Фульвий против фалисков II, 5, 9.
- (Гн.) Фульвий [Центумал Максим пропретор (259)] против этрусков I, 8, 3.
- (Кв.) Фульвий (Флак), консул (III 212) IV, 1, 44.

(Гн.) Ф у л ь в и й Ф л а к к (брат преддыдущего), проконсул (211), против Ганнибала II, 5, 21; IV, 7, 29.

(Кв.) Ф у л ь в и й Ф л а к к, полководец (181) на войне с кимврами (должно быть, кельтиберами) II, 5, 8; цензор (174) IV, 1, 32.

(Гн.) Ф у л ь в и й (Флакк) брат предыдущего IV, 1, 32.

Ф у л ь в и й Н о б и л и о р против самнитов I, 6, 1; I, 11, 2.

(Л.) Ф у р и й I, 1, 11; I, 5, 13.

М. Ф у р и й К а м и л л против вольсков II, 4, 15; IV, 7, 40; военный трибун (386) с консульской властью II, 8, 4; против фалисков IV, 4, 1; против галлов II, 6, 1; III, 13, 1; III, 15, 1.

Ф у р и й А г р и п п а (Медуллин) консул (446) II, 8, 2.

Х а б р и й А ф и н я н и н I, 4, 14; I, 12, 12.

Х а в к и й ц ы II, 11, 2.

Х а л к и д я н е III, 11, 1.

Х а р е с, вождь афинян II, 12, 3; III, 10, 8.

Х а р м а д III, 2, 11.

Х а т т ы II, 3, 23.

Х е р о н е я II, 1, 9.

Х е р с о н е с I, 4, 13а; II, 5, 42.

Х и о с I, 4, 13а; II, 5, 15.

Ц е д и ц и й п р и м и п и л я р и й IV, 7, 8.

Кв. Ц е д и ц и й I, 5, 15; IV, 5, 10.

Ц е з а р и а н е ц III, 14, 1.

Ц е з а р ь см. Юлий и Домициан.

Ц е з о н см. Фабий.

К. Ц е л и й IV, 7, 8.

Ц е р е р а II, 9, 9.

Л. Ц е ц и л и й М е т е л л консул (251) на Сицилии I, 7, 1; II, 5, 4.

Кв. Ц е ц и л и й М е т е л л М а к е д о н с к и й консул (143) IV, 1, 11; в Испании IV, 1, 23; IV, 7, 42.

Л. (должно быть Кв.) Метелл в ближней Испании III, 7, 3.

Кв. (Цецилий) Метелл (Нумидийский) во время войны с Югуртой I, 8, 8; IV, 1, 2; IV, 2, 2.

Кв. Ц е ц и л и й М е т е л л П и й в Испании I, 1, 12; против Гиртулея II, 1, 2; II, 3, 5; с Помпеем против Сертория II, 1, 3; побеждает Сертория II, 13, 3.

Ц и в и л и с (Юлий) IV, 3, 14.

Ц и м и н и й с к и й л е с I, 2, 2.

Ц и ц е р о н см. Туллий.

Э в р и м е д о н т, река II, 9, 10.

Э г о с п о т а м ы II, 1, 18.

Э з е р н и я I, 5, 17.

Э к в ы II, 8, 2; III, 1, 1.

Э л е в с и н II, 9, 9.

Э л е я IV, 5, 16.

К. Э л и й, городской претор IV, 5, 14; четырнадцать Элиев IV, 5, 14.

Э м и л и а й см. Корнелий.

Э м и л и е в а д о р о г а II, 5, 39.

Л. Э м и л и й Б а р б у л а см. Эмилий Павел.

Э м и л и й П а в е л, консул (282) во время войны с этрусками I, 2, 7.

Э м и л и й П а в е л, консул (278) или Л. Эмилий Барбула, консул (281) во время войны с Тарентом I, 4, 1.

Л. (Эмилий) П а в е л, консул (216) IV, 1, 4; при Каннах IV, 5, 5.

(Л.) Э м и л и й П а в е л (Македонский) против лигуров III, 17, 2; против Персея II, 3, 20; его изречение IV, 7, 3.

Э м и л и й Р у ф, начальник конницы IV, 1, 28.

М. Э м и л и й С к а в р наказывает сына (102) IV, 1, 13; о воздержности войска IV, 3, 13.

Э н и п е й II, 3, 22.

Э н н а IV, 7, 22.

Э п а м и н о н д ф и в а н е ц против лакедемонян I, 11, 6; I, 11, 16; I, 12, 5; I, 12, 6; I, 12, 7; II, 2, 12; IV, 2, 6; на Истме II, 5, 26; в Аркадии III, 2, 7; в Мантинее III, 11, 5; убивает часового III, 12, 3; его воздержание IV, 3, 6.

Э п и д а в р II, 11, 1.

Э п и к и д с и р а к у з е ц III, 3, 2.

Э п и р II, 13, 8.

Э п и р о т ы I, 4, 4; II, 3, 21; II, 5, 10; II, 6, 9; III, 3, 1; IV, 3, 2.

Э п и р с к и й II, 5, 10.

Э р и т р е й ц ы II, 5, 15.

Э т о л и я II, 5, 19.

Э т о л и й ц ы I, 4, 4; I, 4, 6; II, 4, 4; II, 5, 19; II, 6, 5; II, 7, 14; III, 2, 11.

Э т р у с к и I, 8, 3; I, 11, 1; II, 5, 2; II, 6, 7; II, 7, 11.

Э т р у с с к а я в о й н а I, 2, 2; I, 2, 7.

Э т р у с с к и й я з ы к I, 2, 2.

Эфиальт II, 2, 13.

Эфес III, 3, 7; III, 9, 10.

Юба II, 5, 40.

Югурта I, 8, 8; II, 1, 13; II, 4, 10; III, 9, 3; IV, 1, 2.

К. Юлий Цезарь в Галлии II, 3, 18; против кадурков III, 7, 2; против Амбиорикса III, 17, 6; против Ариовиста I, 11, 3; II, 1, 16; IV, 5, 11; против германцев II, 6, 3; у океана II, 13, 11; его легат Лабиен II, 5, 20; при Брундизии I, 5, 5; при Диррахии III, 17, 4; при Палефарсале II, 3, 22; II, 7, 13; IV, 7, 32; в Египте I, 1, 5; против Фарнака II, 2, 3; в Испании против Афрания и Петрея I, 5, 9; I, 8, 9; II, 1, 11; у Илерды II, 5, 38; II, 13, 6;

у Атегуы III, 14, 1; у Мунды II, 8, 13; во время гражданской войны I, 3, 2; усмиряет мятеж легионов I, 9, 4; IV, 5, 2; поскользнулся на корабле I, 12, 2; его изречение IV, 7, 1.

Юлий Цивилис IV, 3, 14.

Децим Юний (Брут) консул (138) IV, 1, 20.

Децим (Юний) Брут в Мутине III, 13, 7; III, 13, 8.

(М. Юний) Брут во время гражданской войны в Македонии IV, 2, 1.

(М.) Юний (Пера) диктатор (216) II, 5, 25.

Юпитер I, 12, 12.

Япиды II, 5, 28.

**ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРИАЛОВ,
ПОМЕЩЕННЫХ в «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»
за 1937 — 1941 гг.**

1937 г.

СТАТЬИ

	<i>стр.</i>
<i>Проф. Ш. Виролло</i> (Париж). Рас-Шамра, или вновь найденная финикийская литература.	78
<i>Проф. Фридрих Грозный</i> (Прага). В пяти советских республиках . . .	14
<i>Проф. Фридрих Грозный</i> (Прага). О «хеттских» иероглифах на стенах Тель-Амара	24
<i>Акад. С. А. Жебелев</i> . «Аристотелева экономика».	114
<i>Проф. К. Ф. Леманн-Гаутт</i> (Иннсбрук). Успехи изучения древней истории за последние 50 лет.	39
<i>Акад. И. И. Мещанинов</i> . Восточное Закавказье времен халдских завоеваний.	66
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> . К истории восстания Спартака в древнем Риме	133
<i>Проф. Дитлеф Нильсен</i> (Копенгаген). Библейская религия в свете новейших археологических раскопок.	94
<i>Н. В. Пигулевская</i> . К вопросу о податной реформе Хосроя Анушерована	143
<i>А. Б. Ранович</i> . Социальная революция в Иудее в 66—73 гг.	126
<i>А. С. Сванидзе</i> . Названия древневосточных богов в грузинских песнях	87
<i>А. С. Сванидзе</i> . Наши задачи	5
<i>Акад. В. В. Струве</i> . Параграфы 34 и 36 хеттского судебного кодекса	33

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. П. Поляков</i> . Обзор содержания журнала «Клио» за 1936 г.	162
<i>А. С. Сванидзе, И. И. Мещанинов</i> . Язык ванской клинописи	155
<i>Р. В. Шмидт</i> . Theodore Cressy Skeat, — The Dorians in Archaeology.	157

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>А. Я. Брюсов</i> . Карельские иероглифы.	169
<i>В. Ф. Гайдукевич</i> . Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове.	216
<i>Л. А. Ельницкий</i> . Новый источник географии древнего Северного Причерноморья.	240
<i>Н. А. Захаров</i> . Вопрос о монетах «неизвестного народа»	262
<i>С. В. Киселев</i> . Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 г.	247
<i>М. Максимова</i> . Античные печати Северного Причерноморья	251
<i>В. Н. Худяков</i> . Мегалитические памятники Кавказа	195

1938 г.

СТАТЬИ

№ журн. стр.

Проф. В. И. Авдиев. Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего царства.	1	45
А. И. Амиранавили. Иберия и римская экспансия в Азии.	4	161
Проф. С. В. Бахрушин. Держава Рюриковичей.	2	88
М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР (К истории у-суней).	3	162
Проф. Б. Грозный (Прага). Об одной интересной «хеттской» иероглифической надписи.	1	23
Проф. Б. Грозный (Прага). Хеттские народы и языки.	2	18
Акад. С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке.	4	13
Д. П. Калистов. Этюды из истории Боспора римского времени.	4	174
К. М. Колобова. Из истории классовой борьбы на Родосе.	2	80
Е. И. Крупнов. Галиатский могильник, как источник по истории алан-оссов.	2	113
М. В. Левченко. Византия и славяне в VI—VII вв.	4	23
Проф. И. М. Лурье. Стоимость раба в древнем Египте.	4	65
Проф. С. Я. Лурье. К организации нотариата в греческой метрополии.	2	66
Проф. С. Я. Лурье. Новое папирусное свидетельство о борьбе за Сигей.	3	88
Н. А. Машикин. Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия.	1	82
З. Мишина. Выступление Максимиана и позиция сената.	3	133
Проф. А. В. Мишулин. Советская историография и задачи древней истории (Передовая).	1	3
Проф. А. В. Мишулин. Миф об Антее у древних авторов.	1	93
Проф. А. В. Мишулин. За передовую науку по древней истории (Передовая).	2	5
Проф. А. В. Мишулин. Неоценимый вклад в марксистскую историческую науку (Передовая).	3	17
Проф. А. В. Мишулин. О наследстве русской науки по древней истории.	3	25
Проф. А. В. Мишулин. Утопический план аграрной Магнезии.	3	92
Проф. А. В. Мишулин. Марксистско-ленинская теория исторического процесса (Передовая).	4	3
Ганс Мюлештейн (Цюрих). Историческое значение вопроса об этрусках.	4	49
Акад. Н. М. Никольский. Проблемы критики библии в советской науке.	1	30
Акад. Н. М. Никольский. Община в Древнем Двуречье.	4	72
Проф. Дитлеф Нильсен (Копенгаген). О древнеарабской культуре и религии.	3	36
О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление ЦК ВКП(б).	3	3
Н. В. Пигулевская. К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии VI в.	3	149
Г. П. Поляков. Витрувий и Август.	4	146
А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы, как исторический источник.	2	127
Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.	2	3
Проф. В. С. Сергеев. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи.	3	117
А. П. Смирнов. О возникновении государства волжских булгар.	2	99
Акад. В. В. Струве. Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг.	1	13
Акад. В. В. Струве. Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э.	4	99
С. П. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии.	1	72
С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит.	4	120
Проф. А. А. Фрейман. Согдийский рукописный документ астрологического содержания (календарь).	2	34
Проф. А. А. Фрейман. К имени согдийского ихшида Гурека.	3	147
В. Н. Худатов. Халды-ураартиты после падения Ванского царства.	2	122
М. А. Шангин. Аттическая свинцовая табличка.	1	101
М. А. Шангин. Некоторые надписи Херсонесского музея.	3	72
Р. В. Шмидт. Античное предание о дорийском переселении.	2	50
И. Якунина. Древняя иранская ткань из собрания Государственного исторического музея.	1	104

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

№ журн. стр.

Проф. В. И. Авдиев. Г. Ранке, «Египетские личные имена»	1	123
Проф. В. И. Авдиев. Раскопки в Мари	2	158
В. Д. Блаватский. Помпейские росписи.	3	226
Проф. М. А. Гремяцкий. Аристотель. О частях животных	3	203
Л. А. Ельницкий. Раскопки в Дура-Эвропос	2	170
Л. А. Ельницкий. Аннотации иностранных журналов за 1937 год	4	229
Издания исторической редакции Союзгиза	2	190
Т. Н. Книпович. Л. М. Славин. Ольвия	3	224
М. М. Кобылина. В. Д. Блаватский, Архитектура древнего Рима	3	227
С. П. Кондратьев. Обзор журнала «Byzantion» за 1931—1937 гг.	4	184
К. Я. Костко. История древнего мира в журнале «Историк-марксист»	2	182
К. Я. Костко. Вопросы древней истории на страницах «Известий Академии Наук СССР»	3	229
К. К. История древнего мира в «Историческом журнале»	2	187
К. История древности в «Советской этнографии»	3	233
Акад. И. Грачковский. Новое пособие в области южно-арабских древностей	2	145
Проф. Н. Кун. М. С. Альтман. «Греческая мифология»	2	180
И. Лурье. И. Л. Снегирев, Ю. П. Францов. «Древний Египет»	3	220
И. Лурье. J. Cerny, «Ostraca hieratiques»	4	222
Проф. С. Лурье. Из истории математики в древности	3	193
Н. А. Машкин. Из литературы о принцепате	1	116
Н. А. Машкин. Эдикты Августа из Киренаики	3	180
Проф. А. Мишулин. Открытие древнейшей цивилизации в долине Инда	1	121
Проф. А. Мишулин. Peuples et civilisations	4	218
Н. М. Новая работа по истории религии	1	125
Проф. Н. И. Новосадский. Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937).	4	200
Обзор иностранных журналов.	1	131
Проф. В. А. Пархоменко. Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова.	3	199
Т. С. Пассек. О дилетантизме в науке	1	129
Г. П. Поляков. К истории витрувианства на Западе и у нас	2	138
А. Ранович. Из литературы о текстах Рас-Шамры	2	150
А. Ранович. Allan Chester Johnson. Roman Egypt to the reign of Diocletian.	4	225
А. Ранович. Papyri Osloenses	4	227
А. Ранович. В. С. Сергеев. Очерки по истории древнего Рима	3	213
Проф. Г. В. Сергеевский. Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. «О сельском хозяйстве».	3	206
А. Смирнов. М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар	3	218
С. Толстов. Л. В. Баженов. Средняя Азия в древний период	2	177
И. И. Умняков. «История» Фахрэддина Мубаракшаха	1	108
И. И. Умняков. Hudud al-Alam.	3	211

ХРОНИКА

А. М. В. Академии Наук СССР и в московских вузах	2	238
Е. А. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг.	4	255
Г. Д. Белов. Новая херсонесская мозаика	3	238
В Институте антропологии МГУ	3	257
М. Воеводский. Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше	2	224
В. В. Гольмстен. Обзор археологических работ в 1937 г.	3	242
Л. Ельницкий. Археологические раскопки в Греции и Восточном Средиземноморье за последние годы	2	194
Изучение древней истории в Институте востоковедения Академии Наук СССР.	3	255
С. Киселев. Саяно-алтайская археологическая экспедиция в 1937 г.	2	237
Е. И. Крупнов. К 50-летию юбилею научной деятельности проф. В. А. Гордцова.	3	236
На сессии ООН АН СССР.	4	259
О плане работ редакции «Вестника древней истории» на 1939 г.	4	265
В. В. Павлов. Египетская скульптурная модель № 2141 из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	4	247

Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища	4	235
Памяти А. И. Малеина.	4	270
М. А. Шангин. Новый географический текст.	4	252
Д. Н. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г.	1	138

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. Д. Блаватский. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг.	2	321
Л. А. Ельницкий. Из исторической географии древней Колхиды	2	307
Л. А. Ельницкий. Кембриджская древняя история	3	276
Акад. С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху.	1	149
Р. К. Зельин. О построении истории эллинизма в «Истории древнего мира» АН СССР.	3	338
Проф. А. Н. Зограф. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II.	2	287
Д. П. Калистов. Этюды из истории Боспора в римский период	2	276
С. В. Киселев. Советская археология Сибири периода металла	1	228
М. М. Кобылина. К изучению искусства древнегреческого города Фанактории.	2	336
Под ред. акад. Н. М. Никольского. Проблемы древней истории Белоруссии	1	164
Акад. Н. М. Никольский. О построении истории древнего Востока	3	314
А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья.	1	244
Т. С. Пассек. Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет	1	261
Г. П. Поляков. Древняя история в «Histoire générale» Г. Глоца	3	261
Прокллий Кесарийский. Тайная история (пер. С. П. Кондратьева)	4	271
С. И. Протасова. История древнего мира в построении Эд. Мейера	3	298
А. Ранович. Религия и атеизм в «Истории древнего мира» АН СССР	3	351
Проф. В. С. Сергеев и Н. А. Машкин. «О построении истории Рима в «Истории древнего мира» АН СССР	3	345
Проф. Г. В. Сергеевский. О построении истории древней Греции в «Истории древнего мира» АН СССР	3	333
А. И. Тереножкин. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии.	1	204
С. А. Токарев. Из истории якутского народа	1	216
С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии	1	176
Акад. А. И. Тюменев. Херсонесские этюды	2	245

1939 г.

СТАТЬИ

Проф. В. И. Авдиев. Военная политика Египта в эпоху Среднего царства	1	34
Проф. В. И. Авдиев. Религиозное оправдание войны в древнеегипетском искусстве.	4	103
О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла.	3	110
А. И. Болтунова (Амиранашвили) — Восстание Аникета.	2	57
А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса	1	121
XVIII съезд ВКП(б) и его историческое значение (Передовая)	1	3
Акад. И. А. Джавахишвили. Основные проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи	4	30
Проф. В. Н. Дьяков. Древняя Таврика до римской оккупации	3	72
Проф. А. П. Дьяконов. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах	4	83
И. М. Дьяконов. Письмо к шумерскому царю Шу-Сину	1	59
И. М. Дьяконов. Амореи.	4	60
С. Т. Еремян. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов	1	79
Акад. С. А. Жебелев. Парфенон в «Парфеноне»	2	47
С. В. Киселев. Незданные надписи енисейских кыргызов	3	124
Е. И. Крупнов. К истории Ингушии	2	77
Проф. С. Я. Лурье. О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты.	1	98
Нафтали Льюис (Нью-Йорк). Из истории римского гнета в Египте	1	19
Акад. Я. А. Манандян. Круговой путь Помпея в Закавказье	4	70

№ журн. стр.

<i>К. Маркс.</i> Хронологические выписки.	2	3
<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> О марксистском учебнике по древней истории	1	11
<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> К изучению восстаний рабов в древней Греции	2	21
<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> Из лаборатории исторических идей Ленина	4	16
<i>Акад. Н. М. Никольский.</i> К вопросу о ренте-налоге в древнем Двуречье	2	68
<i>А. А. Петров.</i> Из истории материалистических идей в древнем Китае	3	49
<i>Н. В. Пигулевская.</i> Сирийский источник VI в. о народах Кавказа	1	107
<i>Б. Б. Пиотровский.</i> Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э.	1	65
<i>Проф. М. Д. Приселков.</i> Русско-византийские отношения IX—XII вв.	3	98
Проблемы марксистского изучения древней истории (Передовая)	3	3
<i>А. Ранович.</i> Маркс об античности	2	15
<i>А. Ранович.</i> Первоначальное христианство и его историческая роль	2	31
<i>О. И. Смирнова.</i> О трех согдийских монетах	1	116
<i>О. И. Смирнова.</i> Новые данные по истории Согда VIII в.	4	97
<i>Акад. Ф. И. Успенский.</i> Значение походов Святослава в Болгарию	4	91
<i>П. Н. Ушаков.</i> Проблема древнейшего населения Малой Азии, Кавказа и Эгеиды.	4	50
<i>Проф. А. А. Фрейман.</i> Древнейшая согдийская надпись	3	135
<i>В. И. Холмогоров.</i> Римская стратегия в IV в. н. э. у Аммиана Марцеллина	3	87
<i>М. А. Шангин.</i> Орывок из неизвестного произведения Остана	3	137
<i>Н. А. Шолто.</i> О времени «введения» календаря в древнем Египте	1	52
<i>Н. А. Шолто.</i> К проблеме «арийского» завоевания древней Индии	3	40
<i>А. Эванс</i> (Лондон). Критское линейное письмо	3	10

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Проф. В. Авишев.</i> Из литературы по древнему Востоку. Г. Дикманс. Экономическая и социальная история древнего Египта. Ж. Капнара. Египет эпохи фараонов. Г. Контенон. Древняя Западная Азия. «Древний Восток». Атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая.	1	134
<i>В. Блаватский.</i> О. Ф. Вальдгауер. Этюды по истории античного портрета.	2	104
<i>Проф. В. Богаевский.</i> Маллы-Дорион (N. Valmin. The Swedish Mesenian expedition).	4	125
<i>И. Б. Д. Греков.</i> Киевская Русь.	4	118
<i>Акад. Н. Державин.</i> «Троян» в «Слове о полку Игореве»	1	159
<i>Л. Ельницкий.</i> А. И. Амиранашвили. Новая находка в низовьях реки Ингура.	3	161
<i>Л. Ельницкий.</i> Аннотации иностранных журналов за 1938 г.	4	133
<i>К. Зельин.</i> Клио. Дриотони Вандье. Египет	1	91
<i>К. Зельин.</i> Л. Деляпорт. Переднеазиатский Восток	2	148
<i>К. Зельин.</i> Н. А. Машкин. История древнего Рима	3	142
<i>А. Золотарев.</i> П. П. Ефименко. Первобытное общество	2	107
<i>А. Золотарев.</i> Э. Б. Тэйлор. Первобытная культура	3	138
<i>В. Кальянов.</i> Артхашастра. Политико-экономический трактат древней Индии.	2	95
<i>К. К.</i> История древнего мира на страницах советских журналов	1	198
<i>К. К.</i> Библиографические заметки.	1	204
<i>К. К.</i> Библиографические заметки.	3	163
<i>С. Кондратьев.</i> Обзор журнала «L'antiquité classique» 1932—1937, т. I—V.	3	151
<i>Л. Е. Новая</i> иностранная литература по древней истории	1	207
<i>Проф. С. Я. Лурье.</i> Новые эпиграфические находки в Афинах	1	155
<i>А. Матве.</i> В. Павлов. Скульптурный портрет в древнем Египте	2	101
<i>А. Окладников.</i> Удачный опыт.	2	119
<i>Проф. В. Пархоменко.</i> К истории державы Рюриковичей.	3	144
<i>Проф. М. Приселков.</i> Русская Правда	3	148
Список иностранных книг, поступивших в 1936—1938 гг. в библиотеки ленинградских учреждений Академии Наук СССР и в Ленинскую библиотеку в Москве.	4	143
<i>А. Тереножкин.</i> Литература по археологии в Узбекистане	1	186
<i>С. Толстов.</i> К вопросу о монетах «Героя»	2	114
<i>И. Умняков.</i> Из литературы об ал-Идриси	1	191
<i>Проф. А. Фрейман.</i> Новая работа по согдийскому календарю	4	124
<i>М. Шангин.</i> XII том русских рукописей из «Каталога астрологических рукописей». Автореферат	1	178

ХРОНИКА

№ журн. стр.

<i>М. Артамонов.</i> Достижения в советской археологии	2	122
<i>О. Бадер.</i> Крупнейшая мусьерская стоянка у Волчьего Грота в Крыму	1	258
<i>А. Н. Бернштам.</i> Археологические работы в Казахстане и Киргизии	4	169
<i>М. Воеводский.</i> Важнейшие открытия советской археологии в 1938 г.	1	248
<i>Б. Граков.</i> Археологические раскопки близ Никополя	1	271
<i>Б. Граков.</i> Николай Иванович Новосадский	2	173
<i>Г. Григорьев.</i> Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент	2	144
<i>Л. Ельницкий.</i> Обзор археологических открытий в области Западного Средиземноморья	1	223
<i>Л. Ельницкий.</i> Обзор археологических открытий в области Испании, Римской Галлии и Британии за последние годы	2	150
<i>Л. Евтюгова и С. Киселев.</i> Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г.	4	159
<i>Акад. С. Жебелев.</i> В. Г. Васильевский в изучении византийских древностей	1	216
<i>А. Збруева и А. Смирнов.</i> Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла (1938—1939 гг.)	4	192
<i>К</i> выходу нового учебника по «Истории древней Греции»	2	174
<i>С. Киселев.</i> Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г.	1	252
<i>М. Кобылина.</i> Открытия в Олинфе	3	200
<i>К. Жостко.</i> В Академии Наук СССР	2	164
<i>Е. Крупнов.</i> Из результатов Северокавказской археологической экспедиции Гос. Исторического музея 1937—1938 гг.	1	264
<i>В. Лисин.</i> Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г.	2	135
<i>Б. Лунин.</i> Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станции Тульской и Даховской близ Майкопа	3	210
<i>С. Макалатия.</i> О находке новогоклада колхидских монет	4	157
<i>Ю. Марти.</i> Научно-исследовательская работа керченского Историко-археологического музея в 1937—1938 гг.	2	129
<i>А. Окладников.</i> Находка неандертальца в Узбекистане	1	256
<i>А. Окладников.</i> Неолитические находки в низовьях Ангары	4	181
<i>Т. Пассек.</i> Трипольская археологическая экспедиция в 1938 г.	1	268
<i>Т. Пассек.</i> Первая научная конференция Института археологии Академии Наук СССР	3	223
<i>Т. Пассек и Б. Безвенелинский.</i> Новые открытия Трипольской археологической экспедиции в 1939 г.	4	186
<i>Г. Поляков.</i> V Конгресс папирологов	2	172
<i>К. Раевский.</i> Научно-исследовательская работа Одесского исторического музея	2	140
<i>С. Толстов.</i> Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии	3	172

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Авиен.</i> Описание морского берега (Испании)	2	227
<i>Аппиан Александрийский.</i> Испано-римские войны (Иберика)	2	265
<i>Б. Т. Горянов.</i> Славянские поселения VI в. и их общественный строй	1	308
<i>Б. Н. Граков.</i> Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии	3	231
<i>Акад. Б. Д. Греков.</i> История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского	1	338
<i>Акад. Н. С. Державин.</i> Об этногенезе древнейших народов Днепровско-дунайского бассейна	1	279
<i>Е. Э. Липшиц.</i> Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв.	1	352
<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> Древние славяне и судьбы Восточноримской империи	1	290
<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> Испания в мифологии и исторических памятниках античности	2	177
<i>Д. Д. Петерс.</i> Вещественные памятники Иберии времен железного века	2	208
<i>Плутарх.</i> Серторий	2	301
<i>Проклорий Кесарийский.</i> О постройках (пер. с греч. С. П. Кондратьева)	4	203
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Анты и Киевская Русь	1	319
<i>Страбон.</i> Описание Иберии	2	238

1940 г.

СТАТЬИ

№ журн. стр.

Проф. Н. П. Грацианский. Система полей у римлян по трактатам земледельцев	1	52
Проф. В. Грозный (Прага). Протоиндийские письмена и их расшифровка	2	15
Проф. В. Грозный (Прага). Доисторические судьбы Передней Азии	3—4	24
Акад. Н. С. Дерюжин. Из истории древнеславянского города	3—4	146
А. Д. Дмитриев. Движение багаудов	3—4	101
Ж. Доссен. Хозяйственные архивы дворца Мари	1	34
Л. И. Думан. Реформы Ван-Мана	1	82
Проф. В. Н. Дьяков. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия	3—4	71
Проф. А. П. Дьяконов. О хронологии первого восстания рабов в Сицилии во II в. до н. э.	3—4	63
Акад. С. А. Жебелев. О «тирании тридцати» в Афинах	1	27
Значение рукописи Маркса. «Формы, предшествующие капиталистическому производству» для истории древности (Передовая)	1	3
Проф. Ю. А. Иванов. Заговор Катилены и его социальная база	1	69
Д. П. Калистов. Политика Августа в Северном Причерноморье	2	65
Ленин и историческая наука (Передовая)	2	3
Проф. С. Я. Лурье. Клифен и Писистратиды	2	45
Акад. Я. А. Манандян. Маршруты понтийского похода Помпея и отступления Митридата в Колхиду	3—4	89
Карл Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству	1	9
Проф. Н. И. Новосадский. Художественное воспитание в древней Греции	2	52
А. Ранович. Первый советский учебник древней истории	3—4	15
Проф. В. С. Сергеев. Принципат Тиберия	2	78
Ю. А. Солодухо. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирана в первой половине VI в. н. э.	3—4	131
П. Н. Ушаков. Эпиграфические памятники Лидии	3—4	46
Ю. Францов. К эволюции древнеегипетских представлений о земле	1	46
Проф. А. А. Фрейман. Согдийский рукописный документ на коже 6B5 из собрания документов с горы Муг	1	99
Н. А. Шолло. К вопросу о древнеегипетских заупокойных статуэтках, именуемых «ушебти»	2	35
Е. М. Штаерман. Гонения на христиан в III в.	2	96
К. Ф. Штепа. Восстания Стоцы	3—4	115
Энгельс и историческая наука (Передовая)	3—4	3

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Бернштам. По поводу переводов С. Киселевым древнетюркских текстов	3—4	209
А. Бернштам. William Montgomery Mc Govern, The Early Empires of Central Asia	3—4	221
А. Бокциани. Новейшие популярные американские курсы древней истории	1	127
А. Вишнякова. Славянская колония VII в. в Вифинии	1	138
В. Горянов. М. В. Левченко. История Византии	3—4	233
И. Дьяконов. А. П. Рифтин. Староавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР	3—4	238
Л. Ельницкий. Обзор иностранных историко-археологических журналов за 1939 г.	2	142
Л. Ельницкий. Из новейшей литературы об этрусках	3—4	215
Н. Залесский. Вновь опубликованное постановление Делосского союза беритских «посейдониастров»	2	123
Проф. К. Зельин. Michigan Parugi	1	122
С. Киселев. В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края	2	131
С. Киселев. Проф. А. В. Арциховский. Введение в археологию	2	132
С. Киселев. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры	2	134
М. Кобылина. В. Д. Блаватский. Архитектура античного мира	2	138
С. Кондратьев. Проф. С. И. Радциг. Античная мифология	3—4	240
С. Кондратьев. Обзор иностранных журналов	3—4	242
Е. Крупнов. Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г.	1	141

Е. Крупнов. Б. Б. П и о т р о в с к и й. Урарту — древнейшее государство Закавказья.	2	139
Проф. И. Кусикян. История борьбы Тиграна II с Римом в новом освещении	3—4	229
И. Ляпушкин. В. В. М а в р о д и н. Славяно-русское население Нижнего Дона и Сев. Кавказа в X—XIV вв.	1	150
Проф. Н. Машикин. Maurice Besnier. L'Empire Romain de l'avènement des Sévères au concil de Nicée	1	135
Обзор иностранных журналов.	1	153
Д. Петерс. Проблема этногенеза населения Иберии (древней Испании)	2	106
Д. Петерс. Проблема этногенеза населения Иберии	3—4	166
Проф. В. И. Пичета. Новое достижение на фронте истории СССР	3—4	160
М. Протасов. Об упорядочении и унификации транскрипции собственных имен и исторических терминов в истории античного мира	1	102
С. Сюзюмов. К вопросу о происхождении слова «Ρῶς, Ρωσία», Россия	2	121
С. Толстов. Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока.	3—4	194
С. Токарев. А. М. З о л о т а р е в, Родовой строй и религия ульчей	1	142
И. Умняков. Тохарская проблема.	3—4	181
Проф. А. Фрейман. Новые работы по древнеперсидским надписям	2	126
Т. Шепунова. The Cambridge Ancient History, t. XII	1	131
Н. Шолпо. Транскрипция древневосточных собственных имен	1	113
В. Шучков. История СССР	2	128
Проф. М. Яковлев. Проф. Н. К. Г у д з и й. История древней русской литературы.	1	146

ХРОНИКА

Г. Бадер. О Мустьерской стоянке у Волчьего Грота	2	198
Г. Белов. Херсонесские рельефы.	3—4	266
А. Бернштам. К исторической топографии Чуйской долины	2	191
Биография академика Сергея Александровича Жебелева и список его печатных трудов.	1	176
В. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг.	3—4	287
М. Воеводский. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г.	2	178
М. Воронец. Археологические исследования Узбекистанского комитета по изучению памятников материальной культуры в 1939 г.	1	207
М. Воронец. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР	3—4	324
В. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритики, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг.	3—4	300
Акад. Б. Греков. Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны	1	173
Я. Гуммель. Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана.	1	209
Проф. Денике. Выставка китайского искусства и новые археологические памятники древнего Китая.	2	172
Проф. Э. Диль. VI Международный археологический съезд в Берлине	1	214
Академик И. А. Джавахишвили.	3—4	377
Л. Ельницкий. Новая надпись Ксеркса	2	168
Л. Ельницкий. О боспорских амфорных клеймах	3—4	318
Е. Ернштедт. Новые достижения в изучении памятников культа Этрурии и Лациума.	1	187
А. Збруева. Коллективное жилище в Прикамье	2	200
Д. Калистов. Роль акад. Сергея Александровича Жебелева в исследовании северного Причерноморья античного времени.	1	168
Б. Кастальский. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I	3—4	339
С. Киселев. Находка античных и византийских монет на Алтае	3—4	360
Е. Крупнов. Глиняная головка «скифа» из Закавказья	3—4	370
Профессор Н. А. Кун.	3—4	379
Б. Лукин. Новые находки золотых подражаний статерам Лисимаха на Кавказе	3—4	357
И. Лурье. К юбилею акад. Николая Михайловича Никольского	3—4	259
Ф. Немченко. Второй том «Всемирной истории»	3—4	371

№ журн. стр.

<i>В. Павлов.</i> Две древнеегипетские портретные головы эпохи Среднего Царства. Из собрания Гос. Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина	3—4	348
<i>А. Пономарев.</i> Куман—половцы.	3—4	366
Приветствие акад. С. А. Жебелеву.	1	160
<i>Профессор В. С. Сергеев.</i>	3—4	380
<i>Л. Славин.</i> Научная конференция археологов, изучающих историю Ук- раины в скифо-сарматский период	1	200
<i>А. Смирнов.</i> Новый сарматский могильник в Воронежской области	3—4	363
<i>И. Снегирев.</i> Древнейшая Индия в свете последних археологических рас- копок.	2	155
Сорокалетие научной и общественно-педагогической деятельности акаде- мика Н. М. Никольского.	3—4	258
Список печатных работ академика профессора Н. М. Никольского	3—4	262
<i>Проф. И. Толстой.</i> Акад. Сергей Александрович Жебелев в развитии рус- ской историографии по античности	1	162
<i>Т. Шенунова.</i> В Академии Наук СССР	2	204

ПРИЛОЖЕНИЯ

Античные писатели о древней Индии.	2	221
<i>Аполлодор.</i> Полиоркетика.	3—4	394
<i>Аноним Византийский.</i> Инструкция по полиоркетике.	3—4	425
<i>Арриан.</i> Индия.	2	230
<i>Афиней.</i> О машинах.	3—4	414
<i>Проф. А. Мишулин.</i> К изучению роли войны и военного производства в древности	1	219
<i>Проф. А. Мишулин.</i> Греческие полиоркетики об искусстве осады городов .	3—4	385
<i>Псевдоарриан.</i> Плавание вокруг Эритрейского моря	2	264
<i>Флавий Вегеций Ренат.</i> Краткое изложение военного дела	1	231

1941 г.

СТАТЬИ

<i>Проф. Р. Ю. Виппер.</i> Возникновение христианства	64
<i>Проф. В. Н. Дьяков.</i> Оккупация Таврики Римом в I в. н. э.	87
<i>М. А. Коростовцев.</i> Из истории V династии в древнем Египте	31
Критику и библиографию на службу исторической науке СССР (Передо- вая).	3
<i>Акад. Н. М. Никольский.</i> Рабство в древнем Двуречье.	45
<i>А. Шультен.</i> Тирсены в Испании (новые данные об иберийском языке) . .	8

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. Волин.</i> К истории древнего Хорезма	192
<i>Julius Junge.</i> Saka-studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild, der Antike	132
<i>И. Дьяконов.</i> Гос. Эрмитаж. Труды отдела истории культуры и искусства Востока, т. I.	117
<i>К. Зельин.</i> «История дипломатии», т. I	98
<i>К. Зельин.</i> F. Cumont, L'Égypte des astrologues	129
<i>С. Киселев.</i> А. Я. Брюсов. История древней Карелии	126
<i>С. Киселев.</i> Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин- ститута истории материальной культуры.	121
<i>И. Лурье.</i> Mélanges Maspero.	138
<i>Акад. И. Мещанинов.</i> Урартские памятники музея Грузии	107
<i>А. Ранович.</i> История философии, т. I	102
Список новых иностранных книг, поступивших в библиотеки Москвы и Ленинграда.	143
<i>Проф. Л. Тарасов.</i> Хрестоматия по античной литературе	136

ХРОНИКА

<i>В. Блаватский.</i> Раскопки в Фанагории в 1940 г.	220
<i>С. Волин.</i> К истории древнего Хорезма	192
<i>С. Еришов.</i> Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи	184
<i>И. Лурье.</i> К проблеме домашнего рабства в древнем Египте	196
<i>Ю. Марти.</i> Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина	198
<i>Т. Пассек.</i> Трипольское поселение у Владимировки	212
<i>С. Толстов.</i> Древности Верхнего Хорезма	155

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> Материалы к истории древних славян	225
<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.	230

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В «ВДИ» № 1(15).

ABSA	— Annual of the British school at Athens
AOF	— Archiv für Orientforschung
BCH	— Bulletin de Correspondance Hellénique
CAH	— Cambridge Ancient History
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
CSCO	— Corpus scriptorum christianorum orientalium
CSHB	— Corpus scriptorum Historiae Byzantinae
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
FHG	— Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. Müller
ЖМПИ	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗВРОАО	— Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИЗ	— Исторические Записки
ИОИФ	— Известия Академии Наук, Отделение истории и философии
JAOS	— Journal of the American Oriental Society
JAs	— Journal Asiatique
JBL	— Journal of Biblical Literature
JEA	— Journal of Egyptian Archaeology
ИГАИМК	— Известия Госуд. Академии истории материальной культуры
ILN	— Illustrated London News
IOSPE	— V. Latyshev, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
ИУзФАН	— Известия Узбекского филиала Академии Наук
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
MGH	— Monumenta Germaniae Historica
РОху	— The Oxyrrhynchos Papyri
RA	— Revue Archéologique
RE	— Pauly — Wissowa — Kroll, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaften
REG	— Revue des études grecques
SMSR	— Studi e materiali di storia delle religioni
SPAW	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
ВВ	— Византийский Временник
ВДИ	— Вестник древней истории
УЗКУ	— Ученые записки Казанского университета
ZAs	— Zeitschrift für Assyriologie
ZAW	— Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

ОГЛАВЛЕНИЕ

Археология и ее роль в развитии советской исторической науки	3
<i>Н. Ф. Дератани.</i> Эсхил и греко-персидская война	9
<i>Проф. А. Дьяконов.</i> Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о сла- вянах VI—VII веков.	20
<i>Акад. Н. М. Никольский.</i> Финикийские общинно-земледельческие культы по тексту Рас-Шамра	35
<i>С. П. Толстов.</i> Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма . . .	60
<i>В. Д. Блаватский.</i> Битва при Фате и греческая тактика IV века до н. э.	101
<i>Л. А. Егтяхова.</i> Древнекитайское здание на Среднем Енисее.	107
<i>А. Смирнов.</i> Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государ- ственного исторического музея	112
<i>Т. В. Бороздина.</i> Раскопки в Чанху-Даро	115

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Проф. С. В. Киселев.</i> Краткие сообщения о докладах и полевых исследовани- ях Института истории материальной культуры	117
<i>Проф. С. В. Киселев.</i> Трипільська культура	121
<i>Б. А. Рыбаков.</i> «Материалы и исследования по археологии СССР»	123
<i>Акад. В. В. Струве.</i> Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту	131
<i>Т. С. Пассек.</i> Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I	141
<i>Проф. Б. Граков.</i> «Ольвия»	158
<i>Проф. С. Протасова.</i> Плутарх, «Избранные биографии»	161
<i>Проф. Б. Граков.</i> А. И. Болтунова. Греческие надписи Армавира	166
<i>В. Блаватский.</i> В. Чепелев. Об античной стадии в истории искусства народов СССР.	168
<i>С. Толстов.</i> «Древние авторы о Средней Азии»	170
<i>С. Толстов.</i> К вопросу о датировке культуры Каунчи	173
<i>С. Киселев.</i> С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана	177
<i>А. Ранович.</i> В. Струве. История древнего Востока	178
<i>Проф. И. И. Толстой.</i> С. И. Радциг. История древнегреческой литературы . . .	183
<i>Проф. С. Я. Лурье.</i> Новые папирусные свидетельства из истории Митилены в начале VI века до н. э.	187
Обзор иностранных журналов	189

Академик Сергей Александрович Жебелев	214
--	-----

Академик Юрий Владимирович Готье	215
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Введение	219
<i>Фронтин.</i> Стратегемы	222
Перечень материалов, помещенных в «ВДИ» за 1937—1941 гг.	307

SOMMAIRE

L'Archéologie et son rôle dans le développement de la science historique.	3
<i>Dératani, N. F.</i> Eschyle et les guerres médiques	9
<i>Diaconov, A. Prof.</i> , Les renseignements de Jean d'Ephèse et des chroniques syriennes relatifs aux Slaves des VI-VII siècles	20
<i>Nicolsky, N. M.</i> , de l'Académie des Sciences, Les cultes agraires phéniciens dans les textes de Ras-Shamra	35
<i>Tolstov, S. P.</i> Les matériaux nouveaux sur l'histoire de la culture de Choroème ancien	60
<i>Blavatsky, V. D.</i> La bataille de Thates et la tactique grecque au IV siècle av. notre ère	101
<i>Jestjuchova, L. A.</i> Un édifice chinois ancien à l'Jénisseï moyen	106
<i>Smirnov, A. P.</i> Un vase oriental provenant du département Molotov dans la collection du Musée Historique de Moscou (acquis en 1941)	112
<i>Borodina, T. V.</i> Les fouilles à Chanhu Daro	115

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

<i>Kissélev, S. V. Prof.</i> , «Les communications brèves» de l'Institut d'Histoire de la Culture Matérielle. Livraison X-me	117
Du même auteur: «La culture de Tripolié», 1940	121
<i>Rybacov, B. A.</i> Matériaux et explorations sur l'archéologie de l'URSS. Livraison VI-me, Léninegrad, 1941	123
<i>Struve, V. V.</i> , de l'Académie des Sciences. B. ³ B. Piotrovsky, «L'Histoire et la Culture de l'Ourartu»	131
<i>Passek, T. I. S.</i> , B. A. Couffine. «Les fouilles archéologiques à Trialetie (Caucase)» vol. I	144
<i>Gracov, B. N. Prof.</i> , «Olbia», vol. I, 1941	158
<i>Protassova, S. I. Prof.</i> , Plutarque, «Biographies choisies», 1941	161
<i>Gracov, B. N. Prof.</i> , A. I. Boltounova, «Inscriptions grecques d'Armavire»	166
<i>Blavatsky, V. D.</i> , V. Tshépélev, «Sur la période antique de l'histoire de l'art des peuples de l'URSS», 1941	168
<i>Tolstov, S. P.</i> «Les auteurs anciens sur l'Asie Centrale». Choix de textes sous la rédaction de L. V. Bagénov. Tashkent, 1940	170
u même auteur: Sur le datement de la culture Kaounč	173
<i>Kissélev, S. V. Prof.</i> , S. P. Tolstov, «La culture ancienne de l'Ouzbékistan», Toms, 1945	177
<i>Ranovitz, A.</i> , V. Struvè, Histoire ancienne de l'Orient	178
<i>Tolstoy, I. I. S. I. Radzig</i> , «Histoire de la littérature grecque», 1940	183
<i>Luria S. J. Prof.</i> , Les données nouvelles papyrologiques sur l'histoire de Miletène au commencement du VI siècle avant notre ère	187
Revue des périodiques	189

S. A. Gébélev 	214
J. V. Gauthier 	215

SUPPLÉMENT

Introduction	219
<i>Frontin.</i> Les Stratagèmes, traduction russe.	222
Index pour tous les volumes de VDI, parus en 1937—1941.	307

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

РИСО АН СССР № 2252. А-05519.
Тип. зак. № 693. Подп. к печ.
7/V 1946 г. Формат бум.
70×108¹/₁₆ Печ. л. 20. Уч.-издат.
32,5. Тираж 10 000.

Набрано в 1-й Образцовой тип.
треста «Полиграфкнига» при Совете
Министров РСФСР.
Москва, Валуевая, 28.

Отпечатано во 2-й типографии
Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10.

Редакционная коллегия

{ Проф. Н. А. Машкин
Проф. А. В. Мишулин (отв. редактор)
Член-корр. АН СССР В. И. Пичета
Проф. А. Б. Ранович (зам. отв. редактора)
Акад. В. В. Струве

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР. Тел. КЗ-75-69.

Цена 30 руб.